

ЕЖЕГОДНИК

*Дома русского зарубежья
имени
Александра Солженицына*

2017

МОСКВА
Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына
2017

Редакционная коллегия

*М.А. Васильева, Н.Ф. Гриценко, О.А. Коростелев,
Т.В. Марченко, М.Ю. Сорокина (отв. секретарь)*

Международный совет

*Корин Амашер (Женева, Швейцария)
Лукаш Бабка (Прага, Чехия)
Всеволод Багно (Санкт-Петербург, Россия)
Стефано Гардзонио (Италия)
Драган Гачич (Белград, Сербия)
Юлия Матвеева (Екатеринбург, Россия)
Миладин Милошевич (Белград, Сербия)
Виктор Москвин (Москва, Россия)
Ивона Анна Ндяй (Ольштын, Польша)
Жорж Нива (Женева, Швейцария)
Юрис Салакс (Рига, Латвия)
Игорь Силантьев (Новосибирск, Россия)
Режина Хелена де Фрейтас Кампос (Белу-Оризонти, Бразилия)
Манфред Шруба (Мюнстер, Германия)*

Ответственный редактор

Н.Ф. Гриценко

Художник

И.И. Антонова

РУССКАЯ ЭМИГРАЦИЯ В СЕРБИИ

А.Б. Арсеньев

ФЕНОМЕН «РУССКОЙ ОПЕРЫ» В НОВИ-САДЕ
(1920–1925)

По численности населения (более 400 тысяч жителей) и как культурный центр Нови-Сад, до конца 1918 г. принадлежавший Австро-Венгерской империи, сегодня занимает второе место в Республике Сербия.

За свою сравнительно короткую историю в городе преобладало сербское население, между тем Нови-Сад отличается этническим и конфессиональным многообразием. Прибывшие сюда добровольно или вследствие проводимой в империи колонизации края, здесь обосновались немцы, венгры, евреи, словаки, чехи, карпатороссы, с юга перекочевали греки и армяне. Благодаря стратегическому положению на торговых сухопутном и водном путях из Центральной Европы в Малую Азию Нови-Сад бурно развивался и в середине XIX в. достиг своего культурного апогея. В 1790 г. в городе была открыта сербская типография, в 1810 г. основана сербская гимназия, с 1824 г. до наших дней издается литературно-общественный журнал, в 1861 г. возник профессиональный Сербский национальный театр, а в 1864 г. из Будапешта в Нови-Сад было перенесено старейшее культурно-просветительское общество Матица сербская. Нови-Сад становится городом крупных землевладельцев, опытных ремесленников, влиятельных политических партий и прессы, учащейся молодежи и богемы — поэтов, живописцев, актеров, публицистов. За городом утверждается слава культурного центра сербов, его называют «Сербскими Афинами». Однако в конце XIX в. значительная часть сербской интеллигенции переезжает в освободившуюся от турок Сербию, в Белград.

Первая мировая война и воссоединение в 1918 г. южнославянских народов в Королевство сербов, хорватов и словенцев, сопровождаемое присоединением к нему обломков южных территорий развалившейся Австро-Венгерской империи, оставили неизгладимый след в истории Нови-Сада, насчитывавшего в те годы до 40 тысяч жителей и к тому времени погрязшего в некоей провинциальной рутине...

В начале 1920-х гг. с юга России на Балканы стали прибывать беженцы. Молодое королевство приняло до 50 тысяч русских. Среди множества русских колоний в стране одной из самых значительных была новисадская, численностью более полутора тысяч человек. Она внесла новую культурную ноту, обогатившую западный дух этого города. Уютная жизнь в многонациональной среде, русофильство состоятельных сербов, близость столицы и соседство со Сремски-Карловцами (в которых разместились чины штаба главнокомандующего Русской армией

и Священный синод Русской православной церкви за рубежом) способствовали тому, что Нови-Сад стал привлекательным местом для временного проживания беженцев.

Государство оказывало эмигрантам материальную помощь, но она была недостаточной и нерегулярной. Русских принимают на государственную службу. Часть интеллигенции сама находит работу по специальности или меняет профессию. Так, например, в Нови-Саде гвардии поручик откроет трактир, подполковник устроится в переплетную мастерскую, полковник займется настройкой роялей, первый косметический салон в городе откроет русская дама, многие будут подрабатывать частными уроками, откроют столовые, мастерские. Частную школу вокала откроет Людмила Беляева-Долинская, бывшая певица императорских театров, балетную школу — Валентина Валина, балерина в Москве и Одессе (в 1922 г. в Нови-Саде у нее было 45 учеников)¹.

Гордостью Нови-Сада и в те годы оставался Национальный театр — как первый сербский профессиональный театр. Его репертуар состоял из исторических пьес и оказывал сильное влияние на национальное сознание народа, содействовал развитию литературы, сохранению чистоты сербского языка. С первых лет своего существования в нем ставились и пьесы с музыкальными номерами. Знаменательным был 1876 г., когда актеры на сцене под аккомпанемент фортепиано пели секстет из оперы «Лючия ди Ламмермур» Доницетти и дуэт Мазетто и Церлины из оперы «Дон Жуан» Моцарта. В 1888 г. исполнялась шуточная пьеса «Мария, дочь полка» с отрывками из одноименной оперы Доницетти. Первая музыкальная комедия в сербском театре Нови-Сада прозвучала в 1891 г. («Гадалка», текст В. Мильковича, музыка Э. Пихерта, регента местного церковного хора), а в 1896 г. в один вечер состоялись премьеры двух оперетт: «Прекрасная Галатhea» Ф. Зуппе и «Свадьба Жанетты» В. Массе. Лишь в 1900 г. с большими купюрами в Нови-Саде была представлена первая опера — «Вольный стрелок» К.М. Вебера. Роли исполняли драматические актеры. В стремлении ставить на своей сцене и оперы театр принял четырех актеров с музыкальным образованием (трех актрис и одного актера). Однако оперные постановки были по-прежнему большой редкостью. До начала Первой мировой войны прозвучали лишь «Оперная репетиция» А. Лорцинга, «Сельская честь» П. Масканьи и две сербские оперы — «На расвете» Станислава Биничкого и «Князь Иво Семберийский» Исидора Байича.

С 1896 по 1928 г. все спектакли шли в новопостроенном здании — театре Дунджерского, богатого серба, который воздвиг на своем участке в самом центре города театр на 600 мест и сдавал его за бесценок сербской театральной труппе.

Уже после Первой мировой войны и перехода театра в государственное ведомство Министерства просвещения Королевства СХС впервые при нем формируется оперная труппа — с солистами, оркестром, хором и скромным балетом.

Главная нагрузка по набору труппы легла на плечи первого дирижера — Хинко Маржинеца (1873–1947), чеха, выпускника Пражской консерватории. Непоседливый молодой и энергичный музыкант четыре года был дирижером в России

¹ Подробно о жизни и деятельности русских в Нови-Саде см.: [Арсеньев 1999].

*Театр Дунджерского в Нови-Саде
(открытка из коллекции Музея Воеводины, Нови-Сад)*

(Одесса, Симферополь, Ставрополь, Тифлис), в 1895 г. вернулся в Австро-Венгрию, некоторое время работал во Франции (Ницца) и довоенной Сербии. В созданной им новисадской оперной труппе дирижировал с перерывом (1920–1921; 1923–1924).

В течение неполных пяти театральных сезонов своего существования (1920/21 — 1924/25) этой труппой было поставлено 17 опер мирового репертуара — Верди, Пуччини, Россини, Масканьи, Леонкавалло, Массне, Гуно, Оффенбаха, Вебера, Сметаны, Чайковского и около тридцати оперетт. Подавляющее большинство солистов труппы (за исключением нескольких чешских и сербских певцов) были русские. Почти весь хор состоял из русских.

Идея основать постоянную оперную труппу возникла у театралов Нови-Сада благодаря частым концертным выступлениям русских оперных певцов, уже в 1919 и 1920 гг. оказавшихся здесь или в Белграде. Пресса отмечала их выступления, которые проходили в самом театре или в залах городских ресторанов и гостиниц:

22 декабря 1919 г. Театр. *Большой концерт русских артистов.* Выступят Татьяна Розова, меццо-сопрано, Андрей Шелков, лирический баритон, и Евгений Марьяшец, бас. В программе оперные арии и романсы Глинки, Даргомыжского, Рубинштейна, Римского-Корсакова, Мусоргского, Аренского, Чайковского, Гречанинова, Рахманинова.

4 января 1920 г. Театр. *Второй концерт русских оперных певцов*: Е. Марьяшец, Т. Розова, А. Шелков. В программе арии из опер Верди, Моцарта, Галлеви, Масканыи, Леонкавалло, Николаи, Чайковского, Бородина.

29 марта 1920 г. Театр. *Русский классический балет в Нови-Саде*. Выступление Марии Юрьевой, Галины Арцибушевой, Елизаветы Козловской и Петра Лени.

30 июля 1920 г. Театр. *Большой русский художественный концерт певцов из Белграда*: Горская, Боголовская, Сибирякова, Петрова, Мельников.

28 августа 1920 г. *Концерт русских артистов*: Ольга Шмидт-Крынская, лирико-колоратурное сопрано, примадонна Киевской оперы. В программе арии из опер «Травиата», «Риголетто», «Гугеноты». За ф-но Алексей Страхов (ученик Н. Римского-Корсакова).

10 сентября 1920 г. Театр. *Концерт оперных арий*: Анна Дориан (меццо-сопрано), Константин Жукович (бас) и др.

8 октября 1920 г. Зал гостиницы «Свобода». *Концерт оперных арий в исполнении Евгения Марьяшеца*.

16 ноября 1920 г. Театр. *Выступление оперных певцов на вечере, посвященном сербским актерам Л. и М. Динич*. Выступили Вера Горская, Василий Ширай, Константин Жукович и Михаил Верон-Волконский.

Публика и местная критика благосклонно и даже с восторгом относилась к этим выступлениям. Газеты отмечали: «Подобные концерты подлинных артистов способствуют быстрому воспитанию и усовершенствованию вкуса нашей публики» [Руски 1920, с. 3]. Посыпались требования принять русских артистов в труппу театра. Беженцы, которые нуждались в средствах и имели некоторый сценический опыт или склонность к сцене, в августе 1920 г. откликнулись на воззвание театра, подали прошения и после прослушивания были зачислены в оперную труппу — солистами, хористами, оркестрантами, корепетиторами-дирижерами. Вторым дирижером труппы стал молодой Ловро Матачич (1899–1985), хорват, впоследствии дирижер с мировым именем. Среди солистов преобладали бывшие артисты оперных театров Москвы, Петербурга, Варшавы, Киева, Одессы, Тифлиса.

Еще до первой оперной премьеры нетерпеливая местная пресса в характерном для тех лет стиле писала о происходящем в театре:

Национальный театр уже не театр. Скорее его можно назвать прибежищем беженцев из разных стран. Тут привольно кочуют беженцы и беженки из России, которым еще и платят, принятые сюда из-за некоего славянского милосердия, дающего им возможность прокормиться, независимо от того, обладают ли они необходимой квалификацией или не обладают [Позориште 1920, с. 3].

На сцене идет репетиция «Вертера»: оркестр, дирижер, солисты, хор, и — он, режиссер. Солисты мучаются, хор мучается, оркестр мучается, дирижер мучается, он же, режиссер — ругает, ругает, ругает. Неожиданно, его грубый голос пересиливает всех: «Внимание! Вы не в баре!» В партере сидит дирек-

ция театра. На сцене стоят сестры Дубские (чешки), несколько русских и хор. У сестер Дубских в головах мысли о тактичных людях на их родине, у русских — свое горе и «отличное» гостеприимство театральной дирекции. И — все молчат. А он, господин режиссер, горланит: «Мы не в баре, не в баре!» Однако именно он и есть тот самый пресловутый Армандо Армиди из Галиции, который совсем недавно сошел со сцены в кафе, он и есть тот, кто со стаканом вина в руках пел в баре, у столиков. А сейчас обижают и ругают, ведет себя как извозчик с людьми, посвятившими себя искусству, с жалкими беженцами, которых голод заставил выйти на сцену [Иза кулиса 1920, с. 3].

Опера наша (еще только в зачатке) кишит иностранцами и иностранками. Придя туда, не знаете, что они поют и в чем там дело. Поют на всевозможных языках, вернее, на испорченном сербском, с наречиями всех европейских языков [Суботић К. 1920, с. 3].

Как и в Белграде тех лет, в Нови-Саде оперы исполнялись на сербском языке, который русским давался с трудом. Остроумное высказывание одного из критиков, будто в Белграде итальянские оперы поются на церковнославянском языке, вероятно, применимо и к ситуации, царившей в Нови-Саде.

Новисадская премьера «Вертера» состоялась 17 ноября 1920 г., главные мужские роли в спектакле исполняли русские солисты: тенор Исаак Армиди (Вертер), баритон Михаил Верон-Волконский (Альберт), баритон Василий Ширай (Судья) и бас Павел Фигуровский (Шмидт).

В первом оперном сезоне 1920/21 г. были поставлены также оперы «Сельская честь», «Тоска», «Трубадур», «Мадам Баттерфляй», «Проданная невеста», «Джамиле» и «Кармен», сольные партии в которых исполняли русские певцы: В. Горская, Л. Казамарова, В. Сибирякова, М. Шевченко, Е. Энгельгардт, И. Армиди, М. Верон, В. Григорьев, К. Жукович, С. Николаевич (Коровников), И. Павлов, А. Троснянский, П. Фигуровский, В. Ширай; в следующих сезонах — Н. Архипова, А. Флегинская, А. Борисов, Н. Баранов и Е. Марьяшец, а гастролерами из Белграда выступали: Е. Вальяни, Н. Волевач, А. Дориан, С. Драусаль, Е. Мышецкая, Е. Попова, К. Роговская, Н. Гукасов, М. Марков, П. Холодков, Г. Юренев. В балетных номерах по собственной хореографии танцевали В. Валина, В. Глазунова и В. Карнецкий, дирижировали — П. Колпиков и Ф. Селинский, оперными режиссерами были И. Армиди, Я. Осипович (Шувалов), А. Верещагин и Е. Марьяшец.

Восстановить биографии и дальнейшие артистические карьеры новисадских солистов оперы трудно. Характерно, что среди них были офицеры и юристы, которые одновременно учились пению (В. Григорьев, князь М. Волконский, барон В. Дервиз, С. Коровников, В. Ширай). Любопытные факты сообщила нам дочь оперного певца Василия Ширая:

Я, по всей вероятности, очень Вас огорчу, т. к. ничего не могу сказать про папину артистическую карьеру. Он стал оперным певцом совершенно случайно, и вот каким образом. В нашей семье, как и во всех хороших семьях до революции, оперная карьера была невозможной, т. е. редкие были люди-дворя-

не, которые делались артистами. Папин отец был гвардейским офицером, и жили они в Петербурге. Мой папа окончил юридический факультет в Петербурге и пошел по этой дороге до самой эмиграции. Но помимо университета он учился пению в консерватории. Наша семья была очень музыкальной. Все играли на рояле, в том числе и папа, но, кроме того, у него был хороший голос. Попад в Сербию, не зная языка, он своих юридических знаний использовать не мог, но зато голос, знание музыки и оперы дали ему идею это использовать, и таким образом он очутился в Нови-Саде в опере. Пробыл он там недолго и скоро уехал с мамой за границу, а я осталась в русском девичьем институте, пока они разъезжали по Европе. Обосновавшись в Париже, мой отец никогда больше не занимался пением².

Сохранился документ, свидетельствующий об участии русских в становлении оперы и оперетты в Нови-Саде. В 1925/26 г. хор труппы составляли исключительно русские: Елизавета Равская, Ксения Муравцева, Ольга Тургенева, Антонина Трегубова, Мария Шевченко, Александра Флегинская, Евгения Энгельгардт, Елена Эрдман, Николай Аплечеев, Сергей Вендерович, Валериан Калинин, Николай Мельников, Даниил Таран, Сергей Федоров, Григорий Янышев [Годишњак 1926, с. 8]. До и после этого сезона хористами были и Мария Галилеева, Лидия Казамарова, Валентина Калинина, Маргарита Морис, Елизавета Пестова, Мария Соболева, Матильда Стеблина, Николай Баранников, Алексей Борисов, Александр Смоленский, Павел Фигуровский. Некоторые из хористов часто исполняли и сольные партии в спектаклях. Любопытное свидетельство о русском оперном хоре оставила Мария Федоровна Шевченко, в замужестве Ванифатова, одна из хористок:

Наш хор тогда был маленьким, всего 16 членов. Но все были отличными певцами, музыкальными, с красивыми голосами. Я пела первое сопрано. Моя первая плата составляла 600 динар в месяц, позднее — 1500 динар. А после того как я стала исполнять и маленькие сольные роли, какими были Анина в «Травиате» или Цыганка в оперетте «Графиня Марица», плату мне повысили на 2000. В здании театра рабочие помещения были тесными, репетиции хора и солистов происходили на этаже одного дома по ул. Футошка, а позднее в здании во дворе по ул. Негоша, рядом с мастерской стеганых одеял. Во время спектакля мы сидели в миниатюрных и неудобных театральных гардеробных. В перерывах хористы вязали или играли в карты, хотя дирижер Федор Селинский нам это воспрещал. Но на работе мы были дисциплинированными, ладили между собой, жили как одна семья. Труппа ездила и на гастроли, в Сомбор, Бечей, Суботицу, Руму и другие города. При плачевных командировочных.

Однажды хору не выплатили пособия, и мы решили не пойти на спектакль одной оперетты. Нашлись такие, которые испугались, и спектакль прошел с штрейкбрехерами. На следующий день нас обвинили в забастовке и пригрозили увольнением. В наказание мы не получили месячный оклад. Од-

² Письмо Нины Васильевны Ширай-Гоше автору от 25 февраля 1994 г. — собрание автора.

нако дирекция театра разрешила нам устроить один спектакль в нашу пользу. Из Белграда мы пригласили обожаемую новисадцами певицу Лизу Попову. Она выступила в «Тоске» или «Мадам Баттерфляй». Так был урегулирован этот конфликт.

Меня и моих подруг Трегубову и Тургеневу приглашали в Белградскую оперу, но у мужа была служба в Нови-Саде, и я не покинула этот город. Уехала одна Тургенева, которая в столице дождалась своей пенсии [Поповић 1982, с. 232–233].

К достижениям русских артистов, а также к похвальным отзывам о них в прессе мы еще вернемся. Здесь следует отметить, что в самом начале первого оперного сезона сыпались упреки в адрес дирекции театра. Так, в газете «Застава» была опубликована заметка, озаглавленная «Русские артисты среди нас». В тексте, в частности, говорилось:

В нашей среде находится достаточное число русских беженцев. В наших, не особенно благоприятных художественных обстоятельствах это имеет большое значение, так как русские способствуют тому, чтобы наши жалкие условия изменились к лучшему. А как мы относимся к этим артистам? Вместо того чтобы принять их, оказать им поддержку, дать им возможность продемонстрировать свое искусство, а нам предоставить наслаждаться искусством и содействовать развитию нашей культурной жизни, — мы стоим у них на пути, не даем возможности выступать. Такими, например, являются г. Жукович, известный и первоклассный бас, и г. Григорьев, отличный тенор. Но они не могут показать свой талант в более крупных ролях. Руководство их игнорирует. Не понимаем, почему оно не учитывает наличие этих первоклассных художественных сил. Если мы хотим, чтобы наш театр двигался вперед, мы в нем должны собрать подлинных артистов [Суботић 1920, с. 3].

Не обошлось и без профессиональной зависти и конкуренции. В июле 1921 г. на съезде югославских артистов театра была принята резолюция, 5-й пункт которой гласил:

По вопросу принятия на работу в наши театры иностранцев собрание просит господина министра просвещения отдать приказ всем дирекциям театров в стране, согласно которому иностранные поданные, актеры и актрисы, певцы и певицы, не могли бы получать ангажементы с гонорарами, превышающими плату местных артистов. И далее: их гастроли в общей сложности не могут длиться более тридцати дней в год. Причины этих необходимых распоряжений заключаются в том, что подданные этой страны, помимо обязанности по отношению к своей стране, оказываются недооцененными за счет иностранцев в художественном и материальном отношениях [Конгрес 1921, с. 2].

В Белградской опере также преобладали русские оперные солисты и хористы. Перед началом сезона 1921/22 г. сербский композитор и музыковед Милое Ми-

лоевич (1884–1946) выступил в центральной столичной газете со знаменательной статьей — упреками в адрес дирекции Оперы и к русским певцам, озаглавив ее «Русские и вопрос нашей Оперы». В ней он писал:

Я обещал разъяснить, почему считаю, что благодаря революции в России мы *не имеем* собственной Оперы в Белграде. <...> Несомненно, русским мы должны быть благодарны за неисчислимые минуты высоких художественных переживаний. Но без них мы бы уже имели наших людей в Опере. Когда я заявляю, что благодаря революции в России мы *не имеем* Оперы в Белграде, я не говорю, что Россия нам прислала посредственных, плохих артистов. Напротив — среди них есть великолепные певцы, настолько отличные, что наша дирекция, возможно, в замешательстве, как правильно поступить. Однако она забыла свою роль. В интересах дальнейшего существования Оперы действительно надо было принять русских певцов, помочь им, беженцам, но одновременно местную талантливую молодежь надо направлять на усовершенствование. Дирекция этого не делает. В этом ее вина, а посредственно вина и этих отличных русских. Именно потому, что они такие хорошие. Есть у русских одно обстоятельство, «усугубляющее их вину»: именно лучшие из них заслуживают укора. Что они сделали для нашей культуры, помимо того что на многочисленных вечерах великолепно пели? Я считаю, они мало сделали для нашей культуры! Всем известно, что в оперной труппе царит раздвоение, обособленность, зависть. Как более опытным, русским следовало бы подучить тех, кому помощь необходима. Не смотреть на нас свысока. В русской газете «Общее дело» (Париж) было опубликовано их высказывание о себе как «носителях музыкальной культуры, так как Белград до недавнего времени был *музыкальной пустыней с редкими оазисами*». <...> Подобно тому как русские, французы и любые народы имеют право в своей стране бороться за собственное культурное существование, так и мы, югославы, имеем на это право [Милојевић 1921, с. 1–2].

С другой стороны, видный историк Белградской оперы Бранко Драгутинович (1903–1971) в своем историческом очерке о ней отметил огромный культурный вклад русских солистов, корепетиторов, дирижеров, хормейстеров, оперных постановщиков. В частности, он писал:

Прибыв из России после Октябрьской революции со сцен императорских оперных театров, русские принесли нам исполнительский стиль, основывающийся на принципах итальянской оперной эстетики (преобладание пения над игрой). Стиль, который гармонировал с традиционными оперными постановками и прозрачной *al fresco* музыкальной трактовкой. В этом стиле они, в особенности в русском и итальянском репертуаре, исполняли роли на высоком художественном уровне [Драгутиновић 1968, с. 132].

Возвращаясь к нашей теме, отметим, что в новисадском Национальном театре существовало соперничество по привлечению публики между постановками дра-

матической и оперной трупп, да и дирекция театра имела разногласия по поводу репертуарного соотношения постановок опер и оперетт и количества этих спектаклей, данных в сезоне. Оперетта приносила больший доход. Спустя полгода работы Оперы новисадский театральный обозреватель Йован Хранилович в статье «Наша опера» отметил, что за этот период было подготовлено всего шесть новых постановок — три оперы и три оперетты:

Публике необходимо прививать интерес к опере, воспитывать ее в этом направлении. К сожалению, и «Вертер», и «Тоска» не смогли завоевать симпатии нашей широкой публики. Обе эти оперы все еще не подходят к нашим нынешним условиям. Надо было начать с более приемлемых опер, мелодии которых нашей публике уже знакомы, такими как «Кармен», «Сказки Гофмана», «Проданная невеста». Так получилось, что в середине первого оперного сезона наблюдаются два контраста: публике преподносятся либо непонятные ей оперы, либо давно изжившие себя оперетты. В начале сезона мы с радостью приняли обещание дирекции театра, что оперетт не будет, по крайней мере «износившихся», в прошлые годы уже всем надоевших, мелодии которых насвистывали подмастерья ремесленников. Таких оперетт мы наслушались, когда в них пели преимущественно артисты драмы, пока наш театр не располагал внушительным оперным ансамблем и собственным оркестром с двумя дирижерами [Храниловић 1921, с. 3].

Перед началом второго оперного сезона 1921/22 г. в состав новисадской труппы входили восемь солистов-мужчин и пять женщин, а число хористов варьировалось от 24 до 34 человек. Балетные партии исполняли всего два артиста [Стојковић 1961, с. 414]. Театр наметил подготовить четыре оперные и две опереттные премьеры, однако уже в августе труппа осталась без директора и первого дирижера (по распоряжению Министерства культуры Хинко Маржинец был направлен в боснийский город Тузлу), а второй дирижер — Ловро Матачич — уехал в Любляну. Русские оперные солисты также стали разъезжаться: в августе 1921 г. Константин Жукович уехал в Италию, в феврале 1922 г. Марк Марков перекочевал в Белград, где начал преподавать вокал в музыкальной школе им. Станковича, в марте 1922 г. Михаил Верон-Волконский подписал ангажемент с оперным театром в Любляне, в мае 1922 г. Вера Горская уехала в Загреб, получив там возможность заняться педагогической деятельностью в музыкальном училище, в феврале 1923 г. труппу покинул и Василий Ширай. Дирижер Петр Колпиков в ноябре 1922 г. подал в отставку из-за разногласий с театральной дирекцией, но перед своим отъездом в Белград все-таки еще некоторое время оставался в Нови-Саде.

Между дирекцией театра в Нови-Саде и Министерством культуры в Белграде возникли трения по материальным и репертуарным вопросам. Почти ежегодно, а порой и чаще, назначался новый директор театра. Лучших драматических артистов из Нови-Сада переводили в Белград. Ощущалась нехватка профессиональных кадров. На сцене шли затасканные пьесы легкого жанра. Зал пустел. Театральную кассу в значительном объеме пополняли оперы. Так, во втором оперном

сезоне 1921/22 г. «Тоска» шла 13 раз, «Сельская честь» — 11, «Трубадур» — 17, «Вертер» — 4, «Мадам Баттерфляй» — 6, «Проданная невеста» — 15, «Кармен» — 9, «Фауст» — 8 раз [Попович 1982, с. 185–186]. Случалось, оперные спектакли шли каждый второй-третий день. Журналист Озрен Суботич с радостью подытожил конец второго оперного сезона в Нови-Саде:

Наши молодые опера и оперетта блестяще сдали экзамены. Без собственного оркестра, без достаточного количества партитур, чаще всего с одними переложениями для пения с фортепиано, наши дирижеры содействовали тому, что опера и оперетта глубоко пустили у нас корни [Суботић 1922, с. 3].

Однако 13 июля 1922 г. театр возглавил актер-комик Брана Цветкович, у которого в фаворе оказалась не опера, а оперетта. Оперу он отодвинул на второй план и даже увольнял оперных солистов. Против Цветковича поднялась волна протестов в обществе и прессе. Долго он не продержался.

«Эксплуатация» оперно-опереточной труппы в интересах материальной прибыли вызвала пресыщение у публики. Театральный зал уже не всегда бывал полным. Мало помогли и гастроли оперных солистов из Белграда. В 1923 г. в газетах от дирекции театра требовалось поставить какую-нибудь русскую оперу (упомянута «Пиковая дама»), так как в труппе для этого имелись отличные солисты. Дирекцию упрекали, в частности, в том, что она следит лишь за репертуаром в Вене [Суботић 1923, с. 3].

В сентябре 1923 г. директором театра был назначен Бранислав-Брана Войнович. При нем восстановились и уравнились постановки обоих музыкальных жанров.

Из-за недостаточного государственного субсидирования оперной труппы каждый театральный сезон в Нови-Саде приносил убытки. Дополнительные средства требовались от городского магистрата. В мае 1924 г. директор Б. Войнович предложил от каждого проданного в городе кинобилета выделять по динару на помощь Оперу, а также взимать налог — также по одному динару — с посетителей ресторанов, которые там оставались после 22:00 [Милановић 1998, с. 7].

На исходе четвертого театрального сезона журналист О. Суботич отметил, что последний оперный спектакль («Тоска») прошел при переполненном зале, и с обидой продолжал:

Эх, кабы нам удалось сохранить наших отличных певцов — уехавших Николаевича, Григорьева, Троснянского, Ширая и др., гениального Матачича! Наряду с сегодня оставшимися солистами и дирижерами, при гастролях солистов из Белграда наша опера и оперетта повысили бы престиж нашего города! [Суботић 1924, с. 3].

В начале пятого сезона 1924/25 г. из-за ремонта здания театра Дунджерского пару месяцев спектакли шли в залах гостиниц и ресторанов. В сентябре 1924 г.

оперную труппу пополнили новые русские солисты: Елена Ловшинская, Евгений Марьяшец и Нарцис Гукасов.

Вскоре театр постиг очередной удар: распоряжением министра просвещения в начале театрального сезона 1925/26 г. были упразднены оперные труппы при областных театрах страны, включая и новисадский Национальный театр. Однако постановки опер и оперетт в Нови-Саде продолжались. В декабре 1926 г. подобным распоряжением министра были расторгнуты ангажементы опереточных артистов в Нови-Саде. Тем не менее они остались работать до мая 1927 г., на «кооперативной основе».

После премьеры (25 марта 1927 г.) оперетты «Кло-Кло» Ф. Легара, которой дирижировал Ф. Селинский, публика не только восторженно приветствовала исполнителей, но и криками протестовала распоряжение из Белграда об упразднении оперетты. Перед этим протестом новисадские поклонники данного жанра 13 марта в Аэроклубе организовали конференцию, итогом которой стало создание Комитета по спасению оперетты в Нови-Саде. Была собрана значительная сумма, а для продолжения работы музыкальной труппы директор театра разрешил ей безвозмездно пользоваться зданием, костюмами и декорациями. Таким образом, до конца сезона состоялись показы еще пяти оперетт. В них принимали участие и оставшиеся в труппе русские солисты и хористы. Однако после гастролей в нескольких городах труппа распалась. Часть артистов ушла в Белградскую оперетту, некоторые перешли в драматическую труппу театра, большинство русских покинуло сцену [Веснић 1961, с. 304].

Сохранились сведения о количестве представлений, данных в сезоне 1926/27 г. в Нови-Саде: 15 оперных, 113 опереточных и 153 драматических [Годишњак 1927, с. 8].

После небольшого перерыва 21 января 1928 г. снова была поставлена опера «Тоска». Рецензент газеты «Застава» отмечал:

Этот вечер подтвердил, насколько новисадская публика любит посещать оперные спектакли. Театральный зал был переполнен — ни одного свободного места. Помимо наших членов труппы, в спектакле приняли участие солисты из Белграда. Из-за недостаточного числа хористов хор был слабым, а оркестр, который состоит из одних военных музыкантов, необходимо пополнить. Однако нашу публику удовлетворяют и такие оперные постановки. Она ждет исполнения новых опер [Суботић 1928, с. 2].

Увы, 23 января 1928 г. в Нови-Саде случился пожар, в результате которого дотла сгорело здание театра Дунджерского вместе с костюмами, декорациями и архивом. А 30 мая 1928 г. министр просвещения отдал приказ о слиянии двух театров, Нови-Сада и Осиека, в один — Областной осиекско-новисадский театр с центром в третьем городе — Суботице. Объединенная труппа стала кочевать по городам северного и центрального регионов Сербии. Большинство русских солистов разъехалось по другим театрам либо завершило свою карьеру. Так же обстояли дела с хористами и дирижерами. Стоит отметить, что новый Областной

театр (Национальный театр Северной области, с апреля 1936 г. — Национальный театр Дунайской области) сохранил скромную опереточную труппу, в которой видное положение заняли супруги, оперные певцы Надежда Архипова и Николай Баранов. Архипова нередко выступала в ней и как дирижер. До начала войны на Балканах (6 апреля 1941 г.) и расчленения Королевства Югославия в Нови-Саде были поставлены лишь три камерные оперы: «Четыре грубияна» Вольфа-Феррари, «Аптекарь» Гайдна и «Служанка-госпожа» Перголези.

Вспоминая годы становления Оперы в Белграде в 1920-е гг., композитор и дирижер Миленко Живкович (1901–1964) в 1935 г. отмечал:

При создании нашей оперы после Великой войны³ русские внесли огромный вклад, и без преувеличения можно сказать, в артистическом отношении они заложили крепкий фундамент нашего оперного искусства. Они ознакомили нас с достижениями богатой оперной традиции. Русские артисты проявили деятельность в двух направлениях: привили свой реалистический стиль режиссуры и продемонстрировали нашим молодым силам свой богатый актерский и певческий опыт, содержащий специфические черты мощной художественной выразительности. Роль русских в нашей среде подобна той, которую итальянцы играли в российской художественной жизни до XIX века [Живковић 1935, с. 8].

Так было в Белграде. Подобное можно сказать и об Опере при новисадском Национальном театре в 1920–1925 гг.

После окончания Второй мировой войны при Воеводинском национальном театре в Нови-Саде (с 1951 г. — Сербский национальный театр) создались благоприятные условия для образования постоянного оперного ансамбля, который существует и в наши дни. Отметим, что среди первых участников хора было несколько русских эмигрантов: Вера Васильевна Костриченко, Григорий Моисеевич Пальчик, Вера Данильченко, Сергей Иванович Шереметинский. Первым директором труппы стал Владо Попович, оперный певец (баритон), ученик Надежды Архиповой и Николая Баранова. Первой постановкой труппы была «Травиата» (премьера состоялась 16 ноября 1947 г.) [Поповић 1982, с. 228; Еберст 1998, с. 11]. Основателем балетной труппы в Нови-Саде (1950) стала белградская прима, балерина Марина Михайловна Оленина (1897, Москва — 1963, Белград), племянница (по материнской линии) К.С. Станиславского. Первым балетом в Нови-Саде в ее хореографии была «Шехерезада» (премьера состоялась 25 мая 1950 г.). В разные годы хореографами работали русские эмигранты и их потомки: Людмила Костина, Лидия Пилипенко и Владимир Логунов, танцевали Елена Андреева, Александра Баранковская, Светлана Донскова, Надежда Калиновская, Татьяна Витюк, Константин Лашков, Борис Поплавский [Крчмар 2004, с. 6 и др.].

³ Первой оперой, поставленной в Белграде при Королевском сербском национальном театре, была «Трубадур», премьера которой состоялась 24 апреля 1913 г., постановщик — А.И. Андреев, декорации В.В. Балужека (см.: [Тураков 2005, с. 11]).

ВЫСТУПЛЕНИЯ РУССКИХ ОПЕРНЫХ ПЕВЦОВ
В НОВИ-САДЕ (1920–1925 гг.)

На основании сохранившихся трудов историков театра (см.: [Volk 1992]), прессы тех лет и свидетельств современников нам удалось реконструировать участие русских артистов в оперных постановках новисадского Национального театра, а также их участие в концертах, устраиваемых в Нови-Саде в период становления Оперы. Помимо русских солистов и хористов, в составе оркестра были: Федор Георгиевич Селинский, Николай Александрович Книговский, Сергей Петрович Вороницын; среди технического персонала был Мартин Павлович Чипликов; декоратором — Сергей Евгеньевич Туркин; суфлером — Николай Васильевич Мельников; чиновником администрации — Алексей Эрастович Генц.

Опера:

Ж. Массне. «Вертер» (премьера 13 октября 1920).

Режиссер: Исаак Армиди

Вертер: Исаак Армиди; Виктор Григорьев; гастрологи: Марк Марков

Альберт: Михаил Верон

Судья: Василий Ширай

Шмидт: Павел Фигуровский

Иоганн: Андрей Баранников

П. Масканы. «Сельская честь» (премьера 24 ноября 1920).

Сантуцца: Надежда Архипова

Лючия: Вера Горская

Альфио: Василий Ширай, Николай Баранов

Дж. Пуччини. «Тоска» (премьера 30 декабря 1920).

Тоска: Ксения Роговская (гастроли)

Каварадосси: В. Григорьев; гастрологи: И. Армиди; М. Марков; Н. Гукасов

Барон Скарпия: М. Верон; В. Ширай; Н. Баранов; гастрологи: Г. Юренев

Ризничий: Василий Ширай

Скьяроне: Александр Борисов

Дж. Верди. «Трубадур» (премьера 17 февраля 1921).

Леонора: Варвара Сибирякова

Ацучена: Вера Горская; гастрологи: Евгения Вальяни

Манрико: Виктор Григорьев; гастрологи: Марк Марков

Граф ди Луна: М. Верон; В. Ширай; А. Троснянский; гастрологи: Г. Юренев

Руис: Павел Фигуровский

Старый цыган: Иван Павлов

Дж. Пуччини. «Мадам Баттерфляй» (премьера 22 марта 1921).

Чио-Чио-Сан: гастрологи: Елизавета Попова

Пинкертон: Виктор Григорьев

Шарплес: Михаил Верон; Василий Ширай

Судзуки: Вера Горская

Б. Сметана. «Проданная невеста» (премьера 26 апреля 1921).

Миха: Василий Ширай

Гата: Вера Горская
Кецал: Сергей Николаевич
(Эпизодическая роль): Лидия Казамадова
Танцовщица: Валентина Валина
Танцовщик: Владислав Карнецкий.

Ж. Бизе. «Джамиле» (премьеры 26 мая 1921).
(Солисты не установлены)

Ж. Бизе. «Кармен» (премьеры 5 июля 1921).

Кармен: Вера Горская; гастролы: Екатерина Мышецкая; Евгения Вальяни
Дон Хозе: Виктор Григорьев; гастролы: Марк Марков; Дмитрий Радецкий
Эскамильо: Александр Троснянский
Ремендадо: Павел Фигуровский
Цунига: Сергей Николаевич
Моралес: Василий Ширай
(Эпизодическая роль): Лидия Казамадова
Танцовщица: Валентина Валина

Ш. Гуно. «Фауст» (премьеры 9 ноября 1921).

Фауст: Виктор Григорьев
Маргарита: Елизавета Попова (гастролы)
Мефистофель: Сергей Николаевич
Марта: Вера Горская
Валентин: Михаил Верон
Брандер: Василий Ширай
Балетное выступление: Валентина Валина

И. Зайц. «Никола Шубич-Зрински» (премьеры 24 ноября 1921).

Мехмед Соколович: А. Троснянский; Николай Баранов; Марк Марков
Али Портук: Василий Ширай
Елена: Надежда Архипова
Ибрагим Берлер-бег: Павел Фигуровский
Леви, врач: Михаил Верон, Василий Ширай
Тимордон: Сергей Николаевич
Соколица: Мария Шевченко
Мейра: Ирина Попова
(Неустановленная роль): Вера Горская
Первая фея: Елизавета Энгельгардт
Третья фея: Мария Шевченко

Р. Леонкавалло. «Паяцы» (премьеры 20 февраля 1922).

Режиссер: Яков Осипович
Канио: Василий Григорьев
Недда: гастролы: Елизавета Попова
Тонио: Александр Троснянский, Василий Ширай

К. М. Вебер. «Вольный стрелок» (премьеры 1 мая 1922).
(Солисты не установлены)

Дж. Верди. «Травиата» (премьеры 28 июня 1922).

Виолетта: Надежда Архипова
Альфред: Виктор Григорьев; Василий Ширай

Жорж Жермон: Александр Троснянский; Николай Баранов

Барон Дюфоль: Василий Ширай

Флора: Ольга Тургенева

Аннина: Мария Шевченко

Маркиз д'Обиньи: Валериан Калинин

Виконт Гастон: Николай Мельников

Жозеф: Даниил Таран; Сергей Федоров

Слуга Флоры: Иван Павлов; Григорий Янышев

Дж. Верди. «Риголетто» (премьера 7 февраля 1923).

Дирижер: Павел Колпиков

Герцог Мантуанский: Василий Ширай

Риголетто: Николай Баранов; гастрологи: Георгий Юренев

Джильда: Надежда Архипова; гастрологи: Неонила Волевач

Граф Монтероне: Василий Ширай

Маддалена: Людмила Казамарова

Графиня Чепрано: Ольга Тургенева

Борса: Павел Фигуровский

Паж: Елизавета Равская

Офицер: Иван Павлов

Ж. Оффенбах. «Сказки Гофмана» (премьера 25 марта 1924).

Линдорф, Коппелиус, Миракль: Н. Баранов; гастрологи: Георгий Юренев

Олимпия: Надежда Архипова

Шлемиль: Александр Борисов

Дапертутто: гастрологи: Георгий Юренев

Лютер: Александр Борисов

П. Чайковский. «Евгений Онегин» (премьера 8 октября 1924).

Режиссер: Евгений Марьяшец

Дирижер: Федор Селинский

Онегин: Николай Баранов; гастрологи: Александр Балабан

Татьяна: Елена Ловшинская; гастрологи: Елизавета Попова

Ленский: Наркис Гукасов

Няня: Вера Горская

Князь Гремин: Евгений Марьяшец

Дж. Россини. «Севильский цирюльник» (премьера 29 октября 1924).

Режиссер: Евгений Марьяшец

Дирижер: Петр Колпиков

Фигаро: Николай Баранов; гастрологи: Александр Балабан

Розина: Надежда Архипова; гастрологи: София Драусаль; Неонила Волевач

Дон Базилио: Евгений Марьяшец

Берта: Елизавета Равская

Офицер: Сергей Вендерович

Оперетта:

С. Альбини. «Барон Тренк» (20.09.1920).

Алла Вунья: Василий Ширай

- Ф. Эрве. «Мадемуазель Нитуш»** (27.10.1920; 6.09.1925).
Лидия: Ольга Тургенева
Жумблетта: Елизавета Равская
Сильвия: Ксения Муравцева
- Ф. Легар. «Граф Люксембург»** (премьера 17 сентября 1921).
Дирижер: Федор Селинский
Анжель Дидье: гастрологи: Екатерина Мышецкая
Граф Люксембург: Марк Марков; гастрологи: Александр Балабан
Пелегрин: Павел Фигуровский
Люзетта: Ирина Попова
Жоржетта: Александра Флегинская
Нина: Елизавета Пестова
Бланш: Матильда Стеблина
София: Ольга Тургенева
- И. Штраус. «Летучая мышь»** (11 ноября 1921).
Розалинда: Надежда Архипова
Айзенштейн: Николай Баранов
Доктор Фальке: Михаил Верон; Сергей Николаевич
Али-бей: Василий Краснов; Иван Павлов
Медей: Даниил Таран
Мелания: Ирина Попова; Ольга Тургенева
Наталия: Надежда Липсицкая
Хермина: Мария Шевченко
Феличита: Елизавета Равская
Танцовщица: Валентина Валина
- Ж. Оффенбах. «Орфей в аду»** (премьера 3 января 1922).
Режиссер: Яков Осипович (Шувалов)
Марс: Василий Ширай
Первая фурия: Надежда Липсецкая
Вторая фурия: М. Соболева
При участии прочих русских солистов и хористов.
- И. Штраус. «Цыганский барон»** (премьера 19 марта 1922).
Цыганка Ципра: Вера Горская
Саффи: Надежда Архипова
- И. Кальман. «Осенние маневры»** (премьера 20 сентября 1922).
Кеплер: Валериан Калинин
Барон Юришич: Даниил Таран
Жак: Александр Борисов
Рабочий: Сергей Вендерович
- С. Альбини. «Босоногая танцовщица»** (премьера 10 ноября 1922).
Дирижер: Петр Колпиков
Бланша: Надежда Липсицкая
Амелия: Елизавета Равская
Севира: Надежда Архипова
- Э. Ордан. «Кукла»** (30.11.1922).
Дирижер: Петр Колпиков

Анджело: Валериан Калинин
Нотар: Павел Фигуровский, Даниил Таран
Гудулин: Мария Верещагина

Оскар Штраус. «Царь вальса» (5.1.1923).

Аница: Елизавета Равская
Мицика: Ольга Тургенева
Реза: Мария Шевченко
Лиза: Надежда Липсицкая

И. Кальман. «Королева чардаша (Сильва)» (5.6.1923; 1925).

Дирижер: Федор Селинский
Сильва: Надежда Архипова
Танцор: Василий Радомский
Биллинг: Сергей Вендерович
Мерэ: Даниил Таран
Серени: Валериан Калинин
Эндреи: Николай Федоров
Юлишка: Елизавета Равская
Аранка: Ксения Муравцева
Клео: Ольга Тургенева
Рици: Александра Флегинская
Сельма: Евгения Энгельгардт
Дези: Мария Шевченко
Вали: Ангелина Трегубова

И. Кальман. «Баядера» (6.12.1923).

Дирижер: Федор Селинский
Граф Арман: Сергей Вендерович, гастрологи: Владимир Дервиз
Джонни Миксер: Даниил Таран
Жоли: Елизавета Равская

Ф. Легар. «Голубая мазурка» (9.4.1924).

Дирижер: Владимир Каминский
Ян из Застои: Елизавета Равская
Ханиманн: Сергей Федоров

Р. Планкет. «Корневильские колокола» (премьера 21 июня 1924).

Дирижер: Федор Селинский
Гаспар: Евгений Марьяшец
Екатерина: Елизавета Равская
Манетта: Ангелина Трегубова
Сузанна: Ксения Муравцева
Маргарита: Мария Шевченко
Маддалена: Ольга Тургенева
Эва: Евгения Энгельгардт

Ж. Оффенбах. «Прекрасная Елена» (премьера 21 ноября 1924; 28.12.1926).

Режиссер: Александр Верещагин
Дирижер: Федор Селинский
Главная роль: гастрологи: Елизавета Попова
Леона: Ксения Муравцева

Патрина: Мария Шевченко

И. Кальман. «Голландочка» (премьера 2 апреля 1925).

Дирижер: Федор Селинский

Опел: Николай Мельников

Сайденхехт: Даниил Таран

Трокенрат: Сергей Вендерович

Мелов: Сергей Федоров

Ветерлинд: Валериан Калинин

Ф. Легар. «Фраскита» (премьера 18 апреля 1925).

Дирижер: Федор Селинский

Паланка: Евгения Энгельгардт

Инес: Елизавета Равская

Лола: Ксения Муравцева

Санчо: Николай Аплечеев

Педро: Сергей Вендерович

Альварез: Даниил Таран

Гонкур: Валериан Калинин

О. Недбал. «Польская кровь» (22.9.1925).

Дирижер: Федор Селинский

Воленский: Сергей Вендерович

Сенович: Николай Мельников

С. Джонс. «Гейша» (24.10.1925).

Дирижер: Федор Селинский

О Кикю Сан: Ксения Муравцева

О Хана Сан: Мария Шевченко

О Кикото Сан: Ангелина Трегубова

О Камурасаки Сан: Ольга Тургенева

Одна гейша: Елизавета Равская

Кэнингхем: Сергей Вендерович

Гримстен: Валериан Калинин

Стэнли: Николай Аплечеев

Ж. Жильбер. «Танцовщица Катя» (13.11.1925).

Ромэн: Сергей Вендерович

Вербо: Даниил Таран

Р. Шгольц. «Игра в счастье» (28.1.1926).

Дирижер: Федор Селинский

Хелли: Елизавета Равская

Марьян: Ксения Муравцева

Сузи: Ангелина Трегубова

Мари: Елена Эрдман

Шметвиц: Сергей Вендерович

Гнайсену: Даниил Таран

Штирлинг: Валериан Калинин

И. Кальман. «Графиня Марица» (25.2.1926).

Дирижер: Федор Селинский

Манон: Елизавета Равская

И. Кальман. «Фея карнавала» (26.4.1926).

Паприц: Сергей Вендерович
Гец: Валериан Калинин
Гидеон: Николай Мельников
Ада: Елизавета Равская
Франци: Ксения Муравцева
Густа: Ангелина Трегубова
Полди: Мария Шевченко
Мици: Елена Эрдман

Ф. Легар. «Жаворонок» (23.5.1926).

Дирижер: Федор Селинский
Первая дама: Елизавета Равская
Вторая дама: Ксения Муравцева

Оскар Штраус. «Последний вальс» (11.8.1926).

Лоло: Ангелина Трегубова
Сильвет: Феменова

Ф. Легар. «Цыганская любовь» (25.9.1926).

Госпожа Керем: Евгения Энгельгардт
Димитреану: Григорий Янышев

Б. Гранихштеттен. «Орлов» (25.10.1926).

Дирижер: Федор Селинский
(Имена солистов не установлены)

Ж. Оффенбах. «Перикола» (18.12.1926).

Дирижер: Федор Селинский
Мануэлита: Ксения Муравцева
Фраскинетта: Маргарита Морис

Л. Фал. «Стамбульская роза» (25.1.1927).

Джузелла: Ксения Муравцева
Фатмэ: Феменова
Дурлан: Ангелина Трегубова
Эмина: Маргарита Морис
Собеида: Мария Шевченко

Р. Бенацки. «Adieu, Mimi» (26.2.1927).

Дирижер Федор Селинский
Мадемуазель из Петербурга: Ксения Муравцева
Мадемуазель из Лондона: Евгения Энгельгардт
Мадемуазель из Парижа: Маргарита Морис

Ф. Легар. «Кло-Кло» (25.3.1927).

Дирижер: Федор Селинский
Бригетт: Ангелина Трегубова
Танцовщица: Маргарита Морис
Кок: Даниил Таран
Пиппер: Сергей Федоров

Спектакли с музыкой и пением:

Х. Бертье (по Ф. Шуберту). «Три девочки» (премьера 25 января 1922).

Режиссер: Яков Осипович (Шувалов)

Ханна: Надежда Архипова

Швинт: Василий Ширай

Гайдица: Надежда Липсицкая

Шани: Александр Верещагин

Уличный певец: Павел Фигуровский

Прочие роли: Надежда Липсецкая, Шурка Верещагин и др.

КОНЦЕРТНЫЕ ВЫСТУПЛЕНИЯ РУССКИХ ОПЕРНЫХ ПЕВЦОВ В НОВИ-САДЕ

И после основания оперной труппы при Национальном театре русские оперные певцы выступали в симфонических и сольных концертах в Нови-Саде. Приведем некоторые:

17 января 1921 г. Театр. *Симфонический концерт*. Выступила Вера Горская с арией Далилы из оперы «Самсон и Далила».

30 января 1921 г. Зал Матицы сербской. Выступление оперного певца Константина Жуковича.

20 февраля 1921 г. Зал Сокольни. *Русско-сербский вечер*. В музыкальной программе выступили Людмила Беляева, Варвара Сибирякова, Василий Ширай, Константин Жукович, Виктор Григорьев. Исполнялись арии из опер «Паяцы», «Демон», «Дубровский» и др.

29 мая 1921 г. Зал Сокольни. *Большой концерт*. Выступление оперных певцов Людмилы Беляевой-Долинской и Александра Троснянского под аккомпанемент Петра Колпикова, ф-но.

8 июня 1921 г. *Торжественный концерт Новисадского музыкального общества*. В программе арии из оперы «Фауст» исполнял Василий Григорьев.

10 августа 1921 г. Сад ресторана «Ша Нуар». Прощальный концерт оперного певца Константина Жуковича с участием Людмилы Беляевой-Долинской, Варвары Сибиряковой, Василия Ширая, Виктора Григорьева, Александра Троснянского, Сергея Николаевича и др.

3 декабря 1921 г. Зал гостиницы «Свобода». Концерт оперных певцов А. Покровской и Александра Ригго.

10 декабря 1921 г. Ресторан «Ша Нуар». Концерт Доброхотова, бывшего члена Киевской оперы.

29 декабря 1921 г. Зал Сокольни. Концерт Александра Троснянского с участием певицы Веры Горской и А. Покровской (артистки Киевской оперы), под аккомпанемент Петра Колпикова (ф-но). В программе: «Евгений Онегин» (3-я и 4-я картины), «Демон» (1-я, 5-я и 6-я картины).

- 13, 14 и 15 февраля 1922 г.** Театр. Исполнение «Реквиема» Моцарта. При участии Веры Горской и Сергея Николаевича.
- 2 марта 1922 г.** Театр. Сольный концерт тенора Льва Зиновьева. В программе арии из опер Чайковского, Вагнера, Пуччини, Мейербера, Верди и др. За роялем Л. Матачич.
- 7 марта 1922 г.** Театр. Сольный концерт тенора Белградской оперы Льва Зиновьева.
- 8 апреля 1922 г.** «Большой концерт артистов». Выступил солист Белградской оперы И. Армиди.
- 9 мая 1922 г.** Зал гостиницы «Свобода». Прощальный концерт Веры Горской. В программе арии из опер «Аида», «Тоска», «Проданная невеста», «Пиковая дама», «Риголетто», «Никола Шубич-Зринский» и проч.
- 14 июля 1922 г.** Сад ресторана «Ша Нуар». Концерт Константина Жуковича.
- 4 декабря 1922 г.** Театр. *Вокально-балетный вечер русских артистов из Белграда.* Выступили певцы Георгий Юренев, Неонила Волевач, Нелли Юренева.
- 2 января 1923 г.** Зал гостиницы «Свобода». Вокальный концерт солистов Белградской оперы Неонилы Волевач и Георгия Юренева. Аккомпаниатор Владимир Нелидов (ф-но). В программе арии из опер Верди, Моцарта, Вагнера.
- 25 февраля 1923 г.** Зал Сокольни. Концерт Евгения Марьяшеца и Анны Степовой. В программе арии из опер и русские песни.
- 7 октября 1923 г.** Театр. *Японский день.* Исполнялись сцены из опер «Мадам Баттерфляй» и «Трубадур». Участники: Вера Горская, Виктор Григорьев, Людмила Казамарова. Дирижер Федор Селинский.
- 17 октября 1923 г.** Открытие кинотеатра «Одеон». В программе выступила Надежда Архипова, исполнив арию из оперы «Севильский цирюльник» Россини.
- 29 сентября 1924 г.** Зал гостиницы «Свобода». *Большой оперный вечер.* Участие оперных певцов Евгения Марьяшеца, Нарциса Гукасова и Елены Ловшинской.
- 9 марта 1925 г.** Сольный концерт Елены Ловшинской. В программе арии из опер Верди, Пуччини, Леонкавалло, Моцарта и др.
- 8 апреля 1925 г.** Театр. Сольный концерт белградского оперного певца Павла Холодкова.
- 23 мая 1925 г.** Турне оперных певцов по городам Срема (Инджия, Сремски-Карловцы, Стара-Пазова, Земун, Рума, Сремска-Митровица): Н. Архипова, Е. Марьяшец, Н. Баранов, П. Колпиков (ф-но) и др.
- 3 декабря 1926 г.** Концерт Владимира Дервиза. Оперные арии, песни и романсы Римского-Корсакова, Рахманинова, Направника, Гуно, Чайковского, Массне, Амати, Пуччини.

РЕЦЕНЗИИ НА ВЫСТУПЛЕНИЯ РУССКИХ ОПЕРНЫХ ПЕВЦОВ

В 1920-е гг. в Нови-Саде выходило несколько газет на сербском языке. В ежедневном издании «Застава» («Знамя») театральные рецензии писал Озрен Суботич (1873–1951), журналист, бывший студент юридического факультета в Вене. При посредничестве брата, генерала императорской русской армии, он учился в военном училище в Одессе и вступил в русскую армию. Принял участие в Рус-

ско-японской войне, возвратился в Австро-Венгрию, окончил Загребский университет, состоял приват-доцентом Коммерческой академии в Будапеште. Во время Первой мировой войны венгерскими властями подвергся высылке, а после формирования Королевства СХС стал начальником пресс-бюро в Нови-Саде. Видный член Радикальной партии, в жизни — богема. К его театральным рецензиям относились с уважением. Об актерах, певцах и театральных постановках писал объективно и сдержанно. Отмечая выступления русских оперных певцов, не скрывал своего русофильства. Вторым театральным обозревателем в этой газете был «Дж. П.» (Джока Петрович, школьный надзиратель).

В еженедельной газете «Дунав» («Дунай») нерегулярно публиковался репертуар театра и короткие заметки на театральные темы, которые журналисты и редакторы подписывали псевдонимами или инициалами. Одним из рецензентов был Каменко Суботич (1870–1932), доктор юридических наук, литератор, журналист, историк и театрал. Учился в Загребе, Граце и Праге. Во время Первой мировой войны был арестован венгерскими властями. Вернувшись в Нови-Сад, основал газету «Дунав», был секретарем театра, писал пьесы, издавал брошюры. Карьеру окончил как библиотекарь Матицы сербской. В этой газете удалось познакомиться всего с двумя-тремя рецензиями на выступления русских артистов.

При новисадском Национальном театре с сентября по ноябрь 1921 г. выходила листовка «Позоришне новине» («Театральная газета», 36 выпусков). Она выходила в день, когда шел драматический или музыкальный спектакль, и выполняла роль программки. На первой странице публиковались сведения о спектакле с перечнем исполнителей, иногда — и содержание оперы. На следующих страницах помещалась короткая заметка о предыдущем представлении. Пару раз такие «рецензии» были подписаны именем «Крста».

В газете «Јединство» («Единение»), органе Демократической партии, рецензии публиковали два обозревателя: П.Г. Дидки, а чаще римо-католический священник Йован Хранилович, подписывающийся псевдонимами: *Ј.Хр.*, *Х.* и *Хр.*

Пару раз «Видовдан» («День св. Вита»), независимый орган югославских националистов, на своих страницах поместил несколько коротких рецензий на постановки оперетт, подписанных псевдонимом *Lupus*.

Познакомившись со всеми сохранившимися оперными рецензиями того периода, приводим отрывки из некоторых⁴:

«Вертер» (премьера). Главную роль пел г. Армиди. Голос его немного сдал, истрепался, пропитан дымом и кислотой ночных баров. Лишь иногда блеснет бывший солидный тенор. Г. Верон в роли Альберта отличный баритон и очень хорошо себя держит на сцене. Г. Ширай в роли Судьи хорош был в речитативах, отличный баритон. Желаем чаще слушать его в более крупных ролях. (Дунав, 22.10.1920).

Премьера «Кармен» ознаменовала большой прогресс, отдаем честь дирекции нашего театра. Особенно следует поздравить темпераментного и де-

⁴ Не желая загромождать текст полными ссылками на источники рецензий (авторы, заглавия и страницы), ниже приводим лишь наименование газеты и дату ее выпуска.

ятельного молодого дирижера Л. Матачича, которому удалось осилить все препятствия, отлично подготовить всех солистов, хор и оркестр. И распределение ролей оказалось удачным. Г-жа Горская в роли Кармен блистала. Она нашла основную ноту пламенной, капризной, гордой и внушительной испанской цыганской красавицы. Госп. Григорьев и на этот раз, в роли Дона Хозе, был трогательным и симпатичным. Голос госп. Троснянского (Тореадор) — звонкий, прекрасно дисциплинированный баритон, удостоверял нас в том, что такое пение и яркая игра артиста не посрамили бы его, если бы он выступил в любом знаменитом оперном театре. (Единство, 5.7.1921.)

«Тоска» (премьера). Г. Григорьев исполнял партию Каварадосси. Когда он поет, мне кажется, что я слушаю двух различных певцов: одного, который в нижнем регистре задыхается; другого, который в высоких регистрах владеет сильным голосом. Пение ему дается легко, но он не умеет передавать сильные душевные переживания героев, как и сопровождать их актерскими приемами. Роль барона Скарпиа в этот вечер так мило и хорошо исполнил г. Верон. Его пение и игра полны элегантности, тонких движений, манер. Если в этой роли полагается его ненавидеть, то он вам симпатичен. (Позоришне новине, 24.09.1921.)

Во вторник, 6 сентября (1921) снова шел **«Трубадур»** с тем же распределением ролей, как в прошлом сезоне. Роль графа Луны пел г. Троснянский, который своим приятным, звучным и сильным, отлично поставленным голосом завоевывает всё большие симпатии. Г-жа Горская в роли цыганки Ацучены была, как всегда, на своем месте. Особенно трогательно она спела свои лирические партии, среди которых и ту, в полусне (последнее действие), где так хорошо с ней гармонировал г. Григорьев в роли Манрико. И г. Ширай на этот раз более внятно произносил сербский текст своей роли, которую он с успехом представил — и своим пением, и игрой. (Единство, 10.9.1921.)

«Трубадур». Вчера г-жа Горская в роли Ацучены второй раз очаровала своим пением здешнюю публику. Не менее ее блистал и г. Григорьев в роли Манрико. Арию с высоким «до» спел так мастерски, что публика наградила его продолжительными аплодисментами. Видимо, г. Григорьев именно в высоком регистре звучит намного лучше и более приятно, так как его голос именно там расцветает. В этот вечер отличился и всегда нам симпатичный г. Верон как граф Луна. Он поистине опытный певец. Своим приятным голосом воодушевляет публику. И манера вести себя на сцене у него отличная. Умеет подать представительных особ. Этому, несомненно, способствует его врожденная барственность — ведь сам он княжеского рода (князь). Дуэты г. Верона и г-жи Горской, как и ее дуэт с г. Григорьевым, вызвали оглушительные аплодисменты. (Позоришне новине, 13.09.1921.)

Роль Манрико пел Марк Марков, первый тенор Тифлисской оперы. Певец больших достоинств. Звучный голос, крепкий, приятный. Владеет им отлично, настоящий героический тенор. Трудно сказать, в каких он регистрах лучше. Свою партию в 3-м действии спел великолепно, высокое «до» выпал с невероятной легкостью и до конца оперы сохранил полную свежесть и силу голоса. Приятно удивил своим выступлением. На больших сценах редко встретишь тенора такого калибра. Свое мастерство умел продемонстриро-

вать в пиано-партиях, а высокое качество своего голоса показал и в низком регистре — редкость у теноров.

Г. Троснянский (баритон) продемонстрировал свой большой талант. Пел необычайно красиво и в полную силу. При эффектном пении партнеров г-жа Горская, роль которой в «Трубадуре» одна из ее лучших, своим пением проявила больше амбиций, чем в своих прежних выступлениях. И она привела публику в восторг. Хор и оркестр были на высоте. Весь спектакль прошел на европейском уровне. Поздравляем дирижера. (Дунав, 6.10.1921.)

Среди солистов в первую очередь выделилась г-жа Горская своей энергичной игрой и выразительным пением. Ее альт полный, звонкий и мощный. Этой отличной певице и актрисе лишь после шести месяцев оперного сезона была дана возможность выступить в нашем театре, пока певицы много слабее ее поют весь сезон. При отличном гриме и игре второе место занимает г. Ширай. В роли графа Луны г. Верону следовало проявить больше решительности и изысканности. Его грим и игра скорее напоминают бедного Гамлета. Негромким, но мягким и хорошо поставленным голосом г. Верон приятно и очень хорошо пел, но с плохим произношением. И конечно, новый тенор, г. Григорьев. В роли Манрико он удовлетворяет лишь как певец; как актер он беден. Ему не хватает живого итальянского темперамента, французской элегантности и немецкой серьезности. Он остается неисправимо русским человеком, да еще и плохо произносит сербский текст. У него мягкий голос. В лирических сценах он мастер. Хорошо спел известную стретту в 3-м действии, но с ней не завоевал того успеха, которого достигают итальянские певцы. Полное суждение о г. Григорьеве можно будет получить лишь после исполнения им двух-трех ролей, например в «Кармен» или «Богеме». (Застава, 20.2.1921.)

Г. Марков отличный певец и талантливый актер. Великолепно исполнил роль Манрико. Его голос чист, обладает силой, хорошо поставлен, владеет высотами и воодушевляет публику. В любовных и трагических сценах его пение настолько убедительно и трогательно, что публика после каждой сцены бурно аплодирует. После 3-го действия она три раза вызывала его при опущенном занавесе. (Позоришне новине, 6.10.1921.)

«Мадам Баттерфляй» (премьера). Игра г. Верона была весьма уравновешенной, однако голос его звучал тихо. Прояви он в пении больше чувства, он был бы певцом первой величины. Г-жа Горская тоже полностью оказалась на своем месте. (Застава, 25.3.1921.)

Вчерашняя премьера «Проданной невесты», излюбленной оперы Сметаны, для нашего театра оказалась новым успехом, хотя и не совсем полным. Вопреки всем трудностям, с которыми наш театр все еще вынужден воевать, у нас создалось впечатление, что в надежных руках эти трудности все менее становятся непреодолимыми. Суммарно говоря, спектакль удался и произвел хорошее впечатление на публику. Музыка, хоры, которые иногда выделялись больше, чем им следовало, балет, костюмы и техника — все было к месту и представляло стройное целое. Налицо были и недостатки, на устранение которых, помимо добрых намерений, потребуются и время, и много усилий. Госп. С. Николаевич (Кецал) своим пением и игрой достиг полного успеха и

неоднократно вызывал бурные реакции публики. Вопреки плохой погоде театр был полон. (Единство, 27.4.1921.)

«Проданная невеста» (премьера). Грим, игра, музыкальная уверенность г. Николаевича (Коровникова) свидетельствуют о том, что это артист первого разряда. Сформировавшийся певец, внесший в свою роль юмор и изворотливость. Его голос звучит полно, в среднем регистре он очень приятен и звучный. Низкие ноты слабы. Небольшие роли хорошо спели и сыграли г. Ширай и г-жа Казамарова. В спектакль был включен и балет, очень понравившийся публике. Юной Валиной долго аплодировали. (Застава, 28.4.1921.)

«Кармен» (премьера). Заглавную роль исполняла г-жа Горская и завоевала абсолютные симпатии нашей театральной публики. Этого она полностью заслуживает, так как ее выступления всегда добросовестно подготовлены и продуманы. Так и в Кармен она продемонстрировала все отличные стороны своего мастерства и индивидуальности. Однако в каждой ее роли, а это легко заметить, вероятно, вопреки ее воле, налицо некая ее тоска и боль. Они сильнее артистки. Дон Хозе г. Григорьева в высоких пассажах был бы безупречным, если бы в свою игру он внес больше темперамента. В ряде сцен он оставался жалостливым русским человеком, не умеющим ревновать. Обидно, что г. Григорьев плохо справляется с произношением сербского языка. Г. Троснянский (Эскамильо) своим величавым выходом на сцену и голосом во многом напоминает своего прославленного земляка Бакланова. Однако досадно, что он арию тореадора не пел полным голосом, таким красивым. И — пел он порусски. Эпизодные роли были в хороших руках, в особенности Николаевича и Казамаровой. Для Ловро Матачича это был дебют как оперного дирижера. Работал он с темпераментом и амбицией. Было много аплодисментов и цветов. (Застава, 7.7.1921.)

«Фауст». Мефистофель г. Николаевича (Коровникова) был шедевром. В этот вечер его выступление оказалось самым ярким. Лишь в этой опере он мог полностью показать себя, и лишь в этой роли мы могли убедиться в том, что он не только отличный певец и актер, но и талант высшего класса. И все-таки в театральной платежной ведомости он занимает последнее место! (Застава, 12.11.1921.)

В балетных номерах «Фауста» мадемуазель Валина не дала ничего нового. Она постоянно прыгала и старалась заворочить старомодым вращением на пальцах. Где те новые мотивы, новые линии и душа в ритме и в линиях?! Нови-Сад полюбил танец, уже повидал игру Альмы Еленской и Пола Негри, а и в кино часто удается видеть высокое танцевальное искусство. Зачем на сцене Национального театра показывать устарелую игру? (Дунав, 27.11.1921.)

«Никола Шубич-Зринский» (премьера). Г. Троснянский (Зринский) отличный баритон нашей оперы, пел великолепно, восторженно и с блеском первоклассного артиста. Его голос звучал властно, интонация была безукоризненной, фразировка мастерской. Следует выделить и г. Верона в роли Леви, который в этот вечер пел так, как никогда ранее. (Дунав, 27.11.1921.)

Опера «Зринский» (премьера). Хор был слабым, а оркестр слишком громким. В оркестровой яме было больше темперамента, чем на сцене. Г. Троснянский в заглавной роли провел ее достойно как певец и как актер, отлично

представив прославленного хорватского героя. Ему особо удались сцены прощания с городом, клятва верности среди соратников, как и трогательная сцена прощания с женой. С ним отлично пел г. Верон (роль врача Леви). Обидно, что г. С. Николаевичу не была дана более крупная роль, поскольку он в роли Мефистофеля в «Фаусте» завоевал любовь у публики. (Единство, 29.11.1921.)

«Паяцы» (премьера). Г. Григорьев (Канио) имел колоссальный успех. К его на редкость красивому голосу на этот раз присоединилась и темпераментная игра. Игра Троснянского (Тонио) прошла без демонстрации стиля, но его звучный баритон, как всегда, великолепно «трубил». Однако кантилена не всегда звучала гладко. Постановка Осиповича старалась быть интересной, не в духе хорошей традиции этой сравнительно старой оперы. Однако о вкусах не спорят. Зал был полон, успех очевиден. (Застава, 23.2.1922.)

«Травиата» (премьера). Богатые голосовые данные г. Григорьева (Альфред) во многом выиграли благодаря его чистой напевности. И его игра была отличной. В роли отца г. Троснянский был слабее. Поэтому нам совершенно осталось непонятным то множество букетов — мужчине! Впрочем, и он старался. Очень хорошим был и г. Ширай. Хор показал себя на высоте. (Застава, 30.6.1922.)

Дебют Н. Архиповой и Н. Баранова прошел с большим успехом. Г-жа Архипова колоратурное сопрано *par excellence*. Свой красивый нежный голос она раскрыла полностью и продемонстрировала солидную школу. Ее стаккато кристально чистые. Игра отлично продумана, в некоторых моментах высоко драматична. Бурный успех! Г. Баранов (отец Жермон) свою роль трактовал слишком по-русски, никак не по-французски. Это был сущий добряк, провинциальный «профессор». Но психологически, как отец, провел ее вполне последовательно. Его баритон ближе к тембру тенора, исключительно приятный, а само пение музыкально, подано с чувством. Великолепное приобретение для нашей оперы. И его наградили искренними аплодисментами. (Застава, 10.10.1922.)

Игра нашей артистки г-жи Архиповой в роли Ханночки в мелодичной оперетте **«Три девочки»** на музыку Ф. Шуберта великолепна! Тонко нюансированная игра вся была в стиле наивного *Biedermeierzeit-a*. Пение было сладостным, с неподдельным чувством. Г-жа имела большой и заслуженный успех. (Застава, 20.10.1922.)

«Риголетто» (премьера). Опера привлекла в театр смешанную публику. Тут можно было услышать сербскую, русскую, словацкую, немецкую, венгерскую, еще кое-какую речь. А это свидетельствует о том, что Нови-Сад массово интересуется классической музыкой, так как не одни только славяне посещают сербский театр. Это имеет большое значение и для нашего национального укрепления. Опера, очевидно, является той магической силой, которая и чужеземца привлекает в наш театр. Со слабым и неполным оркестром наш дирижер г. Колпиков старался справиться, и это ему отлично удалось. В главной роли г. Баранов, своим гримом и игрой был на месте. В высоких нотах удовлетворил и голосом, но глубокие и средние ноты были неполными, звучали пусто. Однако в драматических сценах он был весьма убедителен. У г-жи Архиповой небольшой и тихий голос, но отлично поставленный. По-

*«Травиата». Нови-Сад, 1924 г. На первом плане Надежда Архипова
(фотография из коллекции Музея Воеводины, Нови-Сад)*

мимо высоких нот, которые в сильных сценах звучат грубовато, ее колоратура кристально чиста, а игра не утрирована, сплошь изысканна. Г-жа Казамарова в роли Магдалены своим теплым альтом обратила на себя серьезное внимание. Примом и мимикой г. Ширай дал отличного графа Монтероне. (Застава, 9.2.1923.)

«Сказки Гофмана» (премьера). Г. Баранов в трех ролях показал себя не только отличным певцом, но, как всегда, и великолепным актером. Обладает красивым высоким баритоном, ему не приходится напрягаться. Но свой голос ему следовало бы развить и в низких регистрах, а это достигается лишь вокальной гимнастикой.

Г-жа Архипова была очаровательной куклой Олимпией. Величественный бас г. Борисова гремел по всему залу. И игра его была хорошей. Маэстро Маржинец дирижировал нашим неполным оркестром. С некоторой иронией можно было принять факт: на сцене красовалась имитация арфы, а в самом оркестре этот инструмент отсутствовал! (Застава, 27.3.1924.)

Оперетта «Корневильские колокола» (премьера). Спектакль оказался настоящим событием. Дирижер Ф. Селинский был героем вечера. Из него исходила такая мощная, внушительная сила! Он продемонстрировал совершенное знание дирижерского мастерства. Благодаря этому неполный состав оркестра было не узнать. Подобное произошло и на сцене. Все там было на месте: солисты и хористы дали свой максимум. Один из лучших спектаклей текущего сезона. Бурные аплодисменты. (Застава, 24.6.1924.)

В спектакле роль Гаспара пел г. Марьящец. Его выступление было грандиозным. Все — маска, игра и пение — на высшем художественном уровне. Исполнение настолько мощное, что публика ему легко простила недостаток в произношении (он русский) и неоднократно ему аплодировала. Знаменитый Марьящец остался Марьящецем! (Застава, 28.3.1925.)

Открытие оперного сезона. «Евгений Онегин» (премьера). Второй наш «батюшка русский», г. Селинский, с подновленным оркестром, вернее сказать нашей ахиллесовой пятой, совершил настоящее чудо. Все нюансы прекрасной оркестровки Чайковского звучали. И вокальные партии на сцене полностью развернулись. Весь спектакль прошел отлично. Ленский г. Лукасова, и голос, и игра, были олицетворенной поэзией. Онегин нашего симпатичного знакомого г. Баранова спет именно *à la* Онегин. В игре Баранов проявил чрезмерную сердечность, но недостаточную гордыню. Однако в его пении было и то и другое. Г-жа Горская в роли Няни весьма музыкально «тремолировала». Г. Марьяшец (князь Гремин) был князем с ног до головы (при его росте это имело значение), а относительно пения был настоящим королем: серьезно говоря, наш Марьяшец является корифеем. Наша опера с ним может только гордиться. Сама режиссура Марьяшеча тоже первоклассна. И именно поэтому нас удивляет, как он в ней допустил пару мелочей, которых легко можно было избежать. Разные *barbiche* (в особенности у Трике, в александровскую эпоху — *ancien régime*), т. е. козлиные бородки, слишком деревенское помещение у Лариных и секунданты из «*Fliegende Blätter*» несколько портили общее блестящее впечатление. Вопреки этим шалостям мы счастливы, что дожили до воскрешения оперы в нашем городе. (Застава, 10.10.1924.)

«Севильский цирюльник» (премьера). Г. Колпиков отлично подготовил эту оперу и заслужил нашу признательность. Публика ему за это спонтанно аплодировала. Единственно темпы в нескольких местах (и в увертюре) были замедлены. Г-жа Архипова владеет отличной школой, и ее Розина как в пении, так и в игре была именно классической. Отличной была и г-жа Казамарова. Фигаро г. Баранова был хорош, но в его игре надо было проявить больше «нерва». Он умеет петь, что вчера и показал, однако пел он тихо. Г. Марьяшец в роли иезуита был великолепен: суровость в игре вполне соответствовала язвительности у Бомарше, а его режиссура оперы была классной. Хвалить г. Марьяшеча значило бы хвалить признанную величину. Все прочие исполнители были хороши. Оркестр играл легко, живо. (Застава, 31.10.1924.)

РЕЦЕНЗИИ НА ГАСТРОЛИ РУССКИХ СОЛИСТОВ БЕЛГРАДСКОЙ ОПЕРЫ

Евгения Вальяни в партии Ацучены («Трубадур») уверила нас в том, что является певицей первой величины. Ее голос яркий, сильный, одинаков во всех регистрах. Техника совершенна. Играя в этой опере цыганку, она ее трактует скорее *à la* Кармен: ее движения живы, кокетливы, но костюм слишком «парадный» для пожилой женщины. Успех был отличный. (Застава, 18.3.1922.)

Вальяни в «Кармен». Певица располагает феноменальным голосом по объему, силе и звучности. В «Кармен» этот голос звучал как орган. Однако нам показалось, что для этой партии артистке не хватало чувства и теплоты. В манере петь и темпах у нее налицо итальянская школа. Относительно игры: ее Кармен слишком салонная, это не испанская цыганка, сеньорита. Но, во-

преки всему сказанному, она артистка замечательная — по красоте голоса и элегантной игре. Такие певицы встречаются на мировых сценах. Успех был огромный, а впечатление останется навсегда. (Застава, 1.4.1922.)

Гастроли г. Георгия Юренева в «Тоске». Не знаю, как и благодарить дирекцию театра, давшую нам возможность насладиться игрой и пением этого поистине исключительного артиста. Уже после его первого появления на сцене стало понятно, что это настоящий Скарпия, всемогущий начальник полиции папского Рима. Г. Юренив трактует Скарпия в первую очередь как *grand seigneur*-а, лишь потом как интригана и злодея. Уже благодаря костюму и по сдержанным движениям можно было убедиться в том, что этот человек принадлежит высшему обществу Вечного города. Его баритон чрезвычайно широк: в высоких регистрах он «тает», в низких отдает металлом, подобен органу! Исполнение на уровне вершин мировых достижений, впечатление незабываемое. Восторженные аплодисменты. (Застава, 25.3.1922.)

Гастроли г-жи Волевач и г. Юренева в «Риголетто». Редкое художественное наслаждение! Выдающиеся певцы. Г-жа Волевач может петь на любой оперной сцене мира. Ее стаккато — одно совершенство. Голос г. Юренева огромного диапазона, чистый. (Застава, 2.3.1923.)

Гастроли г-жи Волевач в «Севильском цирюльнике». Одна из самых блестящих Розин, которых нам приходилось слушать. Ее колоратурная техника — полное совершенство. Голос звучный, обладает силой (а это редкость у колоратурных певиц). Игра тонкая, не гонится за дешевыми эффектами. (Застава, 16.12.1924.)

Марк Марков выступил в партии Манрико в «Трубадуре», а затем в партии Дона Хозе в «Кармен». Имел большой успех. Любовную арию во 2-м действии «Кармен» спел исключительно красиво, нежно, с чувством. Голос мощный и выразительный. Прекрасная игра на сцене. Редкий певец и актер. Дирекция театра не смеет пропустить возможность заполучить его для нашей оперной группы. (Застава, 6.12.1921.)

Г-жа Лиза Попова в «Мадам Баттерфляй». Амбруаз Тома, композитор оперы «Миньон», про одну известную певицу сказал: «Другие поют и играют Миньон, эта — сама Миньон!» То же самое можно сказать про нашу гостью и ее Баттерфляй. Автор этих заметок сам неоднократно бывал в Японии, поэтому может судить, насколько г-жа Попова верно перевоплотилась в японку, до мельчайших деталей представила ее на сцене, украсила чарующей поэзией! Пела она и играла с такой теплотой, что многие в публике были тронуты буквально до слез. О ее исполнении можно было бы, и нужно, писать подробно. (Застава, 1.3.1922.)

После непродолжительного перерыва опять мы имели возможность слушать любимицу нашей оперы, г-жу Лизу Попову в «Мадам Баттерфляй». Перед нами снова любила и страдала юная Чио-Чио-Сан, растоптанный японский цветок. Мадам Баттерфляй г-жи Поповой является инкарнацией создания Пуччини. Трудно сказать, что у нее лучше: пение или игра. Тут мы встречаемся с редким актерским качеством. (Застава, 21.11.1923.)

Гастроли г-жи Поповой в «Евгении Онегине». Многие говорят, это ее самая совершенная роль, подлинная пушкинская Татьяна. Отличительная черта

игры г-жи Поповой — музыкальная пластичность и гармония линий в игре и жестах, соответствующие эпохе, включая манеру ношения костюмов. Она действительно явление из той эпохи, чарующая картина: с большими глазами, душой, тонкими чертами лица. Сцену с письмом г-жа Попова исполняла в оригинальном темпе, которому маэстро Селинский подчинился. Артистка наэлектризовала свое окружение на сцене, и нам посчастливилось быть свидетелями редкого спектакля. Это особенно было больно именно сейчас, когда осознаешь, что наша опера находится накануне своей ликвидации. (Застава, 24.10.1924.)

Гастроли г-жи Роговской и г. Лукасова в «Тоске». Тембр голоса артистки и манера петь и играть очень схожи с любимицей нашей публики г-жой Поповой. Разница лишь в том, что в голосе г-жи Роговской меньше теплоты, а ее нельзя возместить форсированием голоса. Однако ее Тоска — отлично продуманное исполнение, и оно не забывается, как и ее очень красивое появление на сцене. Г. Лукасов хороший актер. Его Каварадосси отлично воспринимается. В средних регистрах его голоса больше жесты, чем серебра, но зато высокие ноты отличаются чистотой и полнотой. Прекрасный тенор. (Застава, 16.1.1924.)

Концерт г. Павла Холодкова. Великолепный баритон мирового масштаба. Редко встретишь вместе столько достоинств: широкий объем отличного голоса, одинаково хорошо звучащий во всем диапазоне (в высоком регистре напоминает тембр виолончели), изумительная дыхательная техника, идеальное бельканто, отменная фразировка, теплая эмоциональность. Во всех концертных номерах он другой. Несомненно, г. Холодков достиг зенита своего искусства. (Застава, 26.5.1925.)

БИОГРАФИИ РУССКИХ АРТИСТОВ

Аплечеев Николай Николаевич (18.4.1898, Архангельск — 16.3.1958, Париж), корнет 11-го гусарского Изюмского ген. Дорохова полка. В Нови-Саде начал свою артистическую деятельность. Хорист новисадской оперной труппы (1924–1927). Выступал и в эпизодических ролях в операх и опереттах. Уехал во Францию. В Париже участвовал в Русских операх А. Церетели и М. Кузнецовой (роль Юродивого в «Борисе Годунове» и др.). В последние годы выступал вместе с женой; исполняли русские песни и цыганские романсы.

Армиди Исаак, оперный певец (тенор). Солист Белградской оперы (1919–1922) и новисадской оперной труппы.

Архипова Надежда Николаевна (23.1.1894, Москва — 29.8.1967, Шабац, Сербия). Оперная певица (колоратурное сопрано), педагог, корепетитор и дирижер. Окончила Одесскую консерваторию (класс Менотти), солистка оперного театра в Одессе. С июля 1919 г. состояла членом Одесского профессионального союза театральных труженников. С мужем Н.С. Барановым, оперным певцом, эмигрировала в Королевство СХС. Солистка Хорватского национального театра в г. Осиек (1920–1922) и Сербского национального театра в Нови-Саде (1922–1927), некоторое время выступала в Вараждине (Хорватия) и Скопье (Македония). Как певица и дирижер состояла в труппе Общества Сербского национального театра, кочующего

по северным городам Сербии (1927–1929). Вместе с мужем в октябре 1929 г. открыла частную школу вокала в Нови-Саде. Играла и в драматических спектаклях. Овдовев (1933), с 1938 по 1963 г. преподавала вокал в Белграде. Пенсию получила за заслуги в распространении музыкальной культуры. Тяжело больная и одинокая, Надежда Николаевна переехала в г. Шабац, где о ней заботилась принявшая ее у себя сербская семья Саватич.

Балабан Александр Аркадьевич (? — 9.2.1950, Нью-Йорк), артист оперы и оперетты (баритон). Солист Мариинского театра в Петербурге и Белградской оперы (1923–1928). Из Королевства СХС уехал в Берлин, выступал там в одном из оперных театров (Städtische Oper Berlin), гастролировал в Венской опере (1929 и 1932), пел в Русской опере А. Церетели и В. де Базиля в Париже (первое выступление состоялось в декабре 1930 г.; партия Грязного в «Царской невесте»). В Берлине записывал на граммофонные пластинки современные эстрадные песни (одна из самых популярных — «Голубые глаза»). Уехал в США.

Баранников Андрей Васильевич (1894, Россия — 1944, Белград), хорист (бас) новисадской оперной труппы (1920–1921). Выступал и в сольных оперных партиях в Нови-Саде и Белграде (с 1922 г.). Перед началом Второй мировой войны в Югославии (1941) был унтер-офицером Югославской армии.

Баранов Николай Сергеевич (1893, Москва — 13.5.1933, Панчево, под Белградом). Оперный певец (баритон), педагог, режиссер. Окончил Одесскую консерваторию, солист оперного театра в Одессе. С женой Н.Н. Архиповой, оперной певицей, эмигрировал в Королевство СХС. Солист Хорватского национального театра в Осиеке (1920–1922) и Сербского национального театра в Нови-Саде (1922–1927). Некоторое время выступал в театрах Скопье (где был и режиссером) и Вараждина. В 1929 г. вместе с женой основал частную школу вокала в Нови-Саде. Талантливых учеников они учили бесплатно. Многие из них стали оперными солистами в Нови-Саде и Белграде. В Югославии Николай Сергеевич постепенно терял голос и выступал все реже. Был хорошим шахматистом.

Борисов Алексей Абрамович (артистическое имя Александр Борисов; 15.3.1893, Шлиссельбург — 30.6.1945, Загреб). Участник Гражданской войны на юге России. В мае 1920 г. оказался в Королевстве СХС. Хорист новисадской оперной труппы (1920–1924). Выступал и в небольших сольных партиях. В 1924 г. стал дьяконом Сербской православной церкви, затем был священником Русской православной церкви в Югославии. В 1942 г. примкнул к самозванной Хорватской автокефальной православной церкви митрополита Гермогена (Максимова), при котором в Загребе состоял в сане протоиерея. Участвовал в формировании православных приходов в Хорватии. Расстрелян партизанами-коммунистами.

Валина Валентина Николаевна. Балерина, хореограф, педагог. До революции жила в Москве. Балерина новисадской оперы (1920–1921), затем Национального театра в Белграде.

Вальяни (Valiani) Евгения Дмитриевна (5.11.1901, Санкт-Петербург — около 1962, Италия). Оперная и концертная певица (меццо-сопрано). Музыкальное образование получила в известной Академии «Санта Чечилия» (Accademia Nazionale di Santa Cecilia) в Риме. Солистка Белградской оперы (1921–1922; 1924–1927). Выступала в Ла Скала (Милан), Риме, Флоренции, Египте, Загребе. Давала концерты в Париже, Варшаве, Вене, Берлине. До 1934 г. гастролировала в Белграде.

Вендерович Сергей Андреевич (1894 — 22.3.1975, Белград), капитан, георгиевский кавалер. Находился в составе Добровольческой армии. Хорист новисадской оперной труппы (1924–1926), выступал и в небольших сольных партиях. Переехал с семьей в Белград, где пользовался успехом как исполнитель русских, цыганских и современных эстрадных песен.

Верещагин Александр Александрович (наст. фам. Цуков; 25.2.1885, Москва — 1965, США), актер, режиссер театра и кино. Окончил кадетский корпус (1902) и Николаевскую инженерную академию (1905). Одновременно окончил драматическую студию Ю. Озаровского в Петербурге (1906). Играл в Театре В. Комиссаржевской при режиссере В. Мейерхольде. В Москве играл в Интимном театре «Лоло», затем уехал в Киев. С 1909 г. объезжает города Африки, Азии и Европы. В Париже играл в немых фильмах киностудии «Люкс». По возвращении в Петербург (1911) актер в «Кривом зеркале» и «Старинном театре» Н. Евреинова. В военные годы играл в Риге, Либаве, Ревеле, на Кавказе. После революции оказался в Софии и в начале 1920 г. прибыл в Королевство СХС. Режиссер в театрах Белграда, Загреба (одновременно преподавал в театральной школе, снимал немые фильмы), Скопье, Сараево, Нови-Сада, Сплита, Осиека, Цетинье, Баня-Луки, Панчево. После войны уехал к сыну в США.

Волевач Неонила Григорьевна (в замуж. Юршевская; 17(29).12.1892, Черниговщина — 13.5.1985, Кормей-ан-Паризи, под Парижем). Оперная певица (колоратурное сопрано). Дочь священника. Окончила Петербургскую консерваторию (1914). Артистка Мариинского и Михайловского театров в Петербурге (1914–1919), солистка Белградской оперы (1920–1928), Русской оперы и Украинской оперы в Париже (1928–1937). Выступала в благотворительных концертах.

Волконский Михаил Петрович (артистические имена Михаил Верон, Michele Valdarko; 3.8.1891, замок Фалль, Ревельский уезд, Эстландская губ. — 18.9.1961, Москва), князь. Оперный певец (баритон). Окончил Императорский Александровский лицей в Петербурге (1912). Учился пению в Италии. Снимался в ранних русских немых фильмах. С 1917 г. выступал в театрах на юге России. В конце 1920 г. эвакуировался из Крыма в Королевство СХС, стал солистом оперной труппы в Нови-Саде (1920–1922) и в Любляне (с 1922 г.). Обосновался в Париже, где выступал в русском кабаре «Золотой петушок». В 1928 г. дал сольный концерт во Флоренции. С 1930 г. работал в консульстве Королевства Югославия в Женеве, где занимался репатриацией югославских граждан из СССР. В 1946 г. был переведен в Париж, в консульский отдел югославского посольства во Франции. Осенью 1947 г. с женой и сыном вернулся на родину. Был направлен на поселение в село Мучкал в Тамбовской области, но жил в Тамбове, работая учителем английского языка. В 1956 г. смог переехать в Москву, где стал литературным переводчиком с хорватского, сербского, болгарского и французского языков. Его сын Андрей Волконский — известный клавесинист и композитор.

Галилеева Мария Васильевна (урожд. Шевчук-Потапова), по профессии врач. Хористка новисадской оперы и оперетты (1926–1927).

Горская Вера Николаевна. Оперная певица (меццо-сопрано), педагог. Солистка оперных трупп в Москве и Нови-Саде (1920–1924). Музыкальный педагог в Загребе (с 1925 г.).

Григорьев Виктор Иванович (? — до 24.10.1925, Париж), военный юрист, полковник Генерального штаба, оперный певец (тенор). Вероятно, обучался пению. В 1918 г. состоял в гетманской армии при гетмане П. Скоропадском, войсковой старшина. С ноября 1918 г. товарищ военного прокурора в Киевском высшем военном суде. Позднее состоял в Добровольческой армии и Вооруженных силах Юга России, военный следователь военно-полевого суда 2-го армейского корпуса. Оказавшись в Королевстве СХС, в Нови-Саде, зарабатывал на жизнь как солист в оперной труппе местного театра (два сезона: 1920/21 и 1921/22).

Гукасов Нарцис (Нерсес) Даниилович (1865 — после 1932, Париж), оперный певец (тенор). Пению обучался в Казани. Выступал как оперный певец в Екатеринбургe, Нижнем Новгороде, Самаре, Народном доме в Петербурге-Петрограде (1914–1916), Тифлисском оперном театре (1909–1917), Баку (1917–1918). Солист Белградской оперы (1920–1923) и оперной труппы в Нови-Саде (1924–1925). С 1926 г. обосновался в Париже, где руководил Русским народным театром (1928–1929), Русской опереттой (1932), концертами Товарищества русских оперных, драматических и опереточных артистов.

Дервиз Владимир Павлович (2.1.1892, Флоренция — 11.12.1966, Нью-Йорк), барон. Оперный певец (лирический тенор) и композитор русского зарубежья. Происходил из дворянского рода выходцев из Гамбурга. В Петербурге окончил 1-й кадетский корпус и Николаевское кавалерийское училище. В 1930-е гг. жил в Париже. После войны продолжил концертную и благотворительную деятельность. Автор романсов на стихи Н. Агнiewiczа, С. Есенина, И. Северянина и др. В 1952 г. поселился в США.

Дориан Анна Ананьевна (17.1.1886, Казань — 16.6.1968, Белград), оперная и концертная певица (меццо-сопрано), исполнительница русских и цыганских песен, актриса драмы. В 1920-е гг. играла и пела на сценах Национального театра в Белграде и Скопье (Македония). В середине 1930-х гг. из Скопье переехала в Белград, где играла в русских театральных труппах и в Сербском национальном театре. В феврале 1937 г. в спектакле «Осенние скрипки» И. Сургучева отметила 30-летие своей артистической деятельности.

Драусаль София Рудольфовна (в замуж. Лаптева; 25.9.1894, Александровск (по другим источникам, Александровка), Запорожье — 22.10.1991, Белград), оперная и концертная певица (колоратурное сопрано). Окончила консерваторию в Одессе (1919, класс Дельорино-Менотти), солистка театра «Интермедия» в Одессе. Выступала в Ростове-на-Дону, Харькове и Севастополе. Солистка Белградской (1920–1926; сезон 1927/28) и Новисадской опер. Гастролировала в оперных театрах Европы (в Русской опере в Париже в сезоне 1931/32), в Испании, Алжире и Марокко. Преподавала вокал в государственной музыкальной школе в Нови-Саде (1930-е гг.). В конце 1930-х гг. возвратилась в Белград, где выступала в концертах и на радио (1948–1952). В архиве Белградского радио хранится много записей оперных арий и романсов в ее исполнении.

Жукович Константин Тарасович (? — 1960, Гаага), оперный певец (бас). Окончил Киевскую консерваторию. Участник Первой мировой и Гражданской войн. Эмигрировал в Королевство СХС. Солист оперной труппы театра в Осиеке и новисадского Сербского театра (1920–1925). Уехал в Италию. Вскоре переехал в Париж, где был солистом Русской оперы (1926–1927), Русской частной оперы (1929) и Русской оперы А.А. Церетели (1930–1932). Выступал в благотворительных концертах.

Перед Второй мировой войной уехал в Берлин, приняв приглашение в Городскую оперу. После войны поселился в Голландии.

Зиновьев Лев Борисович (1876, Утена, или Уциана, Литва — 5.7.1927, Белград), оперный певец (тенор). Окончил консерваторию в Одессе (класс Коцебу), совершенствовался в Италии. Помимо Одессы, пел в Киеве, Харькове, Петербурге, Москве, Мадриде, Буэнос-Айресе, Гаване, Нью-Йорке, Лондоне, Вене... Солист Белградской оперы (1921–1926, с короткими перерывами).

Казамарова Лидия Гавриловна (по сцене Аксенова; 1900 — ?, Аргентина), оперная и концертная певица (меццо-сопрано). Хористка новисадской оперной труппы (1923–1925). Исполняла и ряд сольных партий в операх и опереттах.

Калинин Валериан Николаевич (? — 13.3.1945, Белград), полковник, хорист новисадской оперной труппы (1921–1927). Выступал и в небольших сольных партиях. Член отдела Общества русских офицеров в Королевстве СХС в Нови-Саде. Во время Второй мировой войны вступил в Русский охранный корпус. Во время боев за освобождение Белграда 18 октября 1944 г. под горой Авала был схвачен партизанами. Расстрелян как враг народа.

Калинина Валентина, хористка новисадской оперной труппы (1921–1925).

Каминский Владимир, корепетитор и дирижер Белградской оперы (1920–1923) и новисадской оперной труппы (1923–1925).

Колпиков Петр Никифорович (23.9.1895, Новочеркасск — ?, Франция), пианист, дирижер, композитор. Окончил Киевскую консерваторию. Эмигрировал в Королевство СХС. Корепетитор, дирижер и режиссер оперной труппы новисадского Национального театра (1922–1925), затем — Белградской оперы (1926–1931). Уехал в Париж. Аккомпаниатор А. Вертинского (1931). Дирижер Русской оперы, оркестра Русского балета Монте-Карло (1932–1933), известного оркестра Pasdeloup в Париже (1934), оркестра Русского балета Парижа (1934–1935). В Лионе дирижировал двумя операми Н. Римского-Корсакова. Дирижер и музыкальный руководитель балетной труппы А. Фортунато. В конце 1930-х гг. был дирижером художественного ансамбля артистов Русской оперы в Париже.

Ловшинская Елена. Оперная певица (сопрано), солистка Белградской оперы (с 17 мая 1919 по 1924 г.) и оперной труппы новисадского Национального театра (1924–1925), гастролировала в театрах Югославии.

Марков Марк С., оперный певец (драматический тенор), профессор музыкальной школы в Варшаве, солист Тифлисской оперы, оперной труппы новисадского Национального театра (1920–1922), педагог вокала в музыкальной школе им. Станковича в Белграде.

Марьящев Евгений Семенович (21.6.1883, Одесса — 21.12.1953, Титоград, ныне Подгорица, Черногория), оперный певец (бас), педагог, режиссер. Учился в Петербургской консерватории, из которой был исключен, потому что без разрешения своих педагогов пел партию Фальстафа в опере «Виндзорские проказницы». Продолжил учение в Италии. Дебютировал в Петербурге. С большим успехом выступал в Киеве, Одессе, Милане, (Ла Скала), Риме, Парме, Болонье, Флоренции, Венеции, Генуе, Турине, Неаполе, Париже, Монте-Карло, Брюсселе, Ницце, Берлине, Цюрихе, Будапеште, Лиссабоне, Амстердаме, Роттердаме... Солист и режиссер Белградской (1919–1928, 1935–1939, с перерывами, сезон 1945/46) и Новисадской оперы (сезон 1924/25). С русской художественной труппой «Карусель» гастролировал в Европе

(1928–1935). В 1939 г. отметил 35-летие своей артистической деятельности в Белграде, был награжден орденом Св. Саввы 3-й ст. После Второй мировой войны преподавал вокал в музыкальном училище Нови-Сада. По распоряжению властей был направлен в Титоград, где работал педагогом в музыкальной школе и музыкальным редактором местного радио.

Мельников Николай Васильевич (1899, Елизаветград — ?), хорист и суфлер новисадской оперной труппы (1924–1927). Выступал и в эпизодических ролях. Покинув театр, работал чиновником в управлении железных дорог.

Морис Маргарита Львовна (урожд. Астафьева; 1907 — ?), хористка новисадской оперной труппы (1926–1927). Выступала и в эпизодических ролях.

Муравцева Ксения Александровна (в замуж. Александрович; 28.12.1894, Ташкент — 27.4.1974, Нью-Йорк), дочь полковника. Окончила с отличием Смольный институт благородных девиц в Петербурге (1913), где выделялась своим прекрасным сопрано и музыкальным дарованием. На одном из концертов в институте пела при царской семье арию Антонида из оперы «Жизнь за царя», за что получила в награду золотые часы. Артистическую карьеру начала с работы в кино, снимаясь под именем Дэль вместе со знаменитой в то время Верой Холодной. Революция и эмиграция временно прервали ее карьеру, но, находясь на Кипре с русскими беженцами, Муравцева давала сольные концерты. Оказавшись в Королевстве СХС, продолжила концертную деятельность. Большой репертуар охватывал мировую и русскую классику и песни. Состояла хористкой новисадской оперной труппы (1923–1927). Пела в Новисадской оперетте (до конца 1920-х гг.). В 1930-е гг. выступала в передачах Белградского радио. Часто пела в благотворительных концертах.

Мышецкая Екатерина Васильевна (урожд. Бехтеева; 1879, Москва — ?), оперная певица (меццо-сопрано). Окончила Московскую консерваторию по классу вокала (1904). Дебютировала в Саратове. Выступала в Кисловодске, Казани, Тифлисе, Москве (опера С. Зимина), Одессе. В 1921 г. гастролировала в новисадской опере.

Николаевич Сергей (наст. имя и фам. Коровников Сергей Николаевич; 1895 — 8.10.1983, Патерсон, штат Нью-Джерси, США), сын офицера. Поручик, оперный певец (бас). Параллельно с военными училищами окончил и консерваторию по классу вокала. По недостоверным данным, состоял в труппе оперного театра в Одессе. Служил в Вооруженных силах Юга России и в Русской армии. В Нови-Саде под художественным именем Сергей Николаевич входил в состав оперной труппы местного Сербского театра (1920–1921). Во время Второй мировой войны вступил в Русский охранный корпус на Балканах. После войны обосновался в США.

Осипович Яков (наст. имя и фам. Шувалов Яков Осипович; 1870, Москва — ?). Актер, режиссер театра. Окончил драматическую студию в России (1898). В 1913 г. работал режиссером в Скопье, в годы Первой мировой войны играл в передвижных театрах при Сербской армии (Воден, Салоники), а после войны в драматических театрах Королевства СХС (Битола, Белград, Скопье, Загреб, Любляна, Осиек, Нови-Сад, Вараждин, Ниш). В Нови-Саде занимался постановками опер и оперетт.

Павлов Иван Гаврилович (1885–?), кубанский казак Ставропольского края, выступал в эпизодических ролях в новисадской оперной труппе (1922–1923).

- Пестова Елизавета Симоновна** (в замуж. Гущина; 1899, Санкт-Петербург — ?), хористка новисадской оперной труппы (1920–1921). Выступала и в эпизодических ролях.
- Попова Елизавета Ивановна** (в замуж. Каракаш; 6.9.1889, Астрахань — 17.11.1967, Лазаревское, Краснодарский край). Оперная и камерная певица (сопрано). Родилась в семье директора Астраханского духовного училища. С 1909 г. обучалась пению в Петербургской консерватории (классы А. Фортрера и И. Тартакова). Солистка Мариинского оперного театра в Петербурге (1912–1917), Большого театра, Оперного театра С. Зимина и театра «Эрмитаж» в Москве, оперных театров в Киеве, Одессе, Харькове, Финляндии. Ее партнерами были И. Ершов, А. Нежданова, Л. Собинов, Ф. Шаляпин. Записывалась на грампластинки (1913). С 1919 г. жила в Крыму. В 1921 г. с мужем М.Н. Каракашем, оперным певцом, уехала в Италию, где с большим успехом выступала во Флоренции, Риме, затем в Барселоне, в Русской опере А.А. Церетели в Париже, в Загребе. Солистка Белградской оперы (1922–1940-е гг.). Выступала в концертах и на радио. В 1944 г. возвратилась на родину. Погибла в автомобильной катастрофе.
- Попова Ирина**, хористка новисадской оперной труппы (1920–1921). Выступала и в эпизодических ролях.
- Равская Елизавета**, хористка новисадской оперной труппы (1921–1927). Выступала и в эпизодических ролях.
- Радецкий Дмитрий Иосифович**, оперный певец (тенор). Покинул военную службу для сцены. Учился в Италии. Дебютировал в Казани. Солист Петроградской государственной оперы. В 1922 г. выступил в Нови-Саде в опере «Кармен».
- Роговская Ксения Евгеньевна** (в замуж. Христинич; 7.4.1896, Варшава — 22.1.1961, Белград), оперная певица (сопрано). Солистка Оперного театра С. Зимина в Москве (с 1916 г.) и Белградской оперы (1920–1927; 1932–1943, с перерывами), некоторое время солистка Русской оперы в Париже.
- Селинский Федор Петрович** (22.4.1874, Симферополь — 12.5.1957, Русе, Болгария), дирижер, корепетитор, скрипач и альтист. Музыкальное образование получил в родном городе. Дирижер оперной труппы при новисадском Национальном театре (1923–1928). По переезде из Нови-Сада в Белград состоял дирижером Симфонического и Эстрадного оркестров Белградского радио (с 1929 г. по 5 декабря 1949 г.). Альтист оркестра Белградской оперы и камерных оркестров. После войны принял советское подданство, а в связи с ухудшением югославо-советских отношений вместе с семьей был выдворен в Болгарию.
- Сибирякова Варвара Николаевна (Александровна?)** (около 1892 — ?), оперная певица (сопрано). Солистка оперной труппы новисадского Национального театра (1920–1921), затем Белградской оперы.
- Смоленский Александр Федорович** (1892, Елизаветград — ?), поручик. Участник Гражданской войны на Юге России. В Королевстве СХС хорист новисадской оперной труппы (1921–1922).
- Соболева Мария**, хористка новисадской оперной труппы (1920–1921). Выступала и в эпизодических ролях.
- Стеблина Матильда**, хористка новисадской оперной труппы (1920–1923). Выступала и в эпизодических ролях.
- Тамарова**, хористка новисадской оперной труппы (1925–1926).

- Таран Даниил**, хорист новисадской оперной труппы (1921–1926). Выступал и в эпизодических ролях.
- Трегубова Антонина Ивановна** (урожд. Бойко; 20.6.1899, Лебедин Харьковской губ. — ?), хористка новисадской оперной труппы (1923–1927). Исполняла и ряд сольных партий.
- Троснянский Александр Михайлович** (около 1884, станица Голубинская Области войска Донского — 24.6.1936, Париж). Оперный певец (баритон). Родился в семье священника. Окончил приходское училище в станице и духовное училище в Новочеркасске. Некоторое время учился в Донской духовной семинарии. После окончания гимназии в Мариуполе (золотая медаль) поступил в Технологический институт в Петербурге. Наделенный от природы красивым голосом и музыкальными способностями, одновременно брал уроки пения. В 1911 или 1912 г. поступил в Театр музыкальной драмы при Петроградской консерватории, где обратил на себя внимание Л.В. Собинова. Неоднократно выступал с ним в концертах в столицах и городах России. В 1914–1917 гг. был артистом Большого театра в Москве. В конце 1917 г. вернулся на Дон и вольноопределяющимся вступил в формирующуюся атаманом П.Н. Красновым Донскую армию. Воевал и в рядах Добровольческой и Русской армий. Пережил голод и холод в военных лагерях Турции и на греческом острове Лемнос. В начале 1922 г. перебрался в Королевство СХС, в Нови-Сад, где до 1924 г. пел в оперной труппе местного сербского театра. Выступал и в концертах. В 1924 г., после упразднения оперной труппы, покинул Нови-Сад и уехал в Италию. Четыре года был регентом кафедрального собора Санта-Мария дель Фьоре во Флоренции. В начале 1930-х гг. Троснянский переехал во Францию. Творческую карьеру продолжить не смог и служил в частном банке в Париже.
- Тургенева Ольга**, в Вооруженных силах Юга России была сестрой милосердия, в эмиграции хористка новисадской оперной труппы (1922–1926). Выступала и в эпизодических ролях. С 1926 г. хористка Белградской оперы.
- Федоров Сергей Митрофанович** (1893, Россия — 1944, Белград), хорист новисадской оперной труппы. Выступал и в эпизодических ролях.
- Фигуровский Павел Александрович** (28.8.1889, станица Упорная, Кубань — 30.1.1959, Нови-Сад). Член оперной труппы новисадского Национального театра (1921–1925), затем многолетний регент хора ремесленников «Невен» и церковного хора православного собора Св. Георгия в Нови-Саде.
- Флегинская Александра Львовна** (урожд. Кохановская; 10.11.1892, Екатеринодар — 15.3.1969, Нови-Сад), хористка и исполнительница эпизодических ролей при оперной труппе новисадского Национального театра (1920–1925).
- Холодков Павел Федорович** (28.6.1888, Рязань — 15.5.1967, Белград). Оперный певец (баритон). Окончил Московскую консерваторию (1913). Солист Оперного театра С. Зимина в Москве, Оперы в Одессе и Белградской оперы (1920–1922; 1928–1951), Оперы в Любляне (1925–1928). Гастролировал во многих городах Европы (1923–1924). Солист и педагог в Скопье (с 1949).
- Шевченко Мария Федоровна** (в замуж. Ванифатова; 3.8.1896, Екатеринослав — 1976, Нови-Сад), хористка и исполнительница эпизодических ролей при оперной труппе новисадского Национального театра (1921–1928).
- Ширай Василий Сергеевич** (8.11.1885, Санкт-Петербург — 27.7.1960, Париж), юрист, товарищ прокурора, оперный певец (баритон). Окончил юридический факультет

Петербургского университета. Параллельно учился в Петербургской консерватории. Состоял в Вооруженных силах Юга России и в Русской армии. Эвакуирован с семьей в январе 1920 г. из Одессы в Салоники, а затем перебрался в Королевство СХС, в Нови-Сад, где содержал семью, поступив солистом в оперную труппу новисадского Национального театра (1920–1923). После странствий по городам Европы с семьей обосновался в Париже, где уже не пел.

Энгельгардт Евгения Евгеньевна (1899, Санкт-Петербург — ?), хористка новисадской оперы (1921–1927). Выступала и в эпизодических ролях.

Эрдман Елена (1891–?), хористка новисадской оперы (1925–1926). Выступала и в эпизодических ролях.

Юрнев Георгий Матвеевич (21.6.1891, Москва — 5.12.1963, США). Оперный певец (баритон). Выпускник Московской консерватории, совершенствовался в Италии и Париже. Дебют в Москве состоялся в 1917 г. Солист Белградской оперы (1921–1928), затем солист Русской оперы в Париже. Гастролировал во многих европейских оперных театрах. После войны в Брюсселе стал преподавателем вокала. Уехал в США. Скончался после продолжительной болезни. Похоронен на кладбище при Ново-Дивеевском монастыре, Спринг-Вэлли.

Янышев Григорий (ок. 1887, Россия — 9(22).7.1944, близ Белграда), хорист Новисадской оперы. Выступал и в эпизодических ролях. Во время Второй мировой войны вступил в Русский охранный корпус. Погиб.

Литература

- Арсеньев 1999 — *Арсеньев А.* У излуцины Дуная: Очерки жизни и деятельности русских в Новом Саду. М.: Русский путь, 1999. 256 с.
- Веснић 1961 — *Веснић Р.* Новосадска позоришта између два рата // Српско народно позориште у Новом Саду. Споменаца 1861–1961. Нови Сад: Српско народно позориште, 1961. С. 279–328.
- Годишњак 1926 — Годишњак позоришне сезоне 1925/26. Нови Сад: Народно позориште у Новом Саду, 1926. 24 с.
- Годишњак 1927 — Народно позориште у Новом Саду. Годишњак позоришне сезоне 1926/27. Нови Сад: Народно позориште у Новом Саду, 1927. 32 с.
- Драгутиновић 1968 — *Драгутиновић Б.* Прологомена за историју Опере и Балета Народного позоришта. Покушај једне синтезе // Један век Народного позоришта у Београду 1868–1968. Београд: Народно позориште у Београду, 1968. С. 103–157.
- Еберст 1998 — *Еберст А.* Пола века хора Опере (1947–1997) // Педесет година опере Српског народног позоришта / приредили В. Крчмар и др. Нови Сад: Српско народно позориште, 1998. С. 11–17.
- Живковић 1935 — *Живковић М.* Јубиларна представа Севиљског берберина // Време (Београд). 1935. 16 март. С. 7.
- Иза кулиса 1920 — *Иза кулиса // Дунав (Нови Сад).* 1920. 8 октобар. С. 3.
- Конгрес 1921 — Конгрес глумца у Љубљани // Дунав. 1921. 17 јули. С. 3.
- Крчмар 2004 — *Крчмар В.* Балет првих педесет година (1950–2003). Нови Сад: Српско народно позориште, 2004. 216 с.
- Милановић 1998 — *Милановић М.* Оперски почеци у Новом Саду // Педесет година опере Српског народног позоришта / приредили В. Крчмар и др. Нови Сад: Српско народно позориште, 1998. С. 5–7.

- Милојевић 1921 — *Милојевић М.* Руси и питање наше опере // Политика (Београд). 1921. 22 октобар. С. 1–2.
- Позориште 1920 — Позориште и опера // Дунав. 1920. 15 октобар. С. 1.
- Поповић 1982 — *Поповић В.* Записи из позоришта. Нови Сад: Народно позориште, 1982. 368 с.
- Руски 1920 — Руски уметници у Новом Саду // Застава (Нови Сад). 1920. 12 августа. С. 3.
- Суботић 1920 — *Суботић О.* Руски уметници међу нама // Застава. 1920. 23 децембар. С. 3.
- Суботић 1921 — *Суботић О.* Крај овогодишње позоришне сезоне // Застава. 1922. 10 јули. С. 3.
- Суботић 1923 — *Суботић О.* Пикова дама // Застава. 1923. 3 јануар. С. 3.
- Суботић 1924 — *Суботић О.* Чувајмо оперу и оперету // Застава. 1924. 3 јули. С. 3.
- Суботић 1928 — *Суботић О.* «Тоска» после приличне паузе // Застава. 1928. 22 јануар. С. 2.
- Суботић К. 1920 — *Суботић К.* Позориште и Опера // Дунав. 1920. 22 октобар. С. 3.
- Стојковић 1961 — *Стојковић Б.* Из живота и рада Српског народног позоришта између два рата // Српско народно позориште у Новом Саду. Споменица 1861–1961. Нови Сад: Српско народно позориште, 1961. С. 411–416.
- Турлаков 2005 — *Турлаков С.* Историја Опере и Балета Народног позоришта у Београду, до 1941. Београд: Издање аутора и Чигоја штампа, 2005. 939 с.
- Храниловић 1921 — *Храниловић Ј.* Наша опера // Јединство (Нови Сад). 1921. 30 јануар. С. 1.
- Volk 1992 — *Volk P.* Pozorišni život u Srbiji 1835–1944. Beograd: Fakultet dramskih umetnosti, 1992. 570 s.

Дж. Боровняк

РОССИЙСКИЕ АРХИТЕКТОРЫ И ИНЖЕНЕРЫ – ЭМИГРАНТЫ В БЕЛГРАДЕ МЕЖДУ ДВУМЯ МИРОВЫМИ ВОЙНАМИ

Российские специалисты в области архитектуры и градостроительства, эмигрировавшие в Королевство сербов, хорватов и словенцев / Югославию, оставили значительный след в сербском зодчестве межвоенного периода (первая половина XX в.), и особенно в облике столицы — Белграде.

Спасаясь от большевистского террора после Октябрьской революции 1917 г., российские архитекторы оказались в Королевстве СХС в составе нескольких эмигрантских волн. В период с 1919 по 1921 г. в страну прибыло около сорока пяти тысяч беженцев, среди которых — около семидесяти архитекторов. В дальнейшем государство приняло более восьмидесяти архитекторов и около ста инженеров-строителей, занимавшихся проектированием [Јовановић 1996]. Примерно треть эмигрантов, в числе которых были самые известные российские специалисты, нашла убежище в Белграде. Благоклонность и покровительство сербского монарха, короля Александра I Карагеоргиевича (1888–1934), содействовали тому, чтобы прибывшие архитекторы вписались в новую «братскую» среду и нашли свой новый дом, свою вторую, «зарубежную» Россию.

Сербская историография уделила много внимания тщательному анализу и оценке их богатого творчества [Тошева 1994; Арсеьев 1994; Кадичевић 1994; Миленковић 1995; 1997; Kadijević, Đurđević 1998; Kadijević, Đurđević 2001; Маневић 2008; Богуновић 2005; Тошева 2012]. Архивные материалы, фотографии и мемуары, свидетельствующие о профессиональной деятельности русских зодчих-эмигрантов, хранятся во многих сербских архивах, библиотеках, музеях¹ и частных коллекциях². Архивные материалы — градостроительная документация в виде чертежей, эскизов, планов, конкурсных проектов, моделей и фотографий — явля-

¹ Наиболее полный комплекс проектной документации русских архитекторов и инженеров-строителей хранится в Архиве Югославии, в фонде Министерства строительства, который содержит документы деятельности архитектурного и инженерного отделов Министерства строительства (ф. 62), и в фонде Двор Королевства Югославия (ф. 74); в Историческом архиве Белграда, где находятся акты и проектная документация технической дирекции Общины города Белграда, а также личные документы многих специалистов-эмигрантов; в Музее науки и техники, архитектурное отделение которого унаследовало материалы самых значительных сербских архитекторов XIX и XX вв., в том числе и проекты русских архитекторов; соответствующий архивный материал и значительные коллекции хранятся также в Музее города Белграда.

² Особый интерес для нашей темы представляет богатая частная коллекция Милоша Юришича.

ются важным источником при систематизации и анализе их работы и свидетельствуют о ней как о неотъемлемой части архитектурного наследия Сербии.

В июне 1920 г. в Королевстве СХС был создан Союз русских инженеров — первая профессиональная организация беженцев в стране. Поначалу членами союза были в основном инженеры-транспортники, горные и военные инженеры, позже — преимущественно архитекторы. Союз удостоверял дипломы высших учебных заведений и выдавал сертификаты, необходимые инженерам, прибывшим без соответствующих документов. В течение 1930-х гг. союз издавал журнал «Инженер» [Миленковић 1997, с. 64; Танин 2009, с. 293].

Прибывшие в Белград россияне жили в основном на съемных квартирах, некоторым из них, более зажиточным, удалось приобрести частные дома и квартиры, зачастую они помогали своим бедствовавшим коллегам. Ряд сербских архитекторов также оказывал гостеприимство российским специалистам: так, семейный дом Ездимира Денича (1895–1970), близкого соратника Николая Краснова (1864–1939), был убежищем для некоторых русских эмигрантов, живших в подвальном помещении здания. Среди беженцев-россиян в этом доме нашла приют художник Вера Павлова, которая учила первым художественным приемам и технике пастели и акварели младшего сына Ездимира Денича Мирослава, впоследствии архитектора; муж В. Павловой рисовал киноплакаты для известной немецкой киностудии «Универсум Фильм Акциенгезельшафт» (UFA, «Universum Film AG»). Вместе с ними площадь первого этажа делили Григорий Скворцов и Николай Ващенко, бывшие белогвардейские офицеры. После Второй мировой войны Вера Павлова жила в Аргентине, Скворцов выбрал Болгарию, а Николай Ващенко остался в Сербии, где и скончался³.

В Белграде трудились три поколения русских зодчих: старшее прибыло в Королевство СХС на пике своей творческой деятельности и состояло из нескольких хорошо известных и зрелых профессионалов с богато реализованной архитектурной практикой (Константин Николаевич Амосов, Василий Михайлович Андронов, Вильгельм Федорович Баумгартен, Георгий Павлович Ковалевский, Николай Петрович Краснов, крупнейший среди прибывших, придворный архитектор и академик архитектуры). Так называемое среднее поколение архитекторов профессионально выросло и зарекомендовало себя в Королевстве СХС / Югославии — это Виктор Викторович Лукомский, Валерий Владимирович Сташевский, Владимир Иванович Былинский и др. Младшее поколение окончило учебу уже в Белградском университете: Петр Дмитриевич Анагности, Андрей Васильевич Папков, Григорий Иванович Самойлов, Павел Крат и др.

В период между двумя мировыми войнами сербская архитектура развивалась особенно интенсивно — необходимо было восстановить разрушенную страну, разработать городские программы и архитектурные модели, а также возместить отсутствие профессиональных проектировщиков — жертв Первой мировой войны. Как видные эксперты, получившие образование в престижных академиях и

³ *Боровняк Дж.* Архитект Ездимир Денић (1895–1970), рукопись. Выражаю благодарность семье Денич, любезно предоставившей доступ к семейным документам.

*Духовная семинария Св. Саввы, Белград. Арх. П. Анагности
(из коллекции Милоша Юришича)*

*Здание Генерального штаба, Белград. Арх. В. Баумгартен
(из коллекции Милоша Юришича)*

*Русский дом, ул. Королевы Натальи,
Белград (фото Н. Карнова).
Арх. В. Баумгартен
(из коллекции Милоша Юришича)*

*Перекресток улиц Царя Душана и Князны
Любицы, д. 70, Белград. Арх. В. Билинский
(из коллекции Милоша Юришича)*

имевшие большой профессиональный опыт, русские архитекторы довольно быстро нашли свое место в самых важных государственных и муниципальных учреждениях и в конечном итоге достигли высокого положения в Королевстве СХС.

Русские специалисты помогли решить проблему и отсутствия педагогических кадров, что также являлось следствием Первой мировой войны. Многие россияне-архитекторы занимались не только проектированием, но и педагогической работой в средних технических школах и в университете Белграда. Так, профессорами Инженерной школы были Андрей Алексеевич Крат (р. 1900)⁴ и Николай Васильевич Белозеров (р. 1898). Последний преподавал начертательную геометрию в мужской профессиональной школе, а также служил в Управлении трамваев и освещения Городского управления в Белграде⁵.

В Белградском университете преподавал Петр Дмитриевич Анагности, возглавлявший кафедру начертательной геометрии, которую он унаследовал от архитектора Джурья Баяловича. Григорий Самойлов был ассистентом Александра Дероко по кафедре византийской архитектуры [Високошколка настава 1996, с. 149; Ђурђевић 2000–2001; Миловановић 1994; Ђурђевић 1997]. Профессором Белградского университета служил инженер Константин Васильевич Марков (р. 1908); здесь же в качестве ассистента преподавал Борис Сергеевич Никитин (р. 1898)⁶.

⁴ ИАБ, УГБ. Картотека житеља. В данном архиве указаны только даты рождения.

⁵ Там же. Мушка занатска школа. Записници наставничког већа. Инв. бр. 1.

⁶ Там же.

*Константин Сергеевич
Марков (Исторический
архив Белграда)*

*Людмила Родионовна Крат
(Исторический архив
Белграда)*

Многие молодые россияне, чье образование было прервано революцией 1917 г., продолжили свою профессиональную подготовку уже в эмиграции, в университете Белграда. Здесь учились Борис Александрович Иванов, Валентин Борисович Казанский, Ирина Васильевна Котельникова, Владимир Александрович Киракозов, Иван Николаевич Латышев, Федор Сергеевич Левшин, Владимир Николаевич Русанов. Архитектурный факультет окончили Виктор Васильевич Козлов, Павел Васильевич Крат, Людмила Родионовна Крат, Дмитрий Константинович Кудрявцев, Игорь Максимилианович Блументау, Алексей Васильевич Стерлигов, Константин Константинович Булгаков⁷.

Наиболее выдающиеся русские архитекторы и инженеры получили работу в ведущих национальных организациях королевства. Прежде всего в министерствах, деятельность которых охватывала всю территорию страны, и в первую очередь в Министерстве строительства — крупнейшем государственном конструкторском бюро, центре архитектурной элиты. Работали они и в общинных гражданских дирекциях, нередко — в частных архитектурных бюро.

Министерство строительства было разделено на две профессиональные части — инженерное и архитектурное отделения. Инженерное отделение состояло из департамента автомобильных дорог и мостов, землемерного и машиностроительного отделов, отдела зданий, памятников и художественного оформления городов и сел, школ и мест поклонения, экономических и промышленных зданий, отдел госпиталей и устройство курортов [Тошева 1999; 2012].

Русские специалисты наряду со своими сербскими коллегами участвовали в строительстве и восстановлении королевства и его главного административного центра — Белграда, работая на самых сложных участках: строительстве государственных,

образовательных, коммерческих и промышленных зданий, больниц, религиозных сооружений, мемориалов.

Работа в архитектурном отделении Министерства строительства отличалась серьезной конкуренцией лучших сербских архитекторов того времени. Именно

⁷ ИАБ, УГБ. Мушка занатска школа. Записници наставничког већа. Инв. бр. 1.

здесь были проведены наиболее значительные архитектурные конкурсы и спроектированы важнейшие государственные здания. Несмотря на серьезность и большой объем работы, в департаменте царил коллегияльная атмосфера; русские архитекторы, особенно старшего поколения, были просто незаменимы. Архитектурное отделение собрало самых известных из них, здесь служили: Н.П. Краснов [Кадиджевић 1997; Николај Краснов 2014], В.М. Андросов [Маневић 2008; Богуновић 2005; Тошева 2004], В.В. Лукомский [Кадиджевић 1999–2000], В.В. Сташевский [Ђурђевић 1998–1999], М.В. Кирквуд, Р.Н. Верховский [Кадиджевић 1999], Н. Виноградов. В Министерстве строительства работали Лев Петрович Воронцов, Виктор Иванович Гансон, Людмила Ивановна Полюшкина, Сергей Дмитриевич Иванов⁸.

Русские эмигранты работали в Министерстве строительства по контракту. К июню 1924 г. их насчитывалось 180 человек из 240 служащих по временному договору; в декабре 1925 г. их было уже 191, а в декабре 1927 г. — 138. Увеличение числа местных кадров, прошедших обучение, приводило к сокращению русских специалистов, но не уменьшало потребности в них. В 1932 и 1933 гг. русских сотрудников Министерства строительства насчитывалось 122 человека, в 1937 г. их количество сократилось до 94 человек⁹. Поскольку русские архитекторы и инженеры-градостроители не являлись подданными королевства, договор с ними продлевался раз в два года, однако это не влияло на их работу. Напротив, именно русским специалистам принадлежали наиболее важные архитектурные решения, связанные почти со всеми основными зданиями Белграда.

Сохранившиеся архивные данные свидетельствуют, что и в других министерствах Королевства СХС работало немало русских эмигрантов. Так, в Министерстве транспорта служил архитектор Всеволод Владимирович Бутовский (р. 1910)¹⁰; инженер-строитель Федор Петрович Гамелеев (р. 1898) был помощником руководителя технических работ в Министерстве социальной политики и здравоохранения, а также в Министерстве лесного и горнорудного хозяйства¹¹. В Министерстве обороны и военно-морского флота работали Иван Афанасевич Рик (р. 1888), Владимир Павлович Комаров (р. 1888), Алексей Ильич Сахаров (р. 1876)¹², в местной администрации — Леонид Тахалевич Тарасов (р. 1899) и Коста Иванович Фомин (р. 1873). Борис Григорьевич Фесенков (р. 1890) работал землемером в Государственной дирекции железных дорог¹³. Хрисанф Александрович Виноградов (р. 1876) был членом Художественной комиссии по подготовке генерального плана по регулированию Верхнего города Белградской крепости (1925) и вел надзор

⁸ Там же.

⁹ АЮ-62. Личные документы. Ф. 2.

¹⁰ ИАБ, УГБ. Картотека жителя.

¹¹ Работал на проектировании и строительстве жилых зданий. У него было свое конструкторское бюро по строительству и реконструкции государственных и частных зданий (ИАБ, ОГБ, АО. Личные данные).

¹² ИАБ, УГБ. Картотека жителя.

¹³ Там же.

за работами по обустройству юго-западной части Верхнего города Белградской крепости (1927)¹⁴.

Еще одним престижным учреждением, в котором работали русские архитекторы и инженеры, была Община города Белграда. Здесь они служили при технической дирекции и занимались развитием ведущих проектов, положивших начало планированию и архитектурному развитию Белграда. В подразделениях дирекции, в инженерном, архитектурном и кадастровом отделах русские специалисты-эмигранты работали в секциях сохранения мостовых и дорог общего регулятивного плана, исполнения регуляций и поддержания кадастра, в департаменте парков и лесоразведения и в строительной комиссии [Кузмановић 1933]. Руководителем Бюро генерального плана был Георгий (Джордже) Ковалевский [Вукотић 1997], который при подготовке общего плана городского развития в значительной степени влиял на территориальное планирование Белграда и Земун (сохранились его проекты и эскизы дороги через Нижний город в Белграде, регулирования судоходного канала в Земуне, площади перед железнодорожным вокзалом в Земуне, пересмотра плана Земун, нового променада в Калемегдане)¹⁵.

Архивный материал включает в себя информацию о работе и других русских архитекторов в этом престижном заведении города Белграда: инженер Николай Николаевич Хунковский (р. 1878) служил в техническом отделе как контрольный инженер и как член нескольких комиссий возглавлял ремонт и прием зданий¹⁶; архитектор Анатолий Ильич Хмара (р. 1878) состоял в строительном отделе Общины города Белграда¹⁷; Николай Агальцев был главным архитектором-техником и проектировщиком в области строительства и канализации отдела городского управления Белграда раздела Земун¹⁸. Архитекторы Всеволод Соколов¹⁹ и Константин Константинович Булгаков (р. 1908) служили в инженерном отделе Общины города Белграда как внештатные рисовальщики и землемеры²⁰. Известный архитектор Александр Васильевич Яковлев (р. 1872) работал в Кадастре Общины города Белграда²¹, здесь же служил инженер Владимир Журавлев, также старший инспектор при Министерстве транспорта²². Архитектор Георгий Грейц (р. 1907) был членом консультативного совета по изменению регуляции Земун²³. В депар-

¹⁴ ИАБ, УГБ. Картотека жителя; ИАБ, ОГБ. Одељак у Земуну. К-669. Несређена архивска грађа.

¹⁵ ИАБ, ОГБ, ТД.

¹⁶ ИАБ, УГБ. Картотека жителя.

¹⁷ ИАБ, ОГБ, АО. Персонални досије.

¹⁸ ИАБ, УГБ. Картотека жителя.

¹⁹ ИАБ, ОГБ. Одељак у Земуну. К-531, 580–582. Несређена архивска грађа.

²⁰ До поступления на службу в Общину города Белграда работал техником в отделе по изучению и устройству несудоходных рек Министерства строительства (ОГБ, АО. Личные данные).

²¹ Александр Васильевич Яковлев был членом Союза русских инженеров и архитекторов в КСХС. В России работал в качестве архитектора в Санкт-Петербурге, Иркутске и Чернигове. Изучал жилищно-коммунальное хозяйство в Берлине. Руководил работами в Севастопольской и Ревельской крепостях (ИАБ, УГБ. Картотека жителей; АО. Личные данные. В/5, 31/2; ОГБ, АО. 1923.Ф. 21. Р. 292. Инв. бр. 52).

²² ИАБ, ОГБ, АО. 1923. Ф. 21. Р. 292. Инв. бр. 52.

²³ ИАБ. Градско поглаварство Земун. К-558. Несређена архивска грађа.

*Александр Анастасьевич Челпанбаев
(Исторический архив Белграда)*

*Александр Васильевич Васильев
(Исторический архив Белграда)*

таменте транспорта Общины города Белграда работали землемер Валерий Гусев²⁴ и инженер Леонид Николаевич Дмитриев (р. 1884), который занимался вопросами мощения дорог и улиц в Белграде, подъемом трамваев с колесной дороги на насыпь Калемегданского склона и очисткой щебня после бомбардировки Белграда 6 апреля 1941 г. (он также активно участвовал в организации муниципальных семинаров по асфальтированию города в 1931 г.)²⁵. В Управлении трамваев и освещения работал архитектор Александр Анастасьевич Челпанбаев (р. 1894)²⁶. Некоторые русские специалисты служили в Центральном бюро по реставрации Белграда (например, Александр Васильевич Яковлев²⁷). Некоторые из них (как, например, Алексей Алексеевич Васильев (р. 1901)) занимались защитой культур-

²⁴ ИАБ, ОГБ, АО. Досье 54/12.

²⁵ Окончил университет в Санкт-Петербурге (1910). В годы Первой мировой войны занимался мобилизацией транспорта и переброской войск и боеприпасов; руководил эксплуатацией Юго-Восточной железной дороги (1918–1920). Награжден орденом Св. Анны 3-й степени. В Белград приехал в 1920 г. Удостоверением Технического факультета в Белграде получил право инженера-строителя. Занимался и частной практикой (1922–1923), а после этого работал в Общине Белграда (ИАБ, ОГБ, АО. Личные данные 183/25. АО, досье 185/50).

²⁶ Гимназию окончил в Кракове, учился в Политехническом институте в Санкт-Петербурге. Участник Первой мировой войны. Эвакуирован в 1920 г. из Крыма в Константинополь, затем жил в КСХС. Участвовал в реконструкции террас на Калемегдане (с инженером Н. Станковичем) (ИАБ, УГБ. Картотека жителей; ИАБ, ОГБ, ТО. Инв. бр. 478).

²⁷ ИАБ, ОГБ, ТД. Пасивна заштита 1941–1944.

*Перекресток улиц Загребска и Карагеоргиевича, д. 67, Белград. Арх. А. Васильев
(из коллекции Милоша Юришича)*

ного наследия и нашли свое место на службе в Военном музее — в Библиотеке и Музее Общины города Белграда²⁸.

Некоторые русские архитекторы имели собственные конструкторские бюро, среди них — Игорь Максимилианович Блуменау (р. 1910)²⁹, Георгий Валерианович Шашевский, Михаил А. Глущенко (р. ок. 1892), Василий Федорович Гончаров (р. 1905), инженер-строитель и владелец конструкторского бюро «Гранит»³⁰, Александр А. Красильников, архитектор.

²⁸ А. Васильев окончил архитектурный отдел Технического факультета в Белграде. Занимался техническим описанием старых памятников Белграда (Тюрбе, Текия, Башня Небойша, Ночлег князя, Устройство Военного музея). Работал в Военном музее (1935–1940). В 1939–1942 гг. работал по договору в Библиотеке и Музее Общины города Белграда. В 1945 г. направлен на работу в технический отдел, где служил в течение года. Руководители оценивали его как отличного эксперта, очень трудолюбивого и надежного. По предложению начальника Военного музея генерала Войслава Вуковича был награжден Серебряной медалью за усердную службу (1937). Работал и в ателье архитектора Александра Джорджевича. В просьбе о приеме на службу в Библиотеку и Музей Общины города Белграда в качестве архитектора-художника для описания исторических памятников Белграда отметил, что в дополнение к профессиональной архитектурной работе занимается живописью и художественной фотографией, имеет опыт реставрации старых фресок, гравюр, фотографий и практику в орнаментике (ИАБ, УГБ. Картотека жителей; ИАБ, ОГБ, АО. Личные данные).

²⁹ Работал по договору в Технической дирекции Общины города Белграда (ИАБ, УГБ. Картотека жителей; ИАБ, ОГБ, АО. Личные данные).

³⁰ ИАБ, УГБ. Картотека жителя; ОГБ, АО. Персонални досије.

*Дом военных инвалидов и сирот, ул. Джорджа Вашингтона, д. 12, Белград. Арх. А. Васильев
(из коллекции Милоша Юришича)*

*Военно-картографическое учреждение, Белград. Арх. А. Васильев
(из коллекции Милоша Юришича)*

*Игорь Максимилианович Блуменау
(Исторический архив Белграда)*

Частной практикой занимались инженеры, строители и предприниматели, которые вели работы по строительству и ремонту всех типов зданий, мощению улиц, проведению водопровода: Матвей Зиновьевич Айзенберг (р. 1889), Павел Андори, Александр Евгеньевич Бунин (р. 1876), Виктор Лихвенцов (р. 1893), Яков Абрамович Козинский (р. 1884) — совместно с И. Палибиным он являлся владельцем компании «Градженик», осуществляющей доставку специальных камней для мощения улиц в Белграде³¹.

Русские архитекторы, инженеры и строители довольно легко интегрировались в новую среду и свои проекты подписывали уже на сербском языке. Верные и талантливые последователи классической архитектуры, они предлагали традиционные архитектурные решения и во многом определили облик Белграда: Белградскую крепость, пристань реки Савы, променада с Большой лестницей на Калемегдане, площадь вокруг Дома народной скупщины, а также наиболее представительные улицы столицы. Именно русские специалисты, приверженцы академического стиля, создали самые важные правительственные здания Белграда: Министерство финансов, Министерство лесного, горнорудного, сельского и водного хозяйства, Генеральный штаб армии и морского флота, Государственный архив, здание почты и телеграфа, а также интерьеры и окончательные работы в парламенте, дворцовом комплексе на Дединье и других общественных учреждений (палата пенсионного фонда чиновников Национального банка, театр «Манеж»). В качестве декора русские зодчие часто использовали скульптурные композиции и геральдические мотивы (так, именно они ввели в сербскую архитектуру скульптурные изображения львов).

Помимо проектирования официальных государственных зданий в академическом стиле, русские специалисты очень быстро овладели проектированием и в другом, неофициальном государственном стиле — сербско-византийском. В продвижении сербского национального стиля в архитектуре король Александр I Карагеоргиевич и Сербская православная церковь с особым доверием уступили им строительство самого важного объекта — здания патриархии. Кроме того, русские зодчие проектировали новые церкви, занимались реконструкцией существующих храмов и монастырей (церковь Св. Георгия на Чукарице, небольшая церковь Св. Саввы на Врачарском плато, церковь Св. Архангела Михаила

³¹ Козинский работал как рисовальщик у архитектора Войслава Заджины (1924), сотрудничал и с архитектором Айзенбергом (1924–1928). После 1928 г. независимо проектирует и выполняет работы (ИАБ, УГБ. Картоотека жителей; ИАБ, ОГБ. Отдел в Земуне. К-669. Необработанный архивный материал).

на Хумской улице, церковь Ружица на Калемегдане, интернат для студентов факультета теологии, монастырь Введения Пресвятой Богородицы в Белграде на Сеняке), а также памятников-склепов и мемориалов. Одним из самых плодотворных архитекторов в этой области был Василий Михайлович Андросов, который работал в архитектурном отделении Министерства строительства, где создал более восьмидесяти проектов для церковных зданий по всему Королевству Югославия, и многие из них были реализованы [Кадиевић 1996; Боровняк 2013; 2014]. Архитектор Петар Попович в своем докладе в 1924 г. отмечал: «Он проектирует и рисует отлично. Он специалист по церквям и по моим инструкциям вошел и в наш стиль»³². Однако признание за свою работу Андросов получил только после трех лет службы в Министерстве строительства.

Для своей общины русские архитекторы спроектировали церковь Св. Троицы на Ташмайдане, русскую часовню на Новом кладбище и мемориал-склеп русским воинам, погибшим в годы Первой мировой войны, Русский дом имени императора Николая II, создали проект Дома русских военных инвалидов имени царя Николая II. Частью многочисленной группы русских эмигрантов, прибывших в Сербию в начале 1920-х гг., были и калмыки. Для их религиозной общины русский архитектор Андрей Клепинин спроектировал небольшой буддийский храм на окраине Белграда, тогда единственный в Европе [Vukotić, Lazar 2012].

Уникальные объекты русских зодчих, выполненные преимущественно в строгом академическом стиле, сформировали архитектурно-урбанистический облик не только центральной городской площади, но и многих других районов Белграда. Руководствуясь высокими идеалами и приверженностью своей профессии, они внесли значительный вклад в укрепление российско-сербских отношений, воплощенных в архитектуре Белграда. Многие из них по решению короля Алек-

*Памятник-склеп русским солдатам,
погибшим в Первой мировой войне, Белград.
Арх. Н. Верховский*

³² АЮ-62. Личные документы. Ф. 2.

*Калмыцкий буддийский храм, Белград. Арх. А. Клепинин
(из коллекции Милоша Юришича)*

сандра I Карагеоргиевича были удостоены самых престижных югославских государственных наград³³.

После убийства короля Александра в Марселе в 1934 г. русские архитекторы потеряли своего первого и главного покровителя... Уже к середине 1940-х гг. в сербской архитектуре стали доминировать новые модернистские концепции. Немецкая оккупация страны и Вторая мировая война, как и период после освобождения, привели к тому, что русским эмигрантам, в том числе инженерам и архитекторам, пришлось снова оказаться на дороге новых миграций — на этот раз еще более далеких.

Источники и литература

АЮ — Архив Югославии, Белград, Республика Сербия

АО — Архитектурный отдел

ИАБ — Исторический архив города Белграда, Белград, Республика Сербия

ОГБ — Община города Белграда

УГБ — Управа города Белграда

ТД — Техническая дирекция Общины города Белграда

Арсеньев 1994 — *Арсеньев А.* Биографски именик руских емиграната // Руска емиграција у српској култури XX века: Зборник радова. Т. 2. Београд, 1994. С. 228.

³³ АЮ. Књига одликованих службеника Министарства грађевина КЈ за период 1919–1940.

- Богуновић 2005 — *Богуновић С.Г.* Архитектонска енциклопедија Београда XIX и XX века. Т. 2. Београд, 2005. С. 669.
- Боровњак 2013 — *Боровњак Ђ.* Верски објекти у Београду: пројекти и остварења у документима Историјског архива Београда: Каталог изложбе. Београд, 2013.
- Боровњак 2014 — *Боровњак Ђ.* Прилози проучавању опуса архитекте Василија Михајловича Андросова: два нереализована пројекта међуратног периода на простору Косова и Метохије // Архив: Часопис Архива Југославије. Београд, 2014.
- Ђурђевић 1997 — *Ђурђевић М.* Григорије Самојлов // Годишњак града Београда, XLVII–XLVIII. Београд, 1997. С. 257–272.
- Ђурђевић 1998 — *Ђурђевић М.* Прилог проучавању делатности архитекте Валерија Владимировича Сташевског у Београду // Годишњак града Београда, XLV–XLVI. Београд, 1998–1999. С. 151–170.
- Ђурђевић 2000–2001 — *Ђурђевић М.* Прилог проучавању живота и дела архитекте Петра Димитријевића Анагностија // Годишњак града Београда, XLVII–XLVIII. Београд, 2000–2001. С. 237–251.
- Високошколска настава 1996 — Високошколска настава архитектуре у Србији (1846–1971). Београд 1996. С. 149.
- Вукотић 1997 — *Вукотић М.* Уређење и проширење Београда по плановима Ђорђа Коваљевског // Руска емиграција у српској и другим словенским културама (тезе реферата), ур. М. Сибиновић. Београд, 1997. С. 51–52.
- Јовановић 1996 — *Јовановић М.* Досељавање руских избеглица у Краљевину СХС 1919–1924, Београд, 1996.
- Кадиевић, 1994 — *Кадиевић А.* Допринос руских неимара емиграната српској архитектури између два светска рата // Руси без Русије. Српски Руси: Зборник радова. Београд, 1994. С. 242–254.
- Кадиевић, 1996 — *Кадиевић А.* Градитељство Лесковца и околине између два светска рата. Лесковац, 1996.
- Кадиевић, 1997 — *Кадиевић А.* Рад Николаја Краснова у Министарству грађевина Краљевине СХС / Југославије у Београду од 1922. до 1939. године // Годишњак града Београда XLIV (1997), Музеј града Београда. С. 221–255.
- Кадиевић, 1999 — *Кадиевић А.* Београдски опус Романа Николајевића Верховскоја (1920–1941) // Наслеђе. II. Београд, 1999. С. 33–40.
- Кадиевић 1999–2000 — *Кадиевић А.* Београдски период рада архитекте Виктора Викторовича Лукомског (1920–1946), Годишњак града Београда XLIV–XLVI. Београд, 1999–2000. С. 115–132.
- Kadijević, Đurđević, 1998 — *Kadijević A., Đurđević M.* The Architecture of Russian emigrants in Yugoslavia in the period between the World wars // Spatium 3. Белград, 1998. P. 15–22.
- Kadijević, Đurđević, 2001 — *Kadijević A., Đurđević M.* Russian emigrant architects in Yugoslavia (1918–1941) // Centropa 2. N. Y., 2001. P. 139–148.
- Кузмановић 1933 — *Кузмановић О.* Техничка дирекција // Београдске општинске новине. Београд, 1933. С. 202–212.
- Маневић 2008 — *Маневић З.* (ур.) Лексикон неимара: Encyclopedia architectonica. Београд, 2008. С. 4.
- Миленковић 1995 — *Миленковић Т.* Руски инжењери емигранти у Србији 1919–1941. године // ПИНУС: Записи 2. Београд, 1995. С. 63–73.
- Миленковић, 1997 — *Миленковић Т.* Руски инжењери у Југославији 1919–1941. Београд, 1997.
- Миловановић 1994 — *Миловановић М.* Архитекта Григорије И. Самојлов // Руска емиграција у српској култури XX века (ур. М. Сибиновић). Београд, 1994. С. 308–314.

- Николај Краснов 2014 — *Медаковић М., Рађеновић Р., Боровњак Ђ.* Николај Краснов — руски неимар Србије (1864–1939). Поводом 150 година од рођења: каталог изложбе. Београд, 2014.
- Танин 2009 — *Танин С.Ю.* Русский Белград. М., 2009.
- Тошева 1994 — *Тошева С.* Капитална дела руских архитеката у Београду // Руска емиграција у српској култури XX века: Зборник радова. Т. 1. Београд, 1994. С. 302–307.
- Тошева 1999 — *Тошева С.* Организација и рад Архитектонског одељења Министарства грађевина у периоду између два светска рата // Наслеђе. II. Београд, 1999. С. 171–181.
- Тошева 2004 — *Тошева С.* Андросов, Василиј Мухајлович // Српски биографски речник. Књ. 1. Нови Сад, 2004. С. 189–190.
- Тошева 2012 — *Тошева С.* Архитектонско одељење Министарства грађевина Краљевине Југославије и његов утицај на развој градитељствау Србији између два светска рата (рукопис докторске дисертације одбрањене на Архитектонском факултету Универзитета у Београду 2012. године).
- Vukotić Lazar et al. 2012 — *Vukotić Lazar M., Danilović-Hristić N., Borovnjak Dj.* The Kalmyks Colony and Construction of the First Buddhist Temple in Belgrade and Europe // Зборник међународне конференције «Архитектура и идеологија» одржане у Београду, 28–29. септембра 2012. г. на Филозофском факултету Универзитета у Београду. Београд, 2012. С. 128–138.

М. Живанович

ПРИЮТ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА КРАСНОГО КРЕСТА
ДЛЯ ПРЕСТАРЕЛЫХ, ИНВАЛИДОВ И НЕТРУДОСПОСОБНЫХ
В ГОРОДЕ ВЕЛИКА-КИКИНДА

В мае 1919 г., когда в Королевство сербов, хорватов и словенцев прибыли первые русские беженцы, страна переживала весьма тяжелые времена: едва закончилась Великая война, королевство понесло огромные людские и материальные потери, государственные долги были большими, представителей интеллигенции осталось мало...¹

Несмотря на столь неблагоприятную обстановку, страна принимает эмигрантов из России, которым оказывает материальную помощь, обеспечивает жильем и работой. «Увозят неведомо куда. В Европу. Кто из нас имеет о ней понятие? Что нас ждет?.. Утром проносится слух, что нас везут в Сербию... Что за страна? Мало мы знаем о ней. Несколько встреч с сербами в добровольческих частях, легенда о королевиче Марко, пушкинские песни западных славян. В воображении — лесные горы, ущелья, злые турки и освобожденный народ — свои, православные. Что же это такое будет? <...> При словах “белый царь” стягивали с голов меховые шапки и вставали старики, библейские, древние, седовласые пастухи <...>. Через несколько дней узнаем — каждому из нас будет выдано по восемьсот динар. И вперед будут выдавать деньги, которых вполне достаточно, чтобы жить — так, ни за что ни про что. Живите, отдыхайте, там видно будет!.. К концу года стали получать по четыреста. По четыреста выдавали каждому в течение многих лет. Ни одна страна в мире, конечно, не израсходовала столько денег на поддержку эмигрантов» — так писал о приезде и жизни в Королевстве СХС русский эмигрант Р. Днепров [Днепров 1934, с. 3].

Между тем из всех русских беженцев, независимо от того, где они находились, в самом тяжелом положении оказались инвалиды: лишенные родины, оставленные на произвол судьбы, они вынуждены были искать средства к существованию, помощь и жилье. В большинстве европейских стран государство помогало им лишь материально, не предоставляя медицинской помощи. Однако подорванное войной и эвакуацией здоровье эмигрантов в условиях бедности и непосильной работы ухудшалось, развивался туберкулез. Естественной обязанностью эмиграции было прийти на помощь тем, кто в свое время выполнил долг перед родиной и русским народом, но ее возможности из-за тяжелой экономической ситуации уменьшались с каждым днем. В европейских странах из 6479 че-

¹ О прибытии русских беженцев в Королевство СХС см.: [Жовановић 1996].

людей в благотворительной организации Зарубежный союз русских военных инвалидов более-менее обеспеченными были всего 1138 тяжело увечных и больных, т. е. 17 %; в 14 инвалидных домах находилось всего 718 человек, а остальные 370 — в 30 общежитиях, где имелись только кровать и кипятилок. Из 644 человек, страдающих туберкулезом, в союзе за 1935–1936 гг. скончалось 197 [М. 1936]. Французская эмигрантская газета «Возрождение» писала в 1933 г., что, «кажется, нет страны в Европе, где не были бы разбросаны эти колонии людей, удаленных от жизни, стоящих на меже, разделяющей живое и мертвое, удел которых — тихо, без протеста, ждать конца, избавляющего многих от их жестоких мучений» [Днепров 1933, с. 4].

В январе 1926 г. Совет министров и Народная скупщина Королевства СХС приняли законопроект, согласно которому русские военные инвалиды в Сербии должны были получать постоянное пенсионное обеспечение из средств сербской казны. В соответствии с принятым законом на 2000 русских инвалидов, находящихся в Сербии, ежегодно выделялось 6 миллионов динаров, из расчета 500 000 динаров в месяц. Таким образом, инвалиды должны были получать пенсию в размере 800 динаров в месяц при полной утрате трудоспособности, 400 динаров при утрате 75 % трудоспособности и 200 — при утрате 50 % трудоспособности. Это постановление, принятое на международных конференциях в Лондоне и Риме участниками Первой мировой войны, осуществило только Королевство СХС [Аноним 1926]. В 1938 г. генерал Кальницкий отмечал, что в Югославии русские солдаты находятся в сравнительно привилегированном положении, ибо местное правительство оказывало им значительную помощь, где каждый раненый получал ежемесячно от 200 до 800 динаров, в зависимости от категории инвалидности. Кроме того, в случае острой необходимости выдавались ссуды, предоставлялась возможность бесплатного лечения и даже практиковалась бесплатная отправка на курорты и в санатории. Русским инвалидам делали бесплатные протезы и ортопедическую обувь [М. 1938]. Следует, однако, подчеркнуть, что, по данным Зарубежного союза русских военных инвалидов, помощь правительства Королевства Югославия год от года уменьшалась: в 1930 г. было выделено 2 666 667 динаров, а в 1933 г. — 1 707 000 франков [Зарубежный союз русских военных инвалидов 1934, с. 10].

В Королевстве СХС было создано несколько учреждений, заботившихся об эмигрантах. Наряду с министерствами в первую очередь им оказывала помощь Державная комиссия по делам русских беженцев. Основанная в 1920 г. с целью оказания материальной помощи пострадавшим беженцам, она стала важнейшей организацией в королевстве для эмигрантов из России. С 1927 по 1940 г. комиссию возглавлял профессор Белградского университета Александр Белич. Комиссия занималась вопросами приема и размещения новоприбывших, а также обеспечением финансирования, социальной защиты и адаптации эмигрантов в новой среде. Кроме того, — что является особенно важным в контексте нашей темы, — Державная комиссия оказывала помощь медицинским организациям, основанным и руководимым Российским обществом Красного Креста. Однако после формирования в 1924 г. возглавляемой Василием Николаевичем Штран-

дтманом Делегации по защите интересов русской эмиграции в Югославии некоторые полномочия Державной комиссии были переданы ей [Јовановић 1996, с. 83–87].

Российское общество Красного Креста (далее — РОКК) — одна из самых важных благотворительных организаций. Она была распущена советским правительством в 1918 г., но продолжила свою деятельность за границей благодаря имевшимся на ее счете средствам. В феврале 1921 г. в Париже было создано Главное управление РОКК, объединившее уцелевшие части старой организации. Одним из его председателей стал барон Борис Эммануилович Нольде.

Поначалу Главное управление РОКК располагало крупными средствами, остатками краснокрестовых сумм, помощью местных правительств и частными пожертвованиями, что позволяло организации оказывать значительную помощь беженцам [Ковалевский 1973, с. 45]. Однако с ухудшением экономического положения и изменением международного некоторые из учреждений РОКК из-за невозможности финансирования закрывались.

Свою деятельность в Королевстве РОКК начало в 1920 г., т. е. с прибытием в страну первых русских беженцев, которым надлежало оказать необходимую медицинскую помощь (АЮ, ф. 74, оп. 202, ед. хр. 439). Постепенно стали открываться его местные отделения и целый ряд крупных учреждений, предоставлявших широкий спектр разного рода помощи. Уполномоченным РОКК с 1924 г. являлся В.Н. Штрандтман, а представителем уполномоченного РОКК в Хорватии — Н.М. Боярский. Были основаны местные комитеты в Нови-Саде, где председателем стал епископ Новисадский и Бачский Ириней, в Суботице (председатель Г.Ф. Герсдорф), в Белой Церкви (председатель Н.В. Духонина, вдова последнего Верховного главнокомандующего русской армией²), в Загребе (председатель Елена Чук, югославский общественный деятель), в Любляне (председатель Т.М. Енко), в Сараево (председатель А.И. Говсеев).

В Королевстве СХС РОКК основало несколько учреждений: в Панчеве — хирургический госпиталь³ на 110 коек (35 из них предназначались для немощных русских беженцев), которым руководил Иван Афанасьевич Белоусов, затем — доктор Владимир Александрович Воронецкий, а с 1927 г. — Владимир Александрович Левицкий (главный хирург санатория). Здесь имелись хирургическое, терапевтическое, гинекологическое и акушерское отделения. С момента основания в 1920 г. до 1934 г. через госпиталь прошло 12 902 пациента⁴ [Аноним 1934].

В старинном замке Вурберг⁵ в 1921 г. обосновался туберкулезный санаторий на 70 коек. Это учреждение образовалось из скромного военного лазарета

² Н.В. Духонина работала сестрой милосердия в Добровольческой армии, в Югославии — заведующей санаторием РОКК в Белграде. С 1922 по 1942 г. была начальницей Мариинского Донского института в Белой Церкви [Незабытые могилы 1999, с. 453].

³ О панчевском госпитале-санатории, «Русском санатории короля-витязя Александра I Объединителя в городе Панчево» Российского общества Красного Креста, см.: [Панчевский госпиталь 1930].

⁴ С 1920 по 1934 г. число операций — 5926 (полостных — 2474) [Аноним 1934].

⁵ О санатории в Вурберге см.: [Пулко 2010; Pulko 2004].

русской армии, прибывшей из Константинополя⁶. Его начальником стал доктор Болеслав Францевич Около-Кулак [Н. 1939]. Поначалу санаторий предназначался для легочно-туберкулезных больных. До 1934 г. число больных составляло 2599 человек. Имелись рентгеновский кабинет, лаборатория, операционная, террасы и балконы.

Амбулатория в Белграде с детским отделением обслуживалась двадцатью двумя врачами всех специальностей⁷. Ее заведующим был доктор Анатолий Александрович Бенцелевич. До 1934 г. через амбулаторию прошло 127 383 больных, совершивших 182 130 визитов. Провинциальные амбулатории находились при госпиталях в Панчеве, Белой Церквѣ, Суботице, Земуне и Любляне, а зубо-врачебные кабинеты можно было посещать в Белграде и Суботице. Сама княгиня Ольга Карагеоргиевич взяла под свое покровительство детский приют Белграда, основанный в 1928 г., который был рассчитан не более чем на 50 человек. В приют принимались дети обоих полов в возрасте от двух до семи лет. Имелось 20 бесплатных именных коек [Аноним 1934]. Кроме того, в Велика-Кикинде был открыт еще один приют, на 90 мест.

Стоит отметить, что РОКК получало значительную помощь от Державной комиссии по делам русских беженцев, которая оплачивала лечение малоимущих эмигрантов: 90 — в приюте Кикинды, 25 — в Вурберге, 35 — в Панчеве, 15 — в детском доме в Белграде. Однако помощь комиссии была связана только с оплатой расходов на больного, а не с закупкой оборудования и медикаментов. Таким образом, РОКК вынуждено было организовывать благотворительные концерты, лотереи, собирать пожертвования в королевстве и за рубежом (АЮ, ф. 74, оп. 202, ед. хр. 439).

В 1920 г. за счет пожертвований и на средства Державной комиссии по делам русских беженцев в черногорском городе Игало открывается Приют Российского общества Красного Креста для престарелых, инвалидов и нетрудоспособных. Подопечные приюта жили в трех отдельных зданиях, имели столярную мастерскую, сад, огород, разводили птицу. Но, несмотря на помощь РОКК, приют находился в тяжелом экономическом положении и испытывал нехватку помещений.

В 1931 г. правительство приняло решение перевести приют в другое место, в Кикинду, в здание, выделенное Министерством народного просвещения (ИАК, ф. 60, оп. 171, ед. хр. 355). Это событие совпало с закрытием Первой русско-сербской девичьей гимназии, которая существовала в городе с 1921 г. По решению Министерства народного просвещения и с разрешения Министерства социального обеспечения русским инвалидам было выделено здание гимназии. В первый год приют принял около ста инвалидов. Местная пресса отмечала, что новость о переселении в Кикинду инвалиды приняли с радостью.

⁶ Газета «Часовой» писала, что «санаторий зародился без всяких средств. Замок ему достался в состоянии полного запустения; еще немного, и замок превратился бы в развалины. Совершенно исключительными усилиями, годами упорной работы, удалось в замке оборудовать санаторий» [Н. 1939, с. 35].

⁷ В амбулатории работал и Константин Николаевич Финне [Аноним 1931], общественный деятель и писатель. В годы Первой мировой и Гражданской войн был военным врачом [Незабытые могилы 2006, с. 651].

Проживавшие в приюте люди были нетрудоспособными, старыми и больными, многие из них — овдовевшими; у кого-то семьи остались в России. У большинства из призываемых не было ни доходов, ни имущества.

Призываемые в приют (по семейному положению)

Семейное положение	Число	Процент
Овдовевшие	103	43,27
Состоящие в браке	71	29,83
Не состоящие в браке	60	25,21
Неизвестные	4	1,68

Насельников в приют направляли со всего государства (Сербии, Воеводины, Хорватии, Боснии и Герцеговины, Черногории, Словении; см. таблицу ниже). Больше всего — из Воеводины, в первую очередь из городов Велика-Кикинда и Панчево, из-за близости расположения приюта, затем — из населенных пунктов территории Королевства Сербии (после Второй Балканской войны). Малочисленность приезжавших из Черногории и Словении можно объяснить тем, что в словенском Вурберге находился санаторий, а в черногорской Прчани в Которской бухте функционировал русский инвалидный дом. Русские, которые жили в Хорватии, лечились в Вурберге.

Территория Югославии	Число	Процент
Территория Сербии в 1914 г.	95	39,91
Воеводина	110	46,22
Хорватия	15	6,3
Словения	3	1,26
Босния и Герцеговина	5	2,1
Черногория	2	0,84
Неизвестные и иностранные	8	3,36

Перед тем как попасть в приют, необходимо было пройти медицинскую комиссию в Белграде при Союзе русских военных инвалидов (слепых сопровождали подопечные приюта) (ИАК, ф. 74, оп. 13⁸). Надо отметить, что порой в приюте не хватало мест для новых насельников — настолько он был переполнен. Управление приюта вынуждено было ставить таких «кандидатов» в очередь — их принимали по мере освобождения мест (АЮ, ф. 74, оп. 490, ед. хр. 79). Назначенным покрывали путевые расходы, а их пребывание в приюте оплачивало Управление (в 1944 г. израсходовано около 700 динаров в месяц на каждого, см.: ИАК, ф. 74,

⁸ Следует отметить, что в Историческом архиве Кикинды фонд № 74 «Приют Российского общества Красного Креста» не обработан.

оп. 12). Существовали штатные, сверхштатные и самоокупаемые. Деньги за последних должны были вноситься за месяц вперед (Там же, оп. 13)⁹.

Приют был рассчитан на 90 человек, принимались лица и мужского, и женского пола, в основном достигшие шестидесяти пяти лет или утратившие не менее 75 % трудоспособности [Аноним 1934]. При приюте имелся лазарет на 35 коек и постоянная амбулатория [Зах. 1939]. Обычно в лазарете находилась почти половина призреваемых больных [Аноним 1937]. Для большинства подопечных и русских, которые жили в Кикинде, это учреждение стало местом их упокоения¹⁰ (по данным, опубликованным в Приложении, 124 насельника (т. е. 52,1 %) умерли в приюте). Если мы сравним этот показатель с процентом смертности в Панчевском госпитале (2 %), то увидим, что в приюте проживали в основном люди престарелые.

До начала войны управляющим приюта был Михаил Голубь. Наряду с руководством, делопроизводителем и заведующим хозяйством здесь работал и персонал, заботившийся о подопечных: врач, лекарский помощник (фельдшер), сестры милосердия, священник, сестра-хозяйка. В приюте были также эконом, кассир, повар и еще несколько служащих из Первой русско-сербской девичьей гимназии, которые после ее закрытия присоединились к новому коллективу. К сожалению, сведений о них крайне мало. Врач Николай Александрович Терещенко¹¹ был действительным статским советником, генерал-майором медицинской службы. Родился в 1863 г., поступил на службу в 1888 г. Участвовал в Русско-японской войне. В годы Первой мировой войны был дивизионным врачом сначала 64-й, а затем 34-й, 13-й пехотных дивизий и врачом 7-го армейского корпуса. В Гражданскую войну — гарнизонным врачом города Севастополя. Ранг бригадного генерала медицинской службы получил в 1916 г. Имел ордена Св. Станислава 3-й и 2-й степеней, Св. Анны 3-й и 2-й степеней, Св. Владимира 4-й степени с мечами и бантом и 3-й степени, черногорский орден Князя Данилы 3-й, 2-й и 1-й степеней (ИАК, ф. 74, оп. 13).

Почти восемь лет приют находился в здании, которое когда-то занимала гражданская школа. Разумеется, его пришлось перестроить с учетом нового предназначения. Фактически он представлял собой больницу со 110 нетрудоспособными и хроническими больными. Между тем по решению Министерства народного просвещения приют должен был вернуть здание школе, которая заняла часть помещений (занятия проходили в одном классе, что затрудняло их посещение) [Аноним 1939а], освободив его до конца июля 1937 г. [Аноним 1937]. В связи с этим был сформирован Комитет по сбору средств. Почетным председателем комитета стал управляющий Банатской епархией епископ Бачковский, почетным членом — В.Н. Штрандтман, председателем — протоиерей Йоан Татарович, а секретарем — Михаил Голубь (ИАК, ф. 60, оп. 71, ед. хр. 355). Почетным покровителем Комитета по сбору средств для приюта стал Патриарх Сербский Варнава.

⁹ Так, например, генерал Б.Э. Зборовский, начальник Кубанской казачьей дивизии в Пожареваце, взял на себя оплату содержания Семена Ивановича Гузика и должен был оплатить за время с 20 по 30 апреля 72,5 динара и 200 за май (ИАК, ф. 74, оп. 13).

¹⁰ По данным муниципальных сводок Кикинды.

¹¹ В 1937 г. был временно исполняющим обязанности заведующего приютом (ИАК, ф. 74, оп. 13).

В это время Пражский банк продавал свои здания большой мельницы. Часть строений выкупил промышленник Антон Ленхарт, а часть — Земледельческая задруга, создав на складе силосы. Однако здание самой мельницы, служившее в качестве рабочего кабинета, перестало использоваться. Переговоры о покупке этого объекта успешно реализовало РОКК. Тогда же начался сбор средств для постройки приюта. С разрешения бана Дунайской бановины комитет собирал средства для нового здания приюта путем рассылки подписных листов, которые заверялись полицией (Там же, оп. 71, ед. хр. 355). Князь-наместник Павел Карагеоргиевич, бановина и власти Белграда пожертвовали по 20 000 динаров. С помощью этих средств и денег, собранных на концертах, здание промышленника Мартина Ленхарта и его жены Магдалены наконец было куплено (Там же, оп. 173, ед. хр. 1528).

Новое помещение приюта (на тот момент в нем находилось 95 человек), располагавшееся по адресу: ул. Светозара Милетича, дом № 170, на месте старой мельницы, освятили 10 января 1939 г. На освящении дома присутствовали В.Н. Штрандтман, в своей речи поблагодаривший за помощь Югославию и ее народ, и М. Голубь, выразивший особую признательность чиновнику Кикинды Стевану Будишину, благодаря которому удалось получить новое здание [Аноним 1939].

Между тем финансовое положение приюта по-прежнему оставалось крайне тяжелым. Помимо помощи, оказываемой Державной комиссией, руководство периодически получало денежное вспоможение от городских властей, но и этих средств было недостаточно (ИАК, ф. 60, оп. 168, ед. хр. 1822). Позже начальство решило организовывать благотворительные вечера, вырученные средства от которых шли на нужды приюта [Аноним 1932]. Но, несмотря на эти акции, приют продолжал испытывать большие материальные затруднения. В 1932 г. к жителям города с просьбой о помощи русским инвалидам обратилась кикиндская пресса. Югославских граждан просили приносить продукты питания, топливо, одежду, обувь, подчеркивая, что «денег русские не примут». Также благотворители должны были указывать свои имена и фамилии для последующей публикации в прессе (например, известно, что Иван Николич пожертвовал 10 кг муки, а город Велика-Кикинда — 260).

Стоит отметить, что представители городских властей и чиновники обсуждали вопрос о необходимости экстренной помощи малоимущим жителям и русским инвалидам приюта. Так, было принято решение, согласно которому каждому чиновнику надлежало обойти определенный район города и собрать с имущих добровольные пожертвования пшеницы, которую затем предполагалось смолоть в муку за счет общины и раздать нуждающимся [Аноним 1932б].

Социальная деятельность приюта, кроме благотворительных вечеров, включала в себя и организацию выставок работ подопечных. В 1934 г. были представлены салонные гарнитур, ковры, произведения искусства — всего около 500 предметов, которыми награждались выигравшие в лотерею, организованную приютом [Там же].

Несмотря на весьма тяжелое материальное положение, Приют Российского общества Красного Креста оказывал помощь нуждающимся — чаще всего детям.

Так, в январе 1933 г. детям из малоимущих семей было отправлено десять бесплатных билетов на представление в Кикинде. Самым бедным раздавали сладости (ИАК, ф. 60, оп. 166, ед. хр. 40). А в Словении была организована рождественская елка для детей и вечер с танцами для взрослых. Дети, которые своевременно записались в конторе приюта, получили подарки; в вечере приняли участие певцы, танцоры, чтецы [Аноним 1933]. Приют оказывал помощь и школьникам из малоимущих семей. Например, Лазарю Аласеву, ученику Средней технической школы в Белграде, чьи родители жили в Кикинде, руководство помогало продуктами, снабжало его одеждой, обувью и всем необходимым для школы (ИАК, ф. 60, оп. 173, ед. хр. 1616). Приют помогал и призреваемым — например, был основан Фонд помощи нуждающимся призреваемым, складировавшим вещи (Там же, ф. 74, оп. 12).

При приюте в Кикинде был русский храм во имя Свв. Первоучителей Словенских Кирилла и Мефодия, открытый еще при Первой русско-сербской девичьей гимназии. Когда учебное заведение закрыли в 1931 г., храм продолжил свою работу при приюте. Он являлся приходским для всех русских в Кикинде. Настоятелем храма стал архимандрит Никон, служащим священником с 1929 г. — Василий Шустин (с 1941 г. — Лев Шепель) [Арсеьев 2011].

Через приют прошло множество людей, преимущественно военных. Один из них — Иван Дубовик. Из-за ранений в войну он стал инвалидом. В сентябре 1918 г. в бою на Кавказе он был ранен разрывной пулей, позже — в августе 1919 г. — из-за ранения ему пришлось ампутировать указательный палец левой руки. Дубовик прибыл в Югославию в составе Кубанской казачьей дивизии армии генерала Врангеля в 1921 г. В приюте жил с 1933 г. Он был слеп (ИАК, ф. 74, оп. 13).

В приюте жил и генерал-майор флота Владимир Степанович Васильев, который работал в Техническом управлении канала короля Петра I в Сомборе. Одно время генерал-майор находился в городской больнице Сомбора. Поскольку он был парализован и не мог работать, дирекция канала направила его в приют за счет Державной комиссии. На момент прибытия в приют у него не было собственности. Вещи и деньги принадлежали его друзьям — Семенову, Зеленхи и Дмитрию Иванову, жителям Сомбора. Когда генерал-майор умер, именно они оплатили все расходы, связанные с похоронами: покупку гроба, перевозку тела и пр. В.С. Васильев желал быть похороненным рядом со своей женой в городе Сремска-Митровица. Заботы о погребении взял на себя Иван Ильич Римский-Корсаков, проживавший в этом городе (Там же). Несмотря на последнюю волю Васильева, в силу неизвестных нам обстоятельств его похоронили на кладбище у храма Св. Троицы в Кикинде.

Об имуществе призреваемых в приюте свидетельствует завещание Любови Александровны Бачманской. Дочери Лидии Николаевне, которая жила в городе Крагуевац, она завещала свое имущество — икону Христа Спасителя, золотой крест, дамские часы, пуховую подушку, посуду, два коврика, накидку на подушку, мелочи и вклад в почтовой сберегательной кассе (ИАК, ф. 74, оп. 13). Тяжелое положение насельников иллюстрирует и история о подполковнике русской армии

Альфреде Августовиче Гельмане. Он покончил с собой в приюте в 1935 г. из-за угрызений совести: не смог вернуть долг другу в обещанный срок и в своем прощальном послании написал, что его офицерская честь не позволила ему вести себя ей несоответственно [Аноним 1935].

В приюте умерло много знаменитых русских военных. Генерал-лейтенант Александр Александрович Гейман скончался в 1940 г., в 1946-м ушли генерал-майор Александр Федорович Гончаров и генерал-майор флота Владимир Степанович Васильев. Год спустя умер генерал-майор Семен Николаевич Пономарев. В 1940 г. — полковники Евгений Петрович Аблов, Павел Карпович Андерс, Петр Ведерников, Сергей Дмитриевич Гаврилов и Иван Петрович Рогожин. В 1943 г. — полковники Мстислав Николаевич Михайлов, Яков Николаевич Кочергов и Антон Антонович Кравцев; в 1944-м — Дмитрий Александрович Линчевский, в 1947-м — полковник Владимир Павлович Рыбинцев. Скончались и полковники Василий Арсеньевич Синькевич, Александр Константинович Попов и Анатолий Иосифович Шульга. В приюте также умер барон Лев Яковлевич Боде, штатский ротмистр. Пребывали здесь и князя Петр Петрович Шаховской и Дмитрий Николаевич Долгоруков (см. Приложение). Надо отметить, что русские были похоронены на трех городских кладбищах — на Железнодорожном, на кладбище у храма Св. Троицы и на Мокринском. Погребения совершали священники Василий Шустин, а затем Лев Шепель.

После оккупации Королевства Югославия в 1941 г. немецкие власти вопросы, связанные с русской эмиграцией, возложили на Управление делами русской эмиграции в Сербии. Приют продолжал работать более или менее нормально, однако представительство РОКК в Югославии было ликвидировано, Голубь был уволен с должности управляющего (новым руководителем стал М.С. Ильенко), а в зданиях приюта был размещен лагерь. Помощь приюту оказывал Отдел социальной помощи Управления делами русской эмиграции в Сербии, который отпускал ему месячные ассигнования (ИАК, ф. 74, оп. 12). Появились и новые правила. Юридическо-консульский отдел Управления делами русской эмиграции в Сербии постановил продавать имущество умерших в приюте на аукционе после оценки его стоимости (3 % вырученной от продажи вещей суммы следовало разделить поровну между членами оценочной комиссии). На вырученные деньги и на выданные вознаграждения получалось покрыть расходы на погребение и содержание людей в приюте (Там же).

Во время оккупации вместе с увольнением управляющего несколько изменился состав персонала приюта. С 1941 г. Лев Осипович Шепель¹² был священником в храме, а его сестра Юлия Осиповна Шепель с 1931 г. — сестрой милосердия¹³ вместе с Вандой Николаевной Нижницкой (с 1941 г.) и Татьяной Васильевной Берг (с 1935 г.). Николай Александрович Терещенко оставался врачом, хотя с 1942 г. исполнял должность помощника управляющего. Медицинской санитар-

¹² Шепель был участником Русско-японской и Первой мировой войн и настоятелем русской церкви в городе Белая Церковь [Незабытые могилы 2007, с. 361–362].

¹³ До закрытия Первой русско-сербской девичьей гимназии она работала сестрой милосердия в больнице интерната.

кой с 1943 г. стала Мария Григорьевна Рябинина. Заведующий хозяйством был Александр Дмитриевич Переход, сестрой-хозяйкой — Екатерина Михайловна Воробьева, делопроизводителем — Адам Станиславович Супринович, а казначеем — Г.П. Рыков. Поваром оставался Александр Александрович Севастьянов (с 1925 г.), а его помощницей была по-прежнему, с 1937 г., Елизавета Семеновна Пилипенко (ИАК, ф. 74, оп. 12). Петр Гаврилович Гаврик был кладовщиком, помощницей Екатерины Михайловны Воробьевой была Мария Дмитриевна Чернявская; гардеробщик Иван Николаевич Родионов, прачка и портная Вера Алоизовна Орановская, рабочий при складе Андрей Петрович Зелинский, привратник Иосиф Илларионович Николенко, уборщик при уборных Иван Семенович Рябинин и хозяйственный рабочий Никита Сергеевич Крейтон (Там же, оп. 13).

В 1943 г. в приюте проживало 96 человек, в августе 1944-го — 93, а в ноябре — 69 (Там же). Во время войны постояльцы, которые чувствовали себя хорошо, покинули приют — уехали в другие города или за границу. Но некоторые, предположительно из-за ухудшения здоровья, вернулись.

Повышение цен¹⁴ на продукты питания в августе 1944 г. особенно ударило по насельникам, людям в большинстве своем нетрудоспособным и инвалидам. «Если мы отнимем из пайка (22 динара) цену хлеба в 7 динар (за 350 г) и 2 динара за сахар, то на изготовление обеда, ужина и ячменного кофе останется всего 73 динара, что, принимая во внимание существующие цены на продукты, никак не достаточно» (ИАК, ф. 74, оп. 13). Также нельзя было получить необходимых для починки одежды и белья белых и черных ниток — местный «Текстиль» отказался их выдавать. Для борьбы с клопами и вшами не имелось дезинфекционных средств, даже керосина. Ильенко писал, что вопрос с прислужгой — «отчаянный»: последняя ночная ушла в сентябре. Каждый месяц прибывали новые призреваемые (Там же). Во время оккупации в приюте проживало не менее восьми калмыков¹⁵.

В середине 1944 г. остро встал вопрос о топливе. Управляющий писал, что «надо покупать, не разбирая: снопы кукурузы, корешки, стебли подсолнечника, стараясь делать запасы; община отпускала ежемесячно ничтожное количество дров; огороду грозила гибель от засухи, но хороший дождь в конце июня его отчасти спас» (Там же, оп. 12). Но и тогда приют получал помощь. Известную подмогу оказывал как Союз русских женщин, так и начальник Отдела социальной помощи Управления делами русской эмиграции в Сербии¹⁶, которому Правление доставляло финансовые отчеты о расходах на погребение, крест и надгробный памятник умершего (Там же). Именно руководство заботилось об умерших и их погребении, гробе, кресте, могиле. На приведение могил в порядок, установку памятника и прочие нужды управление должно было возбуждать отдельные хо-

¹⁴ Хлеб с 12,5 возрос до 20 динаров, сахар — с 61,5 до 91,5, мясо — с 56 до 92, мука — с 10,5 до 18,5 (ИАК, ф. 74, оп. 12).

¹⁵ О калмыках см. работы: [Хара-Даван 1930; Бормаджинов 1996; Миленковић 1998].

¹⁶ Всеволод Николаевич Новиков (1878–1971) был начальником Отдела социальной помощи (ИАК, ф. 74, оп. 12). Врач-хирург и старший хирург Касперовской общины Красного Креста. Заведовал хирургическим отделением в больнице города Цетинье в Черногории [Незабытые могилы 2004, с. 149]. Иоаким Иоакимович Сахновский являлся секретарем Отдела социальной помощи (ИАК, ф. 74, оп. 12).

датайства перед Отделом социальной помощи, и то в отношении лиц, умерших в приюте и при условии, что по смерти их и по ликвидации их имущества для этой цели останутся достаточные суммы. Общее ходатайство об ассигновании средств на приведение в порядок могил на кладбище руководство могло возбуждать только перед Отделом социальной помощи, от которого зависело разрешение такового ходатайства (Там же).

Несмотря на непростое положение, в 1943 г. управление начало сбор пожертвований на сооружение кладбища и общего надмогильного креста русским людям, умершим на чужбине в Кикинде. Тогда в кассе было 5386,50 динара (Там же).

Перед освобождением Кикинды от нацистского режима Михаил Ильенко в своем письме от 14 сентября Владимиру Владимирович Крейтеру, начальнику Управления делами русской эмиграции в Сербии¹⁷, писал, что «кругом все эвакуируются, но вверенный мне приют должен продолжать существовать, где много глубоких стариков и больных, не покидающих постель — слепые, паралитики, кукольники, падучие и инвалиды с протезами». Обращаясь за денежной помощью на «продление... существования», он напомнил, что средств у него «хватит до первого декабря». В сентябре 1944 г. в приюте находилось 95 призреваемых и 15 представителей персонала, месячный отпуск стоил 130 000 динаров. Управляющий просил: «Если деньги будут отпущены, то выдать их отцу Льву Шепелю или сестре Екатерине Михайловне Воробьевой». Свое письмо закончил вопросом: «Можно ли надеяться на покровительство Международного Красного Креста?» (Там же).

В сентябре 1944 г. представители гестапо сообщили Ильенко о предстоящей эвакуации. Управляющий приютом в письме Евгению Петровичу Джунковскому¹⁸ написал, что он предполагает продолжать ведение приюта, «пока есть средства», что у него «около 35 призреваемых, которых почти невозможно эвакуировать, не считая глубоких стариков. Всех призреваемых — 86, но человек 15 записались на эвакуацию¹⁹. Персонала — 10 человек, но, по-видимому, только один уедет (заведующий хозяйством А.Д. Переход), таким образом, останется всего 80 человек». Ильенко также хотел узнать, не осталось ли в Белой Церкви от кадетского корпуса или института каких-либо вещей (одежды, белья или обуви), в которых так нуждался приют. В конце добавил: «Начинаем ощущать лишения в отоплении, соли, сахаре и постном масле».

Приют продолжал работать и после 1945 г., хотя произошли известные перемены. После войны это учреждение находилось под контролем Представительства социального обеспечения Главного народного комитета автономного края Воеводины, которое выдавало разрешение на размещение в приюте (во время

¹⁷ Владимир Владимирович Крейтер (?–1950), генерал-майор. Окончил Суворовский кадетский корпус, Николаевское кавалерийское училище и Академию Генерального штаба. Участвовал в Первой мировой и в Гражданской войнах. Служил в Пограничной страже Югославии. В конце Второй мировой войны возглавлял штаб Русского корпуса в Сербии [Незабытые могилы 2001, с. 541].

¹⁸ Е.П. Джунковский был ветеринарным врачом и председателем РОКК.

¹⁹ По сведениям управляющего Ильенко о движении призреваемых с 1 по 31 октября 1944 г., из приюта выбыло 20 призреваемых, а М.Ф. Лазарева умерла (ИАК, ф. 74, оп. 13). Несколько ушедших были буддийской веры.

оккупации об этом заботилось Управление делами русской эмиграции в Югославии, а в период до 1941 г. — Правление РОКК) (Там же). Произошли изменения и в структуре приюта. На основе инструкции Министерства социального обеспечения от 1947 г. был прописан его внутренний распорядок. Он предусматривал, что руководство должны осуществлять управляющий как распорядитель и доверенное лицо Отдела социального обеспечения Городского народного комитета Велика-Кикинды, чиновник-кассир и помощник управляющего, который отвечает за чистоту и порядок, а также эконом-кладовщик. Служащие и подопечные должны были строго придерживаться распоряжений руководства и утвержденного распорядка. Все насельники имели «равные права и обязанности, независимо от ранее занимаемого положения». С марта по октябрь подъем был в 6 утра, а с октября — в 7 часов; в течение полутора часов полагалось заправить кровать. Завтрак был с 8 до 9 часов, обед — в 12, а ужин — в 5 часов вечера. С часу до трех пополудни — отдых, «строго запрещалось шуметь и нарушать покой». С 8 до 9 часов вечера — отход ко сну, в 9 гасили свет. В среду, пятницу и воскресенье до обеда подопечные могли выходить в город, если возникала необходимость, можно было покидать приют и в другие часы. Посещения разрешались с 9 до 12 и с 15 до 19. В зависимости от «своего физического состояния и способностей» насельники должны были помогать по дому и по хозяйству, в канцелярии. Порядок их работы определяло руководство, принимая во внимание состояние здоровья, оно же давало разрешение на работу вне приюта. Правила предписывали «пристойное поведение как между насельниками, так и в отношении руководства; строго запрещались оговоры, клевета, любая пропаганда и слежка за поведением служащих и обитателей приюта», а также «пьянство, нарушение порядка, спокойствия и дисциплины», «непристойное поведение в городе». За нарушение внутреннего распорядка насельник мог быть исключен из приюта или переведен в дом престарелых в Кикинде.

Подопечные должны были поддерживать чистоту; член руководства, ответственный за санитарное состояние приюта, должен был два раза в день осматривать комнаты. Каждый имел право обратиться с жалобой к члену руководства, ответственному за поддержание порядка, в случае если считал, что к нему относятся несправедливо или незаконно. Выяснив все обстоятельства, ответственное лицо передавало жалобу руководству, которое принимало решение по этому вопросу. На принятое решение возможно было через руководство подавать жалобу на рассмотрение Отдела социального обеспечения, тот в свою очередь мог позволить подопечному направить ее в представительство. Ежедневно в приюте находился член руководства или медицинская сестра (ИАК, ф. 74, оп. 12).

После войны в приюте решением Главного народного комитета и органа управления (Управного отбора) назначался старший по комнате, который контролировал работу дежурных, следивших за чистотой и порядком, за своевременным выключением освещения. За старших по комнате отвечал член органа управления А.С. Супринович (Там же).

Как и во время оккупации, в послевоенный период структура служащих несколько изменилась. Концепцию управления приютом составлял представитель

Отдела социального обеспечения Симич Ника как распорядитель, Адам Супринович стал секретарем и казначеем, Анатолий Тимофеев — экономом²⁰ (он исполнял и должность кладовщика). Членами органа управления были М.С. Ильенко, Н.А. Терещенко (заменен Михаилом Володковским и с июля 1946 г. больше не работал в приюте) и А.С. Супринович. Эконом Тимофеев отвечал также за приобретение, хранение и выдачу продуктов, топлива, инвентаря, ведение документации о приходе и расходе, контролировал порядок и чистоту на кухне. В обязанности Суприновича входило разрешение вопросов по поводу управления и забота о распорядке, он был служащим и помощником управляющего. Татьяна Берг была санитаркой, а сербские служащие занимали должности санитарки, помощницы повара, уборщицы и разнорабочих (Там же).

Изменения произошли и в финансировании. В 1946 г. была ликвидирована Комиссия Фонда помощи приюту, а фондом руководил Управной отбор. Согласно его отчету в августе 1947 г. в приюте проживало 53 подопечных (34 мужчины и 19 женщин), хотя Представительство социального обеспечения Главного народного комитета автономного края Воеводины приняло решение направить в приют пять лиц, предвосхищая приезд еще шести (Там же). В Кикинде, согласно отчету о доверительных данных Представительства от октября 1945 г., жило 46 русских (ИАК, ф. 101, оп. 162).

После Второй мировой войны приют также испытывал большие финансовые трудности. Положение ухудшилось с принятием решения Главного народного комитета Велика-Кикинды от мая 1946 г. о строжайшей экономии. Предусматривалось сокращение нормы потребления электроэнергии на единицу площади (Там же, ф. 74, оп. 12). О материальном положении заведения свидетельствует сохранившееся от мая 1947 г. меню: в воскресенье, среду и пятницу на обед давали суп из шпината (шпинат, зеленый лук, вермишель или картофель), в понедельник — лапшу, во вторник — суп из фасоли (фасоль, зеленый лук, картофель и молотый перец), в четверг — суп из макаронных изделий. На ужин в воскресенье и понедельник давали отварное мясо с соусом, в другие дни — суп из макаронных изделий (Там же, оп. 13).

Несмотря на сложное финансовое положение, в приюте продолжались выплаты наград малоимущим лицам и подопечным, которые выполняли тяжелую работу. Управление выплачивало призреваемым деньги за помощь при погребении умерших (Там же, оп. 12). Скорее всего, это было связано с тем, что насельники не имели никакого имущества и источников дохода. Из 46 призреваемых — столько их было в 1948 г. — только Клавдия Попова получала ежемесячно 1000 динаров от персонала Фонда помощи, Павел Ратаев — 1300 динаров от Государственного института страхования и Сергей Тольпугов — 900 динаров согласно Финансовому закону 1938–1939 гг. (Там же, оп. 13). Например, у Александра Константиновича Фиксена, умершего в 1944 г., «денег не было, а духовного завещания он не оставил». Все его вещи — это старый жилет (оценен в 30 динаров), старое черное пальто (200 динаров), пара черных ботинок (300 динаров). Согласно заявлению

²⁰ В Первой русско-сербской девичьей гимназии Тимофеев был завхозом.

А. Фиксена при поступлении в приют, в Югославии у него не было близких лиц — жена Ольга Владимировна и дочь Александра, родившаяся в 1912 г., остались в советской России (ИАК, ф. 74, оп. 12). Те немногие, у которых было имущество, завещали его своим родственникам или друзьям. Так, полковник Дмитрий Александрович Линчевский оставил личные вещи и 7995 динаров своей дочери Валентине Дмитриевне Величковой (Там же).

Следует отметить, что каждые полгода подопечные, как иностранные граждане, обязаны были подавать документы в соответствующие органы внутренних дел для получения разрешения на продление своего пребывания в стране. Не имея доходов вследствие нетрудоспособности, с 1947 г. они были освобождены от уплаты налогов. Согласно новому закону об инвалидах выделение денежных средств иностранным гражданам — инвалидам было прекращено (Там же).

В 1950 г. в приюте проживало 37 призреваемых (27 мужчин и 10 женщин), из которых чуть меньше трети были сербы. Каждый месяц руководство информировало Главный народный комитет о числе подопечных, приеме новых и количестве умерших (Там же). Заметим, что некоторые насельники жили в приюте со своими семьями. К примеру, Михаил Ильенко был братом Анны Ратаевой, прибывшей в приют со своим мужем Павлом Ратаевым. Владимир Павлович Рыбинцев проживал со своей женой Раисой Рыбинцевой, бывшей классной дамой из Первой русско-сербской девичьей гимназии. Она осталась в приюте и после смерти своего мужа, который скончался в 1947 г. (ИАК, ф. 74, оп. 13).

В 1946 г. руководство приюта ввиду нестабильной экономической ситуации (в месяц на питание шестидесяти человек уходило 400 динаров, оплата труда управляющих и сотрудников составляла 2700 динаров, отопление, электроэнергия, лекарства, услуги прачечной и другие расходы — 7300 динаров) вынуждено было заключить договор с Главным народным комитетом. За помощь и содержание приюта до его ликвидации комитету передавалось недвижимое имущество²¹: участок в 6656 м² (постройки занимали 1100 м²) на улице Светозара Милетича, № 170 и 172, который приобрел управляющий Михаил Голубь в 1938 г., и участок земли в 2500 м² на улице Светозара Милетича, № 158, который в 1939 г. Коста Скадовски, промышленник из Панчева, подарил приюту. Согласно договору персонал, чья служба заканчивалась, переходил в разряд подопечных; продукты и отопление приют имел возможность приобрести по низким ценам; насельники работали в приюте бесплатно, деньги на продукты выплачивались раз месяц из расчета 400 динаров на человека (ИАК, ф. 74, оп. 12).

С 1945 г. в Югославии функционировало лишь одно учреждение РОКК²² — приют в Кикинде (Там же), но и оно из-за тяжелого финансового положения в 1952 г. было ликвидировано [Арсеьев 2011].

²¹ Руководство приюта было собственником недвижимости РОКК в Кикинде (ИАК, ф. 74, оп. 12).

²² В октябре 1944 г. санаторий в Панчеве перестал работать как русская больница и был переименован в больницу для легкораненых.

Приложение

АЛФАВИТНЫЙ СПИСОК ПРИЗРЕВАЕМЫХ В ПРИЮТЕ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА КРАСНОГО КРЕСТА ДЛЯ ПРЕСТАРЕЛЫХ, ИНВАЛИДОВ И НЕТРУДОСПОСОБНЫХ В ПЕРИОД С 1939 ПО 1948 г.*

Имя, звание (год и место рождения)	Год прибытия (откуда)	Семейное положение	Примечания
Аблов Евгений Петрович, полковник (1865, Керчь)	1929 (Йошаница)	Вдовец, жена Анна Алексеева	Умер в 1940
Абрагамсон Яков Адольфович, инженер (1873, Петербург)	1935 (Белград)	Женат, жена Анна	
Абрагамсон Анна Алексеевна (1885, Златоуст)	1935 (Белград)	Замужняя	Умерла в 1948
Андроников Николай Павлович, ст. советник (1870, Кострома)	1938 (Косовска-Ми- тровица)	Вдовец, жена Елена Медынская	Умер в 1945
Андерс Павел Карлович, полковник (1878, Саратовская губ.)	1940 (Сараево)	Холост	Умер в 1940
Ашикова Елизавета Григорьевна (1861, Армянск)	1942 (Велика-Кикинда)	Вдова, сын Алек- сандр	Умерла в 1942
Адьянов Бульда Шанцинович, земледе- лец (1870, Донская обл.)	1944 (Дебеляча)	Вдовец, жена Отхань Манджикова	Вера буддий- ская, выбыл в 1944
Андрюшкина Изольда Дортовичева (1869, Донская обл.)	1921 (Црепая)	Вдова	Вера буддийская
Бердышев Павел Николаевич, судеб- ный пристав (1886, Короча)	1927 (Рисан)	Женат, жена Галина	Умер в больнице 1942
Борзаковская Софья Николаевна (1861, Херсонская губ.)	1931 (Белград)	Вдова действит. ст. советника	Умерла в 1940
Бобровников Борис Андреевич, по- мещик (1872, Черниговская губ.)	1933 (Белград)	Вдовец, жена Ольга	Умер в 1943
Берг Татьяна Васильевна, сестра мило- сердия (1884, Киевская губ.)	1934 (Панчево)	Вдова инженера техники	Югославская поданная
Бойко Иван Андреевич, казак (1896, Кубанская обл.)	1934 (Велика-Ки- кинда)	Женат, жена Мария Корфф	Умер в 1940

* ИАК. Ф. 74 (Приют Российского общества Красного Креста) не обработан. Блокнот, подлинник (на русском языке).

РУССКАЯ ЭМИГРАЦИЯ В СЕРБИИ

Боде Лев Яковлевич, барон, штаб-ротмистр (1868, Воронеж)	1935 (Осек)	Холост	Умер в 1941
Бухе Евгений Александрович, ст. советник (1875, Петербург)	1937 (Белград)	Жена Ольга, сын Борис	Выбыл в 1939
Бианки Елена Константиновна (1863, Петербург)	1938 (Белград)	Вдова инженера	Умерла в 1940
Баздырев Тит Андреевич, коммерции советник (1864, Николаев)	1935 (Вршац)	Холост	Умер в 1940
Беломестнов Никита Петрович, казак (1877, Кубанская обл.)	1940 (Панчево)	Жена Мария Корнилова	Умер в 1940
Бачманова Любовь Александровна (1862, Петербург)	1939 (Велика-Кикинда)	Вдова Владимира Петровича	
Болдовский Павел Павлович, шт.-капитан (1875, Варшава)	1941 (Велика-Кикинда)	Холост	Выбыл в 1944
Бартедьев Николай Иванович, агроном (1892, Курская губ.)	1942 (Панчево)	Разведен	Умер
Бобровников Николай Андреевич (1886, Черниговская губ.)	1942 (Велика-Кикинда)	Жена Наталия в России	Дочь Кира
Байздренко Иоанн Андреевич, протодьякон (1886, Донская обл.)	1942 (Белград)	Женат, жена Мария в России	Умер в 1948
Будинов Санжа Учурович, земледелец (1891, Донская обл.)	1944 (Дебеляча)	Холост	Вера буддийская, выбыл в 1944
Борманжинов Эржен Эльзенгович (1925, Белград)	1944 (Дебеляча)	Холост	Вера буддийская
Весновский Павел Алексеевич, ст. советник (1869, Кострома)	1934 (Панчево)	Вдовец, жена Лидия	Умер в 1939
Васильев Владимир Степанович, генерал-майор флота (1875)	1939 (Сомбор)		Умер в 1946
Ведерников Петр, полковник (1875, Москва)	1940 (Белград)	Холост, инвалид	Умер в 1940
Вишневский Антон Сигизмундович, казак (1888)	1942 (Петровград)	Женат, жена Мария	Выбыл в 1945
Васецкий Сильвестр Данилович (1871, Полтавская губ.)	1942 (Белград)	Женат, жена Татьяна в России	Выбыл
Володковский Михаил Александрович (1869)	1945 (Велика-Кикинда)	Жена Ольга в России	Дочери Лидия и Наташа
Винницкий Александр Львович (1872, Добржин)	1947 (Эчка)	Жена Ксения в России	Сыновья Лев и Алексей
Воронин Федор Иванович	1931 (Ниш)		

Гаврик Петр Гаврилович, ст. советник (1875, Полтавская губ.)	1936 (Нови- Бановци)	Женат, жена Клавдия	Дочь Ксения, сын Сергей
Гейман Александр Александрович, генерал-лейтенант (1866, Кубанская обл.)	1936 (Зайчар)	Вдовец, жена Лидия, вторая Александра	Умер в 1940
Гузик Семен Иванович, казак, ст. урядник (1874)	1939 (Кучево)	Жена Параскева в России	Переведен в убогий дом
Гаврилов Сергей Дмитриевич, полковник (1859, Ярославль)	1939 (Панчево)	Жена Анна Александровна	Умер в 1940
Гончаров Александр Федорович, генерал-майор (1865)	1940 (Панчево)	Вдовец, жена Мария Жданова	Умер в 1940
Гернгросс Ольга Михайловна (1857, Саратовская губ.)	1941 (Белград)	Вдова Григория Александровича	Умерла в 1941
Гайтовский Георгий Варфоломеевич, полковник (1883, Подольская губ.)	1942 (Белград)	Холост	Возвратился в 1947
Грудзинская Надежда Николаевна (1874, Иркутск)	1945 (Велика-Кикинда)	Вдова Николая	Сын Константин
Грузнов Филипп Еремеевич, полковник (1871, Псков)	1946 (Велика-Кикинда)	Вдовец, жена Александра	Умер
Григорьев Николай Николаевич, подпоручик (1892, Тамбов)	1946 (Велика-Кикинда)	Холост	
Гриненберг Елена Анатолиевна (1886, Петербург)	1947 (Вршац)		
Дембовецкий Николай Эдуардович, подполковник (1895, Екатеринослав)	1931 (Крагуевац)	Разведен, жена Татьяна	Умер в 1939
Долгоруков Дмитрий Николаевич, князь (1888, Чернигов)	1932 (Панчево)	Жена Елена Крупецкая	
Дубовик Иван Титович, казак (1882, Кубанская обл.)	1933 (Белград)	Жена Варвара Гриценко	Сын Филип
Дутов Дмитрий Иванович, казак-вахмистр (1893, Кубанская обл.)	1936 (Ниш)	Жена Дария в России, сын Константин	Умер в 1940
Джашев Санджа Балинович, казак (1891, Донская обл.)	1936 (Горњи-Милановац)	Холост Выбыл в 1944	Вера буддийская
Дельсаль Алексей Петрович (1891, Петербург)	1943 (Бела-Церква)	Холост	
Дамбер Вадим Александрович, подполковник (1873, Старый Быхов)	1946 (Велика-Кикинда)	Холост	
Емельянова Евфимия Борисовна (1855, Мелитополь)	1939 (Белград)	Вдова	Умерла в 1940
Евреинова Людмила Кирилловна (1879, Москва)	1945 (Велика-Кикинда)	Вдова, муж Александр	

РУССКАЯ ЭМИГРАЦИЯ В СЕРБИИ

Ерошин Василий Иванович (1883, Воронежская губ.)	1947 (Велика-Кикинда)	Жена Ефросинья	
Жилкимская Александра Ивановна, сестра милосердия (1893, Новочеркасск)	1926 (Вурберг)	Девушка	
Житлов Владимир Трофимович (1908, Тифлис)	1937 (Врнячка-Баня)	Холост	Умер в 1940
Желидов Дмитрий Васильевич (1870, Симбирск)	1942 (Велика-Кикинда)	Холост	Покончил с собой в 1942
Жуковский-Прокофьев Михаил Андреевич (1877, Полтава)	1943 (Бела-Церква)	Холост	Переведен в убогий дом
Жегалов Сарник Минькович (1884, Донская обл.)	1947 (Велика-Кикинда)	Вдовец	Вера буддийская
Захаров Терентий Дмитриевич, казак-фельдшер (1865, Кубанская обл.)	1931 (Горни-Милановац)	Жена Мария Тинтковская, сын Терентий	Умер
Зелинский Андрей Петрович, капитан (1868, село Екатериновск)	1937 (Сараево)	Жена Олимпиада	Дети Галина, Раиса и Сергей в России
Иванова Мария Фоминина (1874, Варшава)	1938 (Херцеговина)	Вдова полковника	Выбыла
Заремба-Владичанская Ольга Александровна (1861, Петербург)	1939 (Белград)	Вдова инж. путей сообщен.	Умерла в 1946
Здоров Филипп Карпович (1899, Кубанская обл.)	1940 (Белград)	Вдовец, жена Екатерина	Сыновья Семен и Владимир
Залесский Леонид Иосифович, инженер (1876, Екатеринбург)	1941 (Белград)	Жена София Александровна	Умер
Зарецкий Павел Александрович (1859)	1943		Выбыл
Зарубина Вера Николаевна (1891, Киев)	1944 (Бела-Церква)	Незамужняя	
Игнатъев Константин Николаевич (1901, Ставропольская губ.)	1940 (Меленцы)	Холост	Югославский поданный
Кочергов Яков Николаевич, полковник (1869, Полтава)	1921 (Мелина)	Жена Татьяна Блоха в России	Умер в 1944
Кульгав Петр Галлактионович, военный чиновник (1873, Кубанская обл.)	1929 (Чуприя)	Жена Ксения в России, дети Иван, Михаил, Мария	Умер в 1939
Китаева Матрена Абрамовна (1864, Пенза)	1931 (Панчево)	Вдова солдата, дети Анна, Иван	Умерла в 1940
Кохановский Владимир Михайлович, полковник (1867, Херсонская губ.)	1933 (Пожаревац)	Жена Анна в Одессе, сын Владимир	Выбыл

Кагарлицкий Александр Матвеевич, поручик (1896, Киев)	1932 (Белград)	Холост	Умер в 1945
Крейтон Никита Сергеевич (1902, Петербург)	1931 (Белград)	Холост	
Карпович Ольга Григорьевна (1876, Кишинев)	1937 (Панчево)	Вдова сенатора	Умерла в 1939
Кузик Александра Александровна (1876, Одесса)	1934 (Панчево)	Вдова купца	Умерла в 1945
Крикунов Григорий Федорович, становой пристав (1871, Черниговская губ.)	1938 (Суботица)	Вдовец	Умер в 1940
Кузнецов Андрей Иванович, подхорунжий (1859, Кубанская обл.)	1938 (Смедерево)	Вдовец, жена Мария	Умер в 1942
Калымков Поликарп Григорьевич, казак (1872, ст. Вознесенская)	1938 (Чачак)	Вдовец	Выбыл
Киселев Владимир Андреевич, капитан I ранга (1876, Воронеж)	1939 (Панчево)	Вдовец	Умер в 1943
Книппер Борис Александрович, надворный советник (1875, Петербург)	1939 (Дубровник)	Холост	Умер в 1943
Кузнецов Александр Константинович, инженер (1866, Петербург)	1939 (Загреб)	Вдовец, жена Александра	Умер в 1943
Куплевацкий Павел Яковлевич, фельдфебель (1872, Екатеринославская губ.)	1939 (Белград)	Вдовец, жена Анна	Сыновья Павел и Анастасий и дочь Илиана в России
Карпенко Дмитрий Дионисиевич, ст. урядник (1874, Кубанская обл.)	1939 (Чачак)	Жена Пелагея, сыновья Антон, Тимофей, Иван, Пантелеймон	Дочери Мария, Надежда, Антонина
Крафт Евгений Карлович, вице-адмирал (1861, Одесса)	1939 (Нова-Градишка)	Вдовец	Умер в 1942
Кудасов Арсений Филиппович, доктор (1900, Саратов)	1940 (Панчево)	Холост	
Казанский Валериан Андреевич (1869, Орел)	1940 (Бела-Церква)	Холост	Умер в 1941
Клочков Ефрем Иванович, казак Донского войска (1881, Донская обл.)	1941 (Панчево)	Жена Анна Теркова	Умер в 1942
Кобиева Евгения Григорьевна (1871, Майкоп)	1941 (Панчево)	Вдова генерала Михаила	Умерла в 1941
Какурин Виктор Николаевич (1872, Москва)	1942 (Белград)	Вдовец	Выбыл
Костенич Кирилл Митрофанович (1881, Черниговская губ.)	1942 (Белград)	Вдовец	Выбыл, возвратился в 1946

РУССКАЯ ЭМИГРАЦИЯ В СЕРБИИ

Корбанская Анна Никитинична (1869, Киев)	1942 (Байна-Башта)	Вдова	
Кулик Вениамин Ипполитович (1899, Кубанская обл.)	1942 (Белград)	Холост	
Кузнецов Владимир Николаевич (1870, Череповец)	1942 (Вршац)	Холост	Умер в 1945
Коробкова Ефросинья Васильевна (1875, Херсонская обл.)	1942 (Хайдучица)	Вдова, муж Кузьма	Сын Евгений, дочь Мария
Кравцев Антон Антонович, полковник (1873, Петербург)	1943 (Белград)	Жена Мария, сын <овья> Борис и Сергей	Умер в 1944
Колоколов Владимир Анатольевич (1871, Тамбов)	1943 (Бела-Церква)	Жена Эмилия в России	Сын Владимир в России
Калиновская Валентина Степановна (1870, Екатеринодар)	1943 (Панчево)	Вдова	Умерла
Кулешев Эрдне Иридиевич (1873, Донская обл.)	1943 (Белград)	Вдовец	Вера буддийская
Кирьянов Григорий Михайлович (1870, Кубанская обл.)	1947 (Баваниште)	Жена Татьяна в России	Сын Иван в России
Латышев Федор Данилович, полковник (1869, Киев)	1923	Холост	Умер в 1934
Лабина Екатерина Ефимовна (1864, Екатеринослав)	1936 (Белград)	Вдова чиновника	Умерла в 1945
Лиманский Иван Иванович, казак (1883, Кубанская обл.)	1937 (Кралево-село)	Вдовец, жена Марфа Гусева	Сыновья Иван и Сергей в России
Лахтионов Василий Демьянович (1894, Смоленская губ.)	1939 (Крагуевац)	Холост	Умер
Лесевицкий Дмитрий Николаевич, ротмистр (1878, Харьковская губ.)	1939 (Калудерске-Баре)	Женат	Умер в 1939
Лишина Варвара Виссарионовна (? , Або)	1940 (Панчево)	Вдова Николая Лишина	Умерла в 1942
Лазарева Мария Францевна (1880, Оренбург)	1940 (Александровац)	Вдова полковника Семена Иванова	Умерла
Лучинский Иван Владимирович (1866, Екатеринослав)	1942 (Велика-Кинда)	Жена Мария Александровна	Умер в 1945
Линчевский Митрофан Федорович (1866, Киев)	1943 (Велика-Кинда)	Вдовец, жена Мария	Умер в 1944
Линчевский Дмитрий Александрович, полковник (? , Могилев)	1944 (Панчево)	Вдовец	Умер в 1944
Музен Владимир Ильич (1892, Одесса)	1932 (Белград)	Женат	Умер в 1942

Марков Василий Иванович, казак (1896, Донская обл.)	1932 (Чуприя)	Жена Анна Сушина	Умер в 1945
Малтинов Александр Александрович (1886, Терская обл.)	1934 (Белград)	Холост	Переведен
Макаров Леонид Сергеевич, подпоручик (1884, Орловская губ.)	1934 (Белград)	Холост	Умер в 1942
Максимов Антон Иванович (1871, Полтавская обл.)	1934	Жена Александра	Умер в 1941
Мачинский Николай Иванович, поручик (1879, Волынская губ.)	1936 (Велика-Кикинда)	Женат	Умер в 1941
Мошняков Иван Васильевич, казак (1851, Донская обл.)	1949 (Томашевац)	Вдовец	Умер в 1942
Медиков Петр Михайлович, подпоручик (1896, Мариуполь)	1939 (Село Суза)	Холост	
Меньшикова Анна Михайловна (1868, Орел)	1940 (Белая Церковь)	Вдова Николая Владимировича	
Маляревская Анастасия Ивановна (187?, Полтавская обл.)	1941 (Белград)	Вдова Ивана Авксентиевича	Умерла
Маслов Михаил Емельянович, действ. ст. советник (1867, Саратовская губ.)	1942 (Мокрин)	Холост	Умер
Мочаринов Пурне Надвидович, казак (1881, Донская обл.)	1942 (Панчево)	Холост	Выбыл в 1944
Михайлов Мстислав Николаевич, полковник (1882, Ставрополь)	1942 (Белград)	Вдовец, жена Надежда	Умер в 1943
Михайлов Алексей Алексеевич, капитан (1879, Смоленск)	1943 (Ковачица)	Холост	
Мурцинов Санджа Минджикович, земледелец (Донская обл.)	1944 (Дебеляча)	Женат	Вера буддийская, умер
Носович Софья Александровна (1854, Полтава)	1930 (Загреб)	Вдова	Умерла в 1943
Николаевич Иосиф Илларионович (1868, Киев)	1931	Женат	Дети Елена, Людмила, Андрей
Нец Иван Иванович, казак (188?, Кавказская обл.)	1933	Вдовец	Умер в 1941
Невраев Иван Александрович (1886, Оренбург)	1937 (Шабач)	Холост	Выбыл в 1939
Николаева Елена Диомидовна (18?, Саратовская губ.)	1940 (Крагуевац)	Вдова Федора Николаева	Умерла в 1949

РУССКАЯ ЭМИГРАЦИЯ В СЕРБИИ

Новокрещенцев Василий Федорович (1887, Одесса)	1942 (Белград)	Вдовец	
Наумов Иван Семенович (1870, Донская обл.)	1942 (Велика-Кикинда)	Холост	
Непенина Лидия Александровна (1876, Петербург)	1942 (Велика-Кикинда)	Вдова Петра Павловича	Дочь Зоя (1904)
Николенко Никита Фомич (1876, Кубанская обл.)	1943 (Белград)	Вдовец	
Отрыганьева Августа Александровна, сестра милосердия (1860, Пермь)	1927 (Белград)	Вдова	Умерла в 1942
Орлова Ирина Васильевна (1858, Черкасская обл.)	1935 (Сремски-Карловци)	Вдова	Умерла в 1943
Осмоловский Михаил Григорьевич, губер. секретарь (1870, Екатеринослав)	1932 (Осек)	Женат	Умер в 1944
Орановская Вера Алоизовна (1870, Варшава)	1932 (Нови-Бечей)	Вдова	Умерла в 1948
Онищенко Григорий Григорьевич, поручик (1887, Херсон)	1937 (Панчево)	Жена Мария	
Островская ? Ефимовна (? , Владивосток)	1945 (Велика-Кикинда)	Вдова	Выбыла в Загреб
Попов Александр Константинович, полковник (? , Елабуга)	1923 (Белград)	Вдовец	Умер
Пономарев Семен Николаевич, генерал-майор (1860, Харьков)	1929 (Рипань)	Жена Вера	Умер в 1945
Пырклов Василий Арсентьевич, казак (? , Донская обл.)	1930 (Белград)	Вдовец, жена Елизавета	Умер в 1939
Плышевская Евгения Петровна (1877, Саратов)	1930 (Белград)	Вдова полковника	Умерла в 1944
Передистрый Василий Архипович, капитан I ранга (1874, Кубанская обл.)	1934 (Панчево)	Жена Анна	Умер в 1944
Петрова Елизавета Павловна (1864, Рифская губ.)	1935 (Вршац)	Разведена, сын Николай	Выбыла в 1939
Пилипенко Елизавета Семеновна (1891, Полтавская губ.)	1936 (Панчево)	Вдова	Умерла в 1948
Перепелицын Василий Федорович, казначейский чиновник (187?, Полтава)	1937 (Темерин)	Вдовец, жена Параскева Кравченко	Выбыл
Педько Иван Фомин, ст. урядник (18?, Кубанская обл.)	1932 (Црвенка)	Вдовец, жена Ефросина	Умер в 1940
Полянский Андрей Давидович, сотник (18?, Кубанская обл.)	1938 (Лесковац)	Жена Ксения Пидоренкова	Умер в 1941

Попова Евгения Дмитриевна (1859, Ставрополь)	1939 (Белград)	Вдова, сыновья Виктор, Борис и Николай	Умерла в 1941
Полиенко Яков Федорович (1885, Симферополь)	1940 (Белград)	Холост	Умер
Перваго Владимир Николаевич (1873, Рязань)	1941 (Любляна)	Вдовец, дети Софья и Николай	Умер в 1944
Попова Клавдия Григорьевна (18?)	1941 (Княжевац)	Вдова шт.-капитана Федора	
Плутатырев Николай Александрович (1875, Ростов)	1942 (Панчево)	Жена Вера Алексеевна	Умер в 1942
Попов Алексей Федорович (1880, ?)	1942 (Белград)	Жена Варвара Воронова	
Попов Андрей Тимофеевич (1885, Донская обл.)	1942 (Панчево)	Жена Евдокия Андреевна	Умер в 1945
Потапов Павел Михайлович (18?,)	1942 (Белград)	Холост	
Павленко Михаил Иванович (1880, Херсонская губ.)	1942 (Белград)	Вдовец	Умер в 1942
Перевощиков Павел Александрович (1871, Ковенская губ.)	1942 (Вайскирхен)	Вдовец	Сын Игорь
Рябинин Иван Семенович, казак (1897, Кубанская обл.)	1932 (Ниш)	Жена Мария Григорьевна	Выбыл
Родионов Иван Николаевич, полиц. чиновник, пристав (186?, Курская губ.)	1934 (Осиек)	Жена Мария Долинина	Выбыл
Рогожин Иван Петрович, полковник (1865, Терская обл.)	1935 (Княжево)	Вдовец, жена Анна Фролова	Умер в 1940
Раевская Зинаида Павловна (18?, Пермь)	1939 (Белград)	Вдова	Умерла в 1940
Резников Аристарх Даниилович (1871, Новочеркасск)	1940 (Велика-Кинда)	Жена Ольга Яковлевна Закс	Умер в 1940
Речицкий Георгий Трофимович, подполковник (1865, ?)	1941 (Велика-Кинда)	Холост	Умер в 1941
Росницкий Алексей Николаевич (1862, Саратовская губ.)	1942 (Белград)	Вдовец	Умер в 1944
Ратаев Павел Васильевич (1870, Ярославль)	1943 (Белград)	Жена Анна Сергеевна	Выбыл в 1944, возвратился в 1945
Ратаева Анна Сергеевна (1885, Луганск)	1943 (Белград)	Замужняя, муж Павел	Выбыла в 1944, возвратилась в 1945

РУССКАЯ ЭМИГРАЦИЯ В СЕРБИИ

Рыбинцев Владимир Павлович, полковник (1863, Чернигов)	1944 (Велика-Кикинда)	Жена Раиса	Умер в 1947
Рыбинцева Раиса Ивановна (186?, Александров)	1944 (Велика-Кикинда)	Замужняя, сын Борис	
Рылов Владимир Францевич (1889, Курская губ.)	1945 (Велика-Кикинда)	Холост	
Роскошный Николай Николаевич, почтово-телегр. чиновник (187?, Черниговская губ.)	1946 (Велика-Кикинда)	Жена Елена Павловна	
Сафонова Мария Николаевна (1854, Тирасполь)	1927 (Белград)	Вдова генерал-майора	Умерла в 1942
Стрекачева Анна Григорьевна (1864, Петербург)	1928 (Белград)	Вдова купца, дети Лидия и Григорий	Умерла в 1943
Смирнов Николай Васильевич (1867, Москва)	1928 (Белград)	Вдовец, дочь Наталия	Умер в 1942
Соловьев Всеволод Николаевич (1900, Луцк)	1931 (Тршич)	Холост	Умер в 1940
Старостин Лаврентий Иванович, рабочий (1853, Калужская губ.)	1933 (Белград)	Вдовец	Умер в 1941
Соболев Дмитрий Дмитриевич, полковник (1871, Орлов)	1934 (Велики-Бечкерек)	Разведен	Выбыл в 1939
Сафронова Мария Павловна (1890, Одесса)	1936 (Панчево)	Вдова	Выбыла в 1939
Сулина Варвара Васильевна (1869, Новочеркасск)	1937 (Марибор)	Вдова полковника Николая	Умерла в 1945
Соколова Вера Идиевна, сестра милосердия (1883, Лодзь)	1937 (Нови-Врбас)	Вдова	Умерла в 1940
Синятников Иван Ефимович (1867, Донская обл.)	1938 (Томашевац)	Вдовец, жена Евдокия	Умер в 1944
Синькевич Василий Арсентьевич, полковник (1858, Подольская губ.)	1938 (Суботица)	Вдовец, жена Мария Григорьевна	Умер
Страшков Алексей Дионисьевич, казак (1881, Кубанская обл.)	1939 (Рудник Кленовник)	Жена Наталия	Умер в 1939
Скульте Амалия Антоновна (1871, Одесса)	1939 (Суботица)	Вдова	Выбыла в 1946
Седин Константин Никитович (1894, Кубанская обл.)	1939 (Нови-Сад)	Женат	Дочь Надежда, сын Дмитрий
Сидоренко Всеволод Константинович (1868, Кубанская обл.)	1939 (Дерниш)	Женат, дочери Валентина и Раиса	Сыновья Анатолий и Борис

Сурин Михаил Ефимович (1870, Полтава)	1940 (Белград)	Холост	
Станкевич Василий Михайлович (1870, Николаев)	1941 (Ужице)	Жена Вера Ивановна	Умер в 1943
Скубачевский Николай Петрович (1886, Славянск)	1941 (Велика-Кикинда)	Разведен	Выбыл в 1944, возвратился в 1945
Соловьев Сергей Петрович (1894, Владимирская губ.)	1941 (Белград)	Холост	Умер в 1942
Ступин Иосиф Иосифович, гв. полковник (1870, Орел)	1941 (Белград)	Холост	
Суражевский Эрасий Николаевич, поручик (1887, Варшава)	1942 (Панчево)	Разведен	
Старков Алексей Алексеевич (1881, Киев)	1942 (Белград)	Холост	
Сперанский Николай Николаевич (1881, Петербург)	1942 (Велики-Бечкерек)	Жена Зинаида	Выбыл в 1944
Супринович Адам Станиславович, выс. чинов. колл. (1871, Липск)	1943 (Врячка-Баня)	Жена Евгения Ивановна	
Супринович Евгения Ивановна (1889)	1943 (Врячка-Баня)	Муж Адам	
Синницкий Викентий Викентьевич, генерал от инфантерии (1847, Петербург)	1944 (Белая Церковь)	Вдовец, жена Анна Николаевна	Умер в 1945
Салов Владимир Иванович, поручик (1891, Кронштадт)	1945 (Суботица)	Жена Екатерина Федоровна	Детей нет
Салова Екатерина Федоровна (1892, Кронштадт)	1945 (Суботица)	Муж Владимир	
Тарасенко Роман Иванович, моряк (1862, Киев)	1928 (Константинов)	Вдовец, жена Анна	Умер в 1940
Тищенко Иван Михайлович, казак (1903, Кубанская обл.)	1932	Холост	
Торянников Николай Николаевич, полковник (1868, Харьков)	1936 (Белград)	Холост	
Третьяков Сергей Яковлевич, оружейный мастер (1863, Тула)	1937 (Панчево)	Вдовец, жена Изабелла	Умер в 1940
Троценко Григорий Еремеевич, учитель (1873, Харьков)	1938 (Сплит)	Жена Клеопатра Александриды	Выбыл в 1939
Татарина Ида Фердинандовна (1878, Кипр)	1941 (Белград)	Вдова полковника Диодора	

РУССКАЯ ЭМИГРАЦИЯ В СЕРБИИ

Тельтров Сергей Петрович (1869, Москва)	1944 (Панчево)	Жена Александра	Сын Петр
Топорнина Тереза Карловна (1863, Варшавская губ.)	1944 (Велика-Кикинда)	Вдова, муж Владимир	Умерла в 1945
Тимофеев Василий Александрович (1878)	1944 (Бела-Церква)	Вдовец, жена Анна Фицнер	Умер в 1945
Тимофеев Анатолий Константинович, полковник (1887, Курск)	1945 (Велика-Кикинда)	Жена Александра	
Тимофеева Александра (1882, Белгород)	1945 (Велика-Кикинда)	Муж Анатолий	
Фомин Борис Васильевич, есаул (1872, Новочеркасск)	1929 (Бела-Церква)	Жена Елизавета Шербакова	Умер в 1940
Филин Георгий Феогниевиич, полковник (1869, Донская обл.)	1933 (Горажде)	Вдовец, сын Аркадий	Дочь Наталия, выбыл в 1939
Финк Лазарь Соломонович (1888, Киев)	1940 (Долни-Михоляц)	Холост	Вера израильская, умер в 1944
Фиксен Александр Константинович (1887, Киевская губ.)	1942 (Панчево)	Жена Ольга Владимировна	Дочь Александра, умер
Ховавко Виктор Лаврентьевич, полковник (1887, Черниговская губ.)	1933 (Панчево)	Холост	
Хитров Василий Яковлевич, капитан (1872, Орловская губ.)	1939 (Враньска-Баня)	Вдовец, жена Агрипина, сыновья Иван и Григорий	Дочери Агафия, Любовь и Екатерина
Хаджи-Мет Елена Федоровна (1922)	1940 (Белград)	Девница	Выбыла в 1944
Чернявская Мария Дмитриевна (1869, Новочеркасск)	1939 (Батина-Скела)	Вдова, муж Андрей	Дочь Ольга, выбыла в 1944, возвратилась в 1946, умерла
Чуйко Иван Петрович (1875, Кубанская обл.)	1939 (Бели-Манастир)	Холост	Умер в 1940
Читлакова Анна Ивановна (1888)	1940 (Нови-Сад)	Вдова, муж Мартин	
Чанцева Елизавета Яковлевна (1871, Уфа)	1942 (Панчево)	Вдова, муж Леонид	Умерла в 1942
Чанцева Ирина Леонидовна (1916, Могилев)	1942 (Панчево)	Девница	
Чернышев Анатолий Трофимович (1895, Харьков)	1944 (Бела-Церква)	Холост	Югославский подданный
Чиков Иван Мартинович, чиновник (1869)	1945 (Суботица)	Вдовец, жена Лидия Ивановна	

Шульга Анатолий Иосифович, полковник (1866, Петербург)	1921 (Чачак)	Вдовец, жена Наталия	Умер
Шульга Наталия Филипповна (1879, Москва)	1931 (Белград)	Замужняя	Умерла
Шевченко Роман Иванович, казак-подхорунжий (1891)	1936 (Лесковац)	Жена Федосия в России	Умер в 1949
Шаховской Петр Петрович, князь (1872, Полтавская губ.)	1939 (Косовска-Митровица)	Вдовец, жена Варвара	
Шевель Игнат Савович, губер. секретарь (1872, Кубанская обл.)	1940 (Панчево)	Вдовец	Умер в 1942
Шпимахер Людмила Николаевна (1859, Вятка)	1940 (Белград)	Вдова, муж Владимир	Умерла в 1941
Шалфеева Лидия Александровна (1891, Петербург)	1941 (Белград)	Вдова, муж Николай	
Шульц Сергей Яковлевич, полковник (1879, Петербург)	1945 (Велика-Кикинда)	Жена Лидия Владимировна	
Щербинина Зинаида Семеновна (1895, Екатеринодар)	1943 (Панчево)	Вдова	
Яворская Анна Федоровна (1867, Петербург)	1930 (Петриня)	Вдова капитана I ранга	Дочь Мария, сын Алексей
Якушева Раиса Степановна (1899, Таганрог)	1939 (Белград)	Муж есаул Андрей	Выбыла в 1944
Яшник Семен Максимович (1900, Кубанская обл.)	1942 (Вршац)	Холост	Умер в 1942

Источники и литература

АЮ — Архив Югославии

ИАК — Исторический архив Кикинды

Аноним 1926 — *Аноним*. Обеспечение русских инвалидов // Возрождение. 1926. 16 января. С. 4.

Аноним 1931 — *Аноним*. Новый врач Р.О.К.К. // Царский вестник. 1931. 24 июля. С. 4.

Аноним 1932а — *Аноним*. Явна захвалност // Југословен. 1932. 20 марта. С. 4.

Аноним 1932б — *Аноним*. Приложеници // Југословен. 1932. 6 марта. С. 3.

Аноним 1933 — *Аноним*. «Јелка» у корист стараца и старица Склоништа Руског Црвеног Крста у В. Кикинди // Југословен. 1933. 24 декабря. С. 3.

Аноним 1934а — *Аноним*. 10-летие деятельности В.Н. Штрандтмана // Царский вестник. 1934. 2 декабря. С. 2.

Аноним 1934б — *Аноним*. Изложба Руског Црвеног Крста // Југословен. 1934. 9 сентября. С. 3.

- Аноним 1935 — *Аноним*. Један бивши потпуковник руске војске извршио самоубиство у Великој Кикинди // *Време*. 1935. 23 августа. С. 5.
- Аноним 1937 — *Аноним*. Митрополит Анастасий в Великой Кикинде // *Царский вестник*. 1937. 4 апреля. С. 3.
- Аноним 1939а — *Аноним*. У Великој Кикинди освећен Дом руског Црвеног крста у коме се налази 95 стараца и старица // *Време*. 1939. 11 јануара. С. 10.
- Аноним 1939б — *Аноним*. Последњи потомак чувене породице Татјана Крилов блиска рођака Љењина умрла је у Великој Кикинди // *Време*. 1 марта. С. 6.
- Арсењев 2011 — *Арсењев А.* Самовари у равници. Руска емиграција у Војводини. Нови Сад, 2011. 291 с.
- Борманджинов 1996 — *Борманджинов А.* Записки о калмыцкой диаспоре // *Теегин Герл (Свет в степи) (Элиста)*. 1996. № 8. С. 93–99.
- Днепров 1933 — *Днепров Р.* Инвалиды // *Возрождение*. 1933. 14 января. С. 4.
- Днепров 1934 — *Днепров Р.* На берегах Савы // *Возрождение*. 1934. 22 октября. С. 3.
- Зарубежный союз русских военных инвалидов 1934 — *Зарубежный союз русских военных инвалидов*. Issy Les Moulineaux, 1934.
- Зах. 1939 — *Зах. Ник.* Русский Белград // *Часовой*. 1939. 5 июня. С. 27.
- Јовановић 1996 — *Јовановић М.* Досељавање руских избеглица у Краљевину СХС 1919–1924. Београд, 1996. 388 с.
- Ковалевский 1973 — *Ковалевский П.Е.* Зарубежная Россия. Доп. вып. Париж, 1973. 147 с.
- М. 1936 — *М.И.* Как живут русские инвалиды // *Возрождение*. 1936. 17 октября. С. 6.
- М. 1938 — *М.И.* Жизнь русских инвалидов // *Возрождение*. 1938. 11 марта. С. 7.
- Миленковић 1998 — *Миленковић Т.* Калмици у Србији 1920–1944. Београд, 1998. 244 с.
- Н. 1939 — *Н. Вурберг* // *Часовой*. 1939. 5 июня. С. 35.
- Незабытые могилы 1999 — *Незабытые могилы: Российское зарубежье: некрологи 1917–2001: в 6 т. Т. 2: Г–З / сост. В.Н. Чуваков. М., 1999. 648 с.*
- Незабытые могилы 2001 — *Незабытые могилы: Российское зарубежье: некрологи 1917–2001: в 6 т. Т. 3: И–К / сост. В.Н. Чуваков. М., 2001. 676 с.*
- Незабытые могилы 2004 — *Незабытые могилы: Российское зарубежье: некрологи 1917–2001: в 6 т. Т. 5: Н–П / сост. В.Н. Чуваков. М., 2004. 640 с.*
- Незабытые могилы 2006 — *Незабытые могилы: Российское зарубежье: некрологи 1917–2001: в 6 т. Т. 6. Кн. 2: Скр–Ф / сост. В.Н. Чуваков. М., 2006. 724 с.*
- Незабытые могилы 2007 — *Незабытые могилы: Российское зарубежье: некрологи 1917–2001: в 6 т. Т. 6. Кн. 3: Х–Я / сост. В.Н. Чуваков. М., 2007. 704 с.*
- Панчевский госпиталь-санаторий 1930 — *Панчевский госпиталь-санаторий: Р.О.К.К. в Королевстве Югославия: 1920–1930. Панчево, 1930. 24 с.*
- Пулко 2010 — *Пулко Р.* Санаторий в Вурберге // *Новый журнал (Нью-Йорк)*. 2010. № 259.
- Хара-Даван 1930 — *Хара-Даван Э.* Калмыки в Югославии // *Информация Калмыцкой комиссии культурных работников в Ч.С.Р (Прага)*. 1930. № 1. С. 60.
- Pulko 2004 — *Pulko R.* Ruska emigracija na Slovenskem 1921–1941. Logatec, 2004. 144 с.

К.К. Семенов

СВЯТЫНИ РУССКОЙ АРМИИ
В ХРАМЕ СВЯТОЙ ТРОИЦЫ В БЕЛГРАДЕ
(1924–1944 гг.)

Пусть говорят нам, что Россия погибла, что родных нам армии и флота нет. Мы знаем, что это ложь. Россия жива. Истерзанную и поруганную, мы вынесли ее на своих знаменах — этих знамен, пока мы живы, не вырвать из наших рук. Мы пронесем их сквозь смерть и страдания и водрузим их на Родной Земле.

Из приказа генерала П.Н. Врангеля¹

Сохранение исторической памяти считалось в русской эмиграции наиважнейшей задачей. Об этом много писали И.А. Бунин, И.А. Ильин и лидеры военной эмиграции. Через память сохранялась связь эмиграции с родиной. «Деятельность школы, армии, военных союзов, церкви и ряда других эмигрантских учреждений и организаций способствовала сохранению и развитию духовных связей эмигрантов с покинутой родиной, т. е. будила в них надежду на возможность возвращения», — писал Мирослав Йованович [Йованович 2005, с. 231].

Военная эмиграция предпринимала в деле мемориализации значительные усилия, ведь бережное сохранение традиций своих воинских частей также содействовало корпоративной спайке и поддержанию дисциплины в воинских союзах, образованных из остатков белых армий. «...Деятельность армейского командования имела в значительной степени и мемориальный характер — стремление сохранить память о жизни в России, об истории армии и событий, которые характеризовали Гражданскую войну и отъезд в эмиграцию» [Там же, с. 259].

Королевство сербов, хорватов и словенцев было одним из основных и массовых очагов проживания русской военной эмиграции в середине 1920-х гг. Братское отношение правительства и жителей королевства к русским беженцам, вероисповедание и пр. сделали пребывание эмигрантов в стране относительно комфортным.

Это способствовало динамичному развитию на территории королевства различных эмигрантских институций, в т. ч. военных: именно здесь был образован Русский общевоинский союз (РОВС), проживал последний главнокомандующий Русской армией, были организованы многочисленные офицерские союзы.

К середине 1920-х гг. на территории Королевства СХС насчитывалось около 300 колоний русских эмигрантов разной численности. Известны более ранние данные Государственной комиссии по делам русских беженцев, оценивающие количество эмигрантов из России в королевстве в 1921 г.: 75 тыс. человек, из них 40 000 принадлежали армии, а 35 тыс. были гражданскими беженцами [Глигори-

¹ ГА РФ. Ф. Р-5853. Оп. 1. Д. 87. Л. 111.

Церковь Св. Троицы в Белграде (Архив Сербии)

евич 1996, с. 111]. К концу 1924 г. число военных контингентов Русской армии понизилось до 4000 человек в армейских формированиях и 4000 в казачьих (преимущественно кубанских) частях (ГА РФ, ф. Р-5826, оп. 1, д. 27, л. 14). Большинство военнослужащих было сосредоточено в 25 различных населенных пунктах.

В 1920–30-х гг. в жизни эмигрантских общин большую роль играла Русская православная церковь. Зачастую ее храмы становились центрами общественной жизни русской диаспоры. С появлением в королевстве значительного числа беженцев из России остро встал вопрос о строительстве собственно русского храма. Иерархи Сербской православной церкви охотно предоставляли места для богослужений в сербских храмах и административных зданиях, но эта практика не могла заменить потребности в русском приходе.

В мае 1922 г. священник Петр Беловидов получил разрешение сербского патриарха Димитрия построить на старом, не функционирующем Ташмайданском кладбище (за церковью Св. Марка) русский храм. Был объявлен сбор средств: 40 тыс. динаров выделил на строительство премьер-министр королевства Н. Пашич, кирпич предоставили два местных кирпичных завода. Постройка храма началась в праздник Рождества Пресвятой Богородицы. Проект подготовил военный инженер В.В. Сташевский. Строительство храма — церкви Святой Троицы — было осуществлено в рекордно короткие сроки — 39 дней. 28 декабря 1924 г. митрополит Антоний освятил храм [Косик 2009, с. 13]. Настоятелем церкви стал о. П. Беловидов, а первое богослужение совершилось 4 января 1925 г. при большом стечении русских эмигрантов.

В храме была помещена чудотворная икона Курской Коренной Божией Матери, вывезенная из России. Очень скоро церковь Св. Троицы стала местом со-

средоточения культурной жизни всей русской общины, и военной эмиграции в частности.

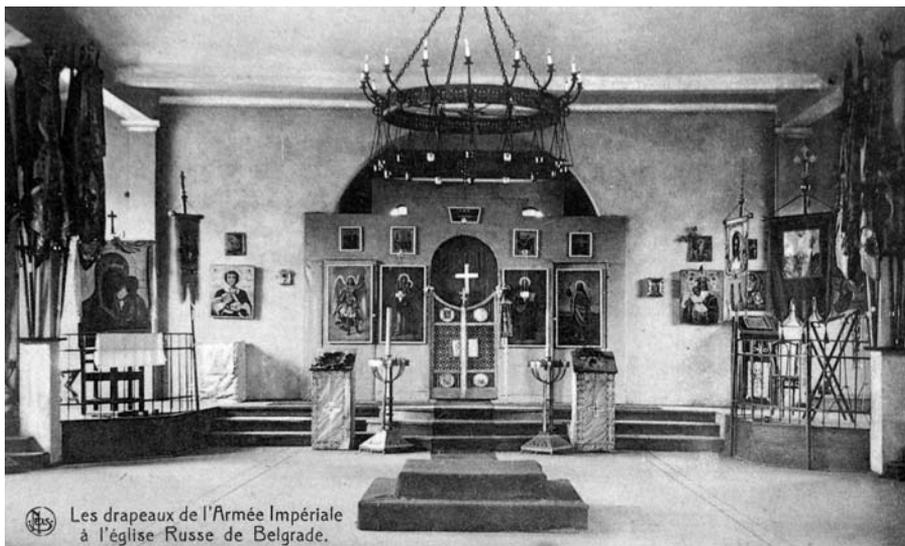
Еще весной 1923 г. наряду с отъездом из Болгарии частей Русской армии началась отправка и хранящихся в этой стране воинских святынь. Большинство из них было направлено в Королевство СХС. В мае 1923 г. приказом временно исполняющего должность российского военного агента в королевстве Генерального штаба полковника В.И. Базаревича для принятия регалий была образована комиссия под председательством капитана 2-го ранга А.А. Чиколева. В ее состав вошли полковники М.Д. Сорокин и Н.В. Номикосов. 11 мая 1923 г. комиссия приняла и описала 6 пакетов с регалиями и знаменами Русской армии, доставленных из Болгарии (АДРЗ, ф. 133, оп. 1, д. 4, л. 14).

В 1924 г. ряд знамен был помещен в церкви Св. Троицы в Белграде. Так началась 20-летняя история пребывания воинских реликвий в этом храме. Некоторые знамена были в плачевном состоянии или не имели древок.

Руководство РОВСа уделяло большее внимание хранению знамен. Приказом № 13 начальника IV отдела РОВСа от 5 октября 1925 г. устанавливался особый порядок охраны знамен и регалий, находящихся в русской церкви (ГА РФ, ф. Р-5826, оп. 1, д. 23, л. 229). Охрану святынь должны были нести все общества (союзы), входящие в состав IV отдела, а также офицеры, не входящие в состав обществ, но добровольно присоединившиеся к этой миссии. Ответственным за распределение нарядов был назначен полковник В.И. Базаревич. Внутри обществ наряды распределяли их председатели. Дежурства длились с 18:00 до 6 утра. В состав одной смены входило 3 офицера, один из которых являлся старшим поста и осуществлял смену дежурств и давал поручения другим офицерам. Охраняли церковь снаружи, в ненастную погоду использовалось караульное помещение. Инструкция предписывала дежурным при заступлении наряда проверять сохранность окон и дверей, следить за порядком на праздничных богослужениях, присутствовать при запираии дверей храма, поддерживать связь с ближайшим постом жандармерии. В качестве основного оружия против нарушителей использовался... свисток. Проверять охрану церкви имели право начальник IV отдела РОВСа, председатели обществ (несущих охрану), полковник Базаревич, генералы или штаб-офицеры, имеющие от указанных лиц соответствующее предписание.

В случае невозможности прибыть на дежурство офицеры должны были заблаговременно уведомить председателя своего общества. 18 декабря 1925 г. приказом № 14 начальника IV отдела РОВСа количество офицеров в одной смене было уменьшено до двух человек (ГА РФ, ф. Р-5826, оп. 1, д. 23, л. 260). Постепенно затея с дежурствами сошла на нет, и вновь к ней вернулись лишь после перенесения праха главнокомандующего П.Н. Врангеля в Белград.

1 февраля 1926 г. генерал П.Н. Врангель подал рапорт № 157/П Верховному главнокомандующему великому князю Николаю Николаевичу, в котором представил «подробную опись знамен и регалий, размещенных в русской церкви в Белграде». Копия этого документа находится в АДРЗ (АДРЗ, ф. 133, оп. 1, д. 4, л. 40–58). Позже этот перечень был опубликован в книге В.Х. Даватца [Даватц 1926, с. 223–237].

Знамена Русской армии в церкви Св. Троицы в Белграде

В церкви знамена и реликвии были расположены по периметру помещения и объединены в неравномерные условно смысловые группы следующего состава:

ГРУППА I

1. Знамя неизвестного полка. На полотнище вензель Александра II и надпись: «За Севастополь в 1854–1855 годах».
2. Знамя неизвестного полка. На полотнище вензель Александра II и надпись: «За изгнание турок из Абхазии в 1877 году».
3. Знамя неизвестного полка (предположительно, 164-го пехотного Закавказского полка). На порванном полотнище вензель Александра II и надпись: «...взятие штурмом Аульги 22 августа 1839 года... за отличие... Гуниба 25 августа 1859 года и за... Турецкую войну 1877 и 1878 годов», «1700–1856».
4. Знамя неизвестного полка (полотнище, копьё с Георгиевским крестом). На полотнище вензель Александра II и надпись: «За отличие в Турецкую войну 1877 и 1878 годов».
5. Знамя неизвестного полка (полотнище, копьё с Георгиевским крестом). На полотнище вензель Александра II и надпись: «За отличие в Турецкую войну 1877 и 1878 годов».
6. Знамя неизвестного полка (полотнище, копьё с Георгиевским крестом). На полотнище вензель Александра II и надпись: «За отличие в Турецкую войну 1877 и 1878 годов».
7. Знамя неизвестного полка (полотнище, копьё с Георгиевским крестом). На полотнище вензель Александра II и надпись: «За отличие в Турецкую войну 1877 и 1878 годов».
8. Знамя неизвестного полка. На полотнище вензель Александра II и надпись: «За взятие Ардагана 1-го и 3-го мая 1877 года».

9. Знамя неизвестного полка (полотнище, георгиевские и серебряные ленты с кистями). На полотнище вензель Александра II.
10. Знамя неизвестного полка. На полотнище вензель Александра II.

ГРУППА II

11. Знамя неизвестного полка. На полотнище вензель Николая II и надпись на георгиевской ленте: «В воздаяние отличного мужества и храбрости, оказанные в 1812, 1813 и 1814 гг. и за Севастополь в 1854 и 1855 годах», на андреевской ленте: «1806–1906».
12. Знамя неизвестного полка (ветхое полотнище в чехле).
13. Знамя неизвестного полка. На полотнище споротый вензель Николая II и надпись: «С нами Бог».
14. Знамя неизвестного полка. На полотнище вензель Николая II и надпись: «С нами Бог», на георгиевской ленте: «А II. 1856». «В вознаграждение отличного мужества и храбрости, оказанных в 1812, 1813 и 1814 гг. и за Севастополь в 1854 и 1855 годах», на андреевской ленте: «1806–1906».
15. Знамя неизвестного полка. На полотнище вензель Николая II и надпись: «За взятие... 22 августа 1839 года... за... при... Гуниба... 1859. В Хивинском походе 1873 г. и...», на андреевской ленте: «1700–1800–1900».
16. Знамя неизвестного полка. Полотнище доставлено в штаб Добровольческой армии 10 сентября 1918 года Киевской организацией. На полотнище вензель Николай I.
17. Знамя неизвестного полка. На полотнище на месте вензеля нашит кусок красного шелка. На полотнище надписи: «С нами Бог» и «1809–1909».
18. Знамя неизвестного полка. На полотнище вензель Александра III.
19. Знамя неизвестного полка (ветхое полотнище в чехле). Доставлено Киевской организацией в штаб Добровольческой армии 10 сентября 1918 года.
20. Знамя неизвестного полка. На полотнище вензель Николая II и надпись на георгиевской ленте: «А II. 1856. За Севастополь в 1854 и 1855 годах», на андреевской ленте: «1806–1906».

ГРУППА III

21. Штандарт 10-го уланского Одесского полка. На полотнище вензель Николая I и надпись: «За отличные военные подвиги при усмирении мятежа в Трансильвании в 1849 году».
22. Знамя Уральского казачьего войска (полотнище, георгиевские ленты с кистями). На полотнище вензель Александра III и надпись: «Доблестному Уральскому Казачьему Войску за отлично-усердную, боевыми подвигами ознаменованную службу».
23. Штандарт 10-го уланского Одесского полка. На полотнище вензель Николая I.

ГРУППА IV

24. Штандарт неизвестного полка. На полотнище стертый вензель и надпись: «За двукратный переход через Балканы в 1877 году».

25. Стяг неизвестного полка (полотнище, шнуры с кистями, копье, при стяге находилась икона Богородицы с надписью: «Благословение родного храма доблестным хранителям заветов гусар ингерманландцев»).
26. Штандарт неизвестного полка. На полотнище вензель Александра II и надпись: «За двукратный переход через Балканы в 1877 году»².

ГРУППА V

27. Штандарт 16-го драгунского Тверского Е.И.В. наследника цесаревича полка (полотнище, георгиевский темляк, копье с Георгиевским крестом). На полотнище вензель Александра II и надпись: «За подвиг при Шенграбене 4 ноября 1805 года в сражении 5-тысячного корпуса с неприятелем состоявшим из 30 тысяч».
28. Штандарт 16-го драгунского Тверского Е.И.В. наследника цесаревича полка (полотнище, юбилейные ленты, георгиевские ленты, георгиевское копье с крестом, скоба³ и ½ древка). На полотнище надпись: «За отличные подвиги при Курюк-Дара 24 июля 1854 года».
29. Чехол, георгиевские ленты, георгиевский темляк, копье с Георгиевским крестом и скоба от штандарта 16-го драгунского Тверского Е.И.В. наследника цесаревича полка.
30. Штандарт 18-го драгунского Северского короля датского Христиана IX полка (полотнище, юбилейные ленты, георгиевские ленты с орденом Св. Георгия и георгиевской звездой на полотнище и вензелем Николая II, на андреевской ленте: «1701–1801–1901», на георгиевской ленте: «Александр III. 1884. За отличие оказанное в Персидскую войну 1826–1927 и 1828 гг. За отличные подвиги в Чечне 1851 г. и в сражении при Курюк-Дара 24 июля 1854 года»).
31. Штандарт 17-го гусарского Черниговского Е.И.В. великого князя Михаила Александровича полка (полотнище, юбилейные ленты, георгиевский темляк, скоба, ½ древка). На полотнище вензель Александра II и надпись: «За подвиги при Шенграбене 4 ноября 1805 года в сражении 5-тысячного корпуса с неприятелем, состоявшим из 30 тысяч».
32. Штандарт Текинского конного полка. На полотнище вензель Николая II.
33. Штандарт Елисаветградского кавалерийского училища (полотнище, копье с двуглавым орлом, скоба). На полотнище вензель Николая II.

ГРУППА VI

34. Штандарт 2-го лейб-гусарского Павлоградского императора Александра III полка. На полотнище вензель Александра II и надписи: «За отличные подвиги в сражении при Курюк-Дара 24 июля 1854 года», «1775–1875».
35. Штандарт 7-го уланского Ольвиопольского его величества короля испанского Альфонса XIII полка (полотнище, георгиевские ленты с кистями, копье с Георгиевским крестом). На полотнище вензель Николая II и надписи: «С нами Бог», «1812–1912».

² Один из штандартов, а возможно и оба (порядковые номера 24 и 26), принадлежали 8-му драгунскому Астраханскому полку.

³ Скоба — медная позолоченная пластина шириной в 6,7 см, надеваемая на древко ниже полотнища.

36. Штандарт 8-го уланского Вознесенского Е.И.В. великой княгини Татьяны Николаевны полка (полотнище, копье с Георгиевским крестом, скоба). На полотнище вензель Николая II и надпись на георгиевской ленте: «А II 1878. За отличие в Турецкую войну 1877–1878 годах», на андреевской ленте: «1812–1912».
37. Штандарт 9-го драгунского Казанского Е.И.В. великой княгини Марии Николаевны полка (ветхое полотнище, юбилейные ленты, темляк, копье, скоба и ½ древка).
38. Штандарт 9-го гусарского Киевского генерал-адъютанта князя Николая Репнина полка (полотнище, юбилейные ленты, георгиевские ленты с кистями, скоба). На полотнище вензель Александра II и надписи: «За отличие против неприятеля в сражении у Кацбаха 14 августа 1813 года», «1668–1868».
39. Штандарт 11-го уланского Чугуевского ее величества государыни императрицы Марии Федоровны полка (полотнище, юбилейные ленты, георгиевские ленты, георгиевский темляк, копье с Георгиевским крестом, скоба). На полотнище вензель Александра II и надпись: «За отличие в Турецкую войну 1877 и 1878 годов».
40. Штандарт 11-го гусарского Изюмского генерала Дорохова его королевского высочества принца Генриха Прусского полка (юбилейные ленты, георгиевское копье без креста, скоба, подток⁴, древко). На полотнище вензель Николая I и надписи: «За отличие при поражении и изгнании неприятеля из пределов России 1812 года», «1651–1851».

ГРУППА VII

Инженерные войска

41. Знамя 3-го саперного батальона (ветхое полотнище в чехле, лента с кистями, георгиевское копье без креста, скоба, ½ древка).
42. Знамя 8-го саперного батальона (ветхое полотнище в чехле, скоба). Доставлено Киевской организацией в штаб Добровольческой армии 10 сентября 1918 г.
43. Знамя 9-го саперного батальона (ветхое полотнище в чехле, скоба, копье).
44. Знамя 11-го саперного императора Николая I батальона (ветхое полотнище, георгиевские ленты с кистями, скоба, подток, ½ древка). На полотнище надпись: «За отличие при переходе через Балканский хребет в 1829 году. За поход в Индию и взятие штурмом аула Дарго 6 июля 1854 года».
45. Знамя 1-го Кавказского саперного великого князя Николая Николаевича старшего батальона (полотнище, георгиевские ленты с кистями, копье с Георгиевским крестом, скоба, подток). На полотнище вензель Александра II и надпись: «За отличие при взятии приступом Ахалцыка в 1828 году и за отличие в сражении при Деве-Войну 25 октября 1877 года».

ГРУППА VIII

46-я пехотная дивизия

46. Знамя 1-го батальона 160-го Абхазского полка (порванное полотнище, юбилейные и георгиевские ленты, георгиевский темляк, скоба). На полотнище вензель Александра II и уцелевшие слова: «За взятие...».

⁴ Подток — медный позолоченный «стакан», надеваемый на нижний конец древка для предохранения от порчи.

48-я пехотная дивизия

47. Знамя 170-го пехотного Молодеченского полка (полотнище, скоба). На полотнище вензель Александра II и надпись: «За оборону позиций на р. Лом и переход через Балканы 26 декабря 1877 г. За Шипку».
48. Знамя 188-го пехотного резервного Красноставского полка (полотнище, скоба). На полотнище вензель Александра II.

ГРУППА IX

31-я пехотная дивизия

49. Знамя 3-го батальона 122-го пехотного Тамбовского полка (полотнище, юбилейные ленты, георгиевское копые без креста, скоба, подток, древко). На полотнище вензель Александра II и надпись: «За Горное Бугарово 20 декабря 1877 года».
50. Знамя 3-го батальона 122-го пехотного Тамбовского полка (ветхое полотнище, ленты с одной кистью, копые, скоба, подток, древко).

ГРУППА X

31-я пехотная дивизия

51. Знамя 1-го батальона 122-го пехотного Тамбовского полка (ветхое полотнище, георгиевский темляк, георгиевское копые без креста, скоба, подток, древко).
52. Знамя 1-го батальона 122-го пехотного Тамбовского полка (ветхое полотнище, георгиевский темляк, георгиевское копые без креста, скоба, подток, древко). На полотнище вензель Александра II.

ГРУППА XI

39-я пехотная дивизия

53. Знамя 1-го батальона 154-го пехотного Дербентского полка (ветхое полотнище в чехле, георгиевское копые без креста, скоба, подток, древко).
54. Знамя 2-го батальона 156-го пехотного Елизаветпольского генерала князя Цицианова полка (полотнище, скоба). На полотнище вензель Александра II и надпись: «За сражение на Аладинских высотах 3 октября 1877 года».
55. Знамя 2-го батальона 156-го пехотного Елизаветпольского генерала князя Цицианова полка (полотнище, скоба). На полотнище вензель Александра II и надпись: «За взятие Ардагана 4 и 5 мая 1877 года».
56. Знамя 4-го батальона 156-го пехотного Елизаветпольского генерала князя Цицианова полка (полотнище, скоба). На полотнище вензель Александра II и надпись: «За взятие Ардагана 4 и 5 мая 1877 года».

ГРУППА XII

Кавказская гренадерская дивизия

57. Знамя 14-го гренадерского Грузинского Е.И.В. наследника цесаревича полка (полотнище, юбилейные и георгиевские ленты, копые с Георгиевским крестом, скоба, подток, древко). На полотнище вензель Александра II и надпись: «За сражение на Аладинских высотах 3 октября 1877 года».

Отдельная морская Черноморская бригада

58. Знамя 1-го морского полка (полотнище, георгиевский темляк, серебряная скоба, копьё, подток).

9-я пехотная дивизия

59. Знамя 36-го пехотного Орловского генерал-фельдмаршала князя Варшавского графа Паскевича Эриванского полка (полотнище, сшитое из 6 кусков, юбилейные ленты, георгиевский темляк). На полотнище на георгиевской ленте надпись: «За Севастополь <в> 1854 и 1855 годах и за Шипку 1877 года».

21-я пехотная дивизия

60. Знамя 83-го пехотного Самурского полка (полотнище, георгиевские и серебряные ленты, копьё с Георгиевским крестом, скоба, подток). На полотнище вензель Александра II и надпись: «За отличие 20 января 1814 г. при селении Ла-Ротьер и за подавление восстания в Дагестане в 1877 году».
61. Знамя 250-го пехотного Ахульгинского резервного батальона (полотнище, скоба, ½ древка). На полотнище вензель Александра III.

ГРУППА XIII

19-я пехотная дивизия

62. Знамя 1-го батальона 73-го пехотного Крымского Е.И.В. великого князя Александра Михайловича полка (ветхое знамя, георгиевский темляк, георгиевское копьё без креста, скоба). На полотнище вензель Александра II и надпись: «За взятие Баязета 28 июня 1877 года».
63. Знамя 74-го пехотного Ставропольского полка (полотнище, георгиевские ленты с кистями, георгиевское копьё с крестом). На полотнище вензель Александра II и надпись: «За оборону крепости Баязета 20 и 21 июня и освобождение Баязета 28 июня 1877 года».
64. Знамя 1-го батальона 75-го пехотного Севастопольского полка (ветхое полотнище, георгиевский темляк с кистями, копьё с Георгиевским крестом, скоба). На полотнище вензель Александра II и надпись: «За оборону 20 и 21 июня 1829 года и за отличие в войну 1877 и 1878 годов».

ГРУППА XIV

19-я пехотная дивизия

65. Знамя 3-го батальона 76-го пехотного Кубанского полка (ветхое полотнище, юбилейные ленты, скоба, подток, древко).
66. Знамя 3-го батальона 76-го пехотного Кубанского полка (полотнище, георгиевские ленты с кистями, георгиевское копьё без креста, скоба, подток, древко). На полотнище вензель Александра II и надпись: «За изгнание турок из Абхазии в 1877 году».
67. Знамя 4-го батальона 76-го пехотного Кубанского полка (ветхое полотнище, темляк, копьё, скоба, ½ древка).

68. Знамя 4-го батальона 76-го пехотного Кубанского полка (полотнище, георгиевская лента, георгиевское копьё без креста, скоба, подток, древко). На полотнище вензель Александра II и надпись: «За изгнание турок из Абхазии в 1877 году».

ГРУППА XV

19-я пехотная дивизия

69. Знамя 1-го батальона 76-го пехотного Кубанского полка (ветхое полотнище в чехле, юбилейные ленты, скоба, ½ древка).
70. Знамя 2-го батальона 76-го пехотного Кубанского полка (ветхое полотнище в чехле, юбилейные ленты, темляк, копьё, подток, древко).
71. Знамя 2-го батальона 76-го пехотного Кубанского полка (полотнище, георгиевские ленты с кистями, георгиевское копьё без креста, скоба, подток, древко). На полотнище вензель Александра II и надпись: «За изгнание турок из Абхазии в 1877 году».

ГРУППА XVI

5-я пехотная дивизия

72. Знамя 3-го батальона 17-го пехотного Архангелогородского великого князя Владимира Александровича полка (ветхое полотнище в чехле, юбилейные ленты, георгиевский темляк, копьё с Георгиевским крестом, скоба, подток, древко).
73. Знамя 4-го батальона 17-го пехотного Архангелогородского великого князя Владимира Александровича полка (полотнище, юбилейные ленты, темляк, копьё, скоба, подток, древко). На полотнище вензель Николая I.
74. Знамя 4-го батальона 17-го пехотного Архангелогородского великого князя Владимира Александровича полка (полотнище, георгиевские ленты с кистями, георгиевское копьё без креста, скоба, ½ древка). На полотнище вензель Александра II и надпись: «В воздаяние отличных подвигов, оказанных в сражениях 1814 года 17 января при Бриен-ле-Шато и 20 при селении Ла-Ротиер и за Севастополь в 1854 и 1855 годах».

ГРУППА XVII

5-я пехотная дивизия

75. Знамя 2-го батальона 17-го пехотного Архангелогородского великого князя Владимира Александровича полка (ветхое полотнище, юбилейные ленты, георгиевское копьё без креста, скоба, ½ древка). На полотнище уцелевшая надпись: «Альпийских...».
76. Знамя 2-го батальона 17-го пехотного Архангелогородского великого князя Владимира Александровича полка (ветхое полотнище в чехле, юбилейные ленты, георгиевское копьё без креста, скоба, подток, древко).
77. Знамя 2-го батальона 17-го пехотного Архангелогородского великого князя Владимира Александровича полка (полотнище с порванными краями, георгиевское копьё без креста, скоба, ½ древка). На полотнище вензель Николая I и надписи: «За взятие французского знамени на горах Альпийских», «1700–1850».

ГРУППА XVIII

5-я пехотная дивизия

78. Знамя 1-го батальона 17-го пехотного Архангелогородского великого князя Владимира Александровича полка (полотнище с порванными краями, георгиевское копьё без креста, скоба, ½ древка). На полотнище вензель Николая I и надпись: «За взятие французского знамени на горах Альпийских».
79. Знамя 1-го батальона 17-го пехотного Архангелогородского великого князя Владимира Александровича полка (ветхое полотнище в чехле, георгиевское копьё без креста, скоба, ½ древка).
80. Знамя 1-го батальона 17-го пехотного Архангелогородского великого князя Владимира Александровича полка (ветхое полотнище в чехле, георгиевское копьё без креста, скоба, подток, древко).

ГРУППА XIX

5-я пехотная дивизия

81. Знамя 1-го батальона 20-го пехотного Галицкого полка (полотнище с порванными краями, георгиевский темляк, скоба, подток, древко). На полотнище вензель Александра II и надпись: «За взятие Никополя 3 июля 1877 г.».
82. Знамя 2-го батальона 20-го пехотного Галицкого полка (полотнище, георгиевский темляк, георгиевское копьё без креста, скоба, подток, древко). На полотнище вензель Александра II и надпись: «За взятие Никополя 3 июля 1877 года».
83. Знамя 3-го батальона 20-го пехотного Галицкого полка (полотнище, георгиевский темляк, георгиевское копьё без креста, скоба, подток, древко). На полотнище вензель Александра II и надпись: «За взятие Никополя 3 июля 1877 года».
84. Знамя 4-го батальона 20-го пехотного Галицкого полка (полотнище с порванными краями, темляк, копьё, скоба, подток, древко). На полотнище вензель Николая I.

ГРУППА XX

18-я пехотная дивизия

85. Знамя 1-го батальона 69-го пехотного Рязанского генерал-фельдмаршала Александра Голицына полка (ветхое полотнище в чехле, юбилейные ленты, георгиевское копьё без креста, скоба, подток, древко).
86. Знамя 2-го батальона 69-го пехотного Рязанского генерал-фельдмаршала Александра Голицына полка (полотнище, юбилейные ленты, георгиевские ленты с кистями, георгиевское копьё без креста, скоба, подток, древко). На полотнище вензель Александра II и надпись: «За переправу через Дунай у Галаца 10 июня 1877 года».
87. Знамя 3-го батальона 69-го пехотного Рязанского генерал-фельдмаршала Александра Голицына полка (полотнище, юбилейные ленты, георгиевское копьё без креста, скоба, подток, древко). На полотнище вензель Александра II и надпись: «За переправу через Дунай у Галаца 10 июня 1877 года».
88. Знамя 4-го батальона 69-го пехотного Рязанского генерал-фельдмаршала Александра Голицына полка (ветхое полотнище в чехле, юбилейные ленты, скоба, подток, древко).

ГРУППА XXI

89. Знамя 233-го пехотного Старобельского полка (полотнище, скоба). На полотнище вензель Александра II.
90. Знамя 235-го пехотного Белебеевского полка (полотнище, деревянное копьё, скоба). На полотнище вензель Александра III.

ГРУППА XXII

91. Знамя 221-го пехотного Рославльского полка (полотнище, копьё, скоба, подток). На полотнище вензель Николая I и надпись: «С нами Бог».
92. Знамя 222-го пехотного Краснинского полка (полотнище, копьё, скоба, подток). На полотнище вензель Николая II и надпись: «С нами Бог».

ГРУППА XXIII

34-я пехотная дивизия

93. Знамя 1-го батальона 135-го Керчь-Еникальского полка (ветхое полотнище в чехле, георгиевское копьё с крестом, скоба, подток, древко).
94. Знамя 3-го батальона 136-го Таганрогского полка (ветхое полотнище в чехле, георгиевское копьё с крестом, скоба, подток, древко).

36-я пехотная дивизия

95. Знамя 142-го пехотного Звенигородского полка (кусок полотнища в чехле, при нем список хранителей остальных частей знамени). Второй кусок полотнища представлен 19.10.1925 г. штабс-капитаном И.И. Ярцевым.

ГРУППА XXIV

Туркестанская стрелковая бригада

96. Знамя 17-го Туркестанского стрелкового полка (полотнище, копьё, скоба, подток, древко). На полотнище вензель Николая II и надпись: «С нами Бог».
97. Знамя 4-го батальона 17-го Туркестанского стрелкового полка (ветхое полотнище в чехле, ленты с кистями, копьё, скоба, подток, древко).
98. Знамя 18-го Туркестанского стрелкового полка (полотнище, копьё, скоба, подток, древко). На полотнище вензель Николая II и надпись: «С нами Бог».
99. Знамя 18-го Туркестанского стрелкового полка (ветхое полотнище, скоба, подток, древко).
100. Знамя 19-го Туркестанского стрелкового полка (полотнище, скоба, подток, древко). На полотнище вензель Николая II и надпись: «С нами Бог».

ГРУППА XXV

4-я стрелковая бригада

101. Знамя 13-го стрелкового батальона (ветхое полотнище в чехле, георгиевские ленты с чехлами).
102. Знамя 14-го стрелкового генерал-фельдмаршала Гурко полка (полотнище, георгиевские ленты с кистями, георгиевское копьё с крестом, скоба). На полотни-

ще вензель Александра II и надпись: «За двухкратный переход через Балканы в 1877 году».

103. Знамя 14-го стрелкового генерал-фельдмаршала Гурко полка (?) (полотнище, Георгиевский крест, прибитый к древцу, георгиевский темляк). На полотнище вензель Александра II.

ГРУППА XXVI

4-я стрелковая бригада

104. Знамя 13-го стрелкового генерал-фельдмаршала великого князя Николая Николаевича полка (полотнище, георгиевское копьё без креста). На полотнище вензель Александра II.
105. Знамя 13-го стрелкового генерал-фельдмаршала великого князя Николая Николаевича полка (полотнище, георгиевское копьё с крестом, скоба). На полотнище вензель Александра II и уцелевшая надпись: «За двухкратный переход...».
106. Знамя 13-го стрелкового генерал-фельдмаршала великого князя Николая Николаевича полка (полотнище, георгиевское копьё с крестом, скоба). На полотнище вензель Александра II.

ГРУППА XXVII

Финляндская (предположительно) стрелковая бригада

107. Знамя неизвестного Финляндского стрелкового полка (ветхое полотнище, подток, древко).

33-я пехотная дивизия

108. Знамя 131-го пехотного Тираспольского генерал-адъютанта Ванновского полка (ветхое полотнище в чехле, юбилейные и георгиевские ленты с кистями, георгиевский темляк, георгиевское копьё без креста, скоба и ½ древка).
109. Знамя 4-го батальона 131-го пехотного Тираспольского генерал-адъютанта Ванновского полка (ветхое полотнище, юбилейные ленты, копьё без креста, скоба и ½ древка). На полотнище вензель Александра II.

ГРУППА XXVIII

33-я пехотная дивизия

110. Знамя 2-го батальона 131-го пехотного Тираспольского генерал-адъютанта Ванновского полка (полотнище, юбилейные и георгиевские ленты, георгиевский темляк, скоба, подток, древко). На полотнище вензель Александра II и надпись: «За Облову 24 августа 1877 года».
111. Знамя 2-го батальона 131-го пехотного Тираспольского генерал-адъютанта Ванновского полка (ветхое полотнище в чехле, ленты с кистями, копьё, скоба, подток, ½ древка).
112. Знамя 3-го батальона 131-го пехотного Тираспольского генерал-адъютанта Ванновского полка (ветхое полотнище, юбилейные ленты, георгиевский темляк, георгиевское копьё без креста, скоба, ½ древка).

ГРУППА XXIX

14-я пехотная дивизия

113. Знамя 55-го пехотного Подольского полка (полотнище, георгиевский темляк, георгиевское копьё с крестом, скоба). На полотнище вензель Николая II и надписи: «За Севастополь в 1854–1855 годах», «1798–1898».
114. Знамя 1-го батальона 55-го пехотного Подольского полка (ветхое полотнище в чехле, скоба, подток, древко).
115. Знамя 2-го батальона 55-го пехотного Подольского полка (ветхое полотнище в чехле, скоба, подток, древко).
116. Знамя 3-го батальона 55-го пехотного Подольского полка (ветхое полотнище в чехле, скоба, подток, древко).

ГРУППА XXX

14-я пехотная дивизия

117. Знамя 54-го пехотного Минского его величества царя болгарского Фердинанда полка (полотнище, копьё с Георгиевским крестом, скоба). На полотнище вензель Николая II и надписи: «С нами Бог», «За Севастополь в 1854–1855 годах», «1806–1906».
118. Знамя 1-го батальона 54-го пехотного Минского его величества царя болгарского Фердинанда полка (ветхое полотнище, копьё с Георгиевским крестом, скоба). На полотнище вензель Александра II.
119. Знамя 1-го батальона 54-го пехотного Минского его величества царя болгарского Фердинанда полка (полотнище, скоба). На полотнище вензель Николая I.
120. Знамя 2-го батальона 54-го пехотного Минского его величества царя болгарского Фердинанда полка (полотнище, георгиевские ленты с кистями, скоба). На полотнище вензель Александра II и надпись: «За Севастополь в 1854–1855 годах».

ГРУППА XXXI

13-я пехотная дивизия

121. Знамя 52-го пехотного Виленского Е.И.В. великого князя Кирилла Владимировича полка (полотнище, юбилейные и георгиевские ленты, георгиевское копьё с крестом, скоба). На полотнище вензель Николая II и надпись: «С нами Бог», на георгиевской ленте: «За поражение турок 14 ноября 1853 года при Ахалцке».

14-я пехотная дивизия

122. Знамя 55-го пехотного Волынского генерал-фельдмаршала великого князя Николая Николаевича полка (полотнище, копьё с Георгиевским крестом, скоба). На полотнище вензель Николая II и надпись: «С нами Бог», на георгиевской ленте: «За Севастополь в 1854–1855 годах».
123. Знамя 4-го батальона 55-го пехотного Волынского генерал-фельдмаршала великого князя Николая Николаевича полка (полотнище, юбилейные и серебряные ленты с кистями, скоба, ½ древка). На полотнище вензель Николая I и надпись: «За отличие в сражении при Бар-Сюр-Обе 13 февраля 1814 года».

- 124⁵. Знамя 3-го батальона 54-го пехотного Минского его величества царя болгарского Фердинанда полка (ветхое полотнище в чехле, георгиевские ленты с кистями, скоба).
125. Знамя 4-го батальона 54-го пехотного Минского его величества царя болгарского Фердинанда полка (ветхое полотнище в чехле, георгиевские ленты с кистями, 2 скобы).

ГРУППА XXXII

14-я пехотная дивизия

126. Знамя 56-го пехотного Житомирского Е.И.В. великого князя Николая Николаевича полка (полотнище, юбилейные и георгиевские ленты, георгиевское копьё с крестом, скоба). На полотнище вензель Николая II и надпись: «С нами Бог», на георгиевской ленте: «За поход в Айди в июне 1845 г. и за Севастополь в 1854–1855 годах».
127. Знамя 1-го батальона 56-го пехотного Житомирского Е.И.В. великого князя Николая Николаевича полка (ветхое полотнище в чехле, георгиевское копьё без креста, скоба, ½ древка).
128. Знамя 2-го батальона 56-го пехотного Житомирского Е.И.В. великого князя Николая Николаевича полка (ветхое полотнище в чехле, скоба, ½ древка).
129. Знамя 3-го батальона 56-го пехотного Житомирского Е.И.В. великого князя Николая Николаевича полка (ветхое полотнище в чехле, георгиевское копьё без креста, скоба, ½ древка).

ГРУППА XXXIII

31-я пехотная дивизия

130. Знамя 2-го батальона 124-го пехотного Воронежского полка (полотнище, юбилейные ленты, копьё с поломанным Георгиевским крестом, скоба, подток). На полотнище вензель Александра II и надпись: «За переход через Балканы в 1877 году».
131. Знамя 3-го батальона 124-го пехотного Воронежского полка (полотнище, юбилейные и георгиевские ленты, георгиевский темляк, георгиевское копьё без креста, скоба, подток, древко). На полотнище вензель Александра II и надпись: «За переход через Балканы в 1877 году».
132. Знамя 4-го батальона 124-го пехотного Воронежского полка (полотнище, ленты с кистями, копьё, скоба, подток, древко). На полотнище вензель Николая I.

ГРУППА XXXIV

31-я пехотная дивизия

133. Знамя 2-го батальона 123-го пехотного Козловского полка (полотнище, георгиевские ленты, георгиевское копьё без креста, скоба, подток, древко). На полотнище вензель Александра II и надпись: «За взятие Никополя 3 июля и за переход через Балканы в 1877 году».

⁵ В документе два знамени учтены в одном пункте под одним порядковым номером. Со следующего пункта нумерация регалий в документе и данной статье разнится.

134. Знамя 2-го батальона 123-го пехотного Козловского полка (полотнище, георгиевские ленты с кистями, георгиевское копьё без креста, скоба, подток, древко). На полотнище вензель Александра II и надпись: «За взятие Никополя 3 июля и за переход через Балканы в 1877 году».
135. Знамя 4-го батальона 123-го пехотного Козловского полка (ветхое полотнище в чехле, ленты с кистями, георгиевское копьё без креста, скоба, подток, древко).

ГРУППА XXXV

31-я пехотная дивизия

136. Знамя 2-го батальона 121-го пехотного Пензенского генерал-фельдмаршала графа Милютина полка (полотнище, ленты с кистями, георгиевское копьё без креста, скоба, подток, древко). На полотнище вензель Александра II и надписи: «За Горное Бугарово 20 декабря 1877 года», «1763–1863».
137. Знамя 3-го батальона 121-го пехотного Пензенского генерал-фельдмаршала графа Милютина полка (полотнище, скоба, подток, древко). На полотнище вензель Александра II и надпись: «За Горное Бугарово 20 декабря 1877 года».
138. Знамя 4-го батальона 121-го пехотного Пензенского генерал-фельдмаршала графа Милютина полка (ветхое полотнище, темляк, копьё, скоба, подток, древко). На полотнище вензель Николая I.

ГРУППА XXXVI

31-я пехотная дивизия

139. Знамя 1-го батальона 124-го пехотного Воронежского полка (полотнище, георгиевские ленты, копьё без креста, скоба, подток, древко). На полотнище вензель Александра II и надпись: «За Севастополь в 1854–1855 годах».
140. Знамя 2-го батальона 124-го пехотного Воронежского полка (полотнище, юбилейные ленты, серебряные ленты, копьё, скоба, подток, древко). На полотнище вензель Александра II.
141. Знамя 3-го батальона 124-го пехотного Воронежского полка (ветхое полотнище, ленты с кистями, копьё, скоба, подток, древко).
142. Кормовой флаг одного из кораблей русской эскадры, стоявшей в Бизерте (полотнище, копьё)⁶.

ГРУППА XXXVII

143. Знаменный флаг 28-го флотского экипажа (обрывки ветхого полотнища, георгиевские ленты и темляк, скоба, подток). На скобе надпись: «Высочайше пожаловано 45-му флотскому экипажу 26 октября 1856 года за оборону Севастополя с 13 сентября 1854 года по 27 августа 1855 года. <В>1891 году приказом по Морс. вед. 9 марта 1891 года передано 23-му флотскому экипажу».

⁶ В документе фигурировал под номером 141 в группе X.

ГРУППА XXXVIII

1-й армейский корпус Русской армии

144. Знамя 1-го генерала Маркова пехотного полка (полотнище, николаевские ленты с кистями и орденом Св. Николая, наконечник с восьмиконечным крестом, скоба, подток). На полотнище вензель «М» и надпись: «Верую спасется Россия».
145. Знамя 2-го генерала Маркова пехотного полка (полотнище, николаевские ленты с кистями и орденом Св. Николая, наконечник с восьмиконечным крестом, скоба, подток). На полотнище вензель «М» и надпись: «Верую спасется Россия».
146. Знамя 3-го генерала Маркова пехотного полка (полотнище, николаевские ленты с кистями и орденом Св. Николая, наконечник с восьмиконечным крестом, скоба, подток). На полотнище вензель «М» и надпись: «Верую спасется Россия».
147. Знамя 1-го стрелкового генерала Дроздовского полка (полотнище, николаевские ленты с кистями и орденом Св. Николая, наконечник с восьмиконечным крестом, скоба, подток). На полотнище вензель «Д» и надпись: «Верую спасется Россия».
148. Знамя 2-го стрелкового генерала Дроздовского полка (полотнище, николаевские ленты с кистями и орденом Св. Николая, наконечник с восьмиконечным крестом, скоба, подток). На полотнище вензель «Д» и надпись: «Верую спасется Россия».
149. Знамя 3-го стрелкового генерала Дроздовского полка (полотнище, николаевские ленты с кистями и орденом Св. Николая, наконечник с восьмиконечным крестом, скоба, подток). На полотнище вензель «Д» и надпись: «Верую спасется Россия».

Помимо знамен в храме Св. Троицы были выставлены и другие реликвии русской армии — иконы, высочайшие грамоты, наградные трубы и ленты к ним. Они также были разделены на неравномерные группы со следующим расположением:

ГРУППА А (над западными воротами храма)

1. Рожок 16-го гренадерского Е.И.В. великого князя Дмитрия Константиновича полка.
2. Рожок 83-го пехотного Самурского полка.
3. Три юбилейные ленты: 1-й роты Севастопольской крепостной артиллерии, 5-й роты Севастопольской крепостной артиллерии и 1-й батареи 21-й артиллерийской бригады. Три Георгиевских креста и 15 копий от знамен неизвестных полков.

ГРУППА Б (между штандартами)

4. Образок Богородицы с надписью: «Благословение родного храма доблестным хранителям заветов гусар ингерманландцев».
5. Юбилейные ленты 8-го драгунского Астраханского Е.И.В. великого князя Николая Николаевича полка.

ГРУППА В (рядом со знаменами саперных батальонов)

6. Две георгиевские трубы с георгиевскими лентами 3-го саперного батальона.
7. Образ св. Николая Чудотворца 5-го саперного батальона и георгиевская лента того же батальона.

ГРУППА Г (над южными воротами)

8. Образ Спасителя 100-го пехотного Островского полка.
9. Банты от юбилейных лент неизвестного полка.

ГРУППА Д (рядом со знаменами 4-й стрелковой дивизии)

10. Образ св. Николая Чудотворца 13-го стрелкового батальона и банты от юбилейных лент неизвестного полка.
11. Образ-складень 14-го стрелкового генерал-фельдмаршала Гурко полка и георгиевские ленты.
12. Образ Спасителя 14-го стрелкового генерал-фельдмаршала Гурко полка и банты от юбилейных лент.
13. Образ Спасителя 16-го стрелкового императора Александра III полка и бант от юбилейной ленты.
14. Две георгиевские трубы с георгиевскими лентами 16-го гренадерского Е.И.В. великого князя Димитрия Константиновича полка.

ГРУППА Е (над северными воротами)

15. Образ Спасителя 55-го пехотного Подольского полка и юбилейные ленты неизвестного полка.

ГРУППА Ж (над арками, сторона, обращенная к западным воротам)

16. Значок 3-й батареи Дроздовской артиллерийской бригады.
17. Четыре николаевские ленты к трубам 1, 2, 3 и 7-й батарей Дроздовской артиллерийской бригады.
18. Две трубы с николаевскими лентами 5-го артиллерийского дивизиона.
19. Две николаевские ленты к трубам 3-й батареи 1-го отдельного тяжелого дивизиона.
20. Николаевская лента к трубе 7-й батареи Корниловской артиллерийской бригады.

ГРУППА З (над арками, сторона, обращенная к западным воротам)

21. Четыре николаевские ленты к трубам Марковского артиллерийского дивизиона.
22. Складень 30-й артиллерийской бригады.

ГРУППА И

23. Витрина с 45 высочайшими грамотами различных частей.

Хранились в ящике:

1. Скоба от знамени 155-го пехотного Кубинского полка.
2. Скоба от знамени 155-го пехотного Кубинского полка.
3. Скоба от знамени 155-го пехотного Кубинского полка.
4. Часть государственной печати и картон с надписью: «Знамя бывшего 36-го пехотного Орловского полка».
5. Принадлежности к знамени Уральского казачьего войска.

6. Кусок красной материи, снятый с полотнища 53-го пехотного Волынского генерал-фельдмаршала Е.И.В. великого князя Николая Николаевича полка.
7. Ленточка и обрывки знамени 11-го гусарского Изюмского генерала Дорохова, позже его королевского высочества принца Генриха Прусского полка.
8. Серебряная полускоба Черноморского стрелкового полка.
9. Гвозди от штандарта 8-го уланского Вознесенского Е.И.В. великой княжны Татьяны Николаевны полка.
10. Гвозди от знамени 222-го пехотного Краснинского полка.
11. Подток от знамени неизвестного полка.
12. Скоба знамени 253-го пехотного резервного батальона.
13. Подток от знамени неизвестного полка.
14. Надпись к иконе Богоматери ингерманландских гусар.
15. Замшевый чехол от знамени неизвестного полка.
16. Гвозди от знамени неизвестного полка.
17. Гвозди от знамени 235-го пехотного Белебеевского полка.
18. Гвозди от знамени 74-го пехотного Ставропольского полка.
19. Гвозди от знамени неизвестного полка.
20. Георгиевская лента от темляка и серебряная лента от знамени неизвестного полка.
21. Гвозди от знамени 83-го пехотного Самурского полка.
22. Гвозди от знамени 156-го пехотного Елисаветградского генерала князя Цицианова полка.
23. Гвозди от знамени 221-го пехотного Рославльского полка.
24. Сорок шесть чехлов от знамен.
25. Принадлежности к штандарту 11-го уланского Чугуевского ее величества государыни императрицы Марии Федоровны полка.
26. Коробка от штандарта Текинского полка.
27. Деревянный ящик с 6 футлярами от икон.
28. Кусочки кремового цвета от штандарта неизвестного полка.
29. Четыре ящика от николаевских лент к трубам 1, 2, 3 и 7-й батарей Дроздовской артиллерийской бригады, два ящика от николаевских лент к трубам 3-й батареи 1-го отдельного тяжелого дивизиона и один ящик от николаевской ленты к трубам 7-й батареи Корниловской артиллерийской бригады.
30. Шесть чехлов от знамен генерала Маркова и генерала Дроздовского пехотных полков.

Столь представительный список воинских реликвий, хранимых в храме Св. Троицы, стал основанием для различных мифологем. Наиболее распространенными из них являются утверждения о количестве знамен и их датировка. К примеру, обычны утверждения, что в храме хранилось «...более двухсот военных знамен периода Отечественной войны 1812 года и русско-турецких баталлий...» [Глигориевич 1996, с. 112]. Или же: «В церкви до 1944 года хранились боевые знамена Наполеона и османской армии, взятые в плен российской армией [Википедия].»

Основанием для подобных утверждений являлась статья, опубликованная в журнале «Часовой»: «Это знамена Российской армии, знамена побывавшие под

Полтавой, в Альпах, у Бородина, выдавшие бессмертных Наполеона и Суворова, развевавшиеся на турецких крепостях и осенявшие своими святыми полотнищами Севастополь» [Комаровский 1931, с. 14].

Представленный выше перечень показывает, что в стенах храма хранилось 149 знамен, еще несколько добавились после переноса праха П.Н. Врангеля. Все знамена были изготовлены в разное время и принадлежали различным частям Русской армии, наиболее ранние из них относятся к правлению Николая I. Юбилейные же и наградные ленты свидетельствовали о прошлых подвигах, а не о времени изготовления.

Новая веха в истории церкви Св. Троицы началась после переноса в храм праха П.Н. Врангеля. Уже с конца 1927 г. самочувствие Петра Николаевича существенно ухудшилось: осложнения после тифа, нервное напряжение и крайнее истощение давали о себе знать. В наступившем 1928 г. состояние здоровья генерала продолжало ухудшаться. Последний главнокомандующий чувствовал приближение смерти и нередко делился этими мыслями со своим окружением. 24 марта 1928 г. П.Н. Врангель высказал пожелание быть похороненным в церкви Св. Троицы в Белграде, «под сенью знамен» [Болезнь, смерть и погребение... 1928, с. 8].

25 апреля 1928 г. в 9 утра сердце генерала перестало биться... 28 апреля тело главнокомандующего было захоронено во временном склепе на брюссельском кладбище Иксель. Спустя четыре месяца, 22 июля, прах П.Н. Врангеля был перенесен в постоянный склеп на кладбище Сен-Жилль в Брюсселе.

5 июля 1929 г. король Югославии (так с 6 января 1929 г. называлось Королевство СХС) Александр I разрешил, а Патриарх Сербский Димитрий благословил перенос праха почившего главнокомандующего в Белград. Как вспоминал один из современников этого события: «В деле перенесения праха генерала Врангеля выделяется совершенно исключительное по сочувствию и сердечности отношение братского сербского народа к этому русскому горю» [Перенесение праха... 1929, с. 6].

Проект устройства могилы-склепа и киота был подготовлен военным инженером генерал-майором В.Ф. Баумгартемом, сооружение склепа происходило под руководством В.В. Сташевского; киот разработал архитектор И.А. Рык, пять икон для киота написал художник В.Я. Предаевич, а детали лампы разработал архитектор А.И. Папков.

15 сентября 1929 г. гроб с телом П.Н. Врангеля был вынесен из склепа и после панихиды отправлен на вокзал. Затем гроб погрузили в траурный вагон и отправили в Белград через Германию, Австрию, Венгрию. 3 октября 1929 г. поезд прибыл в первый югославский город — Суботицу, где вагон с гробом главнокомандующего был отцеплен от будапештского поезда. После траурных мероприятий вагон продолжил движение по линии Нови-Сад — Сремски-Карловцы — Белград. 5 октября в 20:00 поезд прибыл в Белград.

Утром желающие могли отдать дань памяти главнокомандующему на вокзале. В 13:30 на вокзале настоятель русской белградской церкви Петр Беловидов совершил литию, и в 14:00 траурная процессия тронулась к русской церкви. В 15:30 процессия добралась до места последнего пристанища главнокомандующего Русской

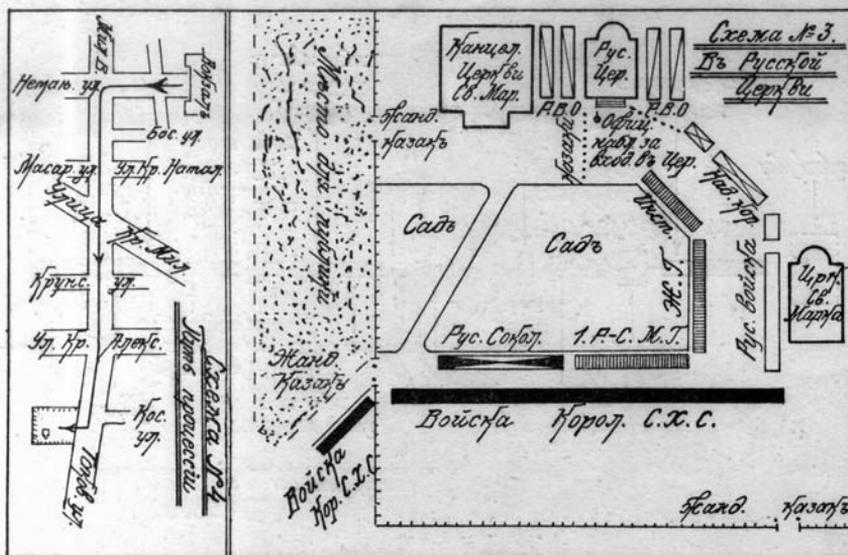

Схема торжественного перезахоронения праха генерал-лейтенанта барона П.Н. Врангеля в церкви Св. Троицы в Белграде (Народная библиотека Сербии)

армией — церкви Св. Троицы. Здесь панихиду совершили лично сербский патриарх Димитрий и митрополит Антоний. После службы гроб был перенесен в правое (южное) крыло церкви и в 17:45 опущен в подготовленную могилу.

Много добрых слов было сказано русскими и сербами в честь П.Н. Врангеля, особенно трогательные слова нашел представитель югославской организации участников войны, получивших образование в России, доктор Вук С. Бошкович: «Спокойно спи в лоне сербского Белграда, в русском храме, возле сербской церкви Св. Марка, под изрешеченными бесчисленными знаменами славных русских армий» [Перенесение праха... 1929, с. 41–42].

На долгие годы могила П.Н. Врангеля в белградском храме Св. Троицы стала объектом поклонения русских эмигрантов, и сейчас редкий посетитель русского храма остановится у могилы барона и осенит себя крестным знаменем...

После перезахоронения могила представляла собой белую мраморную плиту, к которой вели две мраморные ступеньки. На нижней располагались 6 невысоких бронзовых колонок, удерживающих массивную бронзовую цепь. В изголовье находился дубовый киот в стиле конца XVI в. В центре киота располагалась большая икона Воскресения Христова, сверху — Спаса Нерукотворного, а по бокам — Архистратига Михаила, Архангела Гавриила и свв. Великомученика и Победоносца Георгия и Иоанна Воина.

К киоту была прикреплена позолоченная доска с надписью славянской вязью: «Образ сей сооружен русскими людьми, в рассеянии сущими, в память погребения здесь до перенесения в родную землю главнокомандующего Русской армией генерала барона Петра Николаевича Врангеля».

За могилой располагались знамена и штандарты различных частей, к которым были добавлены значок главнокомандующего (георгиевский флаг) и флаг главнокомандующего флотом (Андреевский флаг). Летом 1931 г. расположение знамен у могилы П.Н. Врангеля было изменено — оставлены лишь знамена кавалерийских частей и добавлены два новых штандарта:

Елисаветградское кавалерийское училище;

2-й лейб-гусарский Павлоградский императора Александра III полк;

7-й уланский Ольвиопольский его величества короля испанского Альфонса XIII полк;

8-й драгунский Астраханский Е.И.В. великого князя Николая Николаевича полк;

8-й уланский Вознесенский Е.И.В. великой княгини Татьяны Николаевны полк;

9-й гусарский Киевский генерал-адъютанта князя Николая Репнина полк;

10-й гусарский Ингерманландский полк;

10-й драгунский Новгородский Е.И.В. короля вюртембергского полк;

10-й уланский Одесский полк;

11-й гусарский Изюмский генерала Дорохова его королевского высочества принца Генриха Прусского полк;

11-й уланский Чугуевский ее величества государыни императрицы Марии Федоровны полк;

16-й драгунский Тверской Е.И.В. наследника цесаревича полк;

17-й гусарский Черниговский Е.И.В. великого князя Михаила Александровича полк;

18-й драгунский Северский короля датского Христиана IX полк;

Текинский конный полк;

Уральское казачье войско,

а также флаг главнокомандующего Русской армией и государственный флаг.

Всего 18 знамен, штандартов и флагов. В статье Комаровского ошибочно упоминается цифра 19 [Комаровский 1931, с. 13].

В храме также имелись киоты в память императора Николая II, адмирала А.В. Колчака, генерала Л.Г. Корнилова и мраморная доска в память генерала М.К. Дитерихса [Косик 2007, с. 162].

Кардинальные перемены в жизни Югославии, а соответственно, и русской диаспоры в ней произошли весной 1941 г. Готовясь к нападению на Грецию, глава Третьего рейха А. Гитлер распорядился привлечь к Антикоминтерновскому пакту и Югославию, что обеспечило бы свободное передвижение немецких войск по югославской территории. После сильного дипломатического давления 25 марта 1941 г. югославское правительство регента князя Павла присоединилось к Антикоминтерновскому пакту. Однако уже ночью 26 марта 1941 г. группа офицеров югославской авиации совершила государственный переворот и сместила регента,

объявив несовершеннолетнего Петра II королем Югославии. Главой правительства был назначен предводитель заговорщиков генерал Душан Симович.

Смена правительства не вызвала одобрения у Гитлера, и он распорядился подготовиться к нападению и на Югославию. Ранним утром 6 апреля 1941 г. части немецкой армии перешли границу Югославии. Немецкие войска стремительно продвигались в глубь страны и уже 10 апреля 1941 г. вошли в столицу Хорватии — Загреб. Быстрый разгром югославской армии только подогрел межнациональные и религиозные противоречия. Хорватские и словенские солдаты югославской армии дезертировали тысячами. В такой безрадостной ситуации Хорватия объявила о своем выходе из состава Югославии. Так было образовано Независимое Хорватское государство — НДХ (*Nezavisna Država Hrvatska*). Кроме того, оккупанты решили разделить территорию Югославии, причем претензии на раздел заявила и Болгария, принявшая незначительное участие во вторжении. Окончательный раздел Югославии состоялся в ходе конференции в Вене 21–22 апреля 1941 г. [Пилько 2006, с. 36].

Еще в течение месяца стороны вели переговоры об уточнении границ между провинциями и статусе некоторых областей. На территории Сербии, оккупированной немцами, было образовано государство площадью 51 100 кв. км, округ Банат площадью 9776 кв. км, населенный этническими немцами и оккупированный Германией, получил особый статус внутри Сербии.

Вторжение немцев и раздел Югославии значительно осложнили жизнь русских беженцев. В это тяжелое время в общественной жизни русской диаспоры существенно возросла роль церкви. «В дни оккупации для русских эмигрантов в Белграде духовным центром стала их приходская церковь Пресвятой Троицы» [Шкаровский 2014, с. 182].

По требованию немцев для контроля русской диаспоры в Сербии было образовано Русское бюро в Сербии во главе с генерал-майором М.Ф. Скородумовым. Позже бюро возглавил генерал В.В. Крейтер, а в его состав вошли генералы Б.А. Штейфон, В.Э. Зборовский, В.Г. Науменко и полковник С.И. Базаревич [Голдин 2006, с. 464]. Главной задачей бюро было представление и защита интересов русской эмиграции перед немцами.

В 1941–1944 гг. жизнь русской общины в Белграде замерла. Богослужения в храме Св. Троицы шли в обычном порядке. Многие прихожане вступили в ряды Русского корпуса (Русской охранной группы — на начальном этапе), надеясь в составе немецкой армии вернуться на родину. В начале июля 1942 г. по приглашению командования Русского корпуса Белград посещал начальник Объединения русских воинских союзов генерал-майор А.А. фон Лампе, бывший одним из доверенных лиц П.Н. Врангеля (ГА РФ, ф. Р-5853, оп. 1, д. 70, л. 109). Наряду со встречами с руководством IV отдела РОВСа фон Лампе посетил и храм Св. Троицы.

В августе 1942 г. митрополитом Антонием в храме был отслужен торжественный молебен по случаю годовщины существования Русского корпуса [Тимофеев 2010, с. 91]. На молебне присутствовало командование корпуса, его подразделения и обыватели. На Пасху 1943 г. состоялось последнее массовое посещение чи-

нами корпуса русской церкви в Белграде, затем ситуация на фронте подобного уже не позволяла.

На пасхальной неделе 1944 г. Белград стал подвергаться налетам авиации союзников, а с востока к прежним границам Югославии стремительно приближалась Красная армия. Русское бюро начало готовить эвакуацию эмигрантов в Германию. Многие русские жители Белграда отказывались уезжать, так как не имели никаких отношений с немцами и коллаборационистами.

8 сентября 1944 г. Белград покинул Архиерейский синод, отправившийся в Вену. Стали покидать город и антисоветски настроенные эмигранты. Всего на Запад выехало более 5000 русских изгнанников [Шкаровский 2014, с. 212]. Была подготовлена эвакуация документов бюро, ценностей и знамен. Знамена были сняты с древков и упакованы в 4 ящика. Оставалось ждать okazji для отправки.

Долгое время считалось, что знамена вывезли за пределы Югославии и их след затерялся в Европе [Косик 2007, с. 162]. Однако недавно в Архиве Словенской республики был обнаружен документ, рассказывающий о дальнейшей судьбе реликвий.

12 сентября 1944 г. в Белграде оказался проездом гауптштурмфюрер СС М.Г. Гринев из особого полка СС «Варяг», созданного на базе диверсионных частей СС. В ходе визита М.Г. Гринев встретился с главой Русского бюро генералом Крейтером, который попросил Гринева вывезти русские знамена из Белграда. Гринев согласился и забрал ящики. 24 сентября 1944 г. Гринев оказался в Дрездене и договорился о передаче знамен лидеру Российского национального и социального движения полковнику Н.Д. Скалону (ARS, unsorted collection RSNZ). Вскоре это было осуществлено, и 16 октября 1944 г. Скалон направил Гриневу письмо-подтверждение. В дальнейшем ящики с реликвиями были, возможно, переданы на хранение в дрезденский православный храм Преподобного Симеона Дивногорца. 13 февраля 1945 г. этот храм серьезно пострадал при авианалете союзников. «Шатер колокольни и три из пяти куполов были разрушены, крыша и отдельные предметы инвентаря сторели, и тем не менее здание церкви осталось стоять среди полнейшего разгрома вокруг» [Архитектура и немного истории 2012]. Из пострадавшего храма знамена были перевезены в Дрезденский банк, где были захвачены советскими войсками и вывезены в Советский Союз. Знамя Текинского конного полка было «в 1945 г. вывезено в СССР и позже передано в Эрмитаж...» [Шевяков 2002, с. 30].

После освобождения Белграда судьба церкви Св. Троицы была незавидной: храм перешел в юрисдикцию Московской патриархии и стал ее подворьем. Могила П.Н. Врангеля была заколочена досками и долгое время скрывалась от посетителей. Сейчас она вновь доступна для русских странников...

Источники и литература

АДРЗ — Архив Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына
 ГА РФ — Государственный архив Российской Федерации
 ОРВС — Объединения русских воинских союзов

POBC — Русский общевоинский союз

ARS — Arhiv Republike Slovenije

RSNZ — Republiški sekretariat za notranje zadeve

Архитектура и немного истории 2012 — Архитектура и немного истории: (Русская православная церковь в Дрездене, Германия). URL: <http://www.orthodox-dresden.de/stsimeon/index.php/ru/kirche-2/1874-1999/49-architektur-und-geschichte-der-kirche> (дата обращения: 31.03.2017).

Болезнь, смерть и погребение... 1928 — Болезнь, смерть и погребение главнокомандующего Русской армией генерал-лейтенанта барона Петра Николаевича Врангеля в Брюсселе. Брюссель, <1928>.

Википедия — Церковь Святой Троицы (Белград). URL: [https://ru.wikipedia.org/wiki/Церковь_Святой_Троицы_\(Белград\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/Церковь_Святой_Троицы_(Белград)) (дата обращения: 31.03.2017).

Глигориевич 1996 — *Глигориевич Б.* Русская православная церковь между двумя войнами // Русская эмиграция в Югославии. М., 1996. С. 109–117.

Голдин 2006 — *Голдин В.И.* Солдаты на чужбине: Русский общевоинский союз, Россия и русское зарубежье в XX–XXI веках. Архангельск, 2006.

Даватц 1926 — *Даватц В.* Годы: Очерки пятилетней борьбы. Белград, 1926.

Йованович 2005 — *Йованович М.* Русская эмиграция на Балканах 1920–1940. М., 2005.

Комаровский 1931 — *Комаровский А.Н.* «Четыре процента» // Часовой. 1931. 15 авг. № 62. С. 13–14.

Косик 2007 — *Косик В.И.* Что мне до вас, мостовые Белграда?: Очерки о русской эмиграции в Белграде. 1920–1950-е годы. М., 2007.

Косик 2009 — *Косик В.И.* Русская эмиграция в Югославии // В поисках лучшей доли: Русская эмиграция в странах Центральной и юго-восточной Европы (вторая половина XIX — первая половина XX в.). М., 2009.

Перенесение праха... 1929 — Перенесение праха генерала Врангеля в Белград 6 октября 1929 г. <Б. м.>, <Б. д.>.

Пилько 2006 — *Пилько Н.С.* Словения под властью оккупантов (1941–1945 гг.) // Вопросы истории. 2006. № 1. С. 36–54.

Тимофеев 2010 — *Тимофеев А.Ю.* Русский фактор: Вторая мировая война в Югославии. 1941–1945. М., 2010.

Шевяков 2002 — *Шевяков Т.Н.* Знамена и штандарты Российской императорской армии конца XIX — начала XX в. М., 2002.

Шкаровский — *Шкаровский М.В.* Русская Православная Церковь Заграницей и ее общины в Югославии в годы Второй мировой войны // Христианское чтение. № 4. 2014. С. 207–254.

М.Ю. Сорокина

И.Н. ГОЛЕНИЩЕВ-КУТУЗОВ (1904–1969):
К ИСТОРИИ ВОЗВРАЩЕНИЯ В СССР

Повсюду гость и чуженин,
И с Музой века безземлен.
*Вяч. Иванов*¹

9 июля 1955 г. главный ученый секретарь Президиума АН СССР академик А.В. Топчиев направил директору Института мировой литературы им. А.М. Горького АН СССР профессору И.И. Анисимову указание: «Президиум Академии наук СССР считает целесообразным зачислить Илью Николаевича Голенищева-Кутузова на работу в Институт за счет имеющихся <...> вакантных должностей»².

Можно было бы посчитать этот документ частью рутинной советской практики «назначения сверху», если бы не одно обстоятельство — филолог-славист, поэт, переводчик и литературный критик Илья Николаевич Голенищев-Кутузов (1904–1969)³ был «возвращенцем», то есть бывшим эмигрантом, покинувшим Россию после большевистской революции 1917 г. и более тридцати лет жившим в Европе, преимущественно в Королевстве сербов, хорватов и словенцев / Королевстве Югославия / Федеративной народной республике Югославия. Москва и престижный академический институт вместо высылки в Казахстан или Среднюю Азию, а то и вовсе в дальние лагеря, приготовленные сталинской властью для многих «возвращенцев» второй половины 1940-х гг., — такой внешне благополучный финал скрывал многолетние безуспешные попытки ученого, убежденного антифашиста, партизана и члена Союза советских патриотов вернуться на историческую родину.

Потомок старинного русского дворянского и графского рода, известного с XIII в., правнучатый племянник генерал-фельдмаршала светлейшего князя М.И. Голенищева-Кутузова (1745–1813), сын полковника Отдельного корпуса жандармов, выпускник, а затем и преподаватель Белградского университета, доктор наук после защиты диссертации в парижской Сорбонне в 1933 г., собеседник и друг Вяч. Иванова, Вл. Ходасевича и других известных русских литераторов И.Н. Голенищев-Кутузов, казалось, был обречен на вполне традиционную профессиональную карьеру «филологического» профессора и даже «эмигрантский след» не мог бы ее обвалить⁴.

¹ [Иванов 1979, т. 3, с. 508].

² АРАН. Ф. 411. Оп. 58. Д. 1136. Л. 30.

³ Варианты транслитераций фамилии: Golenichtchev-Koutousov, Golenishchev-Kutuzov, Golenisev-Kutuzov, Golenistcheff-Koutousoff, Goleniščev-Kutuzov, Golenichtchev-Koutousov.

⁴ В 1929 г. И.Н. Голенищев-Кутузов принял подданство КСХС.

Университетско-академический и королевский Белград, куда молодой Голенищев-Кутузов добрался с родителями к осени 1920 г. через Софию и Вену, был весьма благосклонен к русским ученым-беженцам межвоенного периода. Это объяснялось не только близостью, а нередко и переплетением языков, вер, историко-культурных традиций, научных школ и элит, персональных связей и т. п., но и трансформацией коммуникативной среды европейской науки данного периода, в рамках которой почти одновременно активно заявили о себе и российское национальное научное сообщество, и масштабный славянский научный мир. Их взаимодействие охватывало прежде всего гуманитарные науки, и в первую очередь — славистику. Недаром еще до 1917 г. среди избранных в разные категории членов Сербской королевской академии наук были многие известные русские ученые (Ф.И. Буслаев, В.Г. Васильевский, А.Н. Веселовский и др.).

И.Н. Голенищев-Кутузов. 1950-е гг.

В то же время славистика, или комплексная наука, изучающая языки, литературу, фольклор, историю, материальную и духовную культуру славянских народов, пережила в начале XX в. немало драматических взлетов и падений, связанных с распадом европейского имперского пространства после Первой мировой войны (Австро-Венгрия, Российская империя, Оттоманская империя) и образованием новых славянских государств (Чехословацкая Республика, КСХС / Королевство Югославия и др.), имевших собственную, нередко весьма отличную от западноевропейских стран, геополитическую и культурно-образовательную повестку дня. В этих условиях важнейшей практической проблемой славистического сообщества стали коммуникационные стратегии — персональные, дисциплинарные, национальные.

Как работали эти стратегии на примере российской славистической элиты подробно проанализировано в монографиях и статьях М.А. Робинсона, Л.П. Лаптевой, В.М. Алпатов и многих других авторов [Алпатов 1994; Робинсон 2004; Лаптева 2012], которые на большом фактическом материале показали тесную связь и влияние политики, идеологии и науки в условиях становления советского режима. В отдельной главе, посвященной ученым-эмигрантам, М.А. Робинсон отмечает, что основная часть русской филологической элиты осталась на родине, а «эмиграция академиков Кондакова и Францева, а также нескольких членов-корреспондентов — явление скорее исключительное, хотя некоторые из их коллег также серьезно помышляли об отъезде» [Робинсон 2004, с. 191].

Между тем потери славистического сообщества были одними из самых значительных в постреволюционной науке. Российская славистика, представленная в начале XX столетия плеядой имен блестящих специалистов разных поколений — от Александра Погодина (1872–1947) и Владимира Францева (1867–1942) до Романа Якобсона (1896–1982) и Петра Богатырева (1893–1971), — оказалась прямо и непосредственно, институционально и персонально затронута событиями русской революции и Гражданской войны. Только в эмиграцию ушли и достаточно благополучно для научных специалистов своего статуса устроились: в Чехословакии — П.П. Богатырев, С.Г. Вилинский, Н.П. Кондаков, В.А. Погорелов, Н.Л. Окунев, А.В. Флоровский, В.А. Францев, Н.В. Ястребов, Р.О. Якобсон и др.; в Болгарии — М.М. Попруженко, П.М. Бицилли; в Германии — Ф.А. Браун и М. Фасмер; в Финляндии — С.К. Булич; в КСХС — С.М. Кульбакин, А.Л. Погодин, Е.В. Аничков, А. Исаченко, Н.М. Бубнов, В.А. Мошин, А.В. Соловьев, Ф.В. Тарановский и др.; в Австрии — Н.С. Трубецкой и многие другие. И это лишь краткий перечень специалистов без учета украинских и белорусских славистов, а также византистов широкого профиля (как, например, А.А. Васильев, Г.В. Вернадский и др.).

Напомним также, что судьба многих оставшихся на родине выдающихся славистов (М.С. Грушевского, В.В. Виноградова, В.Н. Бенешевича, К.В. Харламповича, Н.Н. Дурново и ряда других) была трагичной — репрессированные по надуманным поводам, некоторые из них безвинно погибли, а другие так и не смогли оправиться после травмы ареста и заключения. Развернувшееся в 1933 г. «Дело славистов», или «Российской национальной партии», по видимости бессмысленно и несистемно втянувшее в себя, с одной стороны, известных филологов, искусствоведов, этнографов, а с другой, — агрономов и зоотехников из украинских крестьян, стало своего рода кульминацией чекистской шпиономании эпохи «великого перелома», в которой понятия «славист» и «националист» причудливо слились.

Совсем по-иному сложились профессиональные карьеры славистов, да и других научных экспертов в КСХС. Несмотря на сложности адаптации к новому языковому и культурному ландшафту, практически все из них нашли вполне достойное место в новой, эмигрантской, жизни. Неслучайно первым из россиян членом-корреспондентом Сербской академии наук был избран еще в 1921 г. филолог-славист Степан Михайлович Кульбакин (1873–1941), буквально в момент своего выезда из России в 1919 г. ставший членом-корреспондентом Российской академии наук. Его избрание было во многом обязано многолетней дружбе и сотрудничеству с профессором Александром Беличем (1876–1960). Но и те русские научные специалисты, которые до 1917 г. не обладали личными связями в Балканских странах, сумели успешно интегрироваться в новую научную среду — только до Второй мировой войны членами Сербской королевской академии наук разного статуса было избрано восемь русских научных специалистов-беженцев; еще больше россиян, покинувших родину в первой половине XX в., получили признание в академии после Второй мировой войны. Ни одна другая европейская или североамериканская академия наук этого периода не открыла так широко свои двери русским ученым-беженцам, тем самым выразив корпоративную солидарность и поддержку изгнанникам со стороны югославянского научного сообщества.

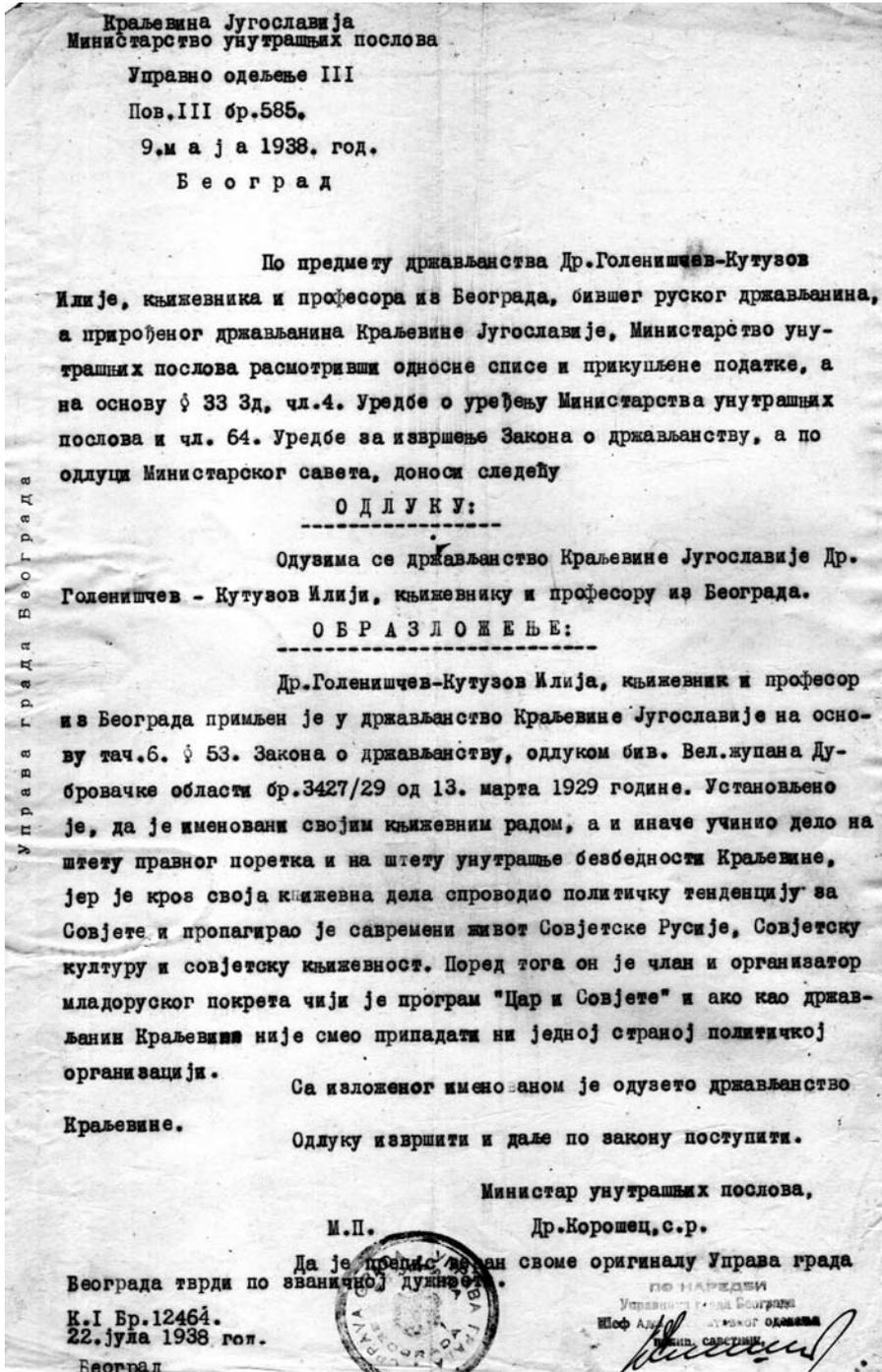
В отличие от представителей иных профессиональных групп русской эмиграции (военных, например), именно ученые, в том числе и прежде всего слависты широкого профиля, сумели преодолеть известный диаспоральный изоляционизм и были приняты местными научными сообществами в Белграде, Любляне, Загребе и других городах, с которыми достаточно быстро нашли общий язык и смогли профессионально интегрироваться, продолжая научные исследования наравне или даже превосходя свои достижения в России. В то же время наличие югославянского подданства, без которого высокий профессиональный статус в КСХС для эмигрантов был просто невозможен, не мешало сохранению персональной русской культурной идентичности.

Многие представители второго поколения русских беженцев в КСХС (И.Н. Голенищев-Кутузов, Н.И. Толстой, К.В. Мартино, О.С. Гребенщиков и др.), которые росли уже в общественной и интеллектуальной атмосфере новой страны пребывания, получили в королевстве образование, научный статус и контакты, но безусловно идентифицировали себя с русской культурой. Эта двойственность была заметной и нескрываемой и нередко перерастала в позитивное отношение к СССР. Так, весной 1938 г. приват-доцента Белградского университета Голенищева-Кутузова арестовали в Белграде, лишили югославского подданства и уволили с государственной службы с однозначной формулировкой: «Своей литературной деятельностью пропагандировал Советы, советскую литературу, советскую культуру и жизнь советской России»⁵. И хотя довольно быстро, в сентябре 1939 г., ему удалось восстановить свой прежний статус, с приходом Второй мировой войны в Югославию, в конце 1941 г., Голенищев-Кутузов вновь оказался за решеткой — на этот раз как заложник в фашистском концлагере «Баница». Между этими двумя арестами, с 1940 г., ученый дважды безуспешно пытался вернуться на родину, но только в августе 1946 г. получил советский паспорт, что, однако, ничуть не приблизило его к цели.

Нам уже не раз приходилось писать об отдельных эпизодах возвращения русских ученых-беженцев и «невозвращенцев» в Россию / СССР [Сорокина 2004; 2005; 2006; 2007]. Если в 1920–30-е гг. этот поток был незначительным, то после Второй мировой войны он заметно усилился. Архивные документы убедительно свидетельствуют, что главное слово в решении вопроса о возможности приезда научного специалиста-эмигранта в СССР принадлежало не партийно-государственной власти, а советской научной элите, прежде всего в лице ее ведущих академических администраторов. Если до войны негативные ответы превалировали, то после нее советское научное сообщество заметно изменило свое отношение к зарубежным ученым-соотечественникам.

Наша статья посвящена краткому обзору событий, предшествовавших и сопровождавших первые годы пребывания И.Н. Голенищева-Кутузова в СССР после его возвращения в 1955 г. Случай Голенищева-Кутузова довольно неожиданно показывает, как часть советской партийно-государственной и научной элиты не

⁵ АЮ. Ф. 66. Оп. 676. Д. 1130. Документ выявлен профессором И. Антанасиевич (Белград), которой выражаем свою признательность. Перевод цитаты документа — ее же.

Постановление Министерства внутренних дел о лишении И.Н. Голенищева-Кутузова подданства Королевства Югославия. 1938. Архив Югославии

только способствовала его приезду на родину, но и боролась за восстановление ученого в полноценном научном статусе, соответствующем его научным заслугам. Очень и очень многое в этой истории остается пока неизвестным и непроясненным, тем не менее новые архивные материалы существенно восполняют фактические лакуны и открывают новые перспективы в исследованиях социальной истории, и советской науки, и российского научного зарубежья.

ЗА СЦЕНОЙ: «ТРЕТИЙ ПУНКТ»

Возвращенческая тема широко присутствует в современной российской академической историографии преимущественно на материале деятелей искусства, прежде всего писателей (М. Горький, С.С. Прокофьев, М.И. Цветаева, А.Н. Толстой, Д. Святополк-Мирский, А.И. Куприн и др.), а также в контексте проблемы репатриации перемещенных советских граждан после окончания Второй мировой войны [Арзамаскин 2001; Земсков 2016; Полян 1996]. В то же время она занимает одно из центральных мест в эмигрантской мемуарной литературе, предлагая как важнейший фактический материал, так и ее интерпретацию в диапазоне от «клюнувших на сталинскую пропаганду» и / или «заманенных Сталиным» до «пути к правде» [Кривошеина 2004; Толстая 2015; Угримов 2004; Шостаковский 1960].

Почти не замеченный В.С. Варшавским и Г.П. Струве в их знаменитых книгах о русском литературном зарубежье [Варшавский 2010; Струве 1996], возможно, как раз из-за его «советского патриотизма», И.Н. Голенищев-Кутузов принадлежал к поколению «детей» белой русской эмиграции. Выросшее в условиях зарубежья, оно, по выражению другого выдающегося слависта — академика Никиты Ильича Толстого (1923–1996), «винуло» своих отцов: «Мы родились русскими, мы чувствуем себя русскими, но мы лишены России». «Мы жадно всматривались во все, что здесь происходило, все, что долетало до эмиграции, — вспоминал Никита Ильич. — Мы понимали, что Россия не умерла, а большинство эмиграции заявляло, что Россия кончилась в 17 году или в 18-м, что уже нет России, есть Совдепия. Вот эта терминология сейчас тоже в моде, мы не принимали этой староземигрантской, как мы говорили, терминологии» [Толстая 2015, с. 275].

Несомненно, И.Н. Голенищев-Кутузов разделял чувства и взгляды молодого Никиты Толстого. Еще в октябре 1920 г., почти сразу после приезда в КСХС, он отказался поступить в <Киево>-Одесский кадетский корпус, куда был уже принят на казенный счет⁶. «Жандармские паничи» — так нередко называли кадетов этого военно-учебного заведения, известных своим глубоко промонархическим настроением. После неудачной эвакуации из Одессы они к апрелю 1920 г. собрались в сербском городке Панчево, и отказ присоединиться к ним, мотивированный интересом к филологии, был знаковым, уже в то время обнаруживая не только

⁶ ГА РФ. Ф. Р-6792. Оп. 1. Д. 178. Л. 57. Документ выявлен Н.А. Ёхиной, которой приносим благодарность.

интеллектуальную самостоятельность молодого Голенищева-Кутузова, но и его независимость в выборе ценностных приоритетов.

Как упоминалось выше, дважды на протяжении 1940 г. ученый обращался за советским паспортом — в полпредства СССР в Софии и Белграде и дважды получал отказ. Только после окончания Второй мировой войны и серии встреч И. Броз Тито с И.В. Сталиным в мае–июне 1946 г. появился указ Президиума Верховного Совета СССР от 14 июня 1946 г. «О восстановлении в гражданстве СССР подданных бывшей Российской империи, а также лиц, утративших советское гражданство, проживающих на территории Югославии»⁷ — один из девяти законодательных актов, изданных в ноябре 1945 — мае 1947 г. для регламентации возвращения русских эмигрантов из Китая, Японии и Европы (Болгарии, Франции, Югославии, Чехословакии, Бельгии).

Принятию указа предшествовала значительная подготовительная работа посольства СССР в Югославии по оценке положения русских эмигрантов в этой стране. Ее результаты были изложены в докладной записке «О русской белой эмиграции в Югославии», подписанной послом СССР в Югославии И.В. Садчиковым и содержавшей весьма необычное описание ситуации⁸. В направленной на имя наркома иностранных дел В.М. Молотова 27 ноября 1945 г. записке отмечалось, что на территории Югославии оставалось свыше 12 000 русских эмигрантов. В удивительно благожелательном по отношению к ним тоне советские дипломаты утверждали, что подавляющее большинство эмигрантов в прошлом не принадлежало к каким-либо политическим или военным белоэмигрантским формированиям, что мало соответствовало реальности. Более того, заявлялось, что «основная масса проживающих в настоящее время на территории Югославии русских эмигрантов изменила свое отношение к советскому государству, став на патриотические позиции. Причем часть эмигрантов изменила свое отношение к Советскому Союзу еще до начала Второй мировой войны, но, не будучи в состоянии принять непосредственное участие в войне в рядах Красной армии, включилась в ряды народно-освободительного движения Югославии, а впоследствии и Красной армии, вступившей на территорию Югославии». Посольство предлагало амнистировать и разрешить возвратиться на родину как тем эмигрантам, которые принимали участие в войне в рядах Красной армии или народно-освободительного движения Югославии, так и тем, кто проявлял симпатии к СССР и Красной армии или содействовал в той или иной форме народно-освободительному движению Югославии. Проблему авторства этой записки еще предстоит решить, но, по-видимому, она создавалась не без участия русских эмигрантов, ориентировавшихся на СССР.

В приложении к записке Садчикова находилась значительно более подробная справка «О русской белой эмиграции в Югославии», подписанная заведующим

⁷ Оpubл.: Ведомости Верховного Совета СССР. 1946. № 21.

⁸ Этот и другие далее цитируемые документы из собрания Архива внешней политики СССР МИД РФ были представлены на документальной выставке в Доме русского зарубежья имени Александра Солженицына в мае 2015 г.

Проект.

ИНСТРУКЦИЯ

О порядке рассмотрения ходатайств о восстановлении в гражданстве СССР, ли, подпадающих под действие Указа Президиума Верховного Совета СССР от " " _____ 1946 года.

1. Указ Президиума Верховного Совета СССР от " " _____ 1946 года "О восстановлении в гражданстве СССР подданных бывшей Российской империи, а также лиц, утративших советское гражданство, проживающих на территории Югославии," распространяется:

а) на лиц, состоявших к 7 ноября 1917 года в подданстве бывшей Российской империи и на их детей;

б) на лиц, состоявших в советском гражданстве и утративших это гражданство, в том числе на лиц, служивших в белых армиях и эмигрировавших из СССР и на их детей.

2. Лица, изъяснившие желание восстановить гражданство СССР, должны в течение срока до 1 июля 1946 года подать в Советское Посольство заявление по установленной форме (см. приложение), и документы, удостоверяющие личность заявителя и подтверждающие его принадлежность в прошлом к подданству бывшей Российской империи или к советскому гражданству.

Таковыми документами могут быть: паспорт или удостоверение личности, воинский билет, свидетельство о рождении и браке; диплом об окончании учебного заведения и другие документы.

В случае отсутствия у заявителя необходимых документов, его принадлежность к подданству бывшей Российской империи или к советскому гражданству может быть подтверждена надлежаще оформленными свидетельскими показаниями других лиц, подавших заявление о восстановлении в советском гражданстве, и известных Посольству.

Ходатайства о восстановлении в советском гражданстве могут подаваться в Посольство СССР заявителем лично, пересылаться по почте или передаваться через третьих лиц.

3. Лиц, принимаемых в советское гражданство в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от " " _____ 1946 года, ввиду длительного их проживания в Югославии и обзаведения хозяйством, оставлять на жительство в Югославии.

Проект инструкции «О порядке рассмотрения ходатайств о восстановлении в гражданстве СССР...» 1946. АВП РФ МИД РФ

консульским отделом посольства Ивановым⁹. В ней уточнялось количество русских эмигрантов — 12 519 человек — и приводилась любопытная демографическая картина. По сведениям консульского отдела, возрастной состав русской эмиграции распределялся следующим образом: в возрасте до 20 лет — 1221 человек, от 20 до 50 лет — 5834 человека и в возрасте свыше 50 лет — 5648 человек; 67,2 % из них были русскими, 18 % — украинцами, остальную часть составляли белорусы, армяне, грузины и т. д. Около 40 % эмигрантов на территории Югославии, по данным посольства, имели югославское гражданство, остальные, то есть 60 % (!), продолжали числиться лицами без гражданства.

В справке также отмечалось, что примерно 25 % русских эмигрантов принимали активное участие в народно-освободительном движении Югославии или симпатизировали ему, а 443 человека служили в Югославской армии на тех или иных командных должностях. Автор справки утверждал, что основная масса проживавших к тому моменту на территории Югославии эмигрантов коренным образом изменила свое отношение к СССР; особенно отмечалась патриотическая позиция русской эмигрантской молодежи и научной и художественной интеллигенции, имевших «большую тягу возвратиться на родину и стать полезными гражданами советского государства».

В то же время в справке уже тогда отмечалось «чрезвычайно тяжелое» положение эмигрантов ввиду подозрительного отношения к ним югославских властей, помнивших «прошлую антисоветскую деятельность русской эмиграции в Югославии и сотрудничество значительной части эмигрантов с оккупантами в период народно-освободительной борьбы». Так, по словам автора справки, многих из остававшихся в Югославии после войны эмигрантов стали автоматически лишать югославского подданства только на том основании, что они являются русскими эмигрантами. «Такое отношение со стороны югославских властей к русской эмиграции объясняется в первую очередь тем, что еще не выяснено отношение к ней со стороны советского правительства» — резюмировал товарищ Иванов.

Ни словом не обмолвившаяся ни о Русском охранном корпусе, ни об участии эмигрантов в иных антипартизанских частях, ни о многом другом из жизни русской белой эмиграции в Югославии записка И.В. Садчикова с резолюцией В.М. Молотова от 10 декабря 1945 г. о необходимости обсуждения предложений посольства была направлена Л.П. Берия, Г.М. Маленкову, А.И. Микояну, А.Я. Вышинскому и заместителю наркома иностранных дел В.Г. Деканозову. Последнему было дано указание подготовить предложения к 12 декабря.

Первый запрос по существу предложений посла был направлен Отделом Балканских стран НКВД наркому госбезопасности СССР В.Н. Меркулову, который очень быстро ответил (15 декабря 1945 г.): «НКГБ СССР не возражает против постановки в Президиуме Верховного Совета Союза ССР вопросов, затронутых в Вашем письме, и в частности о приобретении советского гражданства указанными в письме категориями русской эмиграции в Югославии, путем издания указа Президиума Верховного Совета Союза ССР аналогично существующему по

⁹ Вероятно, имя мифическое.

Маньчжурии. Въезд в Советский Союз этих лиц следует рассматривать на общих основаниях после приобретения ими советского гражданства».

«Югославское досье» НКВД содержало и еще один любопытный документ — письмо В.Г. Деканозова В.М. Молотову, датированное 22–25 февраля 1946 г. и написанное в момент смены советского посла в Белграде¹⁰. Здесь, со ссылкой на сведения все того же И.В. Садчикова, докладывалось, что число русских эмигрантов, принимавших участие в борьбе против Германии в рядах народно-освободительного движения Югославии, помогавших ему или проявивших в период германо-советской войны симпатии в отношении СССР, составляет примерно 3000–3800 человек. Остальных русских эмигрантов В.Г. Деканозов уже называл колеблющимися или политически неустойчивыми лицами. Ссылаясь на известное мнение В.Н. Меркулова, Деканозов также предлагал издать указ о восстановлении в советском гражданстве русских эмигрантов, проживающих в Югославии, но уточнял: «Однако въезд этих лиц в Советский Союз может допускаться после приобретения ими советского гражданства лишь на общих основаниях, т. е. по визам, выданным с разрешения центра». К письму были приложены проекты постановлений Политбюро ЦК ВКП(б) и СНК СССР, указа Президиума Верховного Совета СССР «О восстановлении в гражданстве СССР подданных бывшей Российской империи, а также лиц, утративших советское гражданство, проживающих на территории Югославии», а также инструкции СНК СССР «О порядке рассмотрения ходатайств о восстановлении в гражданстве СССР лиц, попадающих под действие указа Президиума Верховного Совета СССР...».

Стартовый механизм для рассмотрения просьб о гражданстве СССР по видимости был прост — при посольстве СССР в Югославии создавались «тройки» из представителей НКВД СССР и НКГБ СССР под председательством заведующего консульским отделом посольства. Решение комиссии оформлялось протоколом и направлялось в консульский отдел НКВД СССР. Если комиссия удовлетворяла ходатайства, то заведующий консульским отделом посольства без запроса НКВД СССР мог выдавать заявителю советский заграничный вид на жительство. Главный вопрос — о въезде в СССР — должен был решаться с разрешения НКВД в каждом отдельном случае «в установленном порядке».

Между тем путь на родину подавляющему числу эмигрантов был фактически запрещен третьим пунктом инструкции СНК СССР, гласившим: «Лиц, принимаемых в советское гражданство в соответствии с указом Президиума Верховного Совета СССР от <14 июня> 1946 г., ввиду длительного их проживания в Югославии и обзаведения хозяйством оставлять на жительство в Югославии»¹¹.

К ноябрю 1946 г. посольство СССР в Югославии получило около 300 письменных заявлений от русских эмигрантов с просьбой о приобретении советского гражданства. Но никто из них, конечно, не знал, что им уготовлена судьба заложников сталинской политики на Балканах.

¹⁰ На место И.В. Садчикова в марте 1946 г. был направлен А.И. Лаврентьев (1904–1984), который руководил советским посольством до 16 августа 1949 г.

¹¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 1484. Л. 39.

В МОСКВУ, В МОСКВУ!

Последствия этой политики одним из первых ощутил на собственном опыте И.Н. Голенищев-Кутузов, в феврале 1945 г. написавший заявление представителю уполномоченного СНК СССР по вопросам репатриации с просьбой о возвращении на родину и ставший гражданином СССР в августе 1946 г. [опубликовано: Ёхина 2015а, с. 192–194]. Примерно к марту 1948 г. Министерство высшего образования СССР уже предлагало ему место преподавателя истории французской литературы в самом престижном учебном заведении СССР — Московском государственном университете¹². Инициатива министерства выглядит тем более удивительной, что никто из русских научных «возвращенцев» того времени, за исключением молодого Н.И. Толстого, не получал подобных обещаний.

Однако оформление, а точнее неоформление, въездной визы, затянувшееся более чем на семь месяцев, привело к тому, что с началом политического конфликта между властями СССР и Югославии положение И.Н. Голенищева-Кутузова, который после войны служил в советских учреждениях в Белграде, оказалось весьма трудным. Отсутствие жалования и лишение продовольственных карточек, «невыносимая» атмосфера в Белграде — это лишь небольшая часть жалоб ученого, которые он направлял в Москву и которые обсуждалась на уровне Отдела внешней политики ЦК ВКП(б). Некоторые сотрудники аппарата ЦК (В.В. Мочалов, В.В. Мошетов) пытались помочь Голенищеву-Кутузову, однако советской визы он так и не получил и 22 июня 1949 г. был в третий раз арестован югославскими властями по обвинению в шпионаже в пользу СССР и подрывной деятельности против Югославии. Два года ученый находился в тюрьме под следствием, в августе 1951 г. осужден Белградским окружным судом на четыре года заключения и до июня 1953 г. отбывал его в городе Сремска-Митровица.

После освобождения еще в течение года И.Н. Голенищев-Кутузов находился под надзором полиции и не мог получить разрешения на выезд от югославских властей. В этот период, с марта по август 1954 г., он числился преподавателем иностранных языков в посольстве СССР в Белграде и только 28 сентября 1954 г. выехал в Будапешт, где проживала его семья, высланная из Югославии в 1950 г. Разрешение на въезд в СССР ученый получил 14 апреля 1955 г.¹³ и 6 июня того же года вместе с женой Ольгой (1912–1983) и матерью Верой Александровной (1877–1961) вернулся в Москву.

Наверное, более подходящего момента, чем лето 1955 г., для возвращения на родину нельзя было и желать. Через два года после кончины великого кормчего и стремительно расширявшейся политической и интеллектуальной «оттепели» страна, в которую приехал И.Н. Голенищев-Кутузов, и прежде всего ее научная элита, дышала надеждами: возвращались узники сталинских лагерей, появилась новая художественная проза вроде «Не хлебом единым» В.Д. Дудинцева, сопрово-

¹² АРАН. Ф. 411. Оп. 58. Д. 1136. Л. 8.

¹³ Там же. Л. 22 об.

ждавшаяся бурными литературными дебатами и переизданиями во многих странах, стали публиковаться и мемуары бывших русских эмигрантов...

В течение полутора месяцев, буквально с космической скоростью, Голенищев-Кутузов получил статус советского научного сотрудника. 9 июля 1955 г. директор ИМЛИ АН СССР И.И. Анисимов от имени дирекции института просил бюро Отделения литературы и языка АН СССР — «если это представляется возможным» — утвердить Илью Николаевича в должности старшего научного сотрудника по сектору зарубежных литератур¹⁴. Решение бюро ОЛЯ АН СССР состоялось через две недели, 26 июля, и за подписью и.о. академика-секретаря члена-корреспондента АН СССР С.Г. Бархударова было отправлено в ИМЛИ, где 29 июля вышел приказ № 128 — зачислить с 15 июля с окладом 3000 рублей¹⁵.

Сразу после эпохального XX съезда КПСС, осудившего «культ личности» и «перегибы» сталинского режима, коллеги-филологи начали кампанию по восстановлению ученой степени белградского возвращенца. 27 апреля 1956 г. все тот же директор ИМЛИ АН СССР И.И. Анисимов от имени дирекции института обратился в Президиум ВАК с просьбой «рассмотреть вопрос о присвоении в порядке переаттестации по совокупности исследовательских работ ученой степени кандидата филологических наук и звания профессора старшему научному сотруднику Института И.Н. Голенищеву-Кутузову»¹⁶. Блестящие отзывы, сопровождавшие это письмо, — от заместителя директора Пушкинского Дома АН СССР и руководителя сектора взаимосвязей русской и зарубежной литературы члена-корреспондента АН СССР М.П. Алексеева и члена-корреспондента АН СССР В.М. Жирмунского¹⁷ — не оставляли сомнений в высоком научном авторитете Голенищева-Кутузова среди советской филологической элиты.

8 июня 1956 г., вопреки формальным процедурам — без решения ученого совета ИМЛИ — Президиум ВАК направил «дело» по присвоению И.Н. Голенищеву-Кутузову ученой степени кандидата филологических наук по совокупности работ на рассмотрение Экспертной комиссии ВАК по литературоведению во главе с известным пушкинистом членом-корреспондентом АН СССР Д.Д. Благим. Всего через шесть дней, 14 июня, оно было доложено на заседании этой комиссии заведующим отделом истории зарубежной литературы ИМЛИ АН СССР профессором Р.М. Самариним, а еще через две недели, 29 июня, Президиум ВАК, рассмотрев положительное заключение ЭК, постановил передать дело на Пленум ВАК с мнением утвердить решение ЭК¹⁸.

И только после того, как 2 июля 1956 г. Пленум ВАК одобрил присвоение степени кандидата филологических наук и звания профессора И.Н. Голенищеву-

¹⁴ Там же. Л. 28.

¹⁵ Там же. Л. 29а.

¹⁶ ГА РФ. Ф. Р-9506. Оп. 73. Д. 150а. Л. 50.

¹⁷ В своем отзыве В.М. Жирмунский изящно назвал эмигрантский период Голенищева-Кутузова «долговременным пребыванием в Югославии», позволившим ему «получить солидную научную подготовку и по второй своей специальности — славянской филологии» (Там же. Л. 32).

¹⁸ Там же. Л. 7.

Кутузову, аппарат ВАК запросил руководство ИМЛИ АН СССР «предоставить решение об этом Совета <ИМЛИ>, принятое тайным голосованием, протокол счетной комиссии, справку по форме № 2, явочный лист и справку о занимаемой должности И.Н. Голенищевым-Кутузовым» — к 15 июля¹⁹. Конечно, выполнить это предписание в разгар дачно-летнего сезона было невозможно — зато необходимые документы удалось собрать к 12 октября 1956 г., когда в Москве состоялось заседание Ученого совета Института мировой литературы им. А.М. Горького АН СССР. Стенограмма заседания демонстрирует полное единодушие присутствовавших членов совета — пятнадцать «за» при одном недействительном бюллетене²⁰. Еще через месяц, 17 ноября, ВАК утвердил это решение²¹, а выписка из стенограммы его заседания показывает, что и здесь был задан всего один вопрос — почему Голенищеву-Кутузову присуждается ученая степень кандидата, а не доктора?

Докторскую диссертацию он защитит через несколько лет, в июне 1960 г., в Пушкинском Доме. Но ни членом-корреспондентом, ни действительным членом советской Академии наук уже не станет...

Сокращения

АН СССР — Академия наук СССР
 ВАК — Всесоюзная аттестационная комиссия
 ИМЛИ — Институт мировой литературы им. А.М. Горького
 КСХС — Королевство сербов, хорватов и словенцев
 МИД РФ — Министерство иностранных дел Российской Федерации
 НКГБ — Народный комиссариат государственной безопасности
 НКВД — Народный комиссариат иностранных дел
 ОЛЯ — Отделение литературы и языка
 РАН — Российская академия наук
 ЭК — Экспертная комиссия

Источники и литература

АЮ — Архив Югославии
 АРАН — Архив Российской академии наук
 ГА РФ — Государственный архив Российской Федерации
 РГАСПИ — Российский государственный архив социально-политической истории

Арзамаскин 2001 — *Арзамаскин Ю.* Заложники Второй мировой войны: Репатриация советских граждан в 1944–1953 гг. М., 2001.

Арсеньев 2010 — *Арсеньев А.* Русская эмиграция в Дубровнике // *Новый журнал.* 2010. Кн. 260.

Ашнин, Алпатов 1994 — *Ашнин Ф.Д., Алпатов В.М.* «Дело славистов»: 30-е годы. М., 1994.

¹⁹ ГА РФ. Ф. Р-9506. Оп. 73. Д. 150а. Л. 49.

²⁰ Там же. Л. 44–47.

²¹ Там же. Л. 1.

- Варшавский 2010 — *Варшавский В.С.* Незамеченное поколение. М., 2010.
- Голенищев-Кутузов 2004а — *Голенищев-Кутузов И.Н.* Благодарю, за все благодарю: Собр. стихотворений / сост., подгот. текста, примеч. И.В. Голенищевой-Кутузовой; предисл. С. Гардзонио. Pisa; Томск-М., 2004.
- Голенищев-Кутузов 2004б — *Голенищев-Кутузов И.Н.* Лики времени: Парижские эссе / сост., подгот. текста, предисл., примеч. И.В. Голенищевой-Кутузовой. М., 2004.
- Голенищев-Кутузов 2005 — *Голенищев-Кутузов И.Н.* От Рильке до Волошина: Журналистика и литературная критика эмигрантских лет / сост., подгот. текста, предисл., примеч. И.В. Голенищевой-Кутузовой. М., 2005.
- Ёхина 2015а — *Ёхина Н.А.* «История русского Сопротивления... еще не написана»: К истории Союза советских патриотов в Югославии в годы Второй мировой войны // Ежегодник Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына. 2014–2015. М., 2015. С. 174–205.
- Ёхина 2015б — *Ёхина Н.А.* «На чьей стороне ты будешь, когда разразится война»: К истории Союза советских патриотов в Белграде» // Российская эмиграция в борьбе с фашизмом: Междунар. науч. конф. Москва, 14–15 мая 2015 года / сост. К.К. Семенов, М.Ю. Сорокина. М., 2015. С. 203–237.
- Ёхина 2017 — *Ёхина Н.А.* «Погибшие с живыми пребывают...»: И.Н. Голенищев-Кутузов об эмигрантах — членах Союза советских патриотов в Югославии, погибших в годы Второй мировой войны // Люди и судьбы русского зарубежья. Вып. 4. М., 2017. С. 191–205.
- Земсков 2016 — *Земсков В.Н.* Возвращение советских перемещенных лиц в СССР. 1944–1952. М., 2016.
- Иванов 1979 — *Иванов Вяч. И.* Собр. соч.: в 4 т. Т. 3. Брюссель, 1979.
- Кривошеина 1984 — *Кривошеина Н.А.* Четыре трети нашей жизни. Париж, 1984.
- Лаптева 2012 — *Лаптева Л.П.* История славяноведения в России в конце XIX — первой трети XX века. М., 2012.
- Полян 1996 — *Полян П.М.* Жертвы двух диктатур: Остарбайтеры и военнопленные в Третьем рейхе и их репатриация. М., 1996.
- Робинсон 2004 — *Робинсон М.А.* Судьбы академической элиты: отечественное славяноведение (1917 — начало 1930-х годов). М., 2004.
- Российская эмиграция 2015 — Российская эмиграция в борьбе с фашизмом: Междунар. науч. конф. Москва, 14–15 мая 2015 года / сост. К.К. Семенов, М.Ю. Сорокина. М., 2015.
- Сорокина 2004 — <С.М.С.> «Не вижу в нем надобности для СССР...» // Природа. 2004. № 7. С. 78.
- Сорокина 2005 — *Сорокина М.Ю.* Снова востоковеды...: Материалы для биобиблиографического словаря «Российское научное зарубежье» // Диаспора: Новые материалы. Вып. 7. Париж; СПб., 2005. С. 619–682.
- Сорокина 2006 — *Сорокина М.Ю.* «Невозвращенцы», или Как Сергей Чахотин вернулся в СССР // Третьи чтения памяти В. Иофе. Право на имя: Биография вне шаблона. 22–24 апреля 2005: Сб. докладов. СПб., 2006. С. 73–87.
- Сорокина 2007 — *Сорокина М.Ю.* «В Каноссу!», или Как Сергей Чахотин вернулся на родину // Природа. 2007. № 3. С. 69–77.
- Сорокина 2012 — *Сорокина М.Ю.* Пересекая границы: российские ученые-эмигранты — члены Сербской академии наук и искусств // Русская диаспора и изучение русского языка и русской культуры в инославянском и иностранном окружении (Белград, 1–2 июня 2011 г.). Белград, 2012. С. 69–77.
- Струве 1996 — *Струве Г.* Русская литература в изгнании: Опыт исторического обзора зарубежной литературы. 3-е изд., испр. и доп. Париж; М., 1996.
- Тимофеев 2010 — *Тимофеев А.Ю.* Русский фактор: Вторая мировая война в Югославии 1941–1945. М., 2010.

- Толстая 2015 — *Толстая С.М.* Никита Ильич Толстой (1923–1996): гимназист — солдат — академик // Российская эмиграция в борьбе с фашизмом: Междунар. науч. конф. Москва, 14–15 мая 2015 года / сост. К.К. Семенов, М.Ю. Сорокина. М., 2015. С. 272–304.
- Угримов 2004 — *Угримов А.А.* Из Москвы в Москву через Париж и Воркуту. М., 2004.
- Шостаковский 1960 — *Шостаковский П.П.* Путь к правде: Воспоминания. Минск, 1960.

СТАТЬИ. ИССЛЕДОВАНИЯ.
МАТЕРИАЛЫ

Г. Риггенбах

АЛЯ РАХМАНОВА — ГАЛИНА ФОН ХОЙЕР:
ПОЭЗИЯ И ПРАВДА

В моей книге «Куда же мне» я воспользовалась подлинными дневниками, но извлеченные оттуда фрагменты были отобраны, сокращены и дополнены, то есть «препарированы», ради определенной цели.

Мария Луиза Кашниц¹

Настоящая статья представляет собой переработанную и расширенную версию послесловия [Riggenbach 2015, S. 271–300] к изданию дневников Али Рахмановой «Но и в снегу и в туман — Зальцбург прекрасен» [Rachmanowa 2015]². Книга, где русские записи военного времени переведены на немецкий язык, явилась поздним плодом многолетней работы с обширным наследием писательницы и в результате обдумывания вопросов, которые возникали при систематизации и описании ее архива³. До недавнего времени Аля Рахманова оставалась на родине практически неизвестной⁴. Ситуация изменилась после того, как Т.В. Марченко подробно рассмотрела биографию Али Рахмановой по книге Ильзе Штар «Тайна молочницы из Оттакринга» [Stahr 2012] и тем самым представила писательницу русской публике [Марченко 2015]. Ее статья и наше послесловие возникли независимо друг от друга, так что известные повторы неизбежны.

Аля Рахманова прославилась прежде всего благодаря своей дневниковой трилогии «Студенты, любовь, ЧК и смерть» [Rachmanowa 1931], «Браки в красном вих-

¹ Мария Луиза Кашниц (Kaschnitz; 1901–1974) — немецкая писательница, лирик, прозаик, автор книг путевых очерков, эссе, дневниковой и автобиографической прозы («Wohin denn ich» — «Куда же мне», 1963; «Tage, Tage, Jahre» — «Дни, дни, годы», 1968). Автобиографическая книга названа по строке из стихотворения Ф. Гёльдерлина «Вечерняя фантазия» («Abendphantasie», 1799), где она звучит вопросительно: «Wohin denn ich?» Есть несколько переложений стихотворения на русский язык, в том числе М.О. Цетлина (Амари), с иначе звучащим вопросом: «А что же я?..» *Примеч. пер.*

² Книга озаглавлена строкой из дневника, где название города, как и многие собственно австрийские (немецкие) понятия, написано латиницей. Тексты дневников опубликованы в осуществленном Г. Риггенбахом переводе на немецкий язык. В настоящей статье русские записи цитируются в оригинале. Набранные тексты сличены автором с рукописными дневниками, хранящимися в архиве, и отражают подлинный слог Али Рахмановой, в том числе постепенную утрату родного языка (проявившуюся, в частности, в неверных грамматических связях и многочисленных макаронизмах). *Примеч. пер.*

³ Предварительное описание архива вышло из печати к 100-летию со дня рождения Али Рахмановой [Riggenbach 1998]. С 2013 г. архив находится в Государственном архиве кантона Тургау (Фрауэнфельд, Швейцария). В полной архивной описи названо первоначальное место хранения наследия Рахмановой-фон Хойер: Кантональная библиотека Тургау во Фрауэнфельде. Теперь архив, хранящийся под шифром «StATG 9.43, Rachmanowa Alja», доступен для ознакомления в интернете по ссылке: <https://query-staatsarchiv.tg.ch/archivplansuche.aspx>.

⁴ М.Ю. Сорокина любезно указала нам на издание «100 великих русских эмигрантов» [Бондаренко, Честнова 2012], куда включен и сжатый биографический очерк об Але Рахмановой, к сожалению, не свободный от целого ряда неточностей. — *Примеч. пер.*

ре» [Rachmanowa 1932a] и «Молочница из Оттакринга» [Rachmanowa 1933]. Ведение дневников было истинной страстью писательницы на протяжении всей жизни. По ее собственным словам, в шесть лет она начала «записывать свои впечатления от мира и людей и с тех пор всегда рассматривала ведение дневника как абсолютную жизненную необходимость»⁵. Она вела дневник на всех остановках своего жизненного пути: в России до 1926 г., в Вене в 1926–1927 гг., в Зальцбурге в 1927–1945 гг. и с 1945 г. в Швейцарии, где она совершала ежедневный ритуал вплоть до последних лет жизни, когда ее умственные силы уже стали ослабевать. В собрании А. Рахмановой в Государственном (кантональном) архиве Тургау хранится около 200 подлинных дневников, однако в действительности их количество было явно больше, так как дневники, созданные в России, в Вене и до 1937 г. в Зальцбурге, почти полностью утрачены. К этому обстоятельству мы еще вернемся в конце статьи.

В бесчисленных прижизненных рецензиях на отдельные тома трилогии часто подчеркивается правдивость, подлинность изображаемого в ней: «<...> один из человечески наиболее подлинных документов русской революции»; «Каждое слово этой книги несет на себе печать чистейшей правды <...>»; «Издание верного правде дневника <...>» и т. д.⁶ И сама Рахманова настаивает на документальной достоверности своих сочинений. В последней записи зальцбургского дневника от 4 апреля 1945 г. она, ужасаясь наступлению Советской армии, задается вопросом, не повредят ли мужу и сыну ее книги — «книги мои, где только правда и правда»⁷.

Опубликованные дневники, которым Аля Рахманова обязана своей славой, не являются, однако, аутентичными дневниками, как думало большинство читателей в ее время, а отчасти полагает и сегодня. Такому неверному пониманию способствует предуведомление, неизменно размещаемое перед титульной страницей: «В этом немецком издании впервые публикуются подлинные русские дневники автора». Даже если читатель не обратит внимания на набранное петитом примечание, то на основе подзаголовков «Дневник русской студентки» (в первой части трилогии) и «Дневник русской женщины» (в двух последующих томах) он неизбежно решит, что у него в руках подлинный дневник. Предпосланное тексту замечание направляет читателя по ложному пути и заставляет все принимать за чистую монету. Сбивая читателя с толку, флер художественного вымысла окутывает жизнь с начальных строк: дневниковая трилогия открывается записью от 24 сентября 1916 г., и первое предложение гласит: «Сегодня мне исполнилось 17 лет». Следуя этому указанию, читатели, которые не знали лично Алю Рахманову, поздравляли ее в этот день с рождением, о чем сказано 24 сентября 1942 г.

⁵ Это признание содержится в предисловии, предворяющем автобиографическую книгу детских воспоминаний «Тайны татар и загадки божков» и представляющем собой факсимиле рукописи без пагинации [Rachmanowa 1949]. Книга впервые вышла в 1932 г. в Зальцбурге как первый том серии «Пестрый мир. Библиотека для юношества» [Rachmanowa 1932b].

⁶ Отклики прессы и письма читателей в 12-м издании книги «Студенты, любовь, ЧК и смерть» [Rachmanowa s.a., S. 448–453]. Под изданием в немецкой эдиционной практике понимается допечатка тиража; даже при внесении некоторых дополнений в выходных данных указывается год первого выпуска книги (или год вообще не указывается).

⁷ Документы, а также дневники и письма из архива далее не сопровождаются ссылками на место и единицу хранения. Их легко найти по описанию архива.

в дневнике: «Сегодня мое литературное рождение. Я никак не ожидала, что так много получу писем, цветов и других маленьких подарков». В действительности будущая писательница отпраздновала свое 17-летие 15 июня 1915 г.

Между тем не только читатели, но и журналисты, критики, литературоведы воспринимают и сегодня беллетризованный текст «дневников» Рахмановой как автодокументальное повествование о реальных фактах. Укажем, в частности, очерк Татьяны Кушевой, где утверждается с опорой на трилогию, что Аля Рахманова была дочерью врача дворянского происхождения [Kuschewskaja 2012, S. 155]. Отец Галины Дюрягиной, однако, не был ни врачом, ни дворянином. Другой пример, предисловие Дитмара Гризара к новому изданию «Молочницы из Оттакринга»: «Когда Арнульф, Александра и Юрка, которому только что минуло четыре года, 17 декабря 1925 г. вышли из поезда в Вене, у них в кошельке было 235 шиллингов» [Rachmanowa 1997, S. 11]. Если абстрагироваться от имен, о которых речь пойдет чуть ниже, то и здесь — и вновь в самом начале повествования — фигурирует дата, отличная от подлинной (февраль 1926 г.), и ее непросто заменить верной из-за постоянного воспроизведения в литературе о Рахмановой. Можно снисходительно проигнорировать календарные сдвиги, но этот ясный пример обнаруживает, как простой перенос даты позволяет романизировать содержание и темы. Одиночество, неприкаянность и бесприютность семьи беженцев драматически усилены изображением венцев, которые в предвкушении рождественских праздников спешат по городу с новогодними ёлочками, с подарками, свертками с праздничной снедью. Как неоднократно констатирует Т.В. Марченко [Марченко 2015], жизнеописание Рахмановой, принадлежащее перу Ильзе Штар, также в значительной степени опирается на автобиографическое творчество писательницы. Те мелочи, на которые мы обратили внимание, обретают совсем иное значение, когда речь идет о произведении в целом: путем передатировок и смещения сюжетных событий Аля Рахманова компоновала и выстраивала свои дневники подобно романам (ср. рассуждения К. Гебауэра о структуре нарратива [Gebauer 2004, S. 114–118]).

Далее мы попытаемся — на основе данных из аутентичных дневников, доселе не привлекавшихся к исследованию, а также документов из архивного собрания Рахмановой и из других архивов — представить подлинную биографию писательницы в новом свете. Однако мы не стремимся к воссозданию целостной картины. Наш интерес будет сосредоточен на трех темах, до сих пор практически обойденных вниманием: высылка семьи фон Хойер из Советского Союза в 1926 г., отношение семьи к национал-социализму и бегство супругов в Швейцарию в апреле 1945 г.

РУССКИЕ ГОДЫ

Прежде всего несколько замечаний об имени. Аля Рахманова — это псевдоним. Принято считать, что он был призван скрыть идентичность писательницы и тем самым защитить ее близких, живших в СССР, от преследований. Сходным образом и большинство реальных персонажей ее книг носит фиктивные име-

на. Однако псевдоним обязан, быть может, своим появлением издателю, рас удившему, что для автора книг, с достоверной исповедальностью повествующих о пережитом в России, русское имя подходит больше, чем немецко-австрийская дворянская фамилия.

Писательница была крещена именем Галина. Для второй части своего псевдонима она выбрала употребительную фамилию Рахманов, которая встречается не только в России, но и на Северном Кавказе, в Закавказье (Азербайджане) и в Средней Азии (Узбекистан, Туркмения). Распространенность этого антропонима проявляется и в том, что в России встречается свыше десятка населенных пунктов Рахманово, а среди носителей фамилии есть также известные личности. Почему Галина при выборе литературного псевдонима остановилась именно на Рахмановой, к сожалению, неизвестно. Выбор имени трудно обосновать и лексикографически, поскольку этимология его весьма запутанная. Фамилия Рахманов имеет двоякое происхождение. С одной стороны — от русского прилагательного *рахман(н)ый*, которое М. Фасмер [Фасмер 1987, с. 449–450] возводит к греческому слову, означающему брахманов; в разных регионах это слово обретает весьма различные и отчасти противоположные значения [Даль 1882, с. 86]. С другой стороны, фамилия Рахманов может восходить к имени Рахман, арабский корень которого означает «милосердный». Палитра объяснений для выбора псевдонима может оказаться еще шире.

Первые четыре книги вышли под псевдонимом Александра Рахманова (женское имя корреспондировало с именем сына фон Хойеров), последующие — под псевдонимом Аля Рахманова, ставшим «каноническим» и вытеснившим подлинное имя. Предпочтение, отданное имени Аля, соединило имя сына и первоначальное имя псевдонима с настоящим именем, поскольку Аля — одно из возможных уменьшительных для Александра, а раньше могло быть уменьшительным и от Галина (см.: [Петровский 1966, с. 82]). В настоящей статье при описании жизни нашей героини в России и в Вене используется метрическое (крестильное) имя.

Галина родилась 15 (27) июня 1898 г. в Каслинском заводе на Урале⁸. Она была старшей из трех дочерей⁹ железнодорожного служащего Николая Дмитриевича Дюрягина. Ее мать, Серафима Михайловна, в девичестве Тимофеева, происходила из семьи каслинских чугуноплавильщиков. Род Тимофеевых известен в Каслях с XVIII в., это были мастера-литейщики и предприниматели, владевшие собственным производством¹⁰. В изготовлении знаменитого павильона для Парижской всемирной выставки 1900 г. участвовал мастер В. Тимофеев; на заводе

⁸ До революции — в Екатеринбургском уезде Пермской губернии, сейчас — г. Касли Челябинской области.

⁹ Имена сестер в трилогии — фиктивны. Одну из них в действительности звали Нина, судя по полученным от нее письмам. Другую сестру называли в семье Нюрой, что традиционно является уменьшительным от Анна (и, реже, от Татьяна, ср. Танюрочка > Нюрочка, Нюра). Установление точных имен и судеб членов семьи Дюрягиных возможно только при ознакомлении с российскими региональными архивами.

¹⁰ Собранный информацией о «каслинских Тимофеевых» на сайте Уральского генеалогического общества поделилась Н.В. Позднякова, см.: http://ugo10.ucoz.ru/publ/pokolennye_ropspisi/kaslinskie_timofeevy_pokolennaja_ropspis/5-1-0-3 (дата обращения: 23.02.2017).

архитектурно-художественного литья в г. Касли и сейчас продолжается изготовление скульптуры и различных предметов декоративно-строительного назначения из высококлассного чугуна. Скорее всего, мать Галины при ее рождении летом 1898 г. навещала своих родителей, поскольку молодая семья Дюрягиных жила в Екатеринбурге, а позднее в Перми. Мать занималась воспитанием и образованием Галины [Hoyer s.a.] до ее поступления в женскую Мариинскую гимназию в Перми; окончив 7-й класс летом 1915 г., будущая писательница прошла обучение в дополнительном, педагогическом классе, что давало право работать учительницей начальной школы. В тот же год Галина поступила в Пермский университет — именно осенью 1916 г. он открылся как филиал Императорского Петроградского университета. Уже в следующем году филиал стал самостоятельным университетом. Галина посещала многие курсы на историко-филологическом факультете, среди которых, помимо древних и современных языков и литературы, были история, философия и психология. На третьем курсе в 1918–1919 гг. она параллельно училась на юридическом факультете.

Как несложно представить и как в самом деле описывает Аля Рахманова в своей книге «Студенты, любовь, ЧК и смерть», в университете и в городской жизни после Февральской и особенно после Октябрьской революции царил хаос. С декабря 1917 г. всю Пермскую губернию контролировали большевики, они удерживали власть на протяжении года, пока в декабре 1918 г. армия Колчака не захватила Пермь. Незадолго до того как Красная армия вновь и уже окончательно завладела регионом в июне 1919 г., семья Дюрягиных по железной дороге бежала в Сибирь. Несмотря на тяжелые, даже рискованные жизненные обстоятельства, Галина смогла продолжить учебу в Иркутске. В Омске, куда был переведен по работе отец и где не было университета, Галина начала преподавать и вела занятия в Центральной библиотеке им. Пушкина. Там она познакомилась с австрийским военнопленным Арнульф фон Хойером. Они поженились 24 февраля 1921 г. в Омске и в том же году смогли вернуться в Пермь. 1 февраля 1922 г. у четы родился сын Александр. После его рождения Галине удалось закончить обучение в университете. В дипломе от 22 июля 1922 г. факультет общественных наук «поставил считать Галину Николаевну Дюрягину-Гоер окончившей факультет». Столь странная формулировка связана с тем, что историко-филологического факультета, на котором Галина начинала учебу, уже не было — в 1919 г. на базе историко-филологического и юридического факультетов был создан факультет общественных наук. После выпуска из университета Галина, очевидно, осталась в нем работать, так как она получала жалованье, о котором идет речь в черновике письма от 30 июля 1925 г. Больше никаких документов о ее обучении и работе в университете в архиве не сохранилось.

Арнульф фон Хойер уже вскоре по прибытии в Пермь смог устроиться на работу в университет. С 1921/22 учебного года он был преподавателем немецкого языка, а с 1922/23 учебного года в должности доцента читал также лекции. В начале лета 1925 г. Арнульф фон Хойер в сопровождении жены и ребенка отправился в командировку в Вену с целью повышения квалификации. Поскольку это пребывание не описано в «Браках в красном вихре», неизвестно, что испытала Галина

в свою первую встречу с заграницей и как они с сыном проводили те дни, когда муж учился. Записная книжка А. фон Хойера удостоверяет, что 16 июня 1925 г. он зарегистрировался в Венском университете — дополнительный прием заканчивался 17 июня. Судя по «Бракам в красном вихре» [Rachmanowa 1932a, S. 354], семья Хойер, прожив в Вене около четырех месяцев, вернулась в Россию в конце сентября. Хотя даты в книге — в сопоставлении с дневником — не вполне соответствуют действительности, все же удивляет тот факт, что Арнульф фон Хойер записался также на лекции в зимнем семестре 1925/26 года и что посещение этих лекций, за одним исключением, удостоверялось профессорами.

Было ли пребывание в Вене первоначально рассчитано на более долгое время и по какой-то причине оказалось прерванным? Или А. фон Хойер сознательно записался на дополнительный семестр? Об этом остается только строить догадки. Очевидно, однако, что зимой 1925–1926 гг. его не было в Вене, поскольку семья фон Хойер уже находилась в Перми, где через несколько месяцев после возвращения столкнулась с тяжелым испытанием.

«ИЗГНАНИЕ» ИЗ СССР

15 января 1926 г. Арнульф фон Хойер получил предписание покинуть Советский Союз¹¹. Это событие означало судьбоносный поворот в жизни семьи. Документы из личного архива позволяют уточнить детали изгнания, прежде неясные.

После получения «приказа о высылке» А. фон Хойер и его жена пытались выяснить, кем и почему отдан приказ и какие шаги можно предпринять против выдворения из страны. На это ушло десять дней. 26 января университет предоставил Арнульфу фон Хойеру отпуск с 27 января по 10 февраля для поездки в Москву. Через несколько дней семья отправилась в столицу, отдаленную почти на полторы тысячи километров. Дата отъезда устанавливается по письму отца Галины в Вену. 17 февраля 1926 г. он написал из Перми: «Вот уже 17 дней, как вы уехали от меня <...>». В Москве Хойер хотел прояснить сложившуюся ситуацию с помощью австрийского посольства. Отчаявшись получить незамедлительные ответы и осознав тщетность прилагаемых усилий, семья отправилась в столицу Австрии, скорее всего, 10 февраля и прибыла туда 13 февраля. Эту дату Аля Рахманова зафиксировала в годовщину события в дневнике 1944 г.: «Сегодня 18 лет, как мы приехали в Вену!» А 19 февраля посольство Австрии в Москве отправило следующее письмо в Ведомство федерального канцлера в Вене:

Бывший военнопленный Арнульф Хойер, в последнее время приват-доцент в Пермском университете, покинул Россию вследствие отданного ему приказа о высылке, не ожидая результатов вмешательства, предпринятого посольством в его интересах. Народный комиссариат иностранных дел непосредственно после отъезда Хойера сообщил посольству, что приказ о высылке

¹¹ См. запись в зальцбургском дневнике от 15 января 1944 г.: «Сегодня восемнадцать лет, как мы получили приказ о высылке из России».

отменен. Поскольку Хойер не оставил в посольстве никакого адреса, посольство просит, исходя из предположения, что этот адрес известен должностным лицам на месте, оповестить г-на Хойера об успехе вмешательства. В то же время долженствует обратить его внимание на то, что он осложнил свое положение, поскольку, если он думает о возвращении, ему следовало бы обратиться в советское посольство в Вене за въездной визой.

4 марта в поисках требуемого адреса Ведомство федерального канцлера снеслось с неким д-ром Робертом Коллером, проживавшим в Вене, Наглергассе, 6:

Ведомство федерального канцлера просит Вас любезно сообщить, находится ли еще в Вене вернувшийся из России 9 июня 1925 года бывший военнопленный, прапорщик в отставке Арнульф Хойер, в последнее время доцент Пермского университета, Россия.

Из этого запроса явствует точная дата, когда Арнульф фон Хойер с семейством годом раньше прибыл по служебной командировке в Вену для обучения. Как уже упоминалось, неделей позже (16 июня 1925 г.) глава семьи записался в университет. Очевидно, однако, в Ведомстве федерального канцлера не было известно, что речь шла не о возвращении, а об ограниченном по времени пребывании и что Хойеры снова уехали. Причины ошибки австрийских чиновников неизвестны.

19 февраля 1926 г. ректорат Пермского университета также послал письмо Хойеру в Вену. В письме сообщалось, что для его пребывания в Перми нет препятствий со стороны местных властей. Далее сказано:

Предложение покинуть пределы СССР Вы получили исключительно за проживание по просроченному документу. На основании изложенного просим Вас принять все меры к получению соответствующего паспорта и визы.

К этому письму необходимы два комментария. Сами Хойеры всегда воспринимали свой отъезд из страны как высылку (выдворение), тогда как «предложение» — это, конечно, смягчающая формулировка; впрочем, это можно считать косвенным подтверждением, что речь шла исключительно об административном предписании, а не о наказании (депортации). С другой стороны, просьба (также вместо требования или иного строгого предписания) о возвращении к месту службы позволяет предположить, что Хойер уехал из Москвы в Вену, не проинформировав об этом своего работодателя и не отпросившись официальным образом. 17 марта ректорат кратко уведомил Хойера о том, что в соответствующие инстанции отправлен запрос о содействии его возвращению в СССР. Арнульфу Хойеру (в СССР, как и в Австрии, дворянская частица в фамилии была упразднена) рекомендовали получить визу как можно скорее и настоятельно просили его вернуться к месту службы. Копия упомянутого запроса приложена к письму. Он адресован И.И. Ходоровскому, начальнику Главного управления профессионального образования (Главпрофобра) при Народном комиссариате просвещения, и гласит следующее:

Преподаватель Пермского Педфака Арнульф Эдмундович Гоер, как австрийский подданный, выехал 15 февраля с.г. с женой из Перми в Австрию, по имеющимся у нас сведениям, вследствие того, что по недоразумению не возбудил заблаговременно ходатайство о продлении ему срока, на который ему было разрешено, как иностранцу, пребывание в СССР. В виду того, что со стороны Административного Отдела Пермского Окрисполкома не встречается препятствий к возвращению А.Э. Гоера в Пермь, и принимая во внимание, что для Пермского Педфака А.Э. Гоер, ведший в текущем учебном году на лингвистическом отделении курс введения в языковедение, является совершенно необходимым преподавателем, Правление Университета просит Вас возбудить ходатайство перед Народным Комиссариатом Иностранных Дел о скорейшей выдаче визы А.Э. Гоеру и его жене на обратный въезд¹².

Между Веной и Пермью и далее циркулировали письма и телеграммы, из которых не все сохранились, пока 3 июня 1926 г. советское посольство в Вене не сообщило, что просьба о разрешении на возвращение в СССР отклонена. Тем не менее усилия по возвращению в Россию университетского преподавателя — очевидно, полезного и ценного сотрудника в новом советском вузе — продолжались. В письме от 20 августа ректорат Пермского университета со ссылкой на запрос, отправленный от его имени в Москву, пишет А. фон Хойеру:

В виду того, что означенное ходатайство до сего времени не удовлетворено, Правление университета, продолжая считать крайне желательным участие Ваше в научно-учебной работе Ун-та в качестве доцента лингвистического Отделения Педфака и основываясь на возбужденном Вами ходатайстве о приеме Вас в гражданство СССР, просит Вас принять все зависящие от Вас меры к скорейшему получению визы на обратный въезд в СССР и к возвращению на службу в Пермский Университет.

Было ли ходатайство о советском гражданстве подано Арнульфом фон Хойером еще в Советском Союзе, чтобы увеличить шансы остаться, или уже из Вены ради получения въездной визы? Другая предпринятая мера состояла в том, что отец Галины 21 августа 1926 г. письменно обязался заботиться о содержании семьи своей дочери. Но все усилия оказались напрасны. 4 января 1927 (в оригинале 26, но это явная описка) г. советское посольство вторично отклонило прошение о визе, на сей раз с формулировкой «согласно извещения (sic!) Народного комиссариата по иностранным делам».

В Советском Союзе высылку стали применять довольно рано — не только в отношении иностранцев, но и в отношении инакомыслящих граждан. Легендарной стала осуществленная по распоряжению Ленина акция 1922 г., в результате которой около 200 русских мыслителей и писателей на пассажирских судах, а позднее и по железной дороге были высланы из страны («философский пароход»). Вплоть до перестройки существовала практика лишения диссиден-

¹² Здесь и далее в документах советских учреждений сохранена орфография подлинника. *Примеч. пер.*

тов гражданства с последующим «выдворением из страны». Однако высылка по причине истекшего и вследствие этого недействительного разрешения на пребывание практиковалась уже в царское время. Сохранившиеся в архиве документы свидетельствуют о том, что в случае Арнульфа фон Хойера речь идет именно о такой высылке, и чиновники лишь действовали в соответствии с инструкцией. Нельзя исключать, что упущением фон Хойера, скорее всего совершенным непреднамеренно, могли воспользоваться как предлогом его недоброжелатели. В результате же заблуждения с обеих сторон привели к известному результату. Университетское начальство не предусмотрело, что может лишиться нужного преподавателя, и спохватилось, когда было уже слишком поздно, а Хойерам, вероятно, и в голову не приходило, что приказ о высылке в последнюю минуту может быть отменен.

Высылкой заканчивается книга «Браки в красном вихре». Изгнание изображено в ней как акт чистого произвола, который был осуществлен безо всякого основания. Попытки вернуться в Россию, поддержанные Пермским университетом и длившиеся несколько месяцев, в «Молочнице из Оттакринга» звучат лишь отдаленным эхом. Ильзе Штар благодаря счастливому случаю узнала, что Хойеры некоторое время жили в Вене у ветеринара Лотара Патера (Patera) на Лаксенбургштрассе, 2 [Stahr 2012, S. 73–74]. Патера и его жена, очевидно, были коммунистами, ожесточенными экономическим положением, то есть беспросветной нуждой. Они подумывали о том, чтобы переселиться в советскую Россию. Патера не раз интересовался у автора дневника: «Когда вы снова поедете в Россию?» — и давал добрый совет: «Собирайте-ка вещи и поезжайте назад в Россию, пока у вас еще не кончилась виза». Если автор дневника изумляется, как в свободной стране можно вообще додуматься до мысли переселиться в Советский Союз, то возвращение туда на самом деле было документально подтвержденным подлинным намерением семейства фон Хойер. Но реализовать это намерение все же не удалось¹³.

Обиды, которые Галина пережила в 1926 г., — сначала высылка, потом двукратный отказ в возвращении — безусловно, сильно повлияли на позднейшее отношение писательницы к ее родине.

ГОЛОВОКРУЖИТЕЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРНАЯ КАРЬЕРА

Хотя решения о визе все еще не было, Хойеры не бездействовали: они искали способы и пути для заработка в Вене. Арнульф — но не Галина, как можно было бы ожидать, — наряду с продолжающимся обучением в университете проходил

¹³ Испытания, сходные с перипетиями семьи фон Хойер, выпали на долю русской швейцарки Эльзы Эдуардовны Малер (Mahler). В качестве хранителя в Российской академии истории материальной культуры (РАИМК) в Петрограде она в 1920 г. получила годичный отпуск и поехала в Швейцарию для продолжения образования. Когда через полгода Эльза Малер захотела вернуться, въезд ей был воспрещен вопреки ходатайству РАИМК. О ней см.: [Калмыков, Риггенбах 2002, с. 584–585], а также [Переписка Зурова и Малышева 2016, с. 445 и сл.].

с марта до середины июня 1926 г. практику в продуктовой лавке Алоизии Кос на улице Гроссе Нойгассе, 35. 24 июня 1926 г. Хойеры купили молочную лавку на улице Хильдебрандгассе, 16. Сейчас мемориальная доска напоминает о кратком эпизоде из жизни Галины фон Хойер: она содержала магазинчик, торговавший не одним молоком, но и всякой всячиной¹⁴. Однако уже 29 июля следующего года лавку снова продали за 4 тысячи 200 шиллингов. По-видимому, Арнульф Хойер успел заручиться устным согласием на получение учительской ставки в Зальцбурге. Письменное подтверждение на предоставление «временного места на должность второго помощника учителя» последовало 24 сентября 1927 г., когда семья, очевидно, уже переехала из Вены в Зальцбург. В то время как изначально небольшое жалование Арнульфа постепенно увеличивалось и он вырос до профессора Учительской семинарии, его жене буквально в мгновение ока удалось превратиться из безвестной эмигрантки Галины фон Хойер в успешную писательницу Алю Рахманову, автора бестселлеров. Можно перечислить различные способствовавшие этому превращению факторы: литературный дар и страстное, с самого детства, желание стать писательницей, возможно инспирированное отцом, большим почитателем литературы (во всяком случае, отец поддерживал Галину в ее стремлении), а также сама тема революции и Гражданской войны в России, тем более что Аля Рахманова была непосредственным свидетелем событий и вела обо всем пережитом и перечувствованном дневниковые записи; наконец — и не в последнюю очередь — умная и действенная реклама, с помощью которой Отто Мюллер, с 1930 г. предприимчивый руководитель издательства «Пустет», способствовал взлету автора. Почти одновременно с выходом ее дебютной книги в октябре 1931 г. Аля Рахманова перешла в католичество¹⁵. Неизвестно, связан ли этот переход с ее новой ролью в качестве писательницы.

Рыночный успех дневниковой трилогии и юношеских воспоминаний, издававшихся ежегодно, не заставил себя ждать. Несколько перемен квартиры наглядно свидетельствуют о том, как постоянно улучшалось финансовое благосостояние семьи. В 1934 г. Хойеры переехали в район Ицлинг, в дом, который был спроектирован архитектором Паулем Геппертом¹⁶ и в 1937 г. расширен пристройкой. Однако уже 30 мая 1938 г. Аля Рахманова отмечает в своем ежедневнике: «Купили виллу на Giselakai»¹⁷. Согласно пометам в личном календаре писательницы

¹⁴ Текст на мемориальной доске гласит: «В стоявшем на этом месте доме находился в 1926–1927 годах продуктовый магазин Александры (sic!) фон Хойер (1898–1991), который она увековечила в своем документальном романе “Молочница из Оттакринга”, изданном под псевдонимом Аля Рахманова».

¹⁵ В архиве А. Рахмановой сохранился сообщающий об этом номер бюллетеня «Der Eucharistische Völkerbund», органа венской католической организации Евхаристическая лига Св. Духа во имя объединения христианства (Eucharistischer Völkerbund im hl. Geist für die Einigung der Christenheit).

¹⁶ Пауль Гепперт-старший (Geppert; 1875–1965), Пауль Гепперт-младший (даты жизни не установлены) — зальцбургские архитекторы.

¹⁷ Набережная Гизелы (названа в 1905 г. в честь эрцгерцогини, второй дочери Франца-Иосифа и Елизаветы) идет по правому берегу реки Зальцах, противоположному историческому центру города, но с лучшими видами — окна дома Хойеров смотрели прямо на замок; уже в конце XIX в. набережная была застроена вилами. Фотография виллы Хойеров (Гизелакай, 41), сделанная Ильзе Штар, доступна в

идея поселиться в престижном районе города вызревала в течение года. Приобретение элегантной виллы можно рассматривать как покупку по случаю для вложения капитала. Перед заселением верхний этаж был переоборудован под квартиру новых владельцев¹⁸. Признаком благосостояния стали также путешествия на собственном автомобиле — сначала марки «Штейр» («Steyr») 1938 г., потом на «Форде-V8»; маршруты путешествий на юге доходили вплоть до Рима, а на севере захватывали Швецию.

Высшей точкой в карьере Али Рахмановой стало награждение ее пятой книги — романа «Фабрика нового человека» (1935). В марте 1936 г. французская Академия общественного воспитания и социальной помощи премировала книгу как лучший антибольшевистский роман года на сумму 50 тысяч франков. В 1937 г. Аля Рахманова, кажется, питала надежды даже на Нобелевскую премию; по крайней мере, на одной открытке она написала Арнульффу, что из-за Нобелевской премии чувствует себя как «разъяренная кошка». Но даже если Нобелевская премия и манила, это были ложные надежды, так как в опубликованном Шведской академией списке номинаций на Нобелевскую премию 1937 г. имя Рахмановой (фон Хойер) не фигурирует [Nobelpriset i litteratur 2001, s. 261–264]. Литературный успех начинающей писательницы, судя по общему количеству проданных книг, для межвоенного времени был весьма значительным. Не менее впечатляющим был приток слушателей на литературных выступлениях Али Рахмановой, которые проходили не столько в Австрии, сколько в соседних странах. Первое турне состоялось осенью 1934 г. по Швейцарии, весной 1935 г. Аля Рахманова с большим успехом выступала в Будапеште и Дьёре, осенью 1936 г. предприняла второе турне по Швейцарии и сразу после этого впервые выступала в немецких городах. Затем турне следовали одно за другим почти по всем регионам Третьего рейха. Литературные чтения проходили преимущественно в больших аудиториях, но и они оказывались слишком тесны, чтобы вместить всех желающих. В некоторых залах, где публике не хватало места, Аля Рахманова тут же возвещала, что непременно вернется. В Мюнхене она выступала 24 ноября 1936 г. в переполненной Большой аудитории университета. Вторые чтения состоялись 16 апреля 1937 г. в Большом зале Тонхалле (филармонии), где народу набилось столько, что яблоку было негде упасть. Подобные сообщения подтверждают широкую известность книг Али Рахмановой в тот период и свидетельствуют о том, насколько она была популярна как писательница. Литературная слава и успех ее публичных чтений — это феномен, которым следовало бы заняться пристальнее. В архиве сохранились сотни аккуратно собиравшихся Хойерами газетных вырезок с сообщениями о выступлениях Али Рахмановой. В этих заметках описаны внешний вид писательницы и ее манера выступать, содержатся сведения о публике, об атмосфере чтений, об ожиданиях репортеров. Всего вероятнее, что слушателей привлекало прежде всего чуждое, экзотическое в личности Али Рахмановой и в том мире, который

интернете: http://www.salzburg.com/wiki/images/2/23/Villa_Gisela-Kai_41.jpg (дата обращения: 18.03.2017).
Примеч. пер.

¹⁸ Перестройкой руководил Пауль Гепперт-младший.

оживал на страницах ее книг. Читатели были словно зачарованы книгами своей приехавшей из советской России современницы, переведенными на немецкий язык ее мужем-австрийцем. Но вероятно, большому интересу к ее выступлениям способствовал и антибольшевизм, который принадлежал к канону официальной идеологии и с которым Аля Рахманова идентифицировалась в немецкой прессе. С успехом у публики между тем были связаны и финансовые выгоды для всех участников успешного проекта: для книготорговли — благодаря массовым продажам во время автограф-сессий, для концертных агентств — благодаря переполненным залам, для собственников сдаваемых под выступления помещений и для самого автора.

В октябре 1937 г. лекционная деятельность Али Рахмановой была внезапно прервана в Бреслау (ныне Вроцлав), когда писательнице сообщили, что она «нежелательна», а книготорговцы уведомили ее о том, что членам НСДАП и прочих национал-социалистских организаций запрещено посещать ее чтения. Аля Рахманова отменила дальнейшие выступления в Силезии «по болезни» и немедленно вернулась в Зальцбург. Если действительно существовал официальный запрет на посещение лекций, что могло стать основанием для бойкота? Ведь с точки зрения содержания ее произведения полностью вписывались в идеологическую схему национал-социалистов. Так, в сообщениях нацистской прессы о выступлениях Али Рахмановой особо подчеркивается противостояние большевизму как важная задача общества. Бойкотировали не столько книги, сколько саму личность писательницы. Аля Рахманова тогда была еще иностранкой в Третьем рейхе и даже, как явствует из слов одного чиновника, цитируемых в ее зальцбургском дневнике, считалась «монголкой, чужеродной» (16.10.1942), а кроме того, писательница избрала псевдонимом славянское имя, что в независимой Австрии казалось удачным рекламным ходом. В еще большей степени, чем эти обстоятельства, успех книг Али Рахмановой и огромный наплыв читателей на ее выступлениях должны были вызывать недовольство высших партийных функционеров. Слишком заметное присутствие русской писательницы на публичном поле, очевидно, воспринималось как ненужная конкуренция.

ПОД ЗНАКОМ СВАСТИКИ

С аншлюсом Австрии в марте 1938 г. ситуация для Али Рахмановой изменилась коренным образом. Теперь она жила под властью режима, для которого ее выступления были нежелательны. Дневниковые записи и документы свидетельствуют, впрочем, что семья фон Хойер быстро приспособилась к новым обстоятельствам.

Шестнадцатилетний Александр с самого начала активно участвовал в гитлерюгенде. Он очень часто «дежурил» и должен был посещать собрания и иные мероприятия. Среди прочего он соучаствовал в сожжении книг 30 апреля 1938 г. Аля Рахманова пометила это событие в своей записной книжке (календаре): «Вечером в 7 жгут книги на площади». Тут же процитированы и слова Александра:

«3 телеги книг мы привезли!» Он упивался общественной работой до самозабвения, а 6 июля был избран руководителем ячейки, камерадшафтсфюрером. Особым переживанием для Александра оказался десятидневный лагерь для активистов гитлерюгенда летом 1938 г. на Маттзее. Родители несколько раз навещали его, хотя он очень этого стеснялся. В первый же день они привезли на своей машине радиоприемник для лагеря. С баннфюрером (руководителем районной организации гитлерюгенда) Зигфридом Шидером (Schieder) родители Александра познакомились поближе; 29 августа он послал Але Рахмановой цветы и посещал семью 8 и 12 октября. При этом он вписал три собственных стихотворения в гостевую книгу фон Хойеров с выражением «уважения и благодарности». Здесь не место оценивать членство Александра в гитлерюгенде само по себе. Благодаря календарным заметкам Али Рахмановой становится, однако, очевидно, что участие в гитлерюгенде было интенсивным, а родители относились к нему с большим сочувствием. На сохранившемся листке с важными телефонными номерами гитлерюгенд открывает список. Позже, обучаясь юриспруденции в Мюнхене, Александр принадлежал к Национал-социалистскому немецкому студенческому союзу (Nationalsozialistischer Deutscher Studentenbund) как член товарищества «Лютцов».

Арнульф фон Хойер уже с марта 1938 г. был членом национал-социалистского Механизированного корпуса¹⁹. Кроме этого он принадлежал к национал-социалистскому Союзу учителей. Вступление в НСДАП при этом не стояло на повестке дня, но, очевидно, обсуждалось, поскольку неиспользованный формуляр для приема в партию сохранился в архиве. После нападения гитлеровской Германии на Советский Союз знание русского языка оказалось особенно востребованным. В одной из зальцбургских газет в рубрике «Официальное» появилось сообщение, что подведомственный правительству Совет по подготовке переводчиков в Зальцбурге выделяет особую ставку. Для обращения за справками и подачи заявок на дальнейшее обучение в качестве контактного лица назван Арнульф фон Хойер и указан адрес его проживания²⁰.

Сама Аля Рахманова вступила в национал-социалистскую организацию «Народное благосостояние» («Volkswohlfahrt»), о чем свидетельствует квитанция об уплате членских взносов от ноября 1938 г. в ежедневнике за этот год. Таким образом, все члены семьи фон Хойер входили в какую-нибудь организацию НСДАП, а Арнульф фон Хойер — даже в две.

Когда осенью 1938 г. вышла книга «Юрка. Дневник матери» [Rachmanowa 1938], Аля Рахманова воспользовалась этим, чтобы снова напомнить о себе, хотя за год перед тем и узнала, что «нежелательна» для нацистского режима. Писательница отправила экземпляры книги в различные национал-социалистские учреждения

¹⁹ К этому времени корпус (Nationalsozialistisches Kraftfahrkorps), являвшийся самостоятельным подразделением в составе НСДАП, насчитывал около полумиллиона членов. По целям и направлениям деятельности это был, в сущности, клуб автолюбителей. В 1945 г. корпус был распущен и отнесен к запрещенным организациям на Нюрнбергском процессе. *Примеч. пер.*

²⁰ В архиве сохранилась газетная вырезка. На основе указанного в объявлении срока подачи заявок — 15 января 1942 г. — статья датируется рубежом 1941–1942 гг.

и послала некоторым нацистским авторитетам, а именно Эмми Геринг (Göring; вторая жена рейхсмаршала Г. Геринга), которая 2 июня стала матерью, обергруппенфюреру СА Герману Решни²¹, Бальдуру фон Шираху — тогдашнему молодежному лидеру Третьего рейха²² — и самому Гитлеру. Эти данные основываются на почтовых квитанциях, собранных в ежедневнике 1938 г., либо на благодарственных письмах, сохранившихся в корреспонденции. В ежедневник Аля Рахманова записала следующую цитату из Гитлера: «Все, что мы делаем, мы делаем, в конце концов, для ребенка»²³. Еще одна цитата восходит к гауляйтеру Баварского Остмарка Фрицу Вехтлеру²⁴: «Истинно большое предприятие в национал-социалистском духе осуществляет здесь великую народно-политическую цель: где прежде стояли гробы, установить колыбели, — жизнеутверждающую цель для нашего нового, здорового, пограничного народа». Разумеется, Аля Рахманова послала свою новую книгу многим лицам из числа своих знакомых, специалистам и учреждениям по педиатрии и детской педагогике, что явствует из нескольких списков и адресов в ее календаре 1938 г. В одном из этих списков фигурирует зальцбургский гауляйтер Фридрих Райнер²⁵. Получил ли он книгу и был ли тогда установлен с ним контакт — неизвестно. Однако 7 декабря 1940 г. Аля Рахманова пометила в своем календаре:

Были приглашены в 4 часа дня к Gauleiter'у на Язуз²⁶. Было очень хорошо и интересно. 5 прелестных очень хорошо воспитанных детей. Маленький Gerd,

²¹ Герман Решни (Reschny; 1898–1971) — руководитель австрийского Шуцбунда, с 1926 г. — начальник штаба СА (штурмовых отрядов) в Австрии. После неудачного путча штурмовиков в Австрии в 1934 г. бежал в Германию, во время аншлюса победно провел свой легион в «Остмарк» (средневековое название Австрии, которое она получила после аншлюса); с 1938 г. член рейхстага, участник Второй мировой войны. В 1945 г. приговорен к 16 годам тюрьмы, вышел через девять лет, жил и умер в Граце. *Примеч. пер.*

²² Бальдур фон Ширах (von Schirach; 1907–1974) — молодежный и партийный деятель нацистского времени; рейхсюгендфюрер (1933–1940), затем гауляйтер Вены. Умелый и инициативный организатор, Ширах добился того, что к 1940 г. в гитлерюгенд (единственную молодежную организацию Германии) входило 97 % молодежи допризывного возраста. На Нюрнбергском процессе приговорен к 20 годам, полностью отбыл срок заключения; четверо его детей были отданы на воспитание в государственные учреждения. В 1967 г. выпустил книгу «Я верил Гитлеру». *Примеч. пер.*

²³ Сигрид Чемберлен в своей книге «Адольф Гитлер, немецкая мать и ее первый ребенок» (*Chamberlain S. Adolf Hitler, die deutsche Mutter und ihr erstes Kind. Gießen, 1997*) эту цитату из Гитлера использует как название одной из глав и в качестве источника называет книгу Иоганны Харер «Мама, ну расскажи об Адольфе Гитлере!» (*Haarer J. Mutter, erzähl' von Adolf Hitler! München; Berlin, 1943. S. 3*).

²⁴ Фриц Вехтлер (Wächtler; 1891–1945) — немецкий национал-социалист, гауляйтер восточной Баварии (1935–1945), с 1935 г. руководитель национал-социалистского Союза учителей. *Примеч. пер.*

²⁵ Фридрих Райнер (Rainer; 1903–1947) — член НСДАП с 1930 г., гауляйтер Зальцбурга с 1938 г., в том же году избран депутатом рейхстага; с 1941 г. гауляйтер Каринтии, с 1943 — высший комиссар (полновластный глава) Адриатической зоны, а также Словении (создал так называемое народное правительство Словении). Был выдан Нюрнбергским трибуналом в 1947 г. Югославии, в том же году осужден и казнен. У Ф. Райнера было 8 детей. *Примеч. пер.*

²⁶ Jause — имя существительное женского рода (так его склоняет и пишет с заглавной буквы по правилам немецкой орфографии А. Рахманова), сугубо австрийское понятие, означающее полдник, прием пищи (закуску) между обедом и ужином, послеобеденный кофе или чай. Далее в тексте: Schwager — здесь: зять (нем.). *Примеч. пер.*

потерявший часть пальчика, был такой трогательный. Сестра и Schwager — симпатичные. Frau Ada — милый, душевный человек. Gauleiter сказал, что надеется, что я попаду еще в Россию! Он очень интеллигентный, живой с сильной волей человек.

В переписке 1941 г. обнаруживается также следующее благодарственное письмо Райнера: «Мою жену и меня очень порадовали обе книги с Вашим посвящением. Благодарим Вас сердечно. Вашему сыну мы желаем успешного боевого крещения и солдатского счастья».

На фоне откровенных попыток Али Рахмановой привлечь к себе внимание нацистских бонз не кажется ошибочным поставить возникновение книги «Юрка» в связь с политическим контекстом. Первоначально литературные планы были другими. Непосредственно после выхода биографии Толстого [Rachmanowa 1937] осенью 1937 г. Аля Рахманова начала заниматься Достоевским. 6 ноября 1937 г. она записала: «Голова полна мыслей о Достоевском», а 11 ноября того же года пометила: «Начала писать роман об (sic!) Достоевском». Очевидно, при новых обстоятельствах весной 1938 г. этот план был отложен, и Аля Рахманова, буквально следуя «партийной линии», обратилась к актуальной при национал-социализме теме «мать и дитя». У нее уже был готовый текст — дневники о развитии маленького сына, и она легко могла вернуться к давно лелеемому замыслу. Осенью 1929 г. в переписке с жившей в Вене русской писательницей и переводчицей Марией Бах-Вайской (Bach-Wayskaja) Галина фон Хойер — еще не написав и не издав ни одной книги и даже не став пока Алей Рахмановой — обсуждает поиск издателя для публикации записей о маленьком Александре. Возможный аргумент, что времени от аншлюса Австрии 12 марта до рассылки авторских экземпляров 26 октября 1938 г. (дата засвидетельствована в календаре) было слишком мало, чтобы перевести рукопись с русского языка на немецкий и напечатать книгу, опровергает сама Аля Рахманова другой своей книгой, «Один из многих. Жизнь Юрки»: 22 апреля 1945 г. они с мужем добрались до Швейцарии после бегства из Зальцбурга, 1 октября она написала предисловие, в декабре первый том книги был напечатан²⁷, а в январе 1946 г. вышел уже второй том. В отличие от «Юрки», созданного на основе существовавших дневников, эта книга должна была быть сначала полностью написана, прежде чем Арнульф фон Хойер смог ее перевести. И хотя он уже не служил, обладал достаточным досугом и переводил текст по мере написания отдельных глав, возникновение книги объемом почти в 750 страниц в течение менее чем полугода все же представляется замечательным достижением.

С 1939 г. Аля Рахманова пыталась установить связи с литературным сообществом. 6 августа она записала в своем календаре: «Капка <т. е. Александр> помогает мне писать письма к писателям об обмене книгами». Обращения были направ-

²⁷ В качестве года выхода указан 1946, однако книга продавалась уже в декабре 1945 г., как и в случае с «Верой Федоровной»: роман вышел в декабре 1939 г. с указанием 1940.

лены²⁸, например, к Паулю Эйпперу²⁹, Гансу Гейнцу Эверсу³⁰, Густаву Френссену³¹, Людвигу Хуне³², Фрицу Мюллеру-Партенкирхену³³ — популярным писателям того времени, которые сегодня совершенно забыты. После прихода к власти нацистского режима Френссен и Мюллер-Партенкирхен наряду с 86 прочими авторами подписали в октябре 1933 г. «клятву верности» («Gelöbnis treuester Gefolgschaft») А. Гитлеру. Гансу Гримму, автору книги «Народ без пространства»³⁴, Аля Рахманова, предложив свои произведения, написала: «Я, со своей стороны, была бы очень рада обладать чем-нибудь из Ваших прекрасных книг — с посвящением (без посвящения у моего сына и у моего мужа они и так почти все есть)»³⁵. На фотокарточке, которую Аля Рахманова приложила к посылке, написано следующее посвящение: «Дорогому г-ну д-ру Гансу Гримму, великому борцу за права своего народа, с почтением и восхищением»³⁶.

Две короткие выписки, внесенные в дневник 1939 г., сделаны в том же духе. Одна гласит: «Поэты должны быть казначеями своего народа, а не соблазнители»

²⁸ Фотографии в фотоальбоме StATG 9'43, 6.0/13.

²⁹ Пауль Эйппер (Eipper; 1891–1964) — немецкий писатель, известность которому принесли книги о животных, описанных с особой чуткостью («Звери смотрят на тебя» — «Tiere sehen dich an», 1928; экранизировано в 1930), тираж вышедшей в 1936 г. книги «Зента, желтая доггиня» («Die gelbe Dogge Senta») достиг 300 тысяч экземпляров. Неудивительно, что его выбрала как адресата Аля Рахманова, известная любовью к домашним питомцам и написавшая о них книгу [Rachmanowa 1963]. *Примеч. пер.*

³⁰ Ганс Гейнц Эверс (Ewers; 1871–1943) — немецкий писатель, сценарист, путешественник и кабаре-тист, личность крайне экстравагантная. Его популярность во многом обязана мрачной жестокости его произведений, фантастическому и эротическому (даже порнографическому) элементу (последнее время активно переиздаются его сочинения на фольклорно-мифологической подкладке). В нацистскую эпоху позиция Эверса была противоречивой: в 1931 г. он вступил в НСДАП и работал на пропаганду Третьего рейха, однако выступал за равноправие евреев, помогал им с визами для выезда из Германии. Запрет на публикацию его, наложенный в 1934 г., писателю удалось обойти; книга «Прекраснейшие руки мира» (Die schönsten Hände der Welt: Geschichten in der Sonne, 1943) вышла уже после его смерти. Когда Аля Рахманова обратилась к Эверсу, тот давно не печатался — последняя книга до запрета вышла в 1932 г. *Примеч. пер.*

³¹ Густав Френссен (Frenssen; 1863–1945) — немецкий писатель, представитель народного национализма, широко издававшийся и крайне популярный (почитателем Френссена был, в частности, Р.М. Рильке); после 1933 г. его творчество откровенно встает на службу нацистской пропаганде; в послевоенное время практически не переиздавался. *Примеч. пер.*

³² Людвиг Хуна (Huna; 1872–1945) — австрийский романист и драматург. Известен как плодовитый и пользовавшийся признанием автор эротически окрашенных исторических романов. За имевшую особый успех трилогию о роде Борджиа католическая церковь включила писателя в «Индекс запрещенных книг». *Примеч. пер.*

³³ Фриц Мюллер-Партенкирхен (Müller Partenkirchen; 1875–1942) — немецкий прозаик. *Примеч. пер.*

³⁴ Ганс Гримм (Grimm; 1875–1959) — немецкий писатель и публицист. Название его книги «Народ без <жизненного> пространства» («Volk ohne Raum», 1926) превратилось в нацистскую идиому, стало девизом экспансионистской политики национал-социалистского правительства. *Примеч. пер.*

³⁵ Переписка с Г. Гриммом от августа–сентября 1940 г., которая, впрочем, ограничивается обменом авторскими экземплярами, находится в фонде Ганса Гримма в Немецком литературном архиве в Марбахе (DLM): Nachlass Hans Grimm, Signatur: A:Grimm.

³⁶ Посвящение напоминает о записанной в дневнике Али Рахмановой молитве от 26.05.1944: «Помоги Германии победить. Она права. Помоги ей».

лями» — и восходит к Йозефу Магнусу Венеру³⁷. Вторая, из Эрвина Гвидо Кольбенгейера³⁸, также афористична: «Искусство поэзии — это сила жизни». Оба писателя рано и однозначно встали на сторону национал-социализма и Гитлера лично, первый вступил в НСДАП в 1933 г., второй — в 1940 г., оба были отмечены различными наградами нацистского режима. Связаны ли эти цитаты с обменом книгами или просто были выписаны как возможные эпиграфы для будущей книги, установить невозможно. Однако они ясно показывают, что в этот период Аля Рахманова ориентировалась на национал-социалистских авторов. В ежедневнике она записала 19 сентября 1939 г.: «Прекрасная речь Führer'a. Что будет делать Англия?»³⁹

БОРЬБА ЗА ПРИЗНАНИЕ

В то время как Аля Рахманова по собственной инициативе, стараясь привлечь к себе внимание, обращалась к партийным функционерам с книгой «Юрка», она не могла обойтись без членства в писательском союзе — Имперской литературной палате (Reichsschriftumskammer, далее — РСК), если и далее хотела издаваться. Писательница и ее муж (переводчик всех ее книг на немецкий язык, на котором все они и увидели свет) в сентябре 1938 г. одновременно подали заявление о приеме в РСК. Из обоих дел сохранилось лишь досье Арнульфа фон Хойера (Bundesarchiv (Berlin): ehem. BDC RKK 2100/ 0169/ 10). Дело Али Рахмановой летом 1943 г. было затребовано партийной канцелярией Гитлера для ознакомления⁴⁰. По-видимому, потом оно не было возвращено и пропало вместе с прочими актами партийной канцелярии (см.: [Akten 1983, S. X]). Интерес партийной канцелярии к Рахмановой объясняется тем, что ее сочинения использовались в национал-социалистской пропаганде против большевизма. Например, подготовленный писательницей по заданию правительства и отпечатанный в виде брошюры доклад «Повседневная жизнь русского человека. Рай

³⁷ Йозеф Магнус Вена (Wehner; 1891–1973) — немецкий писатель, драматург; был в числе 88 литераторов, подписавших «клятву верности» Гитлеру. Получал ежегодную пенсию от Й. Геббельса. Прессе, называвшей его «нацистом-конъюнктурщиком», возражал, доказывая свою симпатию к нацизму с 1920-х гг. Во время войны выступал как пропагандист на радио, в частности, в 1940 г. с «Обращением к немецкому народу»; записал свой «Гимн Германии». После разгрома гитлеровской Германии его произведения окрашены сильным католицизмом и имеют скорее краеведческий интерес; в Восточной Германии книги Венера были запрещены. *Примеч. пер.*

³⁸ Эрвин Гвидо Кольбенгейер (Kolbenheyer; 1878–1962) — немецко-австрийский писатель, романист, драматург, поэт. Горячий сторонник национал-социализма, пропагандировавший его в устных и письменных выступлениях. После войны был признан виновным («запрет на профессию»), позже вину его «уменьшили», а запрет на занятия литературным трудом сняли. В советской зоне произведения Кольбенгейера вошли в «Список исключенной литературы». *Примеч. пер.*

³⁹ Имеется в виду речь Гитлера по поводу «освобождения» Данцига (Гданьска), с которой он выступил в Артуровом дворе.

⁴⁰ Запрос партийной канцелярии в Имперское управление пропаганды (Reichspropagandaleitung), дело под шифром Regest 44831 (см.: [Nationalsozialismus 2007]).

или ад»⁴¹ предлагался немецким посольствам в союзнических или оккупированных странах для перевода на соответствующие языки⁴².

Заявление Арнульфа фон Хойера было отправлено в венское отделение РСК, которое потребовало различных справок. Согласно политической оценке окружного отдела кадров в Зальцбурге Арнульф фон Хойер после возвращения из СССР вступил в австрийское отделение НСДАП, а также уже тогда входил в национал-социалистский Союз учителей, однако после запрета НСДАП 19 июня 1933 г. вышел из партии и стал членом Христианско-социальной партии (ХСП). К этой информации следует отнестись с осторожностью, так как в письме Карлу Марии Штепану (Stepan) от 4 июля 1927 г. фон Хойер пишет, что вскоре после своего возвращения из советской России он вступил в ХСП⁴³. В заключении характеристики говорится: «Хойер — это человек, который, судя по его поведению, приспособляется к каждому режиму. Политически ненадежен». Ответ на свое заявление от сентября 1938 г. фон Хойер получил почти два года спустя, в августе 1940 г.: ему было сообщено, что, поскольку литературный труд не является его главным занятием, он «освобожден от членства в РСК».

Для Али Рахмановой прием в РСК проходил с еще большими затруднениями и проволочками, чем для ее мужа. Процедура растянулась на четыре года. Из зальцбургских дневников можно выудить некоторые сведения о заключительной фазе этого процесса, а именно, что в июле 1942 г. заявление было отклонено РСК («Один из самых печальных, страшных и мучительных дней моей жизни», 26.7.1942), что Аля Рахманова выступила с апелляцией против этого решения («Одни из тяжелых минут моей жизни эти дни от 26.VII. до 17.VIII. Сначала мучительное составление “Beschwerde” <...>», 17.8.1942) и что апелляция (Beschwerde) оказалась успешной («Один из самых счастливых дней моей жизни. Еще вчера вечером думала я — как было бы хорошо, если пришло бы положительное решение из Reichsschrifttumskammer. И Господь услышал мою молитву — сегодня пришла бумага <...>», 7.12.1942). При отмене негативного решения, быть может, наряду с апелляцией сыграло роль еще одно обстоятельство: Анни Райффенштайн (Reiffenstein), добрая подруга семьи фон Хойер, 22 июля 1942 г. без ведома Али Рахмановой и не зная о том, что ее заявление о приеме отвергнуто, направила девятистраничное письмо Геббельсу, в котором она, как верный член партии, касаясь всех струн и нажимая на все клавиши, выступила в поддержку Али Рахмановой. А. Райффенштайн с полным правом обращает внимание на противоречие между тем, что с началом «русского похода» книги Али Рахмановой оказались текстами, востребованными для антибольшевистской пропаганды, что Аля Рахманова по поручению Министерства иностранных дел составила докладную за-

⁴¹ Das tägliche Leben des russischen Menschen. Paradies oder Hölle. Für die deutsche Informationsstelle 1 Berlin. 12.10.1941.

⁴² Ответы четырех посольств Министерству иностранных дел (Bundesarchiv, Auswärtiges Amt, DIV 711, 996, 1014, 1050).

⁴³ Какова бы ни была партийная принадлежность А. фон Хойера, он попытался ее скрыть: в анкете для приема в РСК на вопрос: «К каким политическим партиям вы ранее принадлежали?» — следует ответ: «Ни к каким».

писку о ситуации в Советском Союзе⁴⁴, — и тем фактом, что ее произведения запрещены к публикации. Корреспондентка Геббельса просит его узнать, кем или какой инстанцией было вынесено запрещение, и спрашивает, не пришло ли оно из Зальцбурга и не было ли оно, может быть, вынесено по настоянию какого-нибудь завистливого собрата по перу.

По поводу ситуации, изображенной Анни Райффенштайн, и поставленных ею вопросов мы можем внести известную ясность, хотя некоторых деталей все еще недостает. Когда был вынесен запрет, известно достаточно точно. Аля Рахманова 11 октября 1939 г. пометила в своем ежедневнике: «Reinermann <служащий издательства “Пустет”>... сказал, что книги почти запрещены», а 30 ноября добавила: «Запрещена трилогия». Указанные даты позволяют заключить, что запрет был вынесен в связи с заключением пакта между Гитлером и Сталиным в августе 1939 г. Гитлеровская Германия не хотела отягощать отношения с союзником — СССР — выпуском литературы явно антисоветского характера. Правда, возникает вопрос, почему имя Рахмановой отсутствует в официальном, хотя и секретном «Списке вредных и нежелательных книг» [Liste 1979] и в официальном, предназначенном для книготорговцев «Списке печатных изданий, не рекомендованных для молодежи и для библиотек» [Liste 1943]. Этот факт объясняется тем, как регулировались запреты (см. об этом подробнее: [Aigner 1970]). В 1939 г. отдел литературы (отдел VIII) геббельсовского Министерства пропаганды стал центральной инстанцией по вопросам запретов. Он был так хорошо организован, что отпадала нужда в официальных запретах: путем неформальных контактов с издательствами этот отдел добивался того, что нежелательные книги вообще не выходили. Поскольку Аля Рахманова была проинформирована издательством о запрете ее книг, с большой долей вероятности можно заключить, что это произошло в результате вмешательства в австрийскую издательскую политику из Берлина.

После нападения гитлеровской Германии на Советский Союз соображения осторожности как основание для запрета заведомо устарели. Напротив, с началом войны возник спрос на литературу, которую можно было использовать против Советской страны и ее коммунистической системы. Произведения Али Рахмановой вновь оказались желательными, и их рекомендовали к допечатке. Кажется вероятным, что это произошло и после приема Али Рахмановой в РСК, потому что 23 марта 1943 г. она написала Александру: «Мы уже писали тебе, что наши книги разрешены. Мы были этому очень рады. Оба издательства⁴⁵ уже подали прошение о бумаге». Остался ли этот план нереализованным по техническим причинам (нехватка бумаги), или, возможно, повлияло обострившееся военное положение, или по-прежнему вмешательство исходило из кругов, которые, невзирая на членство Али Рахмановой в РСК, пытались воспрепятствовать выходу ее книг? По крайней мере, еще в первые месяцы 1944 г. она пишет о действии запрета. Тяжелым ударом для писательницы стало известие о том, что Министерство пропаганды либо

⁴⁴ Анни Райффенштайн упоминает лишь недатированный доклад «Распад семьи в советском государстве». Упомянутый выше «Рай или ад» остался ей неизвестен.

⁴⁵ «Anton Pustet» и «Otto Müller».

вермахт без запроса и без разрешения перевели на русский язык две ее первые дневниковые антибольшевистские книги и распространяли их на оккупированных русских территориях. Как Аля Рахманова узнала о пиратском переводе, что пережила, как тщательно сравнила перевод с оригиналом — немецким переводом ее русской рукописи — и как прокомментировала этот перевод — об этом рассказано в отдельной статье [Riggenbach, Marti 2008].

«ПЕРЕРАБОТКА» ПРОШЛОГО

В последние годы войны литературное творчество Али Рахмановой и ее стремление к общественному признанию отошли на задний план из-за того, что война все сильнее вторгалась в повседневную жизнь. К этому прибавились еще проблемы со здоровьем, падения, описанные в дневнике от 10 марта и 26 сентября 1944 г., и их последствия, а также постоянные заботы и тревоги о муже и еще более — о сыне. В конце войны пришла беда, которую Аля Рахманова предвидела, которую пыталась отвести молитвами и закланиями и которая оказалась неотвратимой: на Страстной неделе 1945 г. Александр погиб в битве за Вену⁴⁶. Очевидно, Аля Рахманова предчувствовала несчастье, потому что 2 апреля, когда Александр был уже мертв, она, не зная о его смерти, записала в дневнике:

До того все печально, до того ужасно — как еще никогда не было за всю мою жизнь. 3 дня плакала не осушая глаз. А сегодня спокойна. Спокойна как человек стоящий перед ледяным лицом Смерти.

Я плакала о Шурочке. О нашем единственном ребенке. Большевики уже около Wiener Neustadt. Где Шурочка? Где мой бедный котенок, цыпленочек мой <?>

10 апреля в церкви Св. Троицы отслужили заупокойную мессу по Александру, а 14 апреля супруги фон Хойер на поезде покинули Зальцбург в направлении Швейцарии. После многотрудного путешествия и неудавшихся попыток нелегально перейти границу фон Хойеры 22 апреля попали в Швейцарию в числе других пяти тысяч пятисот беженцев, которые между 21 и 25 апреля пересекли границу в районе Шаффхаузена. Среди них было немало соотечественников Али Рахмановой — граждан обоего пола, угнанных на принудительные работы в Германию, и военнопленных. Больные и истощенные, многие из них не дожили до конца войны (см.: [Battel 2000, S. 266ff.]). Чета Хойер после быстрого медицинского освидетельствования была отправлена из Шаффхаузена в глубину страны, в Винтертур, и временно размещена в школе Лёвен (Löwenschule). Так начался со-

⁴⁶ Согласно сообщению Германской службы оповещения ближайших родственников о павших в рядах бывшего немецкого вермахта, дата смерти Александра — 31 марта 1945 г. Это была Страстная суббота (по католическому календарю). В обрушившемся на нее горе для Али Рахмановой, может быть, было утешением то, что смерть сына совпала с днями страданий и воскресения Спасителя и тем самым передала его душу в мир иной.

вершено новый период жизни для писательской четы, которая в лучшие времена — перед аншлюсом Австрии — привыкла к успеху.

Как уже упоминалось, после бегства в Швейцарию Аля Рахманова очень скоро опубликовала двухтомное сочинение «Один из многих» [Rachmanowa 1946, I–II]. Хотя основной упор в книге сделан на биографию погибшего сына, в ней рассказывается история семьи фон Хойер в зальцбургские годы и тем самым продолжается дневниковая трилогия, однако уже не в форме дневника. Благодаря публикации записей 1942–1945 гг. [Riggenbach 2015] впервые возникает возможность сравнить аутентичные дневники и художественные произведения, созданные на их основе. Начиная с главы «Зальцбургские дни культуры» второй том «Одного из многих» во временном отношении совпадает с опубликованными оригинальными дневниками. При чтении этих глав наталкиваешься на некоторые факты и события, которые Аля Рахманова зафиксировала и в своих ежедневных записях. Два довольно пространных сюжета изложены уже в них: история о бездомном котенке Уши ([Rachmanowa 1946, II, S. 243–247], записи от 12–15 октября 1943 г.) и глава «Ночной визит» ([Ibid., S. 327–341], запись от 7 февраля 1945 г.). Однако версия последней встречи с Александром в книге в шесть раз обширнее первоначального текста.

Несмотря на бесспорную связь дневниковой и романной версий, при ближайшем рассмотрении обнаруживаются существенные различия. В «Одном из многих» Аля Рахманова умалчивает об усилиях, которые она предпринимала, чтобы обрести признание в Третьем рейхе, о своих контактах с национал-социалистами, о своих упорных, возымевших в итоге успех попытках быть принятой в РСК. Прокламируемая в дневнике симпатия к Германии, заклинания о том, что Германия выстоит, и молитвы о победе вермахта, а в одном случае — и откровенно о победе Гитлера (10.8.1944) в книге опущены. Еще 24 января 1945 г. Аля Рахманова выражала в дневнике веру в чудо немецкой победы. В романе, напротив, заранее высказывается понимание, что войну нельзя выиграть и, значит, людей бессмысленно приносят в жертву. При чтении книжного описания разговоров в семье фон Хойер и в кругу их знакомых создается впечатление о критическом отношении к национал-социализму, особенно у Александра. В связи с событиями 20 июля 1944 г. (заговор Штауффенберга) он даже высказывает симпатии заговорщикам и сожалеет, что Гитлер не был убит [Ibid., S. 277]. Этому противостоит следующий пассаж из дневника от 11 мая 1944 г., в котором Александр наставляет своего друга Эрвина Райффенштайна на путь истинный:

Вечером <...> он держал ему Vortrag⁴⁷ о необходимости войны до конца, до победы, о правоте Германии, о необходимости борьбы с большевизмом и о значении национал-социализма в этой борьбе.

Anni сказала мне: Я очень люблю своего сына, но я на стороне твоего сына и завидую тебе. Он знает, зачем он живет, и у него есть почва под ногами, он знает, за что борется Германия!

⁴⁷ Лекцию (нем.). Калька с нем. «Vortrag halten», букв. «держат доклад, лекцию». *Примеч. пер.*

С другой стороны, в романе гиперболизированно изображается несправедливость, какую действительно претерпела писательница Аля Рахманова, чьи книги были запрещены к печатанию в то время, когда национал-социалистское государство пользовалось ее произведениями в пропагандистских целях. Теперь Аля Рахманова живописует это так, словно существовала угроза ее жизни. Например, приведены слова эсэсовца Вальтера, который, основываясь на данных для служебного пользования, настоятельно советует автору покинуть Зальцбург и скрыться:

Ведь я по службе имею дело с людьми, которые в гестапо должны вами заниматься. Я все время пытался повлиять на этих людей в ваших интересах, однако, когда они только слышат ваше имя, приходят в ярость. Тем, что с вами еще ничего не произошло, вы обязаны только тому обстоятельству, что вы слишком хорошо известны, особенно за границей [Rachmanowa 1946, II, S. 136].

После разговора с эсэсовцем Аля Рахманова приходит к выводу, что общество, в котором она живет, делится на две группы: те, которые уже сидят в концлагере или в тюрьме, и те, кто «одной ногой уже стоит в застенке. К этой группе относимся мы — пока, по крайней мере, но, может быть, и мы в один прекрасный день вдруг будем перемещены в первую группу» [Ibid., S. 139]. Как идеологического врага номер один Алю Рахманову выставляет также один из выступающих на партийном собрании [Ibid., S. 277ff.].

В результате изображения себя в роли жертвы Але Рахмановой удалось убедить читателя, что ее преследовали при национал-социализме, и создать образ гонимой писательницы. Некоторые обстоятельства говорят против такой самоаттестации. Несмотря на трудности, которые чинили ей представители властей после аншлюса Австрии, Аля Рахманова все же опубликовала две книги и написала, между прочим, два реферата для Министерства иностранных дел. Кроме того, следует задуматься еще вот о чем. Когда Аля Рахманова жалуется на запрет издаваться, она сокрушается еще и потому, что она не у дел, что ей недоступна активная роль в национал-социалистской системе⁴⁸. Это ясно видно из дневниковой записи от 17 мая 1942 г. А. Рахманова упоминает о приезде в Зальцбург национал-социалистского писателя Эдвина Эриха Двингера⁴⁹: «Он был пригла-

⁴⁸ Яркую параллель в этом отношении представляет судьба художника Эмиля Нольде (Nolde; 1867–1956), картины которого в конце 1930-х гг. могли быть показаны только для осмеяния на выставке «Дегенеративное искусство». В 1941 г. он был исключен из Имперской палаты изобразительных искусств и подвергнут запрету на профессиональную деятельность. Исключение Нольде и отклонение заявлений на прием А. Рахмановой в РСК сделаны в почти идентично звучащих формулировках. Нольде был подвергнут остракизму, хотя он много лет совершенно сознательно исповедовал национал-социализм и хотел, как художник, влиться в национал-социалистское движение и даже играть ведущую роль в искусстве. Сразу после войны и Нольде, и Рахманова старались заглушать свое отношение к национал-социализму и, напротив, изобразить себя жертвами нацизма — Рахманова книгой «Один из многих», а Нольде — вычеркиваниями в автобиографии. О Э. Нольде см.: [Koldehoff 2013].

⁴⁹ Эдвин Эрих Двингер (Dwinger; 1898–1981) — немецкий писатель национал-социалистской ориентации, имеющий в судьбе и творчестве немало общего с Алей Рахмановой. В юности, будучи военнопленным, он пережил все ужасы русской революции и Гражданской войны, в европейской части России и в Сибири,

шен на Kulturtagen НЈ, как “Ehregast”⁵⁰. Нас вообще не пригласили, как и всегда». В соответствующем пассаже в книге описывается, что в Зальцбург собираются деятели культуры со всего Германского рейха, «как пишет газета, из жителей города приглашены все, кто имеет какое-либо отношение к искусству, литературе и музыке, — только не мы» [Ibid., S. 128]. Но у Али Рахмановой было не так много врагов. Среди ее высокопоставленных посетителей и многочисленных дворянских фамилий, с которыми она поддерживала контакт, были и те, кто выступал в поддержку писательницы. Венский адвокат Роберт Майкснер (Meixner), которого А. Рахманова, очевидно, проинформировала об отказе, полученном из РСК, писал ей 30 июля 1942 г.: «Если влияние господ доктора Райнера <гауляйтера> и доктора фон Шееля <преемника Райнера> будет недостаточно, нам придется искать еще более высоких защитников». Без заступничества верхов отрицательное решение РСК едва ли могло бы быть отозвано.

Сравнение аутентичных дневников и «Одного из многих» приводит к однозначному выводу: Аля Рахманова, в точном соответствии с литературным рецептом М.Л. Кашниц, процитированным в эпитафии, «препарировала» отрывки из дневника для своих целей. Целью же Али Рахмановой было изобразить свое поведение в годы национал-социализма в выгодном для себя свете.

Сопоставляя аутентичные дневники 1942–1945 гг. и двухтомник «Один из многих», нетрудно увидеть, по какому образцу неизменно строились автобиографические произведения Али Рахмановой. Подобно тому как она изображала и истолковывала свое зальцбургское житье из Швейцарии, так и прежде, находясь в Зальцбурге, она описывала и интерпретировала свои русские годы, начиная с осени 1916 г. Эту беллетризованную и идеологизированную ретроспекцию необходимо учитывать всем, кто занимается личностью Али Рахмановой. В особенности это касается использования дневниковой трилогии как исторического источника⁵¹, не потому, что описанные там события не имели места, а потому, что из фактов, которые молодая женщина Галина фон Хойер заносила в свои дневники, много лет спустя писательница Аля Рахманова изготавливала литературные произведения. И это еще слабо сказано, ведь мистификация охватывала разные стороны книги и, например, в романе «Один из многих» предисловие Али Рахмановой, написанное от руки (в книге воспроизведено факсимиле), внушает читате-

навсегда возненавидев большевиков. Подобно Але Рахмановой с ее «русскими дневниками», он прославился своей трилогией «Немецкие страдания» (в оригинале использовано слово, означающее «страсти» в евангельском смысле, ср. «страсти Христовы»: «Die deutsche Passion»; 1929–1930). В основе книги Двингера также лежат дневниковые записи о плене и возвращении на родину. В годы Второй мировой войны оберштурмфюрер СС Двингер, как знаток России, получал специальные задания от Г. Гимmlера для описания положения на оккупированных территориях. Свои впечатления о поездках на передовую он обобщил в книге «Свидание с Советской Россией. Дневниковые записи с Восточного фронта» («Wiedersehen mit Sowietrusland. Tagebuch vom Ostfeldzug», 1942). *Примеч. пер.*

⁵⁰ На дни культуры гитлерюгенда как почетный гость (*нем.*).

⁵¹ В изданной Паулем Ротенхойслером и Гансом-Ули Зондерэггером книге «Воспоминания о красном холокосте. Интеллигенция: измена века» Аля Рахманова оказывается важнейшей из трех свидетельниц. В книге перепечатываются в качестве документального источника выдержки из первых двух томов дневниковой трилогии и из романа «Фабрика нового человека» [Rothenhäusler, Sonderegger 1999].

лям уверенность в документальном характере произведения. Книга провозглашается одновременно жизнеописанием и книгой памяти.

БЕГСТВО БЕЗ ВОЗВРАЩЕНИЯ

Бегство из Зальцбурга, вкратце описанное выше, представляет собой второй значительный перелом в жизни писательницы. В отличие от высылки из Советского Союза, о бегстве в архиве нет документов, что вполне объяснимо ситуацией. Дневник заканчивается записью от 4 апреля 1945 г., а автобиографический роман «Один из многих» — известием о смерти Александра, помещенным под 5 апреля. Последние дни в Зальцбурге подробно описаны в рукописном «Моем швейцарском дневнике». Поскольку этот текст, как и дневниковая трилогия, является беллетризованным эго-документом, к нему следует относиться с осторожностью. В качестве мотива для бегства из Зальцбурга в дневнике ясно указывается панический страх Али Рахмановой перед приближающейся Советской армией:

Большевики идут все ближе и ближе. <...> И теперь где-то уже только несколько сотен километров — извивается змея, которая шевелит жало свое и хочет погубить нас. А хочется жить! (24.1.1945).

К объявленному всех страху присоединяется также страх личной встречи с соотечественниками в облике красноармейцев:

Холод и отчаяние наполняют душу мою, когда я думаю, что лицом к лицу встречу с большевиками... Я напугана ими раз и навсегда. 19 лет — они были моим кошмаром. Ужасно. Страшно подумать! (12.2.1945).

Однако советские войска не дошли до Зальцбурга. Не повторилась ли в поспешном бегстве из насиженного Зальцбурга в известной степени ситуация с отъездом из Советского Союза? Правда, тогда на руках имелось распоряжение о выдворении из страны, и поэтому было бы несправедливо рассматривать выезд из Советского Союза как бегство. И все же в обоих событиях есть нечто общее. Вспомним, в частности, о неоднократном требовании Пермского университета, чтобы Хойер незамедлительно вернулся к месту службы, откуда он не отпросился, уезжая. Когда же Арнульф фон Хойер обращался из Швейцарии в Зальцбург по поводу выплаты пенсии, в ответных письмах ему указывалось на то, что он вообще не оформил уход со службы.

В «Одном из многих» Аля Рахманова вводит в действие еще один мотив бегства. В главе «Ночной визит» Александр настоятельно просит родителей уехать в Швейцарию [Rachmanowa 1946, II, S. 332–338]. С подобным обоснованием бегство оказывается исполнением последнего желания павшего сына. Поскольку, однако, в написанном по горячим следам дневнике подобная просьба не упоминается, то можно с достаточной уверенностью предположить, что этот мотив был добавлен

позже и послужил оправданием. В «Моем швейцарском дневнике» мотив бегства, обусловленного сторонним воздействием, получает дальнейшее развитие. Врач и владелец частной клиники доктор Виктор Верле (Wehrle) видит в спасении супругов Хойеров свою миссию и рассматривает себя при этом как посредник между умершим Александром и его родителями. Под влиянием антропософских идей Верле Аля Рахманова расценивает бегство как фатальную необходимость. Весьма кстати, что и квартиросъемщик Колалис, родом из Прибалтики, предлагал вместе уехать в Швейцарию. Еще одна версия бегства — неизвестного происхождения — обнаруживается на обороте суперобложки биографической книги Ильзе Штар [Stahr 2012]: «Нацистский режим понуждает преследуемую судьбой чету Хойер к внезапному отъезду в Швейцарию». Для этого утверждения нет никаких оснований. Если бы это было так, то после войны Аля Рахманова с полным правом сообщила бы об этом всему свету.

Приближающийся крах Третьего рейха по различным причинам побудил массы людей покинуть места их проживания. Поскольку для Али Рахмановой и ее мужа единственным внятным резонансом для бегства мог быть страх перед приходом русских, настораживает, что в своих произведениях она выдвигает аргументы, которые не имеют ничего общего с подлинной причиной бегства и выглядят вполне искусственно. Стоит задуматься, не было ли бегство обусловлено излишне тесной близостью к национал-социализму и, следовательно, страхом перед возможными последствиями этих теплых отношений. Ведь если бы Хойеры не скрылись, им неминуемо пришлось бы отвечать на вопросы об их жизни в Зальцбурге в годы Третьего рейха. По крайней мере, Арнульф фон Хойер был бы обязан зарегистрироваться как член национал-социалистского Механизированного корпуса и подвергнуться процессу денацификации. Вопрос о том, как развивалась бы писательская карьера Али Рахмановой в том случае, если бы она осталась в Австрии, представляется праздным. С уверенностью, однако, можно сказать, что непосредственно после войны она не могла бы в Австрии опубликовать свои книги — в отличие от Швейцарии, — так как вплоть до 1950 г. в Австрии нельзя было перепечатывать ее прежние книги. В Швейцарии, напротив, изданием двух томов «Одного из многих» Але Рахмановой удалось дать новый старт своей литературной карьере. Однако даже в Швейцарии издатель Макс Рашер (Rascher) задавал писательнице неудобные для нее вопросы о политической позиции в гитлеровское время, от которых Аля Рахманова яростно отбивалась примерами понесенной несправедливости и пережитых преследований [Ibid., S. 135].

Вслед за вопросом о причинах бегства неизбежно встает вопрос о том, почему чета фон Хойер не вернулась в Зальцбург, когда стало известно, что он не вошел в советскую зону оккупации и опасность прямого контакта с русскими миновала. Впрочем, в корреспонденции после 1945 г. заходит речь о возвращении. В недатированном письме Райтерам⁵² говорится, в частности, что Дурххальтер⁵³ может

⁵² Алоизия и Антон Райтеры (Reiter) занимали нижний этаж дома 41 на Гизелакай и были старинными приятелями четы Хойер в Зальцбурге.

⁵³ Актер и кинопродюсер Франц М. Дурххальтер (Durchhalter) и его жена в конце войны занимали часть квартиры фон Хойеров на Гизелакай, 41.

занять комнату Колалиса, «однако только до нашего возвращения, потому что после этого мы планируем сами жить в комнате для прислуги». Факты же говорят о другом: уже в 1948 г. фон Хойеры построили собственный дом в Эттенхаузене, в ранее существовавшей общине кантона Тургау, а в 1951 г. продали виллу на Гизе-лакай своим квартиросъемщикам, упоминаемым в дневниках.

До сих пор нет окончательного объяснения, почему фон Хойеры не вернулись. Среди многих аргументов, почему они остались в Швейцарии, возможность свободной публикации кажется достаточно веским резонансом. Но не меньше аргументов возникает и в пользу возвращения, например: оставленная вилла на Зальцхале, сам прекрасный город с его культурой и библиотеками. Между тем вопрос — возвращаться или оставаться — обретает определенную остроту, поскольку Аля Рахманова и ее муж до конца своей жизни никогда больше не бывали в Зальцбурге, даже при погребении останков их сына в 1947 г. Неукоснительное игнорирование Зальцбурга загадочно, так как Хойеры сильно тосковали по нему [Rachmanowa 1999] и город оставался идеальным *locus amoenus* в их жизни, воплощенной и утраченной мечтой. Потому и урны с их прахом также были перевезены в Зальцбург. Невольно задаешься вопросом, не играло ли роль в этом самоограничении сознательное или бессознательное признание того, что Хойеры слишком обратили на себя внимание позитивным отношением к нацистскому режиму и что поэтому они не хотели бы встречаться со многими друзьями и знакомыми в Зальцбурге лицом к лицу. Вопрос остается открытым, однако еще могут быть найдены документальные свидетельства послевоенного поведения потерявших сына фон Хойеров.

Известный и полюбившийся читателям облик Али Рахмановой в очень значительной степени сформирован ею самой, поскольку почти все, что до сих пор было о ней написано, восходит к ее автобиографическим сочинениям и собственным признаниям. С одной стороны, в этом облике проступает в иконоподобных чертах путь испытаний и страданий. Эпиграф, предваряющий книгу «Лжецарица» [Rachmanowa 1954], почерпнутый из собственного «Швейцарского дневника» писательницы, начинается так: «В моей жизни, полной страданий и лишений <...>». Арнульф фон Хойер пишет о своей жене в подобных же выражениях: «Заботы, волнения, лишения и преследования выпали ей на долю с избытком <...>» [Hoeyer s.a.]. С другой стороны, в литературных автопортретах писательницы первостепенное значение придается моральным и религиозным ценностям. Прочитав еще раз А. фон Хойера: «Произведения Али Рахмановой проникнуты высоким и чистым этосом, глубокой верой и пламенной любовью к людям» [Ibid.]. Этот облик Рахмановой усвоен прессой и на протяжении десятилетий распространяется в многочисленных статьях и обсуждениях. Теневые стороны и противоречия ее натуры и поведения, которые проявляются в аутентичных дневниках, демонстрируют менее возвышенную, но куда более достоверную, более человеческую картину. В одном автобиографическом тексте 1930-х гг. она пишет, что ведение дневников привело ее к пониманию того, «что люди должны восприниматься такими, каковыми они действительно являются в своей глубинной сущности, потому что только тогда в них можно найти действительно человеческое» [Wer ist

Alja Rachmanowa⁵⁴ 1935]. Эти слова в приложении к самой писательнице могли бы стать эпиграфом для нового историко-литературного подхода к творчеству и личности Али Рахмановой.

ФАКТЫ И ГИПОТЕЗЫ ОБ ОРИГИНАЛЬНЫХ РУССКИХ ДНЕВНИКАХ

Аля Рахманова не только ежедневно фиксировала свои впечатления, настроения, встречи и разговоры — она сохраняла и всякую всячину повседневной жизни. В дневники и записные книжки она вкладывала записки-памятки о покупках, медицинские рецепты, квитанции, засушенные цветы, корреспонденцию и так далее. Об этом свидетельствует архивное наследие писательницы. Аля Рахманова эксплицитно позиционировала себя как натуру собирательскую. Так, она записала в дневнике одну из бесед с упомянутым доктором Верле и его женой: «Разговаривали о том, что я собираю все. <...> Я люблю свое прошлое и хочу сохранить все, все. <...> От Шурочки я собрала все его тетради, все мелочи его жизни» (14.1.1945). В полном соответствии с этим признанием Аля Рахманова хранила также материалы своего литературного труда, от предварительных набросков до различных версий машинописных вариантов — по-русски в оригинале и в переводе на немецкий язык, вплоть до верстки.

Документы, касающиеся истории возникновения некоторых произведений, особенно биографий⁵⁵, сохранились почти полностью. Тем более удивительно, что оригинальные рукописные дневники, которые послужили основой для автобиографических произведений, отсутствуют. Конечно, в архиве отложился значительный массив русских дневников, но они по большей части относятся к послевоенному времени (швейцарскому периоду). Из дневников, написанных в России, оказались сбереженными лишь подробно записанные наблюдения о развитии Александра, от его рождения до июня 1923 г., а от зальцбургского времени остались записи с 1937 г. до отъезда в Швейцарию⁵⁶. Но где же остальные русские

⁵⁴ Статья, включающая интервью писательницы, озаглавлена вопросом: «Кто такая Аля Рахманова?». *Примеч. пер.*

⁵⁵ Das Leben eines grossen Sünders (Ein Dostojewski-Roman) [Житие великого грешника (Достоевский)]. Benziger & Company AG.: Zürich: 1947: 2 Bd.; Ssonja Kowalewski. Leben und Liebe einer gelehrten Frau [Жизнь и любовь ученой женщины]. Zürich: Rascher, 1950; Die Liebe eines Lebens: Iwan Turgenjew und Pauline Viardot [Любовь всей жизни: Иван Тургенев и Полина Виардо]. Frauenfeld: Huber, 1952; Die falsche Zarin. Prinzessin Elisabeth Tarakanowa, Rivalin Katharinas der Großen [Лжецарица. Княжна Елизавета Тараканова, соперница Екатерины Великой]. Frauenfeld: Huber, 1954; Im Schatten des Zarenhofes: Die Ehe Alexander Puschkins [В тени царского двора: Брак Александра Пушкина]. Frauenfeld: Huber, 1957; Ein kurzer Tag: Das Leben des Arztes und Schriftstellers Anton Pawlowitsch Tschschchow [Короткий день: Жизнь врача и писателя Антона Павловича Чехова]. Frauenfeld: Huber, 1961; Tschaikowskij: Schicksal und Schaffen [Чайковский: Судьба и творчество]. Wien; Berlin: Paul Neff, 1972.

⁵⁶ В публикацию зальцбургских дневников [Rachmanowa 2015] 1934–1940-е гг. не вошли: записи в эти годы велись нерегулярно, порой в дневник заносились только ключевые слова, и тематически он также ограничен — в 1937 г. записи касаются поездок с выступлениями, в 1938–1940 гг. — преимущественно развития Александра, а за 1941 г. — полностью отсутствуют.

дневники? Возможно, ключ к ответу на этот до сих пор неразрешенный вопрос стоит искать в эпизоде, относящемся к началу творческого пути Али Рахмановой.

Когда нью-йоркское издательство «Джон Дей» («John Day») задумало опубликовать перевод книги «Студенты, любовь, ЧК и смерть», оно, судя по всему, усомнилось, является ли произведение подлинным дневником. Издательство попросило Глеба Боткина⁵⁷ прочесть книгу «in order to verify authenticity» («чтобы подтвердить подлинность» [Rachmanova 1932c, p. V]). Глеб Боткин сопроводил свой отзыв письмом, которое перепечатали вместо предисловия к названной «Бегство от террора» американизированной версии романа А. Рахмановой. Вывод приглашенного эксперта гласил: «This diary is true — so obviously, so grippingly true — that for a Russian it is impossible to read it without living every word of it»⁵⁸ [Idid.]. Более того: американское издательство обратилось также к издательству «Антон Пустет» в Зальцбурге и потребовало проверки дневника. Результатом стал аффидавит (нотариально заверенное удостоверение) от 9 июня 1932 г., которое факсимильно воспроизведено в книге:

This is to certify <...> that we have seen the original Russian diary upon which the <Studenten, Liebe, Tscheka und Tod> is based, and that we believe it to be a true diary written by Alja Rachmanowa at this time stated and under the circumstances mentioned in the text of the published volume and that the latter is an accurate translation of the Russian original, and that the reproductions attached hereto were to our certain knowledge made directly from the pages of the original.

(Настоящим удостоверяем <...> что мы действительно видели подлинный русский дневник, на котором она <книга «Студенты, любовь, ЧК и смерть»> основана, и что мы уверены, что это настоящий русский дневник, написанный Алей Рахмановой в указанное время и при обстоятельствах, упоминаемых в тексте вышеназванного тома, и что последний является точным переводом русского оригинала, а прилагаемые при сем копии непосредственно воспроизводят, как нам доподлинно известно, страницы дневника).

⁵⁷ Сын Евгения Сергеевича Боткина (1865–1918), лейб-медика (с 1908 г.) Николая II, расстрелянного вместе с царской семьей, Г.Е. Боткин (1900–1969) эмигрировал в 1918 г. в Японию, откуда в 1922 г. переехал в США; там разошелся с эмигрантским истеблишментом, прежде всего с монархически настроенной его частью. В Америке зарабатывал на жизнь художественной иллюстрацией, фотографией; занимался журналистикой. Стал основателем неоязыческой «церкви Афродиты». Славу ему принесли изданные посмертно иллюстрации (создававшиеся в 1911 г. на яхте «Штандарт» и в Крыму, затем в 1917 г. в Тобольске и доработанные в 1930-е гг.) к «сказкам для царских детей», иносказательно изображавшие жизнь царского двора («Lost tales: stories for the Tzar's children», 1996). *Примеч. пер.*

⁵⁸ «Этот дневник правдив — столь явно, столь захватывающе правдив, что русский человек не может читать его, не переживая каждое слово» (*англ.*). До какой степени Г. Боткин мог заблуждаться, показывает случай Франциски Шанцковской, alias Анны Андерсен, которая выдавала себя за великую княжну Анастасию Николаевну (Глеб Боткин, введенный отцом в царскую семью в 1911 г., особенно дружен был именно с Анастасией). Г. Боткин стал ее импресарио, десятилетиями старался помочь психически больной женщине быть признанной единственным выжившим членом императорской семьи.

Документ подписан руководителем издательства Отто Мюллером и двумя свидетелями, из которых один, зальцбургский книготорговец Людвиг Мора (Mora), слыл знатоком языков. Упомянутых копий нет в архиве, ведь они были предназначены для Америки, куда их и отослали. При проверке речь шла скорее о формальностях: было установлено, что имеются дневниковые записи, написанные по-русски, за период с 1915/16 по 1920 г. Однако г-н Мора едва ли имел возможность детально сравнить рукопись с напечатанным текстом так, как Аля Рахманова сравнила русский перевод своей первой книги с немецким источником [Riggenbach, Marti 2008]. Проверка могла стать для четы фон Хойер тревожным звоночком. Что делать, если издательство или какое-нибудь иное учреждение заново потребует более тщательной проверки дневников и степени совпадения оригинала и перевода? Надежнее всего казалось уничтожить оригинал. Правда, тогда следовало отыскать объяснение, куда девалась русская рукопись. Но для фантазии ведь не существует границ. Кроме того, это радикальное решение имело бы дополнительный эффект, ведь теперь переводы Арнульфа фон Хойера стало невозможно сопоставить с оригиналом.

Сходным образом, как свидетельствует архив Али Рахмановой, исходный материал был устранен не только для «Студентов», но и, с двумя исключениями, для прочих автобиографических произведений. Первое исключение касается книги «Юрка. Дневник матери»: душевная связь писательницы с содержанием была столь сильной, что она просто не смогла расстаться с оригиналом. Была и еще причина, чтобы сохранить оба прекрасно переплетенных рукописных журнала: потенциал содержащихся в них дневниковых записей не был исчерпан книгой «Юрка». Книга о первом годе жизни Александра в сравнении с оригиналом сильно сокращена, а второй, гораздо более обширный том дневниковых записей (511 страниц), хотя и переведен (833 страниц), однако остался неопубликованным. Другим исключением стали зальцбургские дневники военных лет. Они примерно на треть пересекаются с книгой «Один из многих». Оригинальные дневники к двум другим третям также не сохранились. Не исключено, что Аля Рахманова намеревалась еще как-то использовать сохранившиеся части дневника. Можно предложить и такое объяснение: сохранившиеся зальцбургские дневники охватывают тяжелый для Али Рахмановой период от аншлюса Австрии до горького конца войны. Возможно, Аля Рахманова держалась за эти дневники, чтобы доказать, как тяжело ей приходилось. При этом она, однако, не учла, что наряду с документированием военных событий и тяжелых жизненных обстоятельств в дневнике содержатся компрометирующие семью факты. В жизни писательницы, совершенно по-библейски, семи годам голода противостояли семь лет изобилия, от начала ее карьеры в 1931 г. вплоть до аншлюса. Практически все аутентичные следы этого доброго времени стерты.

Наряду с рукописями автобиографических произведений отсутствуют также их русские машинописные экземпляры, хотя и не полностью. От юношеских воспоминаний сохранилось лишь несколько отпечатанных на машинке страниц, однако есть машинопись, в которой описывается анонсированное в конце книжечки «Тайны татар и загадки божков» путешествие на Кавказ и в Крым; это продолжение юношеских приключений осталось неопубликованным.

Один поступок, как кажется, явно подтверждает предположение о систематическом устранении рукописных источников. Уезжая в Швейцарию, фон Хойеры захватили чемодан с дневниками. Поскольку им пешком предстояло с тяжелым грузом пройти большие расстояния, они сначала заехали к дружественной семье на немецкой стороне Боденского озера⁵⁹ и оставили там чемодан. Эти дневники, востребованные после войны, целы и поныне. В багаже, однако, находилось еще кое-что: «Мой муж сделал микрофильм⁶⁰ с нескольких дневниковых тетрадей, из-за воздушных налетов, так как в том случае, если бы дневники были уничтожены или потеряны, по крайней мере сохранились бы снимки. Некоторые годы остались, разумеется, неотснятыми, но это все же лучше, чем ничего» (Мой швейцарский дневник, с. 82–89).

То, что эти «микрофильмы» Аля Рахманова использовала при работе над книгой «Один из многих», доказывают хранящиеся в ее архиве выдержки из записей 1935–1936 гг. Хотя и теплилась надежда найти в архиве среди сотен фотопленок снимки записей 1930-х гг., но все же оказалось, что и в этом случае был произведен своего рода бракераж, т. е. и снимки — как ранее рукописные автографы — были, очевидно, уничтожены, и тем самым доступ к аутентичным дневникам был окончательно исключен.

Оригинальные источники произведений, по всей видимости, последовательно уничтожались всякий раз после выхода книги. По поводу обнаружения пиратского перевода на русский язык Аля Рахманова сокрушалась: «Почему не обратились ко мне за русским манускриптом?» (записи в дневнике от 11 и 20 октября 1942 г.). Под «манускриптом», безусловно, имеется в виду не оригинальный дневник, а русская машинопись его беллетризованной версии как источник немецкого перевода. А это значит, что машинопись в 1942 г. была еще цела. По всей вероятности, в сборах перед бегством отсортировывались как ненужные рукописные и отпечатанные на машинке тексты уже изданных книг («Студентов», «Браков в красном вихре»), а также дневниковые тетради, которые Арнульф фон Хойер уже сфотографировал. Дольше всего хранились, вероятно, материнские записи, на основе которых возникла книга «Юрка осваивает Вену» [Rachmanowa 1951]. Речь при этом шла либо о пассажах, касающихся Александра в венских дневниках, которые легли в основу также и «Молочницы», либо об отдельных записях о сыне, как, например, сохранившиеся за 1938 г.

Эти гипотезы — всего лишь попытка объяснения того странного обстоятельства, что в обширном архиве отсутствуют именно те его части, которые с сегодняшней точки зрения представляют наибольшую ценность и интерес для исследователя, — исходные тексты. Как бы то ни было, практически исключено, что они еще будут обнаружены. Столь же сомнительно, что в одном из бесчисленных

⁵⁹ Расположенное в предгорьях Альп Боденское озеро находится на границе Германии, Австрии и Швейцарии. Однако от Зальцбурга до немецкого берега Боденского озера путь не ближний (фон Хойеры добирались через Мюнхен), не говоря уже об обстоятельствах — отступление ожесточенно сопротивляющейся немецкой армии, бегство. *Примеч. пер.*

⁶⁰ Так называет их Аля Рахманова, но это были собственно фотопленки нормальной величины.

дневников Рахмановой, дошедших от времени после 1945 г., найдутся указания на судьбу исчезнувших дневников русского и австрийского периодов.

Писатели вольны располагать своим архивом как им заблагорассудится. Ни общество, ни потомки не имеют права притязать на литературное наследие. Но судьбы архивов непредсказуемы, и бывает, что архивы уходят с молотка и рассеиваются, или их делят в имущественных спорах, или незаконно отторгают какую-либо часть. И лишь в редких случаях утраченные или разрозненные части счастливо соединяются вновь. Кроме того, архив может быть «прополот» или, напротив, приукрашен самим завещателем или наследниками. Из архивного наследия Али Рахмановой, если наша гипотеза верна, была изъята количественно относительно незначительная, однако важнейшая часть. Время покажет, выживут ли ее художественные произведения без аутентичных документальных источников. Для возвращения книг Али Рахмановой в Россию, о котором она мечтала, недостающие рукописи могли бы стать бесценной основой.

Перевод с немецкого В.Б. Крысько, Т.В. Марченко

Источники и литература

Bundesarchiv (Berlin) — Федеральный архив (Берлин)

DLM — Das Deutsche Literaturarchiv Marbach — Немецкий литературный архив (Марбах, Германия)

StATG — Staatsarchiv des Kantons Thurgau — Государственный архив кантона Тургау (Фраунфельд, Швейцария)

Бондаренко, Честнова — *Бондаренко В.В., Честнова Е.С.* Сто великих русских эмигрантов. М.: Вече, 2012. Электронный ресурс: http://thelib.ru/books/bondarenko_vyacheslav/100_velikih_russkih_emigrantov-read.html (дата обращения: 10.07.2017).

Даль 1882 — *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т. 4. М.; СПб.: Изд-во М.О. Вольфа, 1882.

Калмыков, Риггенбах 2002 — *Калмыков А.Г., Риггенбах Г.* Эльза Малер — основательница Семинара славистов в Базеле // Швейцарцы в Петербурге: Сб. ст. / сост. Е. Тарханова и др. СПб.: Петербург. ин-т печати, 2002. С. 580–589.

Марченко 2015 — *Марченко Т.В.* Аля Рахманова — русская писательница как факт немецкой литературы // Ежегодник Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына 2014–2015. М.: Дом русского зарубежья им. А. Солженицына, 2015. С. 753–769.

Переписка Зурова и Малышева 2016 — «Знаю, что вы любите древний Псков»: Переписка Л.Ф. Зурова и В.И. Малышева (1957–1971) / предисл., подгот. текста и коммент. А.М. Любомудрова // Ежегодник Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына 2016. М.: Дом русского зарубежья им. А. Солженицына, 2016. С. 441–517.

Петровский 1966 — *Петровский Н.А.* Словарь русских личных имен. М.: Сов. энциклопедия, 1966.

Фасмер 1987 — *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка: в 4 т. Т. 3. М.: Прогресс, 1987.

Aigner 1970 — *Aigner D.* Die Indizierung «schädlichen und unerwünschten Schrifttums» im Dritten Reich // Archiv für Geschichte des Buchwesens. 1970. № 11. Sp. 933–1034.

- Akten 1983 — Akten der Partei-Kanzlei der NSDAP: Rekonstruktion eines verlorengegangenen Bestandes. Sammlung der in anderen Provenienzen überlieferten Korrespondenzen, Niederschriften von Besprechungen usw. mit dem Stellvertreter des Führers und seinem Stab bzw. der Partei-Kanzlei, ihren Ämtern, Referaten und Unterabteilungen sowie mit Heß und Bormann persönlich. Teil 1. Bd. 1. München etc.: Oldenbourg etc., 1983.
- Battel 2000 — *Battel F.* «Wo es hell ist, dort ist die Schweiz»: Flüchtlinge und Fluchthelfer an der Schaffhauser Grenze zur Zeit des Nationalsozialismus. Zürich: Chronos, 2000.
- Gebauer 2004 — *Gebauer K.* Mensch sein, Frau sein: Autobiographische Selbstentwürfe russischer Frauen aus der Zeit des gesellschaftlichen Umbruchs um 1917. Frankfurt a/M.; N.Y.: Peter Lang, 2004.
- Hoyer s.a. — *A. Hoyer, von.* Alja Rachmanowa: Ein kurze biografische Skizze. S.a.
- Koldehoff 2013 — *Koldehoff S.* Noldes Bekenntnis // Zeit. 2013. 10. Okt. S. 19.
- Kuschewska 2012 — *Kuschewska T.* Die Milchfrau aus dem Ural // Russinnen ohne Russland: Berühmte russische Frauen in 18 Porträts. Düsseldorf: Grupello, 2012.
- Liste 1943 — Liste der für Jugendliche und Büchereien ungeeigneten Druckschriften / hrsg. vom Reichsministerium für Volksaufklärung und Propaganda. Abteilung Schrifttum. 2. Aufl. Leipzig, 1943.
- Liste 1979 — Liste des schädlichen und unerwünschten Schrifttums. Stand vom 31. Dezember 1938 und Jahreslisten 1939–1941. Vaduz, 1979.
- Nationalsozialismus 2007 — Nationalsozialismus, Holocaust, Widerstand und Exil 1933–1945. Online-Datenbank. München: K.G. Saur, 2007.
- Nobelpriset i litteratur — Nobelpriset i litteratur. Nomineringar och utlåtanden 1901–1950. Bd. 2. Stockholm: Svenska Akademien, 2001.
- Rachmanowa 1931 — *Rachmanowa A.* Studenten, Liebe, Tscheka und Tod: Tagebuch einer russischen Studentin. Salzburg: Anton Pustet, 1931. 12. Aufl.
- Rachmanowa 1932a — *Rachmanowa A.* Ehe im roten Sturm: Tagebuch einer russischen Frau. Salzburg: Anton Pustet, 1932.
- Rachmanowa 1932b — *Rachmanowa A.* Geheimnisse um Tataren und Götzen: Meine Jugenderlebnisse. Salzburg: Anton Pustet, 1932.
- Rachmanowa 1932c — *Rachmanowa A.* Flight from terror. N.Y.: John Day, 1932.
- Rachmanowa 1933 — *Rachmanowa A.* Milchfrau in Ottakring: Tagebuch einer russischen Frau. Salzburg: Anton Pustet, 1933.
- Rachmanowa 1937 — *Rachmanowa A.* Tragödie einer Liebe: Roman der Ehe Leo Tolstois. Salzburg etc.: Otto Müller, 1937.
- Rachmanowa 1938 — *Rachmanowa A.* Jurka: Tagebuch einer Mutter. Salzburg; Leipzig: Otto Müller, 1938.
- Rachmanowa 1946 — *Rachmanowa A.* Einer von Vielen: Das Leben Jurkas. Bd. 1: Der Aufstieg; Bd. 2: Das Ende. Zürich: Rascher, 1946.
- Rachmanowa 1949 — *Rachmanowa A.* Geheimnisse um Tataren und Götzen: Meine Jugenderlebnisse im Ural. Zürich: Rascher, 1949.
- Rachmanowa 1951 — *Rachmanowa A.* Jurka erlebt Wien. Zürich: Rascher, 1951.
- Rachmanowa 1954 — *Rachmanowa A.* Die falsche Zarin. Frauenfeld: Huber, 1954.
- Rachmanowa 1963 — *Rachmanowa A.* Tiere begleiten mein Leben. Frauenfeld: Huber, 1963.
- Rachmanowa 1997 — *Rachmanowa A.* Milchfrau in Ottakring: Tagebuch aus den dreissiger Jahren / mit einem Vorwort von D. Grieser. Wien; München: Amalthea, 1997.
- Rachmanowa 1999 — *Rachmanowa A.* Heimweh nach Salzburg // Salz. Zeitschrift für Literatur. Jg. 24/IV. Juni 1999. Hf. 96. S. 60–63.
- Rachmanowa 2015 — *Rachmanowa A.* Auch im Schnee und Nebel ist Salzburg schön. Tagebücher 1942 bis 1945 / übers. und hrsg. von H. Riggenbach. Salzburg; Wien: Otto Müller Verlag, 2015.

- Riggenbach 1998 — *Riggenbach H.* Inventar des Nachlasses von Alja Rachmanowa (Galina von Hoyer): Werke, Briefe, Tagebücher. Frauenfeld: Thurgauische Kantonsbibliothek, 1998.
- Riggenbach 2015 — *Riggenbach H.* Nachwort // Rachmanowa A. Auch im Schnee und Nebel ist Salzburg schön: Tagebücher 1942 bis 1945. Salzburg; Wien: Otto Müller, 2015. S. 271–319.
- Riggenbach, Marti 2008 — *Riggenbach H., Marti R.* «На книге стоит “Александра Рахманова“. Но это не моя книга»: Eine Raubübersetzung und ihre Kritik // Schweizerische Beiträge zum XIV. Internationalen Slavistenkongress in Ohrid, September 2008. Bern usw.: Peter Lang, 2008. S. 197–213.
- Rothenhäusler, Sonderegger 1999 — *Rothenhäusler P., Sonderegger H.-U.* Erinnerung an den roten Holocaust. Der Jahrhundertverrat der Intellektuellen. Stäfa: Paul Rothenhäusler Verlag, 1999.
- Stahr 2012 — *Stahr I.* Das Geheimnis der Milchfrau in Ottakring. Alja Rachmanowa. Ein Leben. Wien: Amalthea, 2012.
- Wer ist Alja Rachmanowa 1935 — Wer ist Alja Rachmanowa? // Geist und Arbeit: Illustrierte evangelische Wochenschrift. Meiringen. 1935. 8. Dez. S. 309–311.

Т.В. Марченко

ПО ПАРАЛЛЕЛЬНОМУ РУСЛУ:
ОБ АЛЕ РАХМАНОВОЙ
И ЕЕ АВТОБИОГРАФИЧЕСКОЙ ТРИЛОГИИ

Иль ты мнишь, что семь тысяч
Книг побегут за гробом твоим при выносе тела?
А тетради свои, все писанья сожги: так вернее и проще.
Владимир Вейдле¹

You see, it is simply a very young girl's record
of her own thoughts and impressions, and
consequently meant for publication.
Oscar Wilde²

Первый эпиграф к этому тексту из позднего стихотворения Владимира Вейдле — того, где в срединном четверостишии Заратустра (в реальности сам Ницше) со слезами сочувствия бросается помочь упавшей лошади, — появился раньше, чем Генрих Риггенбах дописал заключительную часть своей статьи (см. предшествующие страницы) и высказал догадки о том, как и куда исчезли наиболее ценные для исследователя и для (потенциального) русского издателя дневники Галины Дюрягиной-фон Хойер.

Мечта, кажущаяся фантастической, почти смешной от явной недостижимости: молодая русская женщина приезжает в чужую страну и становится там знаменитой писательницей. Она на редкость счастлива замужем, у нее чудесный ребенок — здоровый, умный и красивый; семья живет на собственной вилле в одном из красивейших мест Европы, в одной из ее культурных столиц, с открыточно прекрасным видом из окон; есть и собственный автомобиль для путешествий. Почтальон приносит мешки писем от восторженных читателей, писательница колесит по многим городам и странам, выступает чуть не на стадионах, мест не хватает, и она обещает вернуться... цветы, море цветов, слова и слезы благодарности, переводы на иностранные языки, премии, вот-вот начнутся съемки фильма по самой знаменитой из ее книг...

Так не бывает; вернее, так бывает лишь в женском романе, самом незамысловатом, рассчитанном на невинных, витающих в облаках простушек. Жизнь — это борьба: с голодом, с режимом, с завистью и клеветой, с болезнями, с разладом в душе и с нестроением внешнего мира, в котором случаются войны, революции, репрессии, расстрелы, беженство, эмиграция... и борьба за саму жизнь.

¹ «Умирать надо в бедности», июнь 1978 г. (авторская дата).

² «Как важно быть серьезным», 1895.

Однако невероятная, прянично-леденцовая история изложена выше без малейшего отступления от истины. Надо сказать, в современной Германии тоже все-ррез прославились иные пишущие дамы, приехавшие из России или с Украины, но небывалого успеха Али Рахмановой ни одной из них пережить не привелось. Этот успех, может быть, отчасти соизмерим с теми восторгами, которые сопровождали жизнь пианиста-виртуоза Сергея Рахманинова, оперного баса Федора Шаляпина или тенора Сергея Лемешева (который два года выступал на харбинских — полуэмигрантских, полусоветских — подмостках). В эмиграции чужаку прославиться нелегко — его талант должен быть редкостным, а творческий потенциал намного выше сил и возможностей тех, кто вступает на артистическую стезю в собственной стране. Стать заметным писателем на чужом языке — трудность, столь тяжело преодолимая, что за всю историю литературы таких случаев насчитываются единицы. Но и просто прославиться, обрести известное имя для писателя, покинувшего отечество, гораздо сложнее, чем для художника или музыканта. Материал писателя — слово, и оно тем податливее, тем легче отдает автору свои художественные сокровища, если это родное слово, впитанное с молоком матери.

Счастливый брак был упомянут нами не для красного словца. Именно муж, Арнульф фон Хойер (1891–1970), переводил все написанное Галиной Дюрягиной на немецкий язык. Переводчика никто не брал в расчет, читатель был околдован писательницей Алей Рахмановой — темноволосой женщиной с резко очерченными скулами и яркими черными глазами: не столько славянка, сколько азиатка — что-то татаро-монгольское в облике, живая иллюстрация к державинской «царевне киргиз-кайсацкия орды», но в тирольском дирндле. Г. Риггенбах пишет только об Але Рахмановой как об alter ego реальной Галины Дюрягиной. Переводчик Арнульф Хойер (дворянские титулы и частица «фон» в Австрии были отменены законом после Первой мировой войны) растворяется на дальнем плане размытого задника, а на авансцене бисирует его яркая, энергичная жена-сочинительница, автор дневников, которые писались неустанно с детства до глубокой старости и в счастливую зальцбургскую пору претворялись в романы. Имевшие, говоря сегодняшним языком, бешеный успех...

В XXI в. в литературоведении происходит рокировка приоритетов: творчество писателя, несколько столетий (с тысячелетними корнями: ведь Аристотель написал «Поэтику», а не «Биографику») сохранявшее лидирующую позицию в историко-литературных и в теоретико-литературных исследованиях, уступает первенство биографическим штудиям и публикациям. И не только: мастера романизированных биографий С. Цвейг и А. Моруа невольно запустили целую индустрию жизнеописаний «замечательных людей»; но замечательные люди — писатели и сами охотно создавали в XX в. автобиографии, изумительную смесь из фактов и мифов, в зависимости от таланта и мировоззренческих установок³. «Автомиф» (термин из автомобильного словаря прижился в науке о литературе)

³ Ср., например, комментарий на «автокомментарий к многолетнему биографическому проекту» В. Набокова в [Бабинов 2017]. Благодарим А.А. Бабинова, познакомившего нас с текстом своей новой работы в рукописи.

охватывает явления гораздо более широкого спектра, чем «автобиографический роман», включая портрет, поведение, слухи, — словом, экстралитературные проявления литературной личности. Когда же в мифологизацию собственной личности и судьбы писателем вовлекаются эго-документы пограничных с литературой жанров (дневники, письма, мемуары), то обнаружить грань, отделяющую действительность от вымысла, становится нелегко. Но если «автомифологизацией» занимается женщина, то грань эта заведомо размывается уже в тот момент, когда она берется за перо.

Ильзе Штар, как нам уже доводилось писать, в отрочестве горячо полюбила книги Али Рахмановой; психолог, работавший в правительстве Зальцбурга и получивший научную степень доктора философии, она стала собирать материалы о писательнице и выпустила первую биографическую книгу о ней [Stahr 2012] (см. также [Марченко 2015a]), полностью положившись на признания alter ego, от имени которого (которой) написана автобиографическая трилогия. Ильзе Штар не знает русского языка, хотя в ее распоряжении и оказались бумаги, почему-либо не попавшие в заархивированное во Фрауэнфельде наследие писательницы, в том числе написанные по-русски. Но документальные свидетельства даже мешали психологу из Зальцбурга: она вовсе не ставила себе целью отделить факты от вымыслов и домыслов, действительно происходившее в жизни Галины Дюрягиной-фон Хойер — от изложенного в ее книгах. Ильзе Штар нужно было создать образ любимой писательницы, вышивая по той же канве, по которой была уже однажды вышита «биографическая трилогия» Али Рахмановой; автору хотелось, чтобы Алю Рахманову читатели полюбили так же, как в детские годы полюбила ее сама И. Штар.

Надо сказать, что подсказку будущим исследователям (читателям она не нужна, читатель охотнее обольщается художественным вымыслом) дала сама Аля Рахманова. Ее книги, не основанные на автобиографическом материале, за исключением «Фабрики новых людей», — это биографии. Творчество писательницы можно подразделить всего на два жанра — автобиография (в нескольких томах, включая книги о сыне) и биографии вполне в духе А. Моруа (см. примеч. 55 в статье Г. Риггенбаха «Аля Рахманова — Галина фон Хойер: поэзия и правда»). Поскольку подготовительные материалы к биографическим произведениям сохранились, то это могло бы стать одной из любопытнейших исследовательских задач: проследить, как кроились книги о Достоевском или Толстом из существующей литературы о писателях, и сопоставить эту работу с автобиографической трилогией. Возможно, принципы отбора материала могли бы подсказать, какая доля беллетристики была привнесена в «подлинные дневники» при подготовке их к немецкому изданию в виде книг.

Ильзе Штар цитирует «Браки в красном вихре» как свидетельство безусловно происходившего в семье писательницы накануне отъезда из России. Справедливо поражаясь не только факту получения Арнульфом фон Хойером командировки за границу, но и поездке в Европу с семьей, И. Штар отмечает, что Аля Рахманова «радовалась этой возможности заграничного путешествия» [Stahr 2012, S. 66]. Обратим внимание, что Али Рахмановой в этот момент не существовало — это

анахронизм, ведь и книги, и псевдоним их создателей возникнут очень нескоро, через семь лет; обратим внимание и на употребленное нами множественное число — создатели. Австрийский биограф Рахмановой ссылается далее на «опубликованные дневники», хотя речь идет о художественной литературе! В цитате из «Браков в красном вихре» муж назван писательницей Отмаром, но если изменены имена и (как показывает Г. Риггенбах) даты, то почему это должно остаться единственной погрешностью против истины? Во второй части трилогии А. Рахманова сообщает, как они перевезли за границу «рукописи Отмара» (Арнульфа — если такие рукописи существовали) и ее «записи о развитии ребенка», которые были переложены отдельными дневниковыми страницами, где речь шла вовсе не о таких невинных вещах, как воспитание младенца. При досмотре материнские записи о ребенке не вызвали ничего, кроме умиления, и семью беспрепятственно пропустили за границу с их бумажным грузом [Ibid., S. 67–66].

Что и как происходило за границей, где именно побывала семья и какими впечатлениями обогатилась — неизвестно ни из дневников (записей о первом в жизни европейском турне нет), ни из книг. Не было времени записывать? Или записанное годилось для возвращения в Советскую страну, но становилось неактуальным при выезде из нее? Но вот семье предписано покинуть СССР, и в написанной от первого лица книге это вызывает нескрываемую радость: «...прочь из России с ее ГПУ, с ее застенками и вечными расстрелами, ничем, кроме расстрелов» [Ibid., S. 68]. В XX в. авторы жгут рукописи, потому что они становятся опасными: «Оставался только один выход: сжечь, все сжечь <...> я листала страницу за страницей <...>. Я понимала, что я должна все это немедленно сжечь, прийти могли каждую минуту...» [Ibid.]. Речь шла о рукописи совместной с мужем книги «История литературной и духовной жизни России в XIX в.»: «И вот я сожгла то, что было мне дорого, как моя собственная жизнь, моя душа; труд пяти лет, труд нашей жизни» [Ibid.]. Тот, кто однажды решился сжечь «труд всей жизни» (он был стенографирован, а не записан, отчего существовала опасность, что его задержат на границе, и тогда «все пропало»), тот может повторить это аутодафе для своих сочинений еще раз при сходных драматических обстоятельствах. И они настали, когда на исходе Второй мировой войны семья покидала Австрию и перебиралась в Швейцарию.

Вернемся к вопросу, который исследователи склонны обходить как несущественный. Предполагается, что текст каждой книги был написан Галиной по-русски и переведен на немецкий ее мужем Арнульфом Хойером. Однако в таком безусловном разделении ролей настораживают по крайней мере три момента. Во-первых, сожженная история русской литературы — «совместная книга» («gemeinsames Buch»), которую супруги пять лет писали в России (и неизвестно зачем стенографировали). Если была одна совместная книга, первая, когда литературный тандем только начал движение, то почему нужно полагать, что в Австрии роли оказались распределены столь категорически, словно Галина перестала обсуждать с Арнульфом текст рукописи и отдавала ее мужу только для перевода, а он акрибически переводил, не меняя ни слова, ни мысли? Во-вторых, все, описанное в дневниках (книгах), было пережито и перечувствовано в России

обоими супругами фон Хойер, ведь Арнульф оказался в русском плену еще во время Первой мировой войны. Дневник, конечно, самый интимный текст, но при той душевной и духовной близости, которая отличала супругов фон Хойер, вряд ли Галина не делилась с мужем записями в дневнике; возможно, что-то было записано и с его слов? Однако мы не знаем подписанных им лично литературных текстов и не можем поэтому опознать его индивидуального художественного стиля. В-третьих, А. фон Хойер подавал заявление на вступление в Имперскую литературную палату. На основании своей сугубо переводческой деятельности он был отвергнут писательской организацией; однако сама интенция получить членский билет государственного союза писателей свидетельствует именно о том, что он себя писателем ощущал.

Наконец, псевдоним. О его появлении архив сведений не сохранил, но разгадать его — задача увлекательная. Фамилия Рахман (Рахмон) часто встречается на Северном Кавказе, в Закавказье (Азербайджан) и Средней Азии, где она, конечно, происходит от арабского «милостивый» — «рахман». Но и в России фамилия и отыменной топоним хорошо известны: только в Московской области, в разных районах находится четыре населенных пункта с названием Рахманово; есть они и на Украине. В самом центре Москвы сохранился Рахмановский переулок, названный по фамилии генерал-майора П.А. Рахманова, владельца участка земли на углу переулочка с Петровкой. Известен и другой богатый москвич, калужский дворянин А.Ф. Рохманов, дядя А.А. Дельвига по матери и заимодавец Пушкина, писавшего его фамилию с ориентацией на московское произношение: Рахманов. Действие рассказа Н.С. Лескова «Язвительный» разворачивается в селе Рахманы (также именуемом Рахманов или Рахманово). Такое распространение топонима (от антропонима; ср., кстати, Рахманинов) связано, конечно, не с арабским «рахман». Слово «рахманный, рахман» хорошо известно в русском языке, оно вошло в словарь (В.И. Даля, М. Фасмера, в Большой академической). Однако значение у этого слова, как пишут лексикографы, «двоякое»: «вялый, хилый, смиренный, скучный, простоватый, нерасторопный» и «веселый, разгульный, беседливый, хлебо-сольный, тароватый, щеголь» [Даль 1882, с. 86]. В БАСе для значения «добродушный, веселый» приведен пример из «Кашеевой цепи» М.М. Пришвина, причем для перевода немецкого выражения «gemütliche Sachsen» — «саксонцы рахманный народ» [БАС 1961, Ст. 1030]; второе отмеченное в словаре полувековой давности значение — «небойкий, нерасторопный» [Там же]. М. Фасмер, между прочим, полемизирует с А.И. Соболевским, пытавшимся связать слово «рахман» с индийским «брахман» («брамин»; в древнерусских текстах есть фиксация «рахмане») [Фасмер 1987, с. 449–450].

М. Фасмер приводит еще одно значение, фиксируя его в украинском языке, — «житель сказочной страны, праведный христианин; нищий» [Там же, с. 449]. Это значение слова необычайно подходит к миропониманию Али Рахмановой. Какими бы ни были этнические корни Галины Дюрягиной, она всю жизнь оставалась глубоко верующей христианкой (крещена в православии, позже перешла в католичество), и предположить, что в качестве псевдонима писательница выбирает одно из имен Аллаха, не очень правдоподобно. Соблазнительно связать псевдо-

ним Рахманова с лингвистическим поиском пришвинского героя. Первую часть «Кашеевой цепи», публиковавшуюся в «Красной нови» в 1923 г., Галина, работавшая в университете, пользовавшаяся его библиотекой, знать, безусловно, могла. Однако интересующее нас рассуждение о слове «рахман» появилось в «шестом звене» второй части — «Зеленая дверь» (Новый мир. 1927. № 11. С. 85–109; № 12. С. 38–66; полностью опубликовано в собрании сочинений М.М. Пришвина [Пришвин 1930]). Могли ли Галина и Арнульф Хойер познакомиться с этим изданием в Австрии? Какую роль играл переводчик — Арнульф фон Хойер — в выборе псевдонима? Впрочем, приведем фрагмент из романа М.М. Пришвина, из главы «Рахманый лесник»: «...Алпатову захотелось обнять одного чистого старика из Саксонии, сидящего на корзине, и в этот самый момент наконец он отгадал значение одного немецкого слова, сказанного о саксонцах Миной при расставанье. Она своих земляков назвала *gemütliche Sachsen*, и Алпатов весь день искал в русском языке подобного слова: добрые, простые, уютные — все было не то. Но когда ему захотелось обнять лесника, покрытого добродушными саксонскими морщинами, он вдруг догадался, что значит по-русски немецкое слово: саксонцы рахманый народ» [Пришвин 1982, с. 275].

Не сразу было найдено и ставшее «каноническим» имя — Але предшествовала Александра. Хотя, как нам кажется, имя было выбрано в честь маленького сына — Александра и позже сокращено до Аля (русские уменьшительные имена любимы и чрезвычайно распространены в Германии), однако это имя интересно еще тем, что имеет мужской и женский варианты и словно сплачивает двуединого автора — Галину и Арнульфа Хойер. Наряду с псевдонимом, кстати, был обретен и внешний, узнаваемый образ. Всему экзотическому — русско-татарское происхождение, из глубин России, с Урала — был придан европеизированный, но родной для австрийцев (благодаря этнографическим нарядам) облик. Именно такой писательницу узнали и полюбили; но это была уже не Галина Дюрягина-фон Хойер. Новый облик изменил внутреннюю сущность русской писательницы, превратив ее в немецкоязычного автора Алю Рахманову. Один из наиболее запутанных феноменов среди литературных биографий XX в.: писавшая по-русски «Аля Рахманова» издавалась и получила известность только как «немецкоязычная» писательница: с 1931 по 1938 г. австрийская, с 1938 по 1945 г. — немецкая, а с 1945 г. — швейцарская. Было бы глубоко несправедливо именно сейчас, когда началось исследование жизни и творчества Али Рахмановой, закреплять это имя единственно за Галиной фон Хойер, игнорируя роль в создании этой полумифической фигуры Арнульфа фон Хойера.

Приведем отрывок из дневникового романа «Молочница из Оттакринга», третьей части автобиографической трилогии. Прежде чем заняться «малым бизнесом» — приобрести лавку и начать мелочную торговлю, — в холодной и неприятной комнате, в чужой равнодушной Вене, сидя на железной койке, Аля Рахманова оптимистично убеждает мужа: «Не может же быть, чтобы погибли двое молодых, здоровых людей, которые хотят работать. <...> Я попробую писать. В России мне твердили, что у меня как будто есть талант. Может быть, я смогу написать какой-нибудь рассказ, что-нибудь о России. Людям здесь это должно

быть интересно!» [Rachmanowa 1933, S. 10]. Эта мысль приходит в голову в первый же день пребывания семьи в Вене, за неделю до Рождества. Через несколько дней, которые Отмар провел в интенсивных поисках работы, оптимизма существенно поубавилось: «Найти какое-нибудь место почти невозможно, заработать что-нибудь литературным трудом — почти исключено. Пристроить один-другой очерк или заметку еще было бы можно, но потом уж все. Редакторы газет и так уж не знают, куда им девать рукописи, которыми они завалены. И потом, повсюду нужна “протекция!”» [Ibid., S. 11–12]. Но, отчеркнув эти грустные мысли, Аля Рахманова вновь переходит к надежде: «Да нет, не может быть, мы найдем пути, как заработать на жизнь. Я написала рассказ, Отмару нужно его перевести и пристроить в какую-нибудь газету» [Ibid., S. 12]. 9 января 1926 г. (реальная семья фон Хойер в это время еще находилась в России) «<и>з редакции ответили, что мой рассказ из русской жизни не может быть принят: хоть он и хорошо написан, но “тяжелый”. Этот ответ глубоко меня огорчил. Что же мне такое следует писать о русской жизни, что не было бы печальным и “тяжелым”? Что же, здешние люди не выносят ничего грустного и мрачного?» [Ibid., S. 16].

Аля Рахманова не пыталась публиковать свои сочинения по-русски, в эмигрантской периодике или в издательствах, что казалось бы естественным путем вхождения в литературу, в литературную среду. Одаренная и плодовитая писательница, вырвавшаяся из советской России, должна была заинтересовать эмигрантскую периодику подлинными свидетельствами жизни в оставленной стране, вдохнуть свежую струю в эмигрантскую *nostalgie*. Но мысли о газетах на родном языке, видимо, не приходят ей в голову. Неизвестно, знала ли она, что в Париже с 1924 г. живет В.В. Вейдле⁴, ее профессор по Пермскому университету, которому посвящены весьма романтические пассажи из «дневников русской девушки» «Студенты, любовь, ЧК и смерть» (1931). Насколько биографичны, насколько достоверны сведения о В.В. Вейдле, которые можно почерпнуть из этой книги — одной из тех, где все «правда, только правда», — читатель пусть судит сам.

Расплывчатые высказывания автора трактата «Умирание искусства» о нескольких годах на пермской университетской кафедре известны, хотя малоинформативны. Высокомерный петербуржец с удивлением обнаружил в уральских туземцах, которых ему довелось просвещать, готовность и способность к просвещению: «А студенты и студентки ведь пермяками и пермячками были в большинстве. Столичные, однако, наставники их (и я в том числе, когда стал заниматься ими) вполне были ими довольны» [Кара-Мурза 2006, с. 108]. Одна из его студенток-пермячек — та, фотографию которой он, по ее утверждению, выкрал (!) из личного дела в канцелярии, — записывает между тем в дневнике:

⁴ Владимир Васильевич Вейдле (1895–1979) был приемным сыном В.Л. Вейдле (Василий Леонтьевич, или Вильгельм Людвигович, сын владельца переплетной мастерской, почетного гражданина Петербурга; член правления Волжско-Камского банка и ревизионной комиссии Бакинского нефтяного общества — не банкир, а рантье) и его жены, которая после неудачных родов не могла иметь детей. В 1912 г. Владимир Вейдле окончил реальное отделение немецкого Реформаторского училища, затем историко-филологический факультет Петербургского университета, где он занимался в семинаре И.М. Гревса. С 1918 по 1920 г. Вейдле преподавал историю искусств в Пермском университете, затем перебрался в Петроград.

16 декабря 1916.

Книгу, которую дал мне сегодня профессор Вейдле, сказав, что это его любимая книга, я сразу проглотила. Вот так сразу меня еще ничто не захватывало, никогда еще я не ощущала так ясно неодолимую силу человеческого слова. И вот я спрашиваю себя: почему профессор Вейдле дал мне почитать именно эту книгу? Что он хотел этим сказать? Я все перечитываю первые строки: «Почему ты так робка, так застенчива, мой друг? Что значит эта печаль, это отречение в твоём взгляде?...» Потом я читаю дальше, о силе солнца и радости, о бесплодии разочарования... И наконец автор вдохновенно говорит о людях воли и действия, о тех, кто творит историю, и о толпе, которая всего требует от этих людей, а сама не может им простить, что они навязывают толпе свою волю... Это был гимн созидательной силе воли.

И тут я поняла: профессор Вейдле из тех людей, кто хочет однажды оказаться на вершине.

Не буду я больше посещать его лекции [Rachmanowa 1931, S. 85].

Почему? Потому что Заратустра девушку не вдохновил:

Отлично, мне нравится быть маленькой, такой маленькой, что моя личность рядом с ним исчезает! Отлично! Но я все же хочу быть собой, хочу самоутвердиться, не хочу, чтобы меня раздавили!!! [Ibid. Выделено цитируемым автором].

История знакомства романной Александры Львовны Рахмановой, Али, с реально существовавшим профессором Вейдле (читавшим ей курс литературы Возрождения) началась в первые дни занятий юной студентки. На посвященной «*chanson de geste*» лекции, состоявшейся 6 октября, Аля исподтишка изучала профессора; он же, по замечанию насмешливой сокурсницы, думал вовсе не о средневековых песнях, а о ножках и глазках не сводившей с него глаз Али: «Таковы люди. Даже умнейшие» [Ibid., S. 39]. Влюбиться в профессора? Влюбленный профессор?

Нет, нет, это невозможно... Этого не может быть, думала я в диком волнении. Я не стану посещать его лекции! Впрочем, я же сама и виновата. Зачем я так глупо покраснела? И что это за странные мысли, которые мне сегодня весь день лезли в голову? Нет, нет, только книги, ничего, кроме книг! А, знаю, как себя наказать! Я собиралась сегодня в театр на «Евгения Онегина», но в виде наказания останусь дома и займусь языкознанием. Да, вот именно языкознанием, потому что оно мне вовсе не интересно [Ibid.].

Мысли, посещавшие свежеепеченную студентку на лекции молодого профессора, не сильно обогатили ее пониманием средневековых песней «о деяниях»:

Профессор начал лекцию о происхождении французских шансон де жест. Читал он с закрытыми глазами, весьма монотонно. Мне не удалось ничегошеньки понять из его слов. Я держала в руке карандаш и порой что-то писала,

лишь бы другие думали, будто я не отвлекаюсь; однако я была занята только тем, что разглядывала его лицо и гадала, что он думал, что пережил. Странное было у него лицо; по первому впечатлению, это должен был быть человек с необычайной силой воли. Прежде всего меня поразили его губы; они были так крепко сжаты, что казалось, даже когда он говорил, будто он их вообще не разжимает. Не знаю, так или нет, но мне самой главной чертой, характеризующей человека, кажутся не глаза, а губы. Глазам можно придать какое угодно выражение, но складки губ безошибочно выдают подлинную натуру человека. Лоб у него высокий, почти квадратный, волосы торчком, словно зачесанные одежной щеткой; а вот глаз я почти не разглядела, потому что они почти все время были закрыты; но мне казалось, словно он и сквозь веки все время смотрит на меня. А может, у меня дырка на чулке? — пришла мне в голову спасительная мысль, и я с опаской оглядела свои черные прозрачные шелковые чулки, но ничего такого не обнаружила. И тут мне показалось, будто его губы дрогнули в почти незаметной улыбке. Я сообразила, что он за мной наблюдает и верно истолковал мои движения. Улыбка придала его лицу добродушное выражение, но я не смогла ее выдержать. Я уткнулась лицом в тетрадь и начала писать всякие глупости в одно слитное слово. Я писала, что этот человек, сочти он необходимым, преспокойно отправит другого человека на смерть, что он, возможно, мягкий и нежный; я писала о нем стихи и при этом кипела от бешенства.

После лекции профессор поднялся и сам направился к студентам, чтобы попрощаться с каждым в отдельности. Я намеренно отошла в самый дальний конец аудитории, прикинула к окну и сделала вид, будто читаю книгу. Когда профессор приблизился ко мне, я почувствовала себя такой покинутой, будто я очутилась одна посреди океана. Едва ли не все студенты уже разошлись, лишь Наточка собирала книги, да Гризельда Николаевна стояла, скрестив руки, у стены и смотрела на меня. Он схватил меня за руку и так сильно ее сжал, что я испытала приятное, почти блаженное чувство.

— Ах вы, маленькая гордячка! — сказал он и ушел. В его глазах я прочла затаенную ласку. Я стояла и не знала, что делать. Одно мне стало сразу ясно: не надо мне больше ходить на его лекции [Rachmanowa 1931, S. 33].

Помимо того что дневниковый роман А. Рахмановой — вероятно, первый след, который оставил В.В. Вейдле в истории литературы, из этого откровенного дискурса можно многое почерпнуть и по истории женского образования в России, особенно по психологии оказавшейся в вожделенной университетской аудитории женщины. Женскую природу не переделать, и вот на первой же лекции умная, хорошо подготовленная, одаренная и жаждущая знаний студентка прodelывает простенький фокус с ножкой — разумеется, ножку пришлось выставить в проход с сугубо прагматичной целью поиска дырки и уж конечно не для соблазнения молодого преподавателя; его она разглядывает, подмечая каждую морщинку, исключительно в целях лучшего усвоения учебного материала. Впрочем, и преподаватель успеваеТ понаблюдать за юными барышнями. Та из них, что постарше и поопытнее (ей целых 22 года!), Гризельда Николаевна, позволяет ввести гендерный аспект в повествование:

Профессор вводного семинара по философии сказал прямо на первом занятии, что у нее мужской ум, чем ее, между прочим, сильно уязвил.

— Если я и умна, — возразила ему она, — то уж, наверное, не потому, что у меня ум, как у мужчины! Что же, у женщины нет права быть сообразительной? Если мужчина нас хвалит, он заявляет, будто у нас «мужской» ум! Значит, женский ум нужно в любом случае принимать за глупость?

Профессор от такой неожиданно острой критики совсем потерял дар речи и неуверенно промямлил:

— Ну, полно, это же лишь выражение, так просто говорится...

— А я считаю, что профессор университета не должен повторять то, что говорит обыватель! — ядовито возразила Гризельда Николаевна. Все, конечно, ужаснулись; но профессор и ухом не повел, что спасло положение [Rachmanowa 1931, S. 34].

Дальнейшее блистательно демонстрирует отличие женского ума от мужского: там, где Пьер с князем Андреем пустились бы в долгие философские прения, две оставшиеся наедине девушки предаются самому сладостному занятию: на шести страницах кряду Гризельда — обладательница «огромных и зеленых, как море, глаз» — излагает свою любовную историю, увлечение китайским профессором Вангом, завершившееся молниеносным и крайне неудачным замужеством. Рассказ свой рафинированная девушка с «мужским умом» резюмирует с простотой совсем неоригинальной («Все люди — животные, только скрывают это»). Впрочем, не прошло и месяца (по записям дневника Али Рахмановой), как Гризельда оказалась в рядах революционеров и надолго исчезла из города и из романа⁵.

Профессор Вейдле тоже надолго исчезал из повествования, куда успели уместиться студенческие, насквозь революционные собрания и традиционный студенческий бал, встреча нового 1917 года и утопление в проруби «запрещенной книги» законопослушной Алей и множество других происшествий, разговоров и размышлений. Однако профессор Вейдле (он ни разу не назван по имени) занимает особое место не столько в описании учебы в университете (ведь Аля дала зарок не посещать его лекций), сколько в потоке всевозможных лирических отношений, влюбленностей, объяснений и расставаний, который струится по насыщенному историческими событиями дневнику. Первая фаза отношений — «Ты чуть вошел — я вмиг узнала» (Аля ведь и покраснела точь-в-точь как «запылавшая» Татьяна) сменяется следующей: «Ты в сновиденьях мне являлся». Именно Вейдле оказывается героем эротических сновидений еще ни в кого не влюбленной, но жаждущей любви героини-писательницы:

Сегодня я видела необыкновенный сон. Особенно удивительным было ощущение во время сна. Будто бы я сидела у себя в комнате, в своем любимом кресле, и что-то читала. В соседней комнате кто-то играл на пианино, точно помню,

⁵ Не пересказывая сюжета этого романа и его продолжения — «Браков в красном вихре», — все-таки сообщим, что Гризельда объявляется в новой ипостаси — кровавой чекистки нетрадиционной сексуальной ориентации.

что это была Патетическая. Тут дверь отворилась, и в комнату вошел профессор Вейдле. Он наполнил меня чувством блаженной радости, но одновременно я и страшилась его. Он подошел ко мне, взял меня за руку и долго, долго смотрел мне в глаза. Я стояла перед ним смиренно и молча и не могла отвести взгляд. И чувство ожидания чего-то неизвестного, жуткого и вместе с тем радостного счастьем переполняло мне грудь. Не только мое сердце, нет, но мое тело: я больше чувствовала телом, чем душой. Но вот он обнял меня. Мне хотелось отступить, но он прижимал меня все крепче к себе и шептал все время одни и те же слова: «Ах же ты, маленькая гордычка!» И тут я проснулась. Комната была залита солнцем, снаружи все было завалено свежесвыпавшим снегом⁶, а на окне сидели голуби, которых я каждое утро кормила через форточку. Я села в постели и сразу почувствовала сожаление, что сон так быстро закончился. Ощущение близости профессора Вейдле было столь сильным, и мне так хотелось еще и еще смотреть в его глаза, слушать его голос и снова ощутить его объятие... Потом я пришла в себя. Я покраснела и сказала себе: глупая гусыня! Но несмотря на столь сильное выражение, желание видеть его сегодня во что бы то ни стало сохранялось. Я заглянула в расписание: в девять часов был его семинар. Не откладывая ни на минуту, я быстро оделась, воткнула цветок в петличку и, не выпив чаю, отправилась в университет. Я желала его видеть и разъяснить, что же значит для меня этот человек, почему он мне снится... [Rachmanowa 1931, S. 137–138].

Интересно, что думал Арнульф фон Хойер, переводя эти строки? Если мы пока затрудняемся дать очевидный ответ на вопрос — один автор или два? — то вся лирико-исповедальная часть книги может быть смело приписана одному автору: женщине. Приведенный отрывок доказывает, как кажется, безусловное первенство Галины в творческом союзе и ее единоличное право именоваться Алей Рахмановой (подобно Максиму Горькому, например). Какие бы коррективы в описание исторической канвы — а это существенный сегмент текста — ни вносил Арнульф Хойер, в повествовании доминирует личность его жены, особенности ее мировосприятия, интеллектуального и эмоционального. Дело, кстати, не только в содержании, хотя этот простенький текст является переложением внутреннего монолога Татьяны, если бы вместо ее письма, написанного пером Пушкина, мы могли прочесть ее собственноручный дневник. Укажем только на несколько ключиков к гендерному истолкованию этого текста.

Во-первых, известное кокетство, рисовка, от которого барышни не свободны даже на страницах дневника; напротив, их дневник не подразумевает запрета на чужое чтение, а пишется с расчетом на публичность. Вспомним Оскара Уайльда:

Алджернон. Надеюсь, Сесили, я не оскорблю вас, если скажу честно и прямо, что в моих глазах вы зримое воплощение предельного совершенства.

Сесили. Ваша искренность делает вам честь, Эрнест. Если вы позволите, я запишу ваши слова в свой дневник (*Идет к столу и начинает записывать.*)

⁶ Трогательно, как пушкинские матрицы пронизывают русский дискурс о любви: «Вся комната янтарным блеском / Озарена... Блестя на солнце, снег лежит...» («Зимнее утро», 1829).

Алджернон. Так вы действительно ведете дневник? Чего бы я не дал за то, чтобы заглянуть в него. Можно?

Сесили. О нет! (*Прикрывает его рукой.*) Видите ли, это всего только запись мыслей и переживаний очень молодой девушки, и, следовательно, это предназначено для печати. Вот когда мой дневник появится отдельным изданием, тогда непременно купите его. Но прошу вас, Эрнест, продолжайте. Я очень люблю писать под диктовку. Я дописала до «предельного совершенства». Продолжайте. Я готова.

Алджернон (несколько озадачен). Хм! Хм! [Уайльд 1999, с. 265]⁷.

Увы и ах, но Оскару Уайльду в его насквозь литературно-пародийной пьесе удалось коснуться многих слабых мест (не забудем и трехтомный роман мисс Призм!) «женской прозы». Речь идет именно о женской беллетристике, о женском взгляде на жизнь, а не об интеллектуально-философских сочинениях ученых дам с «мужским умом». Из вышепротитированных фрагментов мы узнали и о необыкновенных глазах героини-писательницы, и о действии ее «ножки в черном прозрачном чулке» на слабые мужские сердца. Но как доказать свое «предельное совершенство», к которому вольно или невольно стремится не только в жизни, но и в творчестве всякая женщина? Аля Рахманова, «проснувшись рано» и увидев в окно «побелевший двор», засыпанный снегом, «точно помнит», что во сне слышала Патетическую сонату Бетховена. Разве не прелесть? В смысле — разве не совершенство?

Во-вторых, скрытые цитаты из русской поэзии, которые так по-женски хочется сделать еще более «поэтическими», открыточными. Але Рахмановой недостаточно отсылок к «Зимнему утру» и «Евгению Онегину» (что делал, в частности, и Бунин в «Метеоре» (1920) и в «Иде» (1925), см.: [Марченко 2015б, с. 65–68, 78]), ей понадобились дополнительные эротические символы — голубки, к тому же сентиментализированные кормлением из собственных рук⁸. Кстати, дальше появляется еще одна литературная отсылка, но уже не пушкинская, а лермонтовско-достоевская — зеркальный сон:

Само собой разумеется, что возле профессорской раздевалки я увидела его коренастую приземистую фигуру. Когда он заметил меня, он приблизился, крепко пожал мне руку и сказал: «Я вас видел сегодня во сне. Вы маленькая горячка!» — Я вырвалась и побежала прочь, вверх по лестнице, и, как и прежде, я чувствовала, что он смотрит мне вслед. Я быстро попыталась собраться с мыслями. Он видел меня во сне, а я видела его. Что бы это значило? — Я отыскала место на самой дальней скамье и едва уселась, как он вошел в аудиторию и сразу заговорил. Но сегодня он поминутно прерывался, словно ему не удавалось вытянуть за ниточку свои запутавшиеся мысли. Наконец он сказал:

⁷ Одному революционно настроенному юноше, собирающемуся вручить Але какую-то марксистскую (неназванную) книгу, она сообщает, что читает сейчас именно Оскара Уайльда.

⁸ Да и голубки – поэтические, балладные: «белоснежный голубок», «голубочек белый» в страшном сне Светланы В.А. Жуковского избавляет героиню от чар мертвеца и становится провозвестником приезда (снежным морозным утром) жениха живого.

— Сегодня мы почитаем «Песнь о Роланде».

Он протянул студенту Аркадию Зелинскому книжечку в красной обложке и велел всем читать по очереди, а сам стал подниматься, и пока шло чтение, он поднимался вдоль рядов все выше. Я чувствовала, что он собирается дойти до меня. Вот поднялся еще выше, достиг четвертого ряда, пошел вдоль стены и очутился за моей спиной. Я не видела его и не смела обернуться, но я чувствовала его устремленный на меня взгляд. Мой сон словно ожил, стал почти правдой. Я чувствовала, что он подходит все ближе, слышала его дыхание и думала, что в следующую секунду он обнимет меня. И я хотела, чтобы он обнял меня, хотела! И как только я это поняла, меня охватило отвращение к себе самой. Я осознавала всю свою беспомощность, чувствовала, что этот мужчина обладает безграничной властью надо мной. И внезапно все во мне восстало против этого. Я залилась краской от того, что этот человек ставит надо мной опыт, который может уничтожить все, что наполняло мою душу. Этого я не могла вынести! — Передо мной лежал ножичек для очинки перьев. Я не понимала, что я делаю; но я со всей силы надавила большим пальцем на лезвие, и кровь хлынула яркой струей. Боль привела меня в чувство. Я быстро перевязала палец носовым платком, но он немедленно промок от крови. И тогда я услышала позади себя голос профессора Вейдле:

— Вы маленькая гордячка!

Я оглянулась и увидела его глаза, влажно блестящие от нежности. Только эти глаза я и видела, их пристальный, почти печальный взгляд. Из пальца продолжала течь кровь, я здорово порезалась. Никто ничего не замечал. Профессор Вейдле пошел дальше, приблизился к студентке, которая как раз читала «Песнь о Роланде», и начал ей что-то объяснять. Боль усиливалась и все больше возвращала меня к осознанию действительности. И вновь я сказала себе, что не стоит мне ходить на его лекции, не хочу я становиться его рабыней! И кончено!

Тут зазвонил звонок [Rachmanowa 1931, S. 139–140].

Так реализуются два первых слова из названия книги — «Студенты, любовь...». Порубежье — где-то гремит война, уже отгремела Февральская революция (запись от 26 марта 1917 г.), а в университете второй семестр изучают «Песнь о Роланде», жесту о подвигах. Но ее разбор не имеет к романному дискурсу никакого отношения. Дома Аля Рахманова перечитывает «любимое стихотворение» Надежды Львовой «Будем безжалостны!..» (1913)⁹:

⁹ Будем безжалостны! Ведь мы — только женщины.
По правде сказать — больше делать нам нечего.
Одним ударом больше, одним ударом меньше...
Так красива кровь осеннего вечера!

Ведь мы — только женщины! Каждый смеет дотронуться,
В каждом взгляде — пощечины пьянящая боль...
Мы — королевы, ждущие трона,
Но — убит король.

Сегодня я действительно узнала всю правду: я всего лишь женщина. Но мой король лежит где-то убитый, потому что нет человека на свете, которого бы я назвала своим королем...

Но правда ли это, что мы можем быть только женщинами? Нет, нет, не хочу только женщиной, хочу быть человеком!

Только того полюблю, для кого я буду не только женщиной, но и человеком! [Ibid., S. 140–141].

Вернемся, впрочем, к ключикам к интерпретации прозы Али Рахмановой. Итак, женское кокетство — во-первых, стремление к сентиментальной образности — во-вторых; но вот, в-третьих, безо всякой иронии, — простота и безыскусность этой прозы почти ошеломляет. Стихи Надежды Львовой, например, наполнены тропами — не очень самостоятельными, но весьма выразительными. Избегая не только красотостей, но и каких бы то ни было стилевых ухищрений, Аля Рахманова добивается ощущения исповедальной искренности. Бедный язык, становящийся стилем, — это подкупало массового немецкоязычного читателя, это и сейчас выглядит достоверно. Можно ли эту страстную влюбленность студентки-«пермячки» в петербуржца-профессора считать источником для подлинной биографии Владимира Вейдле? Ведь Аля Рахманова, заменив имена главным действующим лицам и себе придумав псевдоним, оставила ему подлинное имя — как Распутину или Керенскому. И даже если реальный В.В. Вейдле не испытывал своего магнетизма (ах, эти реликты Серебряного века!) на душевно восприимчивой девушке с киргизскими глазами, ее впечатление от молодого профессора — уникальное свидетельство о начале его преподавательской карьеры в Перми. О том, достовернее ли этот образ, чем история помолвки с незнакомцем и проч. в изложении Сесили («Как важно быть серьезным»), речь пойдет ниже.

Историческим событиям в «дневнике» придается та же интимность, что и личным переживаниям; история в романе одомашнена: «Царь с царицей и детьми арестованы. <...> Кухарка Маша плачет весь день» [Ibid., S. 140–141]. К череде событий — первых арестов и первых экзаменов — относится и то, которое, «вероятно, не забудут ни студенты, ни профессор Вейдле» [Ibid., S. 180]. В студенческой среде экзамен у профессора по немецкому языку получил название «вифлеемского избиения младенцев» [Ibid., S. 182]. Выяснилось, что у профессора Вейдле есть свой принцип — с первого раза «заваливать» всех, со второго — половину экзаменующихся, и только с третьего всем удастся сдать экзамен. Будто бы это ведет к отличному усвоению знаний, а поскольку профессор Вейдле впервые принимал

Ни слова о нем... Смежая веки,
Отдавая губы, — тайны не нарушим...
Знаешь, так забавно ударить стэком
Чью-нибудь орхидейно раскрывшуюся душу! [Львова 1914, с. 119].

Стихотворение посвящено А.И. Ходасевич, вписано в ее альбом и опубликовано посмертно. История взаимоотношений В.Я. Брюсова и Н.Г. Львовой, когда-то потрясшая столицы, как видим, овладела воображением и провинциалов.

экзамен у «пермяков и пермячек», то им пришлось зубрить снова, надеясь попасть «в первую, счастливейшую половину» экзаменующихся.

По всем остальным предметам Аля получила «отлично». Об экзамене по немецкому языку, словно позабыв все свои любовные тревожения, она замечает, что профессор Вейдле «мучил их в течение года, как никто другой из профессоров».

Он не только не пропустил ни одного занятия и ни разу не опоздал ни на одну минуту, но даже на пасхальных и рождественских каникулах он занимался со студентами частным образом и бесплатно, разумеется. Студенты были глубоко тронуты таким отношением. Почти на каждом занятии он твердил, что знание немецкого языка для всякого, кто собирается заниматься наукой, необходимо; каждый студент должен читать по-немецки без словаря, поскольку будто бы все прекраснейшие и лучшие книги на земле написаны по-немецки, одним словом, человек, который не читает по-немецки, — это самое несчастное существо в мире. И студенты поэтому изо всех сил учили немецкий, и тем усиленней, что все студентки в профессора Вейдле были до смерти влюблены. <...>

Все отправились на экзамен, как на праздник; и мысли ни у кого не было, что кто-то может провалиться. Студентка Антонина Васильевна даже придумала выразить признательность профессору за его необычайные старания. От горничной профессора она узнала, что он больше всего любит красные розы, и вот мы купили громадный букет роскошных и дорогих красных роз. Но кто же вручит ему цветы? Антонине Васильевне пришла в голову несчастная мысль поручить это мне.

— Во-первых, вы староста нашего курса, и потом, проявите же немного человечности; вы мучили его всю зиму, доставьте-ка ему немного радости!

Чуть не час заставила я себя уговаривать, пока наконец согласилась. Я села у окошка, чтобы сочинить «речь», с которой я под конец экзамена вручу профессору букет.

И вот вышел из кабинета первый экзаменуемый, Миша Туганов. Лицо его было краснее вареного рака, а глаза так и бегали по сторонам.

— Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа, — перекрестился он, подходя ко мне.

— Ну, вас можно поздравить, Миша?

— Господь не помог мне выдержать экзамен по немецкому. С Божьей помощью провалился! — был его ответ; он отвернулся к окну и, кажется, заплакал.

Следующей вышла Антонина Васильевна, и так продолжалось дальше, пока все 22 кандидата не провалились. Затем открылась дверь и показался профессор Вейдле. Я так растерялась, что даже не задумалась, как я ему буду вручать цветы после такой катастрофы. И вот я начала произносить сочиненные мною слова благодарности. После первых же слов профессор Вейдле взял из моих рук цветы и после долгого крепкого рукопожатия поспешил прочь [Rachmanowa 1931, S. 181–182].

В литературе без отсылки к источникам утверждается, что Вейдле преподавал в 1918–1920 (или 1921) гг. историю искусств в Пермском университете, а затем в

Петрограде [Толмачев 1997, с. 98–99; Кара-Мурза 2006, с. 108–109]. Аля Рахманова приводит другую дату. Особая краткая запись за 10 сентября 1917 г. гласит: «Профессор Вейдле не вернулся из Петрограда. Тем лучше. Возвращаюсь к моим книгам» [Rachmanowa 1931, S. 215]. Но воспоминание о нем еще раз возникнет в самом конце «дневника». Семейство Али, измученное «красными», решилось на бегство вслед за отступающими «белыми»; студентка становится «беженкой» и переживает тяжелейшие моменты в своей некогда столь безоблачной жизни. И вот однажды, в Иркутске, когда Белая армия уже «полностью разгромлена» (запись от 14 декабря 1919 г.), в беженское жилье семейства заходит профессор Г., уезжающий наутро «с чешским эшеленом»: «<С>коро я окажусь за границей. Не хотите передать со мной письмо профессору Вейдле? Он же сейчас, как вы знаете, где-то там за границей министр. Может быть, он вам как-то поможет!» (В.В. Вейдле эмигрировал в 1924 г.).

Старенький профессор с сочувствием взглянул на мои красные руки, державшие ведра с ледяной водой.

— Письмо профессору Вейдле? Хорошо, я принесу его вам, когда управлюсь.

Я присела на топчан и собралась писать. Но о чем? О том, что мне холодно, что мы голодаем, или о том, что я порой с тоской вспоминаю о том времени, которое теперь означает для меня погибшую юность? Надо написать ему о том, как я бедна и несчастна? Нет!

Карандаш выпал из моей руки, и я подхватила ведра, чтобы снова идти на вокзал за водой [Ibid., S. 407].

Суммируем полученные из романа («подлинного дневника русской девушки») сведения о профессоре Вейдле. Оказалось, что он преподает европейскую средневековую литературу и в течение года не сдвигается с места: начав в октябре с французских шансон де жест («песней о деяниях»), в марте читает вслух самую прославленную их них — «Песнь о Роланде»¹⁰; роскошь, непозволительная для самых либеральных учебных планов и авторских курсов. Аля декларативно не поощряет его лекции (послереволюционное отсутствие дисциплины!) — и одновременно аккуратно ходит заниматься с ним немецким языком; преподавание этого иностранного языка воспитанником немецкой семьи, выпускником немецкой школы и поклонником Ницше весьма вероятно в свежееобразованном университете, где должно было не хватать кадров. Если реальный В.В. Вейдле действительно внушал своим студентам мысли о необходимости учить немецкий язык, он сослужил добрую службу Але Рахмановой, которая более полувека прожила в немецкоязычной среде. Если он этого не говорил, а слова эти появились в романе, чтобы понравиться немецкоязычному читателю, то профессор Вейдле становился в его глазах весьма привлекательным образом. Наконец, третья возможность: Арнульф фон Хойер был преподавателем именно немецкого языка, поэтому весь-

¹⁰ Можно предположить, что чтение происходило по книге [Песнь о Роланде 1897] в поэтическом переводе Ф.Г. де ла Барта, заслуживающем «большого внимания и высокой оценки»: он «был опубликован в 1897 году и затем неоднократно переиздавался» [Смирнов 1976, с. 588].

ма высока вероятность, что в образе романного «профессора Вейдле» отразились его черты и его методы преподавания и экзаменовки. Но вот о деятельности Владимира Вейдле на посту какого бы то ни было министра какого бы то ни было правительства ничего не известно. Образ «профессора Вейдле», таким образом, хотя герой и носит имя реального лица, может считаться суммарным, соединением личных, профессиональных и биографических черт сразу нескольких преподавателей молодой студентки.

Последняя дневниковая запись, которой завершается роман «Студенты, любовь, ЧК и смерть», неожиданно гласит: «Сегодня я передам одному <пленному> немцу, который возвращается домой, мой дневник. Посылаю вслепую на чужбину, в свободную страну, этот крик отчаяния из страны “свободы”» [Rachmanowa 1931, S. 447]. Как реагировать на это признание? Как на *legenda* к книге (вот откуда появились дневники после высылки из СССР) или как на подлинный факт? Объяснений нет. А вот две заключительные строки вдруг напомнят о финале другого дневника о днях революции и Гражданской войны (он выйдет из печати только через несколько лет после первой части рахмановской трилогии): «Осень, поздняя, печальная, безнадежная осень, за которой следует погибельная зима. Настанет ли для тебя весна, о Россия?» [Ibid.]. Иван Бунин прощается в «Окаянных днях» с погибшей и отпеваемой Россией [Марченко 2015б, с. 20–23], Аля Рахманова прямо говорит о «родине, распятой на Кресте» [Rachmanowa 1931, S. 447].

Именно так, как мы читаем сейчас публицистические дневники Бунина об окаянных днях русской смуты, видя в них сплав фактографии с вымыслом, даже когда речь идет о реальных исторических лицах, следует воспринимать и дневниковые романы Али Рахмановой, полные поэзии и правды.

Границы между жизнью и литературой в них разрушены и, вероятно, невозможны: рукописи горят и, сгорая дотла, уносят правду о создании книг. О ценности художественного сочинения, вырастающего на историко-документальной основе, но бесконечно превосходящего исторический факт, П.В. Палиевский рассуждает на примере «Хаджи-Мурата». Боже нас упаси возносить Алю Рахманову к недостижимым высотам Льва Толстого, мы далеки от этого, солидарны лишь с тем, что и в ее книгах о русско-советской жизни конца 1910-х — первой половины 1920-х гг. «рассказано во много раз интересней, чем можно извлечь из документов, которые оставила история» [Палиевский 2016, с. 133]. Историческими документами, извлеченными из архивов, интересуется гораздо меньше людей, чем женским романом, особенно таким — дневниковым, когда благодаря душевным свойствам автора в книге восстанавливается «вымершая жизнь — бежит, как поток по пересохшему руслу» [Там же]. В случае с Алей Рахмановой поток бежит по параллельному руслу: какие бы изменения она ни вносила в подлинные записи о пережитых событиях, как бы ни ориентировалась на европейского читателя, книги ее свободны от другой цензуры — советской. Свободны совершенно, вчистую — и уже поэтому уникальны, заслуживают прочтения и изучения.

Впрочем, сочинения Али Рахмановой сначала стоит перевести и издать, потому что книг писательницы на русском языке нет.

Литература

- Бабилов 2017 — *Бабилов А.В.* Находчивая Мнемозина: Архивные материалы к мемуарам Набокова // Литературный факт. 2017. № 4. С. 8–53.
- БАС 1961 — Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1961. Т. 12.
- Даль 1882 — *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М.; СПб.: Изд-во М.О. Вольфа, 1882. Т. 4.
- Кара-Мурза 2006 — *Кара-Мурза А.А.* Владимир Васильевич Вейдле: «Чем дальше отходила Россия от Европы, тем меньше становилась похожей на себя» // Кара-Мурза А.А. Интеллектуальные портреты: Очерки о русских политических мыслителях XIX–XX вв. М.: Ин-т философии РАН, 2006.
- Львова 1914 — *Львова Н.Г.* Старая сказка. 2-е изд., доп. посмертными стихотворениями. М.: Альциона, 1914.
- Марченко 2015а — *Марченко Т.В.* Аля Рахманова — русская писательница как факт немецкой литературы // Ежегодник Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына 2014–2015. М.: Дом русского зарубежья им. А. Солженицына, 2015. С. 753–769.
- Марченко 2015б — *Марченко Т.В.* Поэтика совершенства: О прозе И.А. Бунина. М.: Русский путь, 2015.
- Палиевский 2016 — *Палиевский П.В.* Развитие русской литературы XIX — начала XX века. Панорама. СПб.: Росток, 2016.
- Песнь о Роланде 1897 — Песнь о Роланде / пер. размером подлинника гр. де Ла-Барт; с предисл. акад. А.Н. Веселовского, введ. и примеч. пер. СПб.: П.И. Мессарош и А.Н. Шведер, 1897.
- Пришвин 1930 — *Пришвин М.М.* Собр. соч.: в 7 т. Т. 6: Кашеева цепь. Кн. 2. М.; Л.: Госизд-во, 1930.
- Пришвин 1982 — *Пришвин М.М.* Собр. соч.: в 8 т. Т. 2: Кашеева цепь; Мирская чаша; Произведения 1914–1923 годов. М.: Худ. лит., 1982.
- Смирнов 1976 — *Смирнов А.* Песнь о Роланде. Примечания // Песнь о Роланде. Коронавание Людовика. Нимская телега. Песнь о Сиде. Романсеро. М.: Худ. лит., 1976. (Библиотека всемирной литературы. Т. 10).
- Толмачев 1997 — *Толмачев В.М.* Вейдле // Литературная энциклопедия русского зарубежья. 1918–1940. Писатели русского зарубежья. М.: РОССПЭН, 1997.
- Фасмер 1987 — *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка: в 4 т. Т. 3. 2-е изд. М.: Прогресс, 1987.
- Уайльд 1999 — *Уайльд О.* Как важно быть серьезным / пер. И. Кашкина // Уайльд О. Избранное. СПб.: Кристалл, 1999.
- Rachmanowa 1931 — *Rachmanowa A.* Studenten, Liebe, Tscheka und Tod: Tagebuch einer russischen Studentin. 12. Aufl. Salzburg: Anton Pustet, 1931.
- Rachmanowa 1933 — *Rachmanowa A.* Milchfrau in Ottakring: Tagebuch einer russischen Frau. Salzburg: Anton Pustet, 1933.
- Stahr 2012 — *Stahr I.* Das Geheimnis der Milchfrau in Ottakring. Alja Rachmanowa. Ein Leben. Wien: Amaltea, 2012.

Н.В. Ликвинцева

ОТВЕТЫ «ПАРИЖСКОГО БОГОСЛОВИЯ»
НА ВЫЗОВЫ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ:
ПРОТОИЕРЕИ СЕРГИЙ БУЛГАКОВ И МАТЬ МАРИЯ (СКОБЦОВА)

Есть особый коллективный, написанный и ненаписанный, опубликованный и неопубликованный труд — Парижское богословие. Его мы со всей почтительностью приносим Церкви и его со всей верностью посвящаем нашей Родине.

При реке Ховаре.

Речь проф. протоирея С. Булгакова. 1935

Из целой плеяды талантливых философов и богословов русского зарубежья, размышлявших о русской революции и ее последствиях, двух этих мыслителей мы выбрали не случайно. Их биографии тесно вплетены в сам ход исторических событий, а их мысль отличает, говоря словами Сергея Хоружего о Булгакове, «острое чувство времени и истории» [Хоружий 1994, с. 71]¹. Встретились Сергей Николаевич Булгаков (1871–1944) и Елизавета Юрьевна Скобцова (1891–1945) уже в эмиграции, где отношения «старшего», духовного отца и наставника, с «младшей», духовной дочерью, переросли со временем в подлинную дружбу и творческий диалог². Старшинство отца Сергия в интересующем нас витке этого диалога проявилось еще и в том, что катастрофичность революции он успел продумать и проанализировать уже после событий 1905 г., проделав к тому времени свой путь «от марксизма к идеализму» и пытаясь предотвратить 1917 г. участием в «Вехах» (1909), общественной деятельностью и философской публицистикой. Итогом такой эволюции стало принятие им священства в 1918 г., при уже начавшихся гонениях на церковь. Е.Ю. Кузьмина-Караваева (во втором замужестве Скобцова) до революции проходит путь от поэтессы Серебряного века до общественного деятеля и члена партии правых эсеров в 1917–1920 гг. и уже в эмиграции, в 1932 г., принимает монашеский постриг. Что же касается творческого отклика на революцию как на вызов для мысли и жизни, то у обоих мыслителей можно условно выделить разные варианты такого «ответа», связанные с тремя пластами их творческого наследия: с эго-документами и примыкающей к ним художественной прозой, с философскими и богословскими работами. Попробуем проследить, как продумываются поднятые революцией вопросы на каждом из этих творческих этапов.

¹ О тесной связи Булгакова со своим временем и с историей России пишет и его биограф Екатерина Евтухова: «Он проживал свою эпоху, он проживал судьбу России...» [Евтухов 1997, р. 15]. Ср. с характеристикой ученика отца Сергия Льва Зандера: «Молодежь слышала в нем голос самой истории, ибо в своем предшествовавшем духовном пути о. Сергей испытал и преодолел все увлечения, все соблазны русской интеллигенции и, взяв из них все лучшее и святое, — принес его к православному алтарю» [Зандер 1948, т. 1, с. 57].

² Об основных моментах их взаимоотношений и творческих переключек см.: [Емельянова 2001].

1. СВИДЕТЕЛИ ИСТОРИИ: ЭГО-ДОКУМЕНТЫ И ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ПРОЗА

Для любого думающего эмигранта, пережившего ужас революции и Гражданской войны и потерявшего родину, очень характерно само это стремление — вернуться в воспоминании к прошлому, еще раз пережить случившееся, с тем чтобы его осмыслить и понять. Герменевтическое усилие понимания исторических событий здесь совпадает с работой памяти, с попыткой соотнести собственную жизнь с историей. Сам момент такого перехода от частного воспоминания к исторической памяти не автоматичен: Н.А. Бердяев, например, связывал его с «духовной активностью как некоторым определенным духовным отношением к “историческому” в историческом познании» [Бердяев 1923, с. 25–26]. Такая работа памяти отражается прежде всего в корпусе эго-документов: мемуаров, дневников, писем, — а ее плодом нередко становится свидетельство об истории. Современный немецкий историк Алейда Ассман (Assmann) в своей типологии свидетелей как репрезентантов исторической памяти наряду с «религиозным» и «моральным свидетелем» выделяет и фигуру «исторического свидетеля», т. е. «очевидца, который благодаря непосредственной близости к важному событию повествует потомкам об этом событии» [Ассман 2014, с. 52]. Взглянем на творчество Булгакова и матери Марии в контексте проблематики такого свидетельства.

У отца Сергия работа памяти идет в дневниках: ялтинском периода Гражданской войны, дорожном дневнике (записи, сделанные на корабле, сразу после высылки), константинопольском и пражском³, — а также в письмах этого периода, в частности адресованных ближайшему другу отцу Павлу Флоренскому. В самом начале своего эмигрантского бытия, в Константинополе 17 (30) марта 1923 г. он пишет воспоминания, озаглавленные «Пять лет (1917–1922)», при жизни не публиковавшиеся: Л.А. Зандер нашел их в бумагах отца Сергия и издал в посмертном сборнике (см.: [Булгаков 1946]). В них мемуарист фиксирует, как «революция, происходившая извне, протекала» в его душе и «отражалась» в его судьбах [Булгаков 2008, с. 382]. Примечательно здесь одинаково отрицательное отношение автора и к Февральской, и к Октябрьской революциям: для Булгакова катастрофа России начинается уже в феврале. В своих воспоминаниях он четко отмечает собственное трагическое восприятие Февраля как контрастное всеобщему ликованию вокруг: «Я видел и чувствовал, что пришел красный хам, что жизнь становится вульгарной и низкой и нет уже России. А между тем кругом все сходило с ума от радости» [Там же, с. 401]. Большая часть очерка носит подзаголовок «Агония». Автор последовательно воспроизводит свое трагическое восприятие революции в связи с «мистической» любовью к государю, «попираемой ее объектом» [Там же, с. 382]⁴,

³ Ялтинский дневник цит. по: [Булгаков 1994]. Дорожный дневник (декабрь 1922 г., между Севастополем и Константинополем) цит. по: [Булгаков 1996]. Пражский «Дневник духовный» цит. по: [Булгаков 2008].

⁴ Почти теми же словами о трагедии на фоне всеобщего ликования, о гибели любви и грядущей гибели России говорит «генерал» во втором диалоге «На пиру богов», см.: [Булгаков 1991б, с. 247–248]. Исторический анализ катастрофы России в свете этой трагической любви и темы падения царства был дан Булгаковым в несохранившемся еще одном философском диалоге «Трое»: до нас дошли лишь отголо-

вспоминает все неудачи этого царствования, распутинщину и убийство Распутина, собственную юность как период «непримиримости к самодержавию» [Там же, с. 384] и даже юношеские мечты о цареубийстве, 1905 год, в котором проявилась «мертвящая сущность революции» и ее «антихристов дух» [Там же, с. 385], период участия во II Государственной думе в 1906 г., окончательно отвративший автора от революции, сам разлив революционной стихии, описанный в апокалиптических тонах, и цареубийство как «черную мессу революции» [Там же, с. 402].

С корпуса мемуарных текстов начинается эмигрантский период творчества Елизаветы Юрьевны Скобцовой: недавнему историческому прошлому посвящены очерки «Последние римляне» (1924) и «При первых большевиках (Как я была городским головой)» (1925)⁵. В первом она вспоминает свои предчувствия катастрофы в дореволюционном Петербурге Серебряного века, во втором — события периода двоевластия и прихода к власти большевиков в Анапе 1917 г., то, как она, занимавшая тогда должность городского головы, пыталась спасти людей от расстрелов и культурные ценности от разрушения, как боролась с большевиками в рядах партии правых эсеров, как была обвинена в сотрудничестве с ними деникинской контрразведкой и как с трудом смогла снять большинство обвинений во время судебного процесса. Но интересно, что работа по преобразованию личного воспоминания в историческое свидетельство связана у матери Марии не только и не столько с мемуаристикой, сколько с художественной прозой. В тот же раннеэмигрантский период она пишет три большие исторические повести: «Равнина русская (Хроника наших дней)» (1924), «Клим Семенович Барынькин» (1925) и «Несколько правдивых жизнеописаний»⁶. Во всех трех тема революции — центральная. В «Равнине русской» автор пытается художественными средствами передать хронику революционных событий, показанную через призму судеб членов одной семьи: в главной героине много автобиографических черт, а сама повесть задумана как историческое свидетельство наподобие летописного. Как и в воспоминаниях Булгакова, здесь передана праздничная эйфория первых месяцев революции, «радостные возгласы праздника» [Мать Мария 2012, с. 206]. Автор объясняет это пробудившимся в народе «ожиданием чуда», связанным с его «древней волей, волей к земле, кровью завоеванной и потом удобренной» [Там же, с. 203]. Трагическим контрастом празднику здесь служат символические образы, проходящие через всю повесть: огненной колесницы истории, взлетающей «на гребень

ски крымской прессы 1919 г. об авторском чтении диалога в Симферополе (см.: [Колеров 1997], а также: [Филимонов 2003, с. 124, 140–141]).

⁵ «Последние римляне» опубликованы в «Воле России» (1924. № 18/19) под псевдонимом Юрий Данилов. Тема Серебряного века в мемуаристике будет подхвачена автором после этого только в 1936 г. в очерке «Встречи с Блоком (К пятнадцатилетию со дня смерти)» (опубликовано в № 62 «Современных записок»). Сокращенный вариант очерка «При первых большевиках (Как я была городским головой)» (с первой частью заглавия и зашифрованными фамилиями людей, о которых идет речь в воспоминаниях) под псевдонимом Ю.Д. опубликован в «Воле России» (1925. № 4, 5).

⁶ Повесть «Равнина русская (Хроника наших дней)» опубликована в «Современных записках» (1924. № 19, 20); «Клим Семенович Барынькин» — в «Воле России» (1925. № 7/8, 9/10), обе повести — под псевдонимом Юрий Данилов. В это же время, судя по контексту, написана и повесть «Несколько правдивых жизнеописаний», при жизни автора не публиковавшаяся, издана только в 2012 г. по рукописному автографу.

неприступных гор, чтобы оттуда рухнуть в пропасть» [Там же, с. 207], и больной, жалкой старухи, голосащей в полях, пророчащей о будущей гибели и олицетворяющей собой Россию: ее плач все время слышат самые чуткие герои повести. В «Нескольких правдивых жизнеописаниях» тема исторического свидетельства выходит на передний план: повествование о революции и об участии в ней разных лиц (прототипом одного из героев повести, например, стал Александр Федорович Керенский⁷) ведется от имени рассказчика, мальчика-подростка, младшего и приемного сына в семье Иконниковых, «почти еще несмышленного существа» [Мать Мария 2012, с. 391]. Он не всегда понимает политический смысл происходящих событий и не принадлежит ни к какому из противоборствующих лагерей, но внимателен к людям и наделен редкой способностью к эмпатии, что и делает его не рупором тех или иных идей, но «свидетелем событий», отражающим в своем свидетельстве «историю родного своего народа» [Там же]. Его глазами показана кульминация повествования — гибель от случайной пули Гражданской войны беременной сестры Кати, олицетворяющая собою гибель всей России⁸.

С.Н. Булгаков никогда не ставил перед собой задачу создать чисто художественный текст, но интересно, что и в его философское творчество вместе с темой революции входят элементы художественности. «На пиру богов (Pro и contra): современные диалоги» были написаны уже «к апрелю–маю 1918» [Крылов 2016, с. 78], по горячим следам событий; предназначались они для сборника статей о революции «Из глубины» (1921), но еще до него были опубликованы отдельным изданием в Киеве в 1918 г. Продуман как выбор персонажей, от лица которых ведутся диалоги, так и их композиция. Сама форма философского диалога отсылает не столько к платоновским диалогам, сколько к «Трем разговорам» Владимира Соловьева, с его «Краткой повестью об антихристе»: разговор о революции уже предполагает этот соловьевский стык апокалиптики и истории; перечень персонажей тоже напрямую перекликается с соловьевским⁹. Между персонажами здесь распределены не только разные точки зрения на революцию, от полностью совпадающих с авторской до диалогически приемлемых для него и понятных (даны мнения разных представителей интеллигенции, чувствующих себя в разной степени ответственными за происходящее, и совершенно не представлены мнения абсолютных идейных противников, одобряющих революцию¹⁰), но и разные эмоциональные отклики на нее: от содрогания до спокойной надежды на возмож-

⁷ См. об этом: [Мать Мария 2012, примеч. на с. 634].

⁸ «И странно в мыслях моих тогдашних, чрезмерно затуманенных горем, как-то начали сливаться два образа воедино: образ убитой моей сестры, такой исхудавшей и отяжелевшей, несшей ребенка, — и образ родины моей, тоже, мне казалось, — замученной, поруганной, убитой» [Там же, с. 430].

⁹ У Вл. Соловьева фигурируют: генерал, политик, дама, князь и г-н Z; у Булгакова: общественный деятель, боевой генерал, дипломат, известный писатель, светский богослов и беженец. С оглядкой на Соловьева написан и еще один образец булгаковских философских диалогов — «У стен Херсониса» (1922), при жизни никогда не публиковавшийся и посвященный «искуску католичеством», через который проходит тогда отец Сергей.

¹⁰ Это ставил Булгакову в упрек в рецензии на диалоги Б. Шлёцер: он считал, что здесь «нет носителей социалистической мысли <...> нет представителей и той интеллигенции, которую они осуждают...» См.: [Шлёцер 1921, с. 364].

ность будущего. Автор ставит здесь перед собой ту же задачу «объемного» зрения на исторические события, что и Е.Ю. Скобцова с ее историческими повестями как «хроникой нашего времени» или нарративом от лица «исторического свидетеля», задачу, предполагающую возможность подняться над первичными эмоциональными реакциями и учитывать возможность разных взглядов на одни и те же события.

Еще одна важная тема, поднятая автором «Нескольких правдивых жизнеописаний», — и, может быть, самая принципиальная в отношении матери Марии к революции — это тема соотношения личностного и стихийного начал, тема маленького живого человека на фоне разбушевавшейся исторической и народной стихии. Сама история трактуется здесь как «общая комбинация лиц и характеров, мелких событий и единого Великого события» [Мать Мария 2012, с. 394]: рассказчик превращается в «свидетеля» именно в своей попытке передать, как история проявляется в жизни отдельных лиц, в их «жизнеописаниях» и «характерах». Стихийное начало, апофеозом которого и является революция, может захватывать человека снаружи, делая его частью толпы, безликим винтиком, забывшим о собственной человечности¹¹, — или изнутри, как внутреннее озверение, тоже оказывающееся слиянием со стихией и потерей человечности (так теряет себя Клим, герой повести «Клим Семенович Барынькин», ставший безжалостным красным комиссаром именно в таком следовании стихии). Противостоянием стихии революции будет сохранение человеческого в человеке, т. е. этическое отношение к другому, любовь и жалость, ответственность за собственную жизнь и жизнь близких. Апофеоз такой человечности — способность увидеть человека в другом даже за личиной озверения, даже в идеологическом противнике¹². Мемуарный очерк «При первых большевиках» (в котором в числе прочего дан доброжелательный портрет идейного противника автора, большевика Протапова) заканчивается следующим приговором революции: «...самое страшное в революции, — и особенно в Гражданской войне, — что за лесом лозунгов и этикеток мы все разучиваемся видеть деревья, — отдельных людей» [Там же, с. 135].

Интересно, что об этом же стихийном оскале революции говорил С.Н. Булгаков в своей симферопольской лекции 1919 г. «Духовные корни большевизма», дошедшей до нас лишь по отголоскам в крымской периодике: «Это Стенька Разин, Пугачев, казаки Смутного времени, тушинцы. Демоническая стихия, накапливавшаяся в течение многих веков, не раз прорывавшаяся, в обычное время умиротворялась и сдерживалась Церковью, государством и отчасти тоненькой русской культурой» [Филимонов 2003, с. 129]¹³. Новые способы сдерживания, выставле-

¹¹ В «Жизнеописаниях» тема стихийности толпы — одна из важнейших: «Когда вся эта революция у них произошла, — объявилось одно главное действующее лицо всех событий, — толпа» [Мать Мария 2012, с. 422]. «Толпою одержимым» [Там же, с. 425] становится один из героев, Виктор Канатов, прототипом которого как раз и был А.Ф. Керенский.

¹² Ср. замечание булгаковского «дипломата» в «На пиру богов» о том, что «и в зверином образе большевика против культа всеобщей солдатчины поднимает мятеж все-таки человек» [Булгаков 1991б, с. 245].

¹³ Булгаковские мысли преданы здесь по газетной статье очевидца: *Бор. Ивинский*. Духовные корни большевизма: содержание доклада проф. о. Сергия Булгакова // Таврический голос (Симферополь). 1919. 24

ния заслона против этой прорвавшейся и затопившей все стихии и ищет Булгаков в своих дневниках. Поиск идет в том же поле эмпатии, в ее противоположности звериному и демоническому началу, в способности сопереживать и чувствовать боль. Болью за Россию, ощущением собственной причастности к ее гибели, невозможности от этой боли уклониться¹⁴ наполнены страницы и ялтинского, и ранне-эмигрантского дневников отца Сергия: он как будто все время помнит о расстреливаемых и умирающих от голода, чувствует вину за любые привилегии, за то, что ему хоть как-то удастся спасти от голодной смерти семью в голодающем Крыму¹⁵, за то, что он не следует с патриархом Тихоном на его Голгофу¹⁶. Большевизм рассматривается как «суд Божий над Россией» [Булгаков 1994, с. 41], а соумирание вместе с любимой страной — как единственно возможное движение через смерть к воскресению¹⁷. Эта щедро переданная боль за Россию становится, может быть, самой важной частью, ядром исторического свидетельства и отца Сергия, и матери Марии.

Боль эта усугубляется чувством собственной вины за гибель России. У Булгакова оно обусловлено собственным марксистским прошлым, а также разделяемой ответственностью за прошлые ошибки как нецерковной интеллигенции, так и синодальной, сросшейся с государством церкви, — исправить такую вину можно только «творческим покаянием» [Булгаков 1991б, с. 273]. У матери Марии чувство вины связано с осознанной еще до революции недопустимостью отрыва творческой культуры от народа и от церкви¹⁸, с вопросом о нравственной допустимости террора и вооруженной борьбы¹⁹. Но помимо этого она обращает внимание и на

сент. (7 окт.). № 52 (202). Эту тему о. Сергий подхватывает в 1932 г. в статье «Душа социализма»: «Как факт, революции происходят с элементарной стихийностью, они подобны извержению вулкана, выбрасывающего лаву и пепел, или землетрясению, перемещающему пласты, опускающему одни материки и поднимающему другие. Стихийные силы злы уже в неразумности своей, а еще более, когда сам человек становится стихией. Пробуждается зверство и безумие, и в массах просыпается вековая обида, мстительная злоба и накопленная зависть, — конечно, наряду с героическим энтузиазмом отдельных лиц, вождей или групп. Не прозрачные воды, но отягченные грязью и мутой несет в себе прорвавшийся Ахеронт» [Булгаков 1932, с. 34].

¹⁴ См., например, письмо из Крыма к о. Павлу Флоренскому от 17 августа / 1 сентября 1922 г.: «Не рассказать этих бесчисленных и бесконечных дней и ночей, когда боролась душа и изнывала под непосильным бременем гибели России, эта непрерывная тупая боль...» [Переписка 2001, с. 165].

¹⁵ См., например, ялтинский дневник, запись от 14 февраля 1922 г. [Булгаков 1994, с. 44].

¹⁶ См., например, ялтинский дневник, конец записи от 6 (19) мая 1922 г. и начало записи от 11 мая 1922 г. [Там же, с. 55]; или константинопольский дневник, запись от 13 (26) марта 1923 г. [Булгаков 1996, с. 380].

¹⁷ «Для России этот год был год умирания, бедствий, голода, рабства. Да будет это умирание перед воскресением...» (ялтинский дневник, запись от 31 декабря 1921 г. [Булгаков 1994, с. 42]).

¹⁸ Этот вопрос является основным в мемуарном очерке «Последние римляне», о попытке его философского продумывания мы поговорим ниже.

¹⁹ Эти вопросы подняты довольно остро и в ее прозе: главная героиня «Равнины русской» Катя Темносердова должна участвовать в покушении на большевика Гродского, прототипом которого был Л. Троцкий. Героиня мучительно размышляет о правомерности террора и взятия на себя греха ради спасения России. В итоговой поэме «Духов день» (1942), в ее автобиографической части, мать Мария говорит и о собственном участии в революции: «С моим народом вместе шла на бунт, / В восстании всеобщем восставала» [Мать Мария 1947, с. 23].

те внутренние последствия разлива революционной стихии, которые находит в собственной душе. 23 января 1930 г. она делает запись в записной книжке: «...в нас тоже есть это страшное, этот ужас, который не отталкивает, а, пугая, влечет. <...> ...Духоту и своеволие можно преодолеть <...> только изнутри <...> особенно нам, пережившим революцию» [Мать Мария 1930]. Эта внутренняя работа преодоления прошлого показана в ее исторической прозе образами странных людей, поэтов или пророков, видящих больше других и в финале выходящих на дорогу простыми странниками: Веры Ивановны Маркеловой в «Равнине русской» и старика Иконникова в «Жизнеописаниях». Последний в прощальном письме, которым заканчивается повесть, призывает приемного сына «открыть свою душу всем дорогам, всем ветрам» [Мать Мария 2012, с. 435]. Такое размыкание души как раз и соответствует булгаковской идее «творческого покаяния» как духовной работы над собой. Дневники отца Сергия наполнены не просто призывами к такой работе, но самой работой: пристальным разбором собственной жизни в свете божественного замысла о ней и молитвой о России, понятой как настоящий духовный труд и подвиг. Вхождение молитвы внутрь текста — одна из важных особенностей творчества отца Сергия. В раннеэмигрантских дневниках хорошо заметно, как трудно, с какой болью идет эта молитвенная работа, какие высокие требования ставит перед собой автор (молиться не только за жертв, но за гонителей, за тех, кого он считает виновными в гибели России²⁰), как мучительно дается это внутреннее, личное преодоление греха революции через соумирание с Россией и гонимой церковью, через жертвенное приобщение к этой гибели²¹. Постоянная готовность к личной жертве, боль за Россию и чувство внутренней причастности к ее страданиям и будут отличительными особенностями исторического свидетельства отца Сергия и матери Марии — их философское и особенно богословское послереволюционное наследие строится уже на этом фундаменте и немислимо без него.

²⁰ См., например, запись в константинопольском дневнике 1923 г., после горестных размышлений о Ленине, «втором Иуде»: «И невольно хочется молиться около этого страшного мрака, о зарезанной и замученной им России, и... о мучителях... Безумная мысль: м. б., Русь спасется тогда и тем именно, когда она станет молиться о мучителях своих» [Булгаков 1996, с. 380].

²¹ Вот, например, характерная запись в пражском «Дневнике духовном» от 13 (26) сентября 1924 г.: «Осквернена земля, растлевается сердце народное, исповедники веры томятся в заточении и изгнании. И неумолимо обличает совесть: разве мы любим родину? Разве мы молимся о ней? Господь, быть может, и попустил эту скорбь, дал сатане поразить Иова, чтобы дать нам явить любовь, умолишь, вымолишь спасение. Нужна скорбь сердца, нужны слезы на постели моей, истинное сокрушение <...>. Нужен *подвиг молитвы* в клети сердца своего, нужна непрестанная боль и плач, которые слышит и видит Господь. Такая преискренняя молитва всеисильна, только такою молитвенною любовью и покаянием, покаянием каждого про себя и за себя, можем мы спасти Россию — силою Божией вымолишь у Бога спасение России. Иначе же мы ответственные за гибель и за страдание. Господи, распали сердце мое, дай мне слезы любви и молитвы» [Булгаков 2008, с. 433]. Или запись от 1 (14) августа 1924 г.: «Снова миллионы русских людей обречены на голодное умирание, как это вместить? О, можно и это вместить, если себя им отдать, все свое, до конца, отдать Богу, давшему все» [Там же, с. 424].

2. ФИЛОСОФСКИЙ ОТВЕТ: ПРЕДПОСЫЛКИ РЕВОЛЮЦИИ, ЦЕРКОВНАЯ КУЛЬТУРА И СУДЬБА РОССИИ

Философский анализ предпосылок революции мы найдем еще в дореволюционном творчестве С.Н. Булгакова. Этапами эволюции его общественно-политической мысли, уже после освобождения философа от увлечения марксизмом, становятся: идея создания Союза христианской политики²², избрание во II Государственную думу (1906)²³, трезвый взгляд на революцию 1905 г. и участие в «Вехах» (1909), сборник статей «Два града» (1911), где Булгаков размышляет о тех уроках, которые необходимо извлечь из прошедшей революции. Этот «слой» булгаковской мысли хорошо известен, и нет нужды останавливаться на нем подробно: «человекобожие», которым страдает вроде бы пытающаяся служить страждущему человечеству атеистическая интеллигенция, неизбежно оборачивается противобожием, тупиком, а народнический героизм — терроризмом и присущим революции пафосом разрушения, выбором смерти, а не жизни. В «Двух градах» дилемма, предполагающая выбор, заострена уже в самом названии, отсылающем к Августину, и предостерегает от выбора земного града в ущерб небесному, лжеверы в ущерб вере, тупика в ущерб пути²⁴. Сама возможность исторического будущего для России связана, по Булгакову, с преодолением той «глубочайшей пропасти между интеллигенцией и народом», о которой было заявлено еще в «Героизме и подвижничестве» [Булгаков 2008, с. 154], центральной статье «Вех», вошедшей потом в булгаковские «Два града».

Эту же «пропасть» еще до революции четко осознает и будущая мать Мария, она пишет о ней в «Последних римлянах»: «Верхи русской интеллигенции, представители наиболее высоких достижений русского духа, могли выполнить эти достижения, потому что почти совершенно оторвались от народной массы. Ни в одной стране не было такой разницы между уровнем масс населения и культурным уровнем интеллигентской верхушки» [Мать Мария 2012, с. 69]. С острым чувством гибельности такого разрыва как для народа, так и для культуры, которую неминуемо сотрут с лица земли новые «гунны», связаны повороты юношеской биографии Кузьминой-Караваевой: бегство «к земле», жизнь в анапском имении, обращение к вере в 1916 г., вступление в партию эсеров и политическая активность в революционные годы. Но посмотрим, как изменилось отношение мыслителей к обоим полюсам этого исторического разрыва, к интеллигенции и к народу после событий 1917 г.

²² См. об этом его статью 1905 г. «Неотложная задача (О Союзе христианской политики)» [Булгаков 1991б, с. 25–60]. См. также: [Акулинин 1991, с. 14–18]. Сам Булгаков позднее, в 1923 г. («Пять лет»), признавался: «Это были своего рода “бессмысленные мечтания”, которые и обличила жизнь» [Булгаков 2008, с. 388].

²³ Об этом он вспоминал в 1923 г. («Пять лет») такими словами: «...2-я Гос. дума для меня явилась таким обличением лжи революции, что я и политически от нее выздоровел» [Там же, с. 390].

²⁴ См. четкий анализ этой дилеммы и тех идей, которые вбирают в себя оба «града», в: [Роднянская 1993, с. 8]. См. также: [Зандер 1948, т. 1, с. 31–37].

Начнем с полюса интеллигенции. В диалогах «На пиру богов» Булгаков про-должает ее обличать: хлестко, словами «генерала»²⁵, или же сдержанно, словами «светского богослова»²⁶. Это, конечно, самообличение, все та же работа «творческого покаяния». Булгакову кажется, что все его дореволюционные призывы к интеллигенции были напрасны, раз то худшее, против чего он предостерегал, все-таки совершилось, но это не совсем так. Резонанс, поднятый «Вехами»²⁷, деятельность издательства «Путь», книги самого Булгакова (после «Двух градусов» вышли «Философия хозяйства» (1912), «Свет невечерний» (1917) и «Тихие думы» (1918)) — все это стало важной частью того, что мы теперь считаем русским религиозным возрождением начала века²⁸, этапом формирования той самой «церковной интеллигенции», о которой мыслитель писал еще в «Героизме и подвижничестве» как о «насуточной исторической и национальной необходимости» [Булгаков 2008, с. 159]. Чем же России, разрушаемой революцией, может помочь появление в ней церковной интеллигенции? По булгаковской мысли, основные предпосылки революции связаны друг с другом: именно атеистическая интеллигенция, разрушая «вековые религиозно-нравственные устои» русского народа, выпустила на волю, как джинна из бутылки, таившиеся в народе темные «стихийные силы» [Там же с. 156]. Большевизм, этот внешний и видимый итог революционного выплеска стихии, можно преодолеть лишь изнутри, устранив не последствия его, а корни. Такую историческую терапию и призвана совершить церковная интеллигенция, в себе самой, «в умах, сердцах, душах и в воле» [Филимонов 2003, с. 133], победив эту духовную болезнь. Но для появления такой интеллигенции нужно преодолеть еще один разрыв: между церковью и культурой²⁹. Важным шагом на этом пути стал церковный Собор 1917–1918 гг., начавший свою работу в Москве под гром революционной канонады, — он-то и оказался (об этом вслед за Булгаковым писала и мать Мария³⁰), может быть, единственным бесспорно положительным

²⁵ «Проклятая русская интеллигенция! Сначала одурила свою собственную голову, а потом отравила и развратила весь народ. И ведь, посмотрите, какое самодовольство, самовлюбленность, напыщенность какая, даже и теперь, когда уже совершенно провалилась с треском» [Булгаков 1991б, с. 269].

²⁶ «Борьба нужна не с интеллигенцией, а с интеллигентщиной во имя духовной культуры. И надо надеяться, что уроки истории, пережитые испытания многomu научат интеллигенцию, углубят ее духовное сознание и, самое главное, подвигнут ее к воцерковлению. Пока же интеллигенция, действительно, переживает жесточайший кризис, но он есть, вместе с тем, и кризис России» [Там же, с. 275].

²⁷ О том, как «Вехи» повлияли на развитие философской, богословской и политической мысли на Западе и в России вплоть до наших дней см.: [Аржаковский 2013].

²⁸ О том, как дореволюционная биография Булгакова вписана в контекст истории культуры Серебряного века, см.: [Evtuhov 1997, с. 1–20].

²⁹ Уже в 1906 г. в статье «Церковь и культура», вошедшей затем в сборник «Два града», Булгаков размышляет о «Расколе жизни на “светскую” и церковную, — внецерковность и внерелигиозность (отчасти же и антицерковность и антирелигиозность) современной культуры и внекультурность (отчасти же и антикультурность) современной церкви... Создать подлинно христианскую, церковную культуру и возбудить жизнь в церковной ограде, победить противоположность церковного и светского, — такова историческая задача для духовного творчества современной церкви и современного человечества» [Булгаков 1991б, с. 73].

³⁰ Две ее статьи посвящены непосредственно исторической роли Собора: «О церковном Соборе 1917 года» (впервые в: Дни. 1929. 12 мая. № 36. С. 11–12; переизд. в: [Мать Мария 1992, с. 231–238]) и «Еще о положении Церкви при Временном правительстве (доклад А.В. Карташева)» (Дни. 1929. 9 июня. № 40. С. 9).

историческим итогом революции: на нем было восстановлено патриаршество и положен конец многовековому «плению» Русской церкви у государства. Булгаков был одним из участников Собора и принял священство сразу после окончания его работы, когда исчезли последние внутренние препятствия для рукоположения³¹. В диалогах «На пиру богов» автор именно в этом освобождении церкви видит залог исторического будущего России³². В такую, не грешащую связью с властью, церковь интеллигенция, со свойственным ей чувством правды, уже может вернуться. Эту задачу по созданию церковной интеллигенции и — шире — церковной культуры Булгаков и увозит с собой в эмиграцию, ей посвящено все его послереволюционное творчество: весь огромный комплекс написанных им богословских текстов, деятельность по созданию Свято-Сергиевского православного богословского института и преподавание в нем, участие в РСХД, воспринявшем лозунг «оцерковления жизни» и создания церковной культуры.

Эту задачу подхватывает в эмиграции и Елизавета Юрьевна Скобцова — и размышляет над ней в целом ряде религиозно-философских текстов. Уже в первом своем выступлении на съезде РСХД в 1927 г. она соединяет мысль о России с мыслью о культуре, призывая «окружить все пути русского творческого духа молитвой», молиться о всех тех неведомых нам людях, «кому предстоит стать новыми путеводными маяками русской духовной культуры»³³. В 1929 г. Е.Ю. Скобцова публикует в журнале «Путь» статью с характерным названием «В поисках синтеза», где рассматривает трагические последствия раскола между светской и церковной культурой, между человеческой и божественной составляющими замысла о Богочеловечестве. Последним актом такой трагедии и стал коммунизм, который борется одинаково пламенно и против божественного, и против человеческого начала, в нем слились «антигуманизм» и «противочеловечие»: «Коммунизм — жуткая и страшная кара за расколотый в мире лик Христа-Богочеловека. Правда его в виновности всей совокупной, светской и духовной культуры России. Не могли встретиться и соединиться. Не могли создать синтеза. И вот —

³¹ Вот как вспоминает об этом Булгаков в мемуарном очерке «Мое рукоположение»: «Но существовало для меня еще препятствие, силами человеческими также непреодолимое: то была связь Православия с самодержавием, приводившая к унижительной и вредоносной зависимости Церкви от государства и своеобразного цезарепапизма. Через это я не мог перешагнуть, не хотел и не должен был. Это препятствие внезапно отпало в 1917 году с революцией: Церковь оказалась свободна, из государственной она стала гонимой. На Всероссийском соборе (которого я был членом) Церковь в лице патриарха Тихона получила достойного и неустрашимого главу. Собор же явился каноническим органом церковного управления. Вместе с Церковью и я получил для себя свободу действий» [Булгаков 2008, с. 361].

³² «На пиру богов»: «Светский богослов. Вы забываете самое важное. Вы упускаете из виду ценнейшее завоевание русской жизни, которое одно само по себе способно окупить, а в известном смысле даже и оправдать все наши испытания. Это — освобождение православной русской церкви от пленения государством, от казенщины этой убийственной. Русская церковь теперь свободна, хотя и гонима. А свободная церковь возродит и соберет и рассыпанную хранину русской государственности. Ключ к пониманию событий надо искать в судьбах церкви, внутренних и внешних» [Там же, с. 278].

³³ Из выступления на IV местном съезде РСХД во Франции, прошедшем 18–24 июля 1927 г. в Клермоне. Позднее текст выступления был переработан в статью «Двенадцатый час», см.: [Мать Мария 1992, т. 2, с. 277].

отрицаемы и гонимы в равной степени» [Мать Мария 1992, т. 2, с. 131]³⁴. Задачей нашего времени становится «синтетическая культура, борьба за целостную культуру» [Там же, с. 134]. Как и отец Сергей, мать Мария решает эту задачу не только в теоретическом плане: в период «Православного дела» созданный ею дом на улице Лурмель был не только центром помощи нуждающимся, но и культурным центром Парижа, куда переносит свою Религиозно-философскую академию Н.А. Бердяев, где читаются лекции и проходят дискуссии. Самым же поразительным примером того, как решала мать Мария задачу создания целостной культуры в собственной жизни, помимо всего огромного корпуса созданных ею произведений — книг стихов и прозы, философских и богословских статей, икон, — будут вышивки, созданные ею в нацистском концлагере, там, где места культуре быть не должно по определению, — она вносит огонь творчества и туда.

Что же касается исторической роли интеллигенции, то у матери Марии она еще весомее, чем у Булгакова: это уже не просто социальный слой или культурный пласт, но тот рупор, через который говорит сама история. В статье «Наша эпоха» она пишет: «Русские мыслители являлись в известной степени *le porte-parole*³⁵, который раскрывает внутренний смысл фактов» [Мать Мария 1992, т. 2, с. 11], у них, у думающей интеллигенции, ключ и к истории России, и к ее современности. Философские идеи, выработанные в прошлом, стали подлинными пружинами исторических изменений, ведь именно они легли в основание тех идеологий, которыми руководствовались реальные политические силы, вершившие революцию в России. Тогда пересмотр этих идей позволит пореволюционной интеллигенции выработать новое целостное мировоззрение и изнутри него помочь сегодняшней России найти свой исторический путь и выход из катастрофы. Именно в таком ракурсе и обращается Е.Ю. Скобцова к истории философии: в 1927 г. в РСХД она участвует в создании и становится секретарем Кружка по изучению России, курирует в нем ряд семинаров (самыми долговечными оказались семинары Н.А. Бердяева «Христианство и марксизм» и Г.П. Федотова «Русская историософия»), читает доклады и пишет брошюры «А. Хомяков», «Достоевский и современность» и «Миросозерцание Вл. Соловьева», вышедшие в 1929 г. в «УМСА-Press». Сама философская и историософская мысль в таком понимании уже оказывается работой по преодолению последствий революции, по прокладыванию исторических путей. Скобцова выделяет для этого в истории философии «основное русло» русской мысли, в котором такая работа истории ведется наиболее плодотворно. Им, по мнению автора, является софиологическое направление мысли: оно берет свое начало в еще неуклюжих философских построениях Московской Руси, выразившихся в концепции Москвы как Третьего Рима, идет через XIX в., через Хомякова, Достоевского и Соловьева, а венчает его булгаковская софиология. Центральна

³⁴ Интересно, что Булгаков в «На пиру богов» тоже отмечает эту двоякую направленность советских гонений и на церковь, и на культуру, на интеллигенцию и видит в этом еще одну новую возможность для их встречи: «Светский богослов. <...> И вот теперь судьба свела церковь и интеллигенцию в состоянии общей гонимости со стороны большевиков. Дай Бог, чтобы эта встреча повела к внутреннему сближению» [Булгаков 1991б, с. 271].

³⁵ *Le porte-parole* (фр.) — рупор, выразитель мнения.

здесь идея «миропричастности Бога и богопричастности мира» [Там же, с. 14], их софийной неразрывности, в свете которой и продумывается историческая задача, стоящая перед Россией и ее народом. Чтобы лучше понять эту задачу, перейдем теперь ко второй части нашей диады интеллигенции и народа: к понятию народа.

В 1917 г. Булгаков вновь обращается к поднятой еще в «Героизме и подвижничестве» теме темных, стихийных сил, соперничающих в «исторической душе русского народа» с «заветами преп. Сергия» [Булгаков 2008, с. 156]. В диалогах «На пиру богов» «писатель» упоминает «две бездны» народной души: верхнюю («тело церкви, род святых») и нижнюю («революционная чернь») [Булгаков 1991б, с. 239]. Тему этих двух полюсов подхватывает в своей историософии Е.Ю. Скобцова: наряду с «темной народной тайной», которую и унаследовал коммунизм, есть еще «светлая тайна русского народа» — к ней и нужно пробиться сегодня интеллигенции, «чтобы не остаться заново в интеллигентских кабинетах, без всяких приводных ремней к народной русской истории»; только второй и можно победить первую [Скобцова 1928б, с. 2]. Для нее эта «светлая тайна» связана с идеей «мессианства» русского народа, понятого как данное Богом народу задание, выполняя которое он только и может выйти из исторического тупика, реализовать себя в истории. Это задание и угадывается «основным руслом» русской мысли, оно в том, чтобы «воплотить в жизни божественный замысел о мире. В параллель с мессианским иудейским народом, явившим Богочеловека, русский мессианский народ чаёт и хочет явить Богочеловечество» [Мать Мария 1992, т. 2, с. 31]. Идею такого мессианства Скобцова активно отстаивает в 1928–1931 гг. в целом ряде статей в газете «Дни», вызвавших бурные отклики и дискуссии в эмигрантской прессе³⁶, в докладах в РСХД, в Пореволюционном клубе князя Ю.А. Ширинского-Шихматова, а затем и в его журнале «Утверждения». Мессианство это не только не имеет ничего общего с национализмом³⁷, но оказывается чем-то прямо противоположным ему, потому что вершиной избранничества народа, признаком его величия становится жертвенное самоотречение. В статье «Герань и Иоанн Калита» Скобцова пишет о величии Великороссии, проявившемся в том, что «Великороссия, — заплатила за выход во Все-Россию отказом от своего местно-национального лица. Великороссия умерла, чтобы воскрес путь в масштабах Всероссийских» [Скобцова 1928б, с. 2]. Тогда же она пишет философский диалог «Мыслители», своеобразное продолжение соловьевских и булгаковских диалогов. В нем спорят между собой мыслители XIX в. А. Хомяков, П. Чаадаев, Ф. Достоевский, А. Герцен и Вл. Соловьев, и автор не просто сопоставляет их идеи, но проверяет их российской катастрофой 1917 г., выясняя, какие из них могут привести к выходу из исторического тупика. Такой пророческой, «работающей» идеей признана мысль Вл. Соловьева о «церковном самоотречении», правда выполненная с точностью

³⁶ Подробный обзор статей Е.Ю. Скобцовой на эту тему в газете «Дни» и связанных с ними дискуссий см. в: [Ликвинцева 2011, с. 508–514].

³⁷ Булгаков еще в 1910-е гг. размышлял о «национальном мессианстве» и также разводил его с национализмом. В статье «Размышления о национальности» (1910), вошедшей в «Два града», он определяет «национальный мессианизм» как «чисто формальную категорию, в которую неизбежно отливается национальное самосознание, любовь к своему народу и вера в него» [Булгаков 1991б, с. 180].

до наоборот: вместо отказа «от своей церковной исключительности» и укрепления государственности произошло «самоотречение от самых основ всякого государственного бытия» [Мать Мария 1992, т. 2, с. 101], государственная смерть России, и одновременно — утверждение Церкви, связанное с освобождением ее на Соборе от прежней связи с государством. Судьба России и ее народа решается теперь изнутри Церкви, гонимой на родине, нищей в эмиграции. Потому что, считает отец Сергей Булгаков, «если доселе народ русский носил имя своих царей, то эти страшные дни он был народом патриарха Тихона...»³⁸. В 1930 г. в «Днях» в программной статье «По обе стороны» мать Мария пишет, что настоящая Россия, народ, живы сейчас по обе стороны границы: там, где Соловки, ЧК, гонения на церковь и расстрелы, и здесь, в бездомности, бесприютности и пьянстве «настоящей, мученической эмиграции» [Скобцова 1930, с. 14]. Гонимые и страдающие по обе стороны границы составляют одно целое, одну живую Россию, ее народ. Пропасть между интеллигенцией и народом устраняется практически: хождением новой церковной интеллигенции в этот новый эмигрантский народ, чему и посвящает свою жизнь после монашеского пострига мать Мария. Мысль о судьбе России смыкается с мыслью о том, как помочь реальным Иванам и Петрам в их нищей эмигрантской судьбе. И это становится уже богословской задачей.

3. БОГОСЛОВСКИЙ ОТВЕТ: СФЕРА СОЦИАЛЬНОГО, ДЕЛО И СТРАДАНИЕ

Стоит сказать несколько слов о самом переходе булгаковской мысли от философии к богословию: через примечательную книгу «Трагедия философии». Написана она в Крыму в 1920–1921 гг. и (вместе с «Философией имени») завершает собой философский период творчества мыслителя³⁹, становится своеобразным

³⁸ «Слово о патриархе Тихоне», 1925 г. [Булгаков 2008, с. 280]. Ср. в позднем мемуарном очерке «Моя жизнь в православии и в священстве»: «В огненном испытании, через которое проходит Россия, одинаково проявились и эта духовная безоружность православного народа в борьбе с дьявольщиной большевизма, направленной против святости и религиозной веры, так и особое религиозное призвание и религиозный гений русского народа, любовь к Богу, которая если не может сравниться с избранным народом в его единственности, то все-таки напрашивается на сопоставление именно с ним. И, конечно, эти дары могли проявиться во всей широте и силе только во времена испытаний, которыми милосердный Господь почтил народ Русский и его Церковь. И я славлю и благодарю Бога моего, что Он дал мне вступить в клир и послужить в нем именно в эти страшные, трагические времена неблагополучнейшего благополучия жизни церковной» [Там же, с. 377]. Здесь стоит отметить один момент: был отрезок времени, перед высылкой и сразу после нее, когда Булгаков считал, что православная церковь в огне революции потерпела поражение и не прошла испытания, раз во время гонений в ней появилось живоцерковничество и идут разделения. Тогда единственным выходом ему видится восстановление единства с католической церковью, этому посвящены диалоги «У стен Херсониса». «Католический иску» проходит у отца Сергия довольно быстро, он остается в православии, но само православие понимается с тех пор как «свободное от всякого “православизма”, свойственного поместной церкви» [Там же]; остаются также «боль от раны церковного разрыва» [Там же, с. 378] и стремление к подлинному церковному единству, чем и будет обусловлено участие Булгакова в экуменическом движении.

³⁹ Так, В. Зеньковский, считавший, что Булгаков и в богословии своем «остается философом», тем не менее четко проводит границу между двумя периодами и утверждает, что после принятия философом

рывком от философии к богословию. Болезненность такого рывка удивительным образом перекликается с трагизмом времени, в которое книга написана, и с темами философских диалогов: с надеждой на воскресение России из того смертельного состояния, куда ввергла ее революция (чем и оканчивается «На пиру богов»⁴⁰); с надеждой на рождение новой России «в кровавых муках», через мучительный прорыв к единству церкви (диалоги «У стен Херсониса» [Булгаков 1997, с. 499]⁴¹). Трагедия времени как суд над Россией, суд над интеллигенцией, суд над церковью, во всех случаях проводимый изнутри, как суд над собой, и то движение через смерть к воскресению, о котором мы уже говорили в аспекте свидетельства, здесь удивительным образом переносится и в сферу мышления и становится судом, который «вершится более изнутри, нежели извне философии» [Хоружий 1993, с. 14], ее умиранием-воскресением, через которое философ и выходит к троичскому богословию — сердцевине своей дальнейшей мысли. Любая философская система понимается здесь как трагедия, как «повесть о повторяющихся падениях Икара» [Булгаков 1993, с. 314]; «разум, стремясь к монизму» [Там же, с. 316], вступает на путь произвола и философской ереси, опирается в собственные границы. И только осознав эти границы, неизбежные апории и антиномии, сузив себя возвращением к религиозному догмату, только тогда признанная невозможной философия оказывается «возможна как антиномически обоснованная и религиозно, т. е. догматически, обусловленная философия. И это не принижение, но высшее предназначение философии — быть богословием...» [Там же, с. 388]. В этом поле «взаимодействия догмата и богословия» как «живом, постоянно возобновляющемся творческом процессе»⁴² и движется в дальнейшем мысль отца Сергия.

После революции, в эмигрантский период в сферу богословия Булгаков переносит и рассмотрение социальной проблематики, и вопрос о социализме. В 1917 г. в статье «Христианство и социализм» он так формулирует свое амбивалентное отношение к социализму: по-прежнему категорически неприемлемы враждебность социализма к христианству «и ко всякой религии», связанная с тем, что тот «сам хочет стать религией и вытеснить всякую другую» [Булгаков 1991б с. 232];

священства «все его творчество приняло характер богословствования» [Зеньковский 1991, с. 203]. Л. Зандер, считая «Трагедию философии» «самой “философской” книгой о. Сергия» [Зандер 1948, т. 1, с. 52], также отмечает после нее (и «Философии имени») начало нового, богословского периода булгаковского творчества, совпавшего с эмиграцией.

⁴⁰ Заканчиваются диалоги переходом темы гибели России к мотиву пасхального воскресения мертвых и веры в спасение России молитвами Богородицы. В последних репликах все участники, кроме скептически настроенного дипломата, восклицают: «Воистину воскрес Христос» [Булгаков 1991б, с. 295].

⁴¹ «Душераздирающую» боль этих диалогов А. Делл’Аста в статье «Проблема церковного единства у Булгакова» связывает напрямую с трагичностью времени, в которое написаны «У стен Херсониса»: 1922 г. — «кульминационный момент страшного голода», время расстрелов и становления системы ГУЛАГа [С.Н. Булгаков 2003, с. 285–300].

⁴² [Белов 2015, с. 134]. В.Н. Белов пронизательно анализирует парадоксальное сочетание философской и богословской составляющей творчества Булгакова, получившее обоснование как раз в «Трагедии философии», в нестандартном подходе автора к апории, антиномии и догмату: они осмысливаются Булгаковым не как тупики мысли, но позитивно, что связано с идеей «свободного мышления только в догмате и решении всех антиномий и апорий разума в Троице» [Там же, с. 137].

его мещанско-буржуазный характер, который роднит его с капитализмом при всей внешней враждебности к последнему (как это доказала потом на практике советская номенклатура); его социологизм, растворяющий личность в коллективе и тем самым упраздняющий ее. Но есть и «правда социализма», она заключается в критике капитализма и в поднятых социальных вопросах. В 1930 г. в статье «Православие и социализм» Булгаков вспоминает, как в 1920 г. на заседаниях Высшего церковного управления на юге России накануне его эвакуации обсуждалась «природа социализма». Отец Сергей поясняет, что на предложение церковно осудить социализм он составил тогда доклад, где говорилось, что не просто нет никаких оснований для такого осуждения, но что о социальной любви с нас «спросится на Страшном Суде Христовом»: «Цель социализма, понятая как осуществление социальной справедливости, защиты слабых, борьбы с бедностью, безработицей, эксплуатацией — в такой степени нравственно самоочевидна, что разногласие» [Булгаков 1930, с. 8] могут вызывать только вопросы практического достижения этих целей. Эти социальные вопросы Булгаков и вносит в интересующую его теперь область догматики, в сферу богословия, пытаясь найти им церковное решение. В журнале «Новый град» в 1930–1933 гг. появляется его большая работа «Душа социализма» (в трех частях); в том же журнале над социальными вопросами в ракурсе церковной проблематики размышляет в целом ряде статей и Е.Ю. Скобцова⁴³. Так открывается «церковно-догматическое обсуждение социализма» [Булгаков 1931, с. 51]: мы лишь точно коснемся здесь тех тем, что будут развернуты в богословии обоих авторов, расходясь, как круги на воде, от этих, поставленных самим временем и историей вопросов.

Стоит сразу отметить одно принципиальное различие: социальные вопросы в круг церковных тем авторы начинают вводить как бы с разных сторон, и их представление о социализме не совпадает. Булгаков исходит из общего и внепартийного понятия социализма, разводя в уже отмеченной нами дихотомии его грехи и его «правду», или «душу», не совпадающую с ограниченными полуправдами тех или иных социальных или партийных группировок (ни к какой партии Булгаков так никогда и не примкнул). К частным проблемам он словно бы нисходит из широкого и всеохватного зрения своей софиологии, видящей Бога и сотворенный мир в одной и неразрывной целостности, и любая частная проблема (социальная в том числе) уже предполагает этот общий горизонт его мысли. Мать Мария приходит в социально-церковную проблематику из конкретной социалистической партии правых эсеров; в раннеэмигрантской публицистике она активно обсуждает и вопросы современного социализма (правомерность его существования при том, что творится в советской России), и вопросы совместимости социалистических взглядов с христианством⁴⁴; при переходе к богословской проблематике эти вопросы остаются в прошлом, ни о каком «христианском социализме» у матери Марии не заходит и речи, только о церковном решении социальных проблем, тех

⁴³ См. четкий анализ этой дилеммы и тех идей, которые вбирают в себя оба «града», в: [Роднянская 1993, с. 8]. См. также: [Зандер 1948, т. 1, с. 31–37].

⁴⁴ См. об этом: [Ликвинцева 2011, с. 504–508].

самых, которые прежде она пыталась решать изнутри социализма. Но сама насущность этих проблем, необходимость их церковного разрешения и богословского осмысления ясна обоим мыслителям.

Статью «Душа социализма» Булгаков начинает с замечания, что вся «жизнь народов сейчас находится под знаком социализма» [Булгаков 1931, с. 49], именно поэтому с ним нужно разобраться, «стоя на твердой догматической, а не только этической почве, — в жизненной связи с Церковью, но, однако, не упрощая вопроса» [Там же, с. 50]. Ему вторит мать Мария в новоградовской же статье 1933 г. «Крест и серп с молотом»: освободить нашу жизнь «из тупика», из «социального ада» «может только церковь» [Мать Мария 1992, т. 1, с. 239]. Булгаков выделяет две черты социализма, ставшие его своеобразной антропологией, тем вызовом времени, на который и должна найти ответ Церковь, — «социологизм и экономизм» [Булгаков 1931, с. 52]. С этими вызовами «работают» оба мыслителя. Перед лицом социологизма, по Булгакову, «христианское богословие призвано <...> дать ответ на вопрос, пред которым в бессилии останавливается социология, — как совместить и в мысли и в жизни равную реальность и самобытность как личности, так и целого общества» [Булгаков 1933а, с. 36–37]. Данную задачу должна разрешить «христианская социология»: такой курс был отцом Сергием задуман, разработан и прочитан в Свято-Сергиевском православном богословском институте⁴⁵. Атомизированному обществу, с его «принудительным соединением человеческих атомов» [Там же, с. 38] и механической разделенностью на классы и страты, христианская социология противопоставляет «живую соборность» как «догматическое основание церковной общественности» [Там же, с. 41]; для этого «в народе церковном должен забить ключ нового вдохновения» [Там же] — «нетворческое отношение к социальной жизни есть грех современного христианства» [Там же, с. 42], и грех этот предстоит преодолеть.

«Социологический» взгляд на современное эмигрантское общество бросает и Е.Ю. Скобцова в новоградовской статье 1932 г. «Социальные сдвиги в эмиграции». Среди таких сдвигов, например, еще один вариант преодоления пропасти между интеллигенцией и народом, связанный с эмигрантскими реалиями: «люди интеллигентные <...> привыкшие только теоретизировать, вдруг оказались в трудовой гуще жизни» [Скобцова 1932, с. 74], стали эмигрантскими рабочими. Но это лишь частность. Важнее другое. Одна из центральных тем богословской мысли матери Марии как раз и связана с преодолением того, что Булгаков отметил как «ересь социологизма», с продумыванием ее противоположности — «живой соборности». Хомяковскую идею соборности, философски проанализированную еще в 1920-е гг., она теперь пытается практически применить и воплотить в жизнь. В статье «Вторая евангельская заповедь» (1939) мать Мария пишет: «Мы призваны воплотить в жизнь соборные и богочеловеческие начала, лежащие в основе нашей православной церкви <...>. Всем видам мистических тоталитарностей мы противопоставляем только одно — личность, образ Божий в человеке. И всем видам пассивно коллективистических настроений в демократии

⁴⁵ См. курс лекций о. Сергия, прочитанный в 1927–1928 гг., по записям студентов: [Булгаков 1991а].

мы противопоставляем соборность» [Мать Мария 1992, т. 1, с. 229–230]. В своих работах военного периода она подробно анализирует, как противоположный такой соборности подход (упразднение личности и коллективизм) оказывается одной из отличительных черт идеологии тоталитаризма, будь то коммунистический или нацистский его варианты, и как само возникновение тоталитарных обществ является порождением революций⁴⁶. На практическом уровне поиск воплощения соборности ведется в работе созданного матерью Марией общества «Православное дело», в его размежевании с обычной «благотворительностью»: «...мы не можем дать куска хлеба, если мы не почувствовали в просителе человека» [Там же, с. 260], живую личность, а не номер статистического отчета — потому что к номеру сводят человека в лагере, этом самом страшном порождении тоталитарного режима. Теоретическое осмысление такого «выращивания соборного организма» [Там же, с. 259] выливается у матери Марии в идею «мистики человекообщения»⁴⁷ — такого общения, когда в каждом встречном человеке мы видим образ и лик Христов, когда человекообщение становится уже богообщением, «подлинным общением со Христом» [Там же, с. 147]. И здесь наши авторы снова встречаются в общем поле мысли, т. к. троическое богословие отца Сергия, с его продумыванием перехода от я к «другому я», «к *ты*» и «возникновению *мы*» [Булгаков 1993, с. 406] в контексте внутритроической модели отношений делает отца Сергия «одним из первых современных православных богословов», указавших на «сложности и интересные перспективы размышлений о троическом догмате в свете богословия общения» [Белов 2015, с. 140]⁴⁸. И еще один момент, о котором стоит упомянуть: соборность в таком коммуникативном аспекте понимается обоими мыслителями предельно расширительно, т. е. сама динамика такого расширения, стремящегося к всеохватности, оказывается примечательной чертой их богословской мысли. Мать Мария ищет такого утверждения соборности, которое сможет «ее проецировать из церкви на все виды социальной жизни» [Мать Мария 1992, т. 1, с. 258]: «внехрамовая литургия» изливается в мир, стремясь в постоянном расширении круга охватить всех и никого не оставить в стороне, как «Христос пришел спасти всех и среди всех лично каждого» [Там же, с. 258]. Булгаковский отказ от партикуляризма тоже можно проследить по многим линиям его мысли, и особенно по его экклесиологии, с ее устремленностью к подлинному церковному единству, к универсальности, раздвигающей и тем самым уничтожающей границы Церкви, «потому что Церкви принадлежит все мироздание, которое есть ее периферия, космический лик» [Булгаков 1945, с. 291].

Второй «ересью» социализма, отравляющей современное сознание, оказывается, по Булгакову, «экономизм», признающий зависимость человека от природы и роль труда, в чем есть своя правда, ведь «мир дан нам не на погляденье», прежде философы его только истолковывали, а теперь «пора его переделать», «мир стано-

⁴⁶ Подробнее об этом см.: [Ликвинцева 2015]; см. также: [Беневич 2003, с. 171–186].

⁴⁷ Так называлась статья матери Марии, впервые опубликованная в 1937 г. в № 1 альманаха «Круг» и затем ставшая частью статьи «О монашестве», см.: [Мать Мария 1992, т. 1, с. 141–149].

⁴⁸ См. также: Резниченко А.И. «Я»: К метафизике субъекта С.Н. Булгакова в работах 20-х гг. [С.Н. Булгаков 2003, с. 218–250].

вится человеческим делом» [Булгаков 1931, с. 54]. Эту мысль разными способами выразили два основных «философа хозяйства — К. Маркс и Ф. Федоров». Задача хозяйственного преобразования мира, хозяйство как творческая задача человека еще с «Философии хозяйства» и «Света невечернего» входит в круг первостепенных интересов Булгакова. В 1931 г. он считает, что проблема хозяйства встает перед церковным «сознанием, требуя для себя духовного уразумения, догмата... о хозяйстве» [Там же]. Только так можно преодолеть материалистический экономизм, вписать хозяйственное развитие в эсхатологию и церковно подойти к проблеме труда. В «Невесте Агнца», завершающей части «большой» богословской трилогии Булгакова, сама история рассматривается в перспективе такого творческого освоения, «очеловечения» мира: «История включается в общее дело ософиедения мира в человеке и через человека» [Булгаков 1945, с. 370].

Для матери Марии тоже очень важна тема оцерковления труда, возможности «свободного труда и свободного построения общества на трудовом начале» [Мать Мария 1992, т. 1, с. 240–241], этому посвящена ее статья «Крест и серп с молотом». Но интереснее другое, как в мысль и в саму жизнь матери Марии входит федоровская идея «общего дела», столь важная и для отца Сергия. У нее это уже не просто идея, но насущная задача, богословский смысл которой продумывается в попытке практического ее разрешения. Так рождается общество «Православное дело». Оно оказывает реальную практическую социальную помощь нуждающемуся «эмигрантскому народу». И оно же становится «лабораторией для России», где идет поиск нового «православного соборно-личного метода работы» [Там же, с. 262], — нового, потому что «у православия в России по-настоящему не было своего дела, понимая его как широкую социальную работу» [Там же, с. 256]. Все это обдумывается и ищется в процессе самого дела, перехода от больших слов к «малым делам» [Монахиня Мария 1935, с. 114], в доме на улице Лурмель, с его общежитием, столовой, культурным центром, церковью, совместным содержанием дома, потому что «социальным вопросом абсолютно невозможно заниматься только теоретически» [Мон. Мария (Скобцова) 1932, с. 74]. Такое «Православное дело» «только и может быть Общим Делом, т. е. некоторой литургией, проецируемой из церкви в мир» [Мать Мария 1992, т. 1, с. 263], «внехрамовой литургией», изливаемой «на всех и за вся», приобщающей ее участников к вселенской евхаристической жертве⁴⁹.

И в этой интуиции приобщенности к евхаристической жертве, участия в ней, снова встречаются отец Сергий и мать Мария, дополняя или уравнивая идею делания, активности идеей жертвы и страдания. Оба размышляют об «усиленной» жертве: Булгаков в «Агнце Божиим» рассматривает творение мира как кенозис Бога во Св. Троице, как «со-жертвенную любовь всей Св. Троицы: тако возлюби Бог мир, и любовь не имеет силы без жертвы» [Булгаков 19336, с. 383]. Мать Мария размышляет о жертвенной любви Богородицы, которой следует подражать каждому христианину в принятии «рассекающих душу» «чужих крестов»

⁴⁹ Подробнее о самом понятии «внехрамовой литургии», о том, как оно связано с мыслью Н. Федорова и прот. Сергия Булгакова, см.: [Ликвинцева 2016].

[Мать Мария 1992, т. 1, с. 104], и о жертвенной любви Святого Духа, которая становится темой ее итоговой поэмы «Духов день» (1942). Евхаристический характер такой жертвы подчеркивается и в богословии «внехрамовой литургии» матери Марии, и в богословии евхаристического присутствия Христа в мире, которое развивает отец Сергей в своей книге «Христос в мире». Приобщенность к такой жертве понимается обоими мыслителями как приобщенность к человеческому страданию, как возможность разделить его с людьми и тем самым сделать сами страдания частью любви Христовой⁵⁰. И недаром уже в нацистском лагере, разделив меру общих страданий с людьми до последнего предела, мать Мария просила союзниц передать следующие слова своей матери, владыке Евлогию и отцу Сергию (думая, что он еще жив): «Мое состояние это то, что у меня полная покорность к страданию и это то, что должно со мною быть, и что, если я умру, в этом я вижу благословение свыше» [Мать Мария 1947, с. 152]. Письмо о страдании — последняя ниточка, соединившая этих двух богословов, друзей, собеседников. Антуан Нивьер отметил, что «отец Сергей Булгаков действительно интериоризировал страдания, вызванные великими катастрофами XX века. Он на себе испытал драму революции и изгнания, как и мученичество Русской церкви и миллионов верующих» [Nivière 2000, p. 226]. То же можно сказать и о матери Марии. Оба мыслителя разделили трагедию своего времени, все последствия революции сполна, сделав добровольный шаг в самую гущу человеческого страдания и внося туда мысль о человеческом сострадании и о божественной любви.

Литература

- Акулинин 1991 — Акулинин В.Н. С.Н. Булгаков: вехи жизни и творчества // Булгаков С.Н. Христианский социализм. Новосибирск: Наука, 1991.
- Аржаковский 2013 — Аржаковский А. Наше поколение // Два венка: Посвящение Ольге Седаковой. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2013. С. 185–228.
- Ассман 2014 — Ассман А. Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика / [Пер. с нем.] М.: Нов. лит. обозрение, 2014.
- Белов 2015 — Белов В.Н. Троическое богословие протоиерея Сергея Булгакова // Фило-софские науки. 2015. № 5. С. 133–146.
- Беневич 2003 — Беневич Г. Мать Мария (1891–1945): Духовная биография и творчество. СПб.: ВРФС, 2003.
- Бердяев 1923 — Бердяев Н. Смысл истории: Опыт философии человеческой судьбы. Берлин: Обелиск, 1923.

⁵⁰ В «Софиологии смерти» Булгаков размышляет о том, что «Христос со-умирает с каждым человеком его болезнью, его страданием» [Булгаков 1996, с. 299]. В «Христе в мире» он так развивает эту мысль: «Мы со Христом в нашем страдании, как и в нашем умирании, в горе, как и на смертном ложе. Ныне, во дни страшных бедствий войны, безумия сатанинского, на полях сражений мы не одни, Он с нами...» [Булгаков 2003, с. 52–53]. Ср. в статье «Вторая евангельская заповедь» мать Мария пишет: «...мы пламенеем этой жертвенной Христовой любовью и соединяемся в ней с Ним, с Его крестными страданиями, и страдаем не ради своего очищения и спасения, а ради убогого и несчастного, которому эти наши страдания облегчают его собственные. Нельзя жертвенно любить во имя свое, — можно жертвенно любить только во имя Христово, во имя образа Божия, открывающегося нам в человеке» [Мать Мария 1992, т. 1, с. 215–216].

- Булгаков 1930 — Булгаков С., *прот.* Православие и социализм: Письмо в редакцию // Вестник РСХД. 1930. № 1. С. 7–9.
- Булгаков 1931 — Булгаков С., *прот.* Душа социализма. I // Новый град. 1931. № 1. С. 49–58.
- Булгаков 1932 — Булгаков С., *прот.* Душа социализма. II // Новый град. 1932. № 3. С. 33–45.
- Булгаков 1933а — Булгаков С., *прот.* Душа социализма. III // Новый град. 1933. № 7. С. 35–43.
- Булгаков 1933б — Булгаков С., *прот.* Агнец Божий: О Богочеловечестве. Ч. 1. Париж: YMCA-Press, 1933.
- Булгаков 1945 — Булгаков С., *прот.* Невеста Агнца: О Богочеловечестве. Ч. 3. Париж: YMCA-Press, 1945.
- Булгаков 1946 — Булгаков С., *прот.* Автобиографические заметки. Париж: YMCA-Press, 1946.
- Булгаков 1991а — Булгаков Сергей, *прот.* Христианская социология // Вестник РХД. 1991. № 160. С. 5–59.
- Булгаков 1991б — Булгаков С.Н. Христианский социализм. Новосибирск: Наука, 1991.
- Булгаков 1993 — Булгаков С.Н. Трагедия философии (философия и догмат) // Булгаков С.Н. Соч.: в 2 т. Т. 1. М.: Наука, 1993. С. 309–518.
- Булгаков 1994 — Булгаков С., *прот.* Ялтинский дневник / публ. Н. Струве // Вестник РХД. 1994 (III). № 170. С. 28–66.
- Булгаков 1996 — Булгаков С.Н. Тихие думы. М.: Республика, 1996.
- Булгаков 1997 — Булгаков С.Н. У стен Херсониса // Булгаков С.Н. Труды по социологии и теологии: в 2 т. Т. 2. М.: Наука, 1997. С. 451–500.
- Булгаков 2003 — Булгаков С., *прот.* Христос в мире // Вестник РХД. 2003. № 186. С. 41–58.
- Булгаков 2008 — Булгаков С., *прот.* Дела и дни: Статьи 1903–1944. Мемуарная и дневниковая проза. М.: Собрание, 2008.
- Емельянова 2001 — Емельянова Т.В. «Руководитель, друг, отец...»: Мать Мария (Скобцова) и прот. Сергей (Булгаков) // Вестник РХД. 2001. № 182. С. 45–63.
- Зандер 1948 — Зандер Л.А. Бог и мир: Мирозерцание отца Сергея Булгакова: в 2 т. Т. 1, 2. Париж: YMCA-Press, 1948.
- Зеньковский 1991 — Зеньковский В.В. История русской философии: в 2 т. Т. 2. Ч. 2. Л.: ЭГО, 1991.
- Колеров 1997 — Колеров М.А. С.Н. Булгаков в Крыму осенью 1919 года: *Vegetus*. Неделя о Булгакове // Исследования по истории русской мысли: Ежегодник за 1997 г. СПб.: Алетейя, 1997. С. 232–236.
- Крылов 2016 — Крылов Д.А. Сергей Булгаков. СПб.: Наука, 2016.
- Ликвинцева 2011 — Ликвинцева Н.В. Глубже, чем политика: публицистика матери Марии (Скобцовой) в газете «Дни» // Ежегодник Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына, 2011. М.: Дом русского зарубежья им. А. Солженицына, 2011. С. 495–516.
- Ликвинцева 2015 — Ликвинцева Н.В. Размышления о тоталитаризме в «военных» работах матери Марии (Скобцовой) // Российская эмиграция в борьбе с фашизмом: Междунар. науч. конф., Москва, 14–15 мая 2015 года / сост. К.К. Семенов и М.Ю. Сорокина. М.: Русский путь: Дом русского зарубежья им. А. Солженицына, 2015. С. 475–485.
- Ликвинцева 2016 — Ликвинцева Н.В. Понятие «внехрамовой литургии» в контексте «мистики человекообщения» матери Марии (Скобцовой) // Вестник РХД. 2016. № 205. С. 296–311.
- Мать Мария 1930 — Мать Мария. Бунт. 28.01.1930 // Мать Мария. Из записных книжек / рук. копия, рукой С.Б. Пиленко. Архив отца Сергея Гаккеля (Льюис, Великобритания).
- Мать Мария 1947 — Мать Мария. Стихотворения, поэмы, мистерии. Воспоминания об аресте и лагере в Равенсбрюк. P.: La presse française et étrangère, 1947.

- Мать Мария 1992 — *Мать Мария*. Воспоминания, статьи, очерки: в 2 т. Т. 1, 2. Р.: YMCA-Press, 1992.
- Мать Мария 2012 — *Мать Мария (Скобцова, Кузьмина-Караваева Е.Ю.)*. Встречи с Блоком: Воспоминания. Проза. Письма и записные книжки. М.: Русский путь: Книжница; Париж: YMCA-Press, 2012.
- Мон. Мария (Скобцова) 1932 — *Мон<ахиня> Мария (Скобцова)*. Социальный вопрос и социальная реальность // Новый град. 1932. № 4. С. 73–76.
- Монахиня Мария 1935 — *Монахиня Мария*. Православное дело // Новый град. 1935. № 10. С. 111–115.
- Переписка 2001 — Переписка священника Павла Александровича Флоренского со священником Сергием Николаевичем Булгаковым. Томск: Водолей, 2001.
- Роднянская 1993 — *Роднянская И.Б.* С.Н. Булгаков — публицист и общественный деятель // Булгаков С.Н. Соч.: в 2 т. Т. 2. М.: Наука, 1993. С. 3–12.
- С.Н. Булгаков 2003 — С.Н. Булгаков: Религиозно-философский путь: Междунар. науч. конф., посвященная 130-летию со дня рождения / сост. М.А. Васильева, А.П. Козырев. М.: Русский путь, 2003.
- Скобцова 1928a — *Скобцова Е.* Герань и Иоанн Калита // Дни. 1928. 9 марта. № 1353. С. 3.
- Скобцова 1928b — *Скобцова Е.* «Классический марксизм и русский ленинизм»: (Доклад Н.А. Бердяева) // Дни. 1928. 16 марта. № 1360. С. 2.
- Скобцова 1930 — *Скобцова Е.* По обе стороны // Дни. 1930. 7 сент. № 105. С. 13–14.
- Скобцова 1932 — *Скобцова Е.* Социальные сдвиги в эмиграции // Новый град. 1932. № 2. С. 70–74.
- Филимонов 2003 — *Филимонов С.Б.* Религиозно-философские общества в Крыму: Новые материалы о С.Н. Булгакове // Вестник РХД. 2003. № 185. С. 120–143.
- Хоружий 1993 — *Хоружий С.С.* Вехи философского творчества отца Сергия Булгакова // Булгаков С.Н. Соч.: в 2 т. Т. 1. М.: Наука, 1993. С. 3–14.
- Хоружий 1994 — *Хоружий С.С.* После перерыва: Пути русской философии. СПб.: Алетея, 1994.
- Шлёцер 1921 — *Шлёцер Б.Ф.* Сергей Булгаков. На пиру богов. Современные диалоги. (Российско-болгарское книгоиздательство, София) // Совр. записки. 1921. № 5. С. 362–365.
- Evtuhov 1997 — *Evtuhov C.* The Cross and the Sick: Sergei Bulgakov and the Fate of Russian Religious Philosophy, 1890–1920. N.Y.: Cornell Univ. Press, 1997.
- Nivière 2000 — *Nivière A.* La philosophie de l'histoire chez Serge Boulgakov // Contacts. 2000. № 191. P. 211–231.

Ф.Б. Поляков

НЕИЗВЕСТНЫЕ БЕРЛИНСКИЕ АВТОГРАФЫ
МИХАИЛА ГОРЛИНА

Габриэлю Суперфину посвящается

Литературное наследие Михаила Горлина — поэта, переводчика, историка литературы, родившегося 11 (23) июня 1909 г. в Петербурге, жившего в эмиграции в Берлине, а с 1933 г. — в Париже и погибшего 5 сентября 1942 г. в Аушвице [Поляков 2012], до настоящего времени не собрано. При подготовке нами к изданию небольшого по объему, но разнообразного материала, этого пронзительного поэтического свидетельства, наиболее значимыми в текстологическом отношении оказались два обстоятельства. Во-первых, это лишь частичная сохранность рукописных источников; некоторая часть его текстов, несомненно, была безвозвратно утрачена. Во-вторых, существенной составляющей поэтики Горлина является «окказиональный билингвизм» [Поляков 2009], поэтому реконструкция стихотворного корпуса текстов Горлина не может ограничиться только воспроизведением (или перепечаткой публикаций) его русскоязычных стихотворений. При изучении соотношения между русскоязычными стихотворениями Горлина и опубликованными автором немецкоязычными вариациями в его сборнике «*Märchen und Städte*» («Сказки и города») [Gorlin 1930], как правило, допустимо исходить из первичности русского текста. Однако в некоторых случаях русский оригинал сохранившейся или опубликованной немецкой авторской версии стихотворения остается неизвестным, поскольку он не выявлен, пропал, не вошел в состав единственного прижизненного русскоязычного сборника [Горлин 1936], не публиковался в эмигрантской периодике или одним из трех сборников берлинского Клуба поэтов.

Такое соотношение оригинала и автоперевода в поэзии Горлина осложняется наличием текстов, подписанных псевдонимом *D. Mirajew / Д. Мираев*. Псевдоним используется Михаилом Горлиным и Раисой Блох при переводах и на немецкий, и на русский, но прозрачен он только в русском варианте (т. е. «Миша и Рая»). К тому же с ним связан элемент литературной игры, поскольку этот «*D. Mirajew*» выступает и как адресат стихотворений Горлина, например «*Der rasende Schofför*» [Gorlin 1930, S. 24; Poljakov 2016, S. 170]; русский вариант этого стихотворения нам не известен. Следует ли предполагать постоянное участие Раисы Блох в создании текстов, подписанных этим псевдонимом? По-видимому, первоначально псевдоним и в немецком, и в русском обличье обозначал сотрудничество двух поэтов (например, общие переводы), но, как представляется, в определенных ситуациях Горлин мог прибегать к нему для более острого представления собственного текста. Так, среди посвященных Горлину стихотворений Раисы Блох (о которых см. отдельную работу) сохранилась

следующая надпись: «Дорогому Мишеньке в его мираевской сущности с просьбой не задаваться». Что именно подразумевает «мираевская сущность» Горлина, не включающая в себя Блох и дающая ему повод «задаваться»? Дата автографа (9 августа 1930 г.) позволяет высказать догадку, что такое посвящение было связано с выходом «авторизованного перевода Д. Мираевым» на немецкий сборника Горлина [Gorlin 1930] — проявлением «Мираева» в индивидуальном поэтическом пространстве.

Новая находка, сообщением которой мы обязаны дружеской помощи Габриэля Суперфина, добавляет еще один штрих к истории этого двоящегося немецко-русского псевдонима. Среди бумаг третьих лиц, оказавшихся в личном фонде Виктора Франка (1909, Санкт-Петербург — 1972, Лондон), друга Горлина по Берлину, обнаружилось рукописные автографы Горлина с несколькими стихотворениями и письмом, обращенным к Сергею Вольфу, постоянному участнику берлинского Клуба поэтов (частное собрание). Это стихотворное «Послание к Сереже Вольфу» («Сережа Вольф, последний из эстетов...»), в оригинале в дореформенной орфографии, написано рукой Горлина красными чернилами, подписано «Д. Мираев» и датировано «осьмнадцатого октября 1931 года». Текст послания Вольфу известен благодаря публикации А.К. Клементьева [Клементьев 1998, с. 135], и в целом он совпадает с версией новонайденного списка. Однако в этом последнем имеется не содержащаяся в упомянутой публикации записка, также написанная рукой Горлина:

Сереже Вольфу, p.h.c.
(poetae honoris causa)

Дорогой Сережа!

Вспомнив о том, что он Вам обязан своим существованием, Д. Мираев написал Вам послание и прилагает его при сей записке с нежнейшими чувствами. С искренней любовью

Д. Мираев

Сердечный привет Вашей супруге.

Второе новое свидетельство — также автограф Горлина, с обложкой, на которой красными чернилами отмечено:

М. Горлин

СТИХОТВОРЕНИЯ

Переписано для поэта h.c. и в душе
Сережи Вольфа

11<.>I<.>1929.

Известная нам лишь отчасти биография С. Вольфа заслуживает внимания. По данным архива Берлинского университета (сообщены его директором Dr. Aleksandra Pawliczek), Сергей Вольф (Sergius Wolff) родился 25 июля 1902 г. в Санкт-Петербурге; профессия отца — адвокат (Rechtsanwalt). Вольф окончил гимназию в Варшаве, в Берлинский университет поступил 28 апреля 1922 г. (Matrikel der Friedrich-Wilhelms-Universität, Nr. 4309 des 112. Rektorats), обучался по специ-

альности «Национальная экономия» до зимнего семестра 1923/24 г., затем записался на философский факультет (Matrikel-Nr. 5444 des 116. Rektorats) и окончил его 14 мая 1928 г. В свидетельстве об окончании университета его статус указан как «не имеющий гражданства» («staatenlos»).

На квартире Вольфа по адресу Pariser Str. 19 иногда проходили встречи берлинского Клуба поэтов (в том числе и первое, учредительное заседание, которое состоялось в пятницу 10 февраля 1928 г.), а сам он был их постоянным участником и упоминался в составленных Горлиным протоколах (см. также письмо к нему Лидии Пастернак от 21 июня 1928 г.: [Гардзонио, Поляков 2017, с. 423]). Титул «Поэт h.c.» означал, что данное лицо принимало участие в деятельности горлинского Клуба поэтов, не будучи автором обсуждаемых в кружке литературных произведений, и был присвоен (из числа физических лиц, а не игровых персонажей, о чем также в другом месте) только С. Вольфу.

Далее в новонайденном списке на девяти нумерованных страницах помещены семь стихотворения Горлина, из числа которых мы полностью приводим здесь только неопубликованные тексты.

1. Л.Ф.

Ты, ты,
Везде и повсюду ты,
Ты — в волнистых снегах, серебром блестящих от лучей фонаря,
Ты — в больших и зорких глазах мимомчащихся моторов,
Ты — в этом небе, посыпанном легкими звонкими звездами,
Ты — в дрожи луны, и длинное и тонкое твое имя
Начертано Богом на оси вселенной.

Стихотворение было прочитано на заседании Клуба поэтов 15 мая 1928 г.; в протоколах Клуба посвящение «Л.Ф.» приводится как заглавие, так же и в немецком переводе. Стихотворение в состав сборника «Путешествия» не вошло и отдельно, насколько нам известно, не публиковалось.

Немецкая версия в сборнике: [Gorlin 1930, S. 12]:

An L.F.

Du, Du,
Stets und überall Du.
Du bist in dem welligen Schnee, der wie Silber erglänzt im Laternenschein,
Du bist in den großen weitblickenden Augen der vorbeirasenden Autos,
Du bist in dem Himmel, der bestreut ist mit leichten, klingenden Sternen,
Du bist in dem Zittern des Mondes, und Dein schlanker und schmaler Name
Steht von Gott geschrieben auf der Achse der Welt.

2. Шнурренлауненбург («Когда-то в детстве...»)

Впервые опубликовано: [Горлин 1929]; та же версия в сборнике: [Новоселье 1931, с. 22–23]. С небольшими изменениями вошло в кн.: [Горлин 1936, с. 12–

13]; перепечатано в кн.: [Блох, Горлин 1959, с. 73]. Немецкая версия «Schnurrenlaunenbourg» включена в кн.: [Gorlin 1930, S. 5–6].

Данный текст представляет собой автограф первоначального варианта, опубликованного в газете «Руль» (1929) и в сборнике «Новоселье» (1931). В сборнике «Путешествия» (1936) в конце текста были сделаны поправки, а именно: исключены два стиха (ниже они приводятся курсивом), а последняя строка изменена:

<...> Шнурренлауенбург!
 Пестрый радостный город!
Как долго ты спал где-то на самом дне моих снов!
Но что-то случилось в душе, и ты снова мне дан. Надолго ль?
 Долго ль я буду блуждать по веселым твоим переулкам,
 Спорить с попугаями гофрата и сидеть в кабаке голубого цветка,
 Или снова будет, что было раньше:
 Серый день, затхлый, как непрветренная комната,
 Грусть, грязь, мразь?.. [*Исправленный вариант в сборнике «Путешествия»: «Одиночества тусклый свет?»*].

Немецкая версия еще сохранила те самые два стиха («Как долго... ~ ...Надолго ль?»), отражающие русский оригинал и вычеркнутые позднее, но содержит вариацию в последней строке, вводя мотив зарядившего дождя и грусти (выделено нами курсивом) [Gorlin 1930, S. 6]:

<...> Schnurrenlaunenbourg!
 Stadt so bunt und so fröhlich!
Wie lange schliefst du auf dem Grund meiner Träume ganz tief
Aber etwas geschah in der Seele und du bist wieder da... Für lange?
 Werde ich lange noch gehen durch deine lustigen Gassen,
 Sitzen im Wirtshaus zur blauen Blume und streiten mit den Papageien des Rats,
 Oder wird wiederkommen, was früher gewesen:
 Der graue Tag, dumpf wie ein ungelüftetes Zimmer,
Triefender Regen und Traurigkeit?

3. Париж («Париж, / И вид из окна...»)

Впервые опубликовано: [Горлин 1930]; с некоторыми сокращениями, изменениями и под заглавием «Париж впервые» вошло в сборник [Горлин 1936, с. 9–10]; перепечатано в кн.: [Блох, Горлин 1959, с. 71]. Новооткрытый автограф содержит первоначальную версию, опубликованную в газете «Руль» (1930); стихи, не вошедшие в сборник «Путешествия» (1936), отмечены ниже курсивом:

<...> Есть неземная отрада в голубом сиянии Champs Elysees,
 И тени всех великих писателей Франции
 (*Список их смотри в любой истории литературы*)
 Явно наверху над Парижем заседают в небесной академии наук и искусств.
 Я знаю: теперь в XX веке не полагается плакать.
 Но как не плакать от восторга, когда все ближе и ближе

И вдруг таинственно и четко, как во сне, встает мистический шкаф Notre Dame?
Говорят, что влюбленные пишут:

Я б хотел быть твоим ожерельем, шнурком от твоих ботинок.

Это глупо и мне никогда не хотелось такого,

Но как устоять от соблазна и не помолиться в католической пышной церкви,

Чтобы меня превратили в рельеф на Colonne de Vendôme?

Ср. подвергнувшуюся правке версию сборника «Путешествия» (в цитате отмечено подчеркиванием):

Есть неземная отрада в голубом сиянье Champs Elysees,

И тени всех великих писателей Франции

Явно наверху над Парижем заседают в небесной академии наук и искусств.

Я знаю: в двадцатом веке не полагается плакать,

Но как не плакать от восторга, когда в дымчатом свете

Воробей взлетает на руку белесой богини в саду.

Или когда над путаницей крыш и мостов, а потом все ближе и ближе,

И вдруг спокойно и четко, как во сне, встает мистический шкаф Notre Dame?

В немецком варианте с заглавием «Paris» [Gorlin 1930, S. 7–8] отражена первоначальная, более полная русская версия:

<...> Es strömt unirdische Labung in dem blauen Leuchten der Champs Elysees;

Und die Schatten aller großen Schriftsteller Frankreichs

(Ihre Namen sieh in jeder Literaturgeschichte)

Thronen sichtbar hochoben in der himmlischen Akademie für Dichtung und Kunst.

Ich weiß: Jetzt im XXten Jahrhundert darf man nicht weinen,

Aber wie soll man nicht weinen vor Freude, wenn immer näher und näher

Und plötzlich geheimnisvoll und klar, wie im Traum, aufwächst

der mystische Schrank Notre Dame?

Man sagt, daß Verliebte schreiben:

Wäre ich doch deine Halskette oder der Senkel deiner Schuhe!

Das ist dumm, und ich hab es mir niemals gewünscht.

Aber wie soll man der Versuchung entgehen in der reichen katholischen Kirche zu beten,

Daß ich verwandelt werde in ein Relief der Colonne de Vendôme?

4. Ожидание («И кроткий блеск...»)

Стихотворение было прочитано на заседании Клуба поэтов 15 мая 1928 г. Впервые опубликовано: [Новоселье 1931, с. 21], вошло в сборник: [Горлин 1936, с. 11], затем перепечатано в кн.: [Блох, Горлин 1959, с. 72] с опечаткой в ст. 5 «поет каштан» вместо «горит каштан», сбившись на предыдущую строку: «Поет трамвай». Немецкая версия «Die Erwartung»: [Gorlin 1930, S. 13].

5. «Несмелые тени...»

Несмелые тени
Легли на ступени.

Вечер встречая,
Поют трамваи.

Зажглись тихи, сини
Огни в магазине.

На свод вышины
Лампаду луны

Бел, кроток и весел
Архангел повесил.

Насколько нам известно, оригинальная версия не публиковалась; немецкий перевод вошел в сборник [Ibid. 1930, S. 43]:

Abend

Sanfte Schatten
Fielen auf Häuser.
Die Straßenbahn singt
Den Abendgesang.
Aufleuchteten bläulich
Die Lichter der Läden.
Auf die Decke der Höhe,
Weiß, mild und fröhlich,
Hingen die Engel
Die Mondlampe auf.

6. *Ее портрет*

Вокзал голубой на краю земли,
Гавань, куда не плывут корабли,

Водомет веселый в парке Творца,
Преддверье трижды благого дворца,

Где звери поют, где огнистый сосуд
Семьдесят семь ангелят несут,

И куда отдохнуть от вселенских тревог
Порой на моторе заезжает Бог.

Стихотворение было прочитано на заседании Клуба поэтов 26 июля 1928 г.; насколько нам известно, ранее не публиковалось.

7. Самому себе («Когда тебе очень скучно...»)

Стихотворение было прочитано на заседании Клуба поэтов 26 июля 1928 г.; опубликовано без разночтений по отношению к рассматриваемому здесь автографу в посмертном сборнике: [Блох, Горлин 1959, с. 66].

Литература

- Блох, Горлин 1959 — *Блох Р., Горлин М.* Избранные стихотворения. Париж, 1959.
- Гардзонио, Поляков 2017 — *Гардзонио С., Поляков Ф.* Заметки о русских литературных связях Лидии Пастернак в 1920–1930-е годы // Новое о Пастернаках: Мат-лы Пастернаковской конф. 2015 г. в Стэнфорде / под ред. Л. Флейшмана. М., 2017. С. 421–431.
- Горлин 1929 — *Горлин М.* Мои города. [1.] Шнурренлауненбург // Тарантас: Вестник поэзии и беззлобной критики. № 1. Сочельник 1929 г. = Руль (Берлин). 1929. 25 декабря. № 2762. С. 8.
- Горлин 1930 — *Горлин М.* Париж // Тарантас: Вестник поэзии и беззлобной критики. [№ 2] = Руль (Берлин). 1930. 19 января. № 2781. С. 8.
- Горлин 1936 — *Горлин М.* Путешествия. Берлин, 1936.
- Клементьев 1998 — *Клементьев А.* Из неопубликованных текстов Раисы Блох и Михаила Горлина в эмигрантских архивах // Русское еврейство в Зарубежье: Статьи, публикации, мемуары и эссе. Т. 1 (6) / сост., гл. ред. и изд М. Пархомовский. Иерусалим, 1998. С. 131–140.
- Новоселье 1931 — Новоселье: Сб. берлинских поэтов. Берлин, 1931.
- Поляков 2009 — *Поляков Ф.Б.* Окациональный билингвизм в поэзии Николая Белоцветова: память культуры и комбинаторика мотивов (30–40-е годы XX века) // Consortium omnium vitae: Сб. статей к 70-летию проф. Ф.П. Федорова / А. Stankeviča un S. Švarcbands (redaktori). Daugavpils, 2009. С. 520–530.
- Поляков 2012 — *Поляков Ф.* «Трагическая и неискупимая судьба»: Свидетельства о гибели Михаила Горлина // Avoti: Труды по балто-российским отношениям и русской литературе: В честь 70-летия Бориса Равдина / под ред. И. Белобровцевой, А. Меймре и Л. Флейшмана. Pt. 2. Stanford, 2012. С. 212–233 (Stanford Slavic Studies, 43).
- Gorlin 1930 — *Gorlin M.* Märchen und Städte: Gedichte / autorisierte Übersetzung aus dem Russischen von D. Mirajew. Berlin, 1930.
- Poljakov 2016 — *Poljakov F.* «Schwester im Traumgebiet»: Mihail Gorlins Lied für Kadidja Wedekind // «Люблю тебя, Петра творенье» / «Ik hou van jou, Peters creatie»: Фестшрифт в честь Эммануэля Вагеманса / Festschrift voor Emmanuel Waegemans / Onder redactie van: P. Boulogne, W. Coudenys, T. Soldatjenkova, L. Verpoest. Amsterdam, 2016. С. 155–173 (Pegasus Oost-Europese Studies, 28).

И.Н. Толстой

СВЕЧА И ОГАРОК:
ИЗДАНИЕ «ДОКТОРА ЖИВАГО»
КАК ЛИЧНАЯ ИНИЦИАТИВА

В эдиционной истории пастернаковского романа до сих пор сохраняются белые пятна. Несмотря на более или менее подробно разобранные (см.: [Толстой 2009; Флейшман 2009; 2013; Mancosu 2013; 2015]) обстоятельства появления трех прижизненных изданий «Доктора Живаго» [Пастернак 1958а; 1958б; 1959], сведения о четвертом все еще остаются ясными лишь в общих чертах. Причина тому кроется как в закрытости некоторых американских архивных источников, так и, на наш взгляд, в неверном направлении поисков информации.

Речь идет о малоформатном издании «Доктора Живаго», вышедшем в двух вариантах — в одном томе и в двух (со сквозной пагинацией) в вымышленном парижском издательстве «Société d'Édition et d'Impression Mondiale» в 1959 г. Титульный лист гласил: «Борис Леонидович Пастернак. Доктор Живаго: роман». Мягкие издательские обложки бледно-желтого цвета были украшены крупным вензелем «БП», а на корешке имели надпись: «Пастернак ДОКТОР ЖИВАГО т. 1 (и т. 2) SEIM» (в дальнейшем для краткости — SEIM).

«Желтый Пастернак» стал за годы холодной войны самым тиражированным западным изданием романа (отпечатано как минимум 9 тысяч экземпляров — и это только первый завод 1959 г.). Именно эти книги раздавались советским туристам на Западе (за исключением осеннего периода Брюссельской выставки ЭКСПО-58, когда распространялось полноформатное издание в твердом переплете), именно их провозили в чемоданах, карманах и дамских сумочках, слали почтой из Венгрии, Чехословакии и Польши (и часть бандеролей достигала адресатов), приносили домой советским писателям, актерам, музыкантам, ученым. Наибольшая часть фотокопий и машинописных перепечаток за 30 лет с момента выхода романа сделана именно с издания SEIM. Однако кто и что скрывалось за этим фиктивным издательством, кто стал автором анонимного предисловия и почему при массовости тиража издатели не позаботились об исправлении ошибок в тексте?

Попробуем внести в эту ситуацию хотя бы некоторую ясность.

Осенью 1958 г., после присуждения Борису Пастернаку Нобелевской премии, создалась соблазнительная ситуация, привлекавшая некоторых западных издателей своей правовой неопределенностью: хотя Джанджакомо Фелтринелли (Feltrinelli) публично заявлял, что международные права на пастернаковский роман принадлежат ему, и только ему (исключение — права «Галлимара» на французский текст), включая издание по-русски, никто не мог добиться от него

предъявления контракта с Пастернаком, где было бы оговорено именно русское издание. Чтобы заставить миланского издателя показать бумаги, нужно было сперва рискнуть напечатать роман по-русски и тогда уже ждать судебного процесса, в ходе которого Фельтринелли вынужден будет раскрыть карты.

С другой стороны, громадные доходы от продажи на разных языках самой скандальной книги года бередили издательский авантюризм: почему гаагскому «Мутону» сходит с рук выпуск книги под именем ничего не подозревавшего Фельтринелли («Фелтринелли», как с опечаткой было оттиснуто на титуле), а другие пойти на подобный шаг не могут?

В атмосфере политического и финансового ажиотажа представитель Народно-трудового союза (НТС) Евгений Гаранин дал в Гааге пресс-конференцию, на которую откликнулись некоторые европейские издания. В частности, 19 ноября 1958 г. журнал «Шпигель» (в номере, специально посвященном Пастернаку) писал: «...представитель воинствующей российской эмигрантской организации НТС сообщил, что часть русского издания “Доктора Живаго” была роздана российским гражданам. Эти экземпляры, по сообщению амстердамской газеты “Het Parool”, передаются сейчас из рук в руки в Москве и Ленинграде. НТС, как дал понять его представитель, готовит дополнительно новое нелегальное русское издание “Доктора Живаго” тиражом 10 000 экземпляров карманного формата, что, “говоря о Советском Союзе, всячески удобно» (цит. по: [Mancosu 2013, p. 190]).

«Книга Пастернака “Доктор Живаго”... — поясняла упомянутая амстердамская газета, — вскоре появится на тонкой бумаге, чтобы облегчить подпольное распространение, сказал господин Гаранин. <...> Она выйдет максимальным тиражом, какой позволят средства, и будет раздаваться российским путешественникам, туристам и морякам. На вопрос, откуда у НТС эта книга, было сказано, что экземпляр получен от говорящего по-русски священника в ватиканском павильоне на ЭКСПО¹» [Ibid.].

Излагая выступление Е. Гаранина, голландская газета объясняла подготовку пиратского издания тем, что НТС не приемлет Фельтринелли как левацкого издателя. А поскольку СССР не признает Бернской конвенции по авторскому праву и раз книга будет распространяться бесплатно, НТС чувствует себя вправе заняться этим [Ibid.].

Однако открыто признав в ноябре 1958-го, что такие замыслы у них имеются, посековцы (издательство «Посев» принадлежит НТС) никогда впоследствии факта карманного издания себе не приписывали и в свои каталоги не включали.

Тем не менее в течение полувека с тех пор в эмигрантской среде принято было считать, что именно НТС отпечатал эти миниатюрные книги, скрыв свое настоящее имя из опасений судебного преследования и поставив на титульном листе фиктивную фирму SEIM.

Именно о посековской работе неоднократно говорила в своих выступлениях доверенное лицо Пастернака парижанка Жаклин де Пруайяр, это утверждает и Паоло Манкозу в своей монографии 2013 г. [Ibid., p. 191]. И хотя П. Манкозу

¹ В Брюсселе в 1958 г.

ссылается на нашу книгу «Отмытый роман Пастернака» и даже цитирует из нее соответствующие строки, показывающие, что издателем был не «Посев», исследователь своего вывода не изменяет. И только два года спустя (в 2015 г.), то есть после публикации документов из архива ЦРУ [Washington Post 2014], Манкозу согласился назвать издателем Центральное разведывательное управление [Mancosu 2015, p. 15–16].

Между тем в «Отмытом романе» мы впервые приводили строки из письма Бориса Филиппова Глебу Струве, вносящие первое прояснение в интересующий нас вопрос.

2 октября 1976 г. Филиппов признавался: «Мое — правда, с изувеченным моим предисловием, — но его можно изъять, — издание карманного формата вышло раньше мичиганского» [Толстой 2009, с. 231].

За давностью лет Филиппов ошибался: мичиганское издание появилось в конце декабря 1958 г., а SEIM — в конце мая или летом 1959-го.

Год спустя, 24 ноября 1977 г., Филиппов в письме к Струве возвращался к этому вопросу: «...в 1959 году выпустил “Живаго” я сам в малом карманном формате, под фиктивной маркой фирмы, никогда не существовавшей: “Société d’Édition et d’Impression Mondiale” <...> в этом “малом” “Живаго” моя статья была так злобно безграмотно изувечена человеком, давшим деньги на издание, что я снял свое имя и с издания, и со статьи» [Там же].

Приводим анонимный текст предисловия, от которого отказался Филиппов:

СВЕЧА ЧЕЛОВЕЧНОСТИ И ПРАВДЫ

В известном смысле писатель тот же врач: он нащупывает больное место, интуитивно определяет болезнь и ее причину и помогает здоровому началу организма справиться с нею. Но задача писателя много сложнее, ибо он имеет дело не с телом и душой отдельного человека, а с духом человека вообще, тем самым — с духом эпохи. И чем значительнее творение писателя, тем глубже проникает оно в поддонные бездны духа человеческого, тем шире обнимает и выражает эпоху.

Борис Пастернак идет этим единственным правильным путем, завещанным ему лучшими традициями высочайших представителей русской литературы. Он хорошо понимает, что

Не плоть, а дух растлился в наши дни,
И человек отчаянно тоскует...
Он к свету рвется из ночной тени
И, свет обретши, ропщет и бунтует.
(Тютчев)

Неверие в высший Смысл мира породило неверие в жизнь, — и историческая вьюга событий, ставшая уже совершенно стихийной и вовсе безликой, нечеловечески темной и жестокой, грозит задушить последние,

слабые, казалось бы, проявления свободной человеческой личности. Личности, стремящейся к жизни, а, следовательно, противопоставляющей себя морозным вихрям безликой мертвенной стихии.

Нагие, лишенные всяческих одежд — культурных, социальных, даже национальных, — как блуждающие ноябрьские листья, разносятся эти личности зимними вьюгами по всей необъятной земле, по всей нашей застылой стране; иногда приникают они друг к другу, приникают особенно любовно и задушевно — ибо ничего, кроме голой душевности, у них и не осталось, а они ищут какого-то сочувствия и тепла: но вновь порыв зимней ночной вьюги отрывает их друг от друга, несет их вдаль, торжественно поет самому себе оды, похваляется своей силой и умерщвляет все живое, противостоящее ему.

Об этом порыве зимних и ночных вьюг и говорит писатель. «Писать о нем надо так, чтобы замирало сердце и подымались дыбом волосы. Писать о нем затверженно и привычно, писать не ошеломляюще, писать бледнее, чем изображали Петербург Гоголь и Достоевский, — не только бессмысленно и бесцельно, писать так — низко и бессовестно. Мы далеки еще от этого идеала», — говорит в своем «Биографическом очерке» (1957–1958) Борис Пастернак.

И он не пошел по «низкому и бессовестному пути». Он создал произведение, вынашивавшееся им всю его жизнь, произведение новое по форме, только условно названное им «романом», ибо нельзя нашу смятенную и исключенную жизнь, нашу историческую ночную метель втиснуть в узкие рамки раз и навсегда законченной формы: с началом и концом, с фабулой и резко очерченными характерами. Борис Пастернак сделал много больше, чем написал новый роман: он не только мучительно-ярко воплотил разгул ночной вьюги на нашей земле, на нашей Родине, — а и заставил уверовать в жизнь и в смысл ее. Да, это так: ночная зимняя вьюга непроглядна и свирепа, изнемогающие путники не видят кругом ни зги, уже изверились в спасении, но вот где-то в одиноком окне мелькнул путеводный огонек: «свеча горела на столе», — и уже увереннее идет путник сквозь ночь и вьюгу смерти на свет человечности и любви, начинает верить в себя, в жизнь, в спасение:

Мело, мело по всей земле
Во все пределы.
Свеча горела на столе,
Свеча горела.

С одной стороны — мощное, безликое, нечеловеческое, хотя и созданное теми же людьми, и часто при этом стремившимися к справедливости и добру, но людьми, утратившими веру в человечность и свободу, в высший смысл жизни, а потому подменившими живую любовь к живым людям механическим мироощущением. С другой стороны — отдельные личности, сумевшие сохранить живую человеческую любовь и сострада-

ние к живым конкретным людям, а не к мертвым абстракциям. Эти люди физически слабы, часто физически гибнут — как гибнут доктор Живаго, Лара, многие другие герои Пастернака. Но духовно — они победители, они уверовали в жизнь и в смысл ее: в любовь к ближнему своему: вот к этому самому ближнему со всеми его слабостями и недостатками, а не к абстрактному положительному роботу-механизму, рассчитанному по всем таблицам мертворожденных схем. Они подошли вплотную к самому заповедному смыслу всего живущего: к сознанию вины каждого за всех и всех за каждого и искупительной и очищающей силы страдания. Они, герои Пастернака, вернулись к Источнику Света и Жизни — к любви и поискам истины.

И жизнь, живая жизнь, опять начинает идти именно так: по пути веры — путь еще слабой — в себя, в смысл бытия, в свободную, а не предначертанную свыше любовь к ближним своим как в основное миродержавное начало. И пусть это начало нового понимания и нового пути пока еще только слабый огонек свечи в одиноком окошке: но на этот именно огонек и идет, шатаясь от усталости и изнеможения, идет сквозь скрежет и мертвящий холод зимней ночной вьюги — идет человечество, идет наша Родина, идут отдельные люди:

И все терялось в снежной мгле
Седой и белой.
Свеча горела на столе,
Свеча горела.

Много пишется романов на свете. Часто очень хороших романов. Но Пастернак признан всем миром потому, что сделал много больше: он указал на эту полузабытую свечу Человечности и Любви, Веры и Правды как на единственный свет в единственном окне, как на единственный, но надежный путеводный огонек спасения:

Метель лепила на стекле
Кружки и стрелы,
Свеча горела на столе,
Свеча горела.
(*Без подписи, без пагинации*).

Даже своему самому доверенному корреспонденту Глебу Струве Борис Филиппов никогда подлинного текста предисловия не присылал. Во всяком случае, в бумагах Глеба Петровича нам его отыскать не удалось. Предисловие, однако, нашлось в коллекции самого Филиппова в архиве Библиотеки Байнеке Йельского университета².

Вот текст, предлагавшийся для миниатюрного издания:

² Beinecke Rare Book and Manuscript Library, Boris Filippov Papers, Box 12, f. 347. Машинопись, без подписи.

СВЕЧА ГОРЕЛА НА СТОЛЕ...

«Доктора Живаго» автор назвал романом только потому, что для такого рода произведений нет еще соответствующего наименования.

Литературные формы, жанры, виды рождаются и умирают, — и никому в голову не придет, скажем, сейчас писать идиллии или буколики, героические эпопеи или даже большие поэмы.

Роман — замкнутое, завершенное в себе пространное повествование о судьбе одного лица или группы лиц, являющихся непременно участниками описываемых событий, причем их участие в этих событиях психологически и сюжетно мотивировано. В романе не должно быть ни одного лишнего лица, ни одного предмета, не входящего действенным элементом в фабулу повествования.

Роман, как форма, возникает вместе с развитием и расцветом индивидуализма, он является своего рода *concerto grosso*, где один герой или группа действующих лиц противопоставляется обществу, как солирующие инструменты противопоставляются всей оркестровой массе. Борьба, соперничество, преодоление препятствий, достижение целей или гибель, — и все это в романе определяется не судьбой-фатумом, не Промыслом Божиим, а мотивируется волей и характером действующих лиц, столкновением отдельных волей и устремлений и, только отчасти, внешними обстоятельствами и условиями.

Но роман умирает, когда реальная жизнь теряет всякую устойчивость, когда исторические события стирают всяческие социальные перегородки, когда в водовороте событий люди утрачивают оседлость, друзей, семью, родину, когда рушатся целые страны, исчезают государства и сама личность человеческая едва-едва выживает ценою совлечения с себя всего социального, национального, культурно-исторического обличья. Когда остаются нагие души на голой, обескровленной и обескормленной, выжженной войнами и революциями земле. И эти души вьюгой событий разносятся, как бессильные осенние листья, по всей земле, и нет возможности построить рассказ о них так, чтобы с начала и до конца встречались бы в произведении одни и те же герои, чтобы их поступки мотивировались бы главным образом изнутри.

Попытка Пастернака все-таки удержать повествование в привычной форме неизменного контингента основных действующих персонажей и является главным недостатком произведения: современный герой, да еще во взвихренной революционной и послереволюционной России, не сидит на месте (как мечется по всей России и Живаго), и лица, его окружающие, как правило, никогда не бывают одними и теми же: постоянная смена окружающих лиц и обстановки, крайняя запутанность психологической мотивировки, невозможность построения сквозной фабулы.

Отсюда — и отсутствие в произведении Пастернака отчетливо очерченных лиц, характеров: они не могли отвоплотиться, ибо и в жизни они

не отвоплощаются в нашем сознании: не успевают: слишком кратковременны пересечения жизненных путей, слишком мимолетны встречи.

Если бы Пастернак не был предельно честен как человек и как художник, он мог бы почище любого делателя романов состряпать фабулу, напичкать ее внешне убедительными поверхностными характеристиками и мотивировками — и роман был бы готов — в стиле социалистического реализма или, скажем, бунинских повестей, у которых приглашают сейчас учиться «жизненной правде».

Но реализм вчерашнего дня — тусклая, наглая, отвратительная ложь по отношению к дню сегодняшнему. Реализм старается вогнать в свои позитивные, эмпирические рамки действительность, давно ставшую ирреальной, трудно укладываемой даже в словесные формы старой речи, такой эпической, такой спокойной и выглаженной.

Уже в прежних своих прозаических вещах («Детство Люверс», 1918, «Повесть», 1930-е гг. и др.) Пастернак стремился к «освобождению от привычных ассоциаций, легко и практически объясняющих бесконечную сложность мира»*, — и это сразу увидели умеющие видеть. «Пастернак — это сплошное настежь: глаза, ноздри, уши, губы, руки», — писала о нем Марина Цветаева**. «Пастернак выбрал самый трудный, но и самый обещающий путь... Сдвиг, новое, свое — у него не в сюжете (он бессюжетен) и не в словаре, а в той плоскости, в которой, кроме него, никто не работает: в синтаксисе. Впрочем, и символика у него — очень острая и своя», — приветствовал раннюю прозу Пастернака Евгений Замятин***. Свой глаз — и между ним и миром внешним и внутренним никаких стереоскопов чужих взглядов, чужих теорий, чужих эстетических воззрений и канонов:

Он награжден каким-то вечным детством,
Той щедростью и зоркостью светил,
И вся земля была его наследством,
А он ее со всеми разделил****.

Чтобы сломать в искусстве слова и образа омертвевшие схемы и штампы внешне выглаженной убедительности, привычной красоты, — нужно было отказаться от привычных литературных форм языка, окостенелых неизбежностей, сломать старый синтаксис, уничтожить старый боевой строй фраз и образов, последовательностей и мотивировок. «У Пастернака синтаксис убежденного собеседника, который горячо и взволнованно что-то доказывает... — писал про стихи Пастернака Осип

* Д. Святополк-Мирский. Б. Пастернак. Рассказы (рец). «Современные записки», Париж, кн. 25, 1925, с. 544.

** М. Цветаева. Световой ливень. «Эпопея», под ред. Андр. Белого, изд. «Геликон», Берлин, кн. 3, 1922, с. 15.

*** Е. Замятин. Новая русская проза. «Русское искусство», изд. «Творчество», Москва-Петербург, 1923, кн. 2–3, с. 63.

**** Анна Ахматова. Из шести книг. Изд. «Советский писатель», Ленинград, 1940, с. 37.

Мандельштам. — Так, размахивая руками, бормоча, плетется поэзия, пошатываясь, головокружа, блаженно-очумелая и все-таки единственно-трезвая из всего, что есть в мире»*.

Этот бормоток, эта взлохмаченная речь, эта смелость в ломке окостенелого синтаксиса и омертвелых художественных форм и психологических мотивировок — от Достоевского, впервые нанесшего смертельную рану самой форме романа: недаром романы Достоевского давно уже рассматриваются как финалы трагедий.

Но к моменту написания «Доктора Живаго» Пастернак еще больше освободился от эстетизма и словесности. Все предыдущие свои произведения сам автор рассматривает как некие подготовительные этюды к делу всей его жизни — к «Доктору Живаго».

«Что такое литература в ходовом, распространеннейшем смысле слова? — говорит Пастернак в своем «Биографическом очерке» (1958): это мир красноречия, общих мест, закругленных фраз и почтенных имен, в молодости наблюдавших жизнь, а по достижении известности перешедших к абстракциям, рассудительности. И когда в этом царстве установившейся, и только потому не замечаемой, неестественности кто-нибудь откроет рот не из склонности к изящной словесности, а потому, что он что-то знает и хочет сказать, это производит впечатление переворота, точно распахиваются двери и в них возникает шум идущей снаружи жизни, точно не человек сообщает о том, что делается в городе, а сам город, устами человека, заявляет о себе».

Вот так и написан «Доктор Живаго». И не лица в нем — действующие персонажи. В нем герой — сама эпоха. Тяжкая поступь истории, железный грохот эпохи величайших катаклизмов; эпохи, когда люди, идеалистически настроенные и стремящиеся к установлению строя справедливости, творящего счастья для всех, с фатальной неизбежностью забывают при этом об *отдельных людях*. Отдельные люди не могут поэтому до конца отвоплотиться в художественном произведении: шум времени оглушил их самих, им некогда оставаться наедине с самими собою, они сами не могут до конца осознать себя, — и только жмутся теснее друг к другу, чтобы не так холодно и боязно было жить, жмутся, когда встречаются такую же нагую, бесприютную душу.

Отсюда и бормоток произведения, то блещущего отдельными гениальными находками слов и образов, то погружающегося в почти нестерпимую бытовую или даже канцеляристскую речь: «Доктор Живаго» секуляризирует литературные ценности прошлого, профанирует высокий штиль поэтических описаний. Тоже и в стихах, являющихся отнюдь не приложением к роману, а его подлинной душой: наряду с почти гениальными (особенно «Зимняя ночь») — крайне сниженные. Но автору не до

* О. Мандельштам. О поэзии. Изд. «Academia», Ленинград, 1928 — в статье «Заметки о русской поэзии».

эстетики: он занят бóльшим и действительно бoльшiм: «всякая душа — христианка» — пафос «Доктора Живаго». Весь смысл исторического процесса — в Боговоплощении и Искуплении. Вы можете быть верующим или неверующим, но вы не можете — после всего, что мы все пережили, увидели, выстрадали и поняли, — объяснять трагедию исторического процесса какими-то «классовой борьбой» и «развитием производительных сил». Мы не можем рассматривать историю как процесс, заканчивающийся где-то в будущем: вот дойдем до Золотого века, построим коммунизм — и начнется вечное и неизменное райское блаженство... Нет, уже Блок издевался над этим социальным хилизмом:

Жизнь — без начала и конца.
Нас всех подстерегает случай.
Над нами — сумрак неминучий
Иль ясность Божьего Лица.

Как же можно уложить эту «жизнь без начала и конца», да еще жизнь, стихийно хлынувшую из берегов и затопившую все и вся, в узкие каналы романа — с его неизбежными «началом и концом»?

Как роман «Доктор Живаго» — несомненная *неудача*. Но эта неудача драгоценнее всех возможных сейчас плоских и неумных, мертворожденных *удач*. Ибо в несурянице слов и нескладице характеров такая подлинная сила правды, такое НОВОЕ СЛОВО, такое звучание эпохи, которого нет и не может быть в произведениях канонически правильных и формально праведных. «Доктор Живаго», может быть, первое полновесное и умное слово о нашей горестной эпохе. Великая тоска и поиски утраченной веры — веры в Промысел, в правду, в жизнь, в себя. Великая тяга к человечности — и чувство оставленности, одиночества — это тоскливая, но многообещающая зимняя ночь, которая уже чуть пронизывается первым лучом восходящего солнца. Солнца Правды, Любви, Творческой Свободы. А пока — ночь, холод, вьюга, — и только в одиноком окне мерцает свеча, указывая блуждающему в потемках путь в Отчий дом, к теплоте человечности:

Мело, мело по всей земле
Во все пределы.
Свеча горела на столе,
Свеча горела.
... И все терялось в снежной мгле,
Седой и белой.
Свеча горела на столе,
Свеча горела...

Б.Ф.
<Борис Филиппов>

Теперь, казалось бы, точки над «і» поставлены: авторство изначального предисловия принадлежало Борису Филиппову, а само издание «Посеву» никаким образом не предназначалось.

Между тем библиографический праздник продолжается. Нам предстоит ввести в прижизненную пастернаковиану еще одно издание «Доктора Живаго» 1958 г. — не ученое, насколько мы можем судить, ни в каких библиографиях, в том числе в перечне книг самого издательства. «Посев» при жизни Пастернака действительно выпустил роман во Франкфурте-на-Майне отдельным изданием, правда, не в малоформатном варианте.

Объяснить это библиографическое упущение можно, во-первых, тем, что речь идет о сильно сокращенном издании (86 страниц), а во-вторых, тем, что издание представляет собой перепечатку тех выдержек из книги, которые появились в 46–49 номерах еженедельника «Посев» за 1958 г. И хотя журнальный набор в этом отдельном издании (формат 205×145 мм, мягкая шрифтовая обложка) сохранен, тем не менее к категории «отдельный оттиск» книгу отнести неправомерно: она снабжена самостоятельным двухстраничным предисловием «От издательства» с изложением истории чинившихся автору препятствий со стороны властей и сквозной пагинацией.

Выдержки (как и при печати в еженедельнике) сопровождаются по всей книге редакционными пояснениями, вставленными уменьшенным шрифтом в сам текст. Например: «Роман “Доктор Живаго” поражает сложностью и тонкостью архитектуроники, которую полностью понимаешь, лишь до конца дочитав произведение. Герой его, Юрий Андреевич Живаго, герой потому, что он — часто незримый центр фабулы, потому, что преимущественно его глазами видится мир». Или: «Лаконично, менее чем на одной странице рисует Пастернак дальнейшую трагедию».

Завершают подборку поглавных выдержек избранные стихи из романа («Гамлет», «Март», «На страстной», «Весенняя распутица», «Объяснение», «Хмель», «Бабье лето», «Осень», «Зимняя ночь», «Разлука», «Земля», «Дурные дни», «Магдалина», «Свидание»).

Прямых указаний на время выхода книги нет, но, судя по тексту предисловия, это период между окончанием открытой травли Пастернака в советской печати (ноябрь 1958-го) и появлением мичиганского издания романа, вышедшего фактически в конце декабря 1958 г., официально — в январе 1959-го. Несколько днями ранее выхода в свет сокращенного издания в Мюнхене издательством ЦОПЭ был выпущен сборник «Дело Пастернака», включавший очерк творчества писателя и ставший своего рода дополнением к посевовской книге.

Приводим текст предисловия из этого редчайшего издания:

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Дата 23 октября 1958 г. навсегда останется памятной датой русской литературы. В этот день Шведская королевская академия присудила ежегодную Нобелевскую премию по литературе нашему соотечественнику

поэту-писателю Борису Леонидовичу Пастернаку за его лирику и «следование великим традициям русской повествовательной литературы».

Б.Л. Пастернак, сын друга Л.Н. Толстого, художника Л. Пастернака, родился в Москве в 1890 году. Среднее образование получил в Москве, высшее в Германии (университет в Марбурге), где изучал философию. Первый сборник его стихов «Близнец в тучах» вышел в 1914 году, второй «Поверх барьеров» в 1917 году. Б. Пастернак был сотрудником журнала «Леф», в 1926–1927 гг. он написал поэмы «Лейтенант Шмидт» и «1905 год». В 1927 г. вышел сборник его стихов «Две книги». Его перу принадлежат также роман в стихах «Спекторский» и сборник стихов «Сестра моя жизнь». Пастернак написал также несколько вещей прозой: рассказы «Детство Люверс», «Письмо из Тулы», автобиографическую «Охранную грамоту». Пастернак известен и как переводчик: он переводил на русский Шекспира, Гете, грузинских поэтов, Словацкого.

В 1954 году Б.Л. Пастернак закончил большой роман «Доктор Живаго». Журнал «Знамя», номер 4 за 1954 г., опубликовал ряд стихотворений, составляющих заключительную часть романа, но сам роман опубликовать не решился, да и стихотворения были помещены далеко не все: редакция старательно удалила все стихи, имеющие религиозную тематику или направленность. В 1956 г. Б.Л. Пастернак передал рукопись «Доктора Живаго» редакции журнала «Новый мир». В 1956 и 1957 гг. советское радио повторно сообщало о предстоящем выходе в свет романа «Доктор Живаго»; очевидно, все это время «на верхах» шла по поводу Б. Пастернака и его произведения какая-то борьба.

В связи со слухами о предстоящем выходе в свет романа к писателю обратилось миланское издательство Фельтринелли (сам Фельтринелли — член Итальянской коммунистической партии, жертвователю крупных сумм в партийную кассу). Автор передал Фельтринелли (с ведома власти) рукопись своего романа для перевода и опубликования на итальянском языке.

Но, уже после того как рукопись попала на Запад, «власть имущие» спохватились. Между Гослитиздатом и Б.Л. Пастернаком возникла переписка: партийная власть требовала от автора внести изменения в первоначальный текст романа. Уступая этим требованиям, Б.Л. Пастернак запросил у Фельтринелли рукопись обратно, для внесения поправок, но последний отказал, ссылаясь на уже подписанный договор и на то, что книга уже в печати.

Уговаривать Фельтринелли приезжал А.А. Сурков. Как рассказывает сам Фельтринелли, А.А. Сурков заявил ему, что в истории советской литературы это было бы вторым случаем, что произведение советского автора выходит за границу до того, как оно появилось в СССР: первым случаем был выход в свет в 1925 г. в Берлине повести Б. Пильняка «Кипарисовый ларец»*. Ссылка на Пильняка довольно красноречива: как известно, писа-

* Ошибка. Имеется в виду повесть Б. Пильняка «Красное дерево».

тель погиб в эпоху ежовщины. (М<жду> пр<очим>, А. Сурков ошибается: за границей вышел и ненапечатанный в СССР роман-аллегория Е. Замятина «Мы»). Но Фельтринелли отказал, и 15 ноября 1957 года вышло в свет первое издание «Доктора Живаго» на итальянском языке. Оно тут же было раскуплено; пришлось в том же ноябре выпустить второе и третье издание. С тех пор «Доктор Живаго» начал триумфальное шествие по всем странам свободного мира.

Власть делала вид, что успех писателя ее не интересует. Но после того, как заговорили о возможности присуждения Б.Л. Пастернаку Нобелевской награды, «на верхах» заволновались. Тот же А.А. Сурков в беседе с западногерманским литературоведом Руге назвал роман «самым слабым из всего, что было написано Пастернаком» и прошелся насчет «необъективности» Шведской академии, имеющей-де пристрастие к «реакционерам», наградившей Нобелевской премией «белоэмигранта» Бунина. Когда Руге, возражая Суркову, сослался на нобелевских лауреатов Рабиндраната Тагора, Анатоля Франса, Бернарда Шоу, Хальдора Лакснеса, последний не нашел что возразить и замолчал.

Травлю против Б.Л. Пастернака развязал факт присуждения ему Нобелевской премии. «Благодарен, счастлив, горд, смущен», — телеграфировал в Стокгольм Б. Пастернак, узнав о высокой чести и не подозревая последующего. Это «последующее» — к нашему общему стыду и позору — пришло. Пастернака исключили из Союза писателей. Его, — имевшего возможность покинуть родину и предпочитающего поношение и брань высылке за границу — обозвали «ренегатом» сафроновы и сурковы. Совершенно непристойной руганью по адресу Б.Л. Пастернака разразился — в присутствии Н.С. Хрущева — руководитель комсомола Семичастный.

«Увольте Советский Союз от этого не поддающегося никакому объяснению скандала», — телеграфировал Хрущеву по поводу травли Б.Л. Пастернака исландский «прогрессивный» писатель, Нобелевский лауреат Хальдор Лакснес. «Я счастлив, что Нобелевская премия присуждена советскому писателю, что свидетельствует о прекращении дискриминации в международных отношениях. Борис Пастернак — один из величайших талантов в мировой литературе», — сказал чилийский поэт, лауреат «сталинской премии мира» Пабло Неруда. По мнению французского писателя, нобелевского лауреата Франсуа Мориака, книга Пастернака «пожалуй, самое значительное произведение нашей эпохи».

Под влиянием возмущенного общественного мнения всего мира организованная травля писателя как будто прекратилась. Но «Доктор Живаго» по-прежнему под запретом в нашей стране. Кажется, мы возвращаемся на полтора столетия вспять, когда царской цензурой запрещались Боккаччио, Вольтер, Джонатан Свифт.

Насколько власть чувствительна к появлению «Доктора Живаго», свидетельствует случай почти анекдотический: в Югославии издательство «Просвета» объявило о предстоящем выходе в свет романа Пастернака в

переводе на сербохорватский. Советский посол лично обратился к Тито, грозя ухудшением советско-югославских отношений. Издательство «Промсвета» было вынуждено опровергнуть собственное же объявление.

Желая дать нашим читателям возможность самим, без посторонней укаски, составить представление о романе Б.Л. Пастернака, мы печатаем выдержки из «Доктора Живаго». (Оригинал на русском языке вышел за границей в ограниченном числе экземпляров.)

Издательство «Посев»⁴

Зададимся теперь неизбежным вопросом (допуская, что SEIM — это гипотетический криптоним «Посева»): если поздней осенью 1958 г. издательство «Посев» могло открыто выпустить выдержки из пастернаковского романа, что удерживало его от такого же выпуска полного текста в 1959 г.? Что заставило бы скрываться под другим издательским именем? Боязнь юридического преследования со стороны Фельтринелли? Нежелание навредить автору своей антисоветской репутацией? Соблазн финансовой авантюры без согласования с ЦРУ?

Последний аргумент надо решительно отвергнуть, поскольку доверенные люди американской разведки получали и распространяли экземпляры малоформатного издания среди советских туристов совершенно бесплатно, и ЦРУ было отлично осведомлено, что общий тираж данного издания составлял 9 тысяч экземпляров, то есть мероприятие было полностью убыточным. В этой ситуации тайный (от ЦРУ) выпуск книги не имел бы финансового смысла.

Легенда о причастности «Посева» к выпуску романа связана была, скорее всего, с участием этого издательства в распространении книги по своим каналам — долгом, многолетнем распространении — через советских театральных, балетных и кинематографических гастролеров, спортсменов, ученых, пилотов и стюардесс «Аэрофлота» и особенно моряков заграничного плавания.

По воспоминаниям ветеранов распространительского дела, работавших по заданию «Посева», экземпляры желтого «Живаго» они получали на складах даже через 20 лет после выхода книги — в конце 1970-х. Были ли это остатки неразозшедшегося первого тиража или позднейшие допечатки, о которых пока нет сведений? Судя по числу вариантов оформления обложки, перечисленных П. Манкозу (четыре версии), вполне похоже, что желтые книжки могли доиздаваться в течение многих лет.

Но что же мешало им быть посевовскими? Помимо так и не проясненного вопроса об авторских правах, принадлежащих Джанджакомо Фельтринелли, и возможного запрета со стороны финансиста-заказчика (ЦРУ) на создание конфликтной юридической ситуации, «Посев» не получал бы никаких моральных дивидендов от закулисного выпуска романа. В том же 1959 г. издательство напечатало неизмеримо более антикремлевскую книгу — «Технологию власти» Абдурахмана Автор-

⁴ Пастернак Б. Доктор Живаго, в выдержках и пояснениях, опубликованных в еженедельнике «Посев», № 46, 47, 48 и 49 1958 г. (*Предисловие без пагинации*).

ханова — и широко рекламировало ее в эмигрантской печати и на русскоязычных радиостанциях. Совершенно иначе обстояло дело с «Доктором Живаго»: осенью 1958-го НТС говорил о своих издательских планах по выпуску и распространению полного текста романа, но книгу так никогда и нигде в результате не показал.

Стоит учесть и то обстоятельство, что Борис Филиппов с издательством «Посев» никогда не сотрудничал, у него были собственные очень широкие возможности в Соединенных Штатах: из 26 его послевоенных книг 23 вышли в Вашингтоне, одна в Нью-Йорке, одна в Париже и одна (второе ее издание) — в Париже–Мюнхене. То же и с книгами, вышедшими под редакцией, со вступительными статьями или составленными Филипповым (57 изданий, некоторые в двух-трех томах), — к «Посеву» ни одна из них отношения не имела. В отличие от подавляющего большинства эмигрантов, Филиппову всегда было где печататься: он был близок к заветным фондам, и в дуэте с Глебом Струве именно он тянул организационно-финансовую лямку.

Неудивительно, что в 1959 г., зная о разделении издательских прав на «Доктора Живаго» между Мичиганским университетом (которому отходили читательские рынки обеих Америк) и Фельтринелли (получившим по договору Европу), Филиппов уговорил своих грантодателей на выпуск большого тиража малоформатных книжек на тонкой бумаге для провоза в СССР. Именно с этой целью печатать роман нужно было не в Америке, а в Старом Свете, но во избежание конфликта с Фельтринелли издательскую марку предстояло сделать безадресной однодневкой. Так появился SEIM.

По той же логике решался и вопрос с набором текста. Использовать мичиганское издание было нельзя, как нельзя было подумать и о настоящем фельтринеллиевском, поэтому решено было прибегнуть к лжефельтринеллиевскому, то есть мутоновскому, набранному в мюнхенской типографии Бутова и изобилующему опечатками (подробнее см.: [Толстой 2009, с. 232 и далее). Поскольку оно было полностью оплачено Центральным разведывательным управлением, к нему и должен был обратиться Борис Филиппов: только там и можно было получить разрешение на воспроизведение уже существующей книги массовым тиражом.

Добавим, что в конце 1950-х гг. развила свою издательскую деятельность неафишируемая Книжная программа при Радио Освобождение (ныне — Радио Свобода), заинтересованная в выпуске на Западе и отправке в Советский Союз запрещенных там книг. Эта книжная программа, зарегистрированная в виде издательства «Bedford Publishings», никогда не рекламировала себя и не ставила своего имени в выходных данных своей продукции. В 1960–70-е гг. «Bedford» ставил такие, к примеру, фиктивные имена: «Editione Aurora», «Editions de la Seine», «Editions Victor» и другие. Названия этих фиктивных издательств всякий раз придумывались спонтанно.

Нельзя исключить, что SEIM принадлежало к тому же числу бедфордских однодневок, но для подтверждения или опровержения этого нужны документы из архива данного учреждения, пока недоступные.

В итоге, получив разрешение на факсимильное переиздание мутоновского «Доктора Живаго», Борис Филиппов столкнулся с неожиданными для него пре-

пятствиями творческого характера: у безымянного сотрудника ЦРУ оказались литературоведческие амбиции. И текст Бориса Андреевича был подменен другим. Его свеча уступила чуждому огарку.

Куда драматичнее, что на три десятилетия (до появления советского издания) в читательский обиход входил мутоновский — невычитанный и невыправленный — текст, который Пастернак не успел отредактировать и утвердить, тот текст, который он назвал почти чужим — но по иронии судьбы тот самый, за который он получил Нобелевскую премию.

Литература

- Пастернак 1958а — *Пастернак Б.Л.* Доктор Живаго: роман. Милан: Г. Фелтринелли <фактически: Гаага: Мутон>, 1958.
- Пастернак 1958б — *Пастернак Б.* Доктор Живаго. Ann Arbor: The University of Michigan Press, <1958>.
- Пастернак 1959 — *Пастернак Б.* Доктор Живаго. Milano: Feltrinelli Editore, <1959>.
- Толстой 2009 — *Толстой И.* Отмытый роман Пастернака: «Доктор Живаго» между КГБ и ЦРУ. М.: Время, 2009.
- Флейшман 2009 — *Флейшман Л.* Встреча русской эмиграции с «Доктором Живаго»: Борис Пастернак и «холодная война». Department of Slavic Languages and Literatures, Stanford University, 2009.
- Флейшман 2013 — *Флейшман Л.* Борис Пастернак и Нобелевская премия. М.: Азбуковник, 2013.
- Mancosu 2013 — *Mancosu P.* Inside the *Zhivago* Storm: The Editorial Adventures of Pasternak's Masterpiece [Annali, Anno Quarantassettesimo, 2011. Fondazione Giangiacomo Feltrinelli, Feltrinelli Editore Milano, 2013].
- Mancosu 2015 — *Mancosu P.* Smugglers, Rebels, Pirates: Itineraries in the Publishing History of *Doctor Zhivago*. Stanford: Hoover Institution Press, Stanford University, <2015>.
- Washington Post 2014 — Washington Post The CIA and «Doctor Zhivago»: Explore the cache of documents // Washington Post. 2014. 6 April. P. A1. URL: <http://apps.washingtonpost.com/g/page/world/the-cia-and-doctor-zhivago-explore-the-cache-of-documents/924/>.

НЕЗАМЕЧЕННОЕ ПОКОЛЕНИЕ:
ГЕНЕРАЦИЯ И ТЕКСТ

М.А. Васильева

«НЕЗАМЕЧЕННОЕ ПОКОЛЕНИЕ»
КАК ПРЕДМЕТ ИЗУЧЕНИЯ

С именем писателя Владимира Варшавского (1906–1978) в 2016 г. было связано два юбилея — 110 лет со дня рождения и полвека со дня выхода в свет его, пожалуй, самой известной книги «Незамеченное поколение» (Нью-Йорк: Изд-во имени Чехова, 1956). Знаковая для русской эмиграции, оказавшаяся у истоков целой традиции эмигрантской мемуарной литературы, книга была и одной из самых полемичных в русском зарубежье. Вокруг нее мгновенно разгорелся спор между представителями старшего и младшего поколений эмигрантов. Полемика в эмигрантской периодике вошла в новое издание «Незамеченного поколения» [Варшавский 2010]. Параллельно с дискуссией в прессе спор о поколении развернулся в эпистолярии (см. об этом: [Васильева, Коростелев 2017]). Полемичной книга остается до сих пор, как и введенный Владимиром Варшавским термин. Парадоксальным образом «незамеченное поколение», став определением целой генерации русского рассеяния и прочно войдя в теорию и историю отечественной литературы, так и остается термином спорным, порождающим многочисленные и даже полярные интерпретации. Феномен «незамеченности» так и не перешел в категорию застывшей дефиниции. Видимо, «Незамеченному поколению» — при всей широте предложенной автором панорамы русского рассеяния, при всей фундаментальности освоения темы — суждено оставаться книгой-провокацией. Во многом это заслуга символичного названия. Что несет в себе категория незамеченности? Что вкладывал писатель в определение, когда создавал текст-ретроспекцию? Почему Владимир Варшавский обратился к проблеме незамеченности после войны, которая побудила многих молодых эмигрантов (в том числе и автора книги) принять участие в движении Сопротивления, что само по себе сделало их *заметным*, а точнее — выдающимся явлением эпохи? Эти вопросы представляются актуальными до сих пор и остаются предметом исследовательского интереса и обсуждения. Вероятно, проблема, поднятая писателем в середине 1950-х гг., — это спор не с «отцами», якобы «не заметившими» молодых эмигрантов (миф, который сопутствует термину скорее по недоразумению), и не столько «выяснение отношений» с ушедшей эпохой, сколько попытка диалога с эпохой послевоенной. Книга Варшавского — обращение к новому поколению в надежде, что опыт младоэмигрантов, их выбор во время войны в пользу отдельной личности, а не ложных идей, не пройдут бесследно и будут замечены агрессивным XX столетием. Высказанное здесь соображение — лишь гипотеза.

Вообще, формат «к постановке вопроса» кажется здесь наиболее уместным. То, что «поколенческая тема» не только полемична, но и диалогична, открыта для дискуссии, в том числе научной, подтвердил состоявшийся коллоквиум «Незамеченное поколение»: Взгляд из XXI века» (Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына, Москва, 29 ноября 2016).

Именно такой формат — рецепция, дискуссия, интерпретация — и был выбран для научной встречи в рамках постоянного семинара «Русское зарубежье. Незвестные страницы» (руководители М.А. Васильева и О.А. Коростелев). Коллоквиум и последовавший за ним круглый стол собрали представителей Дома русского зарубежья, ИМЛИ РАН (Москва), ИНИОН РАН (Москва), ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН (Санкт-Петербург), СО РАН (Новосибирск), УрФУ им. Б. Ельцина (Екатеринбург), тем самым подтвердив, что «незамеченное поколение» как предмет исследования имеет не только академический уровень разработки, но и широчайшую географию. В семинаре приняли участие А.В. Громова, В.М. Димитриев, Н.А. Ёхина, Е.В. Капинос, С.А. Кибальник, О.А. Коростелев, Т.Н. Красавченко, Е.Ю. Куликова, Ю.В. Матвеева, Е.Н. Проскурина, Е.Ю. Раскина, Д.В. Токарев, С.Р. Федякин, а также автор этих строк. Дискуссия наметила новые горизонты в изучении наследия «незамеченного поколения». В сущности, именно так — очень широко — и рассматривал некогда феномен сам Владимир Варшавский. Заявленная в его книге тема композиционно расходится радиусами, затрагивает множество самых разнообразных идейных, социальных, политических и культурных явлений русского рассеяния. Очевидно, что, пойдя по траектории, намеченной Варшавским, многие «поколенческие» сюжеты можно развить и продолжить; а многие, новые и практически неизвестные, — заявить впервые. Не случайно на семинаре неоднократно звучала мысль, что тема «Незамеченное поколение» требует масштабной международной конференции. Состоявшаяся в Доме русского зарубежья научная встреча и могла бы служить ее преддверием.

Публикуемый здесь тематический блок составлен по материалам семинара и показательно отражает исследовательский диапазон, заявленный на круглом столе и коллоквиуме. Темы статей разнообразны — от параллелей между «незамеченными» в эмиграции и «незамеченными» в советской России (на примере «двух ветвей» русской литературы) до творчества представителей «незамеченного поколения» восточной ветви русской эмиграции. В приложении к тематическому блоку впервые публикуется письмо Наума Коржавина к Владимиру Варшавскому (ДРЗ. Ф. 54). Крайне богатое различного рода информацией, оно в то же время проникнуто одной мыслью: благодаря книге состоялась встреча «поверх барьеров» поколения, выросшего в советской России и ушедшего в «третью эмиграцию» (в лице Наума Коржавина), с поколением «детей» русской эмиграции «первой волны». Символичен и также открыт для дискуссии зачин письма, где автор проводит параллель между молодыми эмигрантами и «комсомольцами двадцатых годов». Будучи сам представителем двух миров (эмигрантского и советского), Коржавин обозначил тему, оказавшуюся со временем в центре внимания многих исследователей [Бронникова 2010; Литовская, Матвеева 2005; Матвеева 2008;

2016; Проскурина 2016; Федякин 2005 и др.]¹, — сопоставления судеб одного поколения, насильственно разъятого революцией.

Литература

- Бронникова 2010 — *Бронникова Е.В.* «Вечер у Клэр» Г. Газданова и «Чевенгур» А. Платонова: опыт стилового сопоставления: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2010.
- Варшавский 2010 — *Варшавский В.С.* Незамеченное поколение / сост. О.А. Коростелева и М.А. Васильевой. М.: Русский путь, 2010. С. 315–404.
- Васильева, Коростелев 2017 — «...Я задумал очень трудную книгу...»: Письма В.С. Варшавскому о «Незамеченном поколении» А.М. Ремизова, В.Н. Буниной, С.И. Шаршуна, Г.П. Струве и др.: К 60-летию первого издания / вступ. ст. М.А. Васильевой; публ. М.А. Васильевой, О.А. Коростелева // *Русская литература*. 2017. № 1. С. 216–241.
- Литовская, Матвеева 2005 — *Литовская М.А., Матвеева Ю.В.* Незамеченный контекст незамеченного поколения: Г. Газданов и А. Гайдар // *Гайто Газданов и «незамеченное поколение»: писатель на пересечении традиций и культур* / сост. Т.Н. Красавченко, М.А. Васильева, Ф.Х. Хадонова. М.: ИНИОН РАН, 2005. С. 103–129.
- Матвеева 2008 — *Матвеева Ю.В.* Самосознание поколения в творчестве писателей-младоэмигрантов. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2008. С. 25–57.
- Матвеева 2016 — *Матвеева Ю.В.* Поколение, прошедшее «одвуконь»: литературное наследие Г.А. Андреева (Хомякова) в контексте творческих судеб «молодых» писателей первой волны русской эмиграции // *Изв. УрФУ. Сер. 2: Гуманитарные науки*. 2016. Т. 8, № 4 (157). С. 87–102.
- Проскурина 2016 — *Проскурина Е.Н.* Мотив *недожитой жизни* как знаковый элемент в поколенческой драме революционной эпохи (на примере жизни и творчества А. Платонова) // *Изв. УрФУ. Сер. 2: Гуманитарные науки*. 2016. Т. 8, № 4 (157). С. 68–86.
- Федякин 2005 — *Федякин С.Р.* К 100-летию М.А. Шолохова: Кузнецов Ф.Ф. «Тихий Дон»: судьба и правда великого романа. Семенова С.Г. Мир прозы Михаила Шолохова. От поэтики к миропониманию. М.: ИМЛИ РАН, 2005 // *У книжной полки*. 2005. № 2. С. 87–90.

¹ См. также ценный тематический блок (сост. Ю.В. Матвеева) «Проблема поколений в культуре: К 60-летию издания книги В.С. Варшавского “Незамеченное поколение”» (*Изв. УрФУ. Сер. 2: Гуманитарные науки*. 2016. Т. 8, № 4 (157). С. 7–153).

Е.Н. Проскурина

ГРАНИ «НЕЗАМЕЧЕННОСТИ»:
ИСТОРИКО-БИОГРАФИЧЕСКИЕ И ЛИТЕРАТУРНЫЕ
ПРОЕКЦИИ МЕТАФОРЫ В. ВАРШАВСКОГО*

Книга В. Варшавского «Незамеченное поколение», вышедшая в Нью-Йорке в 1956 г., дала мощный импульс к осмыслению судьбы молодой эмиграции первой волны как поколенческой проблемы, анализируемой в границах литературного быта, поведенческих и творческих стратегий, где «незамеченность» явилась основным концептом, вокруг которого разворачиваются исследовательские точки зрения. Современные социологи, культурологи, литературоведы (см., например: [Демидова 2003; Каспэ 2005; Матвеева 2008; Герра 2009; Васильева 2010 и др.]) выдвигают «незамеченность» в качестве доминанты эмиграционной поколенческой драмы молодых литераторов первой волны русского рассеяния. Вместе с тем еще до выхода полного текста книги современники В. Варшавского вступили с автором в непростую дискуссию, смысл которой можно передать словами Е. Кусковой: «Теперь г. Варшавский говорит, что их не заметили. Какая досадная неправда. Их очень даже заметили» [Кускова 1955, с. 2]¹. Возникшая полемика дала основание таким исследователям, как Л. Ливак [Livak 2003] и И. Каспэ [Каспэ 2005], выдвинуть концепцию искусственного «конструирования» самими младоэмигрантами собственной «незамеченности». Однако книга «Незамеченное поколение» увидела свет уже на исходе жизненного пути эмигрантских сыновей. Ретроспективное изложение придает труду Варшавского как летописную, так и аналитическую модальность с отчетливо звучащей попыткой осмысления «ушедшей в историю эпохи» [Васильева 2008, с. 44].

Драматизм «незамеченности» слышится во многих художественных и публицистических высказываниях младоэмигрантов. «Кто нас может заметить / На солнце всемирной души? / Мы слишком малы. / Мы слишком слабы», — пишет Б. Поплавский в стихотворении «Ты устал, отдохни...» (1931) из второй книги стихов «Снежный час» [Поплавский 2000–2009, т. 1, с. 272]. «Чужбина литературой эмигрантских сыновей не интересовалась», — позднее горько подтвердит мысль поэта В. Варшавский [Варшавский 2010, с. 147]. Рецептивной «чужбиной» оказалась для молодых не только французская читательская среда, но и поколение старшей эмиграции, которому были чужды «антисоциальность»

* Исследование подготовлено в рамках проекта ПФИ СО РАН № II.2П / XII.192-1. Историческая память в художественном и документальном тексте (общероссийский и региональный аспекты).

¹ См. также полемику вокруг «незамеченного поколения»: [Варшавский 2010, с. 315–404].

и «упадочнические настроения» творчества сыновей. «Литературной “лавочки” здесь мало, “товарец” здесь не идет, как бы того ни хотели иные писатели с тиражами. Здесь живут писатели-идеалисты и русские нечесанные студенты-мечтатели, над которыми принято смеяться...» — признавался Б. Поплавский в статье «О мистической атмосфере молодой литературы в эмиграции» (1930) [Поплавский 2000–2009, т. 3, с. 46]. Творческая позиция младоэмигрантов не совпадала с «посланнической» миссией старшего поколения, пытавшегося сохранить в своем наследии образ оставленной родины. Такая ситуация превращала молодое поколение в поколение изгоев, о чем писал Поплавский в уже упомянутой нами книге «Снежный час», в стихотворении «Снова в венке из воска» (1931–1934): «Я не участвую, не существую в мире, / Живу в кафе, как пьяницы живут» [Там же, т. 1, с. 270]. Для многих младоэмигрантов это было типичным времяпрепровождением, составившим образ «русского Монпарнаса» и выкристаллизовавшим тип русского «монпарно». «Выключенные из цепи поколений, они жили где-то вне истории... Непосредственно даны были только одиночество, бездомность, беспочвенность» [Варшавский 2010, с. 156]. Названные мотивы составляют основной лейтмотивный корпус творчества эмигрантских сыновей. Вот, например, стихотворение А. Штейгера, написанное в 1932 г., где детализировано ощущение выпадения из традиционного круга жизни:

У нас теперь особый календарь
И тайное свое летосчисленье:
В тот день совсем не 1-й был Январь,
Не Рождество, не Пасха, не Крещение.
Не видно было праздничных одежд,
Ни суеты на улице воскресной.
И не было особенных надежд.
Был день как день.
Был будний день безвестный [Штейгер 2003, с. 152].

И в художественной реальности, и в действительной жизни ситуации одиночества и бездомья часто разрешались трагическим исходом: смерти / самоубийства представителей молодой эмиграции, о чем свидетельствует мартиролог в книге Варшавского:

Трагически погибли совсем еще молодыми людьми Н. Гронский, В. Диксон, Б. Новосадов, Б. Поплавский, С. Шарнипольский.

Покончил с собой Болдырев.

Пропал без вести Агеев. Никогда больше не встречаешь в печати и многих других имен.

Буткевич умер от истощения в марсельской городской больнице. От тяжелых болезней, вернее, от тяжелой жизни преждевременно умерли Вера Булич, К. Гершельман, Ирина Кнорринг, И. Савин.

Умер от чахотки Анатолий Штейер... [Варшавский 2010, с. 189].

И это далеко не полный список. Ярko и категорично названная ситуация определена Б. Поплавским в статье «О мистической атмосфере молодой литературы в эмиграции»:

Христос агонизирует от начала и до конца мира. Поэтому атмосфера агонии — единственная приличная атмосфера на земле <...>. Как жить? — Погибать <...> Эмиграция — идеальная обстановка для этого [Поплавский 2000–2009, т. 3, с. 46].

В художественном творчестве младоэмигрантов проявлен также иной семантический модус «незамеченности», выраженный в экзистенциальном отказе героев от существования, их неучастия в наличествующем бытии.

...Не думать и не знать, стать бродягой, потемнеть, почернеть, сделаться похожим на цвет земли... и так медленно и незаметно исчезнуть совсем, как исчезают воспоминания и сны, — и очнуться только в последние минуты перед смертью, —

такую тягу к исчезновению, равнозначную смерти без воскресения, испытывает герой рассказа Г. Газданова «Третья жизнь» [Газданов 2009, т. 2, с. 371]. В новеллистике писателя герои нередко появляются в неузнаваемом облике и с измененной судьбой: Герасимов в «Превращении», Саломея в рассказе «Судьба Саломеи», Вердье-сын в «Нищем». Как потенциальность такое развитие сюжета содержится в «Исчезновении Рикарди». Чужой жизнью живут герои рассказов «Смерть господина Бернара», «Княжна Мэри», «Письма Иванова». Перемена судьбы / уход героев Газданова в придуманную реальность как в действительно существующую есть горькое признание призрачности их собственной жизни. Так, в рукописи рассказ «Нищий» начинался с эпиграфа из «Надгробного слова герцогине Орлеанской» Боссюэ, снятого при публикации в журнале «Мосты» (1962, № 9): «Все суетно в нас, кроме искреннего признания перед Богом суеты нашей, кроме сего помышления, что мы должны презирать бытие свое» («*Tout est vain en nous excepte... le jugement arrkte qui nous fait mpiriser tout ce qui nous sommes* (из «*Oraison funèbre de Henriette Anne d'Angleterre*» Боссюэ)») [Комментарии 2009, с. 721]. Эпиграф коррелирует с часто встречаемыми в прозе Газданова отсылками к книге Екклесиаста, с ее ведущим мотивом *суеты сует*, и может служить семантической квинтэссенцией большей части произведений писателя (подробно см.: [Проскурина 2016]).

Ситуация исчезновения как экзистенциального выбора персонажа в разных вариантах обнаруживается практически во всех «русских» романах В. Набокова, знаменуя «драму несовпадения <наличествующей> реальности и образа реальности в сознании героя» [Полева 2008]. «Пересочинение» собственной жизни в «Соглядатае», «Даре» протягивает нить к таким поздним рассказам Газданова, как «Княжна Мэри», «Письма Иванова». Объединяет обоих авторов присутствие игрового, авантюрного компонента в стремлении их героев к «незамеченности» / исчезновению.

Совсем другая, неигровая тяга к «незамеченности» характеризует бытовое поведение советских людей в 1930-е гг., о чем свидетельствуют современные научные исследования и многочисленные мемуарные источники. Один из самых необычных — книга Е. Керсновской «Сколько стоит человек», созданная на основе ее тетрадей воспоминаний о ГУЛАГе, где на почти семистах иллюстрациях «запечатлен весь мрак и быт сталинской эпохи в ее жестокой и зловещей обнаженности» [Вигилинский 1990, с. 14]. Наиболее пронзительны в книге даже не лагерные «страсти», а описания побега из сибирской ссылки, когда автобиографическая героиня за зиму, весну и лето прошла по тайге полторы тысячи километров, обходя населенные пункты, стараясь как можно дольше прожить незамеченной, питаюсь скудной пищей, часто ночуя прямо в снегу либо где-нибудь на окраине села в заброшенном сарае. «Все дороги, по которым я шла, могли привести к одному из двух: к могиле или к тюрьме. Важно было лишь одно: отодвинуть развязку на как можно более отдаленный срок» [Керсновская 2016, с. 219]. Однажды на дороге она нашла разводной ключ. Смотря на него в раздумье, как поступить, Керсновская все-таки решает разыскать его хозяина:

Не сегодня завтра трактора выйдут в поле. Каково будет этому растяпе без ключа?

И я сделала непростительную глупость: вместо того чтобы обойти стороной группу зданий, разукрашенных флагами и лозунгами, я направилась прямо туда, вошла в ворота, над которыми висел транспарант со словами «Добро пожаловать!» под надписью с названием колхоза «Путь Ленина», вошла в здание правления и, протягивая ключ одному из тех, кто был в зале, сказала:

— Вот ключ, утерянный, должно быть, одним из ваших трактористов. Я нашла его на дороге.

Всякий добрый поступок должен быть награжден, но награда моих поступков, верно, на небесах, а на земле с добрыми поступками мне всегда не везло. Когда я повернулась и пошла к двери, один из присутствующих заступил мне дорогу, а другой схватил за плечо...

То, что я допустила ошибку, я поняла лишь тогда, когда во дворе целая орава мальчишек стала кричать:

— Шпиона поймали! Немецкого!

Откуда-то появились два здоровых лба. Один отобрал у меня рюкзак, а другой крепко ухватил за ворот телогрейки. Через полчаса я услышала: «Ведите ее в Боборыкино в сельсовет и сдайте под расписку» [Керсновская 2016, с. 227].

Один из ведущих сюжетных мотивов воспоминаний Керсновской — мотив обманутого доверия. Им озаменовано начало крестного пути героини², отказавшейся от эмиграции в надежде, что после присоединения в 1940 г. к СССР Бессарабии, где жила ее семья, она станет полезной своей новой родине. Однако,

² Анаграмма «креста» встроена в саму фамилию автора с утерей согласной «т». Родовое имя становится, таким образом, знаменованием целой эпохи.

выгнанная из собственного дома, она была арестована и отправлена в сибирскую ссылку как «враг народа». В цитированном эпизоде мотив обманутого доверия приобретает эмблематическое выражение: лозунг «Добро пожаловать!» и название колхоза «Путь Ленина» открыли для доверчивой героини не путь к свободе, а новый этап ее жизненных мытарств.

Отъезд в глубинку, вынужденная смена имени, отказ от родства с «врагами народа» в эпоху сталинского террора были для многих советских людей, и прежде всего ведущих специалистов страны, способами незаметного исчезновения с глаз органов безопасности ради самосохранения и сохранения остатков семьи. Так, исследователь С. Папков, анализируя ситуацию, сложившуюся в 1930-х гг. в Сибири, пишет:

В результате систематических облав, организуемых Заковским и его людьми, многие квалифицированные кадры разбежались, не дожидаясь ареста. Работа в некоторых учреждениях и производственных участках замерла из-за того, что специалистов-управленцев не осталось ни одного [Папков].

Имплицитно эта тема встроена А. Платоновым в роман «Счастливая Москва», писавшийся в 1932–1936 гг.:

...трест весов и гирь был обращен к своей ликвидации и весь опустошен от служащих. Одна только курьерша жила в безлюдном, охладелом помещении учреждения — у нее родился ребенок и она кормила и содержала его на пачке устарелых дел. <...> Она со страхом ждала въезда в помещение нового учреждения, потому что ей негде было жить, но то новое учреждение накануне своего переезда тоже было ликвидировано [Платонов 1999, с. 91]³.

В художественном словаре Платонова слово *ликвидация* в значении *физического уничтожения* (ликвидация «буржуев» в «Чевенгуре», кулаков в «Котловане») не оставляет места для разночтений в интерпретации приведенного фрагмента. Насильственный характер уничтожения усиливается страдательной формой причастия «опустошен» в синтагме «опустошен от служащих», что придает всему текстовому фрагменту смысл целенаправленного разорения.

На фоне формирующегося образа «новой Москвы» роман Платонова «Счастливая Москва» занимает особое место. В начале 1930-х гг. в советской культуре начинает активно создаваться мифообраз социалистической столицы, инициированный глобальным проектом «Пролетарская Москва ждет своего художника» (см., например: [Корниенко 1999]). Начало романа органично вписывается в этот проект. В первых московских главах видна попытка Платонова создать масштабный художественный образ «новых советских людей». Главные герои романа — Москва Честнова, Сарториус, Самбикин, Божко — пополняют ряд платоновских сирот, приобретших новое социальное качество: ведущих, заметных

³ Далее цитаты из романа «Счастливая Москва» приводятся по этому изданию с указанием страниц в скобках. Курсив мой. — Е.П.

специалистов страны. На уровне именованного персонажа ключевой социальный тезис революционной эпохи «кто был ничем, тот станет всем» выражен приемом смены имени. Так, маленькая безымянная сирота, которая смутно помнит, что когда-то ее звали Олей, превращается в русскую красавицу со звонким именем Москва, а выходец из российской глубинки Семен Жуйборода получает образование в столице и становится инженером Сарториусом. Массовый масштаб человеческого преображения в «Счастливой Москве» демонстрируется эпизодическими персонажами: инженер Селин, комсомолка Кузьмина, путешественник Головач, композитор Левченко, конструктор Мульдбауэр, электротехник Гунькин, метеоролог Вечкин, летчик Арканов. Все они появляются в одном эпизоде — на советском балу, служа коллективной подсветкой энтузиастскому сюжету произведения. Однако в процессе его развертывания прослеживается смена семантической стратегии. К концу романа центральные персонажи изображаются в красках нищеты: Москва Честнова из идеальной героини превращается в одноногую «психичку Мусю», живущую в жалком общежитии на московских задворках с «никчемным» вневойсковиком Комягиным, сам Комягин ищет возможность и способ самоубийства, Сарториус меняет свой звучный псевдоним на ординарную фамилию Груняхин. Такое нисхождение героев могло бы составить сюжет эмигрантского романа. Однако так заканчивается произведение, замысливавшееся как панегирик новой Москве и новому поколению советских людей. В определенном смысле финальную позицию платоновских героев можно обозначить как уход во внутреннюю эмиграцию. Их духовное фиаско сравнимо с внутренней смертью, что, вероятнее всего, сделало невозможной для автора дальнейшую работу над романом. По существу, судьбы всех его главных персонажей оказались дописанными.

В соответствии с изменением авторского художественного задания ключевым эпизодом «Счастливой Москвы» становится не сцена бала новых людей, а эпизод на Крестовском рынке в финальной части. Именно там Сарториус осуществляет свое намерение «скрыться и пропасть среди всех», т. е. исчезнуть, затеряться в гуле московской жизни, стать незаметным, а главное, незамеченным в равнодушной людской толпе. Формула «пропасть среди всех» отражает не экзистенциальную, как в случае с эмигрантской прозой, а социальную позицию платоновского героя. Смена имени, уход с видной работы, женитьба на заурядной женщине, никак не соответствующей его представлениям о женском идеале, воплощенном в образе Москвы Честновой, — все это способы и пути к самоустранению из «большой жизни» в среду «прочих людей». Не случайно паспорт на имя «работника прилавка» Ивана Груняхина Сарториус приобретает на рынке у продавца червей для рыбной ловли, отдавая ему взамен «свой паспорт <...> человека с высшим образованием, известного в широких кругах своей специальностью» (с. 98). Подобно живущему в земле червю, герой стремится к затерянности на задворках столицы, среди «отживших людей» — исконной «почвы» новой Москвы.

Идя сквозь рынок, расположенный на городской периферии, Сарториус словно путешествует в глубь российской истории, вытесненной за пределы новой Москвы и новой жизни и превращенной в кладбище культуры:

Нечистый воздух стоял над многолюдным собранием стоячих и бормочущих людей. <...> Здесь продавали старую одежду покроя девятнадцатого века, пропитанную порошком <...> в толпе торговали еще и такими вещами, которые потеряли свой смысл жизни, — вроде капотов каких-то чрезвычайных женщин, поповских ряс, украшенных чаш для крещения детей, сюртуков усопших джентльменов, брелоков на брюшную цепочку <...> много продавалось носильных вещей недавно умерших людей, — смерть существовала, и мелкого детского белья, заготовленного для зачатых младенцев, но потом мать, видимо, передумывала рожать и делала аборт, а оплаканное мелкое белье нерожденно продавала вместе с заранее купленной погрешкой (с. 95–96).

Специальная авторская оговорка «смерть существовала» звучит в этом пассаже горькой иронией над несбывшейся утопической надеждой о социализме как земном рае. Мотив смерти ребенка в варианте гибели неродившегося младенца придает всей сюжетной ситуации статус «социалистической трагедии». Путешествие Сарториуса дальше в глубь рынка усиливает кладбищенские настроения:

В специальном ряду продавались оригинальные портреты в красках, художественные репродукции. На портретах изображались давно погибшие мещане и женихи с невестами уездных городов <...>. Позади фигур иногда виднелась церковь <...> росли дубы счастливого лета, всегда минувшего.

Сарториус долго стоял перед этими портретами прошлых людей. Теперь их могильными камнями вымостили тротуары новых городов и третьи или четвертое краткое поколение топчет где-нибудь надписи: «Здесь погребено тело купца 2-й гильдии города Зарайска, Петра Никодимовича Самофалова, *полной жизни его было...* Помяни мя господи во царствии твоём» — «Здесь покоится прах девицы Анны Васильевны Стрижевой... Нам плакать и страдать, а ей на господа взирать...» (с. 96).

Роман, рождавшийся как прославление нового образа жизни, нового человека и новой Москвы, к финалу все больше напоминает элегию в прозе, где жизнь последних пореволюционных поколений в отношении к прошлому соотносится как краткость к полноте, в чем мерцает мотив недолговечности, соотносящийся с трагической реальностью 1930-х гг., намеком чему служит часть могильной эпитафии: «Нам плакать и страдать». Финальная часть романа писалась в 1936 г., когда уже была запущена «карательная машина» эпохи, не дававшая возможности новым людям дожить до старости.

Заканчивается элегический пассаж ностальгической картиной навсегда исчезнувшего русского мира, возникшей в сознании Сарториуса под впечатлением его кладбищенского путешествия:

Вместо бога сейчас вспомнил умерших Сарториус и содрогнулся от ужаса жить среди них, — в том времени, когда не сводили лесов, убогое сердце было вечно верным одинокому чувству, в знакомстве состояла лишь родня и мировоззрение было волшебным и терпеливым, а ум сучал и плакал по вече-

рам при керосиновой лампе или в светящийся полдень лета — в обширной, шумящей природе; когда жалкая девушка, преданная, верная, обнимала дерево от своей тоски, глупая и милая, забытая теперь без звука. Она не Москва Честнова, она Ксения Иннокентьевна Смирнова, ее больше нет и не будет (с. 96).

Ведущим в движении повествования оказывается мотив строительной жертвы: новый мир возводится на костях умерших, из их могильных плит, что вызывает у героя чувство ужаса, но вместе с тем выводит на первый план образ прошлого, затеня героиню нового мира Москву Честнову Ксенией Иннокентьевной Смирновой. Образ той, которой «больше нет и не будет», оказывается ценней любимой живой Москвы. Эта платоновская фраза обнимает и ту часть русского мира, которая была выдвлена за пределы страны, исчезнув из ее истории на долгие десятилетия. Ностальгическая интонация авторского высказывания притягивает к себе бунинские, шмелевские, зайцевские мотивы утраченной родины, а также мотив потерянного рая, один из наиболее значимых в творчестве младоэмигрантов (В. Набокова, Г. Газданова, Р. Гуля и др.).

В отличие от других «уходящих» героев «Счастливой Москвы», сохраняющих личностную идентичность, Сарториус не только меняет свой социальный статус и образ жизни, но физиологически превращается в другого человека. Как заметил приятель героя хирург Самбикин, «конституция Сарториуса находится в процессе неопределенного <...> превращения» (с. 92), в результате чего он становится «вторым человеком своей жизни» (с. 99), «с круглым и по виду неумным лицом» (с. 98). В историческом контексте перемена в облике героя приобретает эмблематический характер: опрощение до неузнаваемости, до самоотречения для многих жителей страны было способом сохранить жизнь в период сталинских репрессий. Так намерение героя «пропасть среди всех» создает в сюжетной структуре романа мощный подтекстный план, протягивающий нить во внесюжетную реальность советской страны 1930-х гг., где «улыбающийся скромный Сталин сторожил на площадях и улицах все открытые дороги свежего, неизвестного социалистического мира, — жизнь простиралась в даль, из которой не возвращаются» (с. 95). Вместо земного рая перспективой «большой стройки» в платоновском романе, как и для миллионов советских людей, оказывается смерть.

Метафорически перемены в образе города Москвы выражены через динамику образа главной героини. Аналогии между образом Москвы Честновой и городом Москвой не раз проводились исследователями (см., например: [Корниенко 1991; Ярошенко 2004; Карпова 2007]). Главным в этих аналогиях является положение о том, что героиня романа проходит через все стихии, из которых складывается сложный образ социалистической столицы: от воздухоплавания до шахт строящегося метрополитена. Как загадку без отгадки рассматривает соотношенность двух названных образов в своей статье О. Меерсон [Меерсон 2004]. Попытаемся раскрыть те неявные смыслы, которые заложены автором в параллель Москва-женщина и Москва-город.

В начале произведения «ясная восходящая жизнь Москвы Честновой» (с. 10) действительно служит метафорой строящейся новой Москвы:

Древний город шумел и озарялся светом, как новостройка, иногда смех и голос прохожего человека доносился с улицы сюда в клуб, и Честновой Москве хотелось выйти и пригласить ужинать всех: все равно социализм настает! Ей было по временам так хорошо, что она желала покинуть как-нибудь самое себя, свое тело в платье, и стать другим человеком — женой Гунькина, Самбикиным, вневойсковиком, Сарториусом, колхозницей на Украине... (с. 37).

Параллелизм образов Москвы-женщины и Москвы-города поддерживается аллюзией на Москву — Третий Рим, возникающую не только в этом эпизоде, но и в представлениях эсперантиста Виктора Божко о Москве как «рабочей родине» всечеловечества, «нагретой дружбой и трудом» (с. 13). Однако по ходу развития сюжета мотив дружеской сопричастности все больше заменяется мотивом равнодушия людей друг к другу, что меняет лицо города, «отрекающегося от себя, бредущего вперед с неузнаваемым и молодым лицом» (с. 91). Жизнь новой Москвы все больше напоминает столпотворение. Параллель Москва — Вавилон вводится в подтекст романа через название площади, по которой идет Сарториус:

Десять тысяч народа приблизительно находилось в движении на Каланчевской площади. Сарториус остановился около таможни в удивлении, точно никогда не видел такого зрелища (с. 92).

Каланчевская площадь вызывает в культурной памяти образ вавилонской башни, запараллеливая топографию «Счастливой Москвы» с топосами «Чевенгура», «Котлована», «Ювенильного моря» и другими произведениями Платонова, в текст которых тем или иным способом автор встраивает образ башни. В соответствии с принципом параллелизма аналогия Москва — Вавилон накладывает отпечаток и на образ главной героини романа, любвеобилие которой аллюзивно связывает ее с вавилонской блудницей.

Безучастность толпы в итоге определяет положение внутреннего одиночества всех главных персонажей «Счастливой Москвы». Вместе с тем одиночество как уход из публичной жизни открывало советскому человеку возможность личной свободы. Однако это было несвойственно для коллективистского сознания «строителей новой жизни», каковыми и являются платоновские герои. Потому Сарториус-Груняхин, «томимый одиночеством и свободой» (с. 98), воспринимает новое для себя состояние как испытание и маету, изживая его скитанием «по бульварам до последних трамваев» (с. 98). Удивительным образом платоновская формула «одиночество и свобода» будет продублирована в одноименном названии книги Г. Адамовича, увидевшей свет двумя десятилетиями позднее создания «Счастливой Москвы», в 1955 г. Это совпадение в соответствии с правилом бумеранга по-новому запечатлевает финальную позицию героев романа как внутреннюю эмиграцию.

Платонов разными способами рифмует перемены в облике Москвы с переменами в образе главной героини романа, подводя к той мысли, что, как и город Москва, она «отрекается» от себя прежней, радостной, переполненной любовью к

жизни, бредя по ней в неизвестность одноногой калекой «с неузнаваемым молодым лицом». Наиболее пронзительно изменения в характере Москвы Честновой переданы в общежитском эпизоде, где героиня обвиняет своего сожителя Комягина в его социальной никчемности, желая ему смерти, и тут же, при мнимом мертвом, равнодушно вступает в интимные отношения с Сарториусом. Это событие, показавшее превращение «счастливой Москвы» в «злую жену», обнажает чувство безысходности у обоих героев, рождая в душе Комягина намерение самоубийства, а у Сарториуса — желание «пропасть среди всех». Но после данного эпизода и сама Москва Честнова исчезает из романного сюжета, оставаясь для Сарториуса смутным «воспоминанием любви». Символическая составляющая образа героини распространяет ностальгические чувства героя на утраченный исконный образ Москвы — сердца России, «огромного странноприимного дома» (М. Цветаева). Так, взаимоотражаясь друг в друге, две платоновские Москвы оказываются одновременно и в позиции палача, и в позиции жертвы.

В последней части романа субституирующую функцию Москвы Честновой — «злой жены» выполняет Матрена Чебуркова, на которой Сарториус женится как «второй человек своей жизни». На персонажную подмену указывают совпадения начальных букв имени и фамилии обеих героинь. Финальная фраза романа, описывающая спящую Матрену, в полной мере может быть отнесена и к спящей Москве Честновой, каковой оставляет ее Сарториус при последней встрече:

Ночью <...> Семен Иванович стоял над лицом Матрены Филипповны и наблюдал, как она вся беспомощна, как жалобно было сжато ее лицо в тоскливой усталости и глаза были закрыты как добрые, точно в ней, когда она лежала без сознания, покоился древний ангел. Если бы все человечество лежало спящим, то по лицу его нельзя было бы узнать его настоящего характера и можно обмануться (с. 105).

Последнее, что видит Сарториус перед уходом от Москвы — это то, как она спит «в отчуждении, повернувшись к стене прелестным лицом» (с. 90). Коррелятом обоих образов спящих героинь становится мотив обмана: мнимая ангельская доброта спящей Матрены и «прелестное лицо» Москвы — вещи одного порядка, если обратиться к этимологии слова «прелесть», что в переводе со старославянского означает «большая ложь». В соответствии с функцией параллелизма таким же лживым оказывается в системе авторской творческой логики и образ новой, советской Москвы⁴.

Из многих трагических примеров обманчивого притяжения «страны победившего социализма» выделяется судьба выдающегося историка литературы и литературного критика кн. Д. Святополк-Мирского, после поражения Белой армии эми-

⁴ В 1933 г., в период начала работы над «Счастливой Москвой», Платонов выносит жесткий приговор новой Москве в трагедии «14 Красных Избушек» словами своей героини колхозницы Ксении: «Москва проклятая! Я все бельма выцарапаю тебе за судьбу нашу такую!» [Платонов 2006, с. 204]. Эта реплика, за которой стоит вся воспроизведенная в пьесе трагедия народной жизни, предопределяет, на наш взгляд, сюжетную стратегию романа.

грировавшего за границу и вернувшегося в СССР в 1932 г. по гарантии М. Горького. Чуждый общественно-литературному истеблишменту первой эмиграции по причине своих марксистских воззрений и наивной веры в обновление России после испытания революцией и Гражданской войной⁵, он, однако, не претерпел преследований со стороны своих оппонентов. Дело ограничилось общественной изоляцией — логическим итогом принципиальных идеологических расхождений Мирского и ведущих представителей эмиграции. После приезда в Советский Союз он очень скоро понимает разницу между публичной деятельностью в эмиграции и в советской стране, между официальной риторикой СССР и реальным положением дел.

То, что в эмиграции было острой и порой язвительной критикой (часто не без личных колкостей), но не могло иметь подлинно серьезных последствий (ведь всегда можно было перейти в альтернативные печатные издания, даже создавать свои), в СССР было трудноотделимо от политического доноса. Последствия могли быть пагубными в самом серьезном смысле слова; разумеется, в обстановке партийной монополии не было никаких настоящих альтернатив. <...> Критик как индивидуальный человек беспомощен, правда дана извне [Смит 2014, с. 21].

В приведенном высказывании биографа Д. Мирского⁶ Дж. Смита можно услышать намек на доносительный характер начала статьи «Поэты и критики», опубликованной в «Литературной газете» 15 ноября 1935 г., где Мирский пишет о тяжелом положении с поэзией «в прошлом году»:

Намечалось очень неправильное, во всех отношениях вредное направление (я имею в виду все то, что концентрировалось вокруг имени Павла Васильева). Сейчас это направление, мне кажется, изжито)... [Мирский 2014, с. 321].

Но именно «в прошлом году» «Литературная газета» опубликовала статью М. Горького «Литературные забавы» (14 июня, 1934 г.), продублированную в номерах «Правды», «Известий», «Литературного Ленинграда» за то же число (см.: [Коростелев, Ефимов 2014, с. 510]), где указывалось, что некие анонимы

жалуются, что поэт Павел Васильев хулиганит хуже, чем хулиганил Сергей Есенин. Но в то время, как одни порицают хулигана, — другие восхищаются его даровитостью, «широтой натуры», его «кондовой мужицкой силищей» и т. д. Но порицающие ничего не делают для того, чтоб обеззаразить свою среду от присутствия в ней хулигана, хотя ясно, что, если он действительно являет-

⁵ В 1930 г. Мирский писал Горькому: «Во-первых, меня двигает не советский патриотизм, а ненависть к буржуазии международной и вера в социальную революцию всеобщую; и во-вторых <...> я совсем не хочу быть советским обывателем, а хочу быть работником ленинизма. Коммунизм мне дороже СССР» (см.: [Смит 2014, с. 19]).

⁶ Симптоматична редукция Святополк-Мирским своего полного родового имени до одночлена: Мирский. Именно так он подписывал свои работы в советских изданиях.

ся заразным началом, его следует как-то изолировать. А те, которые восхищаются талантом П. Васильева, не делают никаких попыток, чтоб перевоспитать его. Вывод отсюда ясен: и те и другие одинаково социально пассивны, и те и другие по существу своему равнодушно «взирают» на порчу литературных нравов, на отравление молодежи хулиганством, хотя от хулиганства до фашизма расстояние «короче воробьиного носа».

Далее в той же форме публичного доноса Горький пишет:

Несомненны чуждые влияния на самую талантливую часть литературной молодежи. Конкретно: на характеристике молодого поэта Яр. Смелякова все более и более отражаются личные качества поэта Павла Васильева. Нет ничего грязнее этого осколка буржуазно-литературной богемы. Политически (это не ново знающим творчество Павла Васильева) это враг. Но известно, что со Смеляковым, Долматовским и некоторыми другими молодыми поэтами Васильев дружен, и мне понятно, почему от Смелякова редко не пахнет водкой и в тоне Смелякова начинают доминировать нотки анархо-индивидуалистической самовлюбленности, и поведение Смелякова все менее и менее становится комсомольским.

В контексте растиражированной формулы Горького «если враг не сдается — его уничтожают»⁷ его статья становится равнозначной приговору. Думается, что она во многом послужила тому, что в январе 1935 г. П. Васильев был исключен из Союза писателей, а в июле арестован⁸ как «злостный хулиган» после майского «Письма в редакцию» газеты «Правда», подписанного творческими именами, среди которых были друзья поэта Борис Корнилов, Иосиф Уткин, Семен Кирсанов, Николай Асеев (см.: [Антонов 2009]), по-видимому поспешившие после статьи Горького «отмежеваться» от попавшего в опалу П. Васильева⁹. Письмо подхватывает аргументацию Горького:

В течение последних лет в литературной жизни Москвы почти все случаи проявления аморально-богемских или политически-реакционных выступлений и поступков были связаны с именем поэта Павла Васильева...

Последние факты особенно разительны. Павел Васильев устроил отвратительный дебош в писательском доме по проезду Художественного театра, где он избил поэта Алтаузена, сопровождая дебош гнусными антисемитскими

⁷ Статья под таким названием была опубликована 15 ноября 1930 г. сразу в двух центральных газетах: в «Правде» и в «Известиях» — в последнем случае в несколько измененном варианте: «Если враг не сдается, — его истребляют». В том же 1930 г. вышли два издания: отдельная брошюра под названием «Если враг не сдается — его уничтожают» и сборник публицистических статей Горького с тем же названием. Полностью фраза звучит так: «Против нас все, что отжило свои сроки, отведенные ему историей; и это дает нам право считать себя все еще в состоянии гражданской войны. Отсюда следует естественный вывод: если враг не сдается, — его истребляют» [Правда 1930].

⁸ Возможно, статья Горького послужила поводом и к первому аресту Яр. Смелякова в 1934 г.

⁹ Б. Корнилова письмо, однако, не спасло от ареста и расстрела в 1938 г.

и антисоветскими выкриками и угрозами расправы по адресу Асеева и других советских поэтов. Этот факт подтверждает, что Васильев уже давно прошел расстояние, отделяющее хулиганство от фашизма...

Мы считаем, что необходимо принять решительные меры против хулигана Васильева, показав тем самым, что в условиях советской действительности оголтелое хулиганство фашистского пошиба ни для кого не сойдет безнаказанным... [Правда 1935].

Статья Д. Мирского, таким образом, встраивается в этот ряд социальной и идеологической хулы на талантливого поэта, причем в то время, когда П. Васильев уже арестован. О том, что Мирский знает о его аресте, намекает высказывание из его статьи: «Сейчас это направление, кажется, изжито». Видимо, надеясь на авторитет Горького, он пытается выступить его критическим эхо, страхуя себя самого от возможных нападков того же рода. Но, как верно отмечает в рецензии на книгу Д. Мирского Е. Илларионова, впервые по-настоящему страх за собственную дальнейшую судьбу возникает у него после смерти Горького (см.: [Илларионова 2015]), о чем может свидетельствовать его некролог «Первый художник пролетариата», опубликованный в газете «Известия» за 21 июня 1936 г.:

Художник революционного пролетариата, Горький был в то же время единственным художником-реалистом. Вся буржуазная (в широчайшем смысле этого слова, т. е. включая и буржуазно-демократическую) русская литература тех лет изменила реализму и окончательно влилась в ряды декадентских литератур Европы. Не все там было гнило и реакционно; были там и смутные предчувствия революции, и трагически-бессильная ненависть блудных детей буржуазии (по замечательному слову Горького) к переродившему их миру, но все это было болезненно искривлено и перепутано, безнадежно оторвано элементарнейшими условиями реализма от всякого реального чувства действительности. Этой декадентской литературе противостоял Горький, последний наследник классического реализма и первый художник пролетариата. Это «одиночество» Горького в русской литературе после 1905 года, «одиночество» одновременно как реалиста и как пролетарского писателя, с необыкновенной конкретностью подчеркивает тот факт, что единственным наследником всего лучшего в искусстве прошлого, и прежде всего его классического реализма, могут быть только пролетариат и та новая культура, которую создает великая пролетарская революция [Мирский 2014, с. 340].

Пафосная риторика некролога, выдержанная в утвердившейся стилистике славения пролетарской революции и ее великих деятелей, обилие усиливающих смысл высказывания приемов, прежде всего повторов ключевых слов, может свидетельствовать о силе надвинувшегося на Мирского страха за собственную жизнь. Тревога оказалась небезосновательной. Чуть больше чем через два месяца, а именно 28 августа 1936 г., в главной газете страны «Правда» была опубликована критическая статья Д. Заславского «Рекорды критика Мирского», поводом к чему послужили два материала Мирского: статья «Проблема Пушкина», опу-

бликованная в 16–18 номерах «Литературного наследства», и ответ «Моим критикам» в «Пушкинском временнике» [Пушкин 1936, с. 262–264]. Как пишет в своем покаянном «Письме в редакцию» Д. Мирский, резкую отповедь Заславского вызвали «развязный и недостаточно ответственный тон» его ответа критикам, недостаточная продуманность основной проблемы классического наследства, «неразрывности высших художественных достижений прошлого с содержанием, которое не только исторически прогрессивно для своего времени, не только не теряет своей ценности для социалистического человечества, но в полной мере раскрывается только при социализме» [Мирский 2014, с. 358]. Обвинения потребовали от Мирского публичного покаяния, что он и вынужден был сделать, опубликовав в «Литературной газете» 5 сентября 1936 г. «Письмо в редакцию». Как и многие его современники, Мирский не мог не признаться в несовершенных творческих грехах, пытаясь вступить, говоря словами Адамовича, в «сепаратные отношения с судьбой» [Адамович]. Письмо написано в духе характерных для 1930-х гг. публичных покаянных речей творческих личностей, признающих свои ошибки и уверяющих власть и общественность в правоверном служении и намерении исправления в соответствии с заданными идеологическими императивами.

Здесь любопытно сравнить интонацию этого «Письма в редакцию» с интонацией «Письма в редакцию “Звена”» 1926 г. Прочитаем его полностью:

Милостивый государь, господин редактор!

В последнем номере «Звена» напечатана «литературная заметка» Г. Адамовича о моем докладе «Культура смерти в предреволюционной литературе». Я не собираюсь возражать против суждений г. Адамовича обо мне и о моем докладе, наоборот, я их приветствую, так как именно таких суждений я и ожидал. Особенно же меня обрадовал открытый г. Адамовичем «явно марксистский оттенок» моего тезиса. В какой мере г. Адамович «не преувеличивает» в своем резюме схематичности и прямолинейности моего доклада, могут судить все, бывшие на докладе. Повторять здесь то, что я действительно говорил, у меня нет места. К тому же доклад будет напечатан в следующем номере «Благонамеренного». Отмечу только одно характерное искажение моих слов г. Адамовичем. Говоря о новом духе в русской поэзии, я назвал *четырёх* поэтов, в которых, по моему мнению, этот дух особенно ясно выразился: *Гумилева*, Маяковского, Пастернака и Цветаеву, и из этих *четырёх* больше всего говорил именно о Гумилеве. Г. Адамович называет только трех последних и имя Гумилева опускает вовсе. В связи с его указанием на мой «явный марксизм» и со сравнением моего доклада с изобличением гнилой буржуазной культуры в «захолустнейшем пролеткульте», — такое умолчание, очевидно, не случайно.

Примите уверение в отличном моем к вам уважении.

Кн. Д. Святополк-Мирский ([Мирский 2014, с. 154]. Курсив автора. — Е.П.).

Текст этого письма показывает, что, занимая в эмигрантской критике позицию *enfant terrible* [Адамович 2015, с. 310]¹⁰, дающую внутреннее право идти

¹⁰ Г.П. Струве называл это свойство природы Мирского «духовным озорством» [Струве 1966, с. 64].

вразрез с основным направлением, не принимающим марксистской идеологии и игнорирующим советскую литературу, Мирский свободно использует приемы публицистической полемики, оставаясь при этом в границах профессиональной этики. На фоне этого письма «Письмо в редакцию», написанное десятилетием позже, служит ярким свидетельством внутренней несвободы Мирского, его духовного и идеологического рабства, «не имеющего никакого отношения к профессиональной полемике, поскольку речь идет о ритуальном жесте — заклятию гибели» [Смит 2014, с. 21].

Особенно отчетливо утрата личностной и творческой свободы высвечивается на фоне того впечатления, которое произвела личность Мирского эмигрантского периода на такого рафинированного интеллектуала и защитника свободы, как сэр Исая Берлин, писавшего в рецензии на американское сокращенное издание «Истории русской литературы», созданной критиком в эмигрантский период и ставшей классическим трудом по данной теме:

Мирский представлял собой уникальное сочетание внутренней свободы, воображения, шарма и острого бесстрашного ума, — был таким человеком, какие рождаются только в моменты, когда старое еще не умерло и новое еще не существует, когда между поколениями получается разрядка, нагруженная прошлым и беременная будущим (цит. по: [Там же, с. 29]).

В концепции свободы И. Берлина есть парадоксальное на первый взгляд положение о том, что выбор между свободой и несвободой должен быть свободным [Берлин 2001, с. 5]. Однако, как показывает последний период жизни кн. Д. Святополк-Мирского, советская реальность не давала возможности осуществиться даже такому варианту свободы. Лишившись после смерти Горького своего главного гаранта, Мирский, несмотря на активную художественную и публицистическую деятельность, был арестован в 1937 г. по подозрению в сотрудничестве с британской разведкой. Поводом к аресту послужила его встреча с английским другом, историком Е.Х. Карром. При посещении Ленинграда Карр «столкнулся с Мирским и, не обращая внимания на отчаянные попытки последнего сделать вид, что они не знакомы, уговорил его пообедать вместе. Общение с иностранцем послужило предлогом для обвинения в шпионаже» [Илларионова 2015]. Пробыв в лагере под Магаданом чуть менее двух лет, он умирает в лагерном пункте «Инвалидный» Северо-Восточного исправительно-трудового лагеря [Смит 2014, с. 21–22].

Проведенный нами далеко не полный анализ вынесенной в название статьи проблемы приводит к тому выводу, что основная ценность положения эмигранта, при всей «незамеченности» молодого поколения, его жизненной неустроенности, заключалась в возможности сохранения личной и творческой свободы. Советский человек, и прежде всего человек публичный, в период сталинского правления такой свободы был лишен. Если молодые первоэмигранты воспринимали свою «незамеченность» как трагедию, то для обманутых революцией советских людей она становится мечтой, в случае успешной реализации оказывающейся главным способом сохранения жизни.

Литература

- Адамович 2015 — *Адамович Г.* Собр. соч.: в 18 т. Т. 2: Литературные беседы («Звено»: 1923–1928). М.: Дмитрий Сечин, 2015. 775 с.
- Адамович — *Адамович Г.* Одиночество и свобода. URL: <http://fanread.ru/book/5956188/?page=3> (дата обращения: 15.12.2016).
- Антонов 2009 — *Антонов В.* «Про меня ж, бедового, спойте вы...». 2009. URL: <http://www.vilavi.ru/sud/171009/171009.shtml> (дата обращения: 14.12.2016).
- Берлин 2001 — *Берлин И.* Философия свободы. Европа / предисл. А. Эткинда. М.: НЛО, 2001. 448 с.
- Варшавский 2010 — *Варшавский В.С.* Незамеченное поколение / под ред. О.А. Коростелева и М.А. Васильевой. М.: Русский путь, 2010. 542 с.
- Васильева 2008 — *Васильева М.А.* К проблеме «незамеченного поколения» во французской литературе // Русские писатели в Париже: Взгляд на французскую литературу, 1920–1940: Междунар. науч. конф. / сост., науч. ред. Ж.-Ф. Жаккар, А. Морар, Ж. Тассис. М.: Русский путь, 2008. С. 43–62.
- Васильева 2010 — *Васильева М.А.* О Владимире Сергеевиче Варшавском: Биограф. очерк // Варшавский В.С. Незамеченное поколение / под ред. О.А. Коростелева и М.А. Васильевой. М.: Русский путь, 2010. С. 405–424.
- Вигилянский 1990 — *Вигилянский В.* Житие Евфросинии Керсновской // Огонек. 1990. № 3. С. 14–16.
- Газданов 2009 — *Газданов Г.* Собр. соч.: в 5 т. М.: Эллис Лак, 2009.
- Герра 2009 — *Герра Р.* Младшее поколение писателей русского зарубежья. СПб.: СПбГУП, 2009. 104 с.
- Демидова 2003 — *Демидова О.* Метаморфозы в изгнании: Литературный быт русского зарубежья. СПб.: Гиперион, 2003. 296 с.
- Илларионова 2015 — *Илларионова Е.* Трагическое возвращение: Д. Мирский в Соединенном Королевстве и в Советском Союзе // Enthymema. 2015. № 12. URL: <http://www.plobooks.ru/node/6188> (дата обращения: 14.12.2016).
- Карпова 2007 — *Карпова О.М.* Роман А. Платонова «Счастливая Москва»: проблемы поэтики // Вестник ВолГУ. Сер. 8. Вып. 6. 2007. С. 163–168.
- Каспэ 2005 — *Каспэ И.* Искусство отсутствовать: Незамеченное поколение русской литературы. М.: НЛО, 2005. 190 с.
- Керсновская 2016 — *Керсновская Е.* Сколько стоит человек. М.: КоЛибри, 2016. 797 с.
- Комментарии 2009 — *Комментарии* // Газданов Г. Собр. соч.: в 5 т. Т. 3. М.: Эллис Лак, 2009. С. 698–733.
- Корниенко 1991 — *Корниенко Н.* Счастливая Москва // Новый мир. 1991. № 9. С. 9.
- Корниенко 1999 — *Корниенко Н.* «Пролетарская Москва ждет своего художника»: (К творческой истории романа) // «Страна философов» Андрея Платонова: Проблемы творчества. Вып. 3. М.: Наследие, 1999. С. 357–372.
- Коростелев, Ефимов 2014 — *Коростелев О., Ефимов М.* Примечания // Мирский Д. (Дмитрий Петрович Святополк-Мирский). О литературе и искусстве: Статьи и рецензии. 1922–1937 / сост., подгот. текстов, коммент., мат-лы к библиографии О.А. Коростелева и М.В. Ефимова; вступ. ст. Дж. Смита. М.: НЛО, 2014. С. 372–572.
- Кускова 1955 — *Кускова Е.* О незамеченном поколении // Новое русское слово. 1955. 11 сент. С. 2.
- Матвеева 2008 — *Матвеева Ю.В.* Самосознание поколения в творчестве писателей-младоемигрантов. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2008. 192 с.
- Меерсон 2004 — *Меерсон О.* Москва, ты кто? Сходные вопросы без ответов у Хлебникова и Платонова // Творчество Андрея Платонова: исследования и материалы. Кн. 3 /

- РАН, Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом) / отв. ред. Е.И. Колесникова. СПб.: Наука, 2004. С. 205–214.
- Мирский 2014 — *Мирский Д.* (Дмитрий Петрович Святополк-Мирский). О литературе и искусстве: Статьи и рецензии. 1922–1937 / сост., подгот. текстов, коммент., мат-лы к библиографии О.А. Коростелева и М.В. Ефимова; вступ. ст. Дж. Смита. М.: НЛО, 2014. 608 с.
- Папков — *Папков С.А.* Сталинский террор в Сибири. 1928–1941. URL: <http://coollib.com/b/276832/read> (дата обращения: 11.01.2017).
- Платонов 1999 — *Платонов А.* Счастливая Москва // «Страна философов» Андрея Платонова: Проблемы творчества. Вып. 3. М.: Наследие, 1999. С. 7–105.
- Платонов 2006 — *Платонов А.* 14 Красных Избушек // Платонов А. Ноев ковчег: Драматургия. М.: Вагриус, 2006. С. 155–207.
- Поплавский 2000–2009 — *Поплавский Б.* Собр. соч.: в 3 т. М.: Книжница: Русский путь: Согласие, 2000–2009.
- Полева 2008 — *Полева Е.А.* Мотив исчезновения в романах В. Набокова конца 1920–1930-х годов. Томск, 2008. URL: <http://cheloveknauka.com/motiv-ischeznoveniia-v-romanah-v-nabokova-kontsa-1920-1930-h-godov#ixzz4S9rYhUsp> (дата обращения: 21.01.2017).
- Правда 1930 — Правда. 1930. 15 нояб.
- Правда 1935 — Правда. 1935. 24 мая.
- Проскурина 2016 — *Проскурина Е.Н.* Художественная философия смерти в новеллистике Г. Газданова // Сибирский филол. ж-л. 2016. № 2. С. 72–82.
- Пушкин 1936 — Пушкин: Временник Пушкинской комиссии / АН СССР. Ин-т литературы. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1936. [Вып.] 1. С. 262–264.
- Смит 2014 — *Смит Дж.* Параболы и парадоксы Д. Мирского // Мирский Д. (Дмитрий Петрович Святополк-Мирский). О литературе и искусстве: Статьи и рецензии. 1922–1937 / сост., подгот. текстов, коммент., мат-лы к библиографии О.А. Коростелева и М.В. Ефимова. М.: НЛО, 2014. С. 5–30.
- Струве 1996 — *Струве Г.П.* Русская литература в изгнании. 3-е изд., испр. и доп.; Краткий биографический словарь Русского Зарубежья / Р.И. Вильданова, В.Б. Кудрявцев, К.Ю. Лаппо-Данилевский. М.: Русский путь, 1996.
- Штейгер 2003 — *Штейгер А.* У нас теперь особый календарь // Поэты парижской ноты. В Россию ветром строчки занесет... М.: Молодая гвардия, 2003. С. 152.
- Ярошенко 2004 — *Ярошенко Л.В.* Жанр романа-мифа в творчестве А. Платонова. Гродно: ГрГУ, 2004. 137 с.
- Livak 2003 — *Livak L.* How It Was Done in Paris. Russian Émigré Literature and French Modernism. Madison: The Univ. of Wisconsin Press, 2003. 316 p.

Е.В. Капинос

«ОНЕГИН» ПО-КИТАЙСКИ:
«ПОЭМА БЕЗ ПРЕДМЕТА» В. ПЕРЕЛЕШИНА*

*95-летию со дня рождения моего учителя
Юрия Николаевича Чумакова
посвящается эта статья*

Валерий Перелешин, один из самых продуктивных поэтов младшего поколения восточной ветви русской эмиграции, создавал «Поэму без предмета» в конце 1970-х гг. в Бразилии. Эта вещь, по-видимому, задумывалась как подведение итогов жизни, как стихотворный мемуар; полное издание «Поэмы...» вышло в свет в издательстве «Нью Ингленд Пабблишинг К^о» (США, Холиоук) [Перелешин 1989]¹ всего за три года до смерти автора. На первой родине Перелешина, в России, поэма известна даже меньше, чем его ранние и довольно многочисленные харбинские и западные поэтические сборники («В пути», «Добрый улей», «Звезда над морем», «Качель», «С горы Нево», «Ариэль», «Южный дом» и др.²), является библиографической редкостью и чаще лишь упоминается или бегло описывается в работах исследователей-дальневосточников³. Американское издание поэмы

* Исследование подготовлено в рамках проекта ПФИ СО РАН № II.2П/ХII.192-1. Историческая память в художественном и документальном тексте (общероссийский и региональный аспекты). За помощь в обсуждении отдельных положений этой статьи благодарю Э. Худошину, И. Ложилова, В. Банаева.

¹ Ранее «Поэма...» печаталась поглавно в 1977–1979 гг. в «Современнике» (Торонто). Библиографию основных изданий Перелешина и критических отзывов о них можно найти в материалах выставок, посвященных поэту, проходивших в Доме русского зарубежья имени Александра Солженицына. См.: [«Заблудившийся аргонавт»].

² «Поэма...» Перелешина, как и «Онегин», метатекстуальна, полна рефлексии по поводу создающегося текста и уже вышедших поэтических сборников, многие из которых в поэме названы:

Я первенца назвал «В пути».
Затем родился «Добрый улей»,
затем — «Сказанье моряка»,
«Звезда над морем» и, легка,
пропела «Жертва» звонкой пулей (XXIV, Песня пятая).

(Здесь и далее цитаты из «Поэмы без предмета» будут приводиться с указанием номера строфы римскими цифрами и номера песни);

Теперь и сам я жду вниманья:
ведь о моей «С горы Нево»
никто не пишет ничего (XL, Песня четвертая);

...о первом сборнике «В пути»,
(с которого нельзя сойти) (XXII, Песня третья).

³ Монографические исследования О.А. Бузуева (см.: [Бузуев 2003]) и Т.М. Соловьевой (см.: [Соловьева 2008]), посвященные изучению творчества В. Перелешина, сосредоточены прежде всего на лирике.

имеет небольшой тираж (600 экземпляров), зато роскошно оформлено и сопровождается подробной вводной статьей С. Карлинского [Карлинский 1989, с. 7–31], включающей поглавный комментарий. «Поэма без предмета» написана онегинской строфой, в ней, как и в «Онегине», восемь полных глав («песен») с авторскими примечаниями к ним. Вопреки заглавию, тема «Поэмы без предмета» серьезна и объемна. Спустя несколько десятилетий после «смерти» русского Харбина, а потом и Шанхая Перелешин запечатлел в онегинских строфах (которых в поэме около шестисот⁴) историю русской диаспоры в Китае, прежде всего — историю литературную, значение которой сейчас трудно недооценить, но трудно и восстановить. Вторая мировая война полностью разрушила русский Китай со всеми его традициями и знаковыми фигурами, предала забвению многие, игравшие в 1920–30-е гг. значительную роль, издания. Газеты, журналы, сборники, издававшиеся русскими эмигрантами, превратились в архивную редкость и требуют специальных разысканий в дальневосточных, китайских и зарубежных собраниях.

Двумя годами раньше «Поэмы...», к 75-летию Перелешина, в 1987 г., в Амстердаме была издана его мемуарная книга «Два полустанка» (под «полустанками» подразумеваются Харбин и Шанхай) [The Memoirs of Valerij Perelesin 1987], которая, наряду с примечаниями к поэме, дополняет и проясняет стихотворный текст. Таким образом, в творчестве Перелешина ушедшая в небытие история русской жизни Китая оставила след в гибридной словесной форме, сочетающей, наподобие «Онегина» и постонегинских поэм, стих и прозу, лирику и эпiku. «Поэма...» с примечаниями и мемуарная проза должны, по замыслу автора, сохранить эмоциональную и поэтическую атмосферу русского Китая, а также хронику китайских литературных и политических событий, имена и портреты реальных действующих лиц русско-китайской истории.

Лиро-эпическое начало «Поэмы без предмета» подчеркнуто ироническим пунктиром расхожих цитат из Слова о полку Игореве («В Путивле пела Ярославна / зегзицею... дубрав? дубров? / И генеральша пела славно / романсы русских мастеров» — LXVI, Песня четвертая), одновременно и формируя, и пародируя «летописные» установки. Слово «мир» в «Поэме...» графически выделено и противопоставлено всему остальному тексту. Независимо от значения, оно пишется везде с десятеричным «і» в корне, и такое написание не соответствует, конечно, правилам дореволюционной орфографии (не хватает «ъ» на конце), но зато, во-первых, намекает на приверженность эмиграции дореволюционному языку⁵ (отметим, что один из самых верных старой орфографии эмигрантских журналов — «Возрождение», где Перелешин печатал историческую публицистику о Китае под

⁴ В каждой из восьми песен «Поэмы без предмета» по 75 строф, в то время как восемь глав «Онегина» и «Отрывки из путешествия Онегина» имеют разное количество строф. Таким образом, структура поэмы Перелешина гораздо объемнее и ровнее по соотношению частей, чем роман в стихах Пушкина, что отличает «Поэму без предмета» от постонегинских поэм, таких как «Возмездие» Блока, «Поэма без героя» Ахматовой, «Форель разбивает лед» Кузмина и др., поскольку общая тенденция постонегинской поэмы начала XX в. — сокращение объема и увеличение неравномерности композиционного рельефа.

⁵ В соответствии с нормами дореволюционной орфографии изданы и харбинские сборники Перелешина.

своей настоящей фамилией Салатко-Петрище [Салатко-Петрище 1968], продержался в рамках дореволюционных норм до конца 1960-х гг.); во-вторых, что еще важнее, окказиональная графика слова «мир» обостряет восприятие его значения, превращая и русский Китай Перелешина, и саму его поэму в отдельный, очерченный своими границами «мир», имеющий неповторимую ценность и значение, мир с собственным языком и литературой⁶.

Онегинская форма поэмы не случайна, она задает направление важного для автора вектора русской аполлонической классики: от Пушкина и Лермонтова до Вяч. Иванова, Блока, Ахматовой и других поэтов, вписавших себя в русло онегинской и — шире — пушкинской традиции⁷. Как будто оставляя в стороне авангард и футуристическое, русский поэтический Харбин и Шанхай в лице Перелешина идет по пути чистой классики, демонстративно отстраняясь от советских словесных и социальных экспериментов. Однако онегинская форма, в природе которой заложены стилистические и стиховые контрасты, позволяет Перелешину, поэту весьма искушенному литературоведчески⁸, написать стихотворную историю русского Китая, не лишенную оригинальных приемов в области поэтики, собравшую в себе разнородный опыт поэтической культуры XX в. Онегинская форма у Перелешина не только подогнана под новый материал (вместо пушкинской поэтической энциклопедии золотого века, каковую представляет собой «Онегин», Перелешин предлагает поэму-энциклопедию русской литературы Китая), но и обогащена новыми чертами. И выразительнее всего в «Поэме...», как кажется, лексические эксперименты, проведенные Перелешиним по онегинским образцам.

Язык пушкинского «Онегина» противоречив и разнороден, эти свойства заложены в жанровой природе романа в стихах, сочетающей многие стили, многие взаимовключенные и взаимоисключенные пространства. Литературоведами «разноязычие» «Онегина» осмысляется не в одной лишь лексической плоскости, оно тесно сопряжено со стиховой строфической композицией романа: именно стих уравнивает, позволяя совмещать, фабульно и стилистически несовместимые миры, разнородные сюжетные картины. «Ход разговорной интонации вторгается

⁶ В одном из писем Перелешин разъясняет свои орфографические принципы: «Вы пламенно защищаете новое “кривописание” (мой термин) даже после того, как оно полувековым опытом скомпрометировано насквозь. “Всё” — “все”, “мир” — “мир” — слова употребительнейшие — при правописании сохраняли свою особенность, а теперь такая дурасть получается, что в своем переводе “Дао-дэ-цзина” я и сам не всегда помню, где “мир”, а где “мир”. В редчайших случаях бывает еще “міро”, при склонении совпадающее с “миром” и “міром”. Реформировали русское правописание на криво... людишки, пропитанные революционным духом» [Перелешин 2004].

⁷ Специально подчеркнем культ акмеистов, особенно Гумилева, в литературном Китае, «Чураевке», в круге Перелешина. «Круг поэтов» даже в названии повторял «Цех поэтов», в 1929 г. в Харбине был издан гумилевский сборник «Лестница в облака», последней общей книгой Харбина стал «Гумилевский сборник» 1937 г., ко всем этим инициативам был причастен Перелешин. Кроме того, в «Двух полустанках» Перелешин не без иронии, но очень подробно пишет о знатоке, почитателе и подражателе Гумилева В.Н. Обухове.

⁸ Стиховедческая тема играет важную роль и в «Поэме...», где приводится много размышлений о рифмах, ритме, стихотворной технике, композиции, те же темы, как следует из «Двух полустанков», обсуждались на заседаниях «Чураевки» и «Пятницы», а в 1970-е гг. поэт получает из СССР стиховедческие издания: «Совсем недавно — в ноябре 1974 года — он (В.А. Слободчиков. — Е.К.) прислал мне новую книгу М. Гаспарова “Современный русский стих”» [The Memoirs of Valerij Perelesin 1987, p. 35].

в стих», — пишет Ю.Н. Тынянов [Тынянов 1977, с. 71], обращая особое внимание на то и дело вклинивающиеся в онегинские строфы иностранные слова:

Того, что модой самовластной
В высоком лондонском кругу
Зовется vulgar (Не могу...) (VIII, 15).

Люблю я очень это слово,
Но не могу перевести (VIII, 16).

Последний пример особенно интересен тем, что перерыв происходит на границе двух строф, что создает на конце первой строфы как бы жест [Там же, с. 71].

Английская мода, русско-французский дворянский билингвизм, в разной степени освоенные русским языком западные заимствования, а также поэтизмы, устаревшие и простонародные слова и т. п., как известно, свободно вошли в стихотворный роман Пушкина. Концепция многостилевого и многоязычного в «Онегине» позволяет современным исследователям, задавшимися целью взглянуть на роман с точки зрения лексики, проникнуть в этимологическую и литературную глубину русского языка, а также показать «Онегина» как текст-палимпсест, сквозь который видна обширнейшая языковая и литературная западноевропейская генетика⁹. В последующие времена языковая разнородность была усвоена традицией «онегинской» поэмы, почти каждое из подражаний «Онегину» переносит идею языкового расслоения на свой литературный круг. Так, «Поэма без героя» Ахматовой изображает язык пушкинской поры и поэтические стили Петербурга начала XX в., то же можно сказать и о поэме Кузмина «Форель разбивает лед» и др.

Перелешин тоже ввел в текст большой пласт заимствований, но не европейских, а китайских¹⁰. Для сохранения истории русской поэзии Китая, поэт прибегнул к «прививке» языка, по фонетике, структуре и написанию коренным образом отличающегося от языков западных и почти незнакомого русским за пределами Китая. Разумеется, китайский язык вводился в текст не напрямую, а тоже изображался, хотя «китаизмов» в «Поэме без предмета» так много, что с ее помощью можно овладеть несколькими десятками китайских слов. В первую очередь это,

⁹ Такое рассмотрение романа представлено в монографии о лексике и фразеологии «Онегина» у И.Г. Добродомова и И.А. Пильщикова, обратившихся вслед за Тыняновым прежде всего к иноязычным, заимствованным словам и именам собственным в лексическом репертуаре пушкинского романа. Во введении к герменевтическим очеркам, написанным на материале «Онегина», И.Г. Добродомов и И.А. Пильщиков отмечают: «Предмет исследования — редкие или устаревшие слова <...>. Авторы особенно интересуют иноязычные и заимствованные (иноплеменные, как говорил Пушкин) слова, а также имена собственные — как те, что приобретают значение нарицательных, так и те, которые поэт употребляет ради их экспрессивного ореола» [Добродомов, Пильщиков 2008, с. 9].

¹⁰ В тексте Перелешина много и западных заимствований, но пласт китаизмов самый весомый.

конечно, имена собственные и названия «китайских» вещей, уже освоенных русской культурой. Вот характерный пример из «Поэмы без предмета»¹¹:

...не на коне, не на кобыле,
а на скрипучем «*сань лунь-чэ*»
въезжаю — варвар бледнолицый —
и встречен Северной столицей,
хотя другие города
соперничали с ней тогда:
Нанкин, где клика *Ван Цзин-вэя*
<...>
Чунцин уездный, где в глуши
Отсиживался *Цзин Цзе-ши* (VII, Песня четвертая)
<...>
Бывало за вечерним чаем
хрипит хорунжий говорун,
как опрокинутый Перун,
а мы, не слушая, скучаем,
час и другой... (IX, Песня четвертая).

В этом эпизоде, подобных которому у Перелешина множество, китайские слова VII строфы поддержаны русским «чай» с китайской этимологией и ассонансными ему созвучиями, а также словом восточного, тюркского происхождения «хорунжий» и образом опрокинутого божка — Перуна, слегка напоминающего о синтоистских божках в виде нэцке (в поэме много виньеток, изображающих нэцке). Фонетически «русская» IX строфа не уступит VII, «китайской», по колориту, поскольку звучит совершенно в сино-тибетском духе: «чае-унж-чае-ча...».

В среде русских харбинцев и шанхайцев многие пробовали себя на стихотворном поприще, поэзия позволяла отвернуться от внешних обстоятельств, забыть о стремительно ухудшавшемся экономическом и политическом положении, мысленно сохранять свой нерушимый круг, вдохновенно его созидать. Поэтическая среда как творчески созданный мир — вот главный предмет «Поэмы без предмета», в «Двух полустанках» Перелешин сравнивает литературные объединения «Чураевка» и «Пятница» с «искусственно созданным островом»: «а вокруг бушевала война, свирепствовали японские оккупанты, царил жесточайший материальный и моральный гнет»¹². Однако немногие из харбинских поэтов, буквально

¹¹ Наряду с китайским в поэме изображается речь русской диаспоры Китая, сохранены ее особенные словечки, не имеющие отношения к китайскому языку, но называющие на русском, отличном от русского русского, специфичные реалии китайской жизни:

Звонок. Сегодня «верблюжатник»
(или, по-русски почтальон)... (XXVI, Песня вторая).

¹² Перелешин рассказывает и о выпущенном объединением «Пятница» альманахе «Остров»: «Последним деянием Пятницы было издание альманаха *Остров*. Название родилось как-то одновременно у всех. Именно островом среди бушующего моря был для нас всех этот отепленный гараж, где мы забывали свои невзгоды и куда каждый из нас приносил свою радость» [The Memoirs of Valerij Perelesin 1987, p. 109].

единицы, знали китайский язык и переводили с китайского; Перелешин входил в это меньшинство. В «Двух полустанках» он противопоставляет переводчиков-эмигрантов советским поэтам, зачастую вынужденным работать с чужими подстрочниками. Неграмотное посредничество, считает он, делает перевод несостоятельным, даже если переводчик — такой поэт, как Ахматова. Большая часть переводов Перелешина с китайского вышла уже после его отъезда из Китая (антология китайской поэзии «Стихи на веере», «исключительной трудности» поэма Цюй Юаня «Ли Сао»¹³, «Дао дэ цзин», заглавием напоминающий первый сборник Перелешина «В пути»¹⁴, и др.). Всю оставшуюся жизнь он занимался разысканием и переводом текстов, которые в молодые годы ему помогли постичь его китайские друзья: поэты, знатоки китайской поэзии, переводчики с русского на китайский, такие как Гэ Бао-цзань.

История Китая проступает в «Поэме...» на фоне биографии автора. В первых главах он дает описание своей, основанной на реальных фактах, ранней биографии (первая публикация в «Рубеже» с благословения редактора журнала М.С. Рокотова, роль матери в его литературных делах, выбор псевдонима), а также своей родословной (история древнего польско-белорусского дворянского рода Салатко-Петрище). На этом фоне эмблемой истории словесности русского Китая служит вымышленный «дриадачески-флоральный» акмеистический журнал:

Я выдумал в тиши полночной
и милой Флоре посвятил
журнал древесный и цветочный
(заткнись, московский «Крокодил»!).
Всех несогласных перетопав
издатель — Флор Гелиотропов,
решил: редактор — Соснина
(Гелиотропова жена),
корректор — даром что рассеян,
свояк издателя, Дубков.
Пусть пишет о цветах — Цветков,
о книгах Иакиф Лилеин,
Березов — притчи от сохи,
Нарциссов — к праздникам стихи (IV, Песня первая)
.....
Псалом я слышу погребальный:
седой Харон тебя умчал,
мой дриадачески-флоральный
акмеистический журнал (VI, Песня первая).

Символизируя русский литературный Китай, «древесно-цветочный» журнал является еще и образным автографом автора: вся «лесная» семантика вторит

¹³ «Написана на сычуаньском диалекте, полна аллегорий и намеков, отношения между королем и министром в ней поданы как отношения между влюбленными» — так характеризует В. Перелешин оригинал [The Memoirs of Valerij Perelesin 1987, p. 113].

¹⁴ «Дао Дэ Цзин» — «Книга пути и достоинства».

псевдониму «Перелешин», в котором угадываются корни «лес», «перелесок», «леший». Поэма о неведомом, почти бесследно ушедшем в историю острове русской эмигрантской жизни как будто бы приравнивается к непостижимому, но прекрасному лесу с цветочными полянами, в котором нет ничего хищного («Заткнись, московский “Крокодил!”»). Цветочный журнал-лес передает атмосферу русского Китая, где в 1930–40-х гг. упорно взращивается, культивируется оборванная на родине дореволюционная история, продолжающаяся теперь уже не в большом «государственном», а в микромасштабе. Не стоит думать, что все фамилии авторов журнала — вымышленные, в духе пушкинского «Онегина» в перечне перемещаются персонажи и реальные писатели и поэты из американского эмигрантского круга В. Перелешина: Борис Нарциссов, Родион Акульшин (Березов).

В «Двух полустанках» многократно описывается, как при катастрофической нехватке денег на поддержание жизни литературными объединениями и частными лицами буквально из последних сил, невзирая на голод и безработицу, издавались поэтические и прозаические сборники, периодика. Зачастую книги и журналы выходили совсем небольшим тиражом, но то были книги изысканного оригинального оформления, с элементами «рукописности», «рукотворности». Образцом такой книги может служить харбинский сборник Перелешина «Звезда над морем» (см.: [Перелешин 1941]), выпущенный в тонкой обложке из плотного фактурного китайского картона. В темно-синем картоне насквозь прорезана звезда, а заглавие книги постукает в зиянии с нижней, белой страницы. Этот коллаж, как палимпсест, совмещает заглавную надпись и пейзаж, письмо и изображение. Вся книжка «Звезда над морем» оформлена как декорация, картонный пейзаж, мир из бумаги и слов¹⁵.

Еще раньше обложки с китайскими имитациями можно найти, к примеру, у футуриста-дальневосточника, переводчика с китайского и японского Венедикта

¹⁵ Опыты Перелешина с прививками китайского на ветвь русского, конечно, не могут считаться абсолютной новостью для русской поэзии XX в. Не обошли вниманием китайский язык футуристы, так, в первом номере журнала «ЛЕФ» за 1924 г. напечатана поэма С. Третьякова «Рычи Китай», где китайский язык имитируется русской лексикой, но совсем в иной, нежели у харбинцев, манере. «Основная гуца поэмы построена на “звуковых вывесках” уличных бродячих ремесленников Пекина, это либо выкрики, либо звуки, издаваемые разными инструментами», — комментирует свою поэму С. Третьяков [Третьяков 1924, с. 33]. Вот пекинский квартал:

Рис. Чай. Уголь. Шелк.
Шел хорошо [Там же, с. 25].

Вот портрет китайского точильщика:

Ставь красную точку
Моим ножом.
То —
— Чу!
Точу! [Там же, с. 27].

Очевидно, что «ЛЕФ» говорит не на «акмеистическом» древнем «древесно-цветочном» китайском, а на «рабоче-китайском» языке.

Обложка книги В. Перелешина «Звезда над морем» (Харбин, 1941)

Обложка книги Венедикта Марта и Гавриила Эльфа «Фаин» (Владивосток, 1919)

Марта (В.Н. Матвеев) и его брата Гавриила Эльфа (Г.Н. Матвеев) (см.: [В. Март, Г. Эльф 1919]). Заглавие их стихотворной книги «Фаин», распадающееся на два «китайских» слога — «фа-ин»¹⁶, трижды обрамлено одним и тем же словосочетанием, которое слева вертикально записано по-китайски, но в русской графике «Хай-шин-вей», справа симметрично — иероглифами (海參威), левая и правая надпись заключены в рамку, как на обложках китайских книг.

В самом сборнике почти нет китаизмов или японизмов, это отличает Венедикта Марта и Гавриила Эльфа от Перелешина, но «Хай-шин-вей» с книжной обложки «переводится» в стихотворении Венедикта Марта «На Амурском заливе» 1916 г., не включенном в «Фаин»:

Как всплески под кормою, монотонно,
Поет тягуче за веслом китаец
Про Хай-шин-вей — «трепангов град великий».
Над ним в даях небес светло-зеленых
Полоски алые в томленьи тают
И звезды робко открывают лики.

«Хай-шэнь вэй» (海參威) либо Хай-шэнь вай (海參崴) — так китайцы называли Владивосток в эпоху династий Мин и Цин, а в 1862 г. он был переименован в

¹⁶ «Фаин (от китайского выражения “фа-ин” — реплика, выражающая потребность в новой порции опиума; буквальный перевод — “штраф за курение”» [Кириллова 2011, с. 112].

«Фуладивосытокэ» путем транскрипции русского топонима. Старокитайское название русского города состоит из двух смысловых элементов: 海參 (трепанг) и 崴 (излучина реки)¹⁷. Внизу на обложке «Хай-шин-вей» повторено в третий раз, но уже как название издательства и смысловой перевод иероглифов (букв. «город трепангов», «залив трепангов»), обогащенный эпитетом «великий» в футуристическом духе¹⁸. Таким образом, «город трепангов» — это повторенный трижды, но ни разу не названный при помощи русского топонима Владивосток, город, где реально был напечатан сборник. Без единого рисунка, только соотношением автоцитаты и надписей с богатой этимологией, а также работой со смысловой стороной иероглифа обложка превращена в картинку-пейзаж. Устаревший и экзотический топоним в разных вариациях порождает колоритные визуальные образы: море, древнее рыбацкое поселение, ловля трепангов¹⁹. Слово и изображение взаимобразно подменяют друг друга, как один язык подменяет в стиховой ткани другой.

Иллюстрации к «Поэме без предмета» (автор обложки и рисунков — Л. Левина) собраны по другому, не минималистическому принципу — в оформлении книги использовано большое разнообразие китайских ингредиентов (кажется, даже избыточное): и китайские орнаменты (как геометрические, так и растительные), и подлинные иероглифы (ими дублируется, например, номер каждой из глав), и каллиграфические фантазии на темы китайских иероглифов²⁰, а также рамки, виньетки по мотивам китайской живописи.

В словесной технике близки Перелешину стихи некоторых поэтов китайской эмиграции. Приведем отрывок из небольшой поэмы «Луна» Кирилла Батурина [Батурин 1995, с. 63–64], редактора шанхайского еженедельника «Огонь»²¹ и одного из персонажей «Поэмы без предмета»²², «чудака и астролога»:

¹⁷ Существует мнение, что изначальное китайское название «Владивостока», «Хай-шэнь вэй» (海參崴) либо Хай-шэнь вай (海參崴), транскрибировало маньчжурское словосочетание, обозначавшее «рыбацкий поселок на берегу моря». Вариативность написания последнего иероглифа (威 и 崴) и «неточность» его значения подтверждают эту версию. «Дословно» переводы «залив трепангов» и «город трепангов» правомерны.

¹⁸ «Хай-шэнь вэй» — это не только название города, но и название издательства [Очерки истории... 2002, с. 69].

¹⁹ Берег, вода, плавание, Восток окружают поэта Сентября в романе «Козлиная песнь» Вагинова (образ вагиновского Сентября — Венедикт Март), хотя действие IX главы, посвященной Сентябрю, происходит не во Владивостоке, а в другом морском городе — Петербурге.

²⁰ Так, последняя, 8-я песня, предваряется шмуцтитлом с каллиграфической фантазией, возможно на тему иероглифа «龍» (лун, «дракон»).

²¹ Журнал, как следует из библиографической справки, издавался «Русским оккультным центром». См.: [Огонь 1936].

²² ...но к чудакам и астрологам
тогда влеклись мои стопы.
Один из них — Кирилл Батурин —
был полусвят, полукультурен
и по приемлемой цене
два тома «Врат» сосватал мне.
Питался он лапшой и репой,
буддийский соблюдал закон,

Вспоминаю цветы магнолий,
Самую странную любовь
Из противоречий и боли
Девушки из Нан-по.

Над старым крылатым домом
Медью взошла луна;
Легла золотым изломом
Бороздою в пруду вода.
На дальнем дворе прислуга
Играет, стуча, в маджан;
В беседке жду я друга —
Прислужницу госпожи Цзян.

По традиции короткие китайские топонимы, названия предметов и собственные имена, как и вообще все слова экзотического звучания, сдвинуты в конец стихотворной строки, краткость и односложность китаизмов способствует образованию составных рифм, обостряющих аллитерационно-ассонансные линии всего стиха²³. Экзотические имена и названия соединяются с живописным пейзажем в китайском стиле: луна, дом с загнутой крышей, пруд, лунная дорожка на воде, беседка... Перед нами стихотворение-экфрасис, стихотворение-стилизация, стихотворение — китайская миниатюра. Маджан, древняя игра в кости, предназначенные также и для гадания, усиливает тему нетерпеливого ожидания: «девушка из Нан-по» еще не пришла к другу — момент взывает к гаданию о судьбе. В то же время свидание уже осталось в прошлом героя, и он лишь восстанавливает в памяти, описывает далекую картину. Так что это не живое волнение, а волнение-вдохновение, условное, игровое, сугубо эстетическое «искусство волнения», театральная сценка, заключенная в декоративную рамку. В финале живописная, изобразительная тема уже не подразумевается, а выражается открыто, соединяя в единую цепь и «китайский» словесный орнамент, и нарисованный тушью узор-пейзаж:

Тушью черной кладет узоры
Лунный свет на полу.
Любовь китаянки — горы,
Когда горы весной цветут
Абрикосами, миндалями,
Жасмином, дыханием трав,
Смолистыми тополями —
Нежнейшими из отрав...

Рамачараккой бредил он,
Вивеканандой, Миларепой:
не ставя «майи» ни во что,
вздыхал об острове Пур-то (XXIV, Песня шестая).

²³ «Перемена декораций, — пишет о “Поэме без предмета” Перелешин П.П. Лапикену, — (вместо Пекина теперь идет Шанхай) неожиданно открыла мне доступ ко множеству еще не использованных рифм: надеюсь, что Бразилия тоже поможет мне обновить “репертуар”» [Перелешин 2004].

И такой вот, косою, черноглазой,
Не забыть мне любви вовек;
На старинной китайской вазе
Повторенных рисунков нет... (1931).

Вероятно, в этом тексте 1931 г. Батурин несколько подражает Ахматовой 1913 г. («И словно тушью нарисован / В альбоме старом Булонский лес» — «Прогоулка»). Мелькнув трижды, китайские слова исчезают из лунной поэмы, но экзотическими рифмами уже задано внимание к ассонансным рифмам («полу» — «цветут», «вовек» — «нет», «черноглазой» — «вазе») и очень выделяющейся на их фоне поглощающей рифме-метаграмме: «трав» — «отрав». Дольником поддерживается «призвук» иноязычности, ритм слегка имитирует «перевод» с китайского. Примеров такого рода, только, может, чуть менее изящных, в «Поэме без предмета» Перелешина очень много: китайская лексика оформляет рифмы, игра в маджан аккомпанирует сюжету, экфрасисные картинки накладываются на китайские фонетические имитации.

Возвращаясь к пушкинской традиции, стоит отметить, что в «Онегине» стилизовано не только разноязычие и определенные поэтические манеры — романтическая, сентиментальная, — но и сюжетные картины, заимствованные из сентиментальной повести, романа, водевиля: написание и чтение писем, объяснения в любви, свидания в саду, слезы, которые «рекой» льют героини в будуарах и на кладбищах. Причем это не простое сюжетное заимствование, а пародийное, сделанное с известной долей отстранения от оригинальных сентиментальных и романтических текстов. Сентиментальные сценки-виньетки растворены в лирической стихии романа и из-за этого уже почти не различимы в едином сюжетном коллаже XIX в. на темы XVIII. Очевидно, орнаментом стилизованных в духе XVIII в. сцен, а не фабулой романа было вдохновлено прочтение «Онегина» мирискусниками, вспоминаются прежде всего силуэтные иллюстрации к «Онегину» А.Н. Бенуа.

Противостояние «перспективы стиха перспективе сюжета» [Чумаков 2008, с. 85] в структуре пушкинского романа определяет, как нам кажется, сущность модернистского подхода к «Онегину». Сюжет героев преодолевается метасюжетом, включающим в себя авторский взгляд на сам процесс создания текста и почти вещественное переживание результатов этого процесса, эстетическое осознание пластики самого стиха, его силы, энергетики, «динамики»²⁴. «Онегин» в интерпретации XX в. раскалывается на «сценки», «картинки» и словесно-звуковые линии. Онегинская модель существует как собрание «компактных и многомерных фрагментов» [Там же, с. 84], представляющих «различные аспекты лица автора, его сознания и поэтического мышления» [Там же, с. 83].

В «Поэме без предмета» В. Перелешина нет самостоятельного сюжета героев, ее структурное единство держится единством автобиографического лирического «я», остальные персонажи тоже имеют в большинстве своем реальные прототипы и названы реальными именами и фамилиями, так или иначе отраженными в

²⁴ См. об этом: [Чумаков 2008, с. 79–85].

истории русского Китая²⁵. Но все-таки в тексте есть плоскость, развернутая от реальной истории литературного Харбина и Шанхая в сторону лирического сюжета.

Сюжетный стержень поэмы образует не только литературная, творческая, но и любовная биография автора. Герои любовных сюжетов, как и остальные персонажи, названы полными именами, но проверить подлинность этих имен мы не можем, поскольку их прототипы существовали за гранью литературной и общественной жизни харбинской и шанхайской эмиграции, запечатленной в документах и мемуарах. Не упоминаются эти герои и в мемуарной прозе «Два полустанка».

Любовная линия «Поэмы без предмета» вписывается С. Карлинским в контекст гомоэротических сюжетов русской литературы [Карлинский 1989, с. 22–23]. Первый ее эпизод — роман с умирающим от чахотки Василием Нестеренко — отсылает к «Ночам на вилле» Н.В. Гоголя. Юный Василий Нестеренко напоминает гоголевского Иосифа Вьельгорского [Там же, с. 15], а сам этот сюжет представлен в качестве идеального варианта возвышенной платонической любви — за смертью возлюбленного следует решение лирического героя уйти в монастырь. Отзвуки этого сюжета С. Карлинский усматривает в харбинском сборнике «Добрый улей» (1939) [Там же, с. 14], подписанном наряду с псевдонимом монашеским именем Перелешина — «монах Герман» (см.: [Перелешин 1939]). Ключевые мотивы книги — смерть юноши, двойничество, монашество:

Так кто ж судил, о милый мой варяг,
Чтоб люди нас за братьев принимали,
И чтоб твоих очей морские дали
Ласкали глаз моих стигийский мрак (Двойник, 1936).

Оттого у монаха везде кресты,
И скелет посреди жилья,
И под ним: «Не забудь, что я был, как ты,
И ты будешь таким, как я» (Над гробом, 1938).

Однако в ракурсе русско-китайской темы важнее другой, кульминационный сюжет «Поэмы без предмета», в котором любовное чувство к китайцу Лю Сину, продавцу старинных книг (Шестая песня), вступает в драматическое противоречие с чувством религиозным, где берет верх то страстное раскаяние, то переживание божественного происхождения и силы земной любви:

Богооставленным Саулом,
уже предобреченный царь,
я исчуже вхожу в алтарь,
но пенье стало смутным гулом,
а над молитвой хоровой,
Лю Син, я слышу голос твой (XXXV, Песня шестая).

²⁵ Такой тип текста (автобиография, написанная онегинской строфой) в постонегинской традиции восходит к «Младенчеству» Вяч. Иванова.

Древний Китай, старинные китайские книги, перевод с китайского на русский — все эти темы связаны в «Поэме...» с Лю Сином. Через Лю Сина открывается окно в полный недоступных сокровищ мир чужой, хотя и знакомой с детства культуры. Русский Харбин, где вырос и воспитывался Перелешин, сохранял изоляцию от китайского мира, и Перелешин не упускает случая отметить не только притяжение, но и обособленность китайского и русского. С едва уловимой иронией прояснена этимология привычных русских топонимов Харбина, так, название русского района Модяговка (Модягово) («второй квартал по Модяговке» — XXII, Песня четвертая) снабжено примечанием: «Правильнее Ма-цзя-гоу (не то “канавка семьи Ма”, не то “извозчичья”, по ширине не меньше Тибра. Приток реки Сунгари)» [Перелешин 1989, с. 204].

Лю Син выводит лирического героя из замкнутого русского эмигрантского мира в стихию китайского языка, действие 6-й и 7-й глав разворачивается вдали от Харбина. Вершина 6-й главы и любовного сюжета — путешествия по местам, сохранившим историю древнего Китая: парки Тай-мяо и Чжун-хай, Нань-хай, старинные монастыри в Западных холмах (Си-шань)²⁶, Ханджоу:

В Ханджоу бывал я многократно,
и если бы не Мао Цзэ-дун,
туда побрел бы я — обратно:
спуститься в черный Цыноньдун,
пройтись по травяным долинам
с тогдашним ласковым Лю Сином,
взобраться на уступы скал,
где свежий ветер нас ласкал (LIII, Песня шестая).

Здесь между «китайских» рифм мелькает редкая поглощающая — «скал» / «ла-скал», похожее явление уже встречалось в китайских стилизациях Батурина. Как и составная, поглощающая рифма хорошо подходит для имитации идеографического китайского письма, знаки которого имеют смысловое значение и «складываются» друг с другом.

Любовь к Лю Сину в поэме написана «штрихами», любовное путешествие «прикрыто» историями других героев, любовная линия не выстраивается в последовательную историю (четче других обозначен лишь один момент: заключение Лю Сина в тюрьму и его вызволение, остальное, включая расставание, дано лишь намеками), а «распадается», как сюжет-веер, сюжет-складень²⁷, сюжет-книга с путешествиями в далекие времена, когда создавались столь притягательные для

²⁶ «...Мы побывали на том островке, где вдовствующая императрица Цы-си держала в заключении несчастного императора годов правления Гуан-сюй, пробежали по залам Зимнего дворца, столь огромного, что каждый день для посетителей открывалась одна четвертая часть дворца с павильонами, дворами, мостами, галереями, сокровищами искусства» [The Memoirs of Valerij Perelesin 1987, p. 91].

²⁷ «Волшебный складень» — метафора жизненного пути и путешествий в «Поэме без предмета»: «Став гражданином Парагвая, / Он часто ездит на Восток, / В Бейрут, Калькутту и Банкок, / потом от скуки изнывая, / В Перу недолго погостит, / и снова в Африку летит / Вот это жизнь — волшебный складень, / где рядом холод и жара» (LV–LVI, Песнь вторая).

поэта-переводчика памятники древней китайской поэзии. Причем погружение в другой мир, в мир утонченной восточной древности — не просто метафора, но метафора в некотором смысле реализованная, связанная с мотивами двойничества, зеркала, игрой с темой времени, с некоторой персонажной путаницей. Тема однополой любви, отменяя мотив вечной возобновляемости рода, позволяет «форматировать» время, прерывая неиссякаемый его поток все новых и новых рождений, и тем самым переводя существование из актуальной модальности в эвентуальность. Вот как это звучит в сборнике «Южный дом»²⁸, который наряду с 6-й и 7-й песнями «Поэмы без предмета» посвящен Лю Сину:

И к чему же так скоро устала бы
Наша кровь повторяться в веках («Усталым»).

Дорисовывая событийный сюжет «Поэмы...» и стихотворного цикла «Южный дом», можно догадаться о причинах расставания лирического героя с Лю Сином, который, в отличие от лирического героя, предпочел родовое возобновление времени:

Мне, — ты скажешь, — ясно назначенье:
Я только дверь, и собрались за ней
Пришедшие родиться поколенья
Раскосых, желтых, маленьких людей («Неизбежное»).

Время «Поэмы...» не возобновляемо, русский Китай Перелешина — мир нерожденных и умерших, что тематически роднит «Поэму без предмета» с «Поэмой без героя» Ахматовой, с поэмой «Форель разбивает лед» Кузмина, с пятой главой «Онегина», где Татьяна видит сон, предвещающий смерть Ленского. Но если у Пушкина, Ахматовой, Кузмина нездешний мир, стоящий «за дверью» видимого, живописуется в балладных тонах и с привлечением интертекстуально богатых мотивов призрачности, мертвенности, невоплощенности, то «Поэма...» Перелешина использует преимущественно лишь один прием: перечень, «мартиролог» погибших поэтов, в который входят и «угасшие», «замученные», «убитые», «задохнувшиеся» в России («был Гумилев убит в овраге, / погибли — «от иных причин» — / Волошин, Клюев и Кузмин. / Украсил запах смердяковский / разнужданное торжество: / Есенин умер от него / и задохнулся Маяковский <...> / Конец горчайший Мандельштаму / на долю выпал...» — LVI–LVII, Песня третья), и умерший в эмиграции Адамович («Без Адамовича в пустыне, / о, Муза русская, витай!» — IX, Песня вторая), и сотни исчезнувших, пропавших харбинцев и шанхайцев, названных в поэме поименно, как в чине заупокойной службы.

Набор любовных мотивов у Перелешина нередко сочетается с мотивами храма, молитвы, рыцарского служения. Стихи «около церковных стен» — так определил Перелешин едва ли не жанровую разновидность текстов харбинского по-

²⁸ См.: [Перелешин 1968].

эта С. Сергина²⁹, но так можно назвать и ведущий лирический комплекс самого Перелешина, подражающего одновременно «Стихам о Прекрасной Даме» Блока (с их холодной петербургской каменной храмовой архитектурой) и теплым, ярким, средневеково-европейским краскам храмов Кузмина³⁰. Герои Кузмина — «близнецы», их «двойничество» отражается зеркалами, водной гладью, живописью, полустертыми иконами и фресками, открывающими «окна» в другие, далекие, книжные миры, квинтэссенция которых — чистый мир искусства. Путешествия, «картинки на веере» Перелешина не европейские, а исключительно китайские. Словесно тема двойничества развивается у Перелешина довольно традиционно, но в оформлении она подчеркнута китайским удвоенным иероглифом «си» «囍» — двойная радость, двойное счастье, который традиционно используется в качестве декоративного символа для любых торжественных случаев, в первую очередь для свадьбы. Шмуцтитул с удвоенным «囍» предшествует началу поэмы (первой главе) и, по-видимому, относится и к общему сюжету поэмы (юность, Китай как избыток радости и счастья), и к сюжету любви к Лю Сину.

Кажется, Перелешину не хватает столь же мощного, как у Кузмина, поэтического легато, чтобы соединить все эти фабульно несоединимые и немислимые как ансамбль на уровне банального, повседневного сознания темы. Но онегинская природа «Поэмы без предмета» все-таки позволяет сочетать несочетаемое. Расходясь в перспективе фабулы, противоречия соединяются в лирическом сюжете. Поэтическое легато у Кузмина достигается благодаря разнообразию жанровых форм, в том числе и твердых, которые сложно взаимодействуют внутри его стихотворных книг, скрепляются системой рефренов, преобразуются и, кроме того, всегда имеют многослойные литературные подтексты. В этом же направлении пытался двигаться и Перелешин, неустанно экспериментируя с твердыми формами (одной из которых в какой-то мере является и онегинская строфа), экзотическими рифмами, темами, умножая лексические возможности русского поэтического языка. Вот две очень характерные для Перелешина концовки (одна — сонетная, вторая — с зеркальной риторической фигурой — антиметаболой на конце) из той

²⁹ «Меня Сергин привлекал, прежде всего, как одаренный поэт. В его стихах я скоро стал различать какую-то “двойственность”. Чаще и охотнее всего Сергин писал на темы, связанные с Церковью <...>. То о духовнике, который боится соблазна, приходящего к нему в образе кающейся прихожанки, то о девушке, в одиночестве молящейся в пустой церкви <...> лучшее у него — именно стихи “около церковных стен” [The Memoirs of Valerij Perelesin 1987, p. 47].

³⁰ Вот лишь один из многочисленных примеров контаминации мотивов любви, молитвы, храма, двойничества у Кузмина:

И я стою перед лампадами,
Смотря на близкий милый лик.
Не властен лед над водопадами,
Любовных вод родник велик («Моя душа в любви не кается...»),

Ах, нужен лик молебный грешнику
Как посох странничий в пути.
К кому, как не к тебе, поспешнику,
Любовь и скорбь свою нести? («Сети»).

же, посвященной Лю Сину, книги «Южный дом»; тема обеих концовок — двойственность и взаимообращенная связь как героев, так и стихотворных строк:

Я озеро, которому как Китеж,
Твоя судьба навек обручена.
Я зеркало, но и дойдя до дна,

Ты жадности безумной не насытишь,
Отныне знай: ты будешь жить вдвойне,
И наяву, и в этой глубине («Сонет»).

О, нам бы плыть неведомо куда,
В какое бездорожье голубое,
Под дальний гул растущего прибоя —
Но только так бы плыть, чтобы всегда
И в море нас, и в мире было двое («Другу»).

«Поэма без предмета» нарочито встроена Перелешиним в акмеистическое направление поэтической онегинистики, что очевидно в выборе заглавия, копирующего ахматовское, — «Поэма без героя». Второй источник «беспредметности» — древнекитайский трактат «Дао Дэ Цзин», стихотворный перевод которого Перелешин закончил в 1971 г. Прилагательное «непредметный» входит в рефрен трактата, это одно из определений «дао», понимаемого среди прочего как «пустое», «постепенно наполняющееся»:

Если истину произречь,
Суть погибнет, а выйдет речь.
Если имя ты назовешь,
То не имя оно, а ложь.
<...>
Пребывая в небытии,
Постигай его глубину.
Пребывая в мире вещей,
Многовидность их постигай.

Эти два — на деле одно,
Хоть различны их имена.
Эта тайна превыше тайн,
Ко всему сокрытому дверь.

Кто их образ умом поймет,
Верно к Истине сам примкнет,
Хоть она и непостижима,
Непредметна, неуловима.
В непредметном, неуловимом
Есть, однако, некая суть.
В недоступном и непредметном
Некий образ напечатлен...

<...>

Без насилия: сила таима,
Без обличья оно незримо,
Непредметно, неуловимо»

(«Дао Дэ Цзин», пер. В. Перелешина [Лао-Цзы 1992, с. 42–43]).

Несколько полупародийных отступлений на темы «беспредметности» поэмы Перелешина нетрудно связать с «пустотой» в китайском повороте, с пустотой как знаком «дао», то есть с процессом творения мира, который изображен Перелешиным в обратной перспективе: как процесс разрушения. Мотивы удвоения, двойничества тоже поставлены у Перелешина так, что вторят «обратному» творению, направляя не к умножению, а к одиночеству, «вычитанию», что находит отклик в акмеистическом подтексте, если подчеркивая, к примеру, тему несчастной любви и отсутствующего героя в «Поэме без героя», напротив — выдвигать на первый план тему героини и ее двойника³¹ — Ольги Судейкиной («Ты — голубка, солнце, сестра») [Ахматова 2009, с. 407]. Не только Ольга Судейкина, но и сама «поэма» удваивает автора в тексте Ахматовой, что еще больше опустошает место героя. У Перелешина мотив двойничества и беспредметности с акмеистическим и уходящим в глубину веков даосским подтекстом усиливает неопределенность, «мультисубъектность» «Поэмы без предмета», а неопределенность и мультисубъектность, невычленимость субъектов вообще характерны для постонегинской традиции.

Подводя итоги сказанному, можно заключить, что на исходе XX в. онегинский образец оказался продуктивным для объемного лиро-эпического произведения из восьми песен, вместившего не только личные лирические воспоминания о стране, где автор провел полную драматических переживаний юность, но воссоздавшего ту погибшую (во всяком случае, для русских) культуру Китая, которая была «ласковой мачехой» русской эмиграции. С литературоведческой точки зрения «Поэма...» Перелешина дает возможность наблюдать поздний этап онегинской традиции, развивавшейся по линии акмеизма: это лирическое собрание экфрасисных миниатюр внутри большой формы; имитации разноязычия (с главным акцентом на китайском) внутри традиционного русского поэтического языка; игра с твердыми формами стиха; опыт создания сложной композиции, где к основному тексту притягиваются примечания, мемуарная проза, стихотворные сборники, тематически пересекающиеся с поэмой. Будучи коллажем «компактных фрагментов», такая композиция допускает «соединение разнородных начал», тематических и формальных. В соответствии с онегинской традицией все это представлено стихами, прозой и значимой пустотой, зияющей не только на стыке фрагментов, но и на стыке языков.

³¹ Такова интерпретация «Поэмы без героя» А.К. Жолковского: «Скажем, не потому ли Ахматова так культивирует тайну, что ей надо скрыть именно бисексуальность, лесбийские “засосы”, любовь к Ольге Судейкиной? Не отсюда ли ее магистральная тема несчастной любви между мужчиной и женщиной? Не потому ли столь заветна и непереходима черта, разделяющая любовников в хрестоматийном “Есть в близости людей...?”» (см.: [Жолковский 2011]).

Литература

- Ахматова 2009 — *Ахматова А.* «Я не такой тебя когда-то знала...»: Анна Ахматова. Поэма без героя. Проза о Поэме. наброски балетного либретто: материалы к творческой истории. СПб.: «Миръ», 2009. 1488 с.
- Батури́н 1995 — *Батури́н К.* Луна // Вернуться в Россию — стихами...: 200 поэтов эмиграции: Антология / сост., авт. предисл., коммент. и биогр. сведений В. Крейд. М.: Республика, 1995. С. 63–64.
- Бузуев 2003 — *Бузуев О.А.* Творчество Валерия Перелешина: моногр. Комсомольск-на-Амуре: КНАГПУ, 2003. 122 с.
- В. Март, Г. Эльф 1919 — *Венедикт Март, Гавриил Эльф.* Фаин. Владивосток, 1919. 36 с.
- Добродомов, Пильщиков 2008 — *Добродомов И.Г., Пильщиков И.А.* Лексика и фразеология «Евгения Онегина»: Герменевтические очерки. М.: Языки слав. культур, 2008. 312 с.
- Жолковский 2011 — *Жолковский А.К.* О другом // НЛО. 2011. № 112. URL: <http://www.nlobooks.ru/node/1519>.
- «Заблудившийся аргонавт» — «Заблудившийся аргонавт»: К 100-летию со дня рождения Валерия Францевича Перелешина. URL: <http://bfrz.ru/data/library/Pereleshin.pdf>.
- Карлинский 1989 — *Карлинский С.* «Поэма без предмета» Валерия Перелешина // Перелешин В. Поэма без предмета / под ред. С. Карлинского. Холиок, 1989. С. 7–31.
- Кириллова 2001 — *Кириллова Е.О.* Дальневосточная гавань русского футуризма. Кн. 1: Модернистские течения в литературе Дальнего Востока России 1917–1922 гг. (Поэтические имена, идейно-художественные искания). Владивосток, 2001. 634 с.
- Лао-Цзы 1992 — *Лао-Цзы.* Дао Дэ Цзин. Хуай Наньци. Котлас: Эзотерическое изд-во «Скрижали». 1992. 84 с.
- Огонь 1936 — Огонь = Fire: Еженед. журн. Русского оккультного центра / ред. К.В. Батури́н. Шанхай: Speed Studio, 1936 (24 октября — 24 декабря). № 1–4. URL: <http://emigrantica.ru/item/ogon-shankhai-1936>.
- Очерки истории... 2002 — Очерки истории книжной культуры Сибири и Дальнего Востока. Т. 3: 1917–1930 / отв. ред. А.Л. Посадсков. Новосибирск, 2002. С. 534 с.
- Перелешин 1939 — *Перелешин В. (Монах Герман).* Добрый улей: Вторая книга стихотворений. Харбин: В.В. Плотников, 1939. 29, [2] с.
- Перелешин 1941 — *Перелешин В.* Звезда над морем: Третья книга стихотворений. Харбин, 1941. 31 с.
- Перелешин 1968 — *Перелешин В.* Южный дом: Пятая книга стихотворений. Мюнхен: Изд. автора, 1968. 47 с.
- Перелешин 1989 — *Перелешин В.* Поэма без предмета / под ред. С. Карлинского. Холиок: Нью Инглант Пабблишинг К°, 1989. 411 с.: ил.
- Перелешин 2004 — *Перелешин В.* Письма П.П. Лапикену / публ. О. Бакич // Новый журнал. 2004. № 234. URL: <http://magazines.russ.ru/nj/2004/234/per7-pr.html>.
- Салатко-Петрище 1968 — *Салатко-Петрище В.Ф.* Смысл «культурной революции» в Китае // Возрождение. 1968. Сент. № 189. С. 124–129.
- Соловьева 2008 — *Соловьева Т.М.* Лирика Валерия Перелешина: проблематика и поэтика. Южно-Сахалинск: СахГУ, 2008. 124 с.
- Третьяков 1924 — *Третьяков С.* Рычи Китай // ЛЕФ. 1924. № 1 (5). С. 23–32.
- Тынянов 1977 — *Тынянов Ю.Н.* О композиции «Евгения Онегина» // Тынянов Ю.Н. История литературы. Поэтика. Кино. М.: Наука, 1977. С. 52–77.
- Чумаков 2008 — *Чумаков Ю.Н.* Перспектива стиха или перспектива сюжета // Пушкин. Тютчев: Опыт имманентных рассмотрений. М.: Языки слав. культуры, 2008. С. 79–85.
- The Memoirs of Valerij Perelesin 1987 — Russian poetry and literary life in Harbin and Shanghai, 1930–1950. The Memoirs of Valerij Perelesin. Amsterdam, 1987. 159 p.

В.М. Димитриев

ГЕНЕЗИС «РАССЕЯННОЙ» ПАМЯТИ
В ПРОЗЕ В.С. ВАРШАВСКОГО 1920–1930-х ГОДОВ
(В.С. ВАРШАВСКИЙ, Ф.М. ДОСТОЕВСКИЙ, А. БЕРГСОН)

Владимир Сергеевич Варшавский (1906–1978), один из главных представителей «младшего» поколения писателей-эмигрантов межвоенных десятилетий, автор книги «Незамеченное поколение» (1956), в своем творчестве центральное место уделяет проблематике памяти и воспоминания. Вспоминающий прошлое автобиографический герой Варшавского, от лица или с точки зрения которого написаны все художественные произведения писателя, оказывается подвержен странного рода *припадкам рассеянности*, которые сам он связывает со смутным *ожиданием*. В «Ожидании» (1972), а первоначально роман планировалось назвать «Рассеянность», эти два мотива составляют идейный стержень, предмет рефлексии героя-рассказчика, а также концептуальную пару, посредством которой герой Варшавского фиксирует этапы своей жизни.

«Припадки рассеянности находили на меня все чаще. Достигая наибольшего напряжения, моя тоска соединялась со странным мечтанием. Что-то вдруг происходило с моими восприятиями. Мне мерещилось, природа *смотрит* на меня с таким выражением, словно хочет открыть мне что-то, что непостижимо присутствует *по ту ее сторону*. Еще мгновение, и я все пойму, все мои недоумения рассеются, наступит небывалая, блаженная радость.

Но это мгновение никогда не наступало. Напрасно я старался удержать это чувство приближавшегося восхищения, взглядеться, как оно зарождается в глубине моего сознания. Я ничего не находил. Только невыносимое чувство остановки жизни» [Варшавский 1972, с. 42].

В сюжетно-композиционной структуре романа это двоящее противоречивое чувство впервые появляется со смертью брата героя-рассказчика Юры (к важности биографического подтекста данного события мы обратимся ниже), когда оба они подростками оказываются в изгнании, этот момент фиксирует также окончательный крах нерушимой для героя картины детства. Чувства рассеянности и ожидания в разное время осмысляются автором-повествователем и как причина его поразительной и сознаваемой бесчувственности, и как обещание обнаружения какой-то утерянной истины.

Вместе с тем важно, что *ожидание* активным образом располагается героем не только или даже не столько в будущем, сколько в прошлом, становясь, таким образом, в зависимость от способности удерживать прошедшее в памяти, герою постоянно изменяющей. Особой интенсивности коллизия памяти достигает в

межвоенный период творчества Варшавского. Характерен рефрен в повести «Уединение и праздность» (1932): «Он хотел и не мог вспомнить какое-то забытое объяснение и вдруг с беспокойством подумал, что никакого объяснения не было» [Варшавский 1932б, с. 56].

Ключевая роль категории памяти для русской эмиграции первой волны 1920–30-х гг. объяснялась уже самой бытовой и бытийной ситуацией изгнанничества, однако ее выражение существенным образом различалось в творчестве «старшего» и «младшего» поколений. На методологически ценном различии памяти и воспоминания еще с начала 1920-х гг. настаивает Ф.А. Степун и применяет его в призыве 1935 г., обращенном к авторам журнала «Числа», не замыкаться в «лирическом тлене» воспоминания «своей лирической березки» в ущерб «онтологической нетленности» вечной памяти о России [Степун 1935, с. 18–19]. Однако это не учитывало принципиальной сложности отношений эмигрантского молодого человека с прошлым: «младшее» поколение, по мысли Варшавского, не могло даже проникнуть в прошлое, поскольку последнее было неприсвоенное и отчужденное, поскольку «нет прошлого» [Алферов 1933, с. 200]. В 1936 г., вступая в полемику о молодой эмигрантской литературе и памятуя о призыве Степуна, Варшавский вводит понятие «экстерриториальной души», которой наделены «старшие»: они черпают вдохновение в живом пока еще воспоминании о России, «эмигрантский молодой человек» «даже идеально... не находится ни в каком обществе» [Варшавский 1936, с. 410]¹. Иными словами, он — единственный подлинный эмигрант (выселившийся), поскольку перемещено не только его тело, но и душа его переживает состояние метафизического сиротства, оставшаяся «ни в каком мире и ни в каком месте» [Варшавский 1930/1931, с. 221].

Из этой разности отношений с прошлым проистекает и разность включения проблематики памяти и образов-воспоминаний в художественный текст. Если в ценностной основе богатых мнемоническими мотивами произведений И. Бунина, Б. Зайцева, И. Шмелева или М. Осоргина лежит сюжет обращения личной памяти в миф, предание [Степанова и др. 2012], то для русских монпарнасцев ценнее ситуативное, личное, в перспективе антилитературное свидетельство об экзистенциальном опыте, о фиксации разрыва с реалиями довоенного мира. В повествовательной структуре текстов «эмигрантских сыновей» разрыв осмысливается с точки зрения нового героя, человека 1930-х гг., «беспокойного» молодого человека, чей образ формировался как в прозе, так и в «поколенческих» манифестах представителей «младшего» поколения и корреспондировал с мифологией «новой болезни века» молодых французских писателей [Адамович 1928; Livak 2004, p. 22–28]. Новый «голый», «серьезный», «совестливый», жалкий и стоический герой [Терапиано 1933; Кельберин 1935], подвергающийся в автобиографической прозе молодых писателей-эмигрантов феноменологическому описанию (я рассматрива-

¹ Ср. с позицией повествователя в рассказе Ю. Фельзена «Две судьбы» (1928): «У нас, теперешних людей, нет легкой, обыкновенной, связанной жизни, и прошлое наше расколото: сперва один воздух, потом другой — горше. <...> Только это не поражает нас раздвоением и слабостью, скорее придает новую медленную силу — от всего охваченного, от самой возможности прежнее и новое головокружительно-наглядно охватить» [Фельзен 2012, т. 2, с. 145].

ет самого себя как *он*), участвует в борьбе «между уничтожаемой сущностью и торжествующей общественностью» [Варшавский 1932а, с. 167] тем, что отказывается «жить исключительно на “обобществленной” поверхности своей личности» [Варшавский 1936, с. 413] и целиком посвящает себя описанию «внутреннего человека» в себе. Подобная интроспекция с неизбежностью обращала авторов к формам памяти-воспоминания, письмо инициировалось в том числе странного рода рассеянностью, отсутствием «грустной о себе ясности» [Фельзен 2012, т. 1, с. 51], «непосредственного, немедленного отзыва на все» [Газданов 2009, с. 79], странными видениями, отвращающими от «настоящей» жизни [Яновский 2000, с. 31], состояниями «тоски, недоумения и отчаяния» [Варшавский 1938, с. 43].

Предпринимаемая героем-рассказчиком попытка вспомнить (пробудить) себя изнутри своей рассеянности сосуществует с отрицанием личного прошлого, или с утверждением невозполнимой травмы прошлого. О чем хранили память молодые писатели-эмигранты? Варшавский, размышляя в книге «Незамеченное поколение» об особенностях литературы «парижского русского Монпарнаса», предполагает, что, несмотря на многие свои недостатки, включая антисоциальность и упадочность, монпарнасская литература «сохранила память о том, чем была и чем должна быть русская литература: непосредственным видением реальности жизни и мира, самой сущности, самого “факта” жизни, а не только ее преломленных отражений в социальном и интеллектуальном плане» [Варшавский 2010, с. 177–178]. На основании этой антиномии «неудача “молодых”», частичная или полная, была ближе к «настоящему делу литературы», чем внешние литературные удачи признанных писателей², уверен Варшавский, и причиной этому можно считать действие памяти: «память об этом была слишком в них сильна и заставляла их стремиться рассказать о подлинной реальности» [Там же, с. 178], и потому «даже самые слабые из написанных ими книг все-таки оставляют впечатление встречи с каким-то действительным событием жизни» [Там же, с. 179]. Продираясь через присущую ему «рассеянность» и во многом именно упорствуя в ней, герой молодой эмигрантской литературы, а за его спиной автор, производит работу по сохранению хотя бы памяти о встрече с «подлинной реальностью», которой он, помня и записывая свои воспоминания, хранит верность. Для атмосферы русского Монпарнаса было характерно делать упор на необходимости «человеческого документа» (невывымышленного, последовательно воспроизведенного в тексте «куска жизни») в ущерб самодостаточной образности, однако они не торопились отказаться от самой по себе художественной словесности. Форма

² Конечно, подобное апофатическое утверждение литературы, свойственное также межвоенным статьям Варшавского и подхваченное им у вдохновителя парижской молодежи Г. Адамовича, в известном смысле не лишено литературного кокетства. И. Каспэ в монографии, посвященной «незамеченному поколению», пытается с позиций социологии литературы рассмотреть разыгрываемый «младшими» сюжет «незамеченности» как, с одной стороны, свидетельство о коренной смене историко-литературных парадигм, с другой — как особое «искусство отсутствовать», безупречную литературную стратегию [Каспэ 2004, с. 49–120]. Вместе с тем не стоит забывать, что характеристика Варшавского есть не только попытка постфактум описать особенности художественного сознания «младших», именно эти характерные антиномии были введены в сами тексты межвоенных десятилетий, разыгрывались на страницах прозы самого Варшавского, а потому имеют принципиальное эстетическое значение, социологически необъяснимое.

воспоминания естественным образом «сшивала» этот разрыв: «...именно воспоминание было вполне осозанным и единственно верным жанровым выбором, обладающим как статусом документа, так и статусом собственно словесно художественного искусства» [Бронская 2003, с. 13].

В произведениях Варшавского 1920–1930-х гг.: рассказах «Шум шагов Франсуа Виллона» (1928) и «Из записок бесстыдного молодого человека» (1930), незаконченной повести «Уединение и праздность» (1932) и отрывке из незаконченной повести «Амстердам» (1938) — разыгрывается трагедия беспамятства, в котором пребывает объединяющее эти тексты альтер эго писателя. Ставшие основой для послевоенной повести «Семь дней» (1950) и романа «Ожидание» (1972), межвоенные рассказы и повести Варшавского представляют также самостоятельный интерес как отдельные произведения, позволяющие судить о художественной динамике писателя. Эмигрантский хронотоп (Париж 1920–30-х гг.), сокращение дистанции между я действующим и я повествующим, ослабление фабулы, автобиографизм при нарочитом противопоставлении повседневной обыденности иллюминативному опыту — эти черты характеризуют перечисленные тексты Варшавского, которые они разделяют с произведениями Б. Поплавского, Г. Газданова, С. Шаршуна или В. Яновского. Из четырех произведений только повесть «Уединение и праздность» написана не от первого, а от третьего лица, однако и в ней повествование дано с точки зрения главного героя Вильгельма Гуськова, который наделен считываемыми автобиографическими чертами.

Исходной экзистенциальной ситуацией прозаических текстов Варшавского является переживание непреодолимой преграды между сновидческим и ирреальным миром героя и миром конкретного *другого*. Варшавский в художественном и публицистическом творчестве для обозначения этого отчуждения использовал образ пчелы без улья³, пример средневекового поэта-парики Франсуа Вийона, в оптике Варшавского — протоэмигранта⁴, или, наконец, Декарта. Не единожды упоминаемый в творчестве Варшавского отрывок из амстердамских писем Декарта используется в качестве эпиграфа к повести «Амстердам» (1938) и репрезентирует природу отчуждения героя: «Je vais me promener tous les jours parmi la confusion d'un grand peuple, et je n'y considère pas autrement les hommes que j'y vois que ferais les arbres» («Я прогуливаюсь ежедневно среди толпы народа и рассматриваю людей, которых встречаю, не иначе, чем рассматривал бы деревья») [Варшавский 1938,

³ Вероятно, образ «пчелы вне улья» Варшавский заимствует у Бергсона. В «Двух источниках морали и религии» (1932), особенно важно для Варшавского сочинении философа, Бергсон использует аналогичный образ для обозначения отпавшего от жизни общества человека: «Я уж не говорю о том, насколько интересно было бы глубже вникнуть в некоторые аномальные или болезненные состояния, содержащие среди членов общества, как среди пчел улья, невидимый анастомоз: вне улья пчела чахнет и погибает; изолированный от общества или не принимающий достаточного участия в его усилиях человек страдает, вероятно, от подобного заболевания, до сих пор очень мало изученного и называемого скукой» [Бергсон 1994, с. 112].

⁴ Выбор Вийона в качестве носителя эмигрантской точки зрения неслучаен. М. Рубинс объясняет возможность отождествления следующим образом: «невзгоды русского эмигранта проецируются на судьбу Вийона: оба они — неприкаянные, бездомные изгнанники, оба размышляют над иллюзорностью окружающего мира, оба переживают альтернативное состояние сознания» [Рубинс 2017, с. 126].

с. 43]⁵. Неспособность освободиться от автоматического восприятия другого человека как вещи оставляет героя-рассказчика во власти сомнамбулических видений, формируя ряд повторяющихся мотивов: отчуждения, страха, одиночества, смерти, памяти/беспамятства.

Мы уже рассматривали два первых рассказа Варшавского с точки зрения присутствия в них особой «рассеянной» памяти [Димитриев 2016]. Здесь мы повторим только основные сделанные выводы. В первых двух рассказах трагедия памяти/беспамятства в общем виде сводится к неспособности героя вспомнить как о смертности другого, отдельного от него существа, так и о том, что другой обладает самостоятельным существованием.

В «Шуме шагов Франсуа Виллона» (1928) герой-рассказчик, не доверяющий автоматизированной повседневности, которая для него не более чем «мучительно-остроугольная геометричность мира» [Варшавский 2000, с. 181], вовлекается в странные переживания «встреч» с Франсуа Вийоном, память о которых составляет для него подлинную реальность. Мучимый, как и его средневековый двойник, чувством ирреальности мира, герой-рассказчик внезапно, благодаря Вийону, сознает факт чужой смертности. Шок этого знания едва намечен, но указывает к концу рассказа на возможность выхода из присущего герою сомнамбулизма.

В рассказе «Из записок бесстыдного молодого человека» повествователь предпринимает уже нарративный эксперимент, вырастающий из неудовлетворенности своей памятью. Записывая все, что с ним происходит, он обнаруживает, что не способен ничего заново пережить, более того, он выясняет, что ничего толком и не переживал. В портретах других людей «бесстыдный молодой человек» бессознательно подчеркивает только то, что не подвержено тлению (только бутафорию). Существенно, что они приобретают сходство с картинами кубистов [Рубинс 2017, с. 254]. Его отношения с возлюбленной Марией оставляют в нем «равнодушие и озлобление», поскольку она смертна, обыкновенна, сделана «из такого же желтого тела» [Варшавский 1930, с. 57]. Он желает вспомнить о какой-то связи, соединяющей его с другими людьми, но природа этой связи ускользает от него. Оставив свою задачу и предавшись чтению книги М. Швоба «*Vies imaginaires*», герой неожиданно пускается в активное творческое сопереживание⁶. Это возвращает ему чувство полноты времени и провоцирует сон, после которого герой вдруг осознает с благодарностью, что его «любила живая женщина» [Там

⁵ Любопытно, что Варшавский приводит реплику из письма с купюрой, освобождая эту фразу от биографического контекста и делая ее афористичной, родственной знаменитой цитате из «Крестовых сестер» А.М. Ремизова «человек человеку бревно». Целиком в письме Декарта фраза звучит так: «Je me vais promener tous les jours parmi la confusion d'un grand peuple, avec autant de liberté et de repos que vous sauriez faire dans vos allées; et je n'y considère pas autrement les hommes que j'y vois, que je ferois les arbres qui se rencontrent en vos forêts, ou les animaux qui y paissent...» («Я прогуливаюсь ежедневно среди толпы народа с такой же свободой и безмятежностью, что знакома вам на ваших аллеях; и я рассматриваю людей, которых встречаю, не иначе, чем рассматривал бы деревья, которые встречаются в ваших лесах, или животных, которые там пасутся...») [Descartes 1824, p. 202]. Перевод с французского языка мой. — В.Д.

⁶ См. о процессе актуализации мира другого в процессе чтения книги М. Швоба в рассказе «Из записок бесстыдного молодого человека»: [Сыроватко 2007, с. 142–145].

же, с. 69], а не бутафория. Ирония в конце рассказа Варшавского разрушает ответственность охватившего героя чувства: ведь «все это продолжалось только одно мгновение» [Там же, с. 70]. Потому, вероятно, рассказ назван «оптимистическим»: это самоирония по отношению к очевидному, слишком литературному выходу из затопившего героя отчаянья⁷. Однако это мгновение интенсивного сознания жизни с точки зрения поэтологии русского Монпарнаса является вспышкой памяти о встрече с действительным событием жизни, разрушающим герметичность отдельной личности.

М. Рубинс указывает на прустовский и толстовский («История вчерашнего дня») след в рассказе [Рубинс 2017, с. 252–255]: простое перечисление фактов своей жизни не способно инициировать ее постижение, на это способна только непроизвольная встреча с жизнью, подготовленная творческой внутренней работой. Соположение имен Пруста и Толстого можно часто встретить в характеристике художественного своеобразия Варшавского, на важности этих двух имен настаивал А. Шмеман, когда писал о романе «Ожидание» [Шмеман 2009, с. 871]. Вместе с тем пронизательно указание Л.В. Сыроватко, предложившей прочтение рассказа Варшавского под знаком реминисценций из Достоевского и аллюзий на «Записки из подполья» [Сыроватко 2007, с. 140–145]. На возможность этого указывает руководящая героем «внутренняя потребность» «припоминания и записывания», принцип нарративного устройства важных событий прошлого, объединяющие таких рассказчиков Достоевского, как Мечтатель из «Белых ночей», Ипполит Терентьев («Мое необходимое объяснение»), Аркадий Долгорукий и ростовщик из повести «Кроткая». Сыроватко, размышляя о генеалогии эмигрантского варианта литературы «человеческого документа», сосредоточенной на драме субъективного воспоминания, перечисляет субъектов повествования Достоевского, чью нарративную манеру можно условно назвать «припоминание и записывание», и называет среди них и Аркадия Долгорукого, однако останавливает свой выбор на персонаже «Записок из подполья». Но «бесстыдный» герой Варшавского неслучайно назван «молодым», а его воспоминание неслучайно следует по пятам за недавним прошлым (без существенной для рассказчика «Записок из подполья» дистанции в 20 лет), свое литературное родство он обнаруживает прежде всего с подростком из одноименного романа Достоевского.

Аркадий Долгорукий желает писать записки, чтобы осмыслить еще раз факты, составившие историю его «первых шагов на жизненном поприще» [Достоевский 1975, с. 5]. Он придерживается антилитературной позиции, отрицая художественные «красоты», желая следовать фактам, «писать всю правду» [Там же, с. 36] (мотивы, перекликающиеся с антификциональной декларацией русского Монпарнаса). Детализируя фон, желая писать о других, подросток Достоевского

⁷ Л.В. Сыроватко предлагает следующее объяснение: «Однако “оптимистический” рассказ Варшавского заканчивается не этим описанием обретенной целостности мира, а новым поворотом, новым “вдруг” (композиция “Записок из подполья”, когда следующий период выглядит как отрицание предыдущего): “все это продолжалось только одно мгновение”. Почему же рассказ назван “оптимистическим”? Возможно, потому, что из собственного опыта повествователь теперь знает: “все, что я писал — неправда”, настоящий мир, не мираж, есть; вина за его непостижение лежит не на мире, а на самом человеке» [Там же, с. 145].

предпринимает попытку преодолеть присущие ему мечтательное и подпольное самоуглубление (сравни с отрицанием русскими монпарнасцами логики «обобществления» в пользу «внутреннего человека»). Субъективная слепота Аркадия (неспособность увидеть реальную объективную картину взаимоотношений окружающих его людей, например Версилова и Ахмаковой, князя Сережи и Лизы) проистекает из тенденциозности его портретирования: он пытается схематизировать и судить персонажей (структурно это можно сравнить с раздробленными портретами Варшавского). Постепенно усилие памяти размывает конкретные контуры других людей и возвращает им становление, что делает невозможным для Аркадия суд, но делает его способным узнавать *другого* в процессе становления. Путь Аркадия от «девятидневного беспамятства» между второй и третьей частями к пониманию связи памяти и письма («припоминание и записывание») способствует рождению художника и спасает героя Достоевского от решающего участия в преступлении: находясь в участке и проснувшись «глубокой ночью», обеспамятевший и бредивший, он вдруг почувствовал, что «разом припомнил все и все осмыслил» [Там же, с. 437]. «Ротшильдская» идея-чувство Аркадия также меняет свое качество: вместо миллионов собираются и раздаются воспоминания. «Молодой человек» Варшавского в межвоенные десятилетия, как и его автор, фактически «заточенный» в собственной молодости, невырастающий эмигрантский «подросток» обнаруживал в подростке Достоевского, задержанного в переходном возрасте, своего экзистенциального и литературного предшественника. Варшавский ищет в своей избыточной откровенности не столько «полноты времени», сколько пробуждения памяти о реальности, в этой интенции он сближается с мнемоническими установками записок Аркадия. Кроме того, важно подчеркнуть, что если Аркадий переживал свою «случайность» в рамках социальной реальности развала семьи, то Варшавский и его альтер эго являются уже историческими подростками из «случайных семейств», не предполагающих родства («ни в каком мире и ни в каком месте»). А. Шмеман в «Дневниках» связывает с Варшавским три ключевых для генеалогии эмигрантского писателя имени: «Варшавский — это Толстой, “воспринявший” Достоевского (его “вертикаль”) и Пруста (его “время”, не космическое, как у Толстого, а антикосмическое, ибо — опыт умирания)» [Шмеман 2007, с. 425].

Совсем другие отношения с категорией памяти складываются в художественном творчестве В. Набокова-Сирина: его память в перспективе абсолютно бескорыстна, с одной стороны, и нарочито личностна (автобиографична) — с другой. Бескорыстность делает память Набокова настоящим искусством по воссозданию видимой и невидимой связи времен, личностность воспоминания плотно увязывает судьбу вспоминающего с миром вечности. Его служению Мнемозине не свойствен ценностный разрыв, производимый внутри собственной памяти, который присущ Варшавскому (в особой степени, но и другим «младшим» писателям-эмигрантам). Если воспользоваться концепцией Е. Павлова о «мнемоническом возвышенном», примененной к автобиографической прозе О. Мандельштама и В. Бенямина, памяти «младших» эмигрантов соответствовала структура «насильственного разрыва», воспоминание должно было пробудить сознание к

прерыванию инерции жизни⁸. У Варшавского это наиболее проявлено в повести «Уединение и праздность» (1932).

Написанная от третьего лица, повесть выделяется среди произведений писателя, несмотря на то что повествование строится в активном пересечении точки зрения протагониста и автора-повествователя. Варшавский начинает рассказ с детства героя, не ограничиваясь, как раньше, отдельным эпизодом, желая показать момент, когда именно «появился в сознании Вильгельма целый ряд ложных представлений о самом себе и о мире» [Варшавский 1932б, с. 52]. Само название повести является цитатой из «Скупого рыцаря» Пушкина: «Уединенье / И праздность губят молодых людей» [Пушкин 2009, с. 117]. Этими словами в пушкинском произведении Герцог пытается убедить Барона назначить сыну содержание, чтобы ввести его в свет и избавить от пагубных черт характера. Казалось бы, повесть Варшавского доказывает правдивость этой сентенции: именно два обозначенных в названии повести состояния и руководят «рассеянностью» и беспокойством героя. Вместе с тем понята в контексте полемики «эмигрантских отцов» и «эмигрантских сыновей» фраза, произнесенная в «маленькой трагедии» Герцогом, приобретает в тексте Варшавского двусмысленность: именно уединение и праздность способны вывести героя за пределы установленных «отцами» социальных клише. Выбранная в этой повести форма от третьего лица создает несколько уровней дистанцирования: дистанция между *я* и *другим*, между *я* и миром, уже известные по первым двум рассказам, подчеркиваются дистанцированием автора-повествователя. С одной стороны, это позволяет в образе Вильгельма Гуськова обобщить судьбу поколенческого героя молодой эмигрантской литературы, проследить его уход во внутреннее *я* со стороны, с бесстрастной точки зрения автора, отчего трагедия молодого героя приобретает оттенок безысходности, каждая в перспективе *я* покаянная фраза приобретает в перспективе *он* характер безэмоциональной констатации. С другой стороны, здесь повествование от третьего лица усиливает исповедальное начало: жалость и возможность оправдания исключаются из текста (отсутствие которых, строго говоря, и характеризует исповедь), смешение точек зрения создает впечатление, что герой сам пишет о себе в третьем лице, по отношению к себе же выступает в бесстрастной инстанции судьбы. Не желая ничего приукрасить, писатель предлагает избыточную внутреннюю причинность открывающейся ему трагедии героя. В. Хазан называет эту повествовательную манеру Варшавского «интроспективным нарративом»: «“подробность и документальность авторского повествования о пережитом” приобретает у Варшавского собственно художественную презумпцию» [Хазан 2004, с. 217]. Стилистическая отстраненность не всегда позволяет понять, кому принадлежит разоблачающее

⁸ См.: «...революционным предложением Беньямина было покончить с таким толкованием воспоминания, которое берет прошлое в качестве незыблемой точки и видит настоящее “как пытающееся на ощупь привести познание к этому твердому основанию”. Взамен Беньямин разработал теорию воспоминания, основанную на “диалектическом повороте [Wendung]” этого отношения: “прошлое должно стать внезапной мыслью пробужденного сознания”, сознания, пробужденного к прерыванию, цезуре настоящего, пропитанного прошлым. Это пробуждение обладает структурой насильственного разрыва (*Zerspringen*), описанного в “Труде о пассажирах” “как смерть *Intentio*, совпадающая с рождением подлинного исторического времени, времени истины”» [Павлов 2005, с. 13].

слово: неясно, например, наличие и удельный вес несобственно-прямой речи в следующем отрывке: «Он сдавал экзамены, научился курить и пить водку и, чтобы окончательно быть принятым в общество мужчин, познакомился с дамой, про которую студенты говорили, что она “легко дает”. Вильгельм не испытал особенного наслаждения, но зато было тщеславное удовлетворение, что он стал взрослым и таким же как все» [Варшавский 1932б, с. 54]. Отчужденность тона повествователя вызывает в памяти уже не страстного обличителя / кающегося Аркадия Долгорукого, но образ автора из «Исповеди» Толстого, «я» которого зачастую лишь формальный признак, изнутри подтачиваемый отказом от «я»: «Всякий раз, когда я пытался выказывать то, что составляло самые задушевные мои желания: то, что я хочу быть нравственно хорошим, я встречал презрение и насмешки; а как только я предавался гадким страстям, меня хвалили и поощряли. Честолюбие, властолюбие, корыстолюбие, любострастие, гордость, гнев, месть — все это уважалось. Отдаваясь этим страстям, я становился похож на большого, и я чувствовал, что мною довольны» [Толстой 1957, с. 4].

В повести Варшавского мы видим как бы чужим взглядом канву жизни героя: детство с родителями и гувернанткой в Москве, смутное ощущение высшей доброй справедливой правды, пришедшее из книг (желание быть Пьером Безуховым) и из снов, бегство в Константинополь, обучение в Праге, приобщение к «взрослой» жизни, переезд в Париж. Но внутренним сюжетом оказываются фиксируемые героем «усталость и нежелание участвовать в этой жизни <...> отсутствие определенных и ясных мыслей, невозможность двигаться по своему желанию и угнетающее сознание, что с ним ничего не происходит» [Варшавский 1932б, с. 55]. Зарождение своего я автор-повествователь, а за его спиной и герой, связывают с занятием она-низмом: я кристаллизуется в опыте эротической самодостаточности, безысходном возвращении себе себя же. Появление я провоцирует приступы «рассеянного» беспамятства, которые настойчиво повторяются на всем протяжении повести. Их повторяющаяся структура ритмически организует повествование: «припадок рассеянности» героя обыкновенно бывает вызван знаками внешней реальности, упорное постоянство существования которых гнетет его. Он осознает необходимость вспомнить что-то. За каждым таким «припадком рассеянности» следует внезапное и горькое отрезвление, когда герой «как будто бы в первый раз» видит что-то вне себя: сидящего на козлах мужика в проезжающей мимо телеге, «желтую стену» костела или закат. Но стена, сколько бы он ни пытался взглянуть в нее, существует «где-то вовне, неподвижно и всегда равнодушно к нему» [Там же, с. 56]. А видение заката, отзывающееся в герое надеждой: «“Сейчас я все пойму”», быстро сменяется разочарованием «Но, странно, — он не мог вспомнить, что именно он хотел понять» [Там же, с. 58]. Россия и Константинополь, Прага и Париж, дачное место около Тулона — все эти локусы в повести не составляют в восприятии Вильгельма единого мира, вместе с тем героя гнетет чувство упорного постоянства их существования. Вильгельм находит утешение в снах и мечтах, его поддерживает уверенность, что он, в отличие от других людей, не умрет.

Существенно, что уже в этом рассказе появляется ключевая концептуальная пара, важная для структуры героя Варшавского: взаимообращенность «рассеян-

ной» памяти и ожидания: «Иногда ему казалось, что у него было предчувствие чего-то. Он ждал, что он вдруг все поймет, откроется какая-то необыкновенная радость, и он увидит, что эта тягостная оцепенелая жизнь была обманом и сном. Впрочем, потом он никогда не мог вспомнить, о чем он думал в эти странные мгновения ожидания» [Варшавский 1932б, с. 57].

Сам мир для героя опосредован образами окон или зеркал. Через окно Вильгельм наблюдает за мужиком на козлах; смотря на окно многоэтажного дома, он придумывает жизнь других, существующих за рамами окна людей. Решившись убедиться в реальном существовании жизни «других людей, о которой он читал в книгах» [Там же, с. 58], герой отправляется на Монпарнас, однако и там он обнаруживает, что ловит свое отражение в зеркалах (мотив зеркала появляется дважды), и все словно пытаются поймать себя в «зеркала» сознаний друг друга. Сцена монпарнасского вечера усугубляет чувство одиночества героя, *другой* для него становится функцией сознания, обращается в двойника. Это можно описать словами М.М. Бахтина, вводящего своеобразный комплекс «человек перед зеркалом» в исследованиях пространственной формы героя: «наше положение перед зеркалом всегда несколько фальшиво: так как у нас нет подхода к себе самому извне, то мы и здесь вживаемся в какого-то неопределенного возможного другого, с помощью которого мы и пытаемся найти ценностную позицию по отношению к себе самому, из другого пытаемся мы и здесь оживить и оформить себя; отсюда то своеобразное неестественное выражение нашего лица, которое мы видим в зеркале, какого у нас не бывает в жизни» [Бахтин 2003, с. 112]. Потому встречи с друзьями и знакомыми, описанию которых отдана большая часть повести, оставляют Вильгельма равнодушным, как бы он ни старался почувствовать к ним сострадание. «Условная и риторическая жалость. На самом деле он любил только себя. И это бессилие любить вызывало скуку, отвращение и желание умереть» [Варшавский 1932б, с. 68].

Мир героя, установленный Варшавским, это мир чаемого и откладываемого события: ничто не оказывается для героя событием, но множится сама цепь ложных знаков предвосхищения: вид заката, вызывающего «радостный холод», сны, в которых герой наполнен ощущением радости оттого, что вдруг все поймет, все это каждый раз оставляет в сознании героя только беспомыслие и смутное чувство, что есть нечто, что вспомнить необходимо. Его дневниковые записи, сделанные после ночи, проведенной на Монпарнасе, беспокойны, отрывочны, а сон, последующий за попыткой письма, перетекает в кошмар, в ходе которого Вильгельм «заражается» от больной женщины смертью, у него на лбу появляется какое-то красное пятно, и он с беспокойством интересуется у врачей, можно ли это вылечить.

Разочарование и неуверенность в видимом мире подтверждается разочарованием в словах, которые обыкновенно используются для его описания. Все они порождают, как догадывается герой, только сомнамбулический зачарованный мир. Ближе к концу повести, когда Вильгельм пытается вообразить жизнь с людьми, которых он фантастически поместил за окном неведомой квартиры, он чувствует, что «получалась какая-то досадная ерунда» [Там же, с. 74]. Однако и отказаться

от своей «рассеянности» герой не хочет и чувствует гибельность пути социализации: в придуманном им разговоре с неким «мужчиной в подтяжках», стилизованном под героя дореволюционного романа, Гуськов в ответ на настойчивый совет «заняться делом» боязливо отвечает: тогда «внутри меня погибнет» [Там же, с. 75]. Герой пытается предсказать возможные советы здравомыслящего, вообразенного им персонажа: заняться делом, иметь живую жену, любить другого человека.

Однако очень скоро сам герой начинает чувствовать: то, что он полагал жизнью в «глубине» своего «я», было доступно ему только в детстве. «Или, как выкидываш зарытый, я еще не существовал», — думает Вильгельм про свою жизнь. «И эти искаженные слова Иова, и стесненное, не могущее вздохнуть воздухом настоящей жизни сердце — были как томительный сон, когда человек хочет и не может кричать» [Там же]. Обнадеживающий конец повести, обещающий, что Вильгельм встретил женщину, к которой испытал «неизъяснимую нежность», и в любви к которой смог преодолеть отчуждение, остаются за рамками повести и заставляют подозревать, что это вновь, как и в рассказе «Из записок бесстыдного молодого человека», ирония. Потому что обещанного продолжения не последовало.

В «Уединении и праздности» Варшавский показывает своего героя извне, в его отношениях с отцом, друзьями, природой и самим собой. Не опосредованная интровертной уверенностью в себе героя, повесть с трагической безысходностью обнажает разрыв между сознанием героя и не подчиняющейся сознанию реальностью. Сами слова сопротивляются повествователю, фиксируются в своей недостаточности и неточности. «Припадки рассеянности» здесь в наибольшей степени оборачиваются «припадками реальности», характерную, по мнению Варшавского, черту прозы русских монпарнасцев [Варшавский 2010, с. 168–171]. Открываемая в «припадках» реальность возвращает героя снова и снова к переживанию недостаточности своего бегства в «я»: его память есть функция верности. Попытку разобраться в природе этой верности Варшавский предпринимает в повести «Амстердам» (1938): концентрируясь на детстве автобиографического героя, он желает уточнить и наивно описать событие раскола бывшего неразрывным и уверенным в собственном бессмертии детского сознания.

Подводя некоторые итоги, можно сказать, что мотив «рассеянной» памяти в межвоенный период творчества Варшавского оказывается связан напрямую с проблематикой *я — другой*. «Рассеянность» служит герою смутным напоминанием о самостоятельном мире *другого*. В этом значении «рассеянность» приобретает характер внутреннего укора, намек на потерянный целостный мир, отблеск которого видится герою в детстве, но ценностный смысл которого напрямую связан с будущим. «Рассеянная» память становится свидетельством о необходимости продолжать все более уточненные в творчестве Варшавского нарративные неудачи в попытке осмыслить это состояние. Память рассеивает внимание героя, постоянно указывая ему на существование мира вне него. Собственно, именно в этом ключе происходит впоследствии эволюция в творческом методе Варшавского: сподвигнутый опытом «странной войны» и конкретной правдой своего поступка, писатель находит выход к реальности действия, однако и в романе «Ожи-

дании» Варшавский озабочен все теми же вопросами о нарушении связи между *я* и *другим*, память о которых не оставляет его герою возможности согласиться на общую судьбу. Примечательна сама необходимость для погруженного во внутреннюю жизнь эмигрантского молодого человека «вернуться в мир для действия, среди людей» [Варшавский 2010, с. 188]. М.А. Васильева предлагает выделить в качестве ключевой в творчестве Варшавского проблему «своего места»: лишенные «своего места» и в экзистенциальном, и в историко-литературном смысле, поколенческий герой Варшавского, а за его спиной и автор, парадоксальным образом не распыляют себя в инертной силе отрицания, но изнутри своего «внутреннего я» пытаются утвердить «присутствие» [Васильева 2016]. Собирающей силой данного процесса и будет для Варшавского творческое усилие памяти. В связи с этим уместно вспомнить, что «внутреннее путешествие» мечтательного и во многом злопамятного Аркадия Долгорукого заканчивается выходом к бытию других людей: сами его «записки» толкают его к выходу из образа мира, предопределенного собой.

С другой стороны, «рассеянная» память есть в некоторой степени сознательный метод феноменологического описания мира *я* и *другого* в творчестве Варшавского. Не находящий себя на поверхности социального взаимодействия, поколенческий герой Варшавского максимально ослабляет свое внимание к жизни, вследствие чего оказывается определенным образом выведен к длительности и памяти как интенциям внимательного узнавания, противопоставленным процессам механизации восприятия. В этом значении «рассеянная» память Варшавского будет близка к некоторым выводам почитаемого им Бергсона из книги «Материя и память» (1896), в рамках которой ослабление внимания к практической жизни понималось как возможность бескорыстного интуитивного познания реальности. Важность для Варшавского философии Бергсона сложно переоценить: цитаты из Бергсона, мотивы «Творческой эволюции» (1907) и в особенности «Двух источников морали и религии» (1932) эмигрантский писатель активно вводил в свою эссеистику и художественную прозу, перепоручал опыт чтения Бергсона своему герою, включал размышления о французском философе в текст «Незамеченного поколения», даже рецензии на книги часто сопровождалась скрытыми или явными аллюзиями на бергсоновские книги. В первую очередь Варшавского привлекало, что Бергсон открывает спасительную возможность веры в деятельное преображение мира, в размыкание границ «закрытого общества» посредством слияния христианства, демократии и механики; Бергсон, как потом и Тейяр де Шарден, внушали ему доверие уже потому, что не мирились с фактом смерти. Вместе с тем заслуживает отдельного внимания влияние на творчество Варшавского представления Бергсона о двух формах памяти: памяти-привычке (*mémoire-habitude*) и памяти-воспоминании (*mémoire pure ou mémoire-souvenir*). Первая, по представлению Бергсона, сплошь автоматизирована, является результатом приспособления сенсомоторной схемы к поступающим извне импульсам: эта память способна превратить в дурную повторяемость не только физиологические, но даже творческие процессы. Отсюда недоверие и Варшавского, и его героя к любым формам «обобществления», социальной жизни. Вторая память, память-воспоминание, есть творческое сохранение

всех событий бытия как прибыльных и уникальных. Достичь этой второй памяти позволит в первую очередь метод интроспекции, посредством которой человек касается музыкальной глубины своего внутреннего я, приобщается длительности (*durée*). Неповторимость каждого момента длительности, его уникальность и необратимость создают оригинальное в своей неповторимости я, в каждый новый момент длительности — новое. Одно из определений длительности, которое дает философ, — «совпадение нашего “я” с самим собой» [Бергсон 2001, с. 204]

Познание длительности начинается с самопознания. В «Творческой эволюции» Бергсон предлагает нам поискать в глубине себя пункт, «где мы более всего чувствуем, что находимся внутри нашей собственной жизни». Это и будет чистая длительность, ключевой характеристикой которой является «непрерывно действующее прошлое», которое «без конца набухает абсолютно новым настоящим». Это требует существенного напряжения воли: «Резким усилием наша личность должна сжать саму себя, чтобы мы собрали ускользающее от нас прошлое и толкнули его, плотное и неделимое, в настоящее, которое оно создает, проникая в него. Моменты, когда мы до такой степени овладеваем собой, очень редки, они составляют одно целое с нашими подлинно свободными действиями» [Там же]. Резкое усилие и есть своеобразная творческая память-сжатие. Варшавский догадывался, что одним из открытий русского Монпарнаса была осознанная необходимость на место общепринятой «реальности» поставить реальность нашего соприкосновения с глубиной жизни: «чем больше оно <сознание> углубляется, тем яснее предчувствует свою соединенность на самом дне с источником всей жизни» [Варшавский 2010, с. 188]. Бергсон полагал, что мы ближе к реальности, «источнику всей жизни», когда видим, «что сама основа нашего сознательного существования есть память, то есть продолжение прошлого в настоящем, или иначе — действительная и необратимая длительность» и когда «порываем с ясно очерченными предметами и системами» [Бергсон 2001, с. 52].

«Рассеянность» героя Варшавского есть не только и не столько его капитуляция перед жизнью, сколько до предела ослабленное внимание, находящееся в поиске предметов и людей, видение которых будет с минимальной степенью опосредовано какой-либо корыстью. Поиск *другого* ради него самого. Не является ли этот задержавшийся в действии герой Варшавского испытателем того решительного вызова, который бросает Бергсон в лекции «Восприятие изменчивости» (1911) привычке спекулировать? «Роль философии не заключается ли в том, — задается вопросом Бергсон, — чтобы привести нас к более полному восприятию реальности путем известного перемещения внимания? Дело шло бы о том, чтобы отвлечь наше внимание от той стороны вселенной, в которой мы заинтересованы практически, и повернуть его к тому, что практически ни к чему не служит <...> это воспитание внимания может состоять просто в том, чтобы снять с него наглазники, отучить его от тех ограничений, которые предъявляют ему требования жизни» [Бергсон 1914, с. 13–14].

Дополнительный философский смысл тогда сообщается высказыванию прот. А. Шмемана по поводу природы «рассеянности» героя Варшавского: «рассеянность эта — не от отсутствия чего-то в характере или сознании рассказчика: спо-

собности сосредоточиться, дисциплины, внимания и т. д. Нет, она от присутствия ожидания» [Шмеман 2007, с. 824]. Слишком большая ставка на кону, чувствует герой Варшавского, чтобы можно было позволить себе сосредоточиться на внешней жизни.

Обращенность «рассеянной» памяти к миру *других* имеет несколько предпосылок в творческом становлении Варшавского-писателя. Во-первых, вполне явственно влияние биографического контекста, смерти в 1923 г. брата Варшавского Юры, который воспринимался писателем в прямом смысле как второе «я» (об этом пишет автобиографический герой романа «Ожидание», впоследствии это комментирует как экзистенциальный и творческий мотив писателя М.А. Васильева [Васильева 2010, с. 408–409; Васильева 2016, с. 14]). Поиск утерянного второго я занимает центральное место в творчестве Варшавского, становясь достоянием иллюминативных фигур его текстов: снов о внезапно обретаемой близости с умершими, мистических фантазий о Франсуа Вийоне, суггестивного опыта чтения других авторов, которые ставятся в позицию доверительных *других* для Варшавского.

Во-вторых, связь «рассеянной» памяти с *другим* вырастает из опыта портретирования поколения, которое Варшавский считал важнейшим достижением прозы молодых эмигрантских писателей. Нюансируя смысловые акценты во временном облике героя, писатель создает вариативные тексты — в них постулат памятования о *другом* становится возможностью создать «неописуемое сообщество» помнящих, заряженных энергией полагаемого в будущем подвига. Феноменология человека 1930-х гг. есть попытка создать вненаходимое спасительное отношение к себе как к герою: в этом одновременно и утверждается, и переосмысливается пафос Бахтина. Бахтин пишет о том, что вненаходимость автора позволит «собрать *всего* героя, который изнутри себя самого рассеян и разбросан в заданном мире познания и открытом событии этического поступка, собрать его и его жизнь и восполнить до *целого* теми моментами, которые ему самому в нем самом недоступны» [Бахтин 2003, с. 96]. Но в творчестве Варшавского кругозоры автора и героя практически совпадают, что характерно для литературы человеческого документа. Тем не менее существование интервала между ними, чаще всего выраженного в том, что Варшавский оставляет принципиально не разрешенной трагедию своего альтер эго и усугубляет ее, — этот интервал и позволяет связать *рассеянность* и *ожидание*. Следуя за героем по лабиринту его внутреннего мира, Варшавский экспериментально подводит его к границам я, напоминая о том, что сущность жизни за границами оказалась рассеяна, забыта.

Литература

- Адамович 1928 — Адамович Г. О французской «inquiétude» и о русской тревоге // Последние новости. 1928. 13 декабря. № 2822. С. 2; 27 декабря. № 2836. С. 3.
- Алферов 1933 — Алферов Ан. Эмигрантские будни: (Доклад, прочитанный в «Зеленой лампе») // Числа. 1933. № 9. С. 200–206.
- Бахтин 2003 — Бахтин М.М. <Автор и герой в эстетической деятельности> // Бахтин М.М. Собр. соч.: в 7 т. Т. 1: Философская эстетика 1920-х годов. М., 2003. С. 69–265.

- Бергсон 1914 — *Бергсон А.* Восприятие изменчивости // Бергсон А. Собр. соч.: в 5 т. Т. 4: Вопросы философии и психологии. СПб., 1914. С. 3–35.
- Бергсон 1994 — *Бергсон А.* Два источника морали и религии. М., 1994. 384 с.
- Бергсон 2001 — *Бергсон А.* Творческая эволюция. М., 2001. 384 с.
- Бронская 2003 — *Бронская Л.И.* Автобиографическая проза Русского Зарубежья как художественной автобиографии нового типа // Творческая индивидуальность писателя: традиция и новаторство. Элиста, 2003. С. 3–14.
- Варшавский 1930 — *Варшавский В.С.* Из записок бесстыдного молодого человека: Оптимистический рассказ // Числа. 1930. № 2/3. С. 55–71.
- Варшавский 1930/1931 — *Варшавский В.С.* Несколько рассуждений об Андре Жиде и эмигрантском молодом человеке // Числа. 1930/1931. № 4. С. 216–222.
- Варшавский 1932а — *Варшавский В.С.* О «герое» эмигрантской молодой литературы // Числа. 1932. № 6. С. 164–173.
- Варшавский 1932б — *Варшавский В.С.* Уединение и праздность // Числа. 1932. № 6. С. 51–77.
- Варшавский 1936 — *Варшавский В.С.* О прозе «младших» эмигрантских писателей // Совр. зап. 1936. № 61. С. 409–414.
- Варшавский 1938 — *Варшавский В.С.* Амстердам: Отрывок из повести // Круг. 1938. № 3. С. 43–75.
- Варшавский 1972 — *Варшавский В.С.* Ожидание. Париж, 1972. 304 с.
- Варшавский 2000 — *Варшавский В.С.* Шум шагов Франсуа Виллона [1928] // Проза русского зарубежья. М., 2000. Т. 2. С. 179–186.
- Варшавский 2010 — *Варшавский В.С.* Незамеченное поколение / под ред. О.А. Коростелева и М.А. Васильевой. М.: Русский путь, 2010. С. 17–315.
- Васильева 2010 — *Васильева М.А.* О Владимире Сергеевиче Варшавском: Биографический очерк // Варшавский В.С. Незамеченное поколение / под ред. О.А. Коростелева и М.А. Васильевой. М.: Русский путь, 2010. С. 405–424.
- Васильева 2016 — *Васильева М.А.* Категория места в эмигрантском сознании: пример Владимира Варшавского // Изв. Уральского федерального ун-та. Сер. 2. Гуманитарные науки. 2016. Т. 18. № 4 (157). С. 8–26.
- Газданов 2009 — *Газданов Г.* Вечер у Клэр [1929] // Газданов Г. Собр. соч.: в 5 т. Т. 1. М., 2009. С. 37–163.
- Димитриев 2016 — *Димитриев В.М.* «Рассеянная» память в прозе В.С. Варшавского 1920–1930-х годов // Летняя школа по русской литературе. 2016. Т. 12. № 3. С. 325–339.
- Достоевский 1975 — *Достоевский Ф.М.* Подросток // Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Т. 13. Л., 1975. 454 с.
- Каспэ 2005 — *Каспэ И.* Искусство отсутствовать: Незамеченное поколение русской литературы. М., 2005. 192 с.
- Кельберин 1935 — *Кельберин Л.* Новый человек и воля к жизни («Числа» и «Меч») // Полярная звезда. 1935. № 1. С. 16–17.
- Павлов 2007 — *Павлов Е.* Шок памяти: Автобиографическая поэтика Вальтера Беньямина и Осипа Мандельштама. 2005. 224 с.
- Поплавский 2000 — *Поплавский Б.* Аполлон Безобразов // Поплавский Б. Собр. соч.: в 3 т. Т. 2. М., 2000. С. 5–227.
- Пушкин 2009 — *Пушкин А.С.* Скупой рыцарь // Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: в 20 т. Т. 7: Драматические произведения. СПб., 2009. С. 103–121.
- Рубинс 2017 — *Рубинс М.* Русский Монпарнас: Парижская проза 1920–1930-х годов в контексте транснационального модернизма / пер. с англ. М. Рубинс, А. Глебовской. М., 2017. 328 с.

- Степанова и др. 2012 — *Степанова Н.С., Коковина Н.З., Самофалова Е.А.* Антропологический дискурс категории памяти в автобиографических текстах конца XIX — первой половины XX века. Курск, 2012. 246 с.
- Степун 1935 — *Степун Ф.А.* Пореволуционное сознание и задача эмигрантской литературы // Новый град. 1935. №10. С. 12–29.
- Сыроватко 2007 — *Сыроватко Л.В. Ф.М.* Достоевский глазами «молодого поколения» русской эмиграции (1920–1940) // Достоевский и XX век: в 2 т. Т. 2. М., 2007. С. 68–177.
- Терапиано 1933 — *Терапиано Ю.* Человек 30-х годов // Числа. 1933. № 7–8. С. 210–213.
- Толстой 1957 — *Толстой Л.Н.* Исповедь: (Вступление к ненапечатанному сочинению) // Толстой Л.Н. Полн. собр. соч.: в 90 т. Т. 23. М., 1957. С. 1–60.
- Фельзен 2012 — *Фельзен Ю.* Собр. соч.: в 2 т. М., 2012.
- Хазан 2004 — *Хазан В.* Писатель «незамеченного поколения»: (О прозе В.С. Варшавского) // Вторая проза. Таллин, 2004. С. 216–246.
- Шмеман 2007 — *Шмеман А., прот.* Дневники, 1973–1983. М., 2007. 720 с.
- Шмеман 2009 — *Шмеман А., прот.* Ожидание: Памяти Владимира Сергеевича Варшавского // Шмеман А., прот. Собр. статей. 1947–1983. М., 2009. С. 866–875.
- Яновский 2000 — *Яновский В.* Портативное бессмертие // Яновский В. Соч.: в 2 т. Т. 1. М., 2000. С. 31–229.
- Descartes 1824 — *Descartes R.* Oeuvres de Descartes / publ. par V. Cousin. Vol. 6. P., 1824. 541 p.
- Livak 2003 — *Livak L.* How It Was Done in Paris. Russian Émigré literature and French modernism — Madison (Wiss.): Univ. of Wisconsin press, 2003. 316 p.

Е.Ю. Куликова

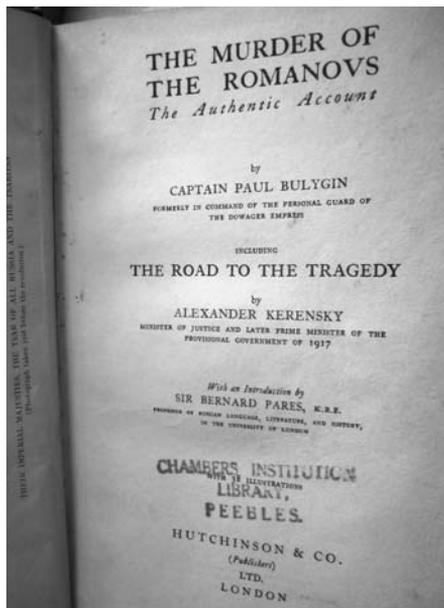
АБИССИНСКИЕ НОВЕЛЛЫ ПАВЛА БУЛЫГИНА

Павел Петрович Булыгин — поэт, воин, путешественник — родился 23 января (5 февраля) 1896 г. Учился в Александровском военном училище в Москве, участвовал в Первой мировой войне, а после Февральской революции его изгнали из полка как «контрреволюционера». Был контужен, затем ранен в Ледяном походе корниловской армии. Покинув госпиталь, Булыгин набрал группу офицеров Петроградского и других гвардейских полков для освобождения Николая II из плена. Но в июле 1918 г. его арестовали, а через десять дней Булыгин бежал. Он снова пытался организовать спасение царя, не зная еще, что тот был убит во время его заключения.

В конце 1918 г. вдовствующая императрица Мария Федоровна отправила Булыгина к английской королеве Александре с посланием, в котором содержалась просьба помочь с расследованием обстоятельств убийства царской семьи. С января 1919 г. Булыгин находился в войсках Восточного фронта адмирала А.В. Колчака. С августа 1919 г. поступил в распоряжение следователя Н.А. Соколова для расследования дела об убийстве императорской семьи. Через Владивосток, Харбин и Белград Павел Булыгин добрался до Парижа, там вместе с Н.А. Соколовым он продолжал расследование дела. После разгрома армии А.В. Колчака материалы следствия вывезли во Францию.

В 1921–1922 гг. Булыгин жил в Берлине, некоторое время — в Риге и Каунасе, с 1924 по 1934 г. — в Аддис-Абебе (Эфиопия). В январе 1934 г. переехал в Прибалтику, где близ Риги жила мать его жены — художницы Агаты Шишко-Богуш. Получил приглашение старообрядческой общины Литвы образовать поселение в Парагвае, у слияния рек Парана и Парагвай, что и было им осуществлено. Умер Булыгин в Асунсьоне 17 февраля 1936 г., в день военного переворота, возглавляемого полковником Рафаэлем Франко.

К десятой годовщине убийства царской семьи (1928 г.) опубликовал в рижской русскоязычной газете «Сегодня» (№ 211 за 7 августа) статью «Роль Ленина в екатеринбургской трагедии (По личным воспоминаниям участника расследования Н.А. Соколова)». А в 1935 г. в Лондоне на английском языке вышла книга, в которой под одной обложкой были опубликованы мемуары А. Керенского «Путь к трагедии» и доработанные Булыгиным и переведенные сыном Керенского очерки Булыгина под названием «Убийство Романовых. Достоверный отчет».

Издание книги «Убийство Романовых» на английском языке

Портрет Павла Булыгина в книге «Убийство Романовых» на итальянском языке

В 1930 г. на конкурсе зарубежных поэтов и писателей, который проходил в Варшаве, первой премии была удостоена поэма Булыгина «Пороша», написанная онегинской строфой и посвященная И.А. Бунину.

В 1937 г. в Риге жена поэта издала на свои средства сборник стихов «Янтари». В России в 1998 г. по инициативе внучатой племянницы Булыгина Т.С. Максимовой был издан сборник «Пыль чужих дорог», в 2009 г. — более полное собрание стихов, рассказов и публицистики под тем же названием. В 2010 г. — рассказы «Страницы ушедшего», в 2014 г. — книга об убийстве императорской семьи. 5 февраля 2014 г. в Доме русского зарубежья имени Александра Солженицына было представлено переиздание книги «Убийство Романовых. Достоверный отчет» [Булыгин 2014]¹.

Жизнь Павла Булыгина «напоминала сказку, занимательный роман, повесть о днях беспокойного сердца, рассказ о человеке, не желавшем покоя, всегда стремившемся в неизвестную даль» [Пильский 1937, с. 8].

Одна из важных тем в творчестве Булыгина — экзотическая, точнее африканская. Он жил в Абиссинии в 1924–1934 гг., об Абиссинии он писал, вдохновленный Африкой Гумилева, — одного из своих любимых поэтов. Любимого и за творчество, и за судьбу — такую показательную после революции.

В Аддис-Абебе Булыгин состоял инструктором пехоты армии негуса (императора), работал управляющим кофейной плантацией в Дубоне, во французской

¹ См. предисловие Т.С. Максимовой к книге стихотворений П. Булыгина «Пыль чужих дорог» [Булыгин 2009, с. 4–22].

Книга стихов Павла Булыгина «Янтари», изданная в Риге

Внучатая племянница Булыгина Татьяна Сергеевна Максимова

железнодорожной компании, писал стихи, книгу «Убийство Романовых». В Абиссинии Булыгин написал ряд очерков — «Современная Абиссиния», «Русские в Абиссинии», «Жизнь русских в Абиссинии». «Его всегда тянуло к необычному, его звали дальние страны, экзотические миры, необычайная обстановка» [Булыгин 2010, с. 5], — отмечал в предисловии к книге Булыгина «Янтари» известный критик русской эмиграции Петр Пильский.

Африканские рассказы Булыгина — это очерки и впечатления, повествующие о быте туземцев. Они ориентированы на гумилевские наблюдения и описания, сделанные как в «Африканском дневнике», так и в «экзотических» стихах и новеллах. Очерки Булыгина сочетают в себе элементы документалистики и черты художественности: они построены в форме новелл, почти в каждой в финале разрешается какая-то загадка, прежде всего связанная со странными, на европейский взгляд, традициями абиссинцев.

В рассказе «Соу Джин» («Человек-гиена») с подзаголовком «Очерк из абиссинской жизни» идет речь о человеке-гиене: это странное существо, о котором поведал герою-повествователю Абачанака — его местный слуга. Соу Джин «обыкновенно угрюм, но, если, встретив человека, скажет ему похвалу, погладит ребенка или саблю воина — заболит ребенок и заржавеет “гурада”. Днем он работает в поле, как все, но лишь стемнеет... крадется чащей голый, черный старый человек на четвереньках. Теперь он — гиена, он повторяет все ее ухватки и ухает, подражая ей... человек становится зверем, злее и отважнее зверя» [Булыгин 2010, с. 31]. Когда рассказчик встречается с Соу Джином, он описывает его глаза так: «темнота глянула оттуда, темнота черных веков грозной пустыни» [Там же, с. 33].

Рассказ Булыгина перекликается с новеллами Гумилева «Черный Дик» (1908), стихотворениями «Гиена» (1907) и «Ужас» (1907) — текстами, явно описывающими мотив «оборотничества» — превращения человека в зверя. «Уже первые критики, обратившиеся к раннему творчеству Гумилева, особо отмечали пристрастие поэта к “бестиарной” образности, причем для большинства из них эта особенность творчества поэта вызывала иронические замечания» [Золотухина 2009].

В стихотворении «Гиена», африканский топос которого четко обозначен в начале («Над тростником медлительного Нила»), Гумилев приводит монолог зверя:

«Смотри, луна, влюбленная в безумных,
Смотрите, звезды, стройные виденья,
И темный Нил, владыка вод бесшумных,
И бабочки, и птицы, и растенья.

Смотрите все, как шерсть моя дыбится,
Как блещут взоры злыми огоньками,
Не правда ль, я такая же царица,
Как та, что спит под этими камнями?

В ней билось сердце, полное изменой,
Носили смерть изогнутые брови,
Она была такую же гиеной,
Она, как я, любила запах крови» [Гумилев 1988, с. 97].

Повествование в балладе «Ужас» ведется от первого лица и выдается за страшный мистический сон. Герой «одиноким шагом» ночью пересекает неведомое пространство, наполненное враждебными объектами («статуи из ниш», «в угрюмом сне застыли вещи», «в тени столпившихся колонн»), и гибель его ждет при встрече с человеком-зверем:

И там, где глубже сумрак хмурый,
Мой взор горящий был смущен
Едва заметною фигурой
В тени столпившихся колонн.

Я подошел, и вот мгновенный,
Как зверь, в меня вцепился страх:
Я встретил голову гиены
На стройных девичьих плечах.

На острой морде кровь налипла,
Глаза зияли пустотой,
И мерзко крался шепот хриплый:
«Ты сам пришел сюда, ты мой!» [Там же, с. 99–100].

Страх сравнивается со зверем, что словесно умножает переживание героя. Безумное видение напоминает маскарадный наряд, когда на голову человека надевается маска в виде морды какого-либо животного.

В новелле Гумилева «Черный Дик» нет экзотического пространства, но в финале жестокий и своевольный герой оборачивается зверем:

Черный Дик несся впереди всех, и видны были только его широкая спина и худощавые мускулистые ноги, делавшие огромные прыжки... девочка... жалобно взмахнув руками, покатила в пропасть... Дик протяжно завыл и прыгнул вслед за ней. Мы остановились в тревоге, потому что, хотя и знали, как хорошо он прыгал, но нас смутил его странный, совсем нечеловеческий вой. Сразу опомнившись, мы стали поспешно спускаться, решая положить конец слишком затянувшейся шутке. Было уже темно, и над морем вставала бледная и некрасивая луна... Наконец, на самом дне мы увидели белое пятно и узнали девочку с разбитой головой и грудью, из которых текла кровь; но Дика не было нигде.

Мы приблизились к разбившейся и вдруг отступили, побледнев от неожиданного ужаса. Перед ней, вцепившись в нее когтистыми лапами, сидела какая-то тварь, большая и волосатая, с глазами, горевшими как угли. С довольным ворчанием она лизала теплую кровь, и, когда подняла голову, мы увидели испачканную пасть и острые белые зубы, в которых мы не посмели признать зубы Черного Дика. С безумной смелостью отчаяния мы бросились на нее, поднимая багры. Она прыгала, увертывалась, обливаясь кровью, злобно редела, но не хотела оставить тела девочки. Наконец, под градом ударов, изуродованная, она свалилась на бок и затихла, и тогда лишь, по обрывкам одежды, могли

мы узнать в мертвом чудовище веселого товарища — Черного Дика [Гумилев 2005, с. 46].

Интересно то, как Булыгин «реагирует» на тексты Гумилева. Он создает свой этнический очерк, без намека на какие-либо элементы фантастики, его рассказ основан на событиях, произошедших в Абиссинии, но отсылки к художественным текстам с ирреальными элементами (пожалуй, даже чертами хоррора) говорят о литературной направленности очерка. Интертекст в данном случае оказывается двойственным: если у Гумилева образ «человека-зверя» в ранних его произведениях лишь косвенно связан с экзотическим миром (а в «Черном Дике» и вовсе этого нет), то Булыгин использует фантастические мотивы для подчеркивания местного колорита, играя с обычаями абиссинцев и их суевериями. Столкнувшись с Соу Джином, Абачанак заболел — и это следствие встречи, по мнению абиссинцев.

Заканчивает рассказ Булыгин так: «Только удвоенная порция опиума и черного кофе помогли мне справиться с чарами рассерженного Соу Джина» [Булыгин 2010, с. 33]. Интонация у писателя напоминает реплики Максима Максимыча из «Героя нашего времени» Лермонтова, когда русский штабс-капитан, описывая осетинские нравы, слегка иронизирует и как будто над ними посмеивается.

Надо отметить, что в «Африканском дневнике» Гумилева гиены упомянуты четыре раза, — вообще, этот образ, без сомнения, привлекал его и как поэта, и как путешественника по Африке. О гиенах говорится при описании Суэцкого канала и его берега в «Африканском дневнике», а также в одноименном стихотворении из цикла «Шатер»:

Изредка показывается какой-нибудь зверь,
собака, может быть, гиена или шакал.

«Африканский дневник»
[Гумилев 2005, с. 74–75]

С обвалившихся стен
И изгибов канала
Слышен хохот гиен,
Завыванья шакала².

«Суэцкий канал»
[Гумилев 1988, с. 22–23].

Африка у Гумилева «звучит» в гудках пароходов, похожих на «переливы рожья», в криках арапчат и проклятиях марабута, в «хохоте гиен» и «завываниях шакала». При описании кладбища Св. Иоанна («XX век») Булыгин отмечает «стоголосый лай, визг и вой... нетерпеливо ухающих гиен» [Булыгин 2010, с. 69].

Новелла Булыгина «Обезьянья царица» построена как исключительно документальный рассказ об обезьянах, с которыми герою пришлось столкнуться и которые объявили ему войну на кофейной плантации. Они губили ветки с ягодами, вырывали молодые побеги — создавалось впечатление, что племя действует по определенному плану. Когда же повествователь убил «негисту» (императрицу) и «забанью» (сторожа), его африканский слуга посоветовал уехать из этих мест,

² Курсив мой. — Е.К.

не объясняя причины. Через два года герой узнал, что обезьяны вернулись после отъезда и ограбили его огород.

Казалось бы, никакого мистического подтекста в рассказе нет, это просто история о столкновении с обезьянами, о которых сказано в самом начале: «Я люблю обезьян. Я всегда их любил. Еще со времен детства» [Там же, с. 35]. Однако «враждебные действия» поток заставляют героя с ружьем в руках отстаивать плантацию. Самым же удивительным для него оказывается их реакция — они мстят человеку, погубившему их «императрицу». Для самого повествователя этот момент не поддается рациональному объяснению.

Между тем, если вспомнить новеллу Гумилева 1908 г. «Лесной дьявол», то можно вполне увидеть заданный контекст. Новелла входит в ряд почти фантастических. Хотя ее действие и происходит в Западной Африке, это совсем не натуралистический очерк, а экзотическое повествование о событиях VII–VI вв. до н. э. И как будто никакого сходства с документальными записями Булыгина оно не имеет, но мы полагаем, что история про обезьян была создана не без воздействия этой романтической новеллы Гумилева.

Старый павиан, ужаленный змеей, выглядит вполне человечно, а текст построен согласно сюжету о красавице и чудовище. Страх быть погубленной ужасной обезьяной трансформируется в душе героини в странное, сложное чувство к существу, которое, как полагает девушка, было убито по ее мольбе богиней Истар.

Булыгин в своем совсем не романтическом и не наполненном трагической динамикой очерке тоже подчеркивает свое двойственное отношение к обезьянам.

Тем не менее в том и другом случае — и в фантастической новелле Гумилева, и в документальном очерке Булыгина — животные выступают в какой-то особенной человеческой ипостаси. Они мыслят: в «Обезьяньей царице» это видно по их действиям, логически выверенным и выстроенным, — как при разрушении плантации, так и в качестве мести убийце; в «Лесном дьяволе» практически «от лица» павиана написаны первые две части — он ищет целебную траву, он убивает коня, он поражен красотой украденной девушки.

В творчестве Гумилева вообще много обезьян: это павианы из стихотворения «Абиссиния» («Павианы рычат средь кустов молочая, / Перепачкавшись в белом и липком соку» [Гумилев 2001, с. 28]), «Африканского дневника» («И сейчас же за городом начинаются горы, где стада павианов обгрызают молочаи и летают птицы с громадными красными носами» [Гумилев 2005, с. 85]), «Африканской охоты» («Из глубины ущелья повалило стадо павианов. Мы не стреляли. Слишком забавно было видеть этих полусобак, полулюдей, удирающих с той комической неуклюжестью, с какой из всех зверей удирают только обезьяны. Но позади бежало несколько старых самцов с седой львиной гривой и оскаленными желтыми клыками. Это уже были звери в полном смысле слова, и я выстрелил. Один остановился и хрипло залаял, а потом медленно закрыл глаза и опустил на бок, как человек, который собирается спать. Пуля затронула ему сердце, и, когда к нему подошли, он был уже мертв» [Там же, с. 107–108]) и поэмы «Мик» («И клялся старый павиан / Седую гривую своей, / Что есть цари у всех зверей, / И только нет у обезьян» [Гумилев 1999, с. 12]).

В очерке Булыгина «Занду и Шанко» всплывает история о «глупой обезьяншей жене» — девочке Шанко. Она была украдена большими обезьянами, а когда ее нашли односельчане, «она пыталась спастись от них на дерево... и, схваченная, царапалась и кусалась» [Булыгин 2010, с. 67]. Повествователь интересуется этим «одичавшим, злым и пугливым существом», дарит ей кусок медной проволоки в виде браслета. И тогда Шанко рассказывает ему, что «обезьяна, укравшая ее, жила с ней, как муж, и щипала ее» [Там же]. Однако другой возможности расспросить девочку не представляется, так как она пропадает. В финале повествователь узнает, что Шанко стала жертвой удава Занду, подстерегающего людей и животных. Последняя фраза рассказа: «Здесь кончила свои дни бедная Шанко, черная жена обезьяны» [Там же, с. 68].

Суеверия абиссинцев неизменно привлекают внимание Булыгина. Жанр этнического очерка открывает таинственную подоплеку разнообразных бытовых историй.

Рассказ «Леваша» с подзаголовком «Письмо из Абиссинии» посвящен одному мистическому обычаю — поиску вора. Булыгин объясняет: «Слово “Леваша” происходит от слова “Лева” — что значит вор. Так называются особые мальчики... которыми пользуются для отыскания вора» [Там же, с. 59]. «Для сеанса инструктор дает ему что-то пить, после чего у Леваша скашиваются глаза и костенеют руки, и он, найдя ему одному видимый след вора, идет его путем, повторяя все его движения, и настигнув, бросается на вора с яростью подлинной полицейской собаки» [Там же, с. 60].

В рассказе Булыгина действуют два Леваша: один — доходит до воды и теряет след (так как вода и «инжира»³ сбивают Левашу), другой находит лежавшую в канаве женщину — вора. Однако повествователь, внимательно наблюдавший за процессом поимки вора, обращает внимание на инструктора Леваша, который «горящим взглядом упорно смотрит в... закрытые глаза» [Там же] мальчика. «Да ты — гипнотизер, — подумал я, отходя» [Там же].

Вывод автора вполне в духе европейского мышления, высокомерно относящегося к африканцам, не освоившим культуру белых: «Эти гибнущие от сифилиса и проказы жалкие племена сохранили в черных тайниках своей жизни какие-то отблески знаний» [Там же].

Странные мистические обычаи, присущие абиссинскому народу, становятся для Булыгина источником размышлений, они и составляют поэтическую канву его документально-художественных очерков.

Рассказ «Утопленница. Письмо из Абиссинии» открывает перед писателем любопытную традицию: когда человек умирает, начинают стрелять из винтовок, чтобы отпугнуть смерть. Трескотня выстрелов и дикие крики должны спасти живых. Повествователь спрашивает своего слугу:

- Всегда стреляют, когда кто умрет?
- Как же, все христиане это делают.
- Ну, а когда в Абиссинии винтовок не было?

³ Тонкий блин без масла.

— Как не было?

Я объяснил, что было недавно время, когда в стране не знали ружья. Он, очевидно, не поверил, но... искал компромисса:

— Это шанкала (негры) не знали, может быть, гураги, амары — знали...

С тех пор часто слышал я ночные вопли и стрельбу [Там же, с. 64].

«Историко-этнографические зарисовки жизни Абиссинии конца 20-х — середины 30-х годов... — по мнению Н.Л. Крыловой, — говорят о высокой духовной культуре этого человека (Павла Булыгина. — Е.К.) и поистине бесценны для научных изысканий как живые и яркие свидетельства очевидца» [Крылова 2008, с. 75].

Для нас оказалась важна сюжетная перекличка очерков Булыгина и стихов и новелл Гумилева, основанная на интересе к миру Африки. «На старинных виньетках часто изображали Африку в виде молодой девушки, прекрасной, несмотря на грубую простоту ее форм, и всегда, всегда окруженной дикими зверями» [Гумилев 2005, с. 100] — так начинается «Африканская охота» Гумилева, который «сочиняет» африканский мир, исследуя его как путешественник и как поэт. Он видит экзотическое пространство разным, поэтически описывая его и в документальном дневнике, и в фантастических рассказах, и в балладах, и в лирических стихотворениях, а в прозе Булыгина на первый взгляд преобладает этнографический аспект. Его тексты выглядят как документальные очерки-эссе. Однако это только внешнее впечатление. Для Булыгина важен гумилевский подтекст, почти мистическая канва образов, сюжетные повороты. Не случайно финал каждой его новеллы таит в себе пуант, открывающий странный и загадочный мир Абиссинии.

Литература

Булыгин 1937 — Булыгин П. Янтари. Рига, 1937. 152 с.

Булыгин 2009 — Булыгин П. Пыль чужих дорог: Собр. стихотворений. М.: Akademia, 2009. 480 с.

Булыгин 2010 — Булыгин П. Страницы ушедшего: рассказы. М.: Academia, 2010. 108 с.

Булыгин 2014 — Булыгин П. Убийство Романовых. М.: Akademia, 2000. 532 с.

Гумилев 1988 — Гумилев Н.С. Стихотворения и поэмы. Л.: Сов. писатель, 1988. 632 с.

Гумилев 1999 — Гумилев Н.С. Полн. собр. соч.: в 10 т. Т. 3: Стихотворения. Поэмы (1914–1918). М.: Воскресенье, 1999. 464 с.

Гумилев 2001 — Гумилев Н.С. Полн. собр. соч.: в 10 т. Т. 4: Стихотворения. Поэмы (1918–1921). М.: Воскресенье, 2001. 394 с.

Гумилев 2005 — Гумилев Н.С. Полн. собр. соч.: в 10 т. Т. 6: Художественная проза. М.: Воскресенье, 2005. 544 с.

Золотухина 2009 — Золотухина Н.А. Поэтика новелл Н.С. Гумилева 1907–1909 годов. Харьков: Харьк. гос. акад. дизайна и искусств, 2009. URL: <https://gumilev.ru/about/133/> (дата обращения: 21.02.17).

Крылова 2008 — Крылова Н.Л. «Хорошо иметь любимую женщину и преданного кота»: Павел Булыгин в Абиссинии // Восточный архив: Ин-т востоковедения РАН. 2008. № 17. С. 70–83.

Пильский 1937 — Пильский П. Янтари. Новая книга: Павел Булыгин. — Стихотворения. Изд-во Дидковского. Рига. 1937 // Сегодня. 1937. 15 июня. № 162. С. 8.

«...ОБЩНОСТЬ СУДЕБ ЛЮДЕЙ
ПО ОБЕ СТОРОНЫ “ЗАНАВЕСА”»:

Письмо Наума Коржавина к Владимиру Варшавскому

*Вступительная статья, подготовка текста
и примечания М.А. Васильевой*

В 1973 г. Наум Моисеевич Коржавин (р. 1925) — поэт, прозаик, переводчик и драматург — выехал из СССР. Он обосновался в Бостоне (США), стал публиковаться в «Новом журнале», в журналах «Грани» и «Континент», в 1976-м во Франкфурте-на-Майне вышел его поэтический сборник «Времена». Письмо Коржавина к Владимиру Варшавскому 1977 г., с одной стороны, вписывается в дискурс многолетней полемики о «незамеченном поколении», с другой — стоит совершенно особняком и по-своему уникально. Несмотря на то что Коржавин сам стал частью русской эмиграции, влившись в «третью волну», его обращение к Варшавскому на общем фоне дискуссии вокруг книги — это редкое слово с той «стороны “занавеса”». В письме поэт прежде всего предстает как человек, знающий советскую Россию изнутри. Немаловажно, что автор письма сам поднял вопрос о судьбах пореволюционного поколения в обширной статье «Судьба Ярослава Смелякова» [Коржавин 1974]. Эта статья — неотъемлемый контекст письма к Варшавскому и крайне важна для понимания разговора о поколении, который ведет уже в эпистолярной форме Наум Коржавин. Не менее важно, что, задуманная как некролог, статья была написана еще в России, а опубликована за границей. Таким образом, «пограничным» становится и нарратив этого «поминального» текста. Вопросы и проблемы, которые поднимает Коржавин, вспоминая судьбу Смелякова, выходят далеко за пределы жанра некролога, как и внушительный объем статьи. Перед нами — вдумчивое и беспристрастное суждение о психологии и драме «самого ограбленного поколения нашей страны» [Там же, с. 143], о назначении поэзии, о причинах душевного слома дважды репрессированного революционного романтика Ярослава Смелякова и причинах жизненной стойкости Александра Твардовского, «духовной основой которого была Россия» [Там же, с. 165], а не революционная идеология, все больше становившаяся «абстракцией» [Там же, с. 171]. В сущности, Коржавин говорил не только об отдельных судьбах, но о поколении в целом. «Романтикой этого поколения была Гражданская война, время, как им казалось, прямой защиты идей; в настоящем они искали продолжения этой романтики (сконцентрировав свой накал на коллективизации и “борбе с кулачеством”). В будущем им виделась мировая

революция. К сожалению, иной духовной жизни они себе не представляли» [Там же, с. 140].

В письме к автору «Незамеченного поколения» поэт напишет: «Книга Ваша — необходимое звено, которого мне для чего-то не хватало». Его письмо также становится «необходимым звеном», логически соединяет статью в «Гранях», посвященную новой генерации молодых людей в СССР, и книгу Варшавского, посвященную детям русской эмиграции первой волны. Это многостраничное послание все пропитано идеей перекрестий и параллелей между эмигрантским и советским поколенческим опытом. Возможно, Варшавский не разделял полностью мысли, высказанные в адресованном ему письме, — для него опыт младемигрантов не имел аналогов в истории. Между тем означенная проблема оказалась весьма плодотворной для современного литературоведения. Объединяет же Коржавина и Варшавского в разговоре о пореволюционном поколении прежде всего нравственный камертон — чуткое отношение к теме, отсутствие порицания и попытка посмотреть на сложный путь подранков революции максимально объективно.

Письмо хранится в фонде В.С. Варшавского (ДРЗ. Ф. 54), публикуется впервые с любезного разрешения автора.

Литература

- Андреев 2010 — *Андреев В.Л.* <О так называемом «незамеченном поколении»...> // Варшавский В.С. Незамеченное поколение / под ред. О.А. Коростелева и М.А. Васильевой. М.: Русский путь, 2010. С. 369–378.
- Коржавин 1974 — *Коржавин Н.* Судьба Ярослава Смелякова // Грани. 1974. № 91. С. 131–179.
- Яновский 1993 — *Яновский В.С.* Поля Елисейские: Книга памяти. СПб.: Пушкинский фонд, 1993.

Н.М. Коржавин — В.С. Варшавскому¹

30 мая 1977 г., Бруклин

30/5. 77

Дорогой Владимир Сергеевич!

Только что закончил Ваше «Незамеченное поколение», раскрывшее мне трагедию России «с другого конца». Поразило же меня не различие, а общность судеб людей по обе стороны «занавеса». Кстати, это почти единственное, в чем я не согласен с Вами — сходство Ваших героев с «комсомольцами двадцатых годов» (и начала тридцатых, если быть точными) — разительное. Ведь эти комсомольцы тоже не были природными бандитами, тоже часто верили в хорошее (но без демократии и права) и тоже часто готовы были принести себя (а иногда и свою совесть) в жертву если не истине (истина тогда воспринималась как нечто отно-

сительное, «классовое»), то Блугу. Разумеется, у этих комсомольцев было больше возможности (и необходимости) делать гадости, чем у Ваших героев, но в отказе от традиционных культурных ценностей они сходятся. Впрочем, у них было и меньше возможности выпрыгнуть из этой колесницы по собственной воле.

Об одном из таких людей, поэте (у него много плохих стихов, если просто читать все подряд, но я ручаюсь, что это был по природе и по частичному воплощению поэт подлинный, незаурядный, только исковерканный) Ярославе Смелякове² я написал статью «Судьба Ярослава Смелякова», которая потом, когда я эмигрировал, была напечатана в «Гранях» (№ 91)³. Там не об его стихах, а именно о судьбе. Прочтите, если сможете достать, повесть покойного Бориса Балтера «До свидания, мальчики»⁴ и повесть Павла Нилина «Жестокость»⁵ (ее когда-то очень высоко оценила Анна Ахматова — до появления Солженицына она считала это лучшим в современной прозе). Искажение духа, болезни духа — не всегда отсутствие духовной жизни.

Теперь, если речь пошла о том, с чем я не согласен, то я не согласен с общим взглядом на литературу, выраженным в этой замечательной (без преувеличений и вежливостей) книге. Более того, мне кажется, что по-настоящему Вы сами, как мыслитель и литератор, даже в этой книге стоите выше некоторых выраженных Вами взглядов. Уровень книги выше (он вообще очень высок). Вы очень остро чувствуете судьбу литераторов этого поколения, очень сочувствуете им и упускаете, что литература вещь жестокая, что одного самовыражения (даже самовыражения поколения) для нее недостаточно, нужно еще что-то, что как раз выражается в завершенности формы, в ощущении своего места в мире. Вещи это очень связанные. Разумеется, и такое творчество лучше, чем ложная завершенность, но в поэзии — даже трагической — всегда есть победа. У них же ее нет. А вот, например (я уже не говорю о Георгии Иванове), у В. Смоленского⁶ это есть. Я не сочувствую многому из того, что он думал и говорил (например, он желал победы Гитлеру⁷), мне это противно, но тех нескольких стихов, которые я знаю, это не коснулось (а то бы убило — это очень непоэтично). А вот, например, стихи Поплавского⁸ — сама незавершенность. Не плохие строки, не недоработанность, а незавершенность внутренняя, незавершенность творческого акта.

Я чрезвычайно сожалею, что организации, снабжающие Россию литературой, не имеют ни одного экземпляра Вашей книги. Как раз сейчас у меня была возможность переслать ее — она *очень* там многим нужна. Это очень ценное свидетельство, причем свидетельство очень близкого нам по культуре человека, очень квалифицированное свидетельство. Некоторое, как мне кажется, внешнее — несходство наших литературных взглядов — никак не мешает мне чувствовать в Вас близкого по духу человека. И я очень жалею, что покойный Андреев⁹ помешал нам поговорить как следует. Впрочем, об этом я и до прочтения Вашей книги жалел. И это опять не любезность, а факт, о котором, возможно, Вам уже и говорили (я передавал).

Книга Ваша — необходимое звено, которого мне для чего-то не хватало.

Впрочем, писать мне Вам можно и нужно о многом. Но лучше об этом поговорить. Дела мои отнюдь не хороши, но теперь они обстоят лучше, чем рань-

ше. Лучше потому, что я перестал претендовать на что-либо «русистское», понял, что с большинством тех, кто этим занимается, я дела иметь на равных не желаю. Не такой уже возносящийся я человек, но игры с тем, что для меня жизнь, меня развлекать не могут. А признавать эти занятия серьезными — унинительно. Русистика здесь — периферия. Впрочем, вся эта судьбоносная эпоха в культурном смысле, как мне кажется, периферийна и провинциальна, провинция своего собственного прошлого. Я считаю, что все это началось в начале века и с тех пор не кончалось. Внезапно культура стала казаться пресной, и бурно расцвел себялюбивый и самовлюбленный провинциализм, объявивший моду законом духа (мода всегда существовала, но никогда она не проявлялась столь агрессивно и открыто). Потом наступило отрезвление («Доктор Фаустус» Томаса Манна), но оно как-то мало до кого дошло, и сегодня вся Европа и Америка, а отчасти и Россия стремятся догнать свой собственный хвост (т. е. свое же начало века). Многие выехавшие за границу авторы «неофициальной» литературы именно этим и заняты, берут реванш. Между тем и вопрос с «официальной» (т. е. напечатанной) литературой не столь прост. И вообще неверно, что мы не знали о «передовых» течениях, прежде всего они были и в России (книги сохранились), а потом, — кроме как в последние годы сталинщины, — главное из выходящего на Западе печаталось. То, что Вы мимоходом пишете о советской литературе, верно для тех лет, когда была написана Ваша книга (и то в отношении того, что печаталось, а не писалось), сейчас это неверно. Во всяком случае, это неверно для хрущевского десятилетия и нескольких лет после него. Но и сейчас еще не все утихло — впрочем, Вы сами все это знаете.

Надеюсь — говорю на всякий случай, — что Вы не воспримете мои частные замечания в плане столкновения эмиграций, которое сейчас происходит. К сожалению, все русские эмиграции состоят в основном из беженцев, а не из деятелей. В сущности, какой-нибудь полтавский акцизный чиновник, однажды утром узнавший, что он как представитель буржуазии (чего он о себе раньше не знал) подлежит уничтожению, как вредное насекомое, и стал спасаться от расстрела и притеснений, такой же «политик», как и средний политзаключенный сталинской эпохи, посаженный ни за что. И естественно, он чувствовал себя невинно пострадавшим (уж кто-кто, а он и во сне не видел себя эмигрантом) и ненавидел всех, кто, по его непросвещенному мнению, его до этого довел. И ненавидел интеллигенцию — тем более что она действительно часто ошибалась (то же послевоенное возвращенчество — теперь, дескать, все изменилось), а он в своей ненависти — нет. Правда, у меня есть ощущение, что сегодняшние «советские патриоты за границей» (я таких не видел, это — предположение) состоят или из черносотенцев, или из людей близких к этому. А чего?! — Россию все боятся, жидов притесняют, чего еще хотеть, особенно пользуясь материальными благами Запада? Правда, они не возвращенцы, они, подобно Якобсону или Бурлюку¹⁰ в прошлом, предпочитают любовь «там», а питание «здесь», но это уже другой вопрос. Кстати, судьба демократической реэмиграции в СССР тоже была тяжелей, чем судьба Любимова¹¹. Я в Алма-Ате наткнулся на старика Николая Николаевича Кнорринга¹² (бывшего смотрителя Тургеневской библиотеки в Париже), на его зятя Юрия Борисовича

Софиева¹³ и знаю, что это были чистейшие люди. Кроме того, я там видел человека, в котором подозреваю Сухомлина¹⁴ (мельком видел).

Все эти люди были невероятно бедны, особенно Н.Н. Кнорринг. Сухомлин же вообще ходил в галошах на босу ногу и сохранял при этом невероятное чувство достоинства. Впечатление он на меня произвел грандиозное. Не знаю, жалели ли все эти люди о том, что вернулись. В чем-то они были наивны. Например, в просветительстве своем. Ю.Б. Софиев помогал окрестным молодым людям в получении ценза, т. е. аттестата зрелости, искренне веря, что он «сеет разумное, доброе, вечное», до чего этим молодым людям, ученикам вечерних школ — я их видел у него — вряд ли было дело. Впрочем, кто его знает — все-таки нравственный уровень передается иногда совершенно неожиданно.

В том, что такую интеллигенцию загнали в Алма-Ату, а, допустим, Любимова и т. п. приютили в Москве, тоже была своя закономерность, свое ощущение близости — сегодняшняя советская власть может ошибиться в чем угодно, но не в том, кто ей близок, а кто — нет. На это у нее чутье зоологическое. И когда Вы говорите, что многие коллаборационисты (ни Вы, ни я, по-видимому, не считаем коллаборационистами, допустим, власовцев) сотрудничали с немцами под предлогом борьбы с большевизмом, сотрудничали бы и с Советами, — не столько из беспринципности, сколько из культурной близости, я Вас понимаю. В данном случае я не имею в виду ни тех, кто шел на пули, ни тех, кто, подобно НТС, пытался — с моей точки зрения весьма наивно — использовать немцев в своих целях. Все эти люди ошиблись. Но ведь, например, большинство тех, кто пошел во власовцы (из эмигрантов), относились к аполитичным кругам эмиграции, и многие из них отнюдь не были плохими людьми. Все это очень сложно, и многое в этом сложном помогает понять Ваша книга.

Поневоле кончаю письмо, чтобы не продолжать его бесконечно. Передайте привет Вашей жене и примите мои самые наилучшие пожелания. Если я буду в Европе, обязательно постараюсь с Вами увидеться.

Несколько я не закончил о столкновении эмиграций. Происходит оно оттого, что у людей разный опыт и никто никого понимать не желает, ибо каждый помнит только свои обиды или свое объяснение оных. Что же касается меня, то мне в эмиграции близки только люди, которые или сохраняют естественную простоту или естественную способность к самостоятельной мысли. А последних вообще немного — во всех трех эмиграциях. Это очень обидно, ибо в России казалось, что все иначе, что эмиграция — во всяком случае интеллигентная — складывается из людей Вашего типа. Впрочем, раньше их действительно больше было. Теперь тоже есть, но, боюсь, что в современной России их больше — хотя и там они — даже в интеллигентном обществе — не составляют большинства. Большинство же составляют люди, действительно не любящие советской власти (а ее и последний дворник, и даже Брежнев, наверно, не любит), но при этом полагающие, что этого вполне достаточно для культуры и мысли. И поэтому здесь они становятся страшно «терпимыми», понимая терпимость как отсутствие необходимости (или даже неприличия) иметь определенные мнения по любому поводу. Это очень хорошо монтируется с миром американских «ПиЭйчДи»¹⁵, с Западом, желающим

дремать до самой смерти, как сытый кот на печи, и не расстраиваться в рабочее время по поводу вопросов, входящих в профессиональную компетенцию...

Ну да ладно. Авось выживу. Но Вас — приветствую. Храни Вас Господь.

Ваш *Н. Коржавин*

¹ Авторизованная машинопись. ДРЗ. Ф. 54. Конверт без штемпеля. Обратный адрес: Naum Mandel (Korzhevina), 50 St. Paul Street, Apt. 4, Brookline, MA 02146 USA.

² Смеляков Ярослав Васильевич (1913–1972), поэт, критик, переводчик, лауреат Государственной премии СССР (1967). В 1934–1937 гг. и в 1948–1956 гг. находился в заключении по доносу. Автор поэм «Строгая любовь» (М., 1956), «Молодые люди» (1968), поэтических сборников «Кремлевские ели» (М., 1948), «Разговор о главном» (1959), «День России» (1967), «Товарищ Комсомол» (1968) и др. Сборники стихов «Мое поколение» (1973) и «Служба времени» (1975) изданы посмертно.

³ [Коржавин 1974].

⁴ Балтер Борис Исаакович (1919–1974), прозаик, автор автобиографической повести «До свидания, мальчики!» (1963). Повесть была переведена на иностранные языки (французский, венгерский и др.) и неоднократно переиздавалась. В 1964 г. по сценарию Балтера, написанному вместе с режиссером М.Н. Каликом, был снят одноименный фильм.

⁵ Нилин Павел Филиппович (наст. фам. Данилин; 1908–1981), прозаик, драматург, сценарист, лауреат Сталинской премии второй степени (1941), автор повести «Жестокость» (1956) и одноименного фильма (1958). Выступал на расширенном заседании президиума правления СП СССР 27 октября 1958 г. с речью против Пастернака.

⁶ Смоленский Владимир Алексеевич (1901–1961), поэт первой волны русской эмиграции. Эмигрировал в 1920 г., с 1923 г. в Париже, член Союза молодых поэтов и писателей (с 1925), участник литературного объединения «Перекресток» (с 1928), соредaktor альманаха «Орион» (1947), автор поэтических сборников «Закат» (Париж, 1931); «Наедине» (Париж, 1938); «Собрание стихотворений» (Париж, 1957); сборник «Стихи 1957–1961» (Париж, 1963) вышел посмертно.

⁷ Коллаборационизм В.А. Смоленского известен по пересказам и сторонним мнениям, нежели по откровенно пронацистским высказываниям. Так, Василий Яновский вспоминал: «...при оккупации он, как и Мережковские, Иванов, Злобин, идеологически расцвел. После победы парижане одно время их всех бойкотировали» [Яновский 1993, с. 199].

⁸ Поплавский Борис Юлианович (1903–1935), поэт и прозаик первой волны русской эмиграции, автор поэтического сборника «Флаги» (Париж, 1931), а также вышедших посмертно поэтических сборников «Снежный час: Стихи 1931–1935» (Париж, 1936), «В венке из воска: Четвертая книга стихов» (Париж, 1938), «Дирижабль неизвестного направления» (Париж, 1965).

⁹ Андреев Вадим Леонидович (1902–1976), поэт, прозаик, сын Леонида Николаевича Андреева. С 1922 г. в Берлине, с осени 1924 г. в Париже. В 1946 г. получил советский паспорт. С 1949 г. сотрудник отдела ООН в Нью-Йорке. С 1959 г. жил в Женеве, где продолжал работать в ООН до пенсии. Несмотря на то что В. Андреева и В. Варшавского сближало многое (литературное объединение «Кочевье», религиозно-философское объединение «Круг», участие в движении Сопротивления и т. д.), Андреев жестко раскритиковал книгу «Незамеченное поколение» в пространном отзыве (при жизни автора опубликован не был; см.: [Андреев 2010]).

¹⁰ Якобсон Роман Осипович (1896–1982), российский и американский лингвист, литературовед, поэт, критик и переводчик; один из основателей и первых теоретиков русско-

го авангардизма, в 1920 г. выехал из советской России как переводчик миссии Красного Креста. Бурлюк Давид Давидович (1882–1967), поэт, художник, один из основоположников русского футуризма, с 1920 г. в эмиграции. Н. Коржавин, скорее всего, имеет в виду работу Якобсона в должности сдельного работника советского полпредства в период его пребывания в Праге (1921–1927), участие Бурлюка в советских выставках художественной группы «13», а также поездки Якобсона и Бурлюка в СССР во второй половине 1950-х и в 1960-х гг.

¹¹ Любимов Лев Дмитриевич (1902–1976), журналист, писатель, публицист. В 1919 г. эмигрировал во Францию. Политический обозреватель газеты «Возрождение» (до 1940 г.). В 1937 г. исключен из Союза литераторов и журналистов в Париже. В том же году вошел в правление Национального объединения русских писателей и журналистов (с 1939 г. генеральный секретарь). Приветствовал приход немцев в Париж. После войны член Союза русских патриотов, Союза советских патриотов, член редколлегии газеты «Советский патриот», один из руководителей Союза советских граждан. В 1946 г. получил советский паспорт. В 1947 г. выслан из Франции. Вернулся в СССР, с 1948 г. жил в Москве, работал во Всеславянском комитете. Автор воспоминаний «На чужбине» (М., 1963) и книг по истории искусства.

¹² Кнорринг Николай Николаевич (1880–1967), филолог, историк, литератор, педагог, общественный деятель, отец поэтессы Ирины Николаевны Кнорринг (1906–1943). Эмигрировал в 1920 г., с 1925 г. жил во Франции. Работал уборщиком. Член правления Тургеневской библиотеки (1930–1959). Читал лекции в Русском народном университете, Франко-русском институте. Входил во Временный комитет Русского литературного архива в Париже (1938). В 1946 г. стал председателем книжной комиссии Тургеневской библиотеки. Член Республиканско-демократического объединения. Член правления Союза русских писателей и журналистов (1937–1947). Автор книг «Сфаят» (Париж, 1935), «Скобелев — биография Белого генерала» (Париж, 1939–1940. Ч. 1–2). В 1955 г. вернулся в СССР, жил в Алма-Ате. Написал «Книгу о моей дочери» (журнал «Простор», 1993).

¹³ Софиев Юрий Борисович (наст. фам. Бек-Софиев; 1899–1975), поэт первой волны русской эмиграции. Эмигрировал в 1920 г., участник Белградского православного кружка (с 1921), литературного кружка «Гамаюн» (с 1923), с 1927 г. в Париже, член Союза молодых поэтов и писателей, участник объединения «Круг» (1935–1939). В 1928 г. женился на поэтессе Ирине Николаевне Кнорринг (1906–1943). Во Вторую мировую войну участник движения Сопротивления. В 1943 г. был угнан в Германию на принудительные работы, затем вернулся в Париж. В 1946 г. принял советское гражданство, с 1948 г. жил в Восточной Германии, в 1955-м вернулся в СССР, был определен на жительство в Алма-Ату. При его жизни вышла одна книга стихов «Годы и камни» (Париж, 1937).

¹⁴ Сухомлин Василий Васильевич (псевд. Леонид Белкин, Европеец и др.; 1885–1963), политический деятель, эсер, публицист, редактор, мемуарист. В 1918 г. остался за границей после участия в Стокгольме и Лондоне в международных социалистических конференциях. Сперва обосновался в Риме, сотрудничал в итальянской социалистической периодике. В 1920 г. переехал в Прагу, в 1922–1930 гг. был соредктором и автором журнала «Воля России». В 1927 г. переехал в Париж. Участник литературных вечеров «Кочевья», собраний «Воли России», «Дней». Издал книги «Le Parti socialiste révolutionnaire et la situation actuelle en Russie» (P., 1919), «Les Procès célèbres de la Russie» (P., 1937). В 1941–1945 гг. проживал в Нью-Йорке, затем возвратился в Париж. В 1947 г. принял советское гражданство. В 1951 г. выслан из Франции, сперва переехал в Чехословакию, в 1954 г. вернулся в СССР. Жил в Москве. С 1962 г. член Союза писателей СССР.

¹⁵ ПиЭйчДи (от лат. Philosophiae Doctor, Ph.D., PhD) — доктор философии, ученая степень, присуждаемая во многих странах Запада.

ПУБЛИКАЦИИ

«ДУХОВНОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ В РОССИИ»:
ВЫСТУПЛЕНИЕ Г.П. ФЕДОТОВА
НА ФРАНКО-РУССКОЙ СТУДИИ

Вступительная статья, комментарии и перевод Т.В. Викторовой

Зал в триста человек всегда переполнен до отказа. Кое-кто не попадает, кое-кому приходится стоять. По первому впечатлению, русских и французов приблизительно поровну, и публика, что называется, избранная. Первые четыре ряда предназначены для писателей. Среди них многие французские знаменитости и большинство русских, находящихся в Париже. Часто бывают Бунин, Алданов и Зайцев. Можно наблюдать, как французы шепчутся о русских и русские о французах [Фельзен 2005, р. 575].

Эта зарисовка писателя Юрия Фельзена, известного своей прустовской манерой, отчасти передает атмосферу заседаний Франко-русской студии — одной из ярких попыток сближения между французскими и русскими писателями, принятой в Париже на рубеже 1920–30-х гг.

Организованная с русской стороны поэтом Всеволодом Фохтом, прекрасно владеющим французским языком, студия собиралась раз в месяц для обсуждения тем и имен, значимых для французской и русской культур: «Роман после 1918 года», «Запад и Восток», «Символизм во Франции и в России», творчество Ф.М. Достоевского, Л.Н. Толстого, Марселя Пруста, Андре Жида, Поля Валери, Шарля Пегги...

Эти встречи по ряду признаков отличались от других, менее регулярных (например, литературных вечеров журнала «Числа» или так называемых декад в аббатстве Понтины, на которые вместе с французскими интеллектуалами приглашались Николай Бердяев и Владимир Вейдле). В отличие от частных встреч между писателями (И. Бунин и А. Жид, А. Ремизов и А. Бретон, Д. Мережковский и П. Клодель) или же семинаров на дому (организованных, в частности, Н. Бердяевым и Ж. Маритеном), Франко-русская студия объединяла широкий круг лиц. Среди «французских знаменитостей», упоминаемых Фельзеном, на заседаниях студии присутствовали Андре Мальро, Андре Моруа, Габриэль Марсель, Поль Валери; среди писателей-эмигрантов, помимо названных, — Надежда Тэффи, Гайто Газданов, Марина Цветаева, Георгий Адамович.

Материалы этих собраний, включая дискуссии, были опубликованы в «Двухнедельных тетрадах» («Cahiers de la Quinzaine») Марселем Пегги, сыном известного поэта — организатора встреч с французской стороны¹.

¹ Эти выпуски, ставшие библиографической редкостью, опубликованы в 2005 г. отдельной книгой канадским ученым Леонидом Ливаком и женевской исследовательницей Жервезой Тасис, они сопроводили

Впервые публикуемое на русском языке сообщение Г.П. Федотова написано для заседания, которое состоялось 28 апреля 1931 г. и было посвящено духовно-му возрождению во Франции и в России. Согласно стремлению организаторов представить «перекрестный» взгляд на русскую и французскую культуры, оно сопровождалось параллельным выступлением Станисласа Фюме (корреспондента П. Клоделя и участника философских собраний Ж. Маритена²) о католическом возрождении во Франции. Дебаты, представляющие в рамках каждой встречи едва ли не главный интерес, к сожалению, во // ремя этого заседания не были записаны, во всяком случае, остались неопубликованными.

Значение Франко-русских студий заключается не только в возможности реальных встреч вокруг выбранных и связанных между собой тем. Выступающие, как, например, Г.П. Федотов, зачастую были непосредственными свидетелями и участниками рассматриваемых явлений, одновременно поставленными в новые исторические условия реальной встречи с Европой и необходимостью представлять «свое» «чужому» взгляду.

Кроме того, регулярные публикации материалов Франко-русской студии способствовали изданию переводов русских писателей-эмигрантов (в частности, Б. Зайцева, Н. Тэффи, А. Ремизова, М. Цветаевой, М. Алданова³) и в целом лучшему знакомству французской публики с русской культурой. Владимир Вейдле не без иронии замечает в связи с этим, что «у Бердяева и Шестова в те годы было даже больше верных читателей среди французов, чем среди русских» [Вейдле 1981, с. 400].

К этим именам можно добавить Георгия Петровича Федотова⁴.

Литература

- Вейдле 1981 — Вейдле В. Франко-русские встречи // Русский альманах. Париж, 1981. С. 397–400.
Соловьев 1969 — Соловьев В.С. Собр. соч.: в 12 т. Т. 11. Брюссель: Жизнь с Богом, 1969.

их солидным критическим аппаратом, включающим отклики во французской и эмигрантской прессе и подробную информацию об участниках и их произведениях [Livak, Tassis 2005, p. 7–43, 555–614].

² Станислас Фюме (Fumet; 1896–1983) — литературный критик и издатель. Сыграл важную роль в развитии франко-русского диалога 1930-х гг.: будучи женат на русской, он способствовал расширению дружеских связей и публикациям сочинений эмигрантов на французском языке. В 1937 г. Фюме создал журнал «Temps présent» («Наше время»), в котором наряду с выдающимися католическими мыслителями (П. Клодель, Ж. Маритен, Ф. Мориак и др.) печатались Н. Бердяев и В. Вейдле.

³ «France et Monde» (изд. «Humanités Contemporaines») опубликовало переводы Бориса Зайцева («Avdotya la mort»; 1929, № 135, p. 65–73), Надежды Тэффи («Au couvent de Solovki et Marquita»; 1929, № 136, p. 11–20, 20–24), Марины Цветаевой («Fiançailles»; № 138, p. 76–78), Марка Алданова («La Mort de Paul Ier»; № 137, p. 70) и др.

⁴ См. библиографию трудов Г.П. Федотова на французском языке, собранную Леонидом Ливаком, в: [Russian émigrés... 2010, p. 124–125]. В Бахметьевском архиве русской эмиграции в Нью-Йорке содержатся материалы Г.П. Федотова на французском языке. В одном из ближайших номеров «Вестника РХД» готовится публикация материалов Г.П. Федотова, написанных на французском языке. Публикация А.В. Антощенко (Петрозаводск).

- Фельзен 2005 — *Фельзен Ю.* Парижские встречи русских и французских писателей // *Le Studio Franco-Russe. 1929–1931 / textes réunis et présentés par L. Livak; sous la rédaction de G. Tassis.* Toronto: Toronto Slavic Library, 2005. P. 574–578.
- Livak 2004a — *Livak L.* Le Studio franco-russe (1929–1931) // *Revue des Études slaves.* 2004. Vol. 75, fasc.1. P. 109–123.
- Livak 2004b — *Livak L.* La dimension littéraire du Studio franco-russe // *Revue des Études slaves.* 2004. Vol. 75, fasc. 3. P. 473–491.
- Livak, Tassis 2005 — *Le Studio Franco-Russe. 1929–1931 / textes réunis et présentés par L. Livak; sous la rédaction de G. Tassis.* Toronto: Toronto Slavic Library, 2005.
- Russian émigrés... 2010 — *Russian émigrés in the intellectual and literary life of interwar France: a bibliographical essay.* Montreal: McGill-Queen's Univ. press, 2010.
- Vaissermann 1999 — *Vaissermann R.* Les Cahiers de la quinzaine de Marcel Péguy et la Russie // *Le Porche.* 1999. № 5. P. 50–65. URL: <http://romain.vaissermann.free.fr/03/03C/03C03/marcel-russie.htm>.
- Victoroff 2004 — *Victoroff T.* L'émigration, lieu de rencontres culturelles: le Studio franco-russe, «tribune libre» des années 1930 // Colloque «Les Premières Rencontres de l'Institut européen Est-Oues», Lyon, ENS LSH, 2–4 décembre 2004. URL: http://russie-europe.ens-lsh.fr/article.php?id_article=58.

Г.П. Федотов

ДУХОВНОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ В РОССИИ¹

Приступая к исследованию духовного обновления в России, я должен уточнить, что имею в виду не только религиозное возрождение. Необходимо отметить, что абстрактная и идеалистическая духовность в России — явление исключительное, гораздо более редкое, нежели во Франции или в Германии. Это связано с конкретностью и максимализмом, характерными для русского сознания. Религиозное, церковное пребывает в России сияющим центром, на периферии которого тем не менее можно заметить зарождение и развитие духовности, противостоящей Церкви, антихристианского и даже антирелигиозного характера. Кроме того, я ограничусь духовностью, которая проявляется в культуре. Следовательно, такие жизненные феномены, как святость или нарастание мистического опыта, будут рассматриваться лишь в той мере, в какой они проявляются в культурном сознании.

Тем не менее даже при этих ограничениях моя тема представляет непомерные трудности. Для того чтобы представить (в течение получаса!) вековое движение русской мысли, я должен упоминать имена и обозначать тенденции, малоизвестные или вовсе не знакомые французской аудитории. Не имея возможности рассмотреть их подробно и вместе с тем стремясь понять движение в целом, я неизбежно вынужден прибегать к схематизации.

Однако в сравнении процессов духовного обновления во Франции и в России есть свои преимущества.

Это проявляется, в частности, в том, что русский процесс вполне завершен. Его итоги подвела революция. Новые явления духовной жизни в России имеют мало общего с прошлым. И это прошлое, став историей, говорит само за себя.

* * *

Тематическое единство духовного обновления во Франции и в России проистекает прежде всего из единства исторической среды, в которой было отмечено это обновление. Русских и французов объединяет общая реакция против XIX столетия, воспринятого как век позитивизма и угасания духа, духовной жизни в целом. Это характеризует в особенности 50, 60 и 70-е годы. Быть может, именно в России антидуховные тенденции XIX столетия проявились с наибольшей силой, явственнее, чем где бы то ни было в Европе. Главной религией русской интеллигенции был не только атеизм: отрицание христианства распространялось также против идеалистической философии, по сути — против всякой философии, и даже против искусства, во всяком случае «чистого» искусства. Царил социальный утилитаризм, основанный прежде всего на естественных науках и на экономической базе.

Русский позитивизм XIX столетия был, несомненно, западного происхождения. Но для того, чтобы понять сложность положения в России и условий, необходимых для возникновения движения по обновлению, следует осознать существование и значимость трех факторов, определяющих русскую культуру:

- 1) традиции и творческие усилия русской интеллигенции;
- 2) Русская церковь;
- 3) Запад.

Обратимся к краткому анализу этих факторов.

1) Несмотря на атеизм, радикально настроенная и революционная русская интеллигенция окончательно не порывала с христианской этикой, воспринятой как этика любви. Владимир Соловьев иронизировал над противоречиями, которые он выявил между чисто натуралистической теорией и жертвенностью, характерной для этики жизни. Отсюда проистекает подпольная христианская тенденция русской литературы XIX столетия, которая так поразила Запад и была воспринята им как русское Евангелие «сострадания». После 1860 года атеистический евангелизм народников (русских интеллектуалов, обращенных к народу) воплощается в образе Христа. Христос-человек, страдающий и распятый, становится излюбленной «темой» русской живописи и поэзии. Эта тема, появившаяся в 70-е годы, отчасти поясняет произведения Достоевского и Толстого.

2) В XIX веке Русская церковь, будучи одновременно государственной и народной, почти не сохранила связей с творческой интеллигенцией. Нельзя сказать, что она была полностью изолирована от культуры. Она развивала особое

богословие, не замеченное русской интеллигенцией, и, главное, она сохраняла, как и народ, в области нравов и эстетических взглядов пережитки древней русской культуры допетровского времени. Для нее эта древняя культура еще была жизнью, а не археологической ценностью. Но, в отличие от Католической церкви во Франции, Русская церковь не приняла никакого участия в научном и художественном творчестве *интеллигенции*. Возник *hiatus*, разрыв, который в большой степени объясняет атеистические настроения в среде интеллектуалов.

3) Наконец, Запад, так способствовавший распаду духовного единства, присущего Древней Руси, участвует и в создании нового типа духовности. Здесь необходимо отметить, несколько забегая вперед, влияние у нас в конце XIX столетия немецкой философии и французской поэзии.

Русское обновление — я имею в виду духовное и культурное обновление — стало возможным только вследствие объединения этих трех элементов. Путь же, по которому оно должно было пойти, был уже указан первыми славянофилами.

* * *

Славянофилы 30-х и 40-х годов XIX столетия (Хомяков, братья Киреевские) — предшественники нашего возрождения. Они принадлежат совершенно другой эпохе — поколению идеалистов начала XIX века. Их сочинения явили скорее завершение романтизма, чем победу натурализма. К середине века их идеи уже исчерпывали себя и потеряли свою остроту. Что касается последних славянофилов, то по своим настроениям они были политическими националистами, без всякой духовной настроенности. Но идеи Хомякова и первых славянофилов повлияли на Достоевского, молодого Соловьева и продолжают оказывать влияние на людей нашего поколения. Хотя не им предстояло завершение задачи, Хомяков и первые славянофилы предчувствовали синтез древнерусской и вселенской культуры, к осуществлению которого устремлены наши чаяния. Они использовали для выражения мистической интуиции, свойственной восточному православию, богословские термины Моehler'a² и философии Шеллинга, объединяя таким образом уточненную гуманистическую западную культуру с преданностью Церкви и идеализацией нравов русского народа. Главным открытием Хомякова стало понятие соборности — слово, выражающее одновременно общинность и вселенскость. Это фундаментальное для нас понятие он понимал как синтез в Церкви личностного начала (свободы) и социального принципа (любви). Распространение этого понятия в секуляризованном мире, чаяние такого конечного синтеза в сфере социальных и политических отношений означало для него спасение России — и Европы от индивидуалистического распада и римского деспотизма. Свободная община — вот основной завет славянофилов русской мысли.

Однако со временем религиозность славянофилов приняла извращенные формы ритуального служения, укорененного в нравах. Позднее славянофильское движение растворилось в официальном православии. Так возник стиль Александра III, или «русский стиль», столь ненавистный всякому человеку со вкусом. Тем

самым, не славянофилам было суждено превратить в зарево ту искру, которую они, несомненно, зажгли. Духовное русское возрождение в нашу эпоху обязано трем великим именам — Толстому, Достоевскому и Владимиру Соловьеву — и литературному течению — символизму.

* * *

Толстой, будучи моралистом и натуралистом, выражает две главные тенденции мысли русской интеллигенции 60-х и 70-х годов, доводя их до крайности. Однако, развивая их, он неизбежно порывает с цепями позитивизма. Толстой-натуралист проникает в тайны плоти. Он первый в русской литературе почувствовал жуткие космические энергии земли и пола. Толстой-моралист преодолевает, подобно Канту, ограничения этики и утверждает религиозный смысл жизни. Толстой-художник выявляет сокрытые глубинные пласты русской души, предшествующие христианству, и воскрешает славянского Пана. Тем не менее в своем религиозном учении Толстой останавливается на пороге христианства, будучи неспособным перешагнуть через него. Своим абстрактным Богом Толстой оказался близок Китаю, Японии, Индии. Однако, как бы странно это ни звучало, несмотря на его исследования евангельских текстов, образ Христа у Толстого слабее, чем у народников-атеистов. Толстой не пережил личной встречи с Христом. Но именно благодаря Толстому миллионы русских нигилистов впервые осмелились упомянуть имя Бога и признать первенство моральной и духовной жизни, при этом не отказываясь связать ее с социальной значимостью.

Враждебность Толстого к культуре была главной причиной того, что толстовское движение, столь мощное в 80-90-е годы, быстро пришло в упадок. Русский XX век еще более единодушно отверг Толстого, чем отказался от позитивизма. Однако, помимо рационалистического отношения к религии, значение Толстого для будущего (и, быть может, для настоящего?) определяется тем, что он сосредоточен на этической мысли высочайшего напряжения. Он подспудно сохраняет ее и для поколений, бесчувственных по отношению к этическим понятиям.

* * *

Что касается Достоевского, то для русского сознания он представляет прямую антитезу Толстому. Привязанность к Достоевскому оказывается у нас неприятием Толстого, и наоборот. Современники Достоевского видели в нем только «жестокый талант» чудака и психолога. Лишь в XX веке Достоевский становится провозвестником духа. Он проникает в тайны духа «у бездны на краю» страдания и греха, делающих человеческую природу более утонченной и глубокой. Из этих глубин ада он созерцает небо. Это сближает его с определенной жестокостью, демонологической тенденцией французского католицизма³. Нет ничего более чуждого Достоевскому, чем морализм. Но своим реальным, почти до невыносимости, видением Христа он защищен и против безнравственности. Лик Христа для него — мера всех ценностей, единственный критерий истины. Этот

Лик дан в умалении и в Голгофской казни, равно как в победной красоте Воскресения. Для Достоевского на Кресте соединяются кресты всего человечества для воскресения с Ним. Эта тема сострадания — общая для всех его современников, русских интеллектуалов. Однако, достигнув онтологических глубин, он первый делает возможной встречу человека не с Иисусом, пророком из Галилеи, но с воскресшим Богочеловеком.

Исторически Достоевский укоренен в русской мысли глубже, чем Толстой. Его мысль восходит к 40-м и даже к 30-м годам XIX столетия. Вдохновленный, с одной стороны, Пушкиным, с другой — романтическими и социальными идеями Фурье, Сен-Симона, Жорж Санд, Достоевский на протяжении всей жизни остается верным гуманизму и свободе. Каторга предохранила его от антигуманистического нигилизма 60-х годов. Согласно Достоевскому мир будет спасен красотой; культура не уничтожена Крестом. Именно поэтому Достоевский смог оказаться у истоков русского православного возрождения в момент наивысшего культурного расцвета. Его идеи живы и сегодня, в тесной связи с заново осознанными идеями Хомякова. Тем не менее у славянофилов социальная природа христианства проявляется больше, чем у Достоевского, приверженца принципа личности и свободы. Достоевский также привержен славянофильской идее русского мессианства, религиозной по существу, которая вдохновляет некоторых и в нашу эпоху высочайшего национально-умаления. Вместе с тем, невзирая на некоторые типично русские черты, которые характеризуют его мировоззрение («мать сыра земля», «народ-богоносец»), христианство Достоевского свободно от какой бы то ни было конфессиональной окраски. Кроме того, оно менее всего сусальное или клерикальное.

* * *

Владимир Соловьев порывает с Толстым и ничем не обязан Достоевскому, несмотря на то что их связывали дружеские отношения. В молодости он испытал влияние славянофилов, но на этом воздействие на него русской мысли ограничивается. Соловьев остается в русской культурной традиции чистым западником. Характерно, что Запад понимает его в совершенстве, тогда как для русских он во многом остается иностранцем. Не случайно он связан с католицизмом. Русские часто противятся логической выстроенности и сверхупорядоченности его мысли. Его рационалистическая и философская этика также не нашла основания на русской почве. Соловьев — мистик, и его мистицизм находит себе надежное убежище под покровом схоластической философии. В этом он близок Фоме Аквинскому⁴. Его схоластические одежды сотканы из современной философии, в особенности из немецкой философии XIX века. Он сам обвиняет ее в чрезмерной абстрактности, но ею же побеждает позитивизм. Он пользуется этими понятиями для того, чтоб облачить ими философию христианства. В ее центр он ставит образ Христа, догмат Богочеловека, оставаясь тем самым верным традиции русской интеллигенции, и выводит из него философию культуры и социального делания. Именно благодаря своей социальной и культурной активности католицизм оказывается для него столь привлекательным. Но христианство Соловьева, несмотря на его причастность к Церкви, было

сверхконфессиональным. Соловьев сознательно чувствовал себя причастным ко Вселенской церкви, в своих мистических глубинах неразделенной.

Личный мистический опыт Соловьева никоим образом не проявляется в его системе. О Софии, своем главном откровении, он мог говорить только в своих стихах⁵. Мысль о Софии он почерпнул у немецких мистиков, через Якова Беме⁶ и Баадера⁷, и через их посредство — у первохристианских гностиков. Но у Соловьева она становится конкретной божественной сущностью, женским принципом, Царицей мира, с которой он ощущал мистическую, эротически окрашенную связь. С религиозной точки зрения его мистика Софии более чем спорна, и даже отвергнута в настоящее время русским религиозным сознанием. Тем не менее Соловьев передал тему Софии современному русскому богословию.

Влияние Соловьева проявляется в двух направлениях. Будучи христианским апологетом, он создал академическую школу философов-идеалистов, стремящихся к объединению христианства с современной философской мыслью. Соловьев-мистик неразрывно связан с историей поэтической школы русского символизма, став его религиозной закваской.

* * *

В момент возникновения русский символизм никак не связан с вдохновителями религиозного возрождения. Он появляется независимо, в тесной связи с литературным модернизмом (называемым в России *декадентством*), являя его вторую стадию. Модернизм в России был эстетической реакцией на социальный утилитаризм XIX столетия. Он возник параллельно творчеству Толстого и Достоевского, поначалу всецело отстраняясь от моральной и религиозной сущности русской мысли. Можно определить русский модернизм как чистый эстетизм, подчеркивающий свой аморальный и антисоциальный характер. Во всяком случае, таковой была русская поэтическая школа, мощно заявившая о себе к 1900 году, вышедшая из французского символизма и парнасцев⁸. Несмотря на почитание Пушкина и крупных поэтов-лириков, отвергнутых XIX веком, модернизм в России был явлением совершенно западным и всецело чуждым русскому духу и стилю. Многие инициаторы этой поэтической школы остались декадентами до конца, среди них — Валерий Брюсов, Федор Сологуб, Михаил Кузмин. Однако с начала XX столетия модернизм все более и более обретает мистическую окраску.

Полнота и острота чувств более не устраивает: новое движение требует все большего погружения, проникновения в сферы над- и подсознательного. Именно в этом максимализме утвердился русский характер этой поэзии, в целом сориентированной на Запад. Для художника-символиста мир имеет смысл и ценность лишь по мере того, как он позволяет высветиться другой реальности. *A realibus ad realiora*, от мира реального к более реальному — таково определение символизма и его пути, данное его провозвестником Вячеславом Ивановым. Самым драгоценным символом, средством познания подлинного бытия в искусстве для символистов является слово. Таким образом, символизм создает философию сло-

ва, близкую магии, выявляя между словом и объектом реальные, а не условные связи. Теория символизма насыщена философским средневековым реализмом и философией магии, будучи эстетической лишь наполовину. Русский символизм вращается в мире религиозных символов, унаследованных из мифов народов всего мира. Индийские, олимпийские, вальгаллийские боги⁹ здесь встречаются с христианскими божественными именами. Но символизм отвергает всякую позитивную религию. Его привлекает лишь оккультизм, теософия, составляющая его основу, и позднее антропософия. Вячеслав Иванов, глава символистов, живет в мире орфических и дионисийских мистерий и культов античной Греции. Творчество Андрея Белого невозможно очертить в целом иначе как влиянием антропософии: вне ее оно остается недоступным для понимания. Блок, ученик Соловьева, чуждый всякому догматизму, пережил идею Вечной женственности в ее земных воплощениях и извращениях. Ни для кого из символистов Христос не представляет главной духовной реальности. Впрочем, о религиозности русских символистов можно говорить лишь условно. Они сами были склонны противопоставлять мистику и религию. Их двойственная концепция символа позволяла им не принимать во внимание ту пропасть, которая разделяет религиозный вымысел и религиозную реальность. Эту школу характеризуют главным образом расплывчатость выражений и отсутствие четкой направленности, что коренным образом отличает ее от других русских духовных течений, предельно ясных и искренних, почти до грубости.

Тем не менее историческое значение русских символистов невозможно переоценить. В их философии символа впервые в России возшли ростки мистической системы, вышедшей не просто из христианства, но из восточного православия.

* * *

Расцвет символизма совпал с волной революции 1905 года. В отличие от революции 1917 года, это революционное движение вовлекло русскую интеллигенцию. Немногочисленная группа мистиков и эстетов не могла остаться изолированной и пребывать чуждой социальному движению. В эту эпоху впервые в России произошла встреча между революцией, до этого атеистической, и мистикой, часто реакционной. Эта встреча привела к эфемерным образованиям мистического анархизма и христианского социализма. Однако в целом русское религиозное сознание придало революции апокалиптический смысл. Русский эсхатологизм, питающий нашу культуру изнутри, нашел новое горючее в социальном пожарище. Для личности революция стала чем-то вроде дионисийского культа, ворвавшегося в эстетическое восприятие мира.

Таким вырисовывается русский символизм, более-менее близкий Верхарну. Другим, еще неслышанным явлением в эволюции русской духовности стала устойчиво переживаемая проблема пола, выступившая на первый план сознания. Мистический эротизм и мистический апокалиптизм вносят смуту и помрачение в духовность этой выдающейся эпохи. Толстой для этого времени попросту перестает существовать, Владимир Соловьев — представляется заурядным. Лишь

Достоевский по-прежнему царит над умами. Поразительно то, что в России новую, идеалистически настроенную интеллигенцию, вдохновенную и социальной мыслью, порождает движение столь явно антидуховное, как марксизм, одновременно питающее русскую революцию. Именно из среды марксистов выходят учителя христианской философии и такие социальные мыслители, как С. Л. Франк и Г. П. Струве, Н. А. Бердяев и о. Сергей Булгаков. Действительно, марксизм содержит в себе формальную структуру догматической, почти религиозной системы, на смену которой приходит христианское содержание. Одни были прикованы к марксизму, ибо крушение буржуазного мира казалось им в его свете неизбежным и являлось им подобно христианскому Апокалипсису. Другие были привлечены коллективизмом, который превращался для них в церковную теорию, воспринятую как *corpus christianum* (тело Христово). И даже экономический материализм сыграл некую положительную роль в борьбе против абстрактного идеализма, которая велась во имя христианского оправдания плоти и для придания конкретной реальности церковным таинствам. Одним словом, марксизм способствовал движению православного обновления в лоне Церкви.

Мистика и революция впервые встретились лицом к лицу с представителями Церкви накануне первой революции в рамках Религиозно-философского общества, основанного Дмитрием Мережковским. Эта встреча имела непреходящее значение в формировании новых, собственно православных духовных течений. Идет ли речь о преемственности этих течений с эстетикой символистов или с социалистическими, марксистскими или революционными учениями, различные корни этих христианских тенденций продолжают придавать им окраску вплоть до сегодняшнего дня, и даже тем из них, которые осудили собственное прошлое. Это различие истоков наиболее ощутимо в разном отношении к идее тела социального и тела церковного.

* * *

Несколько имен позволят лучше проследить движение русской мысли на пути к религиозному обновлению. К 1905–1907 годам влияние Мережковского достигло апогея. Несмотря на то что его главной задачей было объединение социальной и религиозной мысли, лучше всего его можно определить по тем связям, которые изначально объединяют его с художественными течениями. Прежде чем стать апостолом «нового религиозного сознания», Мережковский был поэтом и писателем. Его подлинной темой была и остается религиозная философия истории. История представлялась ему диалектической битвой Христа и Антихриста в форме непрестанной борьбы двух истин — язычества и христианства. За последние годы эта антиномия у него постепенно ослабляется, поскольку религиозное язычество представляется ему Ветхим Заветом или же христианством, предшествующим Христу. Тем не менее Новый Завет еще не утоляет его религиозной жажды полноты. В будущем ему видится новая эра Третьего Завета, Завета Духа. Однако нужно отметить, что с большевистской революцией эсхатологизм Мережковского становится все более пессимистичным — это Апокалипсис, распад нашей культуры и нашей

ветхой земли. С другой стороны, важно то, что для поколения Мережковского существенной является проблема пола, которая все более занимает умы, в то время как Церковь не представляет собой самостоятельной религиозной ценности.

* * *

Гений Розанова вследствие поразительного безразличия по отношению к социальной жизни долгое время оставался в лагере реакции. Будучи учеником Достоевского, Розанов сохранил независимость в выборе собственного духовного пути. Он жил вне настроений интеллигенции, презирая всякую идеологию, однако при этом оказывая влияние на многих. Он был одержим идеей пола. Она была для него предметом религиозного почитания, в ее глубинах он находил необозримые сокровища и боролся с аскезой, умаляющей жизненную силу. Но жизнь пола ценна для Розанова не из-за своей сложности или утонченности, но в качестве примитивной силы, вне какой бы то ни было психологии. Это позволило ему избежать какого бы то ни было извращения и сблизило с религиозным натурализмом семьи и рода. С другой стороны, именно это сделало его врагом христианства, по отношению к которому Розанов сохранял двойственное отношение. Розанов жил в Ветхом Завете Израиля и в сексуальном родовом язычестве, не делая между ними разницы. В области эстетической и нравственной он был тесно связан с Церковью, почитая ее историческое тело, однако он порвал с Христом и с Евангелием. Христос воплощает для него Темный Лик, который придал горечь миру. Но жалость Христа и тепло материнского чувства, передаваемое Церковью, неумолимо влекли его. Он скончался в 1919 году неподалеку от Москвы от голода и лишений.

* * *

Мережковский и Розанов более всего пробудили в широкой среде интеллектуалов интерес к проблемам религии и христианства. Но их личное отношение к Церкви гораздо сложнее. Во всяком случае, они не считали себя (как не считали их другие) христианскими философами и богословами. В достаточно многочисленной группе философов, пришедших от идеализма к православию и связанных так или иначе с традицией Соловьева (братья Трубецкие, Н.А. Лосский, С.Л. Франк, П.И. Новгородцев), стоит особенно выделить Н.А. Бердяева. Вдохновленный Соловьевым и западной философией, он создал оригинальную религиозную философию, совершенно нетипичную для русского религиозного сознания. В частности, его учение вписывается в традицию немецкого мистицизма, и он сам признает свое родство с Яковом Беме. Несмотря на то что он защищает мистическое христианство Востока, противопоставляя его Западу, именно благодаря ему, как и Соловьеву, некоторые западные идеи проникли в Россию, в частности связанные с религиозной антропологией, свободой и человеческим творчеством. В центре бердяевской системы — не космос, а человек. Утверждаемая им свобода объемлет не только человека по отношению к окружающей природе, но и утверждает его свободу в отношениях с Богом. Смысл человеческой жизни

заключается в творчестве, то есть в завершении божественного творения. Однако в творчестве Бердяева завораживает действие, а не результат. Он выступает противником всякого завершенного, классического творения, именно поэтому он чает культурного апокалипсиса. Лишь теургия, то есть творчество самой жизни, может удовлетворить его. Тем самым философия отождествляется с постоянным духовным взрывом, малоблагоприятным для культурного творчества посредством делания.

* * *

С Павлом Флоренским и Сергием Булгаковым мы проникаем в сферу чистого богословия, не связанного с культурными вопросами в широком смысле. Будучи священниками, они первые ввели в Церковь символы новой мистической философии для создания догматической системы, основав в лоне православия новую богословскую школу. Для этого они отказываются от схоластического прошлого и возвращаются к мистической византийской традиции. Однако они следуют ей не путями созерцательной мистики, но посредством мистики таинств. Центром их богословия становится Церковь как сакраментальная жизнь. Оба принимают соловьевскую Софию, самую тяжелую часть его наследия, но выводят из него элементы гностического Эроса. София становится для них, в особенности для Булгакова, всеобъемлющим понятием, соединяющим собой божественный и сотворенный мир. Для них она означает одновременно божественную жизнь, мир вечных идей в платоновском смысле и первосотворенную природу. Но главным образом она — Церковь, конкретно воплощающаяся в Богоматери. Так понятая София становится основой философии культуры и определяет главным образом художественное творчество. Культура понимается как внехрамовая литургия. Цель культуры — всецело ввести жизнь под купол храма Софии, Премудрости Божией.

Показательно, что в концепциях этих новых православных богословов фактически не находится места для Христа. София или Церковь поглощает, не исключая Христа в религиозном сознании.

Отметим, однако, что Флоренский и Булгаков очень различны. Своими многочисленными дарованиями, равно как своим универсализмом, Флоренский являет собой, несомненно, наиболее значительное явление русской культуры. Математик-эрудит, инженер, электрик, филолог, эстетик, знаток искусств, философ и богослов, он равным образом силен во всех областях, в каждой — на ее глубине, и всюду он открывает новые пути. Будучи учеником Розанова, он сохраняет отпечаток эстетического модернизма. Его главный, сильнейший по силе выразительности богословский труд, озаглавленный *Столы и утверждение истины*, написан в форме писем к другу. Но модернизм Флоренского проявляется не только в его рафинированном барочном стиле. Его религиозное мироощущение облачено темным, ночным характером. Флоренский основывает свою систему на опыте прикосновения к аду и демоническим силам. У него чувствуется глубоко сокрытый магический оккультизм, который превращается в литургическую магию Церкви

и угрожает разрушением человеческой свободы. Флоренский отрицает идеи Хомякова и славянофильскую концепцию свободной и социальной Церкви.

Булгаков — экономист, философ, ставший в настоящее время богословом, напротив, придерживается хомяковского наследия. Своим прошлым он связан не с модернистскими течениями, но, посредством марксизма, с социальной традицией русской интеллигенции. Превзойдя ее, он не отрицает свободы и смотрит в будущее. Он ищет новые творческие пути для православной культуры и мало склонен к прекрасному эстетическому реакционизму. Но его богословие также зиждется на экклезиологии.

* * *

Перед наступлением войны победа нового религиозного движения (и, внутри него, победа православия над другими течениями) казалась уже завершенной. Следы позитивизма, которые еще напоминали о себе в среде политиков и журналистов, уже никак не влияли на интеллектуальную элиту. Почти все известные философы, даже профессора университетов, включались в разные тенденции православной мысли. Конечно, предстоял еще длинный путь до охристовления науки и литературы, но главные стратегические пункты и позиции были выиграны. Во всяком случае, антидуховный чистый идеализм быстро исчезал. Среди внеправославных течений удерживалась только антропософия, благодаря Андрею Белому. Тем не менее даже в час триумфа в глубине этого движения можно было различить червоточинку и первые знаки его угасания.

На мой взгляд, причина этому — имморализм, то есть безразличие к этическим вопросам, и затемнение образа Христа. В Церковь проникали через врата эстетизма или спекулятивного размышления, а не в поисках Христа. Такое смещение, роковое для всякого христианского движения (которое можно также наблюдать во французском католицизме), должно быть рассмотрено не просто как отклонение по отношению ко всему христианскому XIX столетию в России, но как отклонение в целом от религиозного мироощущения и богословской традиции этой страны. Так разверзлась новая пропасть между православием интеллигенции и народа.

Реакция против этого религиозного движения обнаружилась в первую очередь в литературе. К 1910 году символизм пришел в упадок. Однако не появилось и христианское реалистическое искусство. Поэты и писатели после долгого пребывания в духовной теплице чаяли заново найти в реализме возвращение к открытой и свободной земле. Наконец, сама искренность символизма была поставлена под вопрос. В истинности жизни искали то, чего не дало чисто словесное преобразование мира. Рождение футуризма в поэзии, появление Маяковского в период реалистической реакции стали прямым указанием на приближающуюся вселенскую катастрофу.

Тем не менее катастрофа была неожиданной и внутренне неоправданной, во всяком случае, большей частью. Ничто не указывало на скорый конец величе-

ственного русского возрождения. Россия еще никогда не переживала столь цветущей, культурно насыщенной жизни, как в этот период последней декады перед началом войны. Социальная основа этой блестящей культуры была слишком ограничена, слишком узка, став причиной ее гибели.

Большевизму удалось с корнем вырвать всю духовную русскую культуру и создавать творчество на базе марксизма, уродливое с точки зрения как научной, так и художественной. Отныне в России были запрещены все книги духовного содержания, все философские или историко-социальные произведения идеалистического характера. Однако самое чудовищное заключается не в правительственной цензуре. Сам новый класс демократии, только что вошедший в жизнь и создающий свою литературу, порвал с идеалистической традицией. Советская литература, где отражаются самые разные народные течения, не проявляет никакой, даже скрытой, религиозной склонности. Новая Россия источает животную алчность жизни и превосходство технического творчества.

На ее глазах малая горстка людей страдает и умирает за веру. Русская церковь вновь переживает времена мучеников. В катакомбах, в которых ей приходится существовать, ей ни к чему прекрасное наследие русской культуры. Церковь возвращена к святому примитивизму рождающегося христианства. Возрастающее баптистское сектанство еще более заостряет этот примитивизм народного религиозного сознания. Это месть Толстого из могилы. Молодые церковные интеллектуалы в России как в изгнании, привлечены аскетическим и мистическим идеалом святости. Это реакция против имморализма отцов. Бездна между поколениями, как никогда, глубока.

В России потеряна не религия, а религиозная культура, возрождение которой я попытался схематично представить. Новые миссионеры нового средневековья идут проповедовать языческим варварам. Чем они вдохновятся, что возьмут они из русского античного наследия, тяжелого и зачастую сомнительного? Кто может это предсказать?

Но прошлое не вернется. Мы можем подвести итог.

Запад часто и несправедливо относится к бывшей России как к варварской, хотя и одаренной всеми талантами стране. Мы, лучше зная ее, видим в ней страну богатой, утонченной, но и вымирающей культуры. И даже если России не суждено воскреснуть, даже если русский язык исчезнет, мы осмеливаемся сказать: «Не важно, что последнее русское слово не разрешило всех противоречий. Россия достаточно дала миру, чтоб оправдать свое существование».

¹ Выступление на Франко-русской студии (Париж, 1931). Опубл.: *Le renouveau spirituel en France et en Russie // Le Studio Franco-Russe. 1929–1931 / textes réunis et présentés par L. Livak; sous la rédaction de G. Tassis. Toronto: Toronto Slavic Library, 2005. P. 542–554.*

² Иоаганн Адам Мёлер (Möhler; 1796–1838, Мюнхен) — немецкий историк и католический богослов, один из крупнейших представителей тюрингенской богословской школы. Его творчество в трудах русских богословов часто рассматривалось как предтеча экуменического творчества и обновления экклезиологии (см., в частности, «Пути русского богословия» о. Георгия Флоровского).

³ Аллюзия на произведения Шарля Бодлера, Артюра Рембо, Жориса Карла Гюисманса, параллельно рассматриваемых в докладе Станисласа Фюме «Духовное обновление во Франции».

⁴ Фома Аквинский (Thomas Aquinas; 1225, Аквино — 1274, Рим) — основатель томизма, сформулировавший пять доказательств бытия Бога. С 1879 г. признан самым авторитетным католическим мыслителем и богословом, связывающим христианское вероучение с философией Аристотеля.

⁵ См., в частности, поэму «Три свидания» (Москва — Лондон — Египет, 1862–1875–1876) в [Соловьев 1969, с. 80–86].

⁶ Яков Бёме (Böhme; 1575–1624) — провидец, теософ, родоначальник западной софиологии, учения о Премудрости Божией. Начиная с 70-х гг. XVIII в. идеи Бёме пользуются широкой популярностью в России; русские мистики XIX в. считали его одним из Ангелов, описанных в Апокалипсисе.

⁷ Франц Ксавер фон Баадер (Baader; 1765–1841) — немецкий философ-идеалист. Используя идеи каббалы, Сен-Мартена, отчасти Бёме, развил теософскую систему в духе немецких романтиков, в которой изложил учение о полной зависимости бытия человека и человеческой истории от бытия Бога и поэтому знания — от веры.

⁸ Группа французских поэтов (фр. Parnassiens, от Parnasse), объединившихся вокруг Теофиля Готье и противопоставивших свое творчество поэзии и поэтике романтизма.

⁹ Согласно скандинавской мифологии это воины, павшие в бою и обитающие отныне в чертоге Вальгалла, ставшие приемными детьми бога Одина.

В.И. де Фариа э Кастро

ВОСПОМИНАНИЯ

(1917–1920 гг.)

*Публикация, вступительная статья, подготовка текста
и комментарии М.М. Горинова-мл.*

25 декабря 1975 г. в парижской газете «Русская мысль» было опубликовано «Обращение к русским эмигрантам, старшим революции» нобелевского лауреата писателя Александра Исаевича Солженицына (1918–2008) с просьбой прислать документальные свидетельства о революциях 1917 г. и Гражданской войне. Особенно его интересовали «частные воспоминания» о событиях 1917–1922 гг. «живых современников той бурной поры» — не известных политиков, генералов и ученых, а простых людей. Именно к ним обращался писатель: «Очень прошу вас: совершите над собой <...> усилие для восстановления прошлого России. Напишите, кто сколько в силах и знает, — 2 страницы или 100. Дорог всякий человеческий материал — и даже тем более, чем дальше он от великих событий, а ближе к простой жизни. <...> Это может быть последовательная ваша биография. Или отдельные эпизоды из нее...» [Солженицын 1975, с. 2].

Одним из тех, кто сразу откликнулся на призыв, был Владимир Иосифович де Фариа э Кастро (de Faria e Castro; 1907–1992), преподаватель Майнцского университета, представитель известной дворянской семьи де Фариа э Кастро. Он прислал А.И. Солженицыну две страницы воспоминаний о своих детских годах (пришедшихся на Февральскую и Октябрьскую революции и Гражданскую войну на Дону), которые и публикуются к 100-летию революционных событий в России 1917 г.

В настоящее время этот небольшой текст хранится в архиве Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына, в фонде Всероссийской мемуарной библиотеки¹. Его уникальность состоит в том, что драматические события 1917–1920 гг. представлены в необычном ракурсе — глазами ребенка. В 1917 г. Владимиру де Фариа э Кастро исполнилось только десять лет! В своих воспоминаниях он рассказывает о событиях Февральской революции в Гатчине, подготовке выступления генерала Л.Г. Корнилова в августе 1917 г., Гражданской войне в Новочеркасске, о жизни в этом городе при «красной» и «белой» власти, новороссийской эвакуации из России. Это бесхитрое повествование мальчика о событиях, свидетелем которых он являлся и которые особенно волновали его. Здесь нет анализа, прямых оценок событий, но есть их эмоциональное восприятие. К примеру, когда в зале Николаевского вокзала Петрограда «развалившиеся, руки в карманах» солдаты не отдали честь осанистому седому генералу — при-

¹ Де Фариа э Кастро В.И. Впечатления мальчика десяти — тринадцати лет // Архив ДРЗ. Ф. 1. Е-129. Л. 1–2.

мета нового времени, это сильно потрясло ребенка и произвело на него «тяжелое впечатление»². Владимир болезненно ощущал изменение в образе жизни, еще недавно благополучном, своей семьи. Правление в Новочеркасске большевиков ассоциируется у него с похоронными процессиями, пустыми улицами, многочисленными обысками. Особенно интересны описания наблюдательным мальчиком хода эвакуации белогвардейцев из Ростова-на-Дону и Новороссийска: «Никогда не забуду этот на протяжении двух дней бесконечный едущий хвост бегущих от большевиков»³.

Воспоминания Владимира Иосифовича де Фариа э Кастро дают представление о том, как мыслили, чувствовали, ощущали себя дети в эпоху революционных потрясений. Такого рода свидетельства ценны тем, что достаточно редки⁴ и позволяют восполнить имеющийся пробел. Публикуемые странички — лишь часть записок-воспоминаний Владимира Иосифовича о детских годах, написанных на немецком языке. Перевод на русский язык отправленных А.И. Солженицыну в конце 1975 г. страниц автор мемуаров выполнил сам.

Полный текст записок находится в личном архиве племянника Владимира Иосифовича, юриста и предпринимателя из Висбадена (Германия), доктора Александра Александровича де Фариа э Кастро, с 2003 г. президента Общества гессенско-русского межкультурного обмена и гуманитарной помощи — ГЕРУС (HERUS e.V.) [Вершевская, Сперанская 2008, с. 62]. Он постоянно вносит огромный личный вклад в сохранение памяти о российской эмиграции в Европе. В Висбадене Александр Александрович в течение многих лет поддерживает знаменитый православный храм Святой Елизаветы на горе Нероберг и русское кладбище при нем.

Семейный архив был сформирован еще его отцом Александром Иосифовичем де Фариа э Кастро (1910–1993), тосковавшим в эмиграции по утраченному привычному кругу общения, по родственникам и друзьям, жившим когда-то по соседству и разбросанным позже по всему миру. Среди материалов этого уникального архива — старинные портреты, картины, фотографии, награды, книги, письма⁵. Кроме того, в нем хранится составленная Александром Иосифовичем в 1976–1980 гг. «Генеалогия и история семьи де Фариа э Кастро с 33 красочными гербами, а также 2 картами и 10 монохромными изображениями»⁶ — около трехсот страниц семейной хроники, написанных каллиграфическим почерком; записи на немецком, французском, португальском, испанском и русском языках [Там же,

² Там же. Л. 1.

³ Там же. Л. 2.

⁴ Можно назвать лишь подготовленное в 1997 г. Л.И. Петрушевой издание «Дети русской эмиграции. Книга, которую мечтали и не смогли издать изгнанники» (М.: Терра, 1997), куда вошли сочинения детей русских беженцев, учащихся русских гимназий за границей, написанные в 1923–1924 гг. на тему «Мои воспоминания с 1917 г. и до поступления в гимназию». В этих работах они поведали о своих впечатлениях о Февральской и Октябрьской революциях, о Гражданской войне и эмиграции.

⁵ Часть этого архива недавно передана А.А. де Фариа э Кастро в Дом русского зарубежья и хранится ныне в составе его фондов.

⁶ Genealogie und Geschichte der Familie de Faria e Castro mit 33 bunten Wappenabbildungen, sowie 2 Karten und 10 einfarbigen Bildern, zusammengestellt und bearbeitet von Alexander de Faria e Castro.

с. 62, 71]. В конце 2016 г. доктор А.А. де Фариа э Кастро любезно предоставил нам часть этой «Генеалогии...» и статьи по истории своей семьи.

В составе «Генеалогии...» содержится и основная часть записок-воспоминаний Владимира Иосифовича де Фариа э Кастро, написанных на немецком языке: «Из воспоминаний юности» Владимира де Фариа э Кастро. Наша семья» и «Замок и имение Рауданы»⁷. Как следует из «Генеалогии...», Владимир Иосифович происходил из старинного знатного португальского рода, восходящего ко временам римского владычества и получившего в середине XIV в. имя де Фариа по названию средневекового замка. Комендант этого замка Нуно Гонсалвеш (Gonçalves) во время вылазки против осаждавших укрепление кастильцев попал в плен. Подведя пленника к стене замка, гарнизоном которого остался командовать его сын, враги потребовали капитуляции. Нуно приказал сыну не сдаваться и тут же был убит на его глазах. За геройский поступок португальский король Фердинанд I (1345–1383) разрешил всем потомкам Нуно Гонсалвеша носить фамилию де Фариа и пожаловал им герб, изображающий серебряный замок на кровавом фоне, окруженный пятью лилиями [Genealogie 1976–1980, S. 18–19]. Впоследствии семейство де Фариа породнилось с одним из самых древних родов Испании — э Кастро. Кроме того, оно связано тесными родственными узами со знатными аристократическими фамилиями России: Зубовыми, Шереметьевыми, Тимашевыми, Розенами, Чертковыми и многими другими.

Владимир Иосифович появился на свет 16 января 1907 г. в родовом имении де Фариа э Кастро Рауданы (ныне Литва)⁸. Его отец Иосиф Карлович де Фариа э Кастро (1876–1947) был прямым потомком Нуно Гонсалвеша. Мать Ольга Викторовна (1884–1950) также принадлежала к родовитой семье — она была дочерью дворянина царства Польского Виктора Игнатьевича Кордашевского (1840–1916) и баронессы Ольги Юльевны Розен (1851–1940). У Иосифа Карловича и Ольги Викторовны было трое детей: сыновья Николай (1905–1964), Владимир (1907–1992) и Александр (1910–1993).

С имением Рауданы связана жизнь нескольких поколений предков Владимира де Фариа э Кастро. Оно находится на территории современной Литвы, в 60 километрах от Каунаса, в живописной местности на правом берегу Немана. В XIV в. рыцарями Тевтонского ордена здесь был построен большой замок, названный Рауданы, что по-литовски значит «красный», поскольку он был сложен из красного кирпича. В начале XIX в. этот замок купил князь Платон Александрович Зубов (1767–1822), последний фаворит императрицы Екатерины II (1729–1796) — прапрапрадед Владимира Иосифовича по отцовской линии. Рауданы он отдал в приданое за своей внебрачной дочерью Софией (1800–1880), вышедшей в 1816 г. замуж за офицера

⁷ Auszüge aus den «Jugenderinnerungen» von Wladimir de Faria e Castro. Unsere familie // Genealogie und Geschichte der Familie de Faria e Castro. S. 16a–30a; Schloß und Gut Raudany // Ibid. S. 32a–36a. Выражаю глубокую признательность за перевод этих записок-воспоминаний на русский язык моему другу Вадиму Вадимовичу Трухачеву, к.и.н., старшему преподавателю кафедры зарубежного регионоведения и внешней политики ИАИ РГГУ.

⁸ Данная информация сообщена Дмитрием Николаевичем де Фариа э Кастро, племянником Владимира Иосифовича, сыном его брата Николая Иосифовича.

Слева направо: мальчики Николай, Александр и Владимир де Фариа э Кастро. Все фотографии хранятся в архиве Дмитрия Николаевича де Фариа э Кастро (г. Фрибур, Швейцария)

лейб-гвардии Преображенского полка, участника Отечественной войны 1812 г. барона Карла Карловича Пирха (1788–1822) [Вершевская, Сперанская 2008, с. 65].

София Платоновна занимала важное положение в обществе: губернаторы и местные чиновники считали своим долгом нанести визит влиятельной помещице, имевшей связи в Петербурге. Всеми делами обширного имения она распорядилась сама, разъезжая в большой карете на четверике или шестерике с форейтором [Genealogie 1976–1980, S. 19a]. После кончины Софии Платоновны Рауданы перешли к ее дочери — Софье Карловне Пирх (1818–1894)⁹, муж которой Лев Николаевич Ваксель (1811–1885) был прямым потомком Свена Вакселя (1701–1762), шведа по происхождению, соратника мореплавателя Витуса Беринга (1681–1741), участника Второй Камчатской экспедиции 1741 г.¹⁰ Страстный любитель и тонкий знаток охоты, он получил известность как автор «Карманной книги для начинающих охотиться с ружьем и легавой собакой» (СПб., 1856), высоко оцененной пи-

⁹ Барон Карл Пирх происходил из старинного прусского дворянского рода. София Платоновна родила от него двух дочерей: Софью и Ольгу (1819–1870). Ольга Карловна вышла замуж за Николая Петровича Хрущева (1807–1881), командира лейб-гвардии Кирасирского ее величества полка, шталмейстера высочайшего двора. Их дочь Ольга Николаевна вышла замуж в Германии за прусского офицера, представителя рода Холтофф фон Фасман. Хрущевы и Холтоффы поддерживали контакты с семьей де Фариа э Кастро на протяжении всего XX в. Один из внуков Ольги Николаевны — Вилли Холтофф фон Фасман — входил в руководство Берлинской государственной оперы перед началом Второй мировой войны. Другой внук — Алекс — был арестован как участник покушения на Адольфа Гитлера 20 июля 1944 г. и приговорен к смертной казни, но освобожден советскими войсками до вступления приговора в силу. Скончался в Потсдаме в 1966 г. [Genealogie 1976–1980, S. 18a].

¹⁰ Именем Вакселя названы два мыса — в море Лаптевых и на Командорских островах.

сателями-охотниками С.Т. Аксаковым (1791–1859), И.С. Тургеневым (1818–1883) и Н.А. Некрасовым (1821–1877) [Вершевская, Сперанская 2008, с. 66].

Старшая дочь Льва Вакселя Софья Львовна (1835–1887), бабушка Владимира Иосифовича де Фариа э Кастро, стала супругой известного португальского писателя-публициста Жозе Карлоса де Фариа э Кастро (1835–1910). Он занимался литературным трудом в португальских периодических изданиях и принимал участие в политической деятельности, примкнув к партии прогрессистов (либералов). В 1868 г. португальский король Людовик I (1838–1889) пожаловал ему придворное звание благородного кавалера королевского дома и назначил шталмейстером двора [Genealogie 1976–1980, S. 59–60]. За литературную деятельность и заслуги перед Королевским географическим обществом он был удостоен высшего знака отличия — ордена Христа [Grande Enciclopédia 1936–1960, Vol. X, p. 928].

Интерес к литературе и искусству сблизил Жозе Карлоса с Платоном Львовичем Вакселем (1844–1918), сыном Льва Вакселя. Попав на Мадейру в 1862 г., молодой русский дворянин знакомил португальцев с русской литературой и музыкой. По его приглашению Жозе Карлос отправился в 1870 г. в Россию, где влюбился в сестру Платона Вакселя Софью, жившую в Рауданах. Там в 1872 г. состоялась их свадьба. Через четыре года, 23 сентября 1876 г., у супругов родился сын Иосиф. Португалец переселился в Россию, но не терял связи с родиной: продолжал литературные занятия, помещая в португальских газетах и журналах свои статьи на политические, исторические и религиозные темы [Genealogie 1976–1980, S. 60–62; Вершевская, Сперанская 2008, с. 63–64]¹¹.

Мать Иосифа Софья Львовна не отличалась крепким здоровьем и скончалась в 1887 г., когда ребенку было десять лет. Мальчик остался на попечении отца, не знавшего даже русского языка. Непосредственное участие в его воспитании приняли братья матери Александр (1839–1907) и Платон Львовичи. Они содействовали принятию племянника в Императорский Александровский лицей в Петербурге. Для поступления в это привилегированное учебное заведение требовалось иметь рекомендации влиятельных лиц, каковыми и являлись дядюшки Иосифа. Александр Львович занимал должность директора Императорского Воспитательного дома и был женат на Прасковье Алексеевне Львовой (1844–1920), дочери генерала Алексея Федоровича Львова (1798–1870), директора Придворной певческой капеллы, автора музыки гимна «Боже, царя храни!»¹². Платон Львович служил директором канцелярии Министерства иностранных дел [Вершевская, Сперанская 2008, с. 66–67].

После окончания Александровского лицея в 1897 г. Иосиф Карлович де Фариа э Кастро состоял на службе в канцелярии Государственного совета под руководством князя Д.П. Голицына (Муравлина) (1860–1928) [Genealogie 1976–1980, S. 49]. Кроме того, он являлся почетным членом Петербургского совета детских

¹¹ Жозе Карлос скончался в Рауданах в возрасте 75 лет и был похоронен на местном католическом кладбище.

¹² Потомки Александра Львовича проживают в США и Канаде. Один из его внуков в 1970-е гг. был председателем литовской общины в Нью-Йорке.

приютов Ведомства учреждений императрицы Марии¹³. Весной 1903 г. Иосиф Карлович был назначен почетным мировым судьей Ковенского судебно-мирового округа. 26 октября того же года он женился на Ольге Викторовне Кордашевской, дочери генерал-лейтенанта В.И. Кордашевского и баронессы О.Ю. Розен [Ibid., S. 50].

Виктор Игнатьевич Кордашевский посвятил свою жизнь военной службе. По окончании столичного Павловского кадетского корпуса он служил во Владимирском и Могилевском пехотных полках, а с 1870 г. командовал 1-м и 2-м эскадронами 3-го драгунского Военного ордена Е.И.В. великого князя Михаила Николаевича полка. Прошел всю русско-турецкую войну 1877–1878 гг. Принимал участие во многих сложных боевых операциях, в том числе в кровопролитном сражении при освобождении болгарского города Елена в ноябре 1877 г., в переходе через Балканы и занятии городов Сливно и Ямбол в январе 1878 г. За проявленное мужество Кордашевский был награжден орденом Св. Владимира 4-й степени с мечами и бантом¹⁴ — одним из высших офицерских отличий того времени.

В 1880 г. Виктор Игнатьевич был переведен в лейб-гвардии Кирасирский его величества полк, а в 1881–1890 гг. командовал эскадронам юнкеров петербургского Николаевского кавалерийского училища. За девять лет он подготовил к воинскому служению более тысячи офицеров¹⁵. В.И. Кордашевский слыл лихим кавалеристом. Внук генерала Александр Иосифович вспоминал: «Особенно славились его стремительные заезды на парадах, перед государем, когда он вел за собой Кавалерийскую школу. Он с шага бросал своего коня в карьер, круто делал заезд и как вкопанный останавливался перед государем — прямо с карьера» [Вершевская, Сперанская 2008, с. 71]. А Владимир Иосифович слышал рассказ своей бабушки о том, как она любила из Зимнего дворца наблюдать за майским парадом. Эскадрон Николаевского кавалерийского училища шел первым, во главе на соловом коне — Кордашевский. Поскольку дед Владимира был видным и красивым мужчиной, его сразу же все замечали. Однажды бабушка, стоя у окна, услышала, как кто-то из дам сказал: «Кордашевский подъехал, так что самое красивое в параде позади!» [Genealogie 1976–1980, S. 26a]

С 1890 г. Виктор Игнатьевич состоял чиновником особых поручений VI класса при Главном управлении военно-учебных заведений, с 1896 г. — командиром 2-й кавалерийской бригады 2-й кавалерийской дивизии, а в 1901 г. вышел на пенсию¹⁶. Летние месяцы он обычно проводил в имении Орвистово Ковенской губернии, принадлежавшем его супруге. Гостеприимный орвистовский дом постоянно посещался местным обществом. Особенно близкие отношения были с соседями по имени Столыпинами. В бытность Петра Аркадьевича Столыпина (1862–1911),

¹³ ЦГИА СПб. Ф. 411. Оп. 3. Д. 3797. Личное дело И.К. Фариа э Кастро. 1903 г.

¹⁴ РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 132361/1-9. Л. 87–89 об., 94–95. Послужной список В.И. Кордашевского. 1901 г.

¹⁵ Там же. Л. 90; Ф. 400. Оп. 17. Д. 28009. Л. 1 об. О назначении пенсии семье генерал-лейтенанта В.И. Кордашевского. 1916 г.

¹⁶ Там же. Оп. 1. Д. 132361/1-9. Л. 90 об., 91.

будущего премьер-министра, ковенским уездным предводителем дворянства именно на устроенном им в 1902 г. рауте для ковенского дворянства Ольга Викторовна Кордашевская познакомилась с Иосифом Карловичем де Фариа э Кастро. В следующем 1903 г. она вышла за него замуж [Genealogie 1976–1980, S. 55].

Иосиф Карлович переселился в Рауданы, где принялся за исполнение обязанностей почетного мирового судьи¹⁷. В свободное от работы время он активно занимался обустройством имения — к этой деятельности И.К. де Фариа э Кастро готовился заранее: еще в Петербурге вечерами после службы отец Владимира посещал лекции профессора В.В. Докучаева (1846–1903), основоположника русского почвоведения. К 1910 г. в хозяйстве Раудан наметился прогресс: были собраны хорошие урожаи, устроена сыроварня. Доходы имения существенно возросли [Ibid., S. 49–50].

В Рауданах родились двое старших сыновей Иосифа Карловича — Николай и Владимир. Многие страницы записок Владимира Иосифовича связаны с воспоминаниями детских лет, с этим имением, где семья проживала с ранней весны до поздней осени: «Мой отец <...> владел двумя колесными пароходами, на которых мы, как владельцы, при поездках в город имели право стоять на капитанском мостике и наблюдать за маневрированием, а иногда нам капитан разрешал даже крутить руль. От причала до замка было около десяти минут езды по заливным лугам, а потом дорога шла круто в гору, полностью заросшую жасминовыми кустами. Так что мои первые впечатления о Рауданах связаны с запахом жасмина» [Ibid., S. 32a–33a].

Неподалеку от Раудан находилось уже упомянутое имение Кордашевских Орвистово, где также часто бывали дети. Владимиру особенно запомнилось, как однажды к ним на чай приехал сосед по имени П.А. Столыпин и мальчикам дали проехаться с ним на машине [Ibid., S. 33a].

На зимние месяцы Иосиф Карлович переезжал с семьей в Гатчину, где у отца его жены Виктора Игнатьевича Кордашевского была собственная квартира. Там в 1910 г. родился младший брат Владимира Иосифовича Александр. Владимир вспоминал, что в числе привилегированных семей им было разрешено гулять с гувернанткой в гатчинском «царском парке», и иногда мальчики де Фариа э Кастро играли вместе с маленьким сыном великого князя Михаила Александровича Романова (1878–1918) Георгием (1910–1931) [Вершевская, Сперанская 2008, с. 68].

Когда в августе 1914 г. началась Первая мировая война, Иосиф Карлович получил должность предводителя дворянства Ковенского уезда. Ольга Викторовна с детьми переехала в Гатчину, где устроилась у своих родителей. Она была выбрана попечительницей небольшого городского лазарета и ухаживала там за ранеными. Ее сестра Елена Викторовна (1884–1976) работала в лазарете лейб-гвардии Кирасирского ее величества государыни императрицы Марии Федоровны полка [Genealogie 1976–1980, S. 51, 56–57]¹⁸. А Иосиф Карлович погрузился в служ-

¹⁷ В 1904 г. он был назначен почетным мировым судьей, кроме Ковенского, также и Россиенского судебно-мирового округа. В 1908 г. произведен в коллежские советники.

¹⁸ В то время в этом полку служил брат Ольги и Елены Николай Викторович Кордашевский (1878–1945) («дядя Ника»). В 1915 г. он был произведен в полковники этого полка, в 1916 г. состоял в штате русского военного представителя при британской армии, в 1917 г. был военным атташе в Тегеране. В 1918–1919 гг.

бу, которая протекала в условиях военного времени в местности, примыкавшей непосредственно к фронту. Занимался мобилизацией, председательствовал в комиссиях по приему новобранцев, проводил эвакуацию населения. За проведенные мобилизации он был награжден орденом Св. Станислава 2-й степени [Ibid., S. 51–52].

Летом 1915 г., когда большая часть Ковенского уезда была занята немцами и русская армия отступала, Иосиф Карлович получил от командующего 12-й армией П.А. Плеве (1850–1916) назначение председателем реквизиционной комиссии для приема скота и имущества от беженцев. После взятия немцами ковенской крепости он во главе реквизиционного отряда отступал перед наступавшим противником, производя работу своей комиссии в различных пунктах по пути до Минска. Осенью 1915 г. Иосиф Карлович был назначен уполномоченным по устройству беженцев, а в середине 1916 г. — председателем оценочной комиссии Северного фронта, работавшей в Костроме [Ibid., S. 52–53].

Когда разразилась Февральская революция, И.К. де Фариа э Кастро находился со своей семьей в Гатчине. В октябре 1917 г. он с женой, ее сестрой, тремя детьми и тещей переехал в столицу донского казачества Новочеркасск, но и там его постигла Гражданская война¹⁹. Во время этой войны он служил в Управлении продовольствия Особого совещания при главнокомандующем ВСЮР, много раз ездил в командировки на Украину и на Кавказ. Ольга Викторовна несла всю тяжесть забот о большой семье при пошатнувшемся материальном положении и в тяжелых условиях Гражданской войны [Ibid., S. 53, 57].

В конце февраля 1920 г. семье пришлось эвакуироваться на пароходе «Константин» из Новороссийска через Константинополь и Салоники в Королевство сербов, хорватов и словенцев²⁰. Они обосновались в городе Крушевац²¹, но были там недолго. Осенью того же года они вернулись в Литву, ставшую в 1918 г. независимым государством. Обосновавшись в родном имении Рауданы, Иосиф Карлович занялся восстановлением хозяйства на том участке земли, который был оставлен после аграрной реформы, проведенной литовским правительством (около 100 га). Этим он занимался с 1921 по 1940 г., когда Литва была занята советскими войсками. В 1941 г. Иосиф Карлович с семьей переехал в Германию, в 1942 г. вернулся снова в Рауданы, но в 1944 г. был вынужден окончательно покинуть Литву и найти приют в деревне Платендорф вблизи Брауншвейга, где и

воевал в Белом движении на востоке России. В 1919–1920 гг. участвовал в сибирском Ледяном походе, затем служил у атамана Г.М. Семенова (1890–1946). В 1920 г. эмигрировал в Китай, жил в Харбине и Пекине. В 1923 г. проживал во Франции, где слушал лекции в Институте гармонического развития человека Г.И. Гурджиева в парижском пригороде Фонтенбло. В 1927–1928 гг. участвовал в Центрально-Азиатской экспедиции Н.К. Рериха (1874–1947). В 1928 г. стал священником «восточного обряда», служил в Тунисе и Египте. С 1934 г. проживал в Палестине, скончался в 1945 г. в Иерусалиме, будучи церковным сторожем. Экспедиционный дневник Н.В. Кордашевского хранится в музее Н.К. Рериха в Нью-Йорке [Genealogie 1976–1980, S. 29a–30a; Волков 2012, с. 529].

¹⁹ *Де Фариа э Кастро В.О.* Впечатления мальчика десяти — тринадцати лет // Архив ДРЗ. Ф. 1. Е-129. Л. 1.

²⁰ Там же. Л. 2.

²¹ ГА РФ. Ф. 5982. Оп. 1. Д. 177. Л. 60, 66.

*Семья де Фариа э Кастро после возвращения в Рауданы. 1921 г.
Сидят (слева направо): Ольга Юльевна Кордашевская, Александр,
Ольга Викторовна де Фариа э Кастро и ее сестра-близнец Елена.
Стоят: Владимир, Иосиф Карлович и Николай де Фариа э Кастро*

скончался 19 ноября 1947 г. Похоронен в г. Гифхорн вместе с супругой [Genealogie 1976–1980, S. 53, 57; Вершевская, Сперанская 2008, с. 68]²².

Судьба детей Иосифа Карловича сложилась по-разному. Старший сын — Николай Иосифович — получил профессию агронома и после 1945 г. эмигрировал в США. Работал на биохимическом предприятии Нью-Йорка и скончался 5 ноября 1964 г. Похоронен на кладбище Ново-Дивеевского женского монастыря (Спринг-Вэлли, штат Нью-Йорк). В 1939 г., еще в Литве, в Каунасе, у него родился сын Дмитрий. В настоящее время он живет в г. Фрибур на западе Швейцарии.

Владимир Иосифович, автор публикуемых воспоминаний, занимал должность преподавателя русского языка в Майнцском университете имени Иоганна Гутенберга. Умер в Майнце 18 января 1992 г., похоронен на городском кладбище. В Майнце живут и работают две его дочери: Екатерина (р. 1942) и Марина (р. 1948). Екатерина — доктор исторических наук, преподает в Майнцском университете; Марина — музыкант-виолончелист, музыковед, профессор музыки в том же учебном заведении.

Третий сын, Александр Иосифович, в начале 1950-х гг. переехал в Висбаден, где работал учителем русского языка в различных частных структурах²³. В этом городе он прожил до конца своих дней, скончался 23 октября 1993 г. и был похоронен на

²² Ольга Викторовна умерла 18 марта 1950 г. в той же деревне.

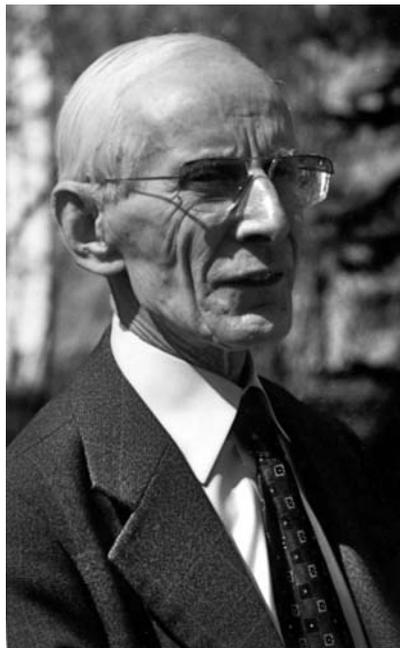
²³ Сведения сообщены Дмитрием Николаевичем де Фариа э Кастро.

русском кладбище рядом с русским православным храмом Святой Елизаветы на горе Нероберг.

Публикуемые нами странички воспоминаний Владимира Иосифовича де Фариа э Кастро, хранящиеся в фонде Всероссийской мемуарной библиотеки архива Дома русского зарубежья (Ф. 1. Д. Е-129), представляют собой ксерокопию машинописи. Оригинал хранится в личном архиве его племянника д-ра А.А. де Фариа э Кастро.

Текст публикуется в соответствии с современными правилами орфографии и пунктуации. Выдержаны современные принципы расстановки кавычек. В угловых скобках восстановлены недостающие по смыслу части слов. Сохранены авторские подчеркивания и деление документа на абзацы.

Выражаем глубокую признательность д-ру А.А. де Фариа э Кастро и Д.Н. де Фариа за консультации при подготовке публикации и предоставление материалов по истории семьи и фотографий, а также М.Ю. Сорокиной за идею настоящей публикации и М.А. Котенко за помощь в работе в архиве Дома русского зарубежья.

Владимир Иосифович де Фариа
э Кастро (1907–1992)

Источники и литература

Архив ДРЗ — Архив Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына
ГА РФ — Государственный архив Российской Федерации
РГВИА — Российский государственный военно-исторический архив
ЦГИА СПб. — Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга

Вершевская, Сперанская 2008 — *Вершевская М.В., Сперанская М.В.* Дворяне — все родня друг другу: Журнал «Свой» в гостях у доктора А.А. де Фариа э Кастро // *Свой: Междуна- р. информац. иллюстрир. журн.* / изд. Н.С. Михалков. 2008. № 3–4. С. 62–71.

Волков 2012 — *Волков С.В.* Генералы и штаб-офицеры русской армии: Опыт мартиролога: в 2 т. Т. 1. М.: ФИВ, 2012.

Солженицын 1975 — *Солженицын А.И.* Обращение к русским эмигрантам, старшим революции // *Русская мысль.* Париж, 1975. 25 дек. (№ 3083). С. 2.

Genealogie 1976–1980 — *Genealogie und Geschichte der Familie de Faria e Castro mit 33 bun- ten Wappenabbildungen, sowie 2 Karten und 10 einfarbigen Bildern, zusammengestellt und bearbeitet von Alexander de Faria e Castro.* 1976–1980. 282 S.

Grande Enciclopédia 1936–1960 — *Grande Enciclopédia Portuguesa e Brasileira. Ilustrada com cerca de 15.000 gravuras et 400 estampas a côres.* XL vols. Lisboa; Rio de Janeiro, 1936–1960.

Владимир Иосифович де Фариа э Кастро

ВПЕЧАТЛЕНИЯ МАЛЬЧИКА ДЕСЯТИ – ТРИНАДЦАТИ ЛЕТ
(род<ился> в январе 1907 года¹ в помещицъей офицерской семье)

Март 1917 г. Гатчина. Мы живем на перекрестке двух главных улиц². Воспоминаются манифестации — шествия с красными транспарантами с надписями: «Да здравствует свобода», военные парады или просто шествия, которые принимает начальство в лице молодого офицера (прапорщика?), верхом, перед государственным казначейством (против нашего дома)³. Всюду красный цвет: флаги, транспаранты, банты у солдат. Оркестры целые дни играют Марсельезу⁴.

Август 1917 г. В нашей квартире, в передней, где на стене наш телефон, расположились телефонисты (офицеры?), 2–3 человека, в течение двух-трех дней. Поддерживают связь — или устанавливают связь, — мы знаем, что готовится офицерское наступление на Петроград⁵.

В конце сентября наша семья (бабушка⁶, родители⁷, три брата⁸, гувернантка-француженка и няня) после горячих дискуссий с семьей, с которой в дружеских отношениях и которая хочет оставаться (и остается), уезжает на юг. До Петрограда вагон полон юнкеров, которые с нами весело разговаривают. При переезде с одного вокзала на другой бабушка, мама, брат и я заезжаем (в наемной карете) на несколько минут в Казанский собор. Уже стемнело, множество свечей отблескивает на платовском серебре, мы прикладываемся к иконам и мощам (рука) Иоанна Крестителя.

Вечером громадный зал первого класса Николаевского вокзала⁹ набит солдатами, которые сидят у столиков, развалившись, руки в карманах. В проходе между столиками идет осанистый генерал с белыми бакенбардами, с красным околышем, красными обшлагами на шинели. Ни один солдат не встал. Наш дедушка (ум<ер> в 1916 г.) был генерал¹⁰, и эта сцена производит на нас тяжелое впечатление.

Январь 1918 г. С октября месяца мы живем в Новочеркасске на главной улице (Московской). Днем слышны отдаленные пушечные выстрелы. Перед обедом обыкновенно проходит мимо нашего дома похоронная процессия¹¹. Издалека слышен уже погребальный марш Шопена или Бетховена¹². Хоронят убитых. Пять-шесть белых катафалков (наверное, все катафалки города), открытые гробы. И за последним катафалком идет (не помню, наверное, с фуражкой в руке) атаман Каледин¹³.

29 января Каледин застрелился¹⁴; всю мою жизнь у меня обычай: 29 января вспоминать об этом дне.

Февраль 1918 г. 11-го (?) мы стоим у окон в первом этаже дома на Соборной площади (на углу Платовского проспекта), где приютился Смольный институт, с директрисой которого (кн<ягиней> Голицыной)¹⁵ дружна наша семья. Вокруг нас институтки. Перед окнами происходит, на снегу, смотр пехотного полка¹⁶, пробравшегося накануне в Новочеркасск с немецкого (?) фронта. Ряды обходят полк<овник> Назаров¹⁷, новый атаман¹⁸, и полк<овник> Волошинов¹⁹, с бородой. (Через два дня обоих не станет²⁰).

Через два дня вечером большевики входят в Новочеркасск²¹. Темно. В комнатах свет потушен. Мы стоим за занавесками. По улице по направлению к центру города едут открытые грузовики, набитые солдатами, которые, с краев, держат ружья на перевес.

Улица пуста и останется пуста около шести недель, пока в Новочеркасске будут большевики. Раз мы видим, помню, на красивых, крупных лошадях двух матросов, с пулеметными лентами через плечо крест-накрест, с саблями и винтовками. Раз проезжает тележка на одной лошади, в ней лежит, в одном белье, под головой подушка, труп.

За покупками съестного выходили мы с братом²²: нам, вероятно, было безопаснее, чем родителям²³. Помню всегда совершенно пустые улицы.

За шесть недель у нас было 19 (девятнадцать) обысков. Утром, после обеда или поздно вечером — неистовый звонок, и входит человек десять солдат: ищут оружие. Среди игрушек моего младшего брата²⁴ спрятаны лицейские и дворянские значки моего отца²⁵. Но на письменном столе в комнате бабушки все время остается стоять большая гипсовая статуя Николая Первого²⁶, которой бабушка дорожит в память дедушки (он был воспитанником кадетского корпуса при Николае Первом²⁷).

Пасха 1918 г. Пасхальный понедельник. Мы просыпаемся от сильной пулеметной стрельбы. Новочеркасск занимают казаки²⁸. Я стою с братьями перед домом на краю тротуара. Улица черна от народа. Вдруг слева показывается на скачущем коне первый казак. Затем шагом, по три, идет конница. Мы раздаем красные яйца. Следующие четыре дня мы с утра до вечера на переполненных улицах (на Московской, на Платовском проспекте, у собора²⁹). Все запружено народом, трудно протолкнуться.

Через четыре дня в послеобеденные часы мы у окон, видим, как от тополя к тополю по опустелой улице перебегают отступающие кадеты в красных околышах. Большевики опять берут Новочеркасск на некоторое время³⁰, и опять все время пусто на улицах.

Май 1918 г. В Новочеркасске формируются части Добровольческой армии³¹. У нас в квартире живут и столуются четыре офицера Измайловского полка. Им лет по 20–25. Их зовут Соколов³², Герхен³³, Де Витт³⁴ и кн<язь> Аргутинский-Долгоруков³⁵. Мы ходим на полковые учения и парады, церковные праздники. В июле полк уходит на фронт. Соколов убит первый. В августе Аргутинскому-Долгорукову пробиваются пулей во время атаки в степи оба глаза, он молит товарища застрелить его, что тот и делает в виду неприятеля. В октябре мы видим красавца Де Витта с невестой: у него отняты обе ноги. Герхен посетит нас еще раз зимой, сообщит о смерти в бою своего младшего брата³⁶. Мы живем в Н<овочеркас>ске до начала <19>19 г.³⁷

Летом 1918 г. на улицах Новочеркаска можно часто встретить медленно проезжающего верхом атамана Краснова³⁸. За ним вестовой.

Декабрь 1919 г. Мой отец служит в министерстве продовольствия³⁹. В феврале <1919> мы едем на два месяца в Сочи, летом живем в станице Елизаветинской (1919 г.), затем в Екатеринодаре и в Ростове. В конце декабря 1919 г. мы уезжаем из Ростова⁴⁰. Около вокзала нельзя протолкнуться от толпы стремящихся уехать. Между людей с трудом пробирается открытый автомобиль, в котором сидит с другим офицером главнокомандующий Деникин⁴¹, в серой папаче, с своей типичной белой бородкой. Тут же по мостовой ломовой везет два трупа. Головы бьются о доски. Это грабившие, которых только что сняли с фонаря. Мы получаем места в набитом битком вагоне. Крыши вагонов полны народа. У входа в вагон выстрел из револьвера. Крик.

По пути в Екатеринодар (через Тихорецкую) я вижу все время в заснеженной степи, в некотором расстоянии от поезда, непрерывающуюся цепь повозок (ка-

жется, не саней). Никогда не забуду этот на протяжении двух дней бесконечный едущий хвост бегущих от большевиков.

В марте 1920 г. мы сели в Новороссийске на переполненный «Константин»⁴². Помню но<р>д-ост, верблюдов с грузом на пристани, английские дредноуты на рейде, службу на палубе в Черном море. Три недели мы в большом салоне: бабушка спит на койке у стола, мы, три брата, под столом, мама и тетя⁴³ у стола, на столе элегантный генерал с белыми бакенбардами. В Салониках рядом транспорт, кот<орый> везет из Марселя в Одессу (к Советам) солдат бывш<его> экспедиционного корпуса во Франции⁴⁴. Они переругиваются с беженцами на «Константине»⁴⁵.

Написано по прочтении обращения А<лександра> Солженицына в «Р<усскую> м<ысль>» от 25-12-<19>75.

Владимир Осипович де Фариа э Кастро. Майнц, ФРГ. Таунусштрассе, 7.

Архив ДРЗ. Ф. 1. Е-129. Л. 1–2.

¹ 16 января 1907 г.

² На пересечении улицы Люцевская (ныне Чкалова) и проспекта Императора Павла I (сегодня проспект 25-го Октября). Владимир жил в квартире своего дедушки по материнской линии Виктора Игнатьевича Кордашевского (1840–1916) по адресу: улица Люцевская, дом 64–66. Дом не сохранился.

³ Государственное казначейство располагалась сразу за домом, где жили Кордашевские: Люцевская, 68.

⁴ Гимн Французской республики, созданный в годы Великой французской революции.

⁵ Имеется в виду готовившееся выступление Верховного главнокомандующего русской армией генерала Л.Г. Корнилова (1870–1918), направившего в конце августа 1917 г. на Петроград 3-й конный корпус А.М. Крымова (1871–1917) для подавления революционных выступлений. В соответствии с требованием Ставки вся военная и гражданская власть в стране должна была перейти в руки Верховного главнокомандующего. Выступление не имело успеха. Устремления Корнилова поддерживали многие офицеры, в том числе в Гатчине.

⁶ Кордашевская Ольга Юльевна (1851–1940) — урожденная Розен, вдова Виктора Игнатьевича Кордашевского.

⁷ Отец: Иосиф (Осип) Карлович де Фариа э Кастро (1876–1947) — юрист, служил в канцелярии при Государственном совете (1897–1903), почетный мировой судья Ковенского судебно-мирового округа (1903–1914), предводитель дворянства Ковенского уезда (1914–1915), председатель оценочной комиссии Северного фронта (1916–1917), коллежский советник. Мать: Ольга Викторовна (1884–1950), урожденная Кордашевская.

⁸ Сыновья Иосифа де Фариа э Кастро: старший сын — Николай (1905–1964), средний — Владимир (1907–1992), автор настоящих воспоминаний, младший — Александр (1910–1993).

⁹ Николаевский вокзал Петрограда. С 1930 г. носит название Московский.

¹⁰ Кордашевский Виктор Игнатьевич (1840–1916) — кавалерист, участник русско-турецкой войны 1877–1878 гг., командир эскадрона юнкеров Николаевского кавалерийского училища (1881–1890). В 1892 г. был произведен в генерал-майоры, в 1901 — в генерал-лейтенанты. Скончался 24 февраля 1916 г. (РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 132361/1-9. Л. 87–95 об.; Оп. 17. Д. 28009. Л. 1–14).

¹¹ В конце января — начале февраля 1918 г. (21, 23, 27 января, 2, 9 и 11 февраля) в Новочеркасске торжественно хоронили участников Белого движения, погибших в окрест-

ностях города в боях с большевиками. После отпевания в Вознесенском кафедральном соборе покойных переносили к Старому кладбищу через центр Новочеркасска. Среди погибших было много молодых людей: кадетов, юнкеров, воспитанников Новочеркасского реального училища. Так, среди похороненных 23 января 1918 г. были студент Московского университета Н.С. Марченко (1895–1918), сын члена Новочеркасской судебной палаты. Учащиеся Новочеркасского реального училища В.М. Медведев и С.А. Павлов, кадет Донского корпуса А.П. Симашко и юнкер Николаевского кавалерийского училища М.А. Павлов (Вольный Дон: Вестник войскового правительства. Новочеркасск. 1918. № 17. С. 1; № 18. С. 1; № 22. С. 1; № 26. С. 1; № 31. С. 1; № 32. С. 1).

¹² Похоронный марш из фортепианной сонаты № 2 Ф.Ф. Шопена (1810–1849) либо траурный марш из Третьей симфонии Л.В. Бетховена (1770–1827).

¹³ Каледин Алексей Максимович (1861–1918) — войсковой атаман Донского казачьего войска с 18 июня 1917 г. Первый выборный атаман с 1709 г., когда выборность была упразднена Петром I.

¹⁴ А.М. Каледин сложил с себя полномочия атамана и покончил жизнь самоубийством, считая себя ответственным за неспособность собрать достаточные военные силы для обороны Новочеркасска от приближающихся к нему большевистских войск. Выстрелом, направленным в самого себя, он надеялся разбудить сознание колеблющегося казачества и поднять его на защиту своего края.

¹⁵ Голицына Вера Васильевна (1854–1920) — урожденная Пантелеева, начальница Полтавского института благородных девиц (1901–1904), Мариинский институт в Санкт-Петербурге (1904–1915), последняя директриса СПб. Имп. Воспитательного общества благородных девиц (Смольного института) в 1915–1920 гг. В ноябре 1917 г. выехала в Новочеркасск к эвакуированному туда в октябре 1917 г. Смольному институту (ЦГИА СПб. Ф. 2. Оп. 1. Д. 18766).

¹⁶ Скорее всего, 6-й Донской полк, в полном составе возвратившийся с немецкого фронта и торжественно встреченный в Новочеркасске.

¹⁷ Назаров Анатолий Михайлович (1876–1918) — новый войсковой атаман Донского казачьего войска, избранный Войсковым кругом Донского казачьего войска 30 января 1918 г., на следующий день после самоубийства А.М. Каледина. Генерал-майор.

¹⁸ А.М. Назаров.

¹⁹ Волошинов Евгений Андреевич (1881–1918) — войсковой старшина (с 1914), временный войсковой атаман Донского казачьего войска в марте — июне 1917 г., председатель Войскового круга в феврале 1918 г. Пианист, автор сборника романсов.

²⁰ После захвата Новочеркасска большевиками 12 февраля 1918 г. А.М. Назаров и Е.А. Волошинов были расстреляны 18 февраля 1918 г. на окраине Новочеркасска, около Краснокутской роши.

²¹ 12 (25) февраля 1918 г. Новочеркасск был взят красногвардейскими отрядами и революционными казаками Н.М. Голубова (1881–1918). Власть в Области войска Донского перешла к Областному военно-революционному комитету, сформировавшему Совет народных комиссаров новой Донской советской республики во главе с Ф.Г. Подтелковым (1886–1918).

²² Со старшим братом Николаем.

²³ В городе проходили массовые расправы над дворянами и офицерами.

²⁴ Имеется в виду Александр Иосифович.

²⁵ Значок Императорского Александровского лицея в Санкт-Петербурге, значок 100-летнего юбилея Александровского лицея. Иосиф Карлович окончил этот лицей в 1897 г.

²⁶ Николай I Романов (1796–1855) — российский император в 1825–1855 гг.

²⁷ Виктор Игнатьевич Кордашевский окончил Павловский кадетский корпус в Санкт-Петербурге еще при жизни Николая I.

²⁸ 31 марта (13 апреля) 1918 г. Новочеркасск был занят казаками Черкасского округа. Они сформировали правительство — Совет обороны. Но повстанцы не смогли надолго удержать город.

²⁹ Вознесенский войсковой кафедральный собор.

³⁰ 3 (16) апреля 1918 г. город был взят красноармейским отрядом под командованием М.В. Кривошлыкова (1894–1918).

³¹ 25 апреля (8 мая) 1918 г. Новочеркасск был занят Отрядом вольных донских казаков походного атамана П.Х. Попова (1868–1960) при помощи офицерского отряда полковника М.Г. Дроздовского (1881–1919) и находился под контролем антибольшевистских сил до начала 1920 г.

³² Соколов Борис С. — поручик лейб-гвардии Измайловского полка. Состоял в Добровольческой армии, в июне 1918 г. в 6-й (гвардейской) роте 1-го Офицерского (Марковского) полка. Убит в ночь с 6 на 7 июля 1918 г. под станицей Крыловская.

³³ Герхен Олег Львович (1897–1919) — выпускник Псковского кадетского корпуса (1916), Пг. Павловского военного училища, участник Белого движения, поручик лейб-гвардии Измайловского полка. Замучен большевиками в 1919 г. на станции Сальково Херсонской губернии.

³⁴ Де Витт Владимир Максимилианович — выпускник Пажеского корпуса (1917), поручик лейб-гвардии Измайловского полка. В эмиграции в Австрии, скончался после 1954 г.

³⁵ Аргутинский-Долгоруков Александр Иванович — князь, поручик лейб-гвардии Измайловского полка, участник Белого движения. Убит в 1918 г.

³⁶ Возможно, Герхен Игорь Львович (1898–1919) — выпускник Псковского кадетского корпуса (1916), Николаевского инженерного училища (Петроград), участник Белого движения, прапорщик лейб-гвардии Измайловского полка.

³⁷ В феврале 1919 г. семья переехала в Сочи.

³⁸ Краснов Петр Николаевич (1869–1947) — войсковой атаман Всевеликого войска Донского с 16 мая 1918 по 15 февраля 1919 г. Писатель, публицист.

³⁹ В 1919 г. Иосиф Карлович де Фариа э Кастро служил в Управлении продовольствия Особого совещания при главнокомандующем Вооруженными силами Юга России.

⁴⁰ В июне–июле 1919 г. Особое совещание, в котором работал отец Владимира, находилось в Екатеринодаре, с августа — в Ростове-на-Дону. 30 декабря 1919 г. оно было упразднено и заменено правительством при главнокомандующем Вооруженными силами Юга России, в марте 1920 г. преобразовано в Новороссийске в Южнорусское правительство.

⁴¹ Деникин Антон Иванович (1872–1947) — главнокомандующий Вооруженными силами Юга России (1919–1920).

⁴² Всего на этом корабле эвакуировалось 645 человек (ГА РФ. Ф. 5982. Оп. 1. Д. 71. Л. 55–58 об.).

⁴³ Кордашевская Елена Викторовна (1884–1976), в замужестве Эйсмонд, сестра Ольги Викторовны.

⁴⁴ На протяжении 1920 г. происходила репатриация солдат бывшего Русского экспедиционного корпуса, отправленного царской Россией в 1916 г. в помощь союзникам по Антанте на Западный и Салоникский фронты в обмен на поставку военного имущества. Французское правительство направляло солдат в южные порты России, в том числе и в Одессу, находившуюся с 7 февраля 1920 г. под контролем большевиков.

⁴⁵ Владимир де Фариа э Кастро, его родители, братья, бабушка и тетя отбыли из Новороссийска на «Константине» 27 февраля 1920 г. и эвакуировались через Салоники в Королевство сербов, хорватов и словенцев. 5 апреля 1920 г., регистрируясь в Управлении главноуполномоченного по устройству беженцев в Сербии, они указали адресом своего пребывания город Крушевац (ГА РФ. Ф. 5982. Оп. 1. Д. 177. Л. 60, 66).

ИЗ ПЕРЕПИСКИ АРХИМАНДРИТА СОФРОНИЯ (САХАРОВА)
И АРХИЕПИСКОПА ВАСИЛИЯ (КРИВОШЕЙНА):
СУДЬБЫ РУССКИХ АФОНИТОВ В ЕВРОПЕ
ПОСЛЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

*Публикация К.Б. Ермишиной и А.А. Кузнецовой. Вступительная
статья, подготовка текста и комментарии К.Б. Ермишиной*

Литературное и эпистолярное наследие архим. Софрония (Сахарова) (1896–1993) вызывает неизменный интерес¹ не только в России. На Афоне архим. Софрония почитают как современного классика святоотеческой мысли, а Константинопольский патриархат рассматривает вопрос о канонизации нашего знаменитого соотечественника. В Европе он известен в первую очередь как единственный православный монах, которому удалось основать известнейшую ныне иноческую обитель на берегах туманного Альбиона, где традиционно не приветствуется прозелитизм и пришлые религиозные традиции.

Архимандрит Софроний (в миру Сергей Семенович Сахаров) родился в 1896 г. в Москве в семье состоятельного предпринимателя, который изготавливал эксклюзивную мебель и изделия из кожи. Это было время бурных политических событий, войн и революций, но Сергея не увлекала политика. Очень рано в мальчике проявились способности к рисованию, в юности он был всецело увлечен искусством. В 1918 г. С. Сахаров поступил в Московское училище живописи, ваяния и зодчества (сейчас — Российская академия живописи, ваяния и зодчества Ильи Глазунова), а в период подготовки к поступлению учился в мастерской Ильи Машкова. Во время учебы в академии сблизился с Евгенией Лурье (в 1922 г. вышла замуж за Б. Пастернака), завязались его связи с литературным и художественным бомондом, в частности с К. Бальмонтом. Сергей состоял в Московском союзе художников, учился в мастерской П. Кончаловского, испытал влияние В. Кандинского. В начале 1920-х гг. он был уже сформировавшимся художником, работал в собственном ателье на площади Борьбы (до 1918 г. — Александровская площадь). Вскоре после революции последовали первые большевистские гонения на представителей аристократии, военных и состоятельных, образованных людей, Сергей Сахаров был дважды арестован и чудом остался жив. В 1921 г. он эмигрировал из России, жил в Италии, Германии и Франции. В 1923 г. принял участие в знаменитом французском Осеннем салоне (Salon d'automne), где его картины выставлялись вместе с работами В. Дюпона (Dupont), Дориньяка (Dorignac) и Бара-Левро (Barat-Levrault). В Осеннем салоне также были представлены работы Эль Греко, П. Сезанна, П. Гогена, Камиля

¹ К настоящему времени издана переписка о. Софрония с о. Георгием Флоровским [Софроний (Сахаров), архим. 2008], с Дэвидом Бальфуром [Софроний (Сахаров), архим. 2002], письма к родственникам [Софроний (Сахаров), архим. 1997б], переписка с семьей прот. Бориса Старка [Софроний (Сахаров), архим. 1997а].

Коро, А. Тулуз-Лотрека, скульптора О. Родена и других мастеров. Известный художественный критик Тьебо-Сиссон (Tiebault-Sisson) писал о картинах Сахарова, что они «отличаются мягкостью и тонкостью, они напоминают Рикара и действительно заслуживают сравнения с ним» (цит. по: [Гавриила (Бриллиот) 2016, с. 87]). В июле следующего года С. Сахарову предложили участвовать в салоне Тюильри (des Tuileries), куда приглашали только элиту Осеннего салона. Здесь С. Сахаров выставлял свои картины вместе с М. Шагалом, Морисом Дени, П. Лапрадом, Ф. Валлотомом, Анри Ле Сидане и другими признанными мастерами. Салон закрылся в конце сентября 1924 г. — он был продлен на два месяца ввиду своей популярности. Известно, что картины С. Сахарова были проданы (одна из них за 500 франков), сейчас они находятся в частных коллекциях. Казалось бы, перед художником открылись блестящие возможности, мир вскоре мог бы узнать имя талантливого русского живописца...

Именно в этот период в душе Сергея Сахарова происходит решительный переворот, а внутренняя напряженная борьба с самим собой достигает высшей точки: «Для меня мир был живопись. Тайна этого видения меня держала постоянно как бы прикованным к себе. И от этого чувства красоты принимало болезненные формы — болезненные потому, что все средства, которыми я располагал в живописи, были ничто... Все мое бытие было заключено в искании выхода из узких рамок времени и пространства. Для меня величайшими событиями могли быть не какие-нибудь исторические события, а только исход человека из рамок смерти, прорыв в бессмертие» [Софроний (Сахаров), архим. 19976, с. 22]. Сергей Сахаров поступает в только что основанный в Париже Свято-Сергиевский православный богословский институт, где знакомится со студентом Всеволодом Кривошеиным, будущим архиепископом Брюссельским и Бельгийским Василием, автором книг и переводов преп. Симеона Нового Богослова и видным церковным деятелем XX в.

Всеволод Александрович Кривошеин² (1900–1985) был четвертым сыном известного политика дореволюционной России Александра Васильевича Кривошеина, члена Государственного совета (с 1906 г.), одного из активных деятелей, претворявших в жизнь реформы П.А. Столыпина. Со стороны матери Всеволод Кривошеин принадлежал к известному старообрядческому семейству — его бабушка являлась родной сестрой миллионера и знаменитого мецената Саввы Морозова. Будучи студентом исторического отделения Санкт-Петербургского университета, он вступил в ряды Добровольческой армии, пережил многие бедствия, не раз был на волосок от смерти. В 1920 г. покинул пределы России, окончил Сорбонну, принимал активное участие в Русском студенческом христианском движении.

Этих двух выдающихся церковных деятелей русской эмиграции связывала долгая сердечная дружба, начавшаяся в период их знакомства в Париже. Они стали первыми студентами Свято-Сергиевского православного богословского института в 1925 г., а затем, в 1926 г., вместе отправились на Афон, где приняли

² Отметим, что Всеволод Кривошеин стал одним из героев книги А.И. Солженицына «Март Семадцатого». Позже архим. Софроний под именем «одного монаха» представит о. Василия на страницах своей самой известной книги «Старец Силуан».

монашество и провели 22 года жизни. На Афоне о. Софроний жил в монастыре, а в 1938 г., после смерти своего духовного наставника старца Силуана, ушел в «пустыню», что позволялось монастырским уставом в исключительных случаях, когда свидетельства о высоком духовном преуспевании монаха были очевидны и неоспоримы. Между тем уже тогда о. Софроний был известен как человек, достигший высокого духовного уровня. Еще до принятия им священства и ухода в «пустыню» монахи греческих монастырей просили его стать их духовным отцом. Тем не менее он согласился на духовничество только после нескольких лет уединенной жизни. С 1942 г. о. Софроний исполнял обязанности духовника обители Св. Павла — первый случай в истории Афона, когда русский монах был избран духовником для братии греческого монастыря.

После двух десятилетий жизни на Афоне и о. Софроний, и о. Василий были вынуждены вернуться в Европу, чтобы продолжить миссию свидетельства о русской религиозной традиции. Афонский период в жизни обоих закончился изгнанием. Архим. Софроний (Сахаров) был обвинен в коллаборационизме, так как, по свидетельству его ученика, иеромон. Иринея³, во время гражданской войны в Греции 1946–1949 гг. «малограмотные и малодуховные монахи-националисты... стали распространять слухи о сотрудничестве отца Софрония с немцами» [Видевшие Свет 2009, с. 90]. Поводом для этих слухов явились события времен Второй мировой войны, когда Афон был в немецкой оккупации. В 1941 г. Священный Кинот Афона вел переговоры с оккупационными властями о сохранении в неприкосновенности монастырей полуострова. Отец Софроний, как знающий европейские языки, был послан на переговоры и смог убедить немецких офицеров в необходимости сохранения монашеской республики. Ответ Ставки был положительным, более того, немецкий гарнизон перекрыл тогда доступ на Афон мирянам.

Иеромонах Василий (Кривошеин) в 1937–1942 гг. входил в состав монастырского совета и являлся представителем Русского Свято-Пантелеимонова монастыря в общеафонском собрании. В 1942 г. он стал постоянным представителем (антипросопом) от монастыря Святого Пантелеимона в Киноте, а в 1944–1945 гг. — членом Эпистасии, выполнявшей административные функции по управлению монашеской республикой. В 1947 г. о. Василий был обвинен в просоветских симпатиях и также был вынужден покинуть Афон по причине политических нестроений времен гражданской войны в Греции, сопровождавшейся взлетом нездорового национализма. Таким образом, и архим. Софроний, и архиеп. Василий пережили перипетии двух гражданских войн — на своей исторической родине, в России, и на духовной родине, на Афоне. Жизнь их разделилась на несколько периодов, каждый из которых имел внутренний смысл, ведущий этих церковных деятелей русской эмиграции к цели духовного возрастания, становления личности в свете Евангелия.

Вернувшись в Париж, о. Софроний издал первый и основной труд своей жизни — книгу «Старец Силуан» (1952), которая в настоящее время переведе-

³ Иеромонах Иринея — один из монахов основанного о. Софронием монастыря в Англии, переехал на Афон в 1982 г. Свою фамилию после переезда на Афон он предпочитал не сообщать.

на на 23 языка. Отец Софроний служил помощником настоятеля Свято-Никольской домово́й церкви при Русском старческом доме в Сент-Женевьев-де-Буа. В 1959 г. он с группой монашествующих переехал в Англию и поселился в деревне Толлешант-Найтс в графстве Эссекс, Молдон, где и основал монастырь Святого Иоанна Крестителя. Именно в Англии о. Софроний вновь вернулся к искусству живописи, поскольку единственный иконостас работы Григория Круга, вывезенный общиной из Франции, не мог удовлетворить все богослужебные нужды монастыря. Постепенно появилась иконописная мастерская, а о. Софроний с учениками писал не только иконы, но и расписывал фресками храмы и наружные стены различных строений обители.

В 1951 г. о. Василий также оказался в Англии, служил в Благовещенском храме в Оксфорде. Так между ними возобновилась переписка. Иеромонах Василий приглашал архим. Софрония участвовать в Первом и последующих международных съездах патрологов, а также к участию в Содружестве св. Албания и преп. Сергия. В 1960 г. еп. Василия назначили на епископскую кафедру в Бельгии. При нем были созданы франкоязычные и нидерландскоязычные церковные общины, основан монастырь в Первейзе. В 1985 г. Бельгия признала православие одной из трех главных религий в стране, разрешив преподавать основы православной культуры в школах. Священники получили право денежного обеспечения от государства, возможность выступать на радио и телевидении и иметь оплачиваемую должность капелланов⁴.

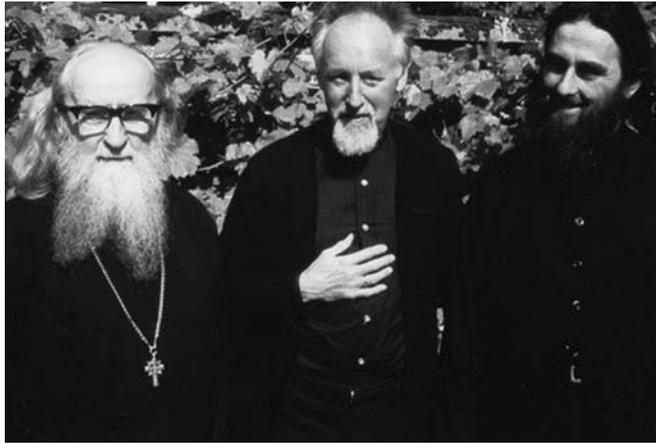
В качестве иллюстраций к письмам мы помещаем три фотографии, которые прежде никогда не публиковались. Снимки сделаны во время приезда архим. Софрония в Бельгию в 1980 г. Сын о. Игнатия Пекштадта, ныне митрополит Бельгийский Афинагор (Пекштадт)⁵, экзарх Нидерландов и Люксембурга, вспоминает о времени, когда были сняты эти кадры:

Впервые я приехал в монастырь в Молдоне в 1975 г. Мне было 13 лет, и я сопровождал моего отца, протоиерея Игнатия⁶. Мы уехали между Рождеством и Новым годом на корабле прямо из порта Брюгге, затем на поезде. До этого у нас уже были контакты с насельником Молдона отцом Симеоном (Брюншвайлером), швейцарцем по рождению, ставшим духовным сыном

⁴ Подробно об истории Русской православной церкви в Бельгии см. в: [Модель 2014].

⁵ В миру Ивес Пекштадт (Peckstadt; род. 1962). Иногда встречаются разночтения, в некоторых русских публикациях его фамилия передана как Пекстадт.

⁶ Протоиерей Игнатий Пекштадт (ум. 7 мая 2016) работал юристом в г. Генте, в 70 км от Брюсселя, был одним из самых известных адвокатов Бельгии. В 1973 г. арендовал в Генте дом XVII в., ранее принадлежавший бегинкам (благочестивые мирянки, проживавшие в религиозных общинах, чей образ жизни был близок к монашеству), в 1974 г. окончил Свято-Сергиевский православный богословский институт в Париже. Основанный о. Игнатием приход Св. апостола Андрея является одним из самых известных в Бельгии, богослужения здесь проводились на фламандском языке, чтобы избежать националистической сегрегации в пользу одной из общин — например греческой или румынской. Именно интерконфессиональное начало в христианстве было одним из аспектов, сблизивших о. Игнатия и о. Софрония, в монастыре которого подвизаются представители 25 национальностей, богослужения проходят на нескольких языках. В настоящее время приход Св. апостола Андрея возглавляет зять о. Игнатия — протоиерей Доминик Вербек.

Архим. Софроний (Сахаров), протоиер. Игнатий Пекитадт, архим. Кирилл (Акон). Гент, 1980. Личный архив митр. Афинагора (Пекитадта) (Брюссель, Бельгия)

отца Софрония. Еще в 1960-е гг. мой отец организовывал православные конференции в Генте и приглашал участвовать значимых людей из православного мира. Как правило, отец открывал конференции, среди докладчиков были о. Петр Струве, священник из Парижа, создавший маленькую франкоязычную общину, вышедшую из крипты на рю Дарю. Был и о. Борис Бобринский, Владыка Василий Кривошеин, и, наконец, о. Симеон (Брюншвайлер). Так мы духовно сблизились, и именно он встретил нас тогда на вокзале в первый наш приезд. Нас поразили скромный вид монастыря, созданного отцом Софронием. И я помню долгие беседы с ним в его кабинете. Община была еще мала, но многонациональна. И еще раз повторюсь — дух скромности был во всем. В воскресенье люди приезжали на богослужение из Лондона, и тогда служили в старой церкви в километре от монастыря, еще более удаленной, чем сам монастырь. С самого начала возникло чувство теплоты при виде сердечного участия со стороны братии, было ощущение, будто вы у себя дома. На меня, подростка, встреча с отцом Софронием произвела большое впечатление, невзирая на то что я уже видел множество выдающихся людей из православного мира. Мой отец приветствовал такие контакты вне тех или иных юрисдикций; он видел православие как явление глобальное, вселенское. И именно этот дух вселенскости мы нашли в Молдоне. Монастырь принадлежит с самого момента создания Константинопольскому патриархату и имеет статус ставропигии. Эта привилегия, дающаяся лично Патриархом; к примеру, все монастыри на Афоне ставропигиальные. И благодаря этому статусу монастырь получил такое впечатляющее развитие.

Отец Софроний был художником. Его личность была огромна... Его личность сияла в написанных им иконах, которые отличались от традиционных. Он внес большой вклад в православную гимнографию, в том числе он организовал совместное чтение Иисусовой молитвы, и это давало ощущение необычайной силы. В трапезной всегда было чтение святых отцов на разных языках.

Архим. Софроний (Сахаров), диак. Маркелл Оссел, протоиер. Чедомир Остоич (Сербия), протоиер. Игнатий Пекштадт. Гент, 1980. Личный архив митр. Афинагора (Пекштадта)

Часто отец Софроний останавливал читающего, задавая ему «провокационные» вопросы. И таким образом он привлекал внимание к особенно важному фрагменту текста. Он давал слово читающему, а потом делал свои комментарии. Во время Великого поста читали Иоанна Лествичника, Григория Паламу либо житие Марии Египетской... иногда читали святого Силуана.

Мой родственник из Гента отец Доминик был первым, кто организовал встречи христианской молодежи из разных православных юрисдикций, и первым на них приехал отец Симеон, а также отец Рафаил (Нойка), теперь очень почитаемый в Румынии старец. Эти встречи продолжаются до сих пор, и монахи из Молдона приезжают на эти встречи. Однажды мы пригласили отца Софрония приехать к нам в Гент, и вдруг он согласился. Для нас это был большой сюрприз, потому что он не любил покидать монастырь последние 20–30 лет своей жизни. Он приехал с отцом Кириллом (Аконом), игуменом. Отец Кирилл по происхождению грек из Австралии, был в миру специалистом по ядерной физике, и при этом этот человек великой простоты. Литургия служилась на английском языке.

Незадолго перед этим я попал в страшную автокатастрофу, полгода лежал неподвижно. Надо сказать, что эти полгода в постели были важнейшим этапом на пути к моему призванию, именно тогда я захотел стать монахом при их монастыре и сказал об этом отцу Софронию. Он, зная, насколько я травмирован, ответил, что монах призван тяжело работать, а это пока для меня невозможно. Я отчетливо помню, как он сказал: «Вам нужно учиться богословию. И прежде всего надо начать читать Евангелие, каждый день, и стараться запоминать прочитанные главы. И нужно начинать с Евангелия от Иоанна».

Когда я окреп, я уехал учиться богословию в Салоники. Весь мой дальнейший путь сложился под этим напутствием отца Софрония. Он давал указания послушникам и насельникам учиться и получать образование, в том числе имея в виду ситуацию, если однажды кто-то из них решит покинуть мо-

Архим. Софроний (Сахаров), протоиер. Игнатий Пекиштадт, матушка о. Игнатия Пекиштадта Митта Пекиштадт, их сын Ивес. Гент, храм Св. ап. Андрея Первозванного, 1980. Личный архив митр. Афинагора (Пекиштадта)

настырь, — чтобы они смогли найти себя в мире. Сегодня мы видим, что некоторые члены его монашеской общины защитили диссертации уже по работам самого отца Софрония. Эти работы посвящены преимущественно тому, как отец Софроний строил отношения между Божественным и человеческим. Одним из последних слов, произнесенных отцом Софронием, было: «Публикуйте!», то есть «давайте знать миру максимум того, что нам оставил преподаватель Силуан». Кстати, в Нидерландах теперь есть издательство «Ортодокс-Логос», издавшее, в частности, книгу «Старец Силуан» на фламандском.

Еще один важный эпизод из пребывания в Молдоне: в канун Пасхи 1986 г. приехал один епископ, отец Софроний встречал его с братией. Выйдя из машины, епископ встал на колени перед старцем. Я еще ходил тогда на костылях. Владыка, вставший на колени перед о. Софронием, сейчас архиепископ Албании⁷. Он был профессором в Афинском университете и служил мисси-

⁷ Архиепископ Тиранский и всея Албании Анастасий (Яннулатос) (Janullatos; род. 1929 г.) был рукоположен в дьяконы в 1960 г., после чего уехал с христианской миссией в Восточную Африку. Хиротонисан во епископа Андрусского в 1972 г., возглавил Отдел внешних церковных миссий Элладской православной церкви, одновременно продолжая преподавать в Афинском университете. В середине 1980-х гг. занял кафедру епископа Кенийского, организовал перевод церковной службы на 7 языков, открыл в Кении семинарию, 67 новых церквей, строил школы, детские сады, мобильные госпитали и миссионерские пункты. В 1992 г. по благословению Константинопольского Патриарха возглавил Албанскую автокефальную православную церковь, которая была практически уничтожена за время коммунистического правления. Для

онером в Кении. Во время службы отца Софрония в старой церкви Владыка не служил, а делал фотоснимки. Я никогда ни до, ни после не видел епископа с фотоаппаратом. И сделал он это потому, что служение отцом Софронием Божественной литургии было особенно впечатляющим⁸.

Отец Софроний присутствовал на церемонии возведения в епископский сан иеромон. Василия (Кривошеина). Свои впечатления он описал в письме к еп. Василию от 1 июля 1959 г. Этим письмом открывается настоящая публикация, которая состоит из пяти писем архим. Софрония и одного ответного письма еп. Василия. Все письма, кроме первого⁹, публикуются впервые. Письма любезно предоставлены прот. Сергием Моделем¹⁰, секретарем Брюссельско-Бельгийской архиепископии Московского патриархата в 2003–2014 гг. Письма сохранились в личном архиве архиеп. Василия (Кривошеина), который в настоящее время не описан и является собственностью Брюссельской и Бельгийской архиепископии. В корреспонденции затронуты различные темы: взаимоотношения русских эмигрантов-пастырей и обращенных в православие англичан и французов, сложности в организации православного монастыря в Англии, поиск издательства для публикации книг архим. Софрония, особенности публикации богословских трудов еп. Василия и т. д. Письма являются ценным источником информации о русской православной общине в Англии, о том, в каких условиях создавались агиографические и богословские труды в эмиграции.

Авторы выражают благодарность митр. Бельгийскому Афинагору (Пекштадту) и прот. Сергию Моделю за предоставленные материалы. Письма архим. Софрония — это машинописные копии, в которых автор выделял важные места подчеркиванием, некоторые слова печатал прописными буквами, в отдельных случаях отделял абзацы сплошной чертой. Эти авторские особенности текста сохранены в публикации, поскольку отражают художественные дарования архим. Софрония. Для него любое письмо было небольшим произведением искусства —

восстановления церквей, постройки клиник, школ и других зданий он организовал строительный трест, который стал крупнейшим работодателем страны. Архиепископ Анастасий в настоящее время признан не только христианским, но и мусульманским населением в качестве одного из лидеров страны за его заслуги в области просвещения и благотворительности.

⁸ Из интервью митр. Афинагора (Пекштадта) для «Ежегодника Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына», перевод с французского А. Кузнецовой.

⁹ Это письмо было опубликовано в издании: «Архиепископ Брюссельский и Бельгийский Василий (Кривошеин). Письма о горнем и дольнем. СПб., 2010» без комментариев, с пропуском авторских выделений (подчеркиваний, разделений на абзацы, разных шрифтов), а также с некоторыми ошибками, возникшими в результате неверного прочтения текста.

¹⁰ Протоиерей Сергей Модель родился в 1972 г. в Москве, эмигрировал в Бельгию. Окончил Лувенский университет и Свято-Сергиевский православный богословский институт в Париже. Летом 1989 г. посетил о. Софрония (Сахарова) в Эссексе, что повлияло на дальнейший выбор жизненного пути. В 1993–1998 гг. представитель Синдесмоса в Бельгии, в настоящее время работает в секретариате Комиссии редакции протоколов заседаний Парламента Бельгии. Рукоположен в дьяконы в 2002 г., в священники — в 2004 г. В 2003–2012 гг. секретарь Брюссельско-Бельгийской архиепископии Московского патриархата. С 2014 г. настоятель Свято-Никольского собора в Брюсселе. Автор книг и статей о православии в Бельгии, архиеп. Василия (Кривошеина), архим. Софрония (Сахарове) (на фр. языке), церковной истории.

даже машинописные копии он старался делать максимально выразительными, зачастую завершая их каллиграфическими подписями. Письмо архиеп. Василия представляет собой рукописную копию. Письма публикуются с максимальным сохранением всех авторских особенностей оригинального текста, исправлены некоторые опечатки машинописных копий и отдельные орфографические ошибки, в отдельных случаях добавлены недостающие знаки препинания.

Литература

- Гавриила (Бриллиот) 2016 — *Гавриила (Бриллиот), мон.* В поисках совершенства в мире искусства: Творческий путь отца Софрония. М., 2016.
- Видевшие Свет 2009 — Видевшие Свет: Преподобный Силуан Афонский и старец Софроний (Сахаров) / сост. Л.А. Ильюнина, В.В. Лепяхин. СПб., 2009.
- Модель 2014 — *Модель С., прот.* «Всякая чужбина для них отечество»: 150 лет присутствия Православия в Бельгии (1862–2012). Париж, 2014.
- Софроний (Сахаров), архим. 1997а — *Софроний (Сахаров), архим.* Письма близким людям: переписка с семьей протоиерея Бориса Старка. М., 1997.
- Софроний (Сахаров), архим. 1997б — *Софроний (Сахаров), архим.* Письма в Россию. Эссекс; М., 1997.
- Софроний (Сахаров), архим. 2002 — *Софроний (Сахаров), архим.* Подвиг богопознания: Письма с Афона к Д. Бальфуру. М., 2002.
- Софроний (Сахаров), архим. 2008 — *Софроний (Сахаров), архим.* Переписка с протоиереем Георгием Флоровским. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 2008.

1

1 июля 1959 г.

Archimandrite Sophrony,
The Old Rectory,
Tolleshant Knights,
by Maldon, Essex

Дорогой ВЛАДЫКО, благословите.

Большое спасибо за письмо Ваше и за заботы о моем устройстве во время Патристической Конференции¹.

Я радуюсь, что Вы стали епископом². Радуюсь и за Вас лично, и за Церковь нашу.

Проблема Иерархии³ в Исторической Церкви всегда стояла, и будет стоять, как одна из наитруднейших и, в конце концов, на земле неразрешимых. Нельзя без сожаления и даже без глубокого страдания проходить мимо того факта, что среди епископов сравнительно мало серьезных богословов; немного также среди епископов и таких, которые стоят на желательной высоте в порядке духовной, аскетической культуры. Эти два аспекта церковной жизни: богословие и аскетика

в их глубоком значении — фактически находят мало опоры в священной церковной иерархии. А ведь богословие и аскетика являются самыми важными сторонами в церковном бытии, теми двумя крыльями, на которых восходит мир к Богу.

Наше понятие о церковной иерархии, конечно, по существу своему «эзотерическое», духовное, поскольку задачей иерархии является возведение вверенных ей душ «в меру возраста ИСПОЛНЕНИЯ Христова»⁴. Исторически же, за отсутствием должного числа совершенных в познании мужей, мы стоим перед тенденцией «объективации» духовного начала, сведения эзотерического духовного момента к юридическим нормам.

Ваша епископская хиротония для меня была первой, которую я видел. Чувства, которыми была полна моя душа в тот день, были моментами «противоречивы». С одной стороны — величие Таинства, божественно прекрасные молитвы в своих сдержанных, строгих словах, с другой — не совсем правильно «иерархически» построенное последование. Сначала — исповедание веры, Символ Никейский⁵, затем, в середине орлеца⁶, более полное богословское изложение веры, но на высшей, третьей ступени, на вершине орлеца⁷ — нечто вроде принесения «присяги» и верности канонам, в том, что епископ не позволит себе вмешиваться в дела другой епархии без приглашения епархиального епископа. Итак, «юридический» момент занял как бы самое высокое место, тогда как казалось бы нормальным его поставить в начале, «под орлом»⁸, а богословское исповедание веры — вверху его, на середине же — вселенское исповедание, Никейский Символ.

Я очень надеюсь, что Господь даст Вам долгую жизнь и что на Вашу долю падает трудная задача: содействовать удержанию нашей церковной жизни на уровне Святых Отцов. Промысел Божий о Вас был весьма благим. Помимо Ваших личных дарований, Вы были поставлены в очень благоприятные условия для Вашего роста и богословского, и аскетического.

Мое путешествие в Россию, в прошлом году, дало мне возможность убедиться в несравненной силе молитвы русского верующего народа. Эта молитва составляет, несомненно, главную мощь Русской Церкви. Не только Русской, но и всего мира. Но что касается других сторон жизни Русской Церкви, то я уехал оттуда скорее в сознании ее слабости. Не претендую я знать обстоятельно всю Ее жизнь, все Ее «силы» за столь короткий срок пребывания там, но все же я встретился с кругами руководителей Ее, в Академиях, в монастырях, в самой, наконец, Патриархии. Поэтому, обращая мысленно к Вам, я действительно радуюсь, что Вам Господь дал и мудрость, и любовь к Матери Церкви и что Вы остановились своим вниманием и работой главным образом на трех величайших богословах нашей Церкви: Григорий Палама, Симеон Новый Богослов и Максим, воистину «Максимус»⁹.

Мне представляется, что в нашу эпоху, во многих отношениях замечательную и, возможно, в будущем имеющую получить имя «золотого века» (эона), сии три столпа — являются наиболее «актуальными». Ведь встреча всех духовных «течений» и «движений» мира в наше время будет решаться не на низших или «средних» ступенях, но на высших. В связи с этим в порядке духовной «стратегии» все мы должны сосредоточиться вниманием не на количестве, а на качестве. Духов-

ная победа в высших точках, в высшем плане непременно приведет в дальнейшем к победе и «количественной».

В настоящее время Господь дал мне замечательную возможность: служить Божественную Литургию в великой тишине. Литургия для меня становится все более и более «увлекающей». В ней соединяется все. И когда Господь допускает меня в некоей малой мере узреть Им Самим совершенный Литургический Акт на Тайной Вечере и затем на «алтаре крестном» Голгофы, то удивляюсь я тому, что мы, люди, остаемся еще живыми на земле, чтобы не сказать — для земли. После Литургии возврат к повседневной жизни, к обыденным вещам и делам, даже в нашей обстановке, подобен падению с Неба. «Привыкнуть» к этому контрасту — нельзя. Можно только с сожалением выводить из этого, что та, длинная Литургия — нами еще не достигнута, что Вечность мы живем лишь отчасти. Нам еще не дано в полной мере жить себя «единотельными» и «единокровными» с Сидящим одесную Отца¹⁰. И Воскресение мы также живем лишь частично. Из этого следует, что всем нам предстоит еще пройти через таинство смерти, как через тот мрак, который «под ногами Его», как через ту тьму, которую положил Он «за кров Свой»¹¹. Необходимо нам пройти сей «порог», по ту сторону которого мы узрим Свет, в Котором нет ни единой тьмы¹². Лишь тогда станет возможным человеку уподобиться Ему, потому что узрим Его, как Он есть¹³.

Душа моя часто стоит на грани «отчаяния»¹⁴. В глубине моего существа я знаю, что Господь хочет нас видеть равными Ему; что без этого равенства невозможно будет ни нам пребывать с Ним вечно едиными, ни Ему с нами. Но доколе я отделен от Него этим мраком моего невежества, моей тленности, моей ограниченности, дотоле я не могу дать себе отчет ни в чем. Я не знаю, близок ли я к Нему или еще бесконечно далек? Не знаю я, где гордость и где смирение? Где мудрость и где безумие? И так пребудет со всеми нами, покуда не достигнем мы Его, как Он достигает нас; покуда мы не познаем Его так, как Он познал, то есть знает нас¹⁵.

Меня сокрушает вконец вера в то, что Бог замыслил нас как богов¹⁶, родных Ему; в то, что мы, в силу данной нам свободы, можем определить себя, как совершенное подобие Христу, Которого мы познаем чрез пребывание в заповедях Его и по дару Духа Святаго. Меня пугает в христианах «умаление» Божьего замысла о человеке. Мне представляется отвергать веру в возможность достижения Божественной Полноты, вступления в Вечный Свет, в котором нет ни единой тьмы — равносильным отвержению подлинного смысла данного нам Откровения во Христе, то есть всего Новозаветного Благовестия. Без совершенного подобия — нет и спасения в полном смысле этого слова. Так я верую... но окаянен я человек¹⁷. Я сокрушен видением моего ничтожества и моей нищеты, да, нищеты. И почему я оказываюсь способен переносить «снисходительно» свое скотоподобие? Т. е. если я действительно верую, что Бог одарил человека возможностью свободного и совершенного, до подобия Ему, самоопределения? И хотя я на каждый день болею всем моим существом, включая, конечно, и тело, я из опыта вижу, что мое немощное тело не так уж немощно, если выносит сие уже многие годы.

Ваше слово при наречении было прекрасным. Меня радовало наличие в нем богословского содержания, что не так часто встречаешь, особенно в России. Итак, дай Бог Вам совершить путь Вашего епископского служения воистину ДОСТОЙНО той идеи, с которой связано это служение в Церкви нашей. Но и за меня прошу Вас молиться, чтобы молитва наша была взаимною, чтобы нам обоим совершить наш путь жизненный не в позор и поношение, а во спасение. Промысел Божий связал наши жизни в путях земли, да свяжет Он их и в Вечности Своей, дабы нам исполнить заповедь Его, быть едино в Нем¹⁸, как Отец, Сын и Дух Святой едино суть.

Усердно прошу Вас вспоминать меня в молитвах Ваших, теперь особенно, потому что в силу возложенного на Вас служения, молитвы Ваши приобретают большую силу. Молитесь, чтобы и мне, поне на старость¹⁹, поне пред исходом моим отсюда, стать способным воспринимать благодать Божию, которая дается Богом без всякой меры, НЕЗАВИСТНО²⁰, безгранично, без счета, без учета нашей немощи. Я малодушно бегу от этого дара, потому что все мое существо болит и страдает от приближения ко мне любви Божией. Да, в болезнях и страданиях рождается спасение на земле. Вероятно, поэтому бегут люди от путей Христа. Сам себя я спрашиваю: может ли человек от себя, по решению своему, пойти на эту «болезнь» следования за Христом, если не привлечет его Отец Духом Святым и не даст свыше силу на сие?

Да, Бог дает «по-Своему», т. е. так, как свойственно Ему, богато и щедро, а мне больно, и я отказываюсь от даров Его из-за страха смерти. Мне всё кажется, что если в полноте пойти навстречу дарованиям Божиим, то невозможно остаться живым на земле. А я страшусь смерти, потому что из-за окружающей меня ТЬМЫ не могу ясно увидеть суда Божия надо мною. Я стою в нерешимости между любовью и страхом, противным любви Божественной; я стою на грани между жизнью и смертью, спасения и вечной гибели, надежды и отчаяния, Света и мрака. Во мне смешались странным смешением несносимое страдание и также несносимая радость; нестерпимая горечь и сладость Духа Святого, тихая и уносящая от этой жизни. Я пребываю то в буре внутренней, то в великом покое. И куда упадет дерево?.. Не знаю. Молитесь за меня, чтобы упало оно на «ВОСТОК» (Восток — Имя Ему²¹).

Простите и благословите.

Преданный о Христе

Недостойный архим. Софроний.

Шлю благословение матери Екатерине²², Зернову Н.М.²³, Т.С. Ламперт²⁴ и все-му Вашему собору.

¹ С 1951 г. осенью в Оксфорде проводятся ежегодные конференции патрологов. Епископ Василий ежегодно участвовал в съездах патрологов. В данном случае речь идет о 3-й конференции, которая состоялась в сентябре 1959 г. Доклад еп. Василия «Дата традиционного текста “Иисусовой молитвы”», прочитанный им на 1-й патристической конференции в 1951 г., был опубликован в журнале «Вестник Русского Западно-Европейского Патриаршего Экзархата» (Париж, 1951. № 10), издававшегося во многом трудами архим. Софрония и В.Н. Лосского.

² 26 марта 1958 г. вышло распоряжение о поставлении иером. Василия в епископа Волоколамского, второго викария Патриаршего экзарха в Западной Европе. Хиротония о. Василия состоялась 14 июня 1959 г. в Лондоне, в храме Успения Пресвятой Богородицы. Хиротонию совершили архиеп. Клишыйский Николай (Еремин) и еп. Сергиевский Антоний (Блюм). Архимандрит Софроний присутствовал на хиротонии.

³ Слово «Иерархия» о. Софроний пишет с большой буквы, поскольку для него этот термин имел богословское содержание, указывая на высшую Иерархию в Боге, которая есть высшее равенство в любви. Христос опрокинул принцип земной иерархии, поставив Себя — высшую ценность, на последнее место, взяв грехи мира на Себя. В церкви принцип «опрокинутой иерархии» (терминология о. Софрония) должен был также стать ведущим. Высшие должны служить низшим. Но в исторической действительности принцип Иерархии подменяется принципами власти и властвования, когда высшие господствуют над низшими. Это вызывало неизменную печаль о. Софрония, он размышлял о сложности воплощения евангельского идеала в земной действительности.

⁴ Фраза из Послания к Ефесянам (4: 13). В русском переводе: «...в меру полного возраста Христова».

⁵ Никео-Цареградский Символ веры — краткая вероучительная формула с перечислением основных истин и догматов православной веры («Верую во единого Бога Отца... и во единого Господа Иисуса Христа Сына Божия... И в Духа Святаго...» и т. д., всего 12 положений). Символ веры сложился в IV в., соединив две вероучительные формулы — Никейский Символ веры (принят в 325 г. на Никейском соборе) и Константинопольский (принят в 381 г. на соборе в Константинополе).

⁶ Во время чина поставления кандидата в епископы используют орлец — круглый коврик с изображением орла. Сначала кандидат поставляется на край орлеца, получает наречение в епископы определенного города или области и читает Символ веры (Никео-Цареградский). Затем он восходит на середину орлеца и читает догматическое исповедание вероучения о Св. Троице.

⁷ Нареченный кандидат вступает на самый край орлеца и дает торжественные обещания соблюдать церковные каноны и уставы, повиноваться вышестоящим церковным властям, не поставлять священников за деньги или под страхом принуждения, а также не вмешиваться в дела правления других епископов.

⁸ То есть до вступления кандидата на орлец, поскольку этот момент означает, собственно, начало поставления кандидата в епископы, что также означает получение благодати дара управления церковью. Отец Софроний полагает, что чисто юридические вопросы должны быть решены до вступления кандидата в епископы на орлец, который символизирует парение богословской мысли, высоту епископского служения.

⁹ Святые Православной церкви, которые относятся к мистической традиции. Святитель Григорий Палама (1296–1359) отстаивал принципы исихазма, утверждал, что в Боге следует различать сущность и энергию. Приобщение энергии Бога делает из человека бога по благодати. Обосновал понятие об обожении как высшей цели жизни человека с помощью богословия. Преподобный Симеон Новый Богослов (949–1022) — святой-мистик, который утверждал, что человек способен видеть нетварный Божественный свет, что является признаком спасения и преобразования человека, а также что святость — не далекий идеал, но призыв, обращенный к каждому христианину. Преподобный Максим Исповедник (ок. 540–662) — богослов, оставивший писания мистического характера, проповедовал о двух волях у Христа — божественной и человеческой. Три святых отца являются наиболее почитаемыми и авторитетными учителями Православной церкви.

¹⁰ Фраза из Символа веры. Речь идет о Иисусе Христе, который после вознесения воссел по правую сторону от Бога, т. е. равен и единовластен Богу Отцу.

¹¹ Две фразы из Псалтыри, соединенные воедино. В русском переводе первая фраза: «И сделал тьму покровом Своим» (Пс. 3: 12), вторая — «и мрак под ногами Его» (Пс. 3: 10).

¹² «Свет, в Котором нет ни единой тьмы» (ср.: 1 Ин. 1: 5). Отец Софроний очень любил эту фразу из Послания ап. Иоанна и часто употреблял ее в своих книгах, письмах и беседах.

¹³ Фраза из Первого послания ап. Иоанна (3: 2), которая вошла в название книги о. Софрония «Видеть Бога как Он есть» (1985).

¹⁴ Согласно богословско-аскетическому учению о. Софрония, бывает два вида отчаяния. Первый происходит от неверия, когда человек отказывается от идеи вечной жизни. Это обесмысливает его земные труды и страдания, так что человек впадает в отчаяние от бессмысленности своего существования. Второе отчаяние характерно для христианских подвижников, которые от созерцания своего падения приходят в духовное отчаяние, что побуждает их ревностно стремиться к Богу.

¹⁵ Отец Софроний соединяет две фразы из Послания ап. Иоанна «Познаем Его, как Он есть» (1 Ин. 3: 2) и из Послания ап. Павла к Галатам (4: 9), которая по-церковнославянски звучит так: «паче же познания от Него». В русском переводе: «получившие познание от Бога» имеет другой оттенок смысла, но о. Софроний использует пассивный залог церковнославянского текста, чтобы подчеркнуть «взаимопознание» Бога и человека.

¹⁶ Ссылка на Евангелие, когда Христос цитирует Псалтырь: «не написано ли в законе вашем: Я сказал: вы боги. Если Он назвал богами тех, к которым было слово Божие... Тому ли, Которого Отец освятил и послал в мир, вы говорите, богохульствуешь, потому что Я сказал: Я Сын Божий» (Ин. 10: 34–36).

¹⁷ (Рим. 7: 24). В русском переводе: «бедный я человек! Кто избавит меня от сего тела смерти?»

¹⁸ Отец Софроний говорит о молитве-завещании Иисуса Христа перед крестной смертью: «Да будут все едино, как Ты, Отче, во Мне, и Я в Тебе, так и они да будут в Нас едино» (Ин. 17: 21).

¹⁹ Из службы Великого поста. Канон великий Андрея Критского, трипесец, глас 8, песнь 8: «...его же сребролюбие отложи поне на старость: бегай геенского огня». Поне (*ц.-сл.*) — хотя бы.

²⁰ Независтно (*ц.-сл.*) — без зависти, щедро, обильно.

²¹ (Зах. 6: 12). Символическое отождествление Бога с Востоком (сторона восхода солнца) из Книги пророка Захарии имело большое влияние на христианскую гимнографию.

²² Екатерина (в миру Ксения Владимировна Полухова; 1906–1982) — монахиня. Родилась в Севастополе в семье офицера, ее мать Вера Полухова происходила из рода черниговских дворян Небольсиных. Училась в Институте благородных девиц в Харькове. Вместе с воспитанницами и учителями института была эвакуирована в 1920 г. на пароходе «Афон» из Новочеркасска в Варну (Болгария). Проживала в Югославии и Бельгии, где получила медицинское образование, после чего переехала во Францию. В 1939 г. поступила в женскую монашескую общину Розе-ан-Бри, была духовной дочерью митр. Евлогия (Георгиевского), в 1946 г. покинула общину в связи с переходом ее под омофор Вселенского Патриарха. Жила при Успенской церкви в Сент-Женевьев-де-Буа, была духовной дочерью архим. Софрония (Сахарова). В 1958 г. переехала в Англию, работала при русской церкви в Оксфорде. Перед принятием решения о согласии на епископскую хиротонию архим. Василий (Кривошеин) советовался с м. Екатериной, которая рекомендовала ему не отказываться от епископства. После хиротонии еп. Василия служила ему в качестве келейницы. В 1969 г. переехала вместе с архиеп. Василием в Бельгию, где трудилась при Свято-Никольском соборе до конца дней.

²³ Зернов Николай Михайлович (1898–1980) — философ, исследователь духовной культуры. До эмиграции учился на медицинском факультете Московского университета, в 1925 г. окончил богословский факультет Белградского университета. Секретарь Рус-

ского христианского студенческого движения (1925–1932), первый редактор «Вестника РСХД» (1925–1929). Аспирант в Оксфорде, доктор философии (1932), в 1935 г. переезжает с женой в Англию. Один из создателей Содружества святого Албания и преподобного Сергия, его секретарь. Преподавал в Оксфорде основы восточной православной культуры (1947–1966), профессор богословия университетов Дрю, Дьюка (США). Автор книг по богословию, истории духовной культуры, истории русской философии, большая часть которых написана на английском языке.

²⁴ Ламперт Татьяна Савельевна (годы жизни неизвестны) — мать философа, исследователя русской культуры Евгения Ильича Ламперта (1914–2004). Эмигрировала в 1922 г., проживала в Германии и Англии. Вместе с сыном жила в Оксфорде, держала небольшой домашний салон, который посещали многие известные лица, русские эмигранты.

2

The Old Rectory,
Tolleshant Knights,
by Maldon, Essex

Дорогой ВЛАДЫКО благословите.

Обсудили положение и пришли к выводу, что нет иного времени, как только сегодня же отправиться к Вам отцу Симеону¹ и Жоэлю². Отец Иринеи³, к сожалению, простудился во время своих поездок в Лондон на прошлой и позапрошлой неделях.

На шестой⁴ у нас будут гости; особенно сложно будет принять священника (англиканского) из Ирландии в сопровождении другой персоны. Они пробудут у нас три или четыре дня.

Но не исключено, что о. Иринеи сможет поехать к Вам на Благовещение. Впрочем, Вам он менее полезен, п<отому> что он — иеромонах, а Вам нужен, скорее, дьякон.

Увидим.

Пожалуйста, примите «моих». Обсудите с о. Симеоном, каким обр<азом> можно ему облегчить усвоение всего круга «церковных наук» при сложных обстоятельствах Вашей жизни, при желании его пребыть в рамках монастырской жизни...

Познакомьте их с русской средой правосл<авного> Оксфорда.

Покажите им немного город, Университет и другое, что найдете нужным. Я хочу, чтобы они воспользовались этим случаем, чтобы ознакомиться немного лучше со страной, с таким научн<ым>центром, как Оксфорд.

Письмо относительно Нанкиамаса посылаю, как оно было написано вчера... Простите, что не нахожу времени всему придать более опрятную форму... Так много всякой работы.

Приветы мои Зерновым, Лампертам, всем прочим.

Молитесь за нас и защищайте нас морально. Положить начало монашеской жизни — не так просто в условиях нашего времени.

С любовью преданный А<рхимандрит> Софоний

¹ Архимандрит Симеон (в миру Рене Жан Брюшвайлер; 1928–2009). Родился в Швейцарии в кантоне Во (Vaux), работал юристом. Познакомился с о. Софронием во Франции, принял монашество, переехал вместе с ним в Англию в 1959 г., став насельником монастыря Св. Иоанна Предтечи. Переводил на французский язык православную аскетическую литературу и книги о. Софония, в том числе «Старец Силуан».

² Сведения не обнаружены.

³ Иеромонах Ириней (годы жизни неизвестны) — из семьи русских эмигрантов, поселившихся в Греции. Познакомился с о. Софронием в 1946 г., будучи студентом Афинского университета. По рекомендации о. Софония поступил в Свято-Сергиевский православный богословский институт в Париже, после окончания которого был пострижен о. Софронием в монахи в 1953 г. В 1959 г. переехал с о. Софронием в Англию. В 1982 г. уехал на Афон, подвизался в монастырях Ксиропотам и Каракалл.

⁴ Имеется в виду шестая неделя Великого поста.

3

31 марта 1960

Дорогой ВЛАДЫКО благословите.

Отец Симеон и Жоэль возвратились весьма довольные своим пребыванием в Оксфорде, несмотря на то, что оба они там немного заболели в эти ужасные дни. Ваш добрый прием был для них очень приятным и полезным. Я давно хотел, чтобы они с Вами познакомились получше; думаю, что полезно будет для них познакомиться и с православным Оксфордом. Таким образом они будут себя чувствовать не как некое исключение в чужой стране, а как часть действительно великого Тела Церкви. Правда, они оба достаточно тонки, чтобы «социальный» аспект не заместил для них критерия истины. Но «психологически» все же лучше не иметь поводов к «сектантской» изоляции. Чувство или сознание Вселенскости Церкви никак не должно умиляться в силу принадлежности к малым количественно церковным образованиям, заброшенным посреде¹ морей иных традиций.

Прошу Вас, морально помогайте нам, защищайте нас, как можете. Для Вас не ясно, насколько трудна задача — положить основание православной обители в современных условиях. Мало есть таких, которые хотят нам помогать. Еще меньшее число — могущих помочь. Но повредить нам может положительно каждый человек хотя бы одним злоречием, осуждением и под<обным>. Мне лично один англиканский священник рассказывал, как некое православное лицо (из Фелойшип-а²) настраивало его против нас. Особенно вначале мешают подобные вещи.

Моя идея — создать здесь маленькую обитель по образцу Афонских «келий» или скитских домов³. Если даст Бог разума и сил — сохранить отеческое предание, пребыть верными хранителями полученного нами от них наследства.

Молитесь о сем. Я часто изнемогаю и физически, и духовно. У меня нет никакого дара «управлять»... Я вовсе не организатор, не «строитель» и проч<ее>.

О. Симеон говорит мне, что Вам была бы весьма удобной помощь в день Благовещения. Я уже писал Вам, что постараюсь послать к Вам о. Иринея, иеромонаха, но правду сказать, и это не совсем легко и просто. У нас будут гости на этой неделе. Они останутся и на Благовещение. Кроме о. Иринея у нас нет певчих никого. Я его постом посылаю служить Литургии Преждеосвященных¹ по пятницам в Лондон. Это берет у него два дня. Поездка в Оксфорд взяла три дня. А работы в саду стоят, Пасха на носу, сделать надо невероятно многое... Не знаю, еще как выйдем из положения.

Во вс<яком> случае я всеми силами постараюсь устроить что-нибудь.

Прошу Вашего благословения и молитв.

Недостойный Архим. Софроний

¹ Посреде (*ц-сл.*) — среди, в середине.

² Речь идет о Содружестве святого Албана и преподобного Сергия (англ. Fellowship of Saint Alban and Saint Sergius), начало которому было положено в 1927 г. на англо-русской студенческой христианской конференции в г. Сент-Олбанс с целью сближения Православной и англиканской церквей. На второй конференции в 1928 г. было организовано Содружество под председательством епископа У. Фрира и митр. Евлогия (Георгиевского). Содружество существует по сей день, штаб-квартира находится в Оксфорде.

³ Келией на Афоне называют небольшой скит (монастырь для 2–3 монахов), в котором жизнь построена таким образом, чтобы обеспечить максимально возможное безмолвие и духовное делание. Скиты располагаются на земле того или иного монастыря, состоят из церкви, помещения для старца (начальника скита) и послушника, а также небольших хозяйственных построек. Максимальное количество насельников келии — 20 человек.

⁴ Особый чин служения литургии, принятый в Православной церкви. В России литургия Преждеосвященных Даров служится только в среду, пятницу и в некоторые праздничные будние дни Великого поста. На Афоне эта литургия служится во все дни Великого поста, кроме субботы и воскресенья. Святые Дары освящают Великим постом в субботу и воскресенье, в будние дни этого не происходит. Литургия, которую служат в будние дни Великого поста, проходит с уже Преждеосвященными Дарами. Преждеосвященная литургия отличается целым рядом особенностей, торжественными песнопениями, возгласами, коленопреклоненными молитвами.

11-го марта 1989 г.

Глубокочтимый Владыко, Благословите.

Пользуюсь случаем послать Вам самый добрый привет и просьбу — умножить молитву за нас. Ничто не приходит, ничто не дается без несоразмерно больших усилий и трудностей.

Монастырь наш растет, и влияние его, надеюсь, положительное, ширится и углубляется. Но все мои старания найти путь к Священной Иерархии — проваливаются. Помогите Вы мне, нам Вашим добрым словом обо мне, о нас. Нас сейчас — 16 душ.

Прилагаю извещение о выходе моей новой книги во французском переводе. Готовятся другие переводы: на греческий, на английский (уже готов).

Пытаюсь издать и по-русски. Пока мало успеха. Не знаю, кто и где мог бы напечатать для нашего Монастыря. Посоветуйте.

Со времени Вашего серьезного заболевания молитва за Вас всегда здесь усиленная. И я тоже усердно просил и продолжаю просить Бога — благословить Вас долгоденствием с силами на высокое служение Ваше.

С любовью *Софроний*.

5

from Archimandrite Sophrony
29-го Апреля 1984 г.

Tolleshant Knights,
By Maldon, ESSEX
CM9 8EZ

ХРИСТОС + ВОСКРЕСЕ!

Перед Пасхой вышла моя последняя книга:
«Voir Dieu tel Qu'èst»¹.

Вместе с этим письмом посылаю ее Вам. В процессе писания — я никак не думал издавать ее до моей смерти. Мое решение затем изменилось, с одной стороны, потому, что я хотел ее видеть в переводах, корректно передающих мой оригинальный (по-русски) текст. Опыт показал мне, что даже удовлетворительно знающие русский язык — далеко не всегда легко справляются с богословским и аскетическим материалом. Книга, полагаю, выйдет на пяти языках. Первым оказался французский перевод (отца Симеона нашего). Греческий перевод² я сейчас просматриваю сам. К сожалению, вынуждаюсь быть внимательным, так как во многих, весьма, по-моему, важных местах я был неправильно понят. Есть надежда, что сей перевод появится уже в конце лета или начале осени. Русский текст пока оставлю делать сербского священника Св. Саввы в Бермингеме³. Я никак не хочу доверить издательствам сей текст. Он не представляет коммерческого интереса, и наивно ждать, что издатель (тот или иной) будет заботиться о том, чтобы книгу мою всегда можно было бы достать. Иначе говоря, в случае исчерпания повторить издание книги. Английский перевод⁴ готов, но еще не ясно, кто его издаст. Он был послан в Оксфорд Университи Пресс⁵, но не был принят там. Издательство Мобрейс⁶ меня не влечет: они плохо издали мои предыдущие книги. Особенно гадко была издана вторым тиснением моя книга «Хис Лайф из майн»⁷. Хотя за них стоит соображение выхода книги в Америке через Св. Владимирскую Семинарию⁸. Предстоит еще перевод на сербский язык⁹, но это уж после выхода русского текста.

Я буду Вам очень благодарен, если окажется для Вас возможным познакомиться с содержанием моей книги и указать мне на неизбежные пробелы и явные ошибки в изложении богословского аспекта и даже аскетического.

Всегда Вас помню в моих молитвах (ежедневных) с любовью
А<рхимандрит> Софроний

¹ Voir Dieu tel Qu'est. Geneve: Laboret Fides, 1984. Перевод на французский язык книги о. Софрония «Видеть Бога как Он есть». Русский перевод книги вышел в 1985 г.

² Οψόμεθα τον Θεόν καθώς ἐστίν. Essex (GB): St John the Baptist Monastery, 1985.

³ Имеется в виду церковь Св. Лазаря в Бирмингеме (о. Софроний ошибочно назвал ее именем другого известного сербского святого — свт. Саввы Сербского). Построена в 1968 г. сербскими беженцами (имели статус перемещенных лиц), спасавшихся от политического режима Тито. На территории храма расположен комплекс строений, включающий типографию, трапезную, резиденцию священника. В 1984 г. в храме служил протопресвитер Миленко Жебич.

⁴ Английский перевод книги «Видеть Бога как Он есть» вышел в 1988 г.: *Archimandrite Sophrony. We Shall See Him As He Is / transl. by R. Edmonds. Essex, 1988.*

⁵ «Юниверсити пресс» (англ. Oxford University Press) — издательство Оксфордского университета, основано в 1891 г. Крупнейшее университетское издательство в мире, имеет филиалы в 60 странах. Управляется выборным представительным органом, состоящим из профессоров Оксфордского университета.

⁶ «Мобрейс» (Mowbrays Oxford Press) — одно из отделений издательства Оксфордского университета.

⁷ His Life Is Mine. L.; Oxford: Mowbrays, 1977.

⁸ Имеется в виду Свято-Владимирская православная духовная семинария (Saint Vladimir's Orthodox Theological Seminary) — православное учебное заведение в юрисдикции Православной церкви в Америке. Основана в 1938 г. в Нью-Йорке, в 1962 г. приобрела собственную территорию в Крествуде, штат Нью-Йорк. Деканами Владимирской семинарии были известнейшие богословы еп. Иоанн (Шаховской), прот. Георгий Флоровский, прот. Александр Шмеман, прот. Иоанн Мейендорф, прот. Иоанн Хопко и др.

⁹ Перевод на сербский язык был осуществлен; в 2009 г. вышло 4-е издание книги: *Архимандрит Софроние*. Видети Бога као што јесте. 4 изд. Београд, 2009.

6

Письмо еп. Василия (Кривошеина)

Брюссель, 25 марта 1984

Ruedws Chevalier, 29

IB-1050 Bruscelle

Дорогой Отец Софроний,

Благодарю Вас за Ваше письмо от 11 марта, за извещение о издании Вашей новой книги и за присылку ладана, все это передал Ваш иеродиакон о. Рафаил¹, очень милый человек, который рассказал мне много интересного о Вас и о Вашем монастыре. Вижу, что он возрастает о Господе, и радуюсь этому. Скорблю, что у Вас такие трудности со «Священной Иерархией» (надеюсь, что не в понимании Дионисия Ареопагита²). Что Вам сказать? По личному опыту могу свидетельствовать: с русской «иерархией», Московской Патриархией у меня никогда не было никаких столкновений, или неприятностей, или недоразумений, она всегда с любовью и терпением относилась ко всем моим «выходкам», вот сейчас по моей просьбе прислали

мне в помощь взамен покойного архимандрита Корнилия³ (Царство ему Небесное, много он мне трудностей делал) очень хорошего «пасторального» приходского батюшку протоиерея Михаила Старка⁴, Вы его знали по Sainte Genevieve⁵, он сын о. Бориса Старка⁶. О вас⁷ я уже говорил с нашим экзархом, митрополитом Филаретом⁸ (умный, доброжелательный и добрый человек, перегруженный, к сожалению, делами до изнеможения), но он не может вас принять без согласия Константинопольской Патриархии, а она, я убежден, никогда не даст Вам отпускной грамоты. А кроме того, Московская Патриархия очень ограничена и стеснена в своих действиях и помогать Вам реально не сможет. А что касается греков, то у меня сейчас самые хорошие отношения как на Афоне, так и в Константинополе и в Афинах, но весь опыт моей жизни меня учит: греки самые прекрасные люди, я их очень люблю, не только за «византийский» язык и стиль жизни, но и за современную *δημοτική*⁹, но быть под их властью, даже самой косвенной, я твердо решил никогда не находиться. А особенно под властью «Константинопольских» русских, *rue Daru*¹⁰, это хуже всего. Но это мои личные переживания («Суть же греци льстивы даже до сего дне», гениальное выражение летописца Нестора¹¹, достойное Достоевского!), но в Вашем положении я не вижу, как Вам помочь и что посоветовать. Только терпеть и молиться, да явит Господь путь, по коему же пойти.

Псылаю Вам греческое издание моей книги о пр. Симеоне Новом Богослове. Оно может Вас заинтересовать как сочетание подлинного языка Симеона (в цитатах) с крайней *δημοτική* в тексте. Это труд жены профессора Скутерис¹², очень удачный, как мне представляется. Некоторым грекам это нравится, а другие не вполне довольны, больше бы довольны были, если бы все было на новом греческом, а то народ не знает древнегреческого языка, но я, как и проф. Скутерис, с этим не согласен. Перевод Огласительных Слов и Гимнов на *δημοτική* было бы громадным богословским и художественным ущербом.

Я очень жалею, что Ваша книга встречает такие трудности в издании на русском языке, это было бы исключительно важным и основным делом. Почему Вы не обратитесь в YMCA Press (11, rue de la Montagne Yairte Genevieve, F-75005 Paris), вернее, к его издателю, Никите Алексеевичу Струве?¹³ Это самое культурное и почтенное русское издательство. Благодарю Вас за молитвы о моем здравии, слава Богу, я чувствую себя неплохо. Желаю и Вам долгоденствовать с Вашей о Христе братией, преуспевая на пути спасения. Прошу Ваших святых молитв.

С любовью о Христе
Архиепископ Василий

¹ Отец Рафаил (в миру Рэзван Константинович Нойка; род. 1942 г.) — иеромонах. Родился в Румынии в семье известного философа, эссеиста и поэта Константина Нойки, в 1955 г. вместе с семьей переехал в Англию. Поступил в монастырь к о. Софронию в 1961 г., в 1965 г. принял монашество. В 1993 г. после смерти о. Софрония покинул Эссекс и поселился в Румынии, в скиту Лэзешть в Западных Карпатах. Автор книг на духовную тематику, переводчик на румынский язык писаний преп. Силуана Афонского и книг архим. Софрония (Сахарова).

² Дионисий Ареопагит (ум. ок. 96 г.) — ученик ап. Павла, услышал проповедь о христианстве в афинском Ареопаге. Пострадал во время миссии в Галлии, во время гонения

императора Домициана. В VI в. в среде христианских богословов получили известность сочинения, так называемые Ареопагитики, которые приписывали перу Дионисия Ареопагита. В этих сочинениях заметно влияние неоплатонизма. Одно из самых известных творений данного корпуса — «О небесной иерархии», где речь идет об иерархии ангельских чинов в горнем мире, на вершине которой находится Бог. Еп. Василий ссылается именно на это сочинение, намекая на то, что конфликта не должно быть в первую очередь с духовным, трансцендентным миром.

³ Архимандрит Корнилий (в миру Дмитрий Николаевич Фристетт; 1902–1982) — родился в Красноярске, в 1927 г. переехал в Финляндию, имел финское гражданство. В 1938 г. поступил в парижский Свято-Сергиевский православный богословский институт, но обучение не закончил в связи с началом Второй мировой войны. Принял монашество в Париже в 1957 г., направлен на служение в Лондон, затем в Брюссель. Помощник настоятеля Патриаршего прихода в Лондоне (1959–1982), настоятель кафедрального собора Св. Николая Чудотворца в Брюсселе.

⁴ Старк Михаил Борисович (1944–2001) — протоиерей. Сын священника о. Бориса Старка, друга о. Софрония, с которым они вместе служили в Русском доме в Сент-Женевьев-де-Буа. Михаил Старк родился во Франции, в 1952 г. вместе с родителями переехал в Россию. Принял священство в 1972 г., служил в Свято-Никольском соборе в Брюсселе (1983–1990), с 1985 г. был его настоятелем. После 1990 г. вернулся в Россию, служил в Яковлевско-Благовещенском храме г. Ярославля до конца дней.

⁵ Сент-Женевьев-де-Буа (Sainte-Genevieve-des-Bois) — город в предместье Парижа, в котором находился Русский старческий дом. При нем действовала кладбищенская церковь (сейчас находится в юрисдикции Вселенского патриархата). Русский дом был организован в 1927 г. княгиней В.К. Мещерской. Всего на кладбище Сент-Женевьев-де-Буа похоронено около 15 тыс. русских. В церкви Успения Божией Матери (освящена в 1939 г.) служил о. Борис Старк (с 1940 по 1952 г.), архим. Софроний служил помощником настоятеля Никольской церкви при Русском старческом доме (1947–1956), которая относилась к юрисдикции Московского патриархата. На кладбище погребены наиболее известные русские эмигранты, оно имеет большое историко-культурное и мемориальное значение.

⁶ Старк Борис Георгиевич (1909–1996) — протоиерей. Родился в Кронштадте в семье морского офицера (в будущем — контр-адмирала) Георгия Карловича Старка, который служил на крейсере «Аврора». После революции 1917 г. Г.К. Старк увел корабли своей флотилии на Филиппины, затем перебрался в Париж. В 1925 г. в Париж к отцу вместе с сестрой переехал его сын Борис. Окончил технический институт, работал инженером-электриком. Рукоположен в 1937 г., с 1940 г. служил священником Свято-Успенского храма при Русском доме в Сент-Женевьев-де-Буа. В 1952 г. вернулся с семьей в Россию, служил в Костроме, Херсоне (1953–1960), Рыбинске (1960–1962), преподавал в Одесской семинарии. С 1962 г. настоятель кафедрального собора в Ярославле. Один из самых близких друзей и духовных собеседников о. Софрония (Сахарова), который навещал его в России во время своих приездов на родину (см.: [Софроний (Сахаров), архим. 1997а]).

⁷ Когда вл. Василий пишет «вас» с маленькой буквы, то имеет в виду не о. Софрония, а насельников его монастыря. В данном случае речь идет о том, что о. Софроний желал перевести свой монастырь из юрисдикции Константинопольского патриархата в Московскую патриархию и просил ходатайствовать об этом вл. Василия.

⁸ Митрополит Филарет (в миру Кирилл Варфоломеевич Вахромеев; род. 1935) — патриарший экзарх всея Беларуси. Окончил Московскую духовную семинарию (1953–1957) и академию в звании кандидата богословия (1957–1961). Принял монашество (1959), рукоположен в иеромонахи в 1961 г., старший помощник инспектора Московской духовной семинарии (с 1962), инспектор (с 1963). Епископ Тихвинский, викарий Ленинградской епархии (1965), ректор Московской академии, викарий Московской епархии (1966–1973),

патриарший экзарх Средней Европы (1973–1978), митрополит Минский и Белорусский (с 1978). Патриарший экзарх Западной Европы (1978–1984). Председатель Отдела внешних церковных сношений (1981–1989). В 1999 г. был одним из трех кандидатов на патриарший престол, с 2013 г. находится на покое с сохранением титула почетного Патриаршего экзарха всея Беларуси и правом участия в работе Священного Синода.

⁹ Διποτικῆ — современный разговорный греческий язык, отличающийся от искusstvenной архаичной формы языка (кафаревуса), восходящей к древнегреческому. Кафаревуса была официальным языком в Греции до 1976 г., позже ее место заняла димотика. Новогреческий язык является сплавом димотики и кафаревусы.

¹⁰ Речь идет о кафедральном соборе Александра Невского (Paris, rue Daru, 12). В 1922 г. митр. Евлогий (Георгиевский) устроил в соборе кафедру своей епархии приходов русских эмигрантов. В 1931 г. митр. Евлогий переходит в юрисдикцию Константинопольского патриархата (Западноевропейский экзархат русских приходов). Несмотря на то что сам митр. Евлогий воссоединился с Московской патриархией в 1945 г., его паства не сочувствовала этому шагу и осталась в юрисдикции Константинопольского патриархата.

¹¹ Речь идет о знаменитой фразе из Повести временных лет (по Лаврентьевскому списку), эпизод о взятии Святославом болгарского города Переяславца (лето 6479, или 971 г.). Фраза «Суть бо Греци льстивы и до сего дни» одна из самых известных, приписываемых летописцу Нестору.

¹² Сведения не обнаружены.

¹³ Струве Никита Алексеевич (1931–2016) — издатель, переводчик, исследователь русской эмиграции, главный редактор журнала «Вестник РСХД». После окончания Сорбонны преподавал там русский язык. Сотрудник «Вестника РСХД» (с 1951), член правления «УМСА-Press» (с 1956), впоследствии — директор издательства. Первым издал на русском языке запрещенные произведения М. Булгакова («Собачье сердце») и А. Солженицына («Август Четырнадцатого», «Архипелаг ГУЛАГ»). Защитил докторскую диссертацию об О.Э. Мандельштаме, профессор университета Нантер (1979). Учредитель издательства «Русский путь» (1991), соучредитель Библиотеки-фонда «Русское зарубежье», главный редактор издательства «Путь» (с 2001). Скончался в Париже.

«ДОРОГОЙ МОЙ ДРУГ ПЕТР НИКОЛАЕВИЧ»:
ПИСЬМА Н.Н. АЛЕКСЕЕВА К П.Н. САВИЦКОМУ (1957–1961)*

*Предисловие Б.В. Назмутдинова. Подготовка текста и комментарии
О.Т. Ермишина и Б.В. Назмутдинова*

Классическое евразийство 1920–30-х гг. сравнительно хорошо изучено как на уровне официальных текстов движения (манифесты, временники, хроники), статей евразийцев в эмигрантской периодике, так и на уровне переписки между представителями движения. Однако это справедливо лишь по отношению к текстам 1921–1928 гг., когда евразийство еще было единым течением, не распавшимся на левое (просоветское) и правое евразийство в результате кламарского раскола¹ 1928–1929 гг. Менее изучены посткламарские тексты 1929–1939 гг. и особенно постевразийское наследие 1940–60-х гг.

Между тем содержание послевоенных писем П.Н. Савицкого, П.П. Сувчинского, Н.Н. Алексеева, Г.В. Флоровского и Г.В. Вернадского очень важно и интересно. Например, возобновилось общение между двумя бывшими лидерами евразийства — Савицким и Сувчинским, которые сочли свои прежние разногласия несущественными².

С точки зрения истории политических и правовых учений наибольший интерес представляет переписка лидера евразийцев П.Н. Савицкого и Н.Н. Алексеева. Николай Николаевич Алексеев (1879–1964) основателем евразийства не был, присоединившись к движению лишь в 1926 г. Известность он получил задолго до этого, став видным российским правоведом. Алексеев окончил юридический факультет Московского университета; его наставниками были А.С. Алексеев и П.И. Новгородцев. В силу возраста и мировоззрения ученого можно причислить к старшему поколению русских эмигрантов (Н.А. Бердяеву, С.Н. Булгакову и др.), которому участники евразийского движения, родившиеся в начале 1890-х гг., себя нарочито противопоставляли.

К самому евразийству Алексеев изначально относился критически. «В основе идеи евразийства лежит не историческое, а эмоциональное начало, родившееся

* Публикуется по архивным источникам, хранящимся в Славянской библиотеке (Прага, Чехия): Т-SAV-II/9, Т-SAV-V/80.

¹ Кламарский раскол означает распад евразийского движения на левое (просоветское) и правое (ортодоксальное) евразийство. Кламарским раскол назван из-за пригорода Парижа, где жили многие русские эмигранты (Н.А. Бердяев и др.); здесь же находилась типография, в которой печаталась газета «Евразия», ставшая рупором левого евразийства.

² Впрочем, неприятие П.Н. Савицкого Г.В. Флоровским осталось прежним. Их переписка сохранилась, но непосредственно П.Н. Савицкому адресовано лишь первое письмо Г.В. Флоровского, другие предназначались А.В. Флоровскому, брату Г.В. Флоровского, жившему в Праге, как и П.Н. Савицкий (см.: Florovskaja, Florovskij).

в результате нашего <русского> разочарования в Западе. Подъем национального чувства следует приветствовать, решительно отвергая, однако, как несостоятельный исторический подход докладчика, так и его максимализм» [Россия как оскобый исторический мир 1925, с. 4] — именно так высказался Алексеев о докладе Савицкого, прочитанном 10 марта 1925 г. в Берлине.

Исследователи и сам Савицкий подчеркивают, что Алексеев присоединился к евразийству уже в 1926 г.³ Причиной такого поступка послужила, несмотря на ряд разногласий, идейная сопричастность евразийству, поводом стало проживание автора в 1922–1926 гг. в Праге. Последнее немаловажно, поскольку столица Чехословакии некоторое время даже именовалась «русским Оксфордом». В начале 1920-х гг. многие ученые и философы вынужденно покинули советскую Россию, общая численность русских эмигрантов составляла свыше миллиона человек⁴, из которых чуть больше двадцати тысяч осело в Праге⁵, при этом многие из них — либо преподаватели и ученые, либо недоучившиеся студенты. В рамках так называемой Русской акции, проводившейся при содействии Т.Г. Масарика (Masaryk) и Э. Бенеша (Beneš), в мае 1922 г. был основан Русский юридический факультет (далее — РЮФ), принятый под протекторат Карлова университета⁶. Деканом РЮФа стал русский юрист П.И. Новгородцев, благодаря которому Алексеев, покинувший Россию в 1921 г., был назначен секретарем РЮФа и возглавил кафедру государственного права.

Логично предположить, что Алексеева привлек к сотрудничеству с евразийцами Савицкий, учившийся, а затем и преподававший на РЮФе. Однако тот в своих пометках⁷ к письму Сувчинского от 7 декабря 1926 г. уточнял, что первое упоминание об Алексееве содержит именно это письмо, где среди прочего говорится о процессе издания брошюры Алексеева о политическом строе советской России [Алексеев 1927ж].

Савицкий подчеркивал, что Алексеев «вошел в евразийскую работу (через посредство Сувчинского и Л.П. Карсавина) около времени “съезда” в Трагвайне, т. е. в

³ Об этом см. ниже.

⁴ Подчеркивается, что «после революции 1917 года и Гражданской войны на территории бывшей Российской империи, по данным, опубликованным Лигой Наций в сентябре 1926 г., из России выехало 1 160 000 человек» [Кривошеева 2003, с. 3].

⁵ Численность русских эмигрантов в ЧСР в начале — середине 1920-х гг. составляла 22 тыс. человек [Пашуто 1991, с. 68]. Для сравнения, в Германии число русских эмигрантов примерно в то же время составляло около 600 тыс. [Дмитриев 2003, с. 225].

⁶ Пражский кружок евразийцев группировался вокруг РЮФа. Из тех, кто на тот момент примкнул к евразийцам или присоединился к ним позже, здесь преподавали в должности профессоров Н.Н. Алексеев и Г.В. Вернадский. Были оставлены для защиты профессорского звания выпускники Н.А. Дунаев (1895–1931), К.А. Чхеидзе (1897–1974) и Я.Д. Садовский (1891–1925). С 1922 по 1925 г. Н.Н. Алексеев был секретарем РЮФа. Г.В. Вернадский возглавлял кафедру истории русского права, М.В. Шахматов состоял в должности профессора на той же кафедре. П.Н. Савицкий числился приват-доцентом на кафедре политической экономики и статистики. Вместе с тем на факультете преподавали известные своей нетерпимостью к евразийству историк А.А. Кизеветтер, юрист Г.Д. Гурвич и др. (см.: ГА РФ. Ф. 5765. Оп. 1. Д. 92. Л. 2). Выступавший против евразийства Е.В. Спекторский был принят на кафедру истории философии права уже после смерти Новгородцева и по сути — на его место. Благожелательную характеристику ему дал Алексеев, к тому времени еще не присоединившийся к евразийству (см.: ГА РФ. Ф. 5765. Оп. 2. Д. 869. Л. 7).

⁷ Пометки датированы 16 января 1937 г.

августе–сентябре 1926 г.»⁸. Данное упоминание совпадает с призывом Трубецкого, который 25 апреля 1926 г. пишет Сувчинскому: «С юристами, особенно государствоведами, дело по-прежнему обстоит очень скверно. Они поголовно и безнадежно твердят зады. <...> Вместе с тем мы не можем довольствоваться кустарщиной. Наше дело — поставить проблему, подать мысль, а разрабатывать должны настоящие спецы. Когда от нас требуют программ и деклараций, упускают из вида это обстоятельство. Вопрос этот, наконец, надо сдвинуть с мертвой точки. Без юриста мы погибнем. И нужен он именно сейчас. Надо предпринимать героические меры, чтобы заразить какого-нибудь юриста. Пускай ищут все: рассчитываю на Вас и на Кошица <Карсавина>, у П<етра> Н<иколаевича> С<авицкого> в этом отношении ничего не выходит, ибо юристы в его районе все являются нашими злейшими врагами» [Из писем Н.С. Трубецкого 2010, с. 413–414]. Под недругами движения подразумевались Е.В. Спекторский, Д.Д. Гримм, Г.Д. Гурвич и прочие преподаватели РЮФа, критиковавшие евразийство. Кандидатуру Алексеева Трубецкой всерьез не рассматривал прежде всего в силу личной неприязни.

В это же время Алексеев оставляет постоянную работу в Праге. В одном из публикуемых ниже писем он упоминает о своем присоединении к евразийству в Париже в 1927 г. По его собственному признанию, он часто видел лишь парижских евразийцев, которые были ему чрезвычайно неприятны, — Сувчинского и Карсавина (Aleksejev, (22), s. 1). Именно в Париже в декабре 1926 г. Алексеев выступил на Евразийском семинаре с докладом «О советском строе и его политических возможностях» [Татищев 1927, с. 44]. Тогда же он дебютировал в евразийской печати. Степан Лубенский (псевдоним П.Н. Савицкого), автор «Евразийской библиографии 1921–1931», упомянул об этом событии: «В пятой книге “Евразийского временника” выступил автор, работ которого не было в предшествовавших евразийских изданиях, но которому предстояло внести исключительно большой вклад в евразийское дело: это — государствовед, бывший профессор Московского университета — Н.Н. Алексеев. Его статья говорит о “советском федерализме”» [Лубенский 1931, с. 301–302].

В 1926–1928 гг. автор опубликовал в евразийских изданиях статьи «Советский федерализм» (1927), «О народном праве и задачи нашей правовой политики» (1927), «Записка о суде» (1927), «Евразийцы и государство» (1927), «Обязанность и право» (1928), брошюры «На путях к будущей России (советский строй и его политические возможности)» (1927), «Собственность и социализм» (1928). Известны историософская работа Алексеева «Русский народ и государство» и другие статьи, опубликованные в журнале «Путь» на рубеже 1920–30-х гг.

Несмотря на то что Алексеева привлекли к участию в евразийском движении в Париже, он был верен пражскому евразийству, возглавляемому П.Н. Савицким. Символом этой лояльности стала совместная брошюра Алексеева, Савицкого

⁸ ГА РФ. Ф. 5783. Оп. 1. Д. 359. Л. 172. Благодарю за ссылку на реквизиты архивного дела Л.И. Новоженину [Новоженина 2002, с. 22]. В австрийском селении Трагвайн (Tragwein) у Трубецких располагалась «дача», где, по версии М. Байссвенгера, и состоялась встреча Савицкого с Трубецким и Сувчинским [Байссвенгер 2008, с. 30].

и В.Н. Ильина против кламарского евразийства «О газете “Евразия”. Газета “Евразия” не есть евразийский орган» (1929).

В 1930-е гг. Алексеев продолжал публиковать в евразийских изданиях свои работы, среди которых — «Задачи современного правоведения» (1931), «К учению об объективном праве» (1931), «Теория государства» (1931), «Куда идти? К вопросу о новой советской конституции» (1936), «Пути и судьбы марксизма» (1936). При этом автор, в отличие от Савицкого, не был полноценным адептом евразийства, то есть тем, чья идентичность определяется верностью идеологии. Небольшой труд Алексеева «Религия, право и нравственность» (1930) выходит под маркой «УМСА» — организации, которую евразийцы постоянно критиковали.

В конце 1930-х гг. Алексеев постепенно отходит от евразийства. Статья «О гарантийном государстве» (1937) являет собой переосмысление «идеократии» Трубецкого в духе государства публичных обязанностей, welfare state. Для Алексеева поиск «внутренней правды», к которому призывали не только Трубецкой, но и М.В. Шахматов и К.А. Чхеидзе, в области государства отныне символизирует не жажду истины, но неоправданное насилие. Автор теперь защищает лишь «внешнюю правду»: политический платонизм уступает идее Аристотеля о смешанном правлении. Подобные идеи были развиты правоведом в статье «О будущем государственном строе в России» (1938), где возникает вполне стандартная для конституционных государств фигура президента.

Такой эволюции взглядов во многом способствовали события в СССР. В статьях Алексеева, опубликованных в газете А.Ф. Керенского «Новая Россия», нельзя не заметить разочарования в правовом и политическом строе советской России. Если в 1936 г. автор надеялся, что ленинизм, даже названный им «евразийским марксизмом», сможет сочетать «народное» и «диктаториальные» начала в управлении [Алексеев 1936, с. 82], то ход судебных процессов в СССР в 1937 г. убедил его в обратном [Алексеев 1937, с. 11–12]. Идеальный общественный строй «внутренней правды» оказался, по мнению Алексеева, эмпирически недостижим — ученый тем самым вернулся к идеям Новгородцева. Отвернувшись от коммунистической идеократии, автор расстался и с евразийством. Одна из последних «роевразийских» публикаций датирована 1938 г. [Алексеев 1938]. В конце десятилетия Алексеев прекращает сотрудничество с евразийским движением.

Вторая мировая война положила конец общению между Алексеевым и Савицким. Первый на рубеже 1930–40-х гг. переехал в Белград, где и оставался до 1950 г. Савицкий пережил войну в Праге, в 1944 г. он был снят с поста директора русской гимназии из-за отказа содействовать мобилизации школьников (Suvčinskij, s. 1). После прихода советских войск ученый был арестован, осужден на 10 лет советских лагерей, в Прагу он смог вернуться только в 1956 г.

По возвращении в Чехословакию Савицкий стал наводить справки о своих друзьях. Получив сведения о предполагаемой смерти Н.Н. Алексеева, он начал их проверять, расспрашивал востоковеда В.Ф. Минорского и историка А.В. Флоровского о судьбе своего друга (Minorskij, Savickij). Когда эти сведения не подтвердились, Савицкий нашел адрес Алексеева и написал ему, получив долгожданный ответ. Последний представлял собой краткую автобиографию

Алексеева за 1939–1957 гг. Завязалась продолжительная переписка, прервавшаяся в связи с репрессиями в отношении к Савицкому со стороны чехословацких властей в 1961–1962 гг. из-за содержания его стихов, написанных в лагере и опубликованных под псевдонимом П. Востоков.

Продолжительность переписки Алексеева и Савицкого объяснима не только близостью двух умов, но и душ. Письма наполнены особенной теплотой: вполне вероятно, что Алексеева в евразийстве удерживала идейная и человеческая близость именно к Савицкому. В 1957–1961 гг. он продолжает делиться с ним своими переживаниями по поводу старости и болезней, просит отозваться на свои новые сочинения — мемуары «В бурные годы», печатаемые в нью-йоркском «Новом журнале», и т. д.

Вместе с тем участники переписки относятся к евразийству все же по-разному. Савицкий, которого опыт лагерей, по его словам, не поколебал, а укрепил в «вере в русский народ», считал, что послевоенный СССР по сути и стал Евразией. Более того, граница между европейской и евразийской цивилизациями отодвинулась на запад, а Прага стала форпостом «Востока». Савицкому евразийство продолжало казаться живой, пульсирующей идеей, основой и символом культурно-политической экспансии России. «Мировой статус русского языка», «русский космос» — Савицкий гальванизирует классическое евразийство в совершенно новых координатах, делясь с Алексеевым восторгом от кочевниковедения Л.Н. Гумилева, реализующего давние мечты о полноценном изучении центральной Евразии.

Алексеев, как житель послевоенной Женева, пусть и сохранивший советское гражданство, подчеркнуто дистанцировался от евразийства. Для него евразийский период — лишь один из многих жизненных этапов, кроме того, от участия в движении у автора оставалось неприятное послевкусие. Воспоминания Алексеева о евразийстве, появления которых жаждал Савицкий, отсутствовали в «Новом журнале» не только потому, что после смерти М.М. Карповича редактором издания стал тот, кто их бы не опубликовал (Р.Б. Гуль). Скорее всего, Алексеев опасался, что его искренние воспоминания о евразийстве огорчат Савицкого (все очерки в рамках цикла «В бурные годы» написаны нарочито искренне). По словам автора, «аристократическо-гвардейское» крыло в евразийстве относилось к Алексееву как к плохо образованному «московскому плебею». В письмах юриста можно также найти негативные характеристики бывших соратников — Н.А. Клепинина и т. д. (Aleksejev, (6), s. 3). Алексеев пытался уйти от публикации этих мемуаров, отчасти оправдываясь и тем, что евразийский архив, который ему достался от лидера белградской группы евразийцев В.А. Стороженко (см. о нем ниже примеч. 3 к письму № 6), он уничтожил дважды: в 1941 г. перед вторжением немецких войск в Белград и приходом советских солдат в Югославию в 1944 г. (Aleksejev, (5), s. 1).

Особенной деталью переписки стало обсуждение судьбы П.И. Новгородцева — его статуса в кругу пражской эмиграции и отношения к евразийству. Савицкий настаивал на идейной близости Новгородцева к евразийству, Алексеев — лишь на «позднем славянофильстве» русского правоведа. Фигура Новгородцева важна и потому, что еще в начале 1920-х гг. ученого хотел привлечь к евразийству Г.В. Флоровский. «Привлечению» помешал Трубецкой, не увидевший отличий

Новгородцева от иных «старых гримз», «державших нос по ветру» [Переписка Г.В. Флоровского с Н.С. Трубецким 2011/2012, с. 42, 46–46, 52]. Позже Трубецкой сожалел о таком отношении, но к ученикам Новгородцева — Б.П. Вышеславцеву и Н.Н. Алексееву — продолжал относиться с большим подозрением [Из писем Н.С. Трубецкого 2010, с. 298].

Многие письма Алексеева Савицкому включают в себя сообщения о личной жизни, сетования на двусмысленное положение в среде эмиграции: изолированность от советской и зарубежной культурной среды, которые не принимали его, не признавали «своим». Будучи отлучен от отечественной науки, автор не разделял «советологических» устремлений русской эмиграции, которые были присущи, к примеру, коллеге Алексеева по РЮФу Н.С. Тимашеву. Последний вместе с З. Бжезинским и В. Гурианом опубликовал статьи в знаменитых сборниках о проблемах тоталитаризма, где советский режим наряду с нацистским и фашистским клеймился как тоталитарный⁹.

В таком контексте особенно важным становится отношение Алексеева к советской науке, прежде всего юриспруденции. Ученый сетует, что в главный юридический журнал СССР «Советское государство и право» по идеологическим соображениям — мол, статья написана «эмигрантом» — не приняли его статью о русском абсолютизме, после чего ее пришлось издать по-немецки. Впоследствии эта работа перерастет в небольшой труд об идеологии русского абсолютизма, изданный уже по-русски (см.: [Алексеев 1958]).

Амбивалентное отношение Алексеева к советскому режиму объяснимо, с одной стороны, его симпатией к роли СССР после 1945 г., с другой — осознанием своей «неуместности» в советском научном сообществе. Последнее обстоятельство, а также преклонный возраст ученого, привязанность жены и падчерицы к их месту работы, привычка к определенному стилю жизни, на наш взгляд, помешали автору вернуться в Россию. Алексеев умер в Женеве в 1964 г., за четыре года до смерти П.Н. Савицкого.

Для публикации были взяты письма Н.Н. Алексеева из личной коллекции П.Н. Савицкого, хранящейся в архиве Славянской библиотеки в Праге. Первое письмо Алексеева представляет собой краткую автобиографию с 1940 г. вплоть до даты отправки письма — 29 августа 1957 г. Прочие письма посвящены дореволюционному и эмигрантскому прошлому Алексеева, планам его работ, текущим событиям политической и личной жизни. Алексеев, например, упоминает о принятии к публикации своей рецензии в журнале «Советское государство и право», которую он написал под «французским псевдонимом». Однако текстов, соответствовавших этим характеристикам, в номерах «Советского государства и права» и даже чуть менее значимого в СССР «Правоведения», датированных 1957–1963 гг., найти не удалось.

Оригиналов писем П.Н. Савицкого к Алексееву в фондах Славянской библиотеки нет, поэтому в приложении печатаются их копии, сделанные для себя

⁹ Помимо обсуждения основных тем, в письмах Н.Н. Алексеева упоминаются текущие политические события — стремительная и насильственная деколонизация, кризис на Ближнем Востоке, восприятие советских лидеров на Западе (приезд во Францию Н.С. Хрущева) и др.

Савицким (возможно, что последний при копировании редактировал и сокращал свои письма). Копию одного из посланий Алексееву Савицкий отправил Г.П. Струве в 1959 г.; она хранится в Гуверовском архиве, в пражской коллекции ее нет. Ю.Б. Мелих опубликовала эту копию в 2010 г. [Мелих 2010, с. 156–159].

В связи с тем что в настоящем издании публикуются лишь копии писем Савицкого, мы не можем выстроить переписку по хронологическому принципу (письмо — ответ). Чтение текстов будет напоминать коротасаровскую «Игру в классики», идеи и формулировки писем Алексеева лучше прояснять, обращаясь к копиям посланий Савицкого.

Письма Алексеева публикуются в соответствии с современными правилами орфографии и пунктуации. Некоторые нестандартно написанные слова и названия (Белоград вместо Белград, еллинистический, резюме) исправлены. Сокращенные слова раскрыты в угловых скобках, в них же помещены слова и фамилии, необходимые в качестве дополнения к основному архивному тексту. В письмах Н.Н. Алексеева без изменений сохранено подчеркивание, которым выделены отдельные слова, в приложении разрядка в тексте писем П.Н. Савицкого передана курсивом. Автор статьи благодарит директора Славянской библиотеки Лукаша Бабку за разрешение опубликовать архивные материалы.

Источники и литература

ГА РФ — Государственный архив Российской Федерации

Aleksejev — Aleksejev, Nikolaj Nikolajevic, Švýcarsko. Slovanská Knihovna, Praha. T-SAV-II/9 (5), (6), (22)

Florovskaja, Florovskij — Florovskaja, Ksenija Ivanovna (sestra V.I. Savické, manželky P.N. Savického); Florovskij, Georgij Vasil'jevic (švagr P.N. Savického), Cambridge, USA. Slovanská Knihovna. T-SAV-V/130 (1)

Minorskij — Minorskij, Vladimir Fedorovic, V. Britanie. Slovanská Knihovna. T-SAV-III/35

Savickij — Savickij, Petr Nikolajevič, Praha. Slovanská Knihovna. T-FLOR-IX/242 (7)

Suvcinskij — Suvcinskij, Petr Petrovic, Paříž. Slovanská Knihovna. T-SAV-V/117 (1)

Vernadskij — Vernadskij, Georgij Vladimirovic, USA. T-SAV-III/60 (22)

Алексеев 1926 — Алексеев Н.Н. Идея земного града в христианском вероучении // Путь. 1926. № 5. С. 20–41.

Алексеев 1927а — Алексеев Н.Н. Советский федерализм // Евразийский временник. Париж, 1927. Кн. V. С. 240–261.

Алексеев 1927б — Алексеев Н.Н. Народное право и задачи нашей правовой политики // Евразийская хроника. Париж, 1927. Вып. VIII. С. 36–42.

Алексеев 1927в — Алексеев Н.Н. Записка о суде // Евразийская хроника. Париж, 1927. Вып. IX. С. 16–21.

Алексеев 1927г — Алексеев Н.Н. Евразийство и государство // Евразийская хроника. Вып. IX. Париж, 1927. С. 31–39.

Алексеев 1927д — Алексеев Н.Н. Христианство и идея монархии // Путь. 1927. № 6. С. 15–31.

Алексеев 1927е — Алексеев Н.Н. Русский народ и государство // Путь. 1927. № 8. С. 21–57.

Алексеев 1927ж — Алексеев Н.Н. На путях к будущей России (советский строй и его политические возможности). Париж, 1927.

- Алексеев 1928а — *Алексеев Н.Н.* Обязанность и право // Евразийская хроника. Париж, 1928. Вып. X. С. 19–26.
- Алексеев 1928б — *Алексеев Н.Н.* Собственность и социализм: Опыт обоснования социально-экономической программы евразийства. Париж, 1928.
- Алексеев 1936 — *Алексеев Н.Н.* Пути и судьбы марксизма. Берлин, 1936.
- Алексеев 1937 — *Алексеев Н.Н.* Изобличенный Смердяков // Новая Россия. 1937. № 21. С. 11–12.
- Алексеев 1938 — *Алексеев Н.Н.* О будущем государственном строе в России // Новый град. 1938. № 13. С. 89–114.
- Алексеев 1958 — *Алексеев Н.Н.* Российская империя в ее исторических истоках и идеологических предпосылках. Женева, 1958.
- Байсвенгер 2008 — *Байсвенгер М.* Метафизика Евразии // Петр Николаевич Савицкий (1895–1968): Библиография опубликованных работ. Прага, 2008. С. 9–14.
- Белошевская 2011 — Воспоминания. Дневники. Беседы: (Русская эмиграция в Чехословакии) / сост. и общ. ред. Л. Белошевской. Кн. 1. Прага, 2011.
- Гачева 2005 — *Гачева А.Г.* Неизвестные страницы евразийства конца 1920–1930-х годов: К.А. Чхеидзе и его концепция «совершенной идеократии» // Вопросы философии. 2005. № 9. С. 147–167.
- Дмитриев 2003 — *Дмитриев А.* Национализация науки и фактор эмиграции: русские гуманитарии в Германии (1920-е — 1930-е гг.) // Ab Imperio. 2003. № 2. С. 211–256.
- Из писем Н.С. Трубецкого 2010 — Из писем Н.С. Трубецкого П.П. Сувчинскому // *Глебов С.* Евразийство: между империей и модерном. М., 2010. С. 177–556.
- Ильин 1925 — *Ильин В.Н.* К взаимоотношению права и нравственности // Евразийский временник. Берлин, 1925. Кн. IV. С. 305–317.
- Ключевский 1918 — *Ключевский В.О.* История сословий в России: Курс, читанный в Московском университете в 1886 г. М., 1918.
- Кривошеева 2003 — *Кривошеева Е.Г.* Российская послереволюционная эмиграция накануне и в период Второй мировой войны: Дисс. ... д-ра ист. наук. М., 2003.
- Лубенский 1931 — *Лубенский С.* Евразийская библиография // Тридцатые годы: Утверждение евразийцев. Париж, 1931. Кн. VII. С. 285–317.
- Мелих 2010 — *Мелих Ю.* Старый патриотизм, «переориентированный на новую Россию»: евразийство П.Н. Савицкого // Россия XXI. 2010. № 2. С. 124–159.
- Новоженина 2002 — *Новоженина Л.И.* Государственно-правовое учение Н.Н. Алексеева: Дисс. ... канд. юридич. наук. Уфа, 2002.
- О евразийстве 1925 — О евразийстве // Дни. 1925. 22 марта. С. 7.
- Пашуто 1991 — *Пашуто В.Т.* Русские эмигранты в Европе. М., 1991.
- Переписка Г.В. Плеханова и П.Б. Аксельрода 1925 — Переписка Г.В. Плеханова и П.Б. Аксельрода: в 2 т. М., 1925. Т. 1.
- Переписка Г.В. Флоровского с Н.С. Трубецким 2011/2012 — Переписка Г.В. Флоровского с Н.С. Трубецким (1921–1924) // Записки Русской академической группы в США. 2011/2012. Т. XXXVII. С. 32–145.
- Россия как особый исторический мир 1925 — Россия как особый исторический мир // Руль. 1925. 24 марта. С. 4.
- Соболев 2008 — *Соболев А.В.* Об отношении евразийцев к фашизму // *Соболев А.В.* О русской философии. СПб., 2008.
- Татищев 1927 — *Татищев Н.В.* Евразийский семинар в Париже // Евразийская хроника. Париж, 1927. Вып. VII. С. 44–45.
- Трубецкой 2008 — *Трубецкой Н.С.* Письма к П.П. Сувчинскому: 1921–1928. М., 2008.

1

Orselino sur Locarno, Hôtel la Planta
29.VIII.1957. (мой адрес летний, временный),

а постоянный женевский:

Prof. N. Alexeiev, Chemin Vermont, Genève, Suisse.

Я вернусь уже в Женеву, когда Вы получите письмо.

Дорогой друг мой Петр Николаевич!

Вы не можете представить ту радость, которую я испытал, получив пересланное мне Ваше письмо. Я уже давно знал о Вашем возвращении в Прагу, знал и Ваш адрес, но не решался написать Вам, предполагая, что Вы, быть может, не хотите по тем или другим причинам восстанавливать наши старые отношения. На сделанный Вами почин немедленно Вам отвечаю. Прошло 20 лет, как мы виделись в последний раз, — и каких лет!.. Нет никакой возможности рассказать, что со мною было за те 16 лет, когда я получил от Вас последнее письмо в Югославии. Если все же начать рассказывать о себе, то лучше всего начать с конца — с настоящего моего жития-бытия. Вот уже 7 лет, как я живу в Женеве. Жена моя, Татьяна Павловна, которую Вы знаете и которая шлет Вам привет, служит в Организ<ации> Объедин<енных> Наций (европейское отделение) в настоящее время в качестве секретаря секции русских переводчиков. Моя падчерица, Маша, ныне советско-швейцарская гражданка («двуподданная»), служит там же в качестве переводчицы. Она замужем за швейцарским гражданином и имеет уже двух-летнего сына, так что я стал «дедушкой». Но и помимо этих матримониальных признаков я стал (или, по крайней мере, становлюсь) «дедушкой», так как мне сейчас 78 лет. Причисляю себя к «дедушкам» бодрым, не успевшим еще впасть в «рамолимент»¹. По-прежнему грызу книги и пишу, хотя печатаюсь редко. В Женеву мы попали в 1950 году после того, как советско-югославянские отношения испортились настолько, что, не дожидаясь, что меня арестуют или вышлют, решил подать прошение в Мин<истерство> нар<одного> просв<ещения> Сербской республики об увольнении меня из Белградского университета по возрасту. Меня отпустили с миром и даже с пенсией, которую я, конечно, не могу получать за границей. Вы знаете, что весной 1940 года я был избран гонор<арным> профессором Белгр<адского> университета, в каком качестве существовал до 6 апреля 1941 года, когда налетом германских «штук»² половина Белграда была разрушена и 11 000 граждан перебито. Мы спаслись каким-то чудом и попали в страшные годы германской оккупации, о которых не хочу вспоминать. Немцы выкинули меня из университета, как и других сербских профессоров, и моего приятеля Тасича³, которому я обязан моей сербской карьерой, убили. 20 октября 1944 г. на Сербию начала надвигаться армия маршала Толбухина, и через несколько дней перед моими окнами стали советские танки — один из незабываемых дней моей жизни. В те дни в Белграде осталось мало русских эмигрантов — всех вывезли немцы в Германию. Мы решили, что останемся в приютившей нас стране, где вместе с некоторыми друзьями вынесли всю тяжесть оккупации. Я лично считал, что

у меня приблизительно 90 % за то, чтобы быть по моим эмигрантским заслугам расстрелянным или по крайней мере депортированным представителями советской власти; но оказалось не так — меня не только не расстреляли, но даже не допрашивали. Я был возвращен новым правительством в университет вместе с другими сербскими уволенными профессорами. С введением новых программ по московскому образцу мне было поручено читать тот же курс «Истории политических учений», который я некогда читал в Москве (на втором курсе юристов)⁴. Я думал, что так и кончу свои дни в Югославии, выслужу пенсию, перееду куда-нибудь на блаженное по климату далматинское побережье, буду ловить рыбу да стрелять вальдшнепов и перепелов, которые зимой налетают туда массами, — но в наши дни не удаются такие идиллии. Вместо этого я попал в Женеву.

С установлением в Югославии нового порядка после оккупации мне было предложено оптировать⁵ по моему выбору советское или югославянское гражданство. Я оптировал советское — и ныне живу в буржуазной Швейцарской республике с советским паспортом, что ставит меня в трудное положение, особенно в смысле поездок и виз. Однако я успел побывать один раз в Париже и два раза в Германии. В Женеве я живу очень одиноко. Большинство моих эмигрантских знакомых предали меня скрытому, а иногда и открытому бойкоту. Эмигрантских «приятелей», очень многочисленных, я всех растерял. Более близкие из эмигрантов уехали на родину, в Союз, оттуда иногда пишут. Я сам бы уехал, но слишком стар. Служить там в 78 лет трудно, а на пенсию жить — тяжело.

Вот моя краткая повесть. Передайте привет мой Вере Ивановне⁶ и напишите подробно о себе. Порываюсь написать Вам в конце письма — «до свидания», хотя Вы понимаете, что шансов больших на это нет, но кое-как некоторые все же имеются.

Любящий Вас Ник<олай> Алексеев

NB. Если у Вас есть недостаток в съестных припасах — кофе, какао, чай, шоколад и т. п. — также в дамских чулках «Нейлон» у В<еры> Ив<ановны> — то напишите, мы Вам без труда вышлем.

T-SAV-II/9 (1).

¹ От *gamolli* — слабоумный, находящийся в маразме (*фр.*). «Рамолами», «рамоликами» евразийцы часто называли старшее поколение. См., например: [Переписка Г.В. Флоровского с Н.С. Трубецким (1921–1924) 2011/2012, с. 43].

² От нем. «Stuka» («Sturzkampfflugzeug») — пикирующий бомбардировщик.

³ Тасич Джордже (Тасић; 1892–1943), сербский правовед. Профессор юридического факультета Белградского университета, до того работавший в Суботице и Любляне. Сторонник социолого-правового анализа юридических явлений. Арестован гестапо в ноябре 1941 г., расстрелян в августе 1943 г.

⁴ Имеются в виду стандарты юридического образования, которыми пользовались в Российской империи и позже — в СССР и современной России. Курс истории политических и правовых учений традиционно читается специалистами кафедр теории и истории права для студентов 2–3-го курсов.

⁵ Глагольная форма от слова «оптация», обозначающего процедуру выбора гражданства.

⁶ Савицкая Вера Ивановна (урожд. Симонова; 1898–1960), супруга П.Н. Савицкого с 1926 г. Родом из Выборга. Окончила Высшие Бестужевские женские курсы в Петербурге. С 1921 г. в эмиграции, с 1922 г. жила в Праге.

2

Локарно-Орселина, отель «Планта»,
Tessin, Suisse
24.VIII.1958

Дорогой мой друг Петр Николаевич.

Простите меня за замедление обещанного письма. При переезде на новое «ка-никулярное» место первое время проходит в каком-то шатании и безделии, пока не привыкнешь к новой обстановке. Так и у меня в безделии прошли целых две недели, пока наконец не прикрикнул внутренне на себя и не решил приступить к делам. Еще в Женеве решил сообщить Вам конспект изготовляемой мною статьи (и уже начал этот конспект), заглавие которой Вам сообщал: «Философия, религия и наука». Имею план — не знаю, удастся ли его осуществить, — издать эту статью вместе со статьей «Природа и человек», копию которой Вы имеете и о которой вы прислали мне сочувственный и даже хвалебный отзыв под заглавием (общим): «Два религиозно-философских очерка». Они будут дополнением и отчасти исправлением литографированной книги моей «Мир и душа»¹. Очень прошу Вас по прочтении этого конспекта прислать о «Философии, религии и науке» возможно полный и беспощадно критический отзыв. Статья смущает меня некоторыми высказанными в ней еретическими мнениями, в справедливости которых я сомневаюсь. Религиозно Вы гораздо более «опытный» и «испытанный» человек, чем я, и суждения Ваши я считаю для себя решающими. Так, если бы Вы сказали, что статью не следует издавать, я тотчас предал бы ее уничтожению. Кстати сказать, Вы спрашиваете мое суждение о Ваших стихах — так я в предполагаемой статье просто цитирую некоторые Ваши стихотворения.

Вот общий план статьи.

1) Определение, что такое философия. Лучше начинать не с школьных, логических «определений», но с характеристики тех людей, которые считают себя «философами»: «Философа отличает особое, свойственное ему переживание мира, в котором философски настроенный человек ощущает некоторую загадку, требующую разрешения путем собственного размышления и собственного опыта». Предметно «загадкой» для человека являются «последние вещи», крайние вопросы и проблемы человеческого знания. Среднего, «коллективного» человека вопросы эти не интересуют, и потому он не любит философии и не интересуется ею. Философствование есть дар немногих, а не человека толпы.

2) Устремление к «последним вещам» характеризует и религиозного человека — точка, в которой философия соединяется и соприкасается с религией. Но разъединяет их то, что философ стремится к познанию «последних вещей»

собственным разумом, религиозный же человек эмоционально переживает эти «последние вещи». Эмоциональное переживание «последних вещей», имеющее религиозный характер, есть вера. Веру нужно отличать от простых «верований», которыми полна человеческая жизнь. В религиозной вере всегда присутствует ощущение потусторонности (трансцендентности) сил, управляющих человеческими судьбами. Там, где такое ощущение отсутствует, религиозная вера превращается в простое «верование». Оттого неправильно называть «веру» в блаженное царство социализма на земле «религией», как это делает, например, Дезами²: «Универсальная коммуна — вот единственная религия... Она есть результат точного знания»...

3) Рациональный и критический подход к познанию «последних вещей» сближает философию с наукой. Наука стремится познать действительность как таковую — в полноте ее проявлений. Для науки безразлично, о какой действительности идет речь — о физической природе, душевных переживаниях, религиозных верованиях и т. п. Религия же заботится о том, что можно назвать «спасением» человека — «спасением» от смерти (о «вечной жизни»), от болезней, несчастий физических и моральных. Религия живет верой, что такое «спасение» возможно и непременно наступит. Наука хочет знать, имеются ли какие-либо основания для подобной веры. Наука может прийти к выводу, что таких оснований нет, для религии такое признание является крушением веры, т. е. актом религиозно нежелательным. Таким образом, между религией и наукой возможны конфликты, разрешение которых зависит от состояния научных знаний в данной исторической ситуации.

4) Нужно отличать атеизм от неверия в абсолютном смысле этого слова. Понятие «атеизм» образовано по противопоставлению «теизму», т. е. вере в личного Бога. Однако существовали люди, отрицающие существование Бога как личности, но не чуждые верованиям, даже религиозным. Спинозу, например, с его «Deus, sive Natura»³ часто называли «нечестивым атеистом», но Спинозе далеко не чужды были верования, имеющие даже религиозно-мистический характер, унаследованные им от еврейской средневековой мистики. Существование нерелигиозных верований легко обнаружить у многих атеистов. «Если нет бога, создавшего вселенную, и слава ему, — говорит один из родоначальников русского марксизма П.Б. Аксельрод⁴, — что его нет, ибо царям мы можем хоть отрубить голову, а против деспотического Еговы уже совсем ничего нельзя поделать, — то подготовим появление породы богов на земле, существ всемогущих разумом и волей, наслаждающихся сознанием и самосознанием, способных мыслью объять мир и править им, — вот психологическая основа всех моих духовных и социальных стремлений, помыслов и действий». Вот характерное признание имеющего верования атеиста.

5) Абсолютное безверие есть явление, довольно редко встречающееся в истории человеческой мысли. Наиболее последовательно оно проведено и обосновано в философской школе современных экзистенциалистов, родоначальником которой является немецкий философ Гейдегер⁵, а последователем и до некоторой степени плагиатором известный французский литератор Сартр⁶. Философская

задача Гейдегера — разрушение понятия «бытия» (нем. «das Sein», франц. «être») как основы всей предшествующей философии, которая была онтологией, т. е. учением о «то *όν*», о «бытии». «Ничто» («das Nichts»), говорит он, первоначально, чем «бытие», «ничто» есть полное отрицание всеобщности бытия (der Allheit des Seinden). Экзистенциализм есть высшая ступень утверждения бессмыслицы и ненужности человеческого существования. Для него единственной, неоспоримой реальностью для человеческого познания является смерть, неотвратимая возможность и необходимость которой таится в человеческом существовании (ср. Мориак⁷, Les chemins de la mer, 1939, P., 1939). Свидетельства сходных настроений существуют и в древней литературе: «Все произошло из праха, и все возвратится в прах»... «Участь сынов человеческих и участь животных одна; как те умирают, так умирают и эти, и нет у человека преимущества перед скотом...». «Потому что все суета»... «в могиле, куда ты пойдешь, нет ни работы, ни размышления, ни знания, ни мудрости»... Автора этих строк спасает от принципиального самоубийства то, что он в конце концов верит, что дух человеческий должен «воротиться к Богу, который дал его». Современным экзистенциалистам нужно посоветовать только одно — постараться пробудить в себе те духовные эмоции, которые являются основой всякой религии.

6) Всяким духовным эмоциям в отличие от простых ощущений свойственен некий интеллектуальный элемент в виде идеологических представлений, духовных образов, идей и понятий, с эмоциями этими связанных. Это и отличает духовные эмоции от элементарных чувствований, ощущений, похотей и волений, которые направлены на дополняющие их физические или психические объекты («хочу есть») или связаны с дополняющими их объектами («болит рука»), но не имеют никакого духовного содержания. Так, содержанием эстетических эмоций является идея «прекрасного», идея «красоты», содержание моральных эмоций — идея добра и справедливости, религиозных эмоций — идея Божества или Божественного закона. Совокупность подобных идей составляет область духовной жизни и духовного творчества человека. Идеи, как правильно замечает Маркс, «не существуют оторванно от языка». Оттого животные, бессловесные твари, не имеют идей и не могут иметь религии, философии, науки и т. п. Язык есть орудие духовной жизни людей, он не является «надстройкой» над «экономическим базисом», он «не порожден тем или иным базисом», но порожден «всеми ходом истории общества и истории базисов в течение веков», «создан не одним классом, а всеми классами» (Сталин, Известия, 21 июня 1950 г., № 146). Взгляд на религию как на «опиум народа» и «орудие классового угнетения» должен быть исправлен согласно той новой эволюции, которой подверглась в настоящее время марксистская догма.

7) Интеллектуальный элемент религиозных эмоций образует то, что является теологией данной религии. Теология есть сумма общих представлений и полных в результате их логической обработки общих понятий о Божестве. Тесно связанная на ранних ступенях религиозного развития с религиозными эмоциями теология обособляется позднее в особую, отвлеченную доктрину, которая может при известных условиях вытеснить из религиозного сознания людей всякий

эмоциональный элемент и превратиться в ряд сухих формул, лишенных всякого религиозного чувства. Этим объясняется, почему отлично вышколенный теолог в доктрине может быть в душе атеистом и почему многие заправские теологи часто не любят мистики, через которую живое религиозное чувствование может потрясти твердость установленной богословской догмы. Объясняется, наконец, почему социально-политические режимы, основанные на исключительном господстве теологических догм, духовно так схожи с режимами, созданными на исключительном господстве догм антитеологических, атеистических: и там, и здесь родится идеологический тоталитаризм, стремящийся истребить все, что догмам не соответствует и что является свободным проявлением внутренних чувствований и настроений человеческой души.

8) Первоначальная теология различных религий создается под влиянием представлений, заимствованных из социальной жизни первобытных обществ. Особо распространенной здесь является патриархально-семейная схема, повторяющаяся в религиях многих народов: «Бог-Отец», наименование, присвоенное в греко-римской терминологии многим богам, Зевсу, Юпитеру, Нептуну, Сатурну и т. п.; Бог — небесный царь, владыка, господин; «рабы» — его подданные («Исход», 32, 13; «Левит», 25, 42 и др.); подданные как «сыны божьи» («Израиль есть сын мой, первенец мой», «Исход», 4, 22; 31, 9 и др.); народ как божье государство, как «царство божие» (Дан. 2, 44: «Бог небесный воздвигнет царство, которое во века не разрушится... оно сокрушит все царства, а само будет стоять вечно»). Сюда примешиваются далее представления, заимствованные из первобытного анимизма как философии и религии, распространенной у всех древних народов. Так рождается понятие «духа», «духа Божия» (греч. «пнейма»), «дух» мыслится как первоначальное существо, иногда — как «сила». «Духам» приписывается способность вселяться в другие существа, в людей, в животных, придавая им различные способности, мудрость, разумность, знания, бесноватость. Такова теология Ветхого Завета, которая в значительной степени переходит и в христианство. Но уже в 4-м Евангелии и в «Посланиях» апостольских чувствуются новые, главным образом эллинистические влияния. Вводятся новые понятия, целиком заимствованные у греческих философов, прежде всего неоплатоников и стоиков, отчасти у гностиков: 1) понятие «духа» приобретает более выраженный персональный смысл, Дух именуется «Параклетом» (так назывались в Афинах «адвокаты»), становится высшим принципом, чем «душа», носительница витального начала (у Филона⁸ «Параклетом» называется «Логос»); 2) понятие «ума» (греч. «нус»), противопоставленное «духу», вводится для особого обозначения интеллектуальной деятельности и приобретает существенное значение в патристике (1 Кор. 14, 14: «когда молюсь на иностр<анном> языке, то дух мой молится, но ум мой (греч. “нус”) остается без плода»... «стану молиться духом, стану молиться и умом»); 3) понятие «логоса», происхождения стоического, от древних стоиков (Клеант около 275 г. до Р. Х.) перешедшее к Филону, вводится в известном «Прологе» к 4-му Евангелию, редко встречается в первоначальной христианской теологии, но по мере ознакомления христиан с греческими философами становится ходячим понятием богословской литературы; см. Юстин-философ⁹, который утверждал, что христиане проповедуют то же

самое, что и языческие философы, и учил, что Христос есть «первородный Логос», а человеческий род — «сперма», «семя» Логоса; понятие «сперматического логоса» становится любимым понятием позднейших отцов церкви; 4) чисто стоическое понятие внутреннего, морального закона, написанного в сердцах, при помощи которого ап. Павел борется с абсолютизацией внешнего закона у евреев (Рим. 2, 15 и сл.); 5) из греческой философии взяты понятия «сущности» (греч. «узии», Платон, Федон, 78с; Аристотель, «О душе», II, 1, 3) и «ипостаси», причем смысл первого из них не изменен христианами, смысл второго — изменен — «ипостась» приобретает у них значение «индивидуальной субстанции» (отсюда учение о двух сущностях человека, общей и индивидуальной, человека «в его полноте» и «человека индивидуального», понятие о котором впервые возникло у стоиков); 6) наконец, число три, игравшее особую роль в диалектике неоплатоников (Прокл¹⁰), придало философский смысл семейно-патриархальному аспекту первоначальных христианских представлений о божестве.

9) Мы видим, что теология оперирует с теми же самыми понятиями, что и философия идеалистической школы. Понятия эти в философии служат познавательным целям, в теологии же — целям религиозно-эмоциональным, вере в спасение человека, потребности поклонения объектам веры, почитания их и т. п. (см. выше пункт 2 и 3). Материалистическая школа в философии отвергает названные понятия, считая их ненаучными и строя свою философию на понятиях, будто бы заимствованных у науки (материя, атомы, движение, пространство, время, причинность, естественный закон и т. п.). Однако мутационный период, переживаемый современными физическими теориями, в корне изменил содержание названных понятий: «материей», «атомом», «пространством», «движением» и т. п. современная физика считает совсем не то, чему учили материалисты начиная с Демокрита и Эпикура и вплоть до конца прошлого века. И возникает вопрос: должна ли новейшая физика сохранить старое, резко отрицательное отношение к идеям идеалистической школы, какое имели к ним многие старые представители естествознания? Мы указывали выше (п. 1), что философа отличает стремление к познанию «последних вещей», и это сближает философию с религией (п. 2). Но как раз к познанию «последних вещей» подошла и современная физика. При изучении физического мира перед ней раскрылась идея «антимира», в котором, по крайней мере в принципе, все не так, как в нашем мире, говоря философскими терминами, как в «умном мире» Плотина, или в христианских символах, где «первые будут последними, последние первыми». Для современной физики не является нелепостью утверждение, что может существовать иная материя, чем наша, с иной структурой и иными законами, как у ап. Павла: «есть тела небесные и тела земные, но иная слава (в греч. тексте «иные свойства») небесных, иная земных»... «не всякая плоть такая же плоть» — идеи, почерпнутые апостолом у греческих философов. Мы говорили, что идея трансцендентности не отмыслима от религии (п. 2), но эта идея не чужда новейшей математике и физике (примеры в моей «Мир и душа»). Современных астрономов не шокирует мысль, что в бесконечных небесных пространствах «из ничего» рождаются новые миры необъятной величины. Мы видим, что происходит некоторое сближение новейшей науки с философией

и религией и что в эмоциональном элементе религиозной веры таятся некоторые прозрения, подтверждаемые позднейшим научным творчеством (этот последний мотив настоящей статьи созвучен мыслям, изложенным в статье «Природа и человек у русских вольных теософов»).

Таковы на память изложенные мысли моей работы, которой занимаюсь последнее время. Первая глава моих «Воспоминаний» увидела свет в кн<иге> LIII «Нового журнала»¹¹. Появился наконец B<an>d. 6 «Forschungen zur Osteurop<äis>chen Geschichte» h<erau>sg<e>geben H. Jablonovsky und W. Philipp, который начинается моей статьей «Beitrag<e> zur Gesch<ichte> d<es> Russ<is>hes Absolutismus»¹². В немецк<ий> журнал попала эта работа после тщетных моих попыток проникнуть в советскую литературу. Оставалось статью, над которой, как Вы убедитесь, работал долго, или сдать в архив, или прибегнуть к иностранной печати. Не осуждайте меня за «оппортунизм». Оттисков я еще не получал, как полчу, вышлю. Обещанное Ваше длинное письмо еще не дошло до меня. Пишите, дорогой друг мой Петр Николаевич, не забывайте меня. Вере Ивановне и «ребятам» Вашим мой привет.

Сердечно преданный и любящий Вас Ник. Алексеев
Мы уезжаем отсюда 30 авг<уста>.

T-SAV-II//9 (2).

¹ Труд Алексеева «Мир и душа» был издан под псевдонимом Н.Н. Колянский в Женеве в 1953 г.

² Дезами Александр Теодор (Dézamy; 1808–1850), французский философ, публицист, теоретик социализма и коммунизма. В сочинении «Кодекс общности» («Code de la Communauté», 1842) развил учение о коммуне.

³ «Бог, или Природа» (*лат.*).

⁴ Аксельрод Павел Борисович (1850–1928), революционер, деятель Российской социал-демократической рабочей партии. Н.Н. Алексеев с мелкими неточностями и ошибками приводит цитату из письма П.Б. Аксельрода к Г.В. Плеханову. Правильно: «Если нет бога, создавшего вселенную, — и слава ему, что его нет, ибо царям мы можем хоть обрубить головы, а против деспотического Еговы уже совсем ничего не поделаешь, — то подготовим появление породы богов на земле, существ, всемогущих разумом и волей, наслаждающихся сознанием и самосознанием, способных мыслью обнять мир и править им, — вот психологическая основа всех моих помыслов и действий» [Переписка Г.В. Плеханова и П.Б. Аксельрода 1925, с. 192–193].

⁵ Хайдеггер Мартин (Heidegger; 1889–1976), немецкий философ. Сам М. Хайдеггер, прошедший через феноменологическую школу Э. Гуссерля, отрицал свою принадлежность к экзистенциализму, хотя основания для сближения его с философами-экзистенциалистами были, а его влияние на ряд французских мыслителей трудно отрицать. Н.Н. Алексеев, когда пишет о «разрушении» Хайдеггером понятия бытия, подразумевает прежде всего его знаменитую книгу «Бытие и время» («Sein und Zeit», 1927).

⁶ Сартр Жан-Поль (Sartre; 1905–1980), французский философ-экзистенциалист, писатель. Ряд идей, схожих с философией М. Хайдеггера, Сартр развил в книге «Бытие и Ничто» («L'Être et le néant», 1943).

⁷ Мориак Франсуа (Mauriac; 1885–1970), французский писатель, лауреат Нобелевской премии по литературе 1952 г. Н.Н. Алексеев ссылается на его роман «Дороги к морю»

1939 г. («Les Chemins de la mer»; в русском переводе роман известен под названием «Дорога в никуда»).

⁸ Филон Александрийский (ок. 25 г. до н.э. — ок. 50 г. н.э.), иудейский религиозный мыслитель, апологет, богослов. Н.Н. Алексеев подразумевает учение о Логосе, которое разработал Филон Александрийский, с тем чтобы соединить иудейское вероучение с идеями древнегреческой философии.

⁹ Иустин Философ (ок. 100–165), христианский мученик и апологет, развивал учение о Логосе в сочинении «Первая апология».

¹⁰ Прокл (412–485), античный философ, неоплатоник, руководитель платоновской Академии. Вероятно, Н.Н. Алексеев имеет в виду «Первоосновы теологии» Прокла, в которых активно используется принцип триады.

¹¹ Алексеев Н.Н. В бурные годы // Новый журнал. 1958. № 53. С. 172–188. Публикация воспоминаний была продолжена в последующих номерах журнала: 1958. № 54. С. 148–163; № 55. С. 160–175; 1959. № 57. С. 191–205.

¹² «Исследования по истории Восточной Европы», изданные под ред. Г. Яблоновски и В. Филиппа <...> «Очерки по истории русского абсолютизма» (нем.).

3

Женева, 3/4 янв<аря> 1959 г.

Милый и дорогой мой друг Петр Николаевич.

Из Вашего последнего письма (от 17 декабря, предшествующее письмо написано было 2 сентября) следует, что Вы ведете оживленную переписку с Востоком¹ и из этой переписки сообщаете мне маленькую копию Вашего письма к владыке Владимирскому² (от декабря 1958 года), — копию, в которой чувствуется крайняя Ваша тревога за будущее. Со мной же, западным жителем, переписка у Вас оборвалась на 2 с половиной месяца. За этот долгий промежуток времени, месяца полтора тому назад, я послал Вам краткий запрос, что с Вами случилось? Из Вашего письма следует, что Вы запроса этого не получили. У меня постоянная мысль, что климат, в котором Вы живете, не благоприятствует Вашей переписке с Западом, и потому такую переписку не следует форсировать. Этим и объясняется мой вопрос к Постникову³ — спросить Вас, почему Вы мне не пишете?

Каждый человек рассматривает мир с той личной перспективы, которая перед ним открывается. Должен Вам сказать, что с моей личной перспективы — и не только с моей, но и с «нашей» (говорю о Т<атьяне> П<авловне> и о некоторых близких мне здесь людях) — обстановка мировая видится мною не в тех катастрофических чертах, которые побудили Вас написать: «если только буду жив в ближайшиe недели» и просить у Владыки чуть-чуть ли не предсмертных молитв. Если бы Вы видели ту «рвань», которую представляет из себя немецкая армия (а я ее видел!), то Вы не написали бы, что немцы готовятся нанести нам новый удар. А сообщенное нам вчера известие, что русская «ракета», одолевшая уже сегодня половину расстояния до Луны (175 000 километров), показывает, что и американцев нам нечего бояться. Все мы под Богом ходим и к тому же живем в «бурные времена»⁴, я же даже в мои без трех месяцев 80 лет не впадаю в предсмертное уныние.

Неделю тому назад, 22 декабря, меня по телефону известили о кончине Е.Д. Кусковой⁵. 24 декабря были «похороны» (если только назвать это похоронами). Тело было сожжено в здешнем крематории. Мне этот способ «погребения» всегда представлялся чрезвычайно мрачным. А здесь он был особенно мрачен оттого, что людей, провожавших милую мне Е.Д., было крайне мало, жена покойного Карцевского⁶ (Вы его звали по Праге) попробовала произнести речь, но сбилась и запуталась, на улице была женевская «биза»⁷ и шел проливной дождь. На душе было скверно до тошноты. Для меня смерть Е.Д. — большая потеря. С ней можно было поговорить, поспорить, покричать, а теперь вокруг — полная пустота. Я послал в Париж в паршивую русскую эмигрантскую газету «Русская мысль» экспресс, где высказал о покойной несколько добрых слов. Напечатали, а при жизни все ругали. Обзывали «большевичкой», «кусцихой» и т. п.

Я за эту осень сильно переболел. Два раза начинался бронхит, угрожавший воспалением легких, но, слава Богу, предупредили пенициллином, что очень ослабляет. И теперь еще хриплю и кашляю. В последних двух книгах «Нового журнала» появились первые главы моих воспоминаний⁸. Не знаю, как дальше пойдет печатанье — издатель и редактор М.М. Карпович⁹ болен, по-моему смертельно¹⁰. Если он умрет, с ним погибнет все предприятие, так как наследников настоящих нет. Если хотите, я вышлю Вам эти первые главы, вырвав из соответствующих №№ журнала. Соответствующих книг целиком высылать Вам не хочу — уж очень там много «живаговщины»... Фридиев¹¹ написал большую и очень хорошую рецензию на мои «Beitrag zur Gesch<ichte> des russ<isches> Absolutismus» для январского № «Revue de droit compare».

Что я делаю? Сижу над резюме моей философской «системы» (!?) — в полном сознании, что она едва ли кому-нибудь нужна. Кое-что из этого я Вам уже сообщал — и Вы обещали написать мне Ваши замечания, и теперь еще обещаете. Буду ждать. С болезнью многое не ладится и не складывается. Надеюсь, что сумею напечатать на ротаторе, но и это сейчас под сомнением: цены в Швейцарии на все поднялись за последнее время втрое, и из состояния изобилия, которое было три года назад, мы незаметно переходим на режим скудости. Когда кончу мою «философию», буду завершать мои «Мемуары». Я их довел до 1917 года, и теперь хочется мне подробно и по возможности углубленно изложить воспоминания о революции 1917 и последующих годов. Для потомков, может быть, это будет самым любопытным, — но для потомков, разумеется, отдаленных.

Просьба моя к Постникову относительно отыскания сочинения А.Н. Фатеева¹² о Сперанском объясняется тем, что у меня есть утопическая надежда приготовить второй выпуск моей опубликованной на нем<ецком> языке статьи о русском абсолютизме. О декабристах у меня материал есть, а о Сперанском — ничего. Без Сперанского нельзя, а где его взять? Но думаю, что на это предприятие жизни моей не хватит и я понапрасну беспокою только людей моими просьбами.

В сегодняшних газетах сообщается, что русская ракета делает 11 километров в секунду — побил американский рекорд. В красной записочке, приложенной к Вашему последнему письму, Вы, между прочим, пишете: «Мы на переднем крае. Отсюда до «демаркационной линии» между Востоком и Западом не будет и трехсот

километров»... Милый мой Петр Николаевич, не пора ли изменить мерки? Если ракета делает 11 километров в секунду, то, значит, в минуту она делает 650 километров. Допустим, что «Зубова поляна»¹³, из которой Вы выехали в 1956 году, отстоит от «западных границ» в 3000 километров, — это значит, что ракете нужно приблизительно 4 минуты, чтобы быть на русско-немецкой границе. Выходит, что Владимир на Клязьме такой же «передний край», как и Прага, даже, в некотором смысле, *более передний*, так как с герм<ано>-чешской границы никто подобных ракет пускать не станет, а вот из Флориды подобное чудовище может разорваться над Вами ранее, чем Вы услышите звук взрыва... Следует бросить все старые «демаркационные линии»...

Обнимаю Вас крепко, прошу передать привет всем Вашим и поздравляю с Р<ожеством> Х<ристовым>. Ваш Н. Алексеев

T-SAV-II/9 (3).

¹ Под «Востоком», вероятно, имеются в виду адресаты из СССР. Далее Алексеев, возможно, намекает на то, что его переписка с Савицким досматривалась. П.П. Сувчинский в письме Г.П. Струве упомянул, что письма от Савицкого «приходили распечатанными» [Мелих 2010, с. 150].

² Подразумевается епископ Ковровский, викарий Владимирской епархии Афанасий (Сахаров; 1887–1962), с которым переписывался П.Н. Савицкий. Епископу Афанасию П.Н. Савицкий посвятил стихотворения «Имя» и «Яблоко» (Грани. 1958. № 39. С. 87–88).

³ Постников Сергей Порфирьевич (1883–1965), литератор, политический деятель. Выпускник Архангельской духовной семинарии. Примкнул к партии социалистов-революционеров (эсеров). В 1912 г. основал журнал «Заветы», в 1917 г. — газету «Дело народа», ставшую центральным органом партии эсеров. Член Учредительного собрания. С 1921 г. в эмиграции, с 1922 г. жил в Берлине, с 1923 — в Праге, редактировал журнал эсеров «Революционная Россия». В 1945 г. арестован, отправлен в СССР, приговорен к пяти годам заключения. После освобождения жил у сестры в Никополе, в 1957 г. вернулся в Прагу.

⁴ Аллюзия на название мемуаров Н.Н. Алексеева в нью-йоркском «Новом журнале».

⁵ Кускова Екатерина Дмитриевна (1869–1958), общественный деятель, публицист. Активистка революционного движения. Член Союза русских социал-демократов за границей, затем Союза освобождения, после 1905 г. основала внепартийную группу «Без заглавия». После 1917 г. выступала противником большевиков. В 1921 г. выслана из Москвы в Вологодскую область, в 1922 г. — из России. В эмиграции жила в Германии, Чехословакии, Швейцарии, продолжала заниматься общественной деятельностью.

⁶ Карцевский Сергей Иосифович (1884–1955), языковед. С 1919 г. в эмиграции, жил в Чехословакии, участник Пражского лингвистического кружка. В 1927 г. защитил диссертацию в Женевском университете и переехал в Швейцарию. В 1941–1950 гг. вице-президент Женевского лингвистического общества.

⁷ Бизой (фр. bise) в Швейцарии называют северный холодный ветер.

⁸ Алексеев Н.Н. В бурные годы // Новый журнал. 1958. № 53. С. 172–188; № 54. С. 148–163.

⁹ Карпович Михаил Михайлович (1887 (или 1888)–1959), историк. С 1917 г. жил в США, в 1917–1924 гг. секретарь Б.А. Бахметева. С 1927 г. преподавал русскую историю в Гарвардском университете. В 1943–1959 гг. редактор «Нового журнала». В конце 1940-х — начале 1950-х гг. председатель РСХД в США.

¹⁰ Г.В. Вернадский впоследствии написал П.Н. Савицкому, что М.М. Карпович умер 7 ноября 1959 г. в туберкулезном санатории в Кембридже (США). См.: (Vernadskij).

¹¹ Фридиев Михаил Евгеньевич (1895–1974), юрист. Выпускник Русского юридического факультета в Праге, специалист в области государственного права. Долгое время жил в Париже, печатался во французских юридических изданиях. См. советскую рецензию на журнал, в котором многие статьи написаны М.Е. Фридиевым: Рабинович Н.В. <Рец.:> *Revue internationale de droit comparé* // Изв. высших учеб. заведений. Правоведение. 1961. № 2. С. 162–168. Наличие этой рецензии опровергает мнение Н.Н. Алексева, что советская наука пренебрегала русскими эмигрантами, однако она действительно могла их воспринять как часть иной национальной академической традиции, в данном случае — французской.

¹² Вероятно, речь идет о труде юриста Аркадия Николаевича Фатеева (1871–1952) «Сперанский — генерал-губернатор Сибири» (Прага, 1942).

¹³ Поселок в Мордовии.

4

Женева

12 янв<аря> 1959 г.¹

Милый и дорогой друг мой Петр Николаевич.

Отвечаю с некоторым запозданием на Ваше письмо от 7 января, — ранее не мог, были другие срочные деловые письма. Писать письма я не большой охотник, корреспондентов у меня не много. Пишу или самым близким мне людям, или по деловым отношениям. Эпистолярной страсти у меня нет. Удивляюсь тем людям, которые оставили после себя целые томы писем, — напр<имер>, Лейбниц, который переписывался со всеми королевами и знаменитыми людьми его эпохи, а под старость всеми был позабыт и умер в одиночестве и нищете. Уж лучше просто быть позабытым и умереть — без эпистолярности...

Прежде всего, самая важная для меня мысль, высказанная, но недоразвитая в прошлом письме: «нужно изменить измерения»... В моем письме я говорил об измерениях пространства. Важнее измерение времени. Современная наука говорит, что жизнь родилась на земле 2 миллиарда лет тому назад. Рыбы родились 300 миллионов лет тому назад, амфибии — 250 милл<ионов> лет, птицы — 150 милл<ионов>, млекопитающие — 90 миллионов, человекообр<азные> обезьяны — 65 милл<ионов>, человек — 1 миллион (так наз<ываемый> «Архантропос»). После него в течение 900 000 лет не удалось открыть ни одного следа человекообразных обезьян до так наз<ываемого> «не<о>антропоса», который родился приблизительно 30 000 лет тому назад, предположим 1 янв<аря> тридцать тысячного года. Теперь, для упрощения, будем считать каждые 2500 лет за один месяц, след<овательно>, по этому расчету ($30\,000 : 2500 = 12$) родился он в начале первого месяца. Христос родился по этому расчету приблизительно в первой четверти двенадцатого месяца (по реальному счету в 29 041 году, начиная с года 30 000). Приблизительно, по сокращенному расчету, в 29-й день двенадцатого месяца Людовик XVI² вступил на трон. В 30-й день того же двенадцатого месяца Уатт³ изобрел паровой котел. В 16 часов того же месяца и дня открылось движение на первой жел<езной> дороге во Франции. 31-го дня того же месяца

в 5 ч. Эдисон⁴ изобрел первую электрич<ескую> лампу. В 14 ч. 12 м. того же дня Блерио⁵ перелетел Ла-Манш. В 16 ч. 40 м. началась Первая мировая война. И наконец, в полночь этого дня разорвалась первая атомная бомба в Хиросиме. Это сокращение показывает, как сократилось и сконцентрировалось время мировых событий за последние 200 лет, — как они подходят к точке, которая предвещает нечто необыкновенное — или конец всего, или начало чего-то абсолютно нового. 30 египетских династий существовали 40 веков, и в течение этих веков не случилось ничего, подобного полету Блерио или Хиросиме. Если, как я писал, сокращаются пространств<енные> измерения, то в то же время параллельно сокращаются и измерения временные.

Вы пишете, что наступает русский период мировой истории. Я смотрю на вещи более «апокалиптически»: наступают страшные времена «начала» или «конца». «Русский период» — это слишком просто, вроде «греческого периода», «римского периода», «эллинистического периода» — в измерениях обычной, прошлой человеческой истории. Теперь мы стоим перед необычным. Несколько водородных бомб, брошенных руками какого-то безумца, может вообще навеки прекратить жизнь на земле. Кого мыслить таким безумцем — Кириллова из Достоевского или нациста, сторонника мрачной тевтонской религии? Это мне все равно. Важна самая возможность, открывшаяся в «атомный век». И важно то, что кто будет, который сможет осуществить другой, оптимистический вариант земной истории, вариант новой жизни, а не всеобщей смерти? Я этого не знаю.

Теперь о другом — о присланных Вами вырезок из Вашей переписки⁶. Они интересны, хотя я очень мало знаю о Ваших «кочевниках». Я всецело разделяю мысль Льва Николаевича <Гумилева> о «большом преимуществе» — я бы сказал, «большой культурной ценности» — культуры греко-римской по сравнению с культурой Ваших «кочевников», которая религиозно и философски дала очень мало. Впрочем, главным образом нужно говорить о культуре греческой, которую завоеватели и хорошие солдаты, «римляне», впитали во время Сципиона Африканского⁷. Предварительно они разрушили загадочную и высокую культуру этрусков, заимствовав от нее только несколько имен древних их богов, которых присоединили к греческому Олимпу. Говоря о положительной роли «завоевателей», не нужно забывать Александра Великого, который разнес эллинизм во всей юго-восточной части Европы и по всей Малой Азии вплоть до индийских границ. Даже такие упорные «нацисты» и «фанатики», которыми были евреи, впитали в себя влияния этого эллинизма. Смотри Филон Александрийский, стремившийся превратить Моисея в платоника, и Деяния Апостолов, 9, 29, где говорится о еврейских «эллинистах» — текст, подтвержденный новыми документами, найденными недавно при раскопках около Мертвого моря⁸.

Возражая Л.Н. <Гумилеву>, Вы настаиваете на влиянии Севера на Юг. Но религиозные верования, о которых вы оба говорите, относятся к 8–9 веку нашей эры. За две-три тысячи лет до Р. Х. в землях азийских существовали религиозные верования (сумерийцев⁹), которые оказали влияние на древнюю религию евреев и могли дойти до Сибири. В течение второго тысячелетия до Р. Х. в Индии распространилась политеистическая религия Вед, в к<ото>рой уже заметны следы моно-

теизма (так называемый) «хенотеизм») и религиозного дуализма, перешедшего позднее в персидскую религию. Говоря о влиянии «алтайского дуализма» на Юг, Вы упускаете из вида, что дуализм этот много ранее той эпохи, о которой Вы говорите, уже существовал на Юге и мог отсюда переселиться на Север.

Очень мне было интересно узнать, что, по мнению Л.Н. <Гумилева>, «индийские и персидские влияния находили в Средней Азии надлежащий отклик», что «буддизм, манихейство, несторианство легко понимались не только в оазисах, но и в кочевьях» и т. п.

Что Российская академия наук была учреждением безобразным — с этим я вполне согласен. Но сомневаюсь, чтобы Артемий Вольтинский¹⁰ был для нее большим приобретением. Достаточно прочесть его «инструкцию» крепостным мужикам, чтобы понять, какую «политическую экономию» он мог развивать в Академии.

Екатерина Дмитриевна <Кускова> умерла тихо — сердце перестало работать. В швейцарских газетах никто не помянул ее кончины — даже Б.А. Никольский¹¹ (которого Вы должны знать). При жизни он играл в «друга», выжимая у Е.Д. информацию и перепечатывая ее в швейцарских газетах. А написать некролог побоялся: скажут, что общался с «большевичкой».

Обнимаю Вас крепко, дорогой друг Петр Николаевич, и прошу передать приветствия наши Вере Ивановне и всей семье.

Преданный Вам Ник. Алексеев

T-SAV-II/9 (4).

¹ Дата написана на письме в верхнем правом углу рукой П.Н. Савицкого.

² Французский король Людовик XVI правил с 1774 по 1792 г.

³ Уатт Джеймс (Watt; 1736–1819), шотландский инженер, изобретатель. В 1782 г. изобрел паровую машину двойного действия.

⁴ Эдисон Томас (Edison, 1847–1931), американский изобретатель. В 1879 г. изобрел электрическую лампу накаливания с угольной нитью, ставшую основой для системы электрического освещения.

⁵ Блерио Луи (Blériot; 1872–1936), французский изобретатель, авиатор. 25 июля 1909 г. впервые перелетел пролив Ла-Манш.

⁶ В архивном фонде П.Н. Савицкого (Славянская библиотека в Праге) хранятся перепечатанные на машинке отдельные фрагменты из писем Л.Н. Гумилева, которые Савицкий высылал для ознакомления своим друзьям, в том числе Н.Н. Алексееву.

⁷ Римский полководец Публий Корнелий Сципион Африканский жил в 235–183 гг. до н. э.

⁸ Н.Н. Алексеев имеет в виду кумранские рукописи, найденные начиная с 1947 г. при археологических раскопках в пещерах Кумрана около Мертвого моря.

⁹ Современная общепринятая транскрипция — «шумеры», а не «сумерийцы». Шумеры — народ, живший в южной Месопотамии в IV–III тысячелетиях до н. э. и создавший первую известную письменную цивилизацию. Религия шумеров включала пантеон богов во главе с богом-царем.

¹⁰ Вольтинский Артемий Петрович (1689–1740), русский государственный деятель, дипломат. В 1738–1740 гг. кабинет-министр императрицы Анны Иоанновны.

¹¹ Никольский Борис Александрович (1885–1969), историк, журналист, переводчик. Выпускник Петербургского политехнического института. С 1917 г. на дипломатической

работе в Швеции. С 1919 г. жил в Швейцарии, в Женеве. В 1921–1924 гг. — в Италии и Германии, затем вернулся в Швейцарию, где работал журналистом и переводчиком, преподавал в Женевском университете.

5

Женева, 11 марта <1959 г.>

Дорогой мой друг Петр Николаевич, не отвечал Вам так долго на последнее Ваше длинное письмо главным образом потому, что оно ввело меня в большое смущение. Не знал даже, что ответить. Вероятно, мысли мои в письме от 12 янв<аря> изложены были очень плохо, что и привело к некоторому недоразумению. Впрочем, Вы констатируете, что мое письмо от 12.I «произвело большое впечатление не только на меня, но и на всех, кто его читал». Чем же объясняется это «большое впечатление»? Я думаю, констатированием несомненного факта, что «ускорение» жизни в современной культуре достигло своего предела. Современная техника изобретением радио, беспроводного телеграфа, ракетных аэропланов и т. п. достигла того, что для современного человека кажутся преодоленными время и пространство. «Кажутся» — на самом-то деле они продолжают по-прежнему существовать — и эта «кажимость» нарушает естественное положение человека в мире, порождает в нем искаженную установку к Вселенной. У какого прошлого человека это наблюдалось? И как можно сравнивать с этим «поворот истории» вследствие «моментальной мутации» при переходе к «неолиту». Главное, при этом переходе ничего «моментального» не было, а целые тысячелетия прошли с тех пор, как прошлый человек от собирания естественных плодов и ловли зверей перешел к первоначальным опытам возделывания земли. На днях я видел фильм, в котором была снята жизнь одного из племен негров, живущих в Бельгийском Конго (рода «пигмеев»), их рыбную ловлю, их охоту, их элементарные орудия. Можно с уверенностью сказать, что подобные негры пять тысяч лет тому назад жили так, как они сфотографированы в наши дни. А рядом — другие негры, которые в каких-нибудь пять лет научились стрелять из пулемета и управлять автомобилем. На моей памяти еще, кроме помещиков и некоторых «кулаков», вся остальная крестьянская Россия пахала «матушкой-сохой». Не знаю, когда она была изобретена, в какой «мутационный» период истории? Но буквально на наших с Вами глазах, в какие-нибудь 30–40 лет русский земледелец перешел на плуг, да еще моторный, на трактор и т. п. В смысле «скорости» можно ли сравнивать период от изобретения сохи с периодом перехода в России к плугу, трактору, с<ельско>х<озяйственным> машинам? Вы пишете «перед лицом безграничной вселенной — наши достижения не больше тех». Конечно, перед лицом «бесконечности» — все кошки серы, все «ускорения» уравниваются, но мы говорим не о «бесконечности», а об относительной быстроте или краткости конечных величин. И здесь «мутационность» техники новой европейской эпохи, начавшейся с «парового котла», отрицать нельзя. Нельзя сравнивать роль парового котла в из-

менении хозяйственных условий мира с «лампочкой» Эдисона: первый произвел действительно «мутацию» в производстве, «лампочка» была маленький элемент общего мутационного процесса новейшей истории — именно изобретения новых двигательных сил. До «парового котла» и электрич<еского> двигателя и двигателя внутреннего сгорания человечество знало как двигательную силу воду (мельница), ветер (парус и ветряная мельница) и главным образом человеческий труд. И это с начала ранних цивилизаций до Уатта! Не нужно злоупотреблять термином «мутация»! В науке изобретен он ботаником де Фрисом¹ на наблюдении растения (энотеры), которое в противоположность огромному количеству других растительных форм обнаружило способность к внезапному образованию новых подвидов. Другие растительные формы изменяются и изменялись путем эволюции. Так эволюционно изменялась техника, производительные силы, орудия производства в течение огромных периодов времени и эпох человеческого развития, а вот тут, начиная с Уатта и кончая изобретением атомной энергии, вступили мы в «мутационный период» техники. Вероятно, на заре истории нашей планеты, когда ихтиозавры и мамонты бродили по земле, «мутации» подлежали и другие растительные и животные формы, а потом творческая энергия жизни ослабла на нашей планете — и началась «эволюция». «Мутации» до нашей культурной эпохи легко наблюдаемы в духовной жизни, а не в промышленно-технической. Например, крайне «мутационен» был процесс распространения христианства в мире. За каких-нибудь 150 лет оно отодвинуло на задний план тысячелетиями существовавшее язычество и через 300 лет завоевало западный мир. Плиний Младший, путешествуя приблизительно через 100 с небольшим лет (мне не хочется точно поверять даты) по Фракии, пишет, что все население стало там христианским. Вот эта религиозная мутация! — а не «эволюция». И «мутация» — переход России от сохи, трехполя и т. п. к трактору за какие-нибудь 20–30 лет!.. Я не понимаю, в каком отношении к основной и очень определенной мысли моего письма об «ускорениях» жизни в современном мире стоит упоминание, что в одной области традиция ускоряет эволюцию, в другой — замедляет. Да разве я когда-либо это отрицал и вообще разве я говорил о «традиции»? К этому письму приложен текст последней главы моей книжицы на тему «Формы мысли и атомная революция». В ней я подробно развиваю мысль, что быстрейшая мутация в области техники может сопровождаться полным застоём в области идеологической, возвращением к старейшим «традициям» в философии. Вообще говоря, «мутация» и «эволюция» — сложные вещи, упрощать их не стоит. Очень часто движение вперед в одной области жизни сопровождается регрессом в другой. В моральной области старый русский крестьянин был много лучше субъекта, который напялил на себя «спинджак», старый головной убор сменил на «картуз» или «кепку», но в технико-экономической области он, в противоположность человеку в кепке, не умел работать или работал плохо и требовал зверских инструкций от помещиков. Инструкция от Вашего «протезе» в Академию Артемия Волынского была еще «цветочками», а вот «инструкция» Аракчеева, в которой существовал целый отдел «уголовных мер», была ягодками. А ведь, вероятно, Аракчеев был недурным помещиком, но в «Истории русской экономической мысли» упоминать о нем было бы зазорно. Во всяком случае, «военные поселения» и

«кантонисты» были изобретениями оригинальными, но, быть может, найдя далекий отклик, в будущей русской истории не оказали такого разительного влияния на современную цивилизацию, какое оказало изобретение двигателей внутреннего сгорания (автомобиль и аэроплан) или динамо-машины (электрофикации).

Перехожу теперь к Вашей любимой теме — «русской эпохе во всемирной истории». Я — человек старый, а «старость ходит осторожно и осмотрительно глядит»...² Я вижу жестокую борьбу за гегемонию между двумя государствами-гигантами. В миниатюре подобные явления наблюдались и ранее — борьба за гегемонию Афин и Спарты. Победила, разумеется, Спарта — как народ бедный, привыкший к лишениям, закаленный в борьбе за жизнь. Для меня нет никакого сомнения, что то же самое произойдет и в современной борьбе за гегемонию — победят русские. Но древний мир так истощил борющихся, что какие-то эллинизированные варвары, именуемые македонцами, — бог знает, какого они были рода и племени — фракийцы, славяне, скифы? — руками Филиппа Македонского с легкостью раздавили Спарту и Афины. Докончил это другой варвар — Сулла, сын племени солдат и завоевателей, которые, уничтожив высокую культуру этрусков, начали завоевывать западный мир. Духовно это был народ совершенно ничтожный, который даже не создал собственной религии — «домашних богов», «пенатов» унаследовал от этрусков, а в государственной своей религии поступил очень просто — перенес греческий Олимп в свои храмы, назвав Зевса Юпитером, Геру — Юноной, Арю — Марсом и т. д. Сулла, грубый, необразованный солдат, освоил Балканы, напал на Афины и вывез оттуда все — статуи, книги, библиотеки. Философы греческие стали римскими эмигрантами и начали учить греческой философии детей римских аристократов. Афинская Академия, впрочем, продолжала еще существовать некоторое время³ — и Цицерон ездил туда учиться, познакомив в своих сочинениях грамотных греков с академиками, стоиками и эпикурейцами. Вот я и боюсь, что произойдет нечто подобное и в современной борьбе за гегемонию. Она может в конце концов так истощить победителей (особенно после атомных бомбардировок), что придут переодетые в европейское платье «варвары» — марокканцы, алжирцы, арабы, египтяне, иранцы, жители Ирака, наконец, европеизированные негры — им же нет числа — и с легкостью завладеют «белыми европейцами». Я этих переодетых варваров вижу каждый день в «Palais des Nations»⁴. Одеты по последней моде: у мужчин брюки «макарони», у дам — прическа сыпно-тифозная, говорят отлично и по-английски, и по-французски, англичан и французов ненавидят и презирают, над русскими подсмеиваются: носят эти русские смешные широкие штаны, а дамы причесываются, как 50 лет тому назад, а главное — насчет иностранных языков русские слабы, одним еще владеют, а уже двумя из 10–12 здешних советских переводчиков владеют двое, да и то плохо. Как бы «русская эпоха всемирной истории» не обернулась в эпоху «гегемонии желтых, коричневых и черных» варваров...

В Ваших письмах, дорогой Петр Николаевич, сквозит ненависть к Европе и европеизму. Достаточно ли это объективно? Все же мы — евр-азийцы, а не просто «азийцы». Когда Московская Русь решила выходить на большую дорогу политической истории, она создала миф о Москве — Третьем Риме. Не Пекине или святом граде Бенаресе, а именно о Риме, принадлежность которого к западно-

европейской цивилизации неоспорима. Элементы европейской цивилизации проникли к нам много ранее, чем к китайцам, арабам, персам и неграм. Теперь европеизм распространился на население всей нашей планеты, его нет разве только в лесах Центральной Африки и в джунглях Южной Америки. И марксизм, являющийся идеологией антиколониальных народов, есть чисто европейский продукт — продукт творчества крайне европеизированного немецкого еврея и немецкого фельдфебеля-комиссионера. Ильич внес в марксизм новое истолкование, но «евразийским» его назвать нельзя. Его политически гениальной мыслью было то, что он понял предрасположенность к своему политическому идеалу (вернее, к соц<иально>полит<ической> программе) бедных, нищенских народов, а не народов разбогатевших. По 1-му тому «Капитала» выходит, что социальная революция произойдет сначала в богатой Англии, а не в нищенской России, а по Ленину как раз наоборот — и в прозрении этом он оказался прав. Но «нищенскими» народами являются не только «азиаты», но вообще все экономически отсталые страны. У Ленина «догоним и перегоним», «электрофикация» и проч. является элементом чисто европейским, а ориентация на отсталые народы не совпадает с «азиатством», — потому и нет у него никакого «евразийства». У американских варваров европеизм достиг преувеличенно анекдотического характера. Русские — народ старый, избави Бог им впасть в американизм.

В универсальном европеизме, охватившем ныне всю нашу планету, есть много уродливых, пошлых, отвратительных черт. Но заложены в нем и великие ценности. Потому я, если говорить о личных чувствах, люблю Европу и вместе презираю ее. Презираю американизм как анекдотическое выражение европеизма, люблю Декарта и Паскаля, Канта и Гегеля, люблю итальянский Ренессанс, Сорбонну и Оксфорд, люблю категорию меры как основную добродетель Аристотеля и противопоставляю русской безмерности, как интеллигентской, так и «раскольничьей», приводящей к хаосу. Думаю, что советский режим научил русских мере и порядку как основной добродетели и отучил от «неистовства».

Прилагаю при этом моем затянувшемся письме рецензию на немецкую мою статью, писал рецензию «умеренный» евразиец, и написана она в «умеренном» евразийском духе. Что делать — старость!..

Крепко Вас обнимаю и прошу не гневаться за «западнобесие», «европофильство». Дорогой Вере Ивановне и детям привет.

Н. А.<лексеев>

НВ. Я не отвечаю на разные детали Вашего письма, которые считаю проявлением полемического пыла и жара. Укажу на некоторые явные передержки: православная догматика пришла с юга — но русская догматика, родившаяся в XVIII веке, точно переводила соответствующие католические учения и после Феофана Прокоповича стала переводить протестантские. До Хомякова она ничего оригинального не дала; греко-римская культура была «провинциальной», а будущая русская будет «универсальной», но есть только одна действительно универсальная культура — это европеизм, охвативший весь мир и проникнувший в евр-Азию; все остальные исторические цивилизации были более или менее провинциальны; убеждать меня в значении Октябрьской революции не стоит, я это вполне пони-

маю, но чувствую внутренний ее трагизм — будучи относительно самобытной, она включилась в европейскую политическую проблематику, что сделали и наши «императоры»; конкуренция с «сверхевропой», США, заставляет ее «догнать и перегнать», т. е. стать также «сверхевропой», что может иметь трагические последствия*. Не вполне понятно, почему Вы изменили Ваш старый взгляд на Петра I: он вполне соразмерен Сталину, с той разницей, что Сталин не был безобразником и хулиганом, которым был Петр. Сталин достоин и прославления, и критики, как Петр, только не нужно было позволять «подхалимажа», который был и при Петре.

T-SAV-II/9 (24).

¹ Хуго де Фриз (Vries; 1848–1935), голландский ботаник. В 1878–1918 гг. профессор Амстердамского университета. Наблюдая ослинник, или энотеру (*oenothera*), открыл мутацию биологических видов, разработал мутационную теорию.

² Неточная цитата из поэмы А.С. Пушкина «Полтава» (1829), правильно: «Старость ходит осторожно / И подозрительно глядит».

³ В 87 г. до н. э., в период Митридатовых войн, когда римское войско возглавлял полководец Сулла, платоновская Академия в Афинах была закрыта, но в 176 г. восстановлена императором Марком Аврелием и окончательно закрыта в 529 г. указом византийского императора Юстиниана.

⁴ Дворец Наций в Женеве, построенный в 1929–1938 гг., сначала использовался как штаб-квартира Лиги Наций (до 1946 г.), затем в нем разместилось Европейское отделение Организации Объединенных Наций (ООН).

6

Женева, 10.V.1959

Дорогой Петр Николаевич.

Действительно, по моей вине после наших февральских длинных писем переписка наша оборвалась. Обижаться на Вас за то, что Вы часто не пишете, не могу, зная трудность Вашей жизни и Вашу занятость. 13 марта Вы пишете мне: «Не сердитесь ли Вы на меня за что-либо, мой дорогой друг?» За что же я могу на Вас сердиться — за Вашу исключительную любовь ко мне и за, по моему мнению, незаслуженные похвалы, к которым, вообще говоря, я не привык, так как обычно меня все ругают? 26 марта Вы коротко пишете о мюнхенском журнале «Свобода» и о Ф.А. Степуне. О первом не стоит говорить, а что касается Степуна, то я мог бы Вам рассказать о его гнусном поведении много любопытных вещей, но, ну его к Богу, не стоит марать бумагу. Тут не «слепота» и не «раболопное служение деньгам» (Федор Августович) достаточно теперь богат и в своих кругах знатен и славен), но заядлая эмигрантщина. Мне досадно, что Ваши чудесные стихи появились не там, где им нужно было

* Нужно было начать с того, что сейчас стараются достигнуть: — «coexistence», а не начинать с борьбы на уничтожение. Принцип: «Ceterum censeo, Carthaginem delendam esse» при наличии атомной бомбы нелеп. <Примеч. Н.Н. Алексеева.>

появиться, но также в зяблом эмигрантском журнале¹, который по направлению своему не лучше «Свободы». Но что же делать, такова наша несчастная судьба — мы любим, а нас не любят... В последнем Вашем письме (по поводу присланных фотографий) Вы пишете: «Обличите — в чем заслуживаю обличения». Но где и когда я Вас обличал? Я на последних ступенях моей земной жизни более занимаюсь самообличением (внутренним), чем обличением других людей, тем более Вас.

Что я делаю? Закончил философскую книжечку, которая на этих днях увидит свет. Называется она не «Религия, философия и наука», а «Формы мышления и атомная революция»². Боюсь, что книжка эта «против течения». Не судите за это строго. За последние дни окончил мои «Воспоминания» — вплоть до эмиграции, о которой, верно, писать не буду. Мне ужасно больно, что весь евразийский архив, унаследованный мною от сошедшего с ума Стороженко³, — не помню, писал ли я о трагической его судьбе? — мне пришлось подвергнуть два раза сжиганию: один раз перед приходом немцев в Белград, другой раз перед приходом соотечественников. А он по обилию материалов, писем и пр. представлял исключительную ценность. Из эмигрантского периода напишу только о белградской моей профессуре и о том, почему мне, советскому гражданину, пришлось оставить университет и стать опять «эмигрантом», обладающим национальным паспортом, не дающим права въезда на родину. Это будет заключением «Мемуаров» (занятие стариковское и мало кому интересное). Воспоминания мои (три напечатанные главы я переслал Вам) я пишу более всего для себя лично — для того, чтобы самому себе осмыслить мою долгую, мятущуюся и блуждающую жизнь. Интересны они, может быть, будут далеким потомкам, как характеристика нашей революционной эпохи, написанная человеком беспартийным («беспартийным большевиком»?). То, что пока напечатано было в «Новом журнале», интересно только москвичам, учившимся в нашем университете. Я встретил как-то бывшего директора Экономической комиссии в Европе при ООН, поляка, Модерова, учившегося в Московском университете приблизительно в мое время. Он мне сказал: «Интересно, — с какой правдой Вы все изобразили». Отзыв этот для меня был очень ценен, так как другая цель моих воспоминаний была попытка восстановления истины, искаженной партийностью других современников, писавших о той же эпохе. Имеются три книги, полные искажениями, — это воспоминания эсера и террориста В.М. Зензинова⁴, моего товарища по гимназии, воспоминания М.В. Вишняка⁵, моего современника по студенческим годам, также эсера, и, наконец, «История коммунистической партии» Сталина, фальсификации в которой были изобличены Хрущевым*. Я понимаю, что «правда» воспоминаний есть вещь относительная, отражающая субъективные впечатления писателя, но в воспоминаниях может и не быть нарочитой партийной лжи, эсерской, меньшевистской или большевистской. От нее-то мне и хотелось очистить изображение событий нашей революционной эпохи.

Фридиев мне пишет: «В последнем № “Revue de droit compare” красуется рецензия о Вашей книге (немеческая статья) на первом месте отдела библиографии»⁶.

* Нужно упомянуть еще и книги Троцкого, человека невероятно партийного и пристрастного. <Примеч. Н.Н. Алексеева.>

По нашей с ним обильной переписке, затрагивающей темы и теоретические, и актуально политические, можно написать диссертацию по философии права и хронике событий европейской истории за последние 20 лет. Об этой немецкой статье появилась большая рецензия (весьма двусмысленная) в органе нашего приятеля Водова⁷ «Русская мысль». Немецких рецензий еще не имею. Не очень мудро и не очень похвально, что такие пустяки, как подобные рецензии, меня утешают — значит, не совсем еще забыт в мои 80 лет!..

Татьяна Павл<овна>, которая шлет Вам привет, ужасно устает на службе: приходится иногда работать до 12 ч<асов> ночи, так как сейчас идут три параллельные конференции. Мы существуем довольно сносно, но дрожим за будущее. «Limite d'âge»⁸ для Т.П. — скоро 60 лет, могут еще продлить ее контракт года на 2, а что потом? Пенсия в ООН ничтожная, на которую нельзя существовать. Да и вопрос с жильем в Швейцарии осложнится после окончания службы в ООН. Что делать? Мне говорят: начинайте уже сейчас же хлопотать о советской визе — это длится очень долго. Там Вам дадут пенсию и будете существовать. Я боюсь — заки<д>ают куда-ниб<удь> в Алма-Ату, что мы будем там делать без книг, без знакомых? Ну, с этим всем можно еще подождать года 2 или 3, а сейчас стремлюсь об этом не думать.

Ольга Петровна <Святополк-Мирская>⁹ собирается в начале июня на родину повидать сестру. Вот уже год не присылают из Москвы визы. Волнуется, дадут ли?

Обнимаю Вас крепко и шлю привет Вере Иван<овне> и детям.

Преданный Вам Н. Алексеев.

Прилагаю при этом вырезку из газет, касающуюся темы, над которой сейчас работаете. Но, м<ожет> б<ыть>, Вам уже все это известно.

T-SAV-III/9 (5).

¹ Подразумевается публикация стихотворений П.Н. Савицкого с предисловием Н.А. Оцуца: *Востоков П. Из пережитого // Грани. 1958. № 39. С. 86–91. Публикация была продолжена: Грани. 1959. № 43. С. 103–108.*

² *Алексеев Н.Н. Формы мышления и атомная революция. Женева, 1959.*

³ Стороженко Владимир Александрович (годы рождения и смерти неизвестны), лидер белградских евразийцев. С 1920 г. в эмиграции, к евразийству присоединился в 1922 г., вероятно, в составе группы офицеров во главе с А.В. Меллером-Закомельским. Полковник лейб-гвардии Преображенского полка, представитель полкового объединения Союза преображенцев в Югославии (1938). В евразийской полемике традиционно занимал правую, антикоммунистическую позицию. См. наиболее интересную статью в евразийских изданиях: *Стороженко В. О евразийской работе // Евразиец. 1931. № 16. С. 3–5. Стороженко резко отвергал сталинизм и плановую экономику, высказывая симпатии правому уклону ВКП(б).*

⁴ Зензинов Владимир Михайлович (1880–1953), политический деятель, один из лидеров социалистов-революционеров. С 1919 г. в эмиграции. Автор воспоминаний «Пережитое» (Нью-Йорк, 1953).

⁵ Вишняк Марк Вениаминович (1883–1976), юрист, публицист, член партии социалистов-революционеров. С 1919 г. в эмиграции. Автор книг «Два пути (Февраль и Октябрь)» (Париж, 1931) и «Дань прошлому» (Нью-Йорк, 1953).

⁶ *Fridieff M. <Рец. на изд.> N. Alexeiev. Beiträge zur Geschichte des russischen Absolutismus im 18. Jahrhundert // Revue internationale de droit comparé. 1959. Vol. 11. № 1. P. 222–224.*

⁷ Водов Сергей Акимович (1898–1968), журналист. Участник Гражданской войны. С 1920 г. в эмиграции, жил в Чехословакии, с 1925 г. — во Франции. Сотрудник газеты «Последние новости». С 1955 г. редактор газеты «Русская мысль».

⁸ Предел возраста (*фр.*).

⁹ Святополк-Мирская Ольга Петровна (1899–?), княжна, фрейлина, младшая сестра Д.П. Святополк-Мирского. Переводчица, работала в Институте истории АН СССР. Благодаря ее помощи увидело свет следующее издание: Дневник кн. Екатерины Алексеевны Святополк-Мирской за 1904–1905 гг. // Ист. записки. 1965. <Т.> 77. С. 236–293.

7

9 июля 1959 г.

Женева

Дорогой мой друг Петр Николаевич, подтверждаю получение Вашего письма, хочу начать с того, чтобы объяснить Вам причины моего долгого молчания. С осени прошлого года мы переживали очень тяжелое время вследствие тяжелой болезни моей сестры, которая умерла 19 мая настоящего года. Сестру мою Вы знали по Праге в несчастное время их пребывания в этом городе. Заболела она нефритом осенью прошлого года, когда мы только что вернулись с вакансий. Я не имел понятия, что нефрит есть страшная болезнь не только для самого больного, но и для окружающих ее близких людей. В силу постоянного отравления мочой больной человек превращается не только в физическую развалину, но и постепенно теряет все свои психические способности, сначала духовные (память, способность узнавания людей, дар речи, логику и т. п.), потом чувственные. Сестра моя под конец превратилась в кусок мяса, который можно было колоть, щипать и т. д. — она ничего не чувствовала. За больной нужен был уход, сначала дома, потом, когда мы перевезли ее в больницу, — в самом госпитале, куда приходилось ездить по два раза в день. Здесь было не до переписки. Потом пошли хлопоты с похоронами, с переговорами с теми швейцарскими учреждениями, которые сестру поддерживали как беженку и т. п. Только на этих днях все эти дела окончились, и начинаю отвечать на письма. Ваше письмо 18 стр<аниц>, три письма Фридиева — 65 страниц. Начинаю с ответа Вам.

Мне большая радость, что воспоминания мои произвели на Вас то впечатление, которое я желал. Я желал правдиво изобразить «бурное время», в которое я жил и которое представляет собою одну из самых значительных эпох нашей истории. Мой предшественник по белградской кафедр<е> проф<ессор> Милован Йованович справедливо написал в газете «Политика» (до прихода немцев), что будущим историкам революций не удастся писать о них по архивным материалам, как писали <Франсуа> Олар или <Жорж> Ленотр, ибо наши современники сумеют истребить в архивах все то, что им кажется неприятным или политически вредным. История будущая не может не быть тенденциозной или неправдивой вроде ныне упраздненной «Истории коммунистической партии». Тенденциозно в свою сторону изображают русскую революцию мои современники «эсеры» в сво-

их мемуарах, ныне изданных (мой товарищ по гимназии Зензинов и по университету — Вишняк). Мне особо ценно, что Вы подтверждаете правду моих характеристик. Но Вы прибавляете: «А почему Вы, Николай Николаевич, не описали, как вы сидели в тюрьме, как жили у Павла Андреевича Шувалова и т. д.». Да все это, милый Петр Николаевич, у меня написано, только издатель «Нового журнала» не захотел этого напечатать. У меня есть его письмо, что он берет к напечатанию главу «Бунт и тюрьма» (1902–<19>03) и главу «1905 год». Но М.М. Карпович, сам бывший «эсер», тяжело заболел в прошлом году, отстранился от редактирования, в редакции водворился Вишняк и Роман Гуль (личность довольно двусмысленная) — эти главы не пошли в печать, а был вне хронологической очереди напечатан «Толстовский дом», который будто бы в Нью-Йорке имел большой успех. Теперь Карпович оправился и пишет мне, что далее, в XXII книге, пойдет «Турецкий фронт». Однако журнал дышит на ладан, и уверенности у меня о выходе названного тома нет.

Знаете, «резать правду-матку» часто не приходится в воспоминаниях даже о людях умерших. Беда в том, что я знаю, что называется, «подноготную» сторону многих дел, которая, по-видимому, от вас осталась скрытой. Начну с любимого мною П.И. Новгородцева. Я знал его, когда он только что вышел из приват-доцентов в экстраординарные <профессора>, и могу Вас уверить, тогда он говорил о религии так, как сказано в произведении Канта «Религия в пределах чистого разума». Глубокий лично-семейный кризис толкнул П.И. <Новгородцева> к тому, чтобы «надеть вериги», выстаивать с бронхитом в холодной русской церкви в Праге и буквально сжечь самого себя в полном расцвете сил. Вы не могли обратить большого внимания на незначительное замечание, сделанное мною на стр. 150 54-й книги «Нового журнала», где я говорю о Лидии Антоновне, «стоявшей близко к всецело поглощенному политикой Милюкову». Между тем подчеркнутые слова вызвали целую переписку с М.М. Карповичем. В первоначальном тексте я выражался много решительнее, не хочется сейчас рыться как, но в определенном смысле романа между Л.А. <Новгородцевой> и П.Н. <Милюковым>¹. В милюковских кругах это хорошо известно, и они, издавая теперь коллективную, хвалебную биографию «величайшего из русских политиков», хотят замолчать, что от Милюкова у Лидии Антоновны был сын — тот маленький мальчик, которого она привезла с Бадей² и двумя девицами в Прагу. Моя приведенная формулировка была результатом соглашения с Карповичем. Павел Иванович в жизни своей был настоящей «красной девицей», он в жизни своей не выпил ни одной рюмки водки, в молодости был страстно влюблен в Соню Герье, в дочь человека чиновного и важного. Соня же была влюблена в Вышеславцева и со смехом рассказывала, как Павел Иванович делал предложение вступить в брак... но не ей, а ее отцу и матери, которые этому браку очень сочувствовали, но Соня-то насмешливо отказала. Она так и не вышла замуж, стала антропософкой и занимала большое положение в Дорнахе около Штейнера и его «Гетеанума»³. На Лидии Антоновне женил Павла Ивановича В.И. Грабарь, ближайший родственник Будиловичей, брак был не по любви и не по расчету, а по «категорическому императиву»: защитил в С<анкт>-П<етер>б<урге> докторскую диссертацию, стал ординариусом,

следовательно, должно жениться и обзаводиться семьей. Роман с Милюковым завязался у Л.А. в годы перед Февральской революцией, когда она, будучи членом ЦК кадетской партии, постоянно ездила в С<анкт->П<етер>б<ург> и подолгу там оставалась. Непонятно, как такой селадон и бабник, как Милюков, прельстился Лидией Антоновной, женщиной, на мой вкус, мало «аппетитной» и приятной. Но «на вкус и цвет товарища нет», факт остается фактом, Милюков, когда П<авел> Ив<анович> умер, высылал Л.А. на сына деньги, об этом в милюковских кругах все знают, и Карпович этого не отрицает. Но вообразите себе, какое ужасное впечатление произвело это обстоятельство на бедного Павла Ивановича, «красную девицу». Глубокую, тайную скорбь носил он в своей душе. Мне он, разумеется, об этом никогда не говорил, но запомнились мне несколько раз повторенные его слова: «Кто знает, Николай Николаевич, что таится в сердце женщины»...

Мальчик этот, сын Милюкова, кончил медицинский факультет в Праге, стал доктором и национал-социалистом, уехал в Германию, не знаю, что с ним, Вы знаете об этом, вероятно, лучше меня.

Простите меня, но Ваши замечания о Толстых⁴ заставляют меня начать дополнения в форме скабрёзного анекдота. Сережу привезли из Татёва в Москву две английские гувернантки, старые девы и совершенные дуры. Как только они ввалились в хамовнический дом, они заявили родителям Сережи, что он страдает страшной болезнью — онанизмом. Родители бросились ко мне, я не знал, что делать — иметь такого воспитанника не очень приятно. Посоветовавшись, мы решили вызвать известного московского психиатра, Россолимо. Я поехал к Россолимо, и через день-два он приехал в хамовнический дом. Он и я под его руководством подвергли Сережу тому, что теперь именуют «психоанализом», — и что же обнаружилось? Оказывается, что эти старые дуры заметили, что у мальчика бывает «эрекция». Оказалось, что они вообще не знали, что такое «эрекция» — обыкновенное явление у мальчишек. Они думали, что раз — простите, я уже буду выражаться прямо — что раз член у мужчины встал, то это и есть онанизм, страшная болезнь, угрожающая сумасшествием. Вот это-то они и начали внушать бедному мальчику и, кроме того, пытаться заставить Сережу, чтобы это явление у него не повторялось, чего, конечно, достигнуть нельзя. Они довели таким путем Сережу до той нервности, боязни самого себя, страха за себя — психики, с которой он приехал в хамовнический дом. Под умелым руководством Россолимо мне удалось освободить своего питомца от этих явлений и объяснить ему, что в эрекции нет ничего страшного. О том, что такое онанизм, он не имел никакого представления. Когда он поступил в гимназию и познакомился с мальчишками вполне «образованными», мне пришлось многое ему объяснять. Мы с Россолимо хохотали, когда вскрылась дурь этих старых дев, с другой стороны, доктор был истинно возмущен, как это дедушка Рачинский, которому внук был отдан на воспитание, мог довести до всего изложенного. Вы пишете мне: «Сергей Александрович, человек тончайшей культуры... создал кадр учеников»... «своеобразный народный педагог»... Хороша культура, хороша педагогика по отношению к собственному внуку... Вообще, о порядках, заведенных в Татёве, мне много приходилось слышать — и меня никак не удивляет, что в Энциклопедии Брокгауза появилась без

подписи полемика против Рачинского статья, вероятно, человека, который хорошо эти порядки знал.

В «Воспоминаниях» своих я умолчал о последних моих встречах с Сережей. Я встретил в Ростове-на-Дону, накануне взятия его конницей Буденного. Он служил переводчиком в английской военной миссии в Ростове. Мы много с ним говорили, что делать, оставаться или удирать. Я оставаться не мог после моих дробвольческих авантур. У него же пробудились религиозные эмоции: «Хотел бы куда-нибудь в скит, — говорил он, — пожить отшельником, помолиться наедине». Я его не убеждал уезжать, что ему было легко сделать — англичане его с охотой бы вывезли. Он остался, я бежал. Я его потерял из вида. В году 1924–<19>25-м я узнал, что Сергей Львович и Мария Николаевна приехали из России в Кламар к Татьяне Львовне Сухотиной³, она держала там пансион. Меня известили, что с русскими эмигрантами родители Сережи встречаться опасаются. Я в те годы жил в Праге и в Париж не собирался — так я их и не повидал. Приехал я в первый раз после войны в Париж летом 1927 года и, встретив в Кламаре М.А. Каллаш⁶, вместе с ней отправился к Татьяне Львовне. Там я узнал, что Сережа, по рассказам родителей, вернувшись с юга России в Москву, стал иподиаконом у Патриарха Тихона (Вы, по-видимому, не знаете об этом несомненном факте), затем после смерти Патриарха бросил это дело, женился во второй раз (первый раз был женат на какой-то ростовской проститутке), жена его завладела квартирой Сергея Львовича в Левшинском переулке, выперла стариков из квартиры, что поставило их в очень трудное положение. Мария Николаевна скоро умерла, а Сергей Львович кончил жизнь профессором Московской консерватории по классу роля. Вот последствия его брячания на инструменте в кабинете, о чем я писал в «Воспоминаниях».

В кламарском пансионе Сухотиной я познакомился с молодым человеком, только что приехавшим из Югославии. Он был вызван в Париж «Имкой» <УМСА>, писал книгу об Александре Невском, волочился за Танечкой, дочерью Т.Л., и пьянствовал со своим полковым товарищем, с которым был неразлучен. Это был Н.А. Клепинин⁷. Сухотина наконец выставила молодых людей из пансиона, и тут-то Николая Андреевича и подцепила хорошо известная Нина Николаевна Сеземан⁸. Дальнейшее Вам хорошо известно.

То, что в «Воспоминаниях» написано о Вышеславцеве, является некрологом, напечатанным в газете «Новое русское слово» (Нью-Йорк). Теперь, после смерти обоих⁹, я прибавлю в окончательном тексте «Воспоминаний» следующие строки:

Вышеславцев стал в эмигрантском периоде моей жизни не только моим интимным другом, но и с тех пор, как он женился на моей сестре, моим родственником. Мне очень тяжело вспоминать, что дружба эта сильно охладилась после того, как он в 1943 году переехал из Парижа в Прагу и стал там работать в организации, которая называлась «Антикоминтерном» и состояла в ведомстве известного идеолога немецкого расизма Розенберга¹⁰. Отъезд его из Парижа отчасти объяснялся денежной нуждой, но нужда эта не объясняет того, что Вышеславцев начал обнаруживать признаки увлечения нацизмом, о чем ко мне доходили сведения с разных сторон. Мой ученик и друг, ныне профессор в Сорбонне М.Е. Фридиев,

живший в 1943 году в Париже и часто встречавшийся с Борисом Петровичем, пишет мне по поводу смерти моей сестры: «Хорошей души она была человек, и как-то странно, что она смогла пойти за мужем на то злое дело, на которое он сам себя выдвинул» (от 5 июля 1959 года, письмо в Женеву). Генеральный секретарь Экуменического союза, голландец Виссер т' Уфт (Visser t'Hoof) писал Борису Петровичу, что его поведение во время войны делает невозможным работу в Экуменическом движении (письмо от октября 1945 г.). Сам Вышеславцев прислал ко мне в Белград — это было, вероятно, в 1944 году — русского офицера-нациста в форме, которую носили SS-Truppen (Stern u<nd> Schutz Truppen) с предложением переехать в Прагу для работы в «Антикоминтерне», руководителем русского отдела в котором был небезызвестный и поныне здравствующий барон Меллер-Закомельский¹¹. Для меня визит этот был не только неприятен, но прямо опасен: если бы его установили сторонники сербских партизан, мое положение в Югославии было бы сильно поколеблено. Я держался сербской ориентации, и ко мне никогда не приходили немецкие военные оккупанты. Наконец, разбирая бумаги моей сестры после ее смерти, я нашел книгу, которая является ныне, вероятно, большой редкостью — «Новые вехи», «орган свободной русской мысли», издательство того же имени, январь 1945 г., книга вторая¹². В книге этой вложены листы бумаги, написанные рукой Вышеславцева, которые показывают, что он был не только ее редактором, но и в значительной степени ее составителем. Статьи книги, подписанные какими-то псевдонимами (проф. Соловецкий, проф. П. Салтыков, проф. Сазонов и т. д. все профессора), носят следы не только пометок, но и авторства Бориса Петровича. Дружба моя с ним охладилась не только оттого, что он увлекался нацизмом — он вообще был человек<ом> увлекающимся, — но в силу того, что он скрыл существование этой книги и постоянно рассказывал мне разные небылицы о своей деятельности в Праге — что он будто бы читал лекции в «Русской академии» в Праге, учреждении чисто фиктивном, что он никогда не выступал с какими-нибудь докладами политического характера и что не занимал никакого места в немецком учреждении в Праге и т. п. Меллер-Закомельского, очутившегося в Женеве под фамилией просто Меллера, Борис Петрович от меня тщательно прятал и скрывал следы знакомства с ним. Все это было истолковано мною как нарушение заветов истинной дружбы, что и создало неприятную фальшь в наших отношениях, осложненных еще тем, что у меня был советский паспорт.

Ваши замечания к стр. 173 «Воспоминаний» правильны в том отношении, что реминисценции старого, дореволюционного прошлого играют, разумеется, некоторую роль в современной России, но с точки зрения «массовой психологии» нельзя отрицать, что в родину нашу сильно проник «лаицизм»¹³ и с ним вместе еще неугасшая ненависть к дореволюционным формам государственного быта. Что же, Вы думаете, что «девятое января» забыто народом? Я пишу об этих темах в только что оконченном тексте последней части моих «Воспоминаний» — «Февральская революция», «Неудавшийся Наполеон», «Октябрь». Я бы очень хотел по окончании прислать Вам на обсуждение эту часть вместе с главами из «детства и отрочества» — «Горенки», «Как мы стали революционерами», «Бунт

и тюрьма», «1905 год». Я писал «В бурные годы» не только для того, чтобы изобразить нашу русскую жизнь в прошлом для будущих моих читателей, но и для того, чтобы самому осмыслить мою жизнь, мои блуждания, мое бурное прошлое. Вот последние из только что оконченных глав и подводят этому итоги. Иногда мне кажется, что я стал писать скучно, по-стариковски, иногда думаю, что уже не так плохо. Я пытаюсь полный текст «Воспоминаний» воспроизвести на машинке в четырех экземплярах — один я перешлю Вам и прошу Вас завещать Вашему сыну: молодежь лет до сорока не любит рассуждения стариков о прошлом, но в 40–50 лет пробуждается к этому интерес, пускай Ваши дети сохранят манускрипт до этого времени, тогда его можно будет и издать. Другой экземпляр я оставляю моей жене, третий хочу переслать в Москву, в отдел рукописей, и четвертый — в Колумбийский университет. Хранителем отдела «Архива русской эмиграции», учрежденного проф<ессором> Мосли, является Магеровский¹⁴, которого Вы, вероятно, знали в Праге — был он представителем газет<ы> «Послед<ние> новости». Magerovsky, L.F. 833, Butter Library, Columbia University, New York, 27 NY.

В заключение два слова о «жестокости», толстовстве и Ганди. Я отлично понимаю, что стране, в которой происходит единственная в своем роде социальная революция, к тому же окруженной кольцом врагом, нельзя обойтись без жестокости. Но разве не прав был Н<икита> Х<рущев>, который в своей речи 25 февраля 1956 года говорил о бессмысленной жестокости, применяемой в недалеком прошлом, о нарушении революционной законности, о безобразном истреблении не только «врагов народа», но и заслуженных деятелей компартии, о «брутальности», ставшей обычаем внутренней советской политики? Влияние толстовства и гандизма как массового движения могло бы служить смягчению названных крайностей — вот что я хотел сказать в конце «Толстовского дома».

В заключение прошу Вас обратной почтой сообщить мне точное название той книжечки об истреблении культурных и религиозных памятников, которая вышла в Париже за несколько лет до войны¹⁵. Автора я знаю, мне нужен точный титул и год издания — для «Воспоминаний». Соответствующий текст рукописи сейчас переписывается, и мне нужно название книжечки этой вставить в переписываемый текст.

Письмо Ваше вчера читала Татьяна Павловна, которая говорит, что оно совершенно замечательно.

С сердечным приветом Вам, Вере Ивановне и всей семье
Преданный Н. Алексеев

T-SAV-III/9 (6).

¹ Так в тексте письма.

² Новгородцев Борис (Бадя) Павлович (1904–?), сын П.И. и Л.А. Новгородцевых. До 1918 г. учился в 5-й московской гимназии, с 1921 г. в эмиграции, с семьей переехал в Чехословакию, где жил и работал в 1920–1940 гг. Позднее переехал в СССР. Подробнее о нем см.: [Белошевская 2011, с. 548].

³ Центр антропософского движения в Швейцарии, названный в честь И.В. Гёте.

⁴ См. ниже в приложении копию письма П.Н. Савицкого № 8: T-SAV-V/80 (8).

⁵ Сухогина-Толстая Татьяна Львовна (1864–1950), писательница, мемуаристка. Старшая дочь Л.Н. Толстого. В 1917–1923 г. хранитель Музея-усадьбы «Ясная Поляна». С 1925 г. в эмиграции, жила во Франции и Италии.

⁶ Каллаш Мария Александровна (1885–1954), литературовед, православный общественный деятель.

⁷ Клепинин Николай Андреевич (1899–1941), писатель, историк. В 1926 г. присоединился к евразийству, после кламарского раскола 1929 г. сохранил верность правому евразийству, принадлежал к его парижской группе вместе с Н.Н. Алексеевым, входил в Центральный комитет евразийского движения. Осенью 1933 г. полномочия Клепинина в ЦК были прекращены. В 1937 г. вместе с женой бежал в СССР, в 1939 г. был арестован, в 1941 — расстрелян.

⁸ Клепинина Нина Николаевна (урожд. Насонова; 1894–1941), искусствовед. Ее первым мужем был философ В.Э. Сеземан, вторым — Н.А. Клепинин. В 1937 г. Клепинины вместе с С.Э. Эфроном бежали из Франции в СССР, где были расстреляны в 1941 г.

⁹ Имеется в виду Б.А. Вышеславцев и его жена (сестра Н.Н. Алексеева).

¹⁰ «Антикоминтерн» — учреждение восточного отдела Министерства пропаганды Третьего рейха.

¹¹ Барон Александр Владимирович Меллер-Закомельский (1898–1977) присоединился к евразийству в 1922 г. вместе с другими русскими офицерами-монархистами (П.С. Араповым и др.). См.: [Трубецкой 2008, с. 33–35]. Трубецкой отвергал монархические взгляды группы Меллера по тактическим причинам. См.: [Переписка Г.В. Флоровского с Н.С. Трубецким 2011/2012, с. 88]. Позже Меллер перешел на откровенно расистские позиции, которые лидеры евразийцев отвергали. См. содержание писем Меллера-Закомельского и их обсуждение в: [Соболев 2008, с. 226–238].

¹² См.: Новые вехи: Орган свободной русской мысли: Сборники статей по вопросам философии, социологии, экономики и политики. Прага, 1945. № 2.

¹³ Лаицизм — обмирщение, стремление ограничить роль религии в публичной сфере.

¹⁴ Магеровский Евгений Львович (1934–2009), историк. Выпускник Колумбийского университета. Учился в аспирантуре Колумбийского университета, защитил диссертацию и получил степень доктора наук. Куратор Бахметьевского архива (занимался сбором и передачей материалов в архив). Преподавал в американских университетах, служил в Военном министерстве США.

¹⁵ Подразумевается издание: *Савицкий П.Н.* Гибель и воссоздание неопределимых сокровищ. Прага, 1937.

Дорогой мой друг Петр Николаевич, долго Вам не писал, так как немного болел, работал, отделял мои «Воспоминания» и приводил в порядок различные рукописи. Прежде всего поздравляю Вас от всей души с рождением внука, что для «дедушки» и «бабушки» всегда великая радость. Вера Ивановна, вероятно, ухаживает за ним не менее, чем его собственная мать. Вообще, дети — радость, но в то же время и лишняя забота, лишняя тревога — особенно в нашей малообеспеченной, беженской жизни. Хорошо, что мать кормит внука сама, это залог здоровья. Наша Маша выкормила сама двух

ребят, не переставая служить, что возможно было при двух условиях, близости квартиры от места службы и собственного автомобиля: сядет на машину, через 3 минуты — дома, покормит — и опять за перевод. Но она, слава Богу, живет вполне обеспеченно. Муж — Francis Kocher, тоже зарабатывает, он — ученый-психолог, занимается исправлением детских психических дефектов, в частности заикания. Издал недавно в Париже, в «Presses universitaires», книгу «La rééducation des dyslexiques»¹. Пишу Вам об этом, чтобы сказать, что он применяет рефлексологию Павлова, — и очень успешно, что создало ему, человеку очень молодому, большой успех. Иллюстрация Вашей мысли о русском периоде мировой истории. Русскому языку он не выучился — и Павлова переводит ему та же самая Маша. Франсису этому с нынешнего семестра поручили курс в университете, хотя он еще не окончил докторской диссертации — все Павлов и рефлексология, которую здесь не знают.

Поздравляю Вас еще с наступающим праздником Рождества Христова и с грядущим Новым годом. От всего сердца желаю, чтобы год этот был для Вас легким и успешным. Присланную Вами и помещенную в сборнике «За социалистическую сельскохозяйственную науку» Вашу статью прочел и вижу, что она стоит на уровне самой высокой научности тщательностью обработки материала и исчерпывающего знания соответствующей литературы. Вы понимаете, что по существу затронутого Вами вопроса я ничего Вам сказать не могу, настолько я мало его знаю; возражать Вам могли бы только высокие специалисты, как Вы; но для неспециалиста статья очень убедительна и, главное, очень актуальна, как вы правильно говорите, разработанный Вами вопрос принадлежит к одному из самых актуальных вопросов экономической жизни нашей планеты.

Вместе с этим письмом посылаю Вам недостающую главку «Воспоминаний» «Два года за границей» (идет после главки «В толстовском доме»). Знаю, что Вы по горло заняты, но хотел бы, чтобы Вы урвали минутку и написали бы Ваше мнение об этом отрывке.

С ним вместе завершена первая часть «Воспоминаний». Последнее время я занимаюсь обработкой начала второй части — именно того, что было напечатано в 17-м томе «Архива» И.В. Гессена². В напечатанном тексте, который Вы когда-то читали, описана была главным образом военно-авантюрная часть, кроме того, многое Гессен выпустил по разным соображениям. В теперешней переработке я дополняю выпущенное по памяти и останавливаюсь на эпизодах, которые в гессеновский текст не вошли, — эпизодах, по моему мнению, не лишенных интереса. Сейчас переделка начала второй части «Воспоминаний» закончена, и я мог бы выслать Вам переделанный текст, если у Вас есть интерес и время его читать. Черкните мне об этом два слова.

Однажды Вы спрашивали меня, есть ли у меня первое литографированное издание «Мира и души»? В настоящее время я вставил (не механически, а органически) часть текста первого издания во второе — и получился окончательный текст этой чисто философской книги, которая, разумеется, никогда напечатана не будет. Рассылать это последнее, исправленное и дополненное издание я не буду (и не могу) — оно останется в моем «Архиве». И так как часть моего «Архива» будет

находиться у Вас, то один экземпляр последнего издания «Мира и души» я перешлю Вам, без притязаний, чтобы Вы его читали и разбирали. Другой экземпляр пошлю Магеровскому, в Колумбийский университет, где устроен Архив русской эмиграции³.

Теперь я буду дописывать мои воспоминания эмигрантского периода. Дошла очередь и до ЕА⁴. Помню Ваше обещание немного мне в этом помочь.

Об эмигрантском периоде много писать не собираюсь. Но «Югославянскую эпопею», приведшую меня снова, после 1919–<19>20 гг., в Белград, хочу описать подробно. Беглеца от «Советов» она снова привела к «Советам» — хороший заключительный финал «Бурной эпохи». «Идет ветер к югу, и переходит к северу, кружится, кружится на ходу своем, и возвращается ветер на круги свои...»⁵

Что сказать Вам о себе лично? Старею. Еще прошлым летом мог лазить по горам, теперь не могу. Не работают ноги, плохо работает сердце. Память слабеет, теряю способность помнить собственные имена — первый психический признак старости. Татьяна Павл<овна> тоже стареет, устает на работе, болеет. Держимся на лекарствах, обогащаем местного аптекаря. Ольга Петровна <Святополк-Мирская> вернулась из своей поездки в кислом состоянии. У нее в универсальном магазине вытащили из открытой сумочки, которую она положила на прилавок, 500 рублей, да как ловко... Это лишило ее возможности посетить Ленинград, где она родилась, и проживать в отеле в Москве, ютилась у знакомых в комнате, где спали 7 человек.

С дружеским приветом Вам, Вере Ивановне и всей Вашей семье
Глубоко преданный Ник. Алексеев

T-SAV-II/9 (8).

¹ «Перевоспитание страдающих дислексией» (*фр.*). См.: *Kocher F. La Rééducation des dyslexiques; préface par André Rey. P., 1959.*

² *Алексеев Н.Н.* В бурные годы // Архив русской революции. Берлин, 1926. Т. 17.

³ Подразумевается Бахметьевский архив в Библиотеке Колумбийского университета в Нью-Йорке.

⁴ ЕА — традиционное сокращенное обозначение евразийства в личной переписке евразийцев.

⁵ Еккл. 1: 6.

29 янв<аря> 1960, Женева

Милый и дорогой друг мой Петр Николаевич,

Ваше первое, длинное письмо очень меня встревожило и огорчило. Вчера получил второе письмо, от 25 янв<аря>, более успокоительного характера. Сам много раздумывал и соображал — и в конце концов успокоился. У нас в Югославии есть приятель Шайкевич, родной внук художника Поленова. Отец Шайкевича

был сербским посланником при русском импер<аторском> дворе, человек был очень ученый и известный, который после революции переселился в Финляндию, где наш приятель и вырос, оказавшийся единственным сербом, говорившимся по-фински как на своем языке. В силу этого в нашу бытность в Югославии Шайкевича взяли сначала переводчиком в финское посольство, а теперь он — финляндский консул в Югославии. Так вот, у него на наших глазах открылись две каверны в легких с<о> страшным кровоизлиянием. Все думали, что это конец. Но его на наших глазах вылечили стрептомицином. Это было приблизительно в 1946–<19>47 <г>. стрептомицин был только что открыт, нужно было его выписывать <из> США, родственники заложили и продали все, с большими трудностями получили, врачи были плохие, действие медикамента не исследовано, — словом, на наших глазах Шайкевич выздоровел и теперь здравствует как финляндский консул в Белграде. Я уверен, что бедная Вера Ивановна выздоровеет и будет такой же помощницей мужу, как и раньше¹.

Вообще говоря, у меня создалось ничем не обоснованное правило житейской мудрости: плохое начало — хороший конец. 1960 год для Вас, да и для меня имел дурное начало, вот увидите — кончится хорошо. Я неделю (10 дней) тому назад по обычаю вышел погулять часа в 4, предварительно выпив крошечную чашечку кофе и съевши кусочек хлеба с маслом. Минут через 10 после выхода из дома я внезапно почувствовал нестерпимую боль в правой стороне живота — такую, что идти не мог, и сел на первую попавшуюся скамейку. Боль через 10 м<инут> полегчала, я пошел опять, — опять нестерпимая боль. В «общем и целом», как теперь говорят, еле-еле добрался до дома, лег, острая боль прекратилась, но тупая, тошная, осталась в левом боку живота. Я решил, что язва двенадцатиперстной кишки или начинающийся рак. К счастью, до этого неожиданного случая я записался «на ревизию» к моему постоянному врачу, у которого нужно записаться на прием дней за 10 — столько у него пациентов. На третий день после описанного случая еле-еле доплелся до него, он детально меня просмотрел и говорит: язвы никакой нет, рака нет, по его мнению, боль почечного происхождения. Теперь положение мое таково: утром температура нормальная, в 12 сначала поднималась до 37, теперь стала нормальной, а в 9–10 сначала поднималась до 38, а теперь до 37,8. Первые дни в начале поднятия температуры меня охватывала такая дрожь (дрожал как осиновый лист), какую я испытывал, когда лежал в госпитале в Навтлуке под Тифлисом, болел тифом и вместе малярией. Доктор мой лечит меня от почек, но откровенно говорит, что не знает, что со мною. Все время я сидел дома, были дожди, сегодня хорошая погода, я решил, что выйду погулять днем, пошел бодро, но так ослабел, что по дороге до вокзала (12 минут) пришлось три раза садиться отдыхать. Сейчас сижу в кафе и, как и Вы, «вспоминаю минувшие дни и битвы, где вместе рубились они»².

В самом ближайшем времени я Вам готовлю некоторый сюрприз. Пересылаю подходящую к концу большую работу, которую называю так:

«Российская империя

в ее исторических истоках и идеологических предпосылках».

Очерки по истории русского абсолютизма. Часть I³.

Одна глава этой огромной работы была напечатана немцами, остальное немцы не взяли, ссылаясь на недостаток средств. У Вас она будет в целом виде. Едва ли будет время у Вас ее читать, но просмотреть одним глазом очень прошу. Я здесь залез не в свою область: Вы — гораздо больше сведущий русский историк, чем я, и суждение Ваше мне драгоценно. У меня пришла мысль: может быть, было бы целесообразно дать ее на прочтение А.В. Флоровскому⁴, ведь «Идея равенства и права в законодательстве Петра I» — как раз его тема. Пусть разнесет меня по всем коркам — мне будет только приятно. А то будет лежать в архиве у Магеровского, пока какой-нибудь будущий ученый, занимаясь историей русской эмиграции, не откопает ее вместе с другими моими «творениями».

То, что Вы пишете о плане разработки темы ЕА, — исполню в точности и пришлю Вам со временем вопросник, — если не отдам Богу мою мятежную душу. Остроухову⁵ напишу, если есть возможность как-нибудь подтолкнуть наших юристов к высылке скорейшей обещанного ими материала — подтолкните, именно в виду старости моей и нездоровья.

Демьяна Бедного здесь нет, и я не могу узнать, как он изобразил нашего А.А. Вилкова⁶. Сообщение об этом — полная для меня новость.

Т.И. Серговская болеет гриппом, как многие в Женеве. Но уже в понедельник она будет на службе.

Вот пока все. Буду скоро писать снова.

Обнимаю крепко и прошу передать привет милой Вере Ивановне и всей семье

Ник. Алексеев

T-SAV-II/9 (9).

¹ Вера Ивановна умрет в год написания этого письма.

² Неточная цитата из стихотворения А.С. Пушкина «Песнь о вещем Олеге» (1822). Ср.: «Бойцы вспоминают минувшие дни / И битвы, где вместе рубились они».

³ Издана в Женеве в 1958 г. См. более позднее переиздание: Алексеев Н.Н. Российская империя в ее исторических истоках и идеологических предпосылках // Русский исторический журнал. 1999. Т. 2. № 1. С. 117–176; Т. 2. № 3. С. 117–156.

⁴ Флоровский Антон(ий) Васильевич (1884–1968), историк, старший брат Г.В. Флоровского. В 1908 г. окончил историко-филологический факультет Новороссийского университета в Одессе, с 1916 г. профессор по кафедре русской истории в том же университете. После революции 1917 г. помощник заведующего областным архивным управлением, директор Одесской публичной библиотеки. С 1922 г. в эмиграции, жил в Праге. С 1933 г. профессор Карлова университета. Друг П.Н. Савицкого.

⁵ Остроухов Петр Александрович (1885–1965), историк. Автор трудов по экономической истории. После 1918 г. в эмиграции, жил в Чехословакии, преподавал историю, философию, политическую экономию на Русском юридическом факультете Карлова университета и в Высшей коммерческой школе в Праге. Хранитель объемного архива, связанного с русской эмиграцией.

⁶ Вероятно, имеется в виду Александр Александрович Вилков (1872–1958), экономист, специалист в области финансового права, с 1922 г. профессор Русского юридического факультета в Праге.

Женева, 12 февраля <1960 г.>

Дорогой мой друг Петр Николаевич, долго не имел от Вас писем и начал беспокоиться — что у Вас и что с Вами, как Вера Ивановна? Вчера вечером решил, что завтра запрошу, а в 10 часов ночи пришел Ваш экспресс от 7 февраля. Обо мне не беспокойтесь — такая старая кляча, которой я стал, может иногда тащить жизненную телегу лучше, чем молодой рысак. Доктор меня подлечил, я выправился, но, разумеется, пока болел, запустил все свои очередные дела. Очень Вас благодарю за присылку драгоценных документов о псевдофакультете. Прошу Вас выразить мою сердечную благодарность П.А. Остроухову, П.П. Кириеву¹, Мейснеру² за присланные документы и сведения. Я поблагодарил бы их лично, но никто из них не сообщил мне своего адреса. У меня сейчас на очереди воспоминания о Пражском юридическом факультете — примусь за них тотчас же, как ликвидирую разные начатые, но неоконченные вследствие болезни дела. Непосредственно после этого примусь обдумывать тему об ЕА и пришлю Вам вопросник, как мы сговорились.

Приблизительно через 7–10 дней вышлю Вам «Российскую империю», над которой много поработал, — с перерывами, может быть, лет 10–15. Начало рукописи Татьяне Павловне удалось изъять из парижской Тургеневской библиотеки. Во время оккупации рукопись лежала в сербской провинции, в доме моего приятеля — серба, Майсторовича, который без вести пропал во время немецкого наступления. Рукопись воротила мне его жена. Счастливый случай помог вывести ее из Югославии в Женеву. И здесь я стал работать над ней, пользуясь имеющимся в библиотечке ООН «Полным собранием российских законов». Вы как человек опытный в научных делах увидите, что работа над ней совершена не маленькая, но каково содержание? — сказать не берусь. Я всегда, когда напишу что-нибудь, думаю — написал дрянь! Как мы списались, покажите Антонию Флоровскому, не требуйте от него письменного отзыва, пусть устно скажет свое общее впечатление. Ему как историку виднее, стоило ли это писать?

Мне как-то стыдно, что нагружаю Вас своими посылками. Ведь Вы обременены заботами, делами, поисками денег. А я все наваливаю на Вас манускрипты. В письме Вашем Вы меня подбодрили. Вы пишете: «Жду и философской Вашей работы и Вашей работы “Российская империя”...» Ну, буду высылать.

Если бы Вера Ивановна могла, когда будет потеплее, поехать куда-нибудь в деревню, хотя бы на 3–4 недели? В Праге всегда фабричный дым и смрад. Я начал разговор с Татьяной Ивановной Серговской о посылке в Чехословакию. Она говорит: не посылайте, не запросив предварительно. Сейчас в год дозволены только 3 посылки, четвертая обкладывается страшной пошлиной. Если, например, Савицким кто-нибудь посылает посылки из Америки, Вы можете оказать им медвежью услугу. Правда ли это? В магазине здешнем, который раньше отправлял посылки в Чехословакию, сейчас отправлять их отказываются, говорят — посылайте сами.

С приветом от нас Вере Ивановне и Вам, с пожеланиями здоровья и успешной борьбы с трудностями

По гроб преданный Ник. Алексеев

T-SAV-II/9 (10).

¹ Кириев Петр Петрович (1888–1970), общественный деятель. Участник Гражданской войны. С 1920 г. в эмиграции, жил в Чехословакии.

² Мейснер Дмитрий Иванович (1899–1980), юрист, журналист, общественный деятель. С 1921 г. в эмиграции, жил в Чехословакии. Выпускник Русского юридического факультета в Праге. Член правления Союза русских писателей и журналистов в Чехословакии. Корреспондент газеты «Последние новости».

11

Женева, 7 марта 1960 г.

Дорогой мой друг Петр Николаевич, меня очень огорчило сообщенное Вами (в письме от 28 февр<аля>) известие о кончине Г.А. Счеткевича и в то же время очень встревожило Ваше сообщение о нездоровье Веры Ивановны. Ясно, что ближайшая причина этого — хозяйственно-домашние заботы, которые всегда берут много сил, причем незаметно, — не то что рубка дров у мужчины: человек устал, лег, выспался и опять руби... Я все время веду борьбу с моей женой, которая очень устает на службе, приходит домой и начинает заниматься кухонно-домашними делами, — борьба, правда, безуспешная, оттащить ее от этого не удастся. Единственный способ — увезти из дома, что я и стараюсь делать во время «вакансов». Здесь она действительно отдыхает. Пробовали оставаться на «вакансы» дома — ни малейшего отдыха нет, начинается двойная, тройная, четверная работа по «домашнему хозяйству». По-видимому, на этом и перетрудила свое сердце Вера Ивановна. Но даст Бог, все обойдется благополучно, только не давайте уставать.

Приложенная к письму Вашему юношеская статья «Миграция культуры» есть настоящий «chef d'oeuvre»¹ — единственное в своем роде замечательное научное предвосхищение будущего, что так редко встречается в наших «гуманитарных науках». Прямо могу сказать, мои многописания малого стоят по сравнению с этой статьей. «Тридцатые годы»² у меня имеются, но «Исхода к Востоку» у меня нет, и достать его не могу. Если бы Вы могли попросить кого-н<и>б<удь> переписать некоторые характерные мысли и цитаты из этого сборника (по Вашему выбору, хотя бы очень коротко), мне это очень помогло бы в главе о ЕА.

«Письмо о поэзии П. Востокова»³ я прочел, вероятно, одновременно с Вами. № 42 «Граней» мне прислали по той причине, что в нем напечатана моя статейка «Природа и человек»⁴ — переписанную на машинке копию ее я Вам некогда прислал, спрашивал совета, как, по Вашему мнению, не устарела ли она для печати (написана она была в Югославии около 20 лет назад)? Вы мне ответили, что

не устарела, вот я и послал ее в «Грани». «Ребят», состоящих в редакции этого журнала, я лично знаю, только принятый ими курс сильно «подванивает», что я им всегда и говорю напрямик. В их среду по горло увяз покойный муж⁵ моей сестры, написавший для них свою талантливо написанную, но легкомысленную брошюрку «Философская нищета марксизма». По отношению к ним я блюду сугубую осторожность.

Я — не литературный критик. Стихи Востокова мне нравятся именно своей поэтической подлинностью, чуждой всякой современной изломанности, надуманности, нарочитости. Я не выношу, например, стихов покойной Марины Цветаевой, тогда как люблю Анну Ахматову. Мне отвратна новейшая, современная музыка, в которой я слышу отражение не симфонической гармонии, а обратного ей хаотического, дисгармонического, асимфонического начала мира. Я понимаю, что его можно «изображать» — искусство и есть «изображение» — в музыкальных звуках, в стихах, в рисунках; но для меня «какофония» не есть «музыка», многие современные «стихоплетения» не есть «поэзия», а рисунки современных парижских «художников» не есть «живопись». В том, что в Ваших стихах слышатся философские мотивы, я вижу преимущество, а не недостаток: это только углубляет «социалистический реализм», о котором несколько лет назад говорил Жданов⁶, противопоставляя его современному западноевропейскому искусству.

Привожу Вам цитату из последнего письма Фридиева:

«Найдите роман <Льва> Никулина “Московские зори”. Какой контраст с Вашим описанием Московского университета и тем, как он изображен автором... Вот образец: в начале года он (герой) был благонравным студентом, с замиранием сердца входил в аудиторию, почтительно внимал лекциям известного в Москве профессора Благородцева (имя, конечно, вымышленное). Однако со временем бархатный бас профессора стал производить на студента странное впечатление. Он заметил, что на него нападает состояние сонливости, он увидел в профессоре явный признак расслабления, сопровождаемого, по выражению Щедрина, одновременным поражением всех умственных способностей. “Что есть право?” — вопрошал профессор, не давая ответа, а только излагая, что понимают под правом Гуго Гроций, Савиньи, Пухта и прочие правоведы, вплоть до Петражицкого (стр. 51–52)» — «Это Вам следовало бы поглядеть, — добавляет Фридиев, — не читая всего, но просматривая отдельные главы».

К сожалению, романа Никулина в Женеве нет, и я не могу его получить. С меня, впрочем, достаточно и приведенной цитаты, которая решительно изменяет мои планы распределения копий моих «Воспоминаний»...

Я не думаю, чтобы что-нибудь вышло из Вашего плана напечатать не появившиеся в печати главки моих «Воспоминаний» в «Новом журнале» новой редакции. Главным заправителем там является Вишняк и, думаю, Цейтлина, субсидировавшая ранее «Современные записки». Вишняк меня не любит с университетской скамьи. Когда Карпович мне предложил печатать «Воспоминания», я ему сказал: «Да Вам не позволит это Вишняк»... — «Ну, с Вишняком-то я справлюсь», — ответил Карпович. Через Кускову я знаю, что Вишняк всячески противился напечатанию,

но Карпович не поддался. Секретарь редакции Роман Гуль⁷, бывший мой слушатель в Моск<овском> унив<ерситете>, был секретарем у А.С. Яценки⁸, когда он издавал в Берлине «Русскую книгу за рубежом» (в начале двадцатых годов). Когда это начинание кончилось, Роман Гуль стал известным «сменовеховцем» и правой рукой издателя берлинской газеты «Накануне»⁹ Дюшена¹⁰. Дюшен уехал в Москву, а Гуль остался в Берлине, потом переехал в Париж, был ярым «обороневцем» до тех пор, пока не уехал в Нью-Йорк. Покойный Карпович советовался по поводу Гуля с Кусковой, со мной (у меня имеются письма), — и в конце концов взял его по пословице «на безрыбье и рак рыба». Но держал в «черном теле». Гулю едва ли приятно, что мне известна, что называется, «вся подноготная», — и я уверен, что у него по поводу меня будет тесный «альянс» с Вишняком. Я сам не предприму ни одного шага, чтобы предложить себя. Для чего предлагать? — манускрипт целиком находится в редакции «Нового журнала» — или в квартире Карповича. Если хотят печатать, то пусть печатают, тем более что покойный редактор собирался напечатать еще две главы: «Бунт и тюрьма» и «1905 год». Относительно «Детства», которое Вам очень понравилось, речи не было, но я не хотел бы, чтобы это печаталось в первоначальной редакции, без добавлений, внесенных мною после переписки с Вами (вставки о моем отце).

Резюмирую так: если Г.В. В<ернадский> поставит вопрос о дальнейшем печатании «Воспоминаний» и они там согласятся, я буду ему очень благодарен, но сам никакой инициативы в данном направлении не проявляю.

1. III. 1960 я отправил то, что можно назвать «последним изданием» «Мира и души». Слава Богу, не буду больше переполнять Ваш архив своими «paperasse»¹¹. «Ваш исторический очерк о Петре я начал читать с увлечением», — пишет мне Фридиев. Я очень рад, что он, проштудировав мою немецкую статью в «Forschungen z<ur> osteurop<äische> Geschichte» и написав на нее рецензию, понял скрытый мною замысел «Российской империи» и разрушившей ее революции. История империи происходила по норме: «Первые будут последними, последние — первыми»¹². Или, как говорила «фальшивая» листовка 1764 года, обращаясь к российским дворянам: «В уже меру мерите, возмерится и вам» (ПСЗ, № 12089, 1764 г.). И когда в 1917 году «первые» сделались «последними», а «последние» «первыми», то эти новые «первые» применили к бывшим «первым» ту меру беспощадной жестокости, которую дворяне применили некогда к крепостным. Для меня Сталин, вождь нового «шляхетства», соразмерен Петру Великому, но Царицын и Берлин грандиознее Полтавы. К сожалению, Пушкин два раза не родится и «вирши» сороковых годов не сравнимы с «Полтавой» Пушкина.

Обнимаю Вас крепко, от души желаю скорейшего выздоровления Вере Ивановне и шлю привет всей семье.

Всегда преданный вам Н. Алексеев

NB. По моему мнению, в присланный Вам текст «Российской империи» я забыл вложить главу о В.Н. Татищеве, к<отор>ая помещается в I главе «Политической идеологии разл<ичных> классов русского общества 18-го века» (непосредственно после «Полит<ических> идей Екатерины II»). Я дошло ее, если это Вас интересует.

T-SAV-II/9 (11).

¹ Главная работа, шедевр (*фр.*).

² Тридцатые годы. Утверждение евразийцев. Кн. VII. Париж: Издание евразийцев, 1931.

³ Письмо о поэзии П. Востокова // Грани. 1959. № 42. С. 133–135. Публикация включает письмо из СССР Сергея Хмельницкого (отклик на предисловие Н.А. Оцуа к стихотворениям П.Н. Савицкого в № 39 «Граней») с комментариями от редакции журнала.

⁴ Алексеев Н.Н. Природа и человек в философских воззрениях русской литературы // Грани. 1959. № 42. С. 187–204.

⁵ Подразумевается Б.П. Вышеславцев.

⁶ Жданов Андрей Александрович (1896–1948), государственный и партийный деятель. В 1934–1945 гг. первый секретарь Ленинградского обкома и горкома ВКП(б). С 1939 г. член Политбюро ВКП(б). Обоснование «социалистического реализма» было предложено А.А. Ждановым впервые в речи на Первом Всесоюзном съезде советских писателей в 1934 г. Жданов не мог говорить о «социалистическом реализме» «несколько лет назад» (по утверждению Н.Н. Алексеева), т. к. умер в 1948 г.

⁷ Гуль Роман Борисович (1896–1986), писатель, журналист. Участник Гражданской войны. С 1919 г. в эмиграции. С 1920 г. жил в Берлине, работал секретарем в редакции журнала «Новая русская книга». В 1923–1924 гг. редактор литературного приложения к газете «Накануне». С 1933 г. жил во Франции, с 1950 г. — в США.

⁸ Яценко Александр Семенович (1877–1934), юрист, правовед, библиограф. Выпускник Московского университета. С 1909 г. преподавал в Юрьевском университете, с 1911 г. — в Петербургском университете, в 1917–1918 г. — в Пермском университете. С 1919 г. в эмиграции, жил в Берлине, с 1921 г. издавал журнал «Русская книга», с 1922 г. — журнал «Новая русская книга». С 1924 г. жил в Литве, профессор юридического факультета Литовского университета в Каунасе.

⁹ «Накануне» — общественно-политическая газета, выходила в Берлине в 1922–1924 гг. Газета была печатным органом сменовеховцев.

¹⁰ Дюшен Борис Вячеславович (1886–1949), инженер, журналист. Участник Первой мировой войны, в 1919 г. служил в штабе Северо-Западной армии генерала Н.Н. Юденича. С 1919 г. в эмиграции, жил в Эстонии, затем в Германии. С 1921 г. член редколлегии газеты «Накануне». В 1926 г. вернулся в советскую Россию. В 1935–1940 гг. находился в заключении. С 1940 г., после досрочного освобождения, работал инженером в НКВД.

¹¹ Ворох бумаг (*фр.*).

¹² Мф. 19: 30; Мк. 10: 31. Точная цитата: «Многие же будут первые последними, и последние первыми».

12

31 марта 1960 года
Женева

Дорогой мой друг Петр Николаевич,
получил Ваше письмо от 22 марта, письмо печальное, прямо трагическое. Мучаюсь одним чувством — как бы Вам помочь? Но не нахожу путей и средств. Остается, при слабости и беспомощности человеческой, только одно — молиться Богу.

При слабом моем умении творить молитву стараюсь это делать, прошу Бога, чтобы он помог Вам в Вашем трудном положении. В прошлых письмах давал Вам какие-то советы, неумелые и не считающиеся с Вашим положением. Знал от здешних, очень хороших, первоклассных врачей, что болезнь Веры Ивановны при современных медицинских средствах считается вполне преодоленной и излечимой. Здесь, в Leysin, где были десятки санаториев, санатории переделали в отели для туристов, лечат инъекциями, и, знаю примеры, очень успешно. Существует ли это лечение в Праге?

Растрогали меня Ваши слова: «Думаю, что по мыслям и ощущениям Вы сейчас самый близкий мне в мире, поистине родной брат». Думаю, что это правда. Ужасно хочется с Вами повидаться до конца моих дней, который приближается с моим старческим возрастом. Все верю, что каким-то чудом это будет возможно, но стоит ли верить в такие чудеса?

Я, что называется, «скриплю», как намазаная дверь: то здесь поболит, то там, но «в общем и целом» как-то здравствую. Жду смерти без страха — жизнь иногда надоедает.

Вы спрашиваете, что я делаю, чем занимаюсь? Вторую часть «Воспоминаний» почти что довел до переезда в Прагу. Причем еще не успел переписать на машинке те главы, которые целиком включаю в новую редакцию из «Воспоминаний» 1926 г. (Архив / т. 17). Думал, что вышлю Вам, когда все будет окончательно готово, но Вы пишете в последнем письме, что «получение каждой Вашей работы — большая для меня радость», потому решил, что на днях вышлю Вам совсем готовую часть переделанного. Остальное — в будущем, если буду жив. С будущей недели принимаюсь за юридический наш факультет, а потом за ЕА.

Слава Богу, мы живем благополучно. Т<атьяна> П<авловна> очень устает, сейчас у нее работа по двум конференциям — по морскому праву и подготовительная по разоружению. Маша сейчас работает у <С.К.> Царапкина¹ по атомной энергии. С мая начинается так называемый «Экономический совет» (Экосо) — ежегодный, требующий большого напряжения у Т.П. (ночные работы), которые не выносятся так легко, как раньше, — ведь она приближается к шестидесятилетию возрасту. С 1 августа начинаются месячные вакансии. Нынешний год мы не едем в наше милое Locarno, куда ездили прошлые годы, цены поднялись, стало для нас дорого. Едем на 2 недели в Salvon, где были в прошлом году, а остальные 2 недели проведем в Женевском кантоне, в дешевеньком пансионе на отрогах Юры.

И я, и Фридиев выражали опасение, как бы Никиту <Хрущева> нашего во Франции не укокошили, как в прошлом короля Александра² и Сарро³. Но де Голль навел порядок в полиции, притиснул эмигрантов, некоторых подозрительных выслал на Корсику, где устроил им целый пансион (бесплатный). Судя по фотографиям, они там играют в мяч и требуют скорейшего возвращения на места их службы во Франции. Поездка Никиты была настоящим триумфом — это должна была признать женевская, крайне враждебная к Москве пресса. Петра Великого принимали короли, принцы и принцессы, он вел себя как настоящий дикарь, рыгал после обеда, издавал не принятые в любом обществе звуки, щипал женщин и т. п. А про этого бывшего углекопа Поль Рено сказал: это самый выдающийся

актер, которого я видел в моей жизни. Принимали его народные массы и люди всех классов буржуазного общества, начиная с высшей финансовой аристократии Франции и кончая французским пролетариатом. И этот человек, наружно похожий на русского маклака или трактирщика, во всех общественных кругах умел держать себя представителем великого государства, умел где нужно быть милым и ласковым, где нужно — показать кулак. Замечательно, как, стоя перед французским *haute finance*⁴, изрек: «Да я с некоторыми из вас давно знаком, вон стоит представитель бывших углевладельцев Донецкого бассейна — да я ведь у вас работал в копах простым углекопом!» Визит Хрущева иллюстрировал, какое количество во Франции коммунистов при малом количестве коммунистических депутатов в парламенте. Жульническая система выборов позволяет при втором туре элиминировать всех, негодных буржуазным кругам. Старания Хрущева оттянуть де Голля от Германии и возобновить франко-российский союз едва ли могут увенчаться успехом. Де Голль — типичный буржуазный диктатор, ненавидящий Москву. Отличие его от Гитлера и Муссолини в том, что за ним не стоит партия и главная опора его — часть армии. Однако алжирский вопрос расколол и самую армию. Крайне правые ее элементы, сконцентрировавшиеся в Алжире, готовы его свергнуть. Что будет с Францией, когда он умрет — ведь он старик, — никто не знает. Я думаю, что власть возьмут коммунисты.

Не знаю, возможен ли стовор великих мира сего, когда они соберутся вместе. Уж очень много моментов, противоречащих возможностям стовора. Допускаю возможность наихудшего, т. е. атомной войны, но не хочу терять надежды на лучшее.

Фридиев пишет мне в одном из последних писем: «Спросите ПНС <Петра Николаевича Савицкого>, может ли ему быть полезным знакомство с Виктором Кнаппом⁵, проф<ессором> Карлова университета. Я с ним знаком и написал рецензию на его книгу о системе гражданского права. Он мне очень благодарен, ему льстит быть цитированным в парижском юридическом журнале».

Вот, кажется, все. Не буду оставлять Вас без вестей, а Вы, несмотря на все свалившиеся на Вас трудности, не забывайте меня, дорогой мой друг, Петр Николаевич.

Привет мой сердечный Вере Ивановне и всей семье.

Любящий Вас Ник. Алексеев

T-SAV-II/9 (12).

¹ Царапкин Семен Константинович (1906–1984), знаменитый советский дипломат, подписавший от имени СССР в 1945 г. Устав ООН, позднее был представителем СССР в ООН, посол в ФРГ.

² Король Югославии Александр I (1888–1934) был убит 9 октября 1934 г. в Марселе боевиком болгарской террористической организации.

³ Вероятно, Н.Н. Алексеев перепутал и имел в виду французского министра иностранных дел Жана-Луи Барту (Barthou; 1862–1934), который был убит вместе с королем Югославии Александром I.

⁴ Финансовая верхушка (*фр.*).

⁵ Кнапп Виктор (1913–1996), чешский юрист, правовед, политик. С 1951 г. профессор гражданского права на Юридическом факультете Карлова университета. С 1952 г. член-корреспондент Чехословацкой академии наук.

13

14 апреля 1960

Дорогой мой друг Петр Николаевич. Поздравляю Вас, дорогую Веру Ивановну и все Ваше семейство с <о> светлым праздником Воскресения Христова и желаю всякого благополучия. Татьяна Павловна присоединяется ко всем этим пожеланиям и поздравлениям. На службе Т.П. пять дней отдыха, начиная с сегодняшнего вечера, для нее это большое счастье. Конференции ее совершенно замучили. От Вас давно не было никаких известий. Посланный Вам журнал (с неделю тому назад «заказным») сегодня возвратился обратно с пометкой «non admis»¹. Посылку Вам дальнейшего текста «Воспоминаний» я отложил — текст еще не вполне готов. Я неуклонно приближаюсь к тому возрасту, в котором умерла королева Виктория (82 г.); но она под конец жизни почти ослепла, не могла читать, писать и ходить. А я все еще прыгаю, читаю, пишу и даже мечтаю о будущем!.. Должен благословлять судьбу.

Преданный Вам и любящий Вас
Н. Алексеев

T-SAV-II/9 (13).

¹ Не принято получателем (*фр.*).

14

Женева, 18 мая 1960

Милый мой друг Петр Николаевич, очень обрадовался Вашему письму и прекрасному, судя по фотографии, наружному виду Веры Ивановны. Внука Вашего на расстоянии целую, а сыновьям шлю мой привет. Станя на карточке очень хорошенькая, а Петя стоит окутанный фотографическим мраком, так что разглядеть его трудно. Хотел бы очень всех Вас повидать, но, чтобы это сбылось, нужно, чтобы я в начале июля выиграл на здешней лотерее солидную сумму денег. Но я всегда проигрываю, хотя неукоснительно покупаю $\frac{1}{3}$ целого билета.

Некоторая тревога, вызванная потерей книги, отразилась в письме <И.С.> Яковени¹. Вы должны понять, что я совершенно не знаю условий Вашего бытия. Алексей Степанович, как Вы пишете, скончался 10 мая, а я об этом уз-

нал дней через 5 после смерти от одной анекдотической дамы, бывшей пражанки, ныне обитающей в Женеве. Не дай Бог послушать ее, чтобы впасть в тревогу и в уныние. Письмо большое Ваше я получил, но, согласитесь, после этого было месячное молчание и разные страхи, распускаемые Серговской. Вот Вам сцена с натурой. Татьяне Павловне страшно некогда, приходит к ней Серговская: «Простите, Т.П. Дайте мне совет» — «В чем дело?» «Вот здесь переводчик применил слово, которое я не решаюсь употребить». — «Какое слово?» — «Беременная женщина». — «Да если бы Ваша мать не была беременной, Вас бы не было на свете. Это обычный физический акт, в котором нет ничего неприличного». — «Что Вы, я никогда не произношу этого слова. И папочка никогда не говорил, что моя мать была... я не могу даже произнести этого слова». Краснеет, как маковый цветочек, и с обидой удаляется...

На днях буду писать более подробно и дельно, а пока шлем всем привет и поздравления с днем прошлого рождения. Вере Ивановне целую ручку. Порцию «Воспоминаний» вышлю на днях. Ник. Алексеев

T-SAV-II/9 (14).

¹ Яковеня Иван Степанович (1894–?), военнотружующий царской и Добровольческой армий, эмигрант, жил в Чехословакии.

Женева, 7 июня 1960

Дорогой мой друг Петр Николаевич, запоздал с ответом на длинное Ваше письмо от 1/14 мая по причинам и уважительным, и неуважительным. Две недели болел гриппом — противным, без лихорадки, но с кашлем, бронхитом и т. п. — при прекрасной погоде и тепле, случай редкий. Теперь наконец поправился. Занят был другими «писаниями», от которых, разумеется, можно было оторваться. Все же отправил Вам часть вторую «Воспоминаний», именно мое участие в Гражданской войне, вплоть до обратного отъезда в Крым. Из этой части остается целиком уже напечатанной в «Архиве» отрывок, описывающий печальное пребывание в Крыму и окончательную «эвакуацию», кончившуюся «эмиграцией». Эту небольшую часть нужно просто перепечатать из «Архива», на что у меня нет времени. Перепечатаю, когда освобожусь от других работ. Теперь перехожу к «Юридическому факультету» и к «ЕА», чем займусь, вероятно, летом.

Последнюю отосланную Вам порцию Вы, вероятно, получили. Напишите неск<олько> слов, когда будет время.

Подозреваю, что Ваша инициатива лежит в основании того «адреса», который И.С. Яковеня прислал мне с подписями 18 пражан. Должен сказать, меня это очень растрогало, прямо до слез. У меня было чувство, что меня больше ругали,

чем признавали — а вот, оказывается, целых 18 друзей... Параллельно с этим ретрогало и письмо лондонского однополчанина, с которым вместе воевали и который пишет (также от 1 мая ст. ст.), что Вы теперь «старейший из чинов» конного крымского «ея величества императрицы Александры Федоровны» полка и к «моему поздравлению Вас присоединяется все наличие за границей крымцев, в том числе и крымские татары». Ну, какой я — «чин» полка, какой кадровый член его нормального состава, — просто случайно приставший «чужак», да и не «монархист», а человек, ставший «советским гражданином». Просто сохранили добрую память о хорошем «вояке», хорошем боевом товарище — и это мне особенно дорого. Словом, май 1960 года стал для меня датой «юбилейной». Что называется, порадовали «старика»... Яковене я послал благодарственное письмо с просьбой передать его содержание всем 18 пражанам.

М.Е. Фридиев пишет мне, что последнее время начал, помимо своих юридических занятий, заниматься философией. Спрашивал, что читать, — я ему дал в этом направлении советы. Но главное, приобрел философского ученика, француза, с которым вместе штудируют и обсуждают мою «Мир и душа». Получилось так, что этот француз, молодой человек, становится как будто моим философским учеником и будет развивать свои философские воззрения в направлении мыслей моей книги. Бог ему на помощь, может быть, из этого выйдет в будущем что-нибудь путное. В связи с этим Фридиев поставил мне несколько вопросов из области философской этики. У меня была статья, напечатанная под псевдонимом «Колянский» в том журнале, в котором появилась (много позднее) известная моя статья о «Природе и человеке в философских воззрениях русской литературы». Мне и пришла в голову мысль формулировать свои взгляды в области философской этики, взявши за основу статью «Колянского», и присоединить к ней разные мысли из моих старых книг и статей о праве. Так и получился небольшой этюд, который я озаглавил (предварительно) так: «Несколько мыслей о нравственности и праве». Этюд уже на $\frac{3}{4}$ сделан, и я вышлю его Вам, как будет готов. Размышления на названную тему замедлили скорый ответ на Ваше длинное письмо от 1/14 мая 1960 г.

Я не думаю, что названная тема Вас очень увлекла. Несмотря на близость наших духовных и умственных интересов, каждый из нас имеет свою «специальность» — иначе и не может быть. Я не очень углублен в Ваше кочевниковедение, Вы не можете быть увлечены моей «юриспруденцией». Но все-таки этот этюд о нравственности и праве прошу Вас, когда будет свободное время, прочесть и высказать о нем Ваше мнение. Тема, как мне кажется, достойна коллективного обсуждения. Суждения Фридиева, когда он это прочтет, сообщу Вам.

Начинать разговор о политике, пожалуй, не стоит — настолько он сложен. На этих днях развалилась французская колониальная империя¹. США в лице крупнейших капиталистов и генералов хотят войны, но начать ее не смеют. Мы снова вступаем в период «холодной войны» — отчего разные эмигрантские сообщества, начавшие худеть и беднеть, снова разбогатеют. Из Франкфурта и Мюнхена идут сведения, что там «подъем» и «ликование». Но «Комиссия по разоружению» в ООН, где теперь работает наша Маша, будет продолжать свою деятельность, и только что вчера снова воротились из Москвы уволенные во временный отпуск

переводчики и машинистки. Опасность в том, что какой-нибудь сумасшедший и неосторожный акт может в несколько минут уничтожить население части земного шара и сделать уродами тех, которые остались живы. Согласитесь, что такой ситуации еще никогда не было в мировой истории.

Надеюсь, что с наступлением теплого времени здоровье Веры Ивановны улучшается. Молодой Петр Савицкий растет и продолжает распевать, сыновья Ваши и вся семья здравствует. Вере Ивановне шлю мои лучшие пожелания и Вас крепко обнимаю.

Преданный Вам друг Ваш Н. Алексеев

Требуюмую Вами статью постараюсь выслать, на руках у меня ее нет.

T-SAV-II/9 (15).

¹ К началу 1960-х гг. обрели независимость Камерун, Бенин, Сенегал, Мали, Мадагаскар и другие страны, а раньше — Вьетнам и Марокко.

16

Женева, 6 июля 1960 г.

Дорогой друг Петр Николаевич,
пишу Вам на машинке, чтобы сохранить копию, которую хочу переслать Г.В. Вернадскому. Посылаю Вам с этим письмом «Несколько мыслей о нравственности, праве и государстве», разъяснения по поводу «Нескольких мыслей», написанные по просьбе Фридиева, — довольно много исписанных листов, содержание которых, боюсь, будет Вам не по душе. Написаны они с намерением ориентироваться на французский «менталитет»: Фридиев будет переводить написанное своему ученику — французу, и потом будут вместе обсуждать. Вам все написанное может показаться известным и излишним.

По примеру «комментариев» к Фридиеву хочу написать комментарии к Вашему письму от 21 мая (а не от 1 мая, как Вы предполагаете), в котором Вы делаете замечания о статье моей «Природа и человек». Замечания очень интересные и для меня ценные, интересны, вероятно, и Вернадскому, разрабатывающему, как Вы пишете, ту же тему.

1. Название статьи. «Не нравится мне то общее имя, которое Вы дали рассматриваемой Вами группе русских философов»... «Какие же они “теософы”»... «все это верующие православные люди»... «Лучше старое традиционное имя “светские богословы”»...

Мое разъяснение. Да я такого названия статье и не давал. Я только на первой странице упомянул, что разбираемые мною авторы являются «свободными теософами» в отличие от русского академического богословия. Думаю, что для Бердяева, например, наименование «богословом» было бы просто обидно, для Розанова или Успенского оно не подходяще, для Толстого оно сомнительно и, ве-

роятно, вызвало бы справедливые протесты со стороны действительных русских «богословов». Ну, еще богословом можно назвать отца Сергия Булгакова, но я его и не включил в свое изложение. Богословие предполагает «догматы», а какие же мои авторы были «догматиками». Теософия в точном переводе значит «богомудрие», но такого слова на русском языке не существует. По-моему, всем понятно, что термин «теософы» я употребил не в смысле Блаватской¹, а в смысле свободного умствования о религии в отличие от связанного догмами богословского мышления, в котором, в его истории, проявлялся дух, более близкий марксистской догматике, чем свободному мышлению о божественных вещах.

2. По поводу И.С. Тургенева. Он «не чувствовал русской религиозности» — утверждаю я. Конечно, на поверхности его мировоззрения, говорите Вы, были взгляды пошлейшие, но в «нутре» было и другое. Человек, совершенно не чувствующий «русской религиозности, не мог бы написать такой вещи, как, напр<имер>, «Живые мощи». См. также предсмертное письмо его (завещание) Л. Толстому».

Мои разъяснения. Тургенев был прежде всего романистом-художником. Художник может описать то, что он видит, описать точно в других людях, что не переживает в своей душе. Если Гоголь изображал Ноздрева и Чичикова, это не значит, что он сам в своей душе переживал их чувствования. Я в свое время, в ныне забытой статье, напечатанной в журнале «Путь», собрал мысли Тургенева о религии и философии. «Не из эпикуреизма, — писал он в 1862 году, — не из усталости и лени, как говорил Гоголь, я удалился под сень струй европейских принципов и учреждений»... «Мне было 25 лет, я не поступил иначе не столько для собственной пользы, но для пользы народа». Русский народ — «консерватор par excellence, самому себе представленный, неминуемо он вырастает в старовееры, вот куда его гнет, куда прет»... «Что же делать. Я отвечаю, как <О.Э.> Скриб²: “Prenez mon ours”³, — возьмите науку, цивилизацию и лечите этой гомеопатией мало-помалу»... В письме к Герцену Тургенев оговорился, что из европейских философов он более всего ценит... Литтре!⁴ «Я в мистицизм не ударился и не ударюсь»... «Теперь действительно поставлен вопрос о том, кому одолеть — Науке или Религии. С какой тут стати Россия?!»...

Я думаю, не отрицая талант Тургенева и его заслуги в истории русской словесности, не стоит зачислять его в «наши». Им он никогда не был, и если имел «нутро», то оно сводилось к неискоренимой любви к русской природе, к лесам, к полям, к болотам, рекам. «И потянуло вдруг его назад, туда, туда, в деревню, в старый сад, где липы так развесисто тенисты, где ландыши пленительно душисты»⁵. Охотясь в Баден-Бадене с месье Виардо, вспоминал он Бежин луг, Красивую Мечь⁶, свое заброшенное имение. Здесь еще далеко до «религиозности»... Думаю, что я несколько преувеличил, говоря о склонности его ощущать «темную» стихию мира. Я основывал свое мнение на одном из самых замечательных рассказов Тургенева «Собака» (может быть, неточно передаю название⁷). Здесь действительно чувствуется ощущение какой-то темной стихии мира, но нельзя это преувеличивать. Письмо к Толстому (предсмертное) когда-то читал, но сейчас содержания не помню.

3. Выдержки из письма Вам Вернадского: «Ваши замечания на его (Алексеева) статью очень мне по душе — познание природы “горнилом, весами и мерой”, ко-

нечно, не противоречит целостному ее пониманию — наоборот, только то и другое вместе может охватить все».

Мои замечания. Из цитаты этой выходит так, что я будто бы отрицаю важность познания природы «горнилом, весами и мерой»... В 1959 году я выпустил литографированную книжечку в 100 страниц, в которой подробно доказывал, что если первоначальным источником наших общих понятий или категорий были миф, первобытная мистика и религия, то современное математическое естествознание, раскрывшее тайны атома, оперировало с теми же категориями, как и примитивное религиозно-мифическое постижение мира (см. «Формы мышления и атомная революция»). Не помню, посылал ли я эту книжечку Вернадскому, но, во всяком случае, посылал в «Новый журнал» Карповичу и в «Новое русское слово». Во всяком случае, у Вас эта книжка есть. Боюсь, что Ваша передача моих мыслей Вернадскому ввела его в недоразумение.

4. Ваш тезис: «Из всех известных мне народов нашей планеты русские суть наиболее космический народ; и в то же время народ с наибольшей волей к переделке, к перестройке космоса, то есть той природной среды, которая доступна их воздействию».

Мои замечания. Согласен в том, что наш народ обладает наибольшей волей к переделке космоса, обнаруженной после Октябрьской революции и в 18-м веке (при Петре). До этого он был в этом отношении довольно инертным. Но не знаю, в каком смысле его можно назвать «наиболее космическим». По моей статье выходит, что он был «космичен» в восприятии «среднего мира», мезокосмоса. Над ним тяготели «силы земли», а макрокосм для него был скрыт в силу господствующего у него аристотелевско-богословского миропонимания. Наука и привитое ему марксизмом мирозерцание (чисто материалистическое) открыли ему макрокосм. Из марксистской литературы наш человек из народа впервые узнал, что «из раскаленных масс газа (а не из божественного творчества) произошли бесчисленные солнечные системы, которые в течение миллионов годов приобрели кору; что на них возникла живая протоплазма, возникла первая клетка, потом различные виды протистов⁸, растения, животные и наконец человек (слова Энгельса). Изложение всего этого служит главной темой антирелигиозной пропаганды, которую ведет правящая партия. И надо признать, она более соответствует современному научному взгляду на мир, чем аристотелевско-богословское мирозерцание, которое исповедуют «церковники». Потому оно и поддерживается теми гениальными изобретателями, математиками, физиками и инженерами, которые открыли дорогу в «макрокосм», построив «спутник». Но я не знаю, переварили ли они это умственно, передумали ли философски? Стоять перед этими двумя бесконечностями — бесконечностью микрокосма и бесконечностью макрокосма — и не ставить философских проблем, поставленных Паскалем и Кантом, а оставаться на позициях, сформулированных в 1877–1878 гг. Энгельсом и в 1908 г. Лениным, это значит обнаружить большую узость философской «космичности». Впрочем, от нас скрыто, что думают и о чем рассуждают про себя современные советские физики. Во всяком случае, ясно, что культура огромных городов, построенных в СССР, не могла не заглушить непосредственного влияния «сил земли» — недаром Федоров взывал: «Горе городам», и в то же время наружное господство популярных

философских взглядов, чуть-чуть ли ни столетней давности не могло содействовать расцвету новой «космологической» философии научного стиля.

5. В письме Вашем по поводу рукописи, присланной некогда Вам, Вы заметили, что статья не имеет заключения. В печатном тексте я заключение составил, может быть, не удовлетворительно. В Ваших замечаниях по поводу моей статьи Вы о заключении этом ничего не говорите. Между тем я придавал ему существенное значение: я в нем пытался показать, что русские философствующие литераторы («свободные теософы») доказывают, что у русских была своя первоначальная философская интуиция, которой обладают далеко не все народы. В выдающейся и превосходной форме обладали ею древние греки, ее были совершенно лишены древние римляне, философия у которых была эпигонской по греческим образцам. Из новых европейских народов ею обладали французы (Декарт и Паскаль), немцы (Лейбниц, который был наполовину славянином, и немецкий идеализм), в меньшей степени англичане (Бэкон и отчасти Гоббс и Локк). Такой интуицией, например, совсем не обладают сербы и болгары, все скандинавские народы. Итальянцы были не лишенными таланта эпигонами, повторявшими чужие мысли. Эпигонской считаю я и предшествующую русскую философию: у нас были талантливые шеллингианцы, гегельянцы, кантианцы, но своих народных философов не было. В заключении к моей статье я хотел показать, что в зачатках своих, в эмбрионе, самостоятельная философская интуиция существовала у философских представителей наших «свободных теософов» (не академиков). Вероятно, сделал я это неудачно, потому Вы и ни одним словом не обмолвились о заключении к моей статье, которому я, видимо, ошибочно придавал большое значение.

Как видите, я в меру моих старческих сил работаю и пишу. Беспокоят меня Ваши дела. Как с Верой Ивановной? Ваню⁹ Вашего с блестящим окончанием курса поздравляю. Ваша мысль написать мне целую книгу на тему «Мир и человек» была бы осуществимой, если бы мне не было 81 года. Дай Бог, чтобы в этом возрасте кончил то, что у меня намечено в ближайших проектах. Боюсь, что умру, не осуществив намеченное. Чувствую, что старею. В летний отдых мы уезжаем 6 августа, если все у нас будет благополучно. Об адресе я Вам напишу.

Преданный Вам и любящий Вас с сердечным приветом Вере Ивановне и всей семье Н. Алексеев

T-SAV-II/9 (16).

¹ Блаватская Елена Петровна (1831–1891), основательница Теософского общества, создательница синкретического теософского учения.

² Скриб Огюстен Эжен (Scribe; 1791–1861), французский драматург.

³ «Возьмите моего медведя» (*фр.*). Фраза из водевиля О.Э. Скриба «Медведь и паша» (1820).

⁴ Литтре Эмиль (Littré; 1801–1881), французский философ-позитивист, историк, филолог. Составитель «Словаря французского языка».

⁵ Неточная цитата из стихотворения И.С. Тургенева «Из поэмы, преданной сожжению» (1848). Ср.: «...И понемногу начало назад / Его тянуть: в деревню, в темный сад, / Где липы так огромны, так тенисты / И ландыши так девственно душисты...» (впервые опубликовано как эпиграф к рассказу «Лес и степь» (Современник. 1849. № 2, отд. I. С. 309)).

⁶ «Бежин луг», «Касьян с Красивой Мечи» — произведения И.С. Тургенева.

⁷ «Собака» (1878) — стихотворение И.С. Тургенева в прозе.

⁸ Группа живых существ, включающая простейших, водоросли, грибоподобные организмы.

⁹ Савицкий Иван Петрович (1937–2010), историк. Младший сын П.Н. Савицкого. Выпускник Карлова университета. Автор статей и книг по истории русской эмиграции.

17

Женева, 4 августа 1960

Милый и дорогой друг мой, Петр Николаевич.

В субботу 30 июля утром я поставил точку над последней строчкой «Воспоминаний» (кончая Юридич<еский> фак<ультет> и исключая ЕА, а также самую последнюю часть, посвященную Югославии) — и в этот буквально момент позвонил почтальон, принесший Ваше длинное письмо от 26 июля. Письмо это меня вдвойне обрадовало. Я начинаю беспокоиться, когда нет долго вестей от Вас, и, кроме того, по содержанию своему Ваше письмо рассеяло мои подозрения, что мои «Несколько мыслей» будут приняты Вами холодно. Я очень дорожу Вашим мнением и всегда принимаю во внимание Ваши замечания, дополнения и поправки. Изолированное существование, которое я здесь веду, всегда очень неблагоприятно отражается на форме и содержании мыслей, которые излагаются на бумаге. Мне не с кем здесь посоветоваться, некому прочесть написанное, кроме Т.П., которая так занята на службе, что во внеканулярное время ей буквально не до того. Фридиев, которого я очень расхваливаю в главке о Юрид<ическом> факультете, — и он как юрист достоин этих похвал — философски человек не очень образованный, только начинающий впитывать то философское образование, которое я стремлюсь ему внушить, — потому замечания его дают мне мало. Ваши замечания я приму во внимание, включая даже «богомудрия». Не согласен я только с тем, что Бердяев принял бы без больших ограничений название «богослова», и думаю, что я прав, когда говорю, что такое название возбудило бы у него протест. «От философии требовали, чтобы она была сообразной с теологической обработкой веры»... «Но это и требует всегда теология!»... «Если философ — христианин и верит во Христа, то он совсем не должен согласовать свою философию с теологией православной, католической или протестантской»... «Откровение не может навязать философии никаких теорий и идеологических построений». Вот ряд любимых мыслей Бердяева, препятствующих применить к нему наименование «богослова»...

Сообщаю Вам мои летние адреса:

С 6 до 20 августа

Hôtel Gay-Bulmaz, Les Granges, Sulvon (Vulais) Suisse

С 20 авг<уста> до 3 сентября

Château de Martheray, Begnins (Vaud), Suisse

Мы выезжаем 6 авг<уста> (послезавтра). Вчера отправил Вам заказным пакетом последние главы моих «Воспоминаний», включая «Русск<ий> юридич<еский>

факультет». Тотчас же по приезде на место каникул пришлю Вам ряд вопросов, касающихся главы об ЕА. Главу эту буду писать уже по возвращении в Женеву, так как все имеющиеся по этому вопросу книги переданы мною в здешнюю университетскую библиотеку. Имеются некоторые материалы в библиотеке профессора Либа¹ (в Базеле), но переданы им также в Базельскую унив<ерситетскую> библиотеку, откуда их можно выписать в Женеву. Книги эти должны быть у меня под рукой, когда начну писать об ЕА.

Не оставляйте меня долго без вестей, дорогой друг. Если нет времени писать длинные письма, пришлите маленькую весточку. Как Вера Ивановна и как все семейство? У меня вечное желание повидать Вас — желание, по-видимому, неисполнимое.

Сердечно преданный Ник. Алексеев

T-SAV-II/9 (17).

¹ Либ Фриц (Lieb; 1892–1970), швейцарский теолог, славист, издатель. Специалист по русской истории, философии и культуре. С 1937 г. профессор Базельского университета. Собрал большую библиотеку (около 13 тысяч наименований), которую в 1951 г. подарил Базельскому университету.

18

Среда, 5 октября, 1960
Женева

Дорогой друг Петр Николаевич.

Опять нет от Вас никаких известий. В середине прошлого месяца я послал Вам небольшое письмецо (после отправки Вам рецензии на польскую книгу), где извещал, что жив и здоров. Послал не заказным, а простым письмом. Получили ли Вы его? У меня примета, что письма наши (большие) расходятся, и надеюсь, что разойдутся и теперь. Я готовлю Вам сравнительно большое отправление — главы воспоминаний от начала Второй войны до конца германской оккупации в Белграде. Остается еще три главы — 1) Приход русской армии, 2) Белградский юридический факультет, 3) Разрыв Тито с<> Сталиным и мой отъезд в Швейцарию. Буду писать их теперь. Остается пропуск об ЕА. Знаю, как Вы обременены работой и заботами, и потому не хочу торопить Вас с ответом на поставленные вопросы. Пока жив и относительно здоров, но много думаю о смерти, которая неумолимо приближается. Как Вы, дорогой друг, и как Вера Ивановна? Пишите.

Преданный Вам и Вас любящий
Н. Алексеев

T-SAV-II/9 (7).

Женева, 16.X.<19>60

Милый и дорогой мой друг Петр Николаевич.

Сам не знаю, как объяснить, что после последнего письма моего, полученного 23 августа Вами, и после трех более поздних от Вас писем я не собрался написать Вам. Целых два месяца молчания есть непростительная небрежность. Видит Бог, что говорю Вам правду, — не было дня, когда бы я не думал о Вас, о Вашей «бытовой нагрузке» и «нагрузке рабочей», почти что непосильный труд, который Вы несете. И какое нужно иметь широкое сердце, чтобы тревожиться обо мне и тратить на телеграммы, выражающие тревогу о том, что со мною. Спасибо, дорогой мой Петр Николаевич, и простите мне «свинство», психологически объяснимое многими мотивами. Думал, что Вам не до меня в Вашей занятости. Боюсь, что скоро умру, хотел докончить все мною задуманное, и летом много писал. Кроме того, дачная жизнь с ее передвижениями рассеивает, выбивает из привычной колеи. «Эпистолярность» — не мой талант, регулярную переписку веду только с Вами и с Фридиевым и удивлялся всегда покойной Е.Д. Кусковой, которая каждый день способна была писать десятки писем — и дружественных, и ручительных, и деловых, и за своего мужа, который тоже переписку вести не умел.

Лето у нас вышло не очень удачное — лил дождь, и было холодно. После первых двух недель, которые мы провели на высоте 1200 метров, мы перебрались в «замок» де Мартери¹, рекомендованный нам знакомыми. Пища там была столь отвратительная, что мы оба заболели и, пробыв там 3 дня, перебрались в другое место. Письмо Ваше от 26 августа долго бродило и нашло меня только в Женеве, после 6 сентября. В Женеве у меня сломался вставленный 50 лет назад (еще в Москве) зуб — пришлось возиться с дантистом (и теперь еще вожусь). Все это пустяки сравнительно с Вашими невзгодами, и только отчасти может объяснить мое долгое молчание. Во время каникул много писал. Начерно набросал заключительную часть «Воспоминаний» — последние 10 лет жизни в Югославии (до переезда в Женеву). Время тоже «бурное», но память мне начинает изменять, и только с усилиями выплывают пережитые картины. Сейчас начал переписывать это на машинке, думаю, что, если буду жив и здоров, вышлю Вам часть дней через 10. За лето написал по давнишней просьбе Фридиева короткий отзыв о книге польского философа А. Шаффа «Объективный характер законов истории»², перевод, изданный в Москве «Издательством иностранной литературы». На машинке переписал уже в Женеве и копию присылаю Вам вместе с этим письмом. В Женеве нашло меня тоже блуждавшее письмо Г.В. Вернадского, очень милое. Ответил на него также по приезду в Женеву. Г.В. просит выслать ему копию моих «Нескольких мыслей о нравств<енности>, праве и госуд<арстве>». Но у меня лишней копии нет. Я начал ее сводить и вместе с тем несколько переделывать первоначальный текст, который мне не нравится. Когда кончу, вышлю новую редакцию Вам. Но возраст мой меня страшит — боюсь, как бы не хватил меня в мои 80 лет удар — и так ничего предположенного мною не окончу. Иногда разъедает

меня скепсис — «а кому это нужно», — тогда обращаюсь мысленно к Вам и ищу поддержки в Вашей пламенной вере, в Вашем несокрушимом оптимизме.

Сейчас волнует меня, зачем русские ввязались вместе с чехами в африканскую политику?³ Янки их из Африки вышибут, не идти же на войну из-за этих черных младенцев, потерявших детскую наивность примитивного человека и развращенных соприкосновением с задами и подонками западной цивилизации. Но об этом — в другой раз. Верю, что Вера Ивановна выберется из своей болезни, и шлю Вам обоим сердечный привет. Преданный Вам Н. Алексеев

T-SAV-II/9 (18).

¹ Замок де Мартери (Château du Martheray) находится неподалеку от Женевы.

² Книга польского философа-марксиста Адама Шаффа (Schaff; 1913–2006) «Объективный характер законов истории» была издана в Москве в 1959 г.

³ СССР и Чехословакия поддерживали некоторые африканские государства — например Египет, с которым Чехословакия в 1955 г. заключила договор о поставке вооружения (так называемая пражская сделка).

Дорогой мой друг Петр Николаевич.

Вчера в «Палэ де Национ» в кабинет моей жены зашла девушка из Праги, которая передала ей предназначенный мне журнал с Вашей статьей. Рассказать про Вас ничего не могла, так как, по ее словам, недавно с Вами познакомилась. Она приехала в Женеву с какой-то чешской делегацией. От всего сердца благодарю Вас за присылку номера и за надпись, в которой Вы преувеличиваете мое значение. В письме Вашем от 20.X Вы пишете: «По сравнению с Вами я совершенно элементарен, как из одной глыбы высечен»...¹ «Боже мой, каких только периодов развития не пережили Вы»... Не думаете ли Вы, что «быть элементарным» много лучше, чем так бродить, как бродил я, — из стороны в другую. Литературно, разумеется, это мне дает материал для богатых воспоминаний, но морально я в этих своих качествах иногда сильно сомневаюсь. Высокого положения я никогда не занимал и потому не могу сравнивать себя с Фуше, который был якобинцем, потом начальником полиции во время империи, затем сохранил ту же должность после Реставрации, и дипломатом в Дрездене, — или с Талейраном, служившим всем режимам, — сравнивать себя с такими людьми могу я только в меру своего авантюризма и приспособленности к борьбе за существование, которая свойственна была и названным «великим людям». Но не больше. Так, вероятно, будут судить мои воспоминания мои враги. Правда, я не извлекал из названных моих качеств больших материальных выгод и не был склонен к мошенничеству, но об этом судьбы мои позабудут, а произнесут неприятный приговор — «прирожденный ренегат»... Я лично людей, «как из одной глыбы высеченных», больше уважаю, чем самого себя.

Вчера я прочел Ваше письмо Т.П., и мы поражались необыкновенным знанием «городов и весей» нашей родины. Ваши замечания мне много дали. Я увидел, что не совсем правильно изобразил моего отца и округ путей сообщения, в котором он служил. Отец мой по своей службе был человеком очень деловым, а округ знал, что он делал. Округ развивал русское судоходство, которое на моей памяти захватило и реку Москву. Река стала судоходной от монастыря «Николы у Грешы», немного ниже знаменитого Царицына с недостроенным «матушкой Екатериной» дворцом. Пароходство было только товарное. Округ строил шлюзы. Построенный около станции Фаустово шлюз причинил убытки министру двора и любимцу царской семьи Фредериксу²: луга его заливные стали заливаться водой и портить покосы. Луга Фредериксовы были знакомы каждому московскому охотнику, так как там в свое время в изобилии водились дупеля, истребленные в других подмосковных местностях. Фредерикс вчинил иск в один миллион рублей Московскому округу путей сообщения. Округ проиграл дело в двух инстанциях, и дело перешло в кассационном порядке в Сенат. Министерство путей сообщения приказало, чтобы в Сенате с объяснениями по этому делу выступил мой отец. Он выступил и убедил сенаторов — в иске Фредериксу было отказано. Вы понимаете, что мой отец не только не получил гонорара, но его даже не поблагодарили.

Я неверно написал, что судоходство было слабое. Недостаток округа заключался в географически неправильной и рутинной организации его компетенции. В предмет его ведения входили какие-то шоссеиные дороги в Могилевской губернии (знаменитое в свое время «Варшавское шоссе»), судоходство на нижнем течении Дона (от Москвы верст 600, если не 800), судоходство на Оке, но не по ее северным притокам. Вы понимаете — дистанции порядочных размеров. Здесь проявлялся недостаток старого деления по «округам». Черт его знает, почему «учебный округ» с попечителем во главе был в Харькове, а не в Киеве. И черт его знает, каково было отношение начальников округа к губернатору того города, в котором округ находился. Ведь губернатор был прямой представитель монарха в губернии, которому были подчинены все находившиеся там учреждения. А между тем власть начальников округов распространялась на несколько губерний, и потому начальники эти в своей сфере не были подчинены губернаторам, что создавало удобную почву для трений и административных пререканий, напр<имер>, губернатор увольняет приват-доц<ента> по неблагонадежности, а попечитель назначает его в другой универ<ситет>. Во главе нашего Моск<овского> округа путей ставили лиц с высокой протекцией, но мало что понимающих. На моей памяти начальником округа был некто Муханов, а позднее князь Хилков, который был поставлен только потому, что в молодости ездил кочегаром в Америке на паровозе. Правление округа состояло из «общего присутствия», членами которого были «начальники отделений», и сам начальник округа. Мой отец был «правителем канцелярии», то есть, по нынешней терминологии, «генеральным секретарем». Он заседал в «общем присутствии» за особым столом, на котором было водружено «зерцало», то есть «столб, на нем корона» — на столбе были написаны изречения из указов Петра: «Все законы писать, если их не исполнять» (за точность фразы по памяти не ручаюсь, а п<р>оверить не хочется). Отец и был как бы воплощением законов российских в округе. Приезжают

из Могилева евреи на торги для поставки щебня на шоссе или подряда на работы по шоссевному ремонту, выступает отец: законы о казенных поставках и подрядах сложные, нужно составлять договоры — отец их пишет; проворовался «начальник судоходной дистанции» в Ростове-на-Дону, отец едет туда разбирать это дело. Бравый отставной флотский капитан Шкотт, в Нижнем <Новгороде> начальник движения судов по Оке, издал постановление, что баржи должны быть определенной посадки ввиду перекатов и мелей — и вот в Касимове при обмерке грузовых барж оказывается, что они через перекаты не могут пройти, не сев на мель, и караван задерживается, что ведет купцов к большим убыткам. Купцы подают жалобу — отцу приходится ехать разбирать это дело в Касимов, куда проехать можно только водным путем, ближайшая жел<езная> дор<ога> в Муроме. Отец делал все эти дела вежливо, мягко и умело — иначе не послали бы в Сенат тягаться с Фредериксом, интересы к<отор>ого в Сенате защищали знаменитые адвокаты.

Вот это все мне нужно добавить к воспоминаниям об отце, на что навелю меня Ваше письмо. Теперь об окончательном моем отъезде из Данкова после смерти деда. В тексте пересланных Вам воспоминаний описание дороги в Москву пропущено, тогда как в черновиках оно начинается так:

«Ранним майским утром мы выехали с отцом в Москву. Не помню, чтобы я горевал и безутешно плакал, покидая дедов дом. Я переживал тогда то время детства, когда впервые у меня раскрылись глаза на окружающий мир. Мне все было интересно вокруг — нежная весенняя даль, купы белых облаков на небе, болотце, покрытое цветами желтого лютика, или куриной слепоты, какие-то неведомые мною птицы, которые жалобно кричали “пиу, пиу”» (чибисы, Н.А.). Начало это я хотел бы сохранить и продолжить в связи с вашими поразительными познаниями России след<ующим> образом: <...>³

6.XI

Все Ваши замечания принимаю во внимание и делаю соответствующие исправления — отметьте их, если будет время, в Вашем манускрипте. Теперь несколько слов о моих несогласиях. Вы пишете: «Кант для меня вовсе не существует... А вот заповеди Христовы существуют очень и очень... Даже для того, чтобы подойти к идеям морали, Вам потребовалась “Критика практического разума” Канта»... Фраза эта по смыслу относится не ко мне лично, но ко всей русской интеллигенции моего времени. Но, дорогой мой друг, Петр Николаевич (говорю теперь о себе лично), заповеди Христовы не для «мира сего»: они как бы снизошли к нам на землю из того, что ныне именуется антимиром, где все наоборот, включая даже самого строения атома. Заповеди эти, по крайней мере многие, у нас в своей чистоте неприменимы. «Всякий, гневающийся напрасно, подлежит суду. Кто же скажет брату своему “безумец”, подлежит синедриону»... А мы с Вами гневаемся и называем людей «безумцами». Можем ли мы здесь, на земле, «любить врагов наших»? И правильно ли это было бы?.. Я не хочу и не могу подставить немцам левую щеку, ударившим нас в правую, — и даже больше того, что ударили в щеку... «В царстве Божием упраздняется всякое начальство и всякая власть» — а мы с Вами не анархисты, даже в известном смысле «этатисты» (государственно-частное хозяйство)⁴. Неминуем вопрос, как сделать применимыми в «этом мире» мо-

ральные принципы, пришедшие из «того мира». И это есть вопрос философской этики и философии права. Думаю, что кое-что полезное можно вычитать по поводу этого и у Канта, и у кантианцев. И потому не могу назвать немецкую философию простым «словоблудием». Для меня лично, кроме моральной философии, существует еще философия вообще, философия науки, научного знания. О ней в «благой вести», посланной из иных миров, нет ни одного слова. Я ее определяю как «критику высших понятий нашего разума» (см. «Мир и душа», изд. 1-е). Не могу не признать, что здесь чувствуется влияние «Критики чистого разума» Канта, и потому не могу сказать: «Для меня Кант не существует»... Для меня «трагическая проблема» в том, как можно помирить ненависть к немцам с их признанием. Попытаюсь выпутаться из этого в главе о моей научной командировке.

Не знаю, как это осуществима «утопия» печатать мои «Воспоминания» уже теперь. Во всяком случае, по гроб Вам благодарен за более чем дружескую заботу обо мне, за любовь и, может быть, не совсем заслуженное, слишком большое уважение.

Ольга Петровна <Святополк-Мирская> уехала на «хом лиф»⁵, скоро ждем обратно. У Т.П. пертурбации по службе, которые в общем для нее очень благоприятны, но доставили ей много волнений, так что она заболела печенью. Новый, прибывший из Москвы начальник навел на всех иностранцев страх, и перед ним теперь все пляшут. Большой молодец, высоко держащий русское имя.

С сердечным приветом Вере Ивановне и всей семье
Преданный Вам Ник. Алексеев

T-SAV-II/9 (19).

¹ Копия этого письма Савицкого опубликована Ю.Б. Мелих [Мелих 2010, с. 156–159].

² Фредерикс Владимир Борисович (1838–1927), государственный деятель, министр императорского двора Российской империи (1897–1917).

³ Часть письма в архиве отсутствует.

⁴ Отсылка к работам П.Н. Савицкого о государственно-частной системе хозяйства. Однако когда Савицкий говорил об «этатизме евразийцев», это касалось прежде всего активности публичной власти в экономической сфере, а не первичности государства по отношению к иным субъектам. См.: *Савицкий П.Н. В борьбе за евразийство // Евразийский сборник. Кн. VI. Прага, 1929. С. 8.*

⁵ *Homelife* (англ.) — речь, вероятно, идет о праве гражданина, проживающего и работающего за рубежом, на бесплатную поездку на родину.

Дорогой мой друг Петр Николаевич.

У нас с Вами повторилось, как и в прошлый раз, — не получал от Вас два месяца известий, думал, не случилось ли чего-либо с Вами, решил, что pošлю телеграмму или экспресс с запросом, но вдруг рано утром пришло Ваше большое письмо от 23–25 ноября. Знаю, что тяжело переживаете Ваше безутешное горе, ду-

мал, что, может быть, на время отвлеку Вас от него своими писаниями. Возможно, что и отвлек, так как Вы потратили немало труда на замечания к моему тексту, которые я очень ценю. У меня есть два советчика по тексту «Воспоминаний» — Вы и Фридиев. Татьяна Павл<овна> так обременена работой, что я могу читать текст во время летних каникул. Ваши же замечания ценны более всех — и по существу, и в смысле стиля. Исправления Ваши повсюду вношу в текст, если нет у меня с Вами принципиальных разногласий. И если некоторые из замечаний Вашего последнего письма не будут в текст внесены, то только в силу того, что дело идет о недоразумении, в которых отчасти был сам повинен.

1. «Война с турками» в 1920-х годах. Я достал свой чистовой экземпляр и увидел, что там стоит: «Несмотря на войну России с Турцией в 1914–1917 гг., турки не считали русских своими врагами». Я просто в присланный Вам текст не вставил нужных исправлений, и когда говорил о «войне России с Турцией», то послал ошибочную и неточную редакцию, не исправленную мною в присланном Вам тексте¹.

2. Самое, как Вы говорите, серьезное из Ваших возражений: «Не говорил бы, что выступление чешских легионеров кончилось бы занятием Москвы», «если бы да кабы» не пишут в воспоминаниях². Согласен это место выпустить, но должен оговориться, что я имел довольно точные сведения о том паническом настроении, которые овладели тогда нашей правящей верхушкой. Сведения эти от Балтрушайтиса (старшего)³, который вечно сидел в Кремле, но должен оговориться, что я имел довольно точные сведения и от нескольких хорватских коммунистов, сидевших в Кремле и в штабе Троцкого (в доме Игумнова, что около бывшего Храма Христа Спасителя). С легионерами в начале их наступления сражались только латыши, русское население сохраняло «нейтралитет». Все было готово к эвакуации Москвы на Север, на Архангельск и Мурман. Этим и объясняется, что наши тогдашние правители позволили увести наш «золотой запас» и отступить с ним этак 7–8 тысяч километров по Сибири. У Вас, по-видимому, нет соответствующей «мемуарной» литературы, из которой видно, что за приказом об отступлении чехов стоял Ллойд-Джордж, и Масарик с Бенешем исполняли его волю. А сей добрый муж проделал то же самое и в Одессе⁴.

Длинный пассаж можно было бы сохранить, произведя в нем соответствующие пополнения, пропущенные в Вашем тексте и сохранившиеся в моих рукописных черновиках. Во всяком случае, о «серьезном сопротивлении», которое было оказано легионерам, никак говорить нельзя, если только не полагаться на официальные «сводки», всегда врущие.

3. «О<тец> Георгий Флоровский состоит в настоящее время профессором и т. д.». Мне это хорошо известно, но тогда, когда я писал соответствующий текст «Воспоминаний», он состоял ректором Русского православного института в Нью-Йорке, вот передо мной его письмо от 5.V.1950, 537 West 121 Street, N<ew> Y<ork>, где он меня отговаривает переселяться в США, а рядом письмо профессора того же института Г.П. Федотова, который советует ехать в США (при знании Т.П. и Машей английского языка). О<тец> Георгий с Ксений Ивановной⁵ <Флоровской> были у нас в Женеве, точно не помню, в 1951–<19>53 годах, пили чай, беседовали, и если я не упомянул его имени, то только оттого, что получил впечатление, что

он о своих белградских делах вспоминать не любит. Года через два после первого приезда они были в Женеве во второй раз, но нас уже не посетили.

4. «De mortuis aut bene, aut nihil»⁶ — оттого ничего не буду говорить об А.В. Карташеве⁷. Но сообщенное Вами его письмо возбудило во мне старое негодование, о котором, может быть, лучше уже забыть. Его кандидат на «митрополию», ректор епископ Кассиан Безобразов⁸, в бытность мою в Белграде возил показывать Афон того самого эс-эса <SS>⁹, который допрашивал меня и которого в насмешку звали «Kirchenmeier»¹⁰. Ехали на Афон в автомобиле этого последнего, водил его Кассиан ко всем святителям. Сей почтенный пастырь в Белграде весь с головы до ног погряз в нацизм. Не помню кто, его сестра или ближайшая родственница, замужем была за каким-то врачом, жили в Греции (около Афона) и после ее <Греции> освобождения были приговорены к смертной казни, но как-то им удалось увернуться. Владыка Анастасий служил молебен за Гитлера, но потом калялся и расистом никогда не был. Был схимником «не от мира сего», и ему все можно простить за его «юрродство». Но вот будущий эмигрантский митрополит таким «юрродивым» не был, и ему как-то не прощается в моем сердце его безобразное гитлерьянство, которому я был личный очевидец. И неужели Антону Владимировичу <Карташеву> не совестно считать его «кандидатом на митрополию», когда имеются другие кандидаты, о которых ничего дурного сказать нельзя. Епископ Мефодий (Кульман) был священником в Кламаре, и священником образцовым.

5. О том, что разные ослы из собравшихся в Праге, весьма разнородных по составу, профессоров старались лягнуть Павла Ивановича <Новгородцева>, я хорошо знал. Конечно, его огорчало то, что он потерял всеобщее признание, которым пользовался в Москве, но не это заставило его «надеть вериги» и довести себя до ранней смерти. В могилу его свели семейные дела. Помимо разных интимных историй, о которых не стоит писать еще раз (я Вам уже писал о них), как мог чувствовать себя муж, жена¹¹ которого вслух заявляет: «Я не хочу, чтобы сын мой (Бадя) сделался попом, куда его толкает отец!» По моему мнению, не стоит писать об «евразийстве» Павла Ивановича. У него было пробуждение славянофильских симпатий, что видно по его статье, напечатанной в издаваемом <Г.Д.> Гурвичем журнале «Philosophie und Recht»¹², и рядом с этим остатки преклонения перед западной философско-правовой мыслью, что видно из предсмертной статьи в журнале «София», в которой восхваляется релятивизм Кельзена¹³. Интенсивное пробуждение в нем религиозных эмоций одинаково сближало его и с евразийцем П.Н. Савицким, и с яростным антиевразийцем В.В. Зеньковским, с которым он в последние годы жизни был очень близок. Но должен признать, отец Василий, по своим политическим установкам очень близкий Карташеву, никогда не был поклонником Гитлера.

6. Я знаю, что Павла Ивановича недолюбливали два наших «немца» — Струве и Гримм¹⁴. Но ведь они не виноваты, что родились «немцами». В то же время ни тот ни другой не были потомками Гитлера — Струве даже это упорно подчеркивал в последние годы жизни в Белграде. За это я ему многое простил (если не «все»). Но вот наших чистых «русачков», да еще в сане архиерейском, нашего маститого историка православной церкви¹⁵, бывшего, даже не тайно, чистым гитлерьянцем, простить никак не могу.

7. Вы меня упрекаете, что я не отбрал турок за многоженство. Но ведь, дорогой друг мой, Петр Николаевич, это есть институт, санкционированный мусульманской религией и до сих пор распространенный в азиатских и африканских землях. На днях я видел дипломатический автомобиль с соответствующим знаком (CD), из которого вылезли три женщины в чадрах и с ними очень бойкая негритянка, говорившая по-французски, — проводница и переводчица. Все они вошли в модный магазин и начали покупать, при помощи переводчицы, духи, шелковые платки и пр. Я тоже вошел, чтобы посмотреть, что это будет. В магазине собралась целая толпа зевак (вроде меня). Я спросил, улучив минуту, негритянку-переводчицу, она сказала мне, что жены какого-то дипломата из Аравии, представителя этого государства в ООН. Какой же смысл в такой ситуации осуждать турок. Государство это именовалось Йемен, ныне член ООН.

Все Ваши поправки (более мелкие) принимаю и вообще прошу более ругать меня, чем хвалить. Мне особенно стыдно, что стал позабывать русский язык и стал применять такие слова, как «камион»¹⁶. Что же делать? Живу столько лет без русского окружения и невольно теряю язык. Кстати, забыл упомянуть о Ваших поправках, с которыми не совсем согласен. Вы говорите: «При Тарановском¹⁷ Дерптский у<ниверсите>т назывался Юрьевским». М<ожет> б<ыть>, в официальной министерской терминологии. Но если бы в Москве, скажем в 1912/1913 году я сказал кому-нибудь из моих коллег: «Завтра еду делать доклад в Юрьев», он, уверяю Вас, посмотрел бы на меня с недоумением. В какой это «Юрьев»? «Дерпт»¹⁸ есть обруселое немецкое слово «Dorpet». «Дерпт» не «Dorpet». Есть немало таких обруселых немецких слов, напр<имер>, «берлога» = Bärelager¹⁹. По-русски никто никогда не называл «медведя» = «Bär». Следует ли из этого, что нужно отменить слово «берлога» и заставить русского скотника, который, подняв из «берлоги» медведя, «восемь медведей поднял на рогатину и на девятом сплошал», — заставить его говорить вместо «берлоги», скажем, «медвежья яма» = Bärenholle по-немецки (вариант «Bärelager»).

У меня нет никаких шансов на напечатание моих воспоминаний²⁰, да я и не сильно хлопочу об этом. Сделал некоторые шаги, но, думаю, безнадежные. Ваш план послать некоторые главы в журналы на родину — чистая утопия. Разве Вы не убедились еще, что мы там «под запретом». И не только под влиянием «партии», а м<ожет> б<ыть>, еще более «общественного мнения» тамошних литературных кругов. Если бы я сам смог приехать в Москву, то, м<ожет> б<ыть>, пробил бы лед. Но на это у меня нет средств. Не помню, писал ли я Вам, что года два тому назад подал прошение в ООН о том, чтобы мне одному (без жены) разрешили использовать право на «хом лиф» (один раз в два года); мне ответили, что это невозможно, так как «хом-лиф» создан для того, чтобы «супруги вместе проводили отпуск на родине». Жена, когда ее вызвал высокий чиновник этого учреждения, расхохоталась ему в лицо и сказала: «Неужели Вы думаете, что мой муж в 80 лет может в Москве заниматься “адюльтером”». — «Таков закон, — ответил он, — поезжайте вместе». А вместе мы ехать не можем, так как Т.П. не может оставить больную мать, да и дорого: ООН оплачивает только аэроплан Женева–Москва — 1500 франков с человека. Я бы один мог найти в Москве ночевку и даже стол,

но вдвоем это выше наших средств, — нужно еще минимум 50 франков в день с человека.

Что Вам сказать о международно-политическом положении? Теоретически, война невозможна, но, практически говоря, весь земной шар сейчас в войне. Воюют в Африке, на Кубе, в Венесуэле, в Корее. Эти маленькие войны легко могут перейти в войну большую. По всем видимостям, китайцы относятся к войне иначе, чем русские. Они ведь бывший колониальный народ, и мириться с бывшими колонизаторами Китая им нет никакой охоты. Вероятно, и среди русских есть «крайние», которые думают: чего там канитель разводите, ударим по европейцам и американцам. И несомненно, среди американских миллиардеров многие думают, что главная задача — истребить русских коммунистов и стереть с лица земли то, что именуется «Россией». При этих условиях или несчастный случай, или, вопреки разуму, какой-нибудь безумец может начать метание атомных бомб, и тогда все полетит к черту, все наши труды, планы, проекты — все, что осталось дорогого для нас на нашей планете.

На днях получил труд «Философские проблемы современного естествознания», коллективный труд, выпущенный Всесоюзным совещанием по философским вопросам современного естествознания, М<осква>, 1959. Думаю в связи с этой книгой обновить и дополнить мою «Мир и душа». Таков мой план на ближайшее будущее, если еще буду жив.

Стих Востокова заказал на этих днях, но еще не получал.

Обнимаю Вас крепко и желаю бодрости и плодотворной работы в Вашем одиночестве. Любящий Вас друг Ваш Н. Алексеев.

T-SAV-III/9 (20).

¹ См.: Алексеев Н.Н. В бурные годы // Новый журнал. 1959. № 57. С. 191–205. Подзаголовок статьи — «На турецком фронте». Обсуждаемой фразы в тексте статьи действительно нет.

² Воспоминания автора о своем пребывании в Чехословакии были опубликованы после его смерти. См.: Алексеев Н.Н. Из Царьграда в Прагу. Русский юридический факультет // Пашуто В.Т. Русские эмигранты в Европе. М., 1991. С. 205–224. Авторство данного текста установлено в середине 1970-х гг. зятем П.А. Остроухова В.М. Котрубенко, который переслал воспоминания Алексеева в СССР В.Т. Пашуто. Документ впоследствии был опубликован вдовой В.П. Пашуто (см.: Пашуто В.Т. Русские эмигранты в Европе. С. 267).

³ Балтрушайтис Юргис Казимирович (1873–1944), литовский поэт, переводчик, дипломат. Историк искусства Юргис Балтрушайтис (младший) — его сын.

⁴ Речь, по-видимому, идет об уходе французской администрации и военных из Одессы в апреле 1919 г. Алексеев связывал это решение с влиянием Великобритании.

⁵ Ксения Ивановна Симонова (1893–1977), родная сестра жены П.Н. Савицкого, Веры Ивановны, вышла замуж за Г.В. Флоровского в 1922 г.

⁶ О мертвых либо хорошо, либо ничего (*лат.*).

⁷ Карташев Антон Владимирович (1875–1960), видный историк Русской православной церкви. Опубликовал в евразийских изданиях статьи: *Карташев А.В.* Реформа, реформация и исполнение Церкви // На путях. Утверждение евразийцев. Кн. 2. Берлин, 1922. С. 30–98; *Он же.* Пути единения // Россия и латинство. Берлин, 1923. С. 141–151. О связи

идей Карташева и евразийцев см.: Антощенко А.В. «Евразия» или «Святая Русь»? Петро- заводск, 2003.

⁸ Кассиан (Безобразов; 1892–1965), епископ. Родился в Санкт-Петербурге, в 1922 г. покинул советскую Россию. Испытал сильное влияние А.В. Карташева. В 1932 г. принял монашеский постриг. В 1947–1965 гг. епископ Катанский, викарий Западноевропейского экзархата русских приходов.

⁹ Сокращение от нем. Schutzstaffel (SS) — «отряды охраны», военизированные формирования в нацистской Германии.

¹⁰ Начальник церкви (нем.). Начальник отделения Службы безопасности рейхсфюрера СС, заведовавший церковными делами в Белграде, имел фамилию Meier, отсюда и возникло его прозвище Kirchenmeier (сведения любезно сообщил М. Байсвенгер).

¹¹ О Л.А. Новгородцевой Алексеев вспоминал и по другому поводу: «Много содействовал ее <русской акции> успеху и П.И. Новгородцев, который обосновался в Праге, думаю, потому, что надеялся встретиться здесь со своей семьей. Жена его, Лидия Антоновна, была дочерью по происхождению своему угроруса, правого русского общественного деятеля, обрусителя Дерптского университета и профессора — А. Будиловича; ее, как дочь уроженца Прикарпатской Руси, легко могли выпустить “на родину” советские власти, что они и действительно сделали» (Алексеев Н.Н. Из Царьграда в Прагу. С. 211).

¹² См.: Nowgorotzeff P. Über die eigentümlichen Elemente der russischen Rechtsphilosophie // Philosophie und Recht. 1922/1923. Hf. 2. S. 53–54.

¹³ Новгородцев П.И. Демократия на распутьи // София: Проблемы духовной культуры и религиозной философии. Т. 1. Берлин, 1923. С. 93–107. Новгородцев подчеркивает справедливость мнения Г. Кельзена о том, что демократия, являясь «господствующим лозунгом, утратила определенное и твердое содержание».

¹⁴ П.Б. Струве возглавлял кафедру политической экономики и статистики, Д.Д. Grimm, преподававший римское право, некоторое время после смерти П.И. Новгородцева даже был деканом Русского юридического факультета (см.: ГА РФ. Ф. 5765. Оп. 1. Д. 92).

¹⁵ Речь идет об А.В. Карташеве.

¹⁶ От фр. camion — грузовик.

¹⁷ Тарановский Федор Васильевич (1875–1936), юрист, правовед, ординарный профессор Дерптского (Юрьевского) университета, где занимал кафедру истории права, также преподавал энциклопедию права. После 1920 г. жил и преподавал в Белграде.

¹⁸ Дерпт (Дорпат) — более позднее, немецкое, именование города Юрьев, основанного в XI в. Ярославом Мудрым. В 1893 г. в рамках кампании Александра III по «разнемечиванию» Прибалтики переименован в Юрьев, название сменил и Дерптский университет. В 1919 г. город был присоединен к Эстонии и получил название Тарту, сохраняющееся по сей день. Не меньшей известностью, чем сам город, пользуется Тартуский университет.

¹⁹ В данном случае Н.Н. Алексеев опирается на «Толковый словарь» В.И. Даля, в котором слово «берлога» обозначено как имеющее немецкое происхождение. В современной этимологии мнение В.И. Даля не поддерживается и считается неправильным; более распространенной является точка зрения, что первый слог происходит не от немецкого «Bäg» (медведь), а связан с древнерусским словом «бърние» (грязь, глина).

²⁰ Алексеев смог опубликовать в нью-йоркском «Новом журнале» четыре очерка о своем прошлом: о годах обучения в Московском университете; о своих коллегах, представителях так называемой московской школы философии права (П.И. Новгородцеве, И.А. Ильине и др.); о нахождении в доме Л.Н. Толстого; о работе в Персии в период Первой мировой войны (В бурные годы // Новый журнал. 1958. № 53. С. 172–188; № 54. С. 148–163; В толстовском доме // Там же. 1958. № 55. С. 160–175; В бурные годы // Там же. 1959. № 57. С. 191–205). № 57 — последний номер, который редактировал М.М. Карпович, помогавший Н.Н. Алексееву опубликовать свои очерки.

Женева, 20.III.1961

Дорогой мой друг, Петр Николаевич.

Последняя моя отправка к Вам была 2 февраля. Я не знал, подходит ли атмосфере, в которой Вы живете, избранная мною тема. Не получая от Вас подтверждения, что письмо мое было Вами получено, я не стал посылать Вам окончания текста, который был уже давно готов. С тех пор у нас был ряд тревожных обстоятельств, которые отвлекали меня от регулярной переписки. Я, кажется, уже писал Вам, что у Маши неполадки с желчным пузырем. Консилиум врачей решил, что нужна операция, которая и была сделана 3 недели тому назад. Операция продолжалась 3 часа. Маше вырезали не только желчный пузырь, но заодно какое-то сращение в кишках и аппендикс. Неделю тому назад она воротилась домой и теперь уехала к родителям своего мужа, которые имеют виллу под Кларан<ом>. Послезавтра она уезжает на отдых в горы на 4 недели. Три дня тому назад ее мальчик, Миша, играя около нашего дома с детьми, упал с маленького велосипеда и ударился глазом о руль. Его принесли окровавленного, и мы думали, что глаз потерян, но, к счастью, глазное яблоко осталось цело, рана была между бровью и самим глазом. На рассеченное место пришлось наложить шов — операция довольно мудреная, но, к счастью, удавшаяся. Теперь он ходит с забинтованным глазом. От матери происшествие это пока что скрывают.

Я сам болел в этот весенний сезон второй раз гриппом — странной его формой, с легкой температурой (37, 5), но с ломотой во всем теле. Дело дошло до того, что в одно утро, напившись кофе, за чайным столом, почувствовал, что мне дурно, что теряю сознание — и свалился без чувств. Когда стал терять сознание, подумал, что это конец. Но умереть, оказывается, не так просто. Татьяна Павл<овна> меня подняла, привела в себя — и я опять начал заниматься своими постоянными делами — писать и писать, иногда мне кажется, вещи, никому особо не нужные. Была некоторая надежда сделать второе, переработанное и дополненное издание «Путей и судеб марксизма»¹. Надежда эта вполне провалилась. Мне помнится, что Вы не имели первого издания «Мира и души». Это первое издание кажется мне лучше, чем второе, которое у Вас имеется. Теперь я занят тем, что соединяю их, дополняя первое издание отдельными текстами из второго. Один подобный экземпляр готовлю и для Вас — вышлю, когда будет готов.

Знаю, что Вы обременены работой, и решил не донимать Вас просьбами ответить на вопросы, которые Вам однажды поставил. Решил, ввиду возможного конца моего земного существования, писать краткие и чисто субъективные впечатления об евразийстве, без деталей и подробностей, которые все одно выполнить не могу, не имея парижских эмигрантских газет (их в Швейцарии нет). В конце концов, я не наблюдал начала евразийского движения, примкнул к нему только в 1927 году, в Париже, и с этого времени имеются у меня личные впечатления о нем — гл<авным> образом о его парижском периоде. Историю возникновения движения и его первый, пражский период лучше всего знаете Вы, так как главным двигателем его были Вы, дорогой П.Н., на Вас, на Ваших плечах оно держалось.

Такие люди, как наш милейший Лев Платонович <Карсавин>, который в своих выступлениях производил каждый раз общественный скандал, отталкивающий от ЕА, а не привлекающий к нему; или П.П. Сувчинский, удиравший из ЕА собраний, когда ему нужно было выступать (он обладал особой боязнью выступать публично), содействовали распаду ЕА движения, а не его процветанию. ЕА было создано Вами, и Вы были его духовно и фактически вдохновляющей силой — и Вам нужно писать его историю. Я был в ЕА довольно второстепенной величиной, не состоял членом «курултая», был довольно чужд аристократически-гвардейскому элементу в движении, который считал меня московским «плебеем». Я уже писал, кажется, Вам, что мне была оставлена в наследство вся переписка наших петербургских «гвардейцев» с несчастным Стороженко, из которой я «аутентически» узнал отношение петербургских аристократов к мало «культурному москвичу».

В «мемуарах» писать об этом я не стану — пишу только Вам, в котором для меня все евразийство и воплощается. Слишком страстные темпераменты, которыми — каждый по-своему — обладаем и Вы, и я, вызвали у нас ряд и индивидуальных, и коллективных действий, не позволивших довести ЕА до его логического конца, — что сделал Казем-Бек², не допустивший того, чтобы внутренняя младоросская свара выросла в общественный скандал. Я Вам, кажется, писал, что перед отъездом в Москву он был у меня в Женеве.

Довольно о временах прошедших, большие события свершаются в настоящем. Распадается великобританский «Commonwealth»³. С уходом из него южно-африканской унии «Commonwealth», как пишут французские газеты, «*n'est plus qu'un forum sans pouvoir politique*»⁴. За Южной Африкой из Великобританского объединения собирается выходить Австралия. В Лондоне царствует большое смущение — даже, как пишут, смущение небывалое. Владыка Саудитской Аравии сообщил Вашингтону, что он не возобновляет соглашения с США, согласно которому Америке были предоставлены воздухоплавательные базы в Даране. Таким образом, побережья Персидского залива, которое уже давно было захвачено американцами, устроившими там свои грандиозные военные и нефтяные учреждения, выходят из-под американского контроля. А вместе с тем и весь арабский мир. Временное алжирское правительство, как Вы знаете из Ваших газет, согласилось на переговоры с де Голлем и его правительством, которые состоятся в Эвиане, но алжирские уполномоченные будут жить не на французской территории, а на другом берегу озера, в Лозанне (не надеются на французскую безопасность). Вместе с тем скрытая война продолжается в Париже, Лионе и др.<угих> городах. Антиголлисты, так называемые *ultra*, продолжают бросать бомбы в алжирцев, убивают их в кофейнях и на улицах. Французские власти считают, что в течение алжирской войны было убито от 200 000 до 180 000 тысяч французов. Один день войны обходится французам 10 миллионов новых франков. Французская армия, действующая в Алжире, насчитывает 450 000 человек, так что в Алжире приблизительно один солдат на 2 статских французских гражданина. Потери армии за время войны исчисляются в 9000 убитых и 22 000 раненых. В прошлом ноябре месяце французы считали, что 150 000 алжирских инсургентов было убито и 1000 мусульман пожертвовали своей жизнью за Францию. В Париже считается, что за период войны

не менее 3000 мусульман были зарезаны, застрелены и т. п. В Париже 22 000 мусульман сидят по французским тюрьмам и 30 000 находятся в концентрационных лагерях. Сколько бы крика было, если бы все это происходило в России!..

Переговоры французов с арабами, говорят, будут продолжаться шесть месяцев. По моему мнению, договориться невозможно. Французы не могут уступить тех огромных нефтяных сооружений, которые они построили в Сахаре, бывшей до сих пор «*res nullius*»⁵. Арабы же считают, что Сахара принадлежит им, так сказать, «по естественному праву». Какие тут возможны соглашения?

Главка моих «Воспоминаний» о студенческом движении 1902–1904 годов до сих пор не появилась в печати. Кажется, журнал, который хотел напечатать, терпит большие денежные затруднения.

Недавно узнал, что в соседнем мне Фрейбурге (швейцарском)⁶ имеется «*Osteurope Institut*»⁷, который под председательством некоего И.М. Бохенского⁸ (иезуит?) созвал 17 февраля «Конгресс советологов» в Кельне, где были представители (католические) всех возможных стран. Читались такие доклады: «Опыт приспособления коммунизма к совр<еменной> науке», «Ревизионистские течения в коммунистических странах», «Проблема категорий в диалектич<еском> материализме», «*Soviet Philosophical Method*». К печати подготавливаются: Blakeley, *Soviet Scholasticism*; N. Lobkowicz, *Marxismus-Leninismus in der ČSR*, Z. Jordan, *Marxism-Leninism in Polanese*; G. Planty-Bonjour, *Etudes d'ontologie sovjetique*⁹ и т. п. В добытом мною проспекте вышеупомянутого конгресса сообщается, что один немецкий профессор, только что вернувшийся из Москвы, утверждает, что видел в Москве русское издание книги Бохенского «Современная европейская философия»¹⁰ и что ленинградская библиотека обладает сокращенным переводом названной книги этого иезуита.

А в полученном мною на днях письме Фридиева сообщается, что в советской литературе даже не должно пахнуть эмигрантской мыслью. «Я сделал один опыт, он удался, и они попались на удочку. В журнале “Советское государство и право” я поместил рецензию на одну книгу под французским псевдонимом. Прошло, надо хитрить!»

Не оставляйте меня, милый мой друг, Петр Николаевич, без писем. Обнимаю Вас и прошу передать привет всем пражанам. Ваш Ник. Алексеев

T-SAV-II/9 (22).

¹ См. первое и единственное издание: Алексеев Н.Н. Пути и судьбы: марксизма: От Маркса и Энгельса к Ленину и Сталину. Берлин: Изд. евразийцев, 1936.

² Казем-Бек Александр Львович (1902–1977), публицист, журналист, богослов. С 1920 г. в эмиграции, жил в Югославии, Германии, Франции. С 1923 г. лидер союза «Молодая Россия», с 1925 г. возглавил партию «Союз младороссов». В 1937 г. ушел с поста главы партии. В 1940 г. за антифашистскую деятельность был арестован, но вскоре бежал в США, где заявил о роспуске партии «Союз младороссов». В 1957 г. вернулся в СССР, жил в Москве, с 1962 г. работал консультантом в Отделе внешних церковных сношений.

³ Содружество колоний и доминионов Британской короны (англ.).

⁴ Только форум без политической власти (фр.).

⁵ Ничьей вещью (лат.).

⁶ Алексеев пишет название города на немецкий лад (*нем.* Freiburg), но швейцарский город, в котором большая часть населения говорит по-французски, официально называется Фрибур (*фр.* Fribourg).

⁷ Восточноевропейский институт (*нем.*).

⁸ Бохеньский Юзеф Мария (Bocheński; 1902–1995), польский философ. Учился в Львовском, Познаньском и Фрибурском университетах. В 1927 г. вступил в доминиканский орден. В 1931–1934 гг. учился в Папском университете в Риме. Во время Второй мировой войны служил в польской армии в Шотландии и Италии. С 1945 г. преподавал во Фрибурском университете, в 1964–1966 гг. ректор этого учебного заведения. Редактор серии «Sovietica» в голландском издательстве «Springer», опубликовавшем большинство упомянутых Н.Н. Алексеевым книг, в которых критиковались марксизм и СССР.

⁹ Впоследствии доклады авторов нашли свое отражение в следующих изданиях: *Blakely J.E. Soviet Scholasticism.* Dordrecht, 1961; *Lobkowitz N. Marxismus-Leninismus in der ČSR: Die Tschechoslowakische Philosophie seit 1945.* Dordrecht, 1962; *Jordan Z.A. Philosophy and Ideology, The Development of Philosophy and Marxism-Leninism in Poland since the Second World War.* Dordrecht, 1963; *Planty-Bonjour G. Les Catégories du matérialisme dialectique. L'ontologie soviétique contemporaine.* P., 1965.

¹⁰ *Boхеньский И. Современная европейская философия / сокр. пер. с англ. В.В. Мшвениерадзе и М.К. Мамардашвили. М., 1959.*

ПРИЛОЖЕНИЕ

Копия письма Н.Н. Алексеева, сделанная П.Н. Савицким

Я спросил Н<иколая> Н<иколаевича> А<лексеева>, где сейчас братья Зеньковские, которых я знал в 1920-х годах. Он ответил мне следующее (1958):

С Вас<илием> Вас<ильевичем> Зеньковским вышла следующая история. Вы, конечно, знали его брата, Александра Вас<ильевича>¹, который всегда «подторговывал». Перед войной он переехал из Праги в Париж, по-видимому, «торгонул» очень хорошо, нанял себе роскошную квартиру около Энвалид — ковры, мебель, приемы. Но перед самой войной вдруг смылся, распродал все и уехал, оставив своему брату, Вас<илию> Вас<ильевичу>, чековую книжку на банк. Сколько помню, война уже разразилась, Вас<илий> Вас<ильевич> пошел в банк, получил по этой чековой книжке деньги, а дня через два в его скромный номеришко в отельчике около рю² Лекурб <ruе Lecourbe> нагрянула полиция, арестовала его и заключила в военную тюрьму Шерш-Миди, что на Бд Распай <Boulevard Raspail> — самая страшная тюрьма Парижа. Ходатай по делам русских беженцев Софья Мих<айловна> Зернова обратилась к военным властям с просьбой о свидании, но ей сказали — Вы, мадемуазель, это оставьте, а то мы Вас посадим в ту же тюрьму. Потом оказалось, что Александр Вас<ильевич> продавал какое-то военное изобретение французскому генеральному штабу и в то же время торговался о нем с германским генеральным штабом. Вас<илия> Вас<ильевича> продержали в этой тюрьме несколько месяцев, потом выяснилось, что он к делам своего брата никакого касательства не имел. Его из тюрьмы выпустили, но сослали в лагерь где-то в

Пиренеях, где он пробыл, не знаю сколько — по-видимому, до окончания войны. Вышедши из лагеря, он принял сан священника.

Александр Вас<ильевич> исчез с моего горизонта после моего отъезда в Югославию. Но совсем недавно он появился в поле моего зрения как автор шумевшей среди эмиграции книги, посвященной аграрной реформе Столыпина³. Алекс<андр> Вас<ильевич> выступает как *личный секретарь* Столыпина, который будто бы диктовал ему основные начала этой реформы. Записи Ал<ександр> Вас<ильевич> будто бы сохранил и теперь опубликовал со своими комментариями — в связи с «потребностями настоящего момента» (?!!). Я не знаю, слышали ли Вы, что он был когда-то секретарем этого министра, — по моей памяти, неверной и ненадежной, он был бухгалтером Киевской городской управы. Скептики говорят, что документы, касающиеся этой реформы, сохранились у родственников Столыпина, проживающих ныне в США (где и Алекс<андр> Вас<ильевич> ныне находится), и что эти родственники, не желая опубликовать назван<ные> документы от своего имени, избрали в качестве подставного А.В. Зеньковского, который личным секретарем никогда не был. Я думаю, в Праге более всего известно, кем был до эмиграции А.В. Зеньковский.

Е.Д. Кускова тяжело больна. Недавно она прислала нам написанную карандашом следующую записку: «Друзья, вероятно, кончаюсь, бронхит, воспаление, сердечная слабость. Обнимаю вас, Ваша ЕК». Теперь уже телефон закрыт, никого к ней не пускают, и дама, которая за ней ухаживает, иногда сообщает нам о ее состоянии. Последние известия: немного поправляется, стала читать газеты, но видеть никого не хочет. Вы, вероятно, знаете, что С.Н. Прокопович умер 4 года тому назад в Женеве и тело его сожжено в здешнем крематории.

В Париже умер старший сын Н.О. Лосского, Владимир, который был основателем «Фотиевского братства», ныне закрывшегося. В. Лосский⁴ (ему было 53–54 года) был доцентом в Сорбонне, готовил большую книгу о средневековой философии, — говорят, очень ученую и интересную. Был одним из столпов Московской патриаршей церкви в Париже, что на рю Петель <Rue Pétel>, недавно ездил по делам этой церкви в Москву. Церковь на рю Дарю <Rue Daru> — так же как весь Богословский институт на рю де Кримэ <Rue Crimée> — юрисдикции Константинопольского патриарха. Источники средств у них западные. Есть еще в Париже и третья русская православная церковь, юрисдикции архиерейского синода, бывшего некогда в Сремских Карловицах. Их митрополит — Анастасий⁵, который в Белграде служил молебны за Гитлера (я сам это лицезрел). Сейчас он в США, очень стар. Епископом Парижским и Среднеевропейским состоит в этой церкви совершенно полоумный Иоанн, б<ывший епископ> Шанхайский⁶, а архимандритом в основанном им США монастыре является наш бывший коллега (<примечание> П<етра> Н<иколаевича> С<авицкого>: в прошлом неплохой экономист и философ права) Кирилл Осипович Зайцев⁷, постригшийся в монахи и ныне под именем Константина расточающий (в журнале «Православная Русь») проклятия инаковерующим, — простите, выражение неточное, — всем, принадлежащим к иной православной русской юрисдикции, особенно к Московской патриархии. Пример совершенно исключительного и дикого мракобесия.

Священником в Парижской патриаршей церкви на рю Петель является о. Александр Туринцев⁸, лицо в высшей степени достойное, наш большой друг. Для меня большая радость, когда он изредка нас посещает (<примечание> П<етра> Н<иколаевича> С<авицкого>: одно из качеств Туринцева в ряду других — высокая музыкальность).

Чтобы закончить описание галереи различных лиц, пополнивших состав русских православных иерархов за границей за последние 20 лет, упомяну еще лицо, фамилию которого Вы, как черниговец, должны знать — Ник<олая> Павл<овича> Рклицкого⁹. В свое время он был издателем «Царского вестника» в Белграде, был близок к митрополиту Антонию (Храповицкому). Так, он во время германской оккупации был священником «Русского охранного корпуса», сражавшегося с русскими соплеменниками и с сербскими партизанами, потом бежал в Америку и стал теперь Никоном, епископом Флоридским, юрисдикции Карловацкой. Его прочат в преемники митрополиту Анастасию.

Не помню, писал ли Вам, что О.П. Святополк-Мирская¹⁰, родная сестра Дм<итрия> П<етровича>¹¹, служит вместе с Татьяной Павловной в ООН — это самый близкий нам человек. В прошлом году она была в СССР, где ее старшая сестра¹² замужем за инженером.

T-SAV-II/9 (27).

¹ Зеньковский Александр Васильевич (1878–1966), специалист в области банковского дела, коммерсант, бухгалтер. Старший брат В.В. Зеньковского. После революции эмигрировал, жил в Праге и Париже, умер в США.

² От фр. rue — улица.

³ Зеньковский А.В. Правда о П.А. Столыпине. Нью-Йорк, 1956.

⁴ Лосский Владимир Николаевич (1903–1958), философ, богослов. С 1922 г. в эмиграции. Жил и учился в Праге, Париже. Тесно общался с Н.П. Кондаковым. Впоследствии стал деканом Французского православного института святого Дионисия в Париже. Автор книг «Спор о Софии» (1936), «Очерк мистического богословия Восточной Церкви» (1944), «Апофатическое богословие и познание Бога в учении Мейстера Экхарта» (1960, издана посмертно).

⁵ Анастасий (Грибановский; 1873–1965), епископ Русской православной церкви за рубежом (РПЦЗ). В 1938 г. написал приветственное письмо А. Гитлеру. В 1942 г. одобрил действия немецких войск в СССР.

⁶ Иоанн Шанхайский (Максимович; 1896–1966), епископ Русской православной церкви за рубежом (РПЦЗ). В 1920 гг. переехал в Югославию. С 1934 г. епископ Шанхайский. Позднее жил в США и Франции.

⁷ Константин (Зайцев; 1887–1975), архимандрит, богослов, литератор. В начале 1910-х гг. окончил экономическое отделение Санкт-Петербургского политехнического института (как и П.Н. Савицкий, ученик П.Б. Струве) и юридический факультет Санкт-Петербургского университета. После революции переехал в Прагу, преподавал на Русском юридическом факультете, где также учился и преподавал П.Н. Савицкий. В 1935–1936 гг. ректор Харбинского педагогического института. Позднее переехал в США, где в 1949 г. был пострижен в монахи. В 1949–1975 гг. редактор журнала «Православная Русь».

⁸ Туринцев Александр Александрович (1896–1984), протоиерей, литератор. С 1919 г. в эмиграции, жил в Варшаве, Праге и Париже. Выпускник Русского юридического факультета. Участник «Скита поэтов». С 1949 г. священник.

⁹ Никон (Рклицкий; 1892–1976), архиепископ Русской православной церкви за рубежом (РПЦЗ). С 1920 г. в эмиграции, жил в Югославии, окончил юридический факультет Белградского университета. В 1940 г. принял монашество, с 1941 г. иеромонах. В 1942–1945 гг. полковой священник Русского корпуса вермахта в Белграде. В 1945 г. переехал вместе с руководством РПЦЗ в Германию. С 1946 г. жил в США. С 1948 г. епископ Флоридский, с 1959 г. архиепископ.

¹⁰ См. примеч. 9 к письму № 6.

¹¹ Святополк-Мирский Дмитрий Петрович (1890–1939), литературовед. В 1920-е гг. был близок к евразийству. После кламарского раскола 1928–1929 гг. примкнул к левым евразийцам. Жил в Лондоне. В 1931 г. вступил в Коммунистическую партию Великобритании. В 1932 г. благодаря помощи М. Горького вернулся в СССР. Арестован, осужден, умер в лагере.

¹² Святополк-Мирская (Похитонова) Софья Петровна (1887–1978), старшая сестра Д.П. Святополк-Мирского, княжна, фрейлина. После окончания Второй мировой войны вернулась в СССР.

Копии писем П.Н. Савицкого к Н.Н. Алексееву

1

Письмо моему другу Николаю Николаевичу А<лексееву>
(7 сентября 1957 г.)

Из Ваших новейших работ знаю — и то лишь по аннотации — только «Идею государства» (412 стр.)¹. Правильно ли указание аннотации, что Вы касаетесь в ней только Европы? — Поразительная по интересу тема: история идеи государства в России. Я наблюдал эту идею воочию — на нынешнем этапе ее развития. Полагаю, что современной русской идеи — по силе ее и яркости — нет равной в мире. — Берет за сердце Ваша повесть о всем пережитом Вами за годы нашей разлуки. Также я пережил немало. — Думаю, что за годы 1945–1956² я увидел во Отечестве *в тысячу раз больше*, чем я мог бы увидеть, оставаясь в Праге. Но виденье это куплено немалой ценою. — Моя вера в Россию и моя любовь к ней укрепились и углубились в степени необычайной. И теперь во многом вера и любовь эта оснащены *конкретным значением*. — Помните ли Вы, как в 1936–1937 гг. я «слушал землю» и слышал, что *есть кому защищаться?* — История, как мне кажется, показала, что так оно и было. — В течение одиннадцати лет я видел русских ребят лицом к лицу. Крепкий и стойкий народ. — Думаю, что и крепости, и стойкости этой нет равных в мире. — Я — пламеннейший патриот моего Отечества (среди всего здешнего «западнобесия»). Но и в патриотизме этом я диалектик. — В изгнании получал «Журнал Московской Патриархии». В нем я прочел полный (как там было сказано) текст Вашей речи на праздновании юбилея (не ошибаюсь ли я в имени?) о. Иоанна Сокаля³. — Тогда Вам казалось, что Вы не видите достаточно ясно Отечества. — И мне хотелось от всей души Вам крикнуть буквально «из глубины», из «мрачных пропастей земли»: «живет и восходит»! — Россия — страна электронная. Возможности ее практически безграничны. — По твердому убеждению моему, наступает *русская* эпоха всемирной истории. Запад трепыхается со своей водородной бомбой. За наступление этой русской эпохи должны бороться русские люди.

Православный народ русский никогда не пойдет по этому пути — как не пошел он по пути Флорентийской унии 1437 г., как не подчинился он Брестской унии 1596 г. (и теперь ликвидировал последние ее отголоски) и многим другим попыткам его олатынить. Дух Марка Эфесского да будет с нами!⁴

Приписка.

Здесь «униональное богословие» облеклось в форму «булгаковства». Прилагаю копию моего письма об о. Сергии Булгакове парижскому другу. Оно было написано задолго до того, как «униональное богословие» вышло на поверхность в «Журнале Московской Патриархии»...

Православие — это ясная как солнце истина.

«Униональные» ухищрения <Сергия> Булгакова, <Василия> Родзянко⁵, <Анатолия> Ведерникова⁶ — это попытки затмить свет этой Истины. Не затмят, конечно!

Но *бесконечно* тяжело видеть, что «Журнал <Московской Патриархии>» и «Вестник» предоставляют свои страницы для подобного рода ухищрений...

Как можно допустить (это по поводу взглядов В. Родзянко), что наши великие и образованнейшие отцы и святители первых десяти-одиннадцати веков христианства могли заблудиться буквально среди трех сосен, что они не поняли и не могли разъяснить смысла простейших слов и что нужен был Родзянко в XX веке, чтобы наконец все это разъяснить! И все эти ухищрения плетутся перед лицом прозрачного как безоблачное небо символа <веры?>!

И к тому же попытка явную *ересь* признать не ересью.

T-SAV-V/80 (1).

¹ Алексеев Н.Н. Идея государства. Нью-Йорк, 1955 (см. переизд.: СПб., 2001).

² Годы, проведенные Савицким в СССР.

³ Иннокентий (Сокаль; 1883–1965), епископ. Выпускник Киевской духовной академии. С 1912 г. священник. В 1919–1921 гг. в командировке в Палестине, затем жил в Сербии, присоединился к Русской Зарубежной Церкви, преподавал в Сремски-Карловацкой духовной семинарии, с 1931 г. служил в Троицкой церкви в Белграде. В 1944 г. перешел в юрисдикцию Московского патриархата, благочинный русских приходов в Югославии. В 1950 г. вернулся в СССР. В апреле 1959 г. принял монашество, с мая 1959 г. епископ Смоленский и Дорогобужский.

⁴ На Ферраро-Флорентийском соборе Марк Эфесский (1392–1444) выступил против унии Православной и Католической церквей, что в соответствии с принципом *liberum veto* (несогласие одного отменяет действительность общего решения) должно было влечь за собой ее непринятие.

⁵ Василий (Родзянко; 1915–1999), епископ. С родителями эмигрировал в Болгарию, затем жил в Сербии, окончил богословский факультет Белградского университета. С 1941 г. священник. В 1949 г. арестован югославскими властями, в 1951 г. выслан из Югославии, поселился в Англии, настоятель храма Сербского патриархата в Лондоне. В 1979 г. принял монашество, переехал в США. В 1980 г. епископ Вашингтонский, в 1980–1984 гг. епископ Сан-Францисский и Калифорнийский.

⁶ Ведерников Анатолий Васильевич (1901–1992), священник, церковный публицист, секретарь «Журнала Московской Патриархии».

2

П<етр> Н<иколаевич> С<авицкий> — Николаю Николаевичу А<лексееву>
(1957)

Страстно хочу получить Ваш труд «Мир и душа. Философские размышления о материи и духе на основе диалектического реализма» (Женева, 1955). Ведь я же Ваш первый и давний, сочувственный, ни в чем не изменившийся и ничего не утрачившийся читатель. Сколь много раз думал я об этой Вашей работе за истекшие 15 лет. Я горю желанием поскорее с ней познакомиться!

Дорогой Николай Николаевич! Я помыслить не могу, чтобы книги, выпущенные по-русски за границей, были «пропащей вещью». — Возьму скромнейший пример. За истекший год я опубликовал здесь по-русски несколько статей по экономической географии. И хотя статейки весьма скромненькие, *я получил на них отклики со всех концов мира*. Отдельные оттиски уже дальше разошлись до последнего экземпляра.

Дорогой Николай Николаевич! Мне кажется, Вы упускаете из виду, что русский язык сейчас — не провинциальный язык, но язык с планетарным полетом. И по крепкому, выношенному и выстраданному убеждению моему, эта его планетарная роль будет усиливаться с каждым десятилетием. — Вот возьмем Ваш «Мир и душу». Помимо всего прочего, это Ваше слово, обращенное по-русски к наступающим *русским* векам всемирной истории.

Не сомневайтесь ни минуты: такое обращение гораздо важнее и плодотворнее (в историческом смысле), чем издание французской, немецкой или любой иной романо-германской книжонки.

А о России и говорить нечего. Сейчас туда приходит *все научное*. И все изданное *по-русски*, хотя бы и вдали, воспринимается как свое и с особой живостью реагирования. Я знаю это из широкого опыта. А все напечатанное по-немецки, по-французски и т. д. — это чужое. Его не читают.

Исключение составляет единственно кружок снобов в Москве и Л<енин>граде (по преимуществу, еврейского происхождения) — действительно не освободившихся от «западнобесия».

Но будем надеяться, что и они исцелятся.

Я не против лекторы¹ на романо-германских языках, но *творить* нужно по-русски.

Очень интересуюсь и Вашими воспоминаниями (очень! очень!). Не сомневаюсь, что они *будут* напечатаны, и притом именно по-русски.

T-SAV-V/80 (2).

¹ Подразумевается: лекций.

Петр Николаевич — Николаю Николаевичу (конец 1957 г.)

Мысли Вашего письма от 22 ноября <1957 г.> мне бесконечно близки. Совершенно согласен с Вами во всех конкретных случаях определения «фактов-пророчеств» и «фактов-отголосков». Но в общем плане я говорил бы о *предвидении*, не *угадывании*. — В частности, вместе с Вами я готов истолковать наш XVIII век как «век пророческий». Один Радищев чего в этом отношении стоит! — Согласен и с Вашей мыслью о *неизбывном сочетании* «подъемных» и «прогибных» признаков¹. Но при микроанализе, для относительно *небольших* периодов времени, удастся установить *огромное преобладание* в одних случаях «подъемных», в других — «прогибных» признаков.

T-SAV-V/80 (4).

¹ Упоминание о «подъемах» и «прогибах» развивает довоенные идеи Савицкого о циклах развития русской культуры, государства и экономики. См.: *Савицкий П.Н.* «Подъем» и «депрессия» в древнерусской истории // *Евразийская хроника*. Берлин, 1935. Вып. XI. С. 65–100.

Н<иколаю> Н<иколаевичу> А<лексее>ву
при посылке ему копий писем Л<ьва> Н<иколаевича> Г<умилева> (1958)

Должен сознаться: образ Л<ьва> Н<иколаевича>, как он рисуется по его письмам, почти идеально отвечает образу русского кочевниковеда, как он пре<по?>дносился мне в 1928 г., в эпоху написания «Задач кочевниковедения»¹. — Теперь я радуюсь сердечно, что Л<ев> Н<иколаевич> «научился читать по-древнетюркски» и его открытиям по этой части. Я в свое время должен был научиться по-древнетюркски, но не успел это сделать за всеми своими историософскими, географическими, экономическими, историческими и пр<очими> занятиями. Тем ярче моя радость, что Л<ев> Н<иколаевич> овладел теперь этим языком. — Пусть же теперь он сделает в этой области все, что в ней можно сделать! — Никто, пожалуй, в истории не был так научно подкован для разрешения задач кочевниковедения, как подкован в настоящее время Л<ев> Н<иколаевич>. — Я не во всем согласен с мыслями статьи Н.С. Трубецкого, написанной в свое время для нашей <Евразийской> «Хроники» и ныне напечатанной в «Вопросах языкознания». Я надеюсь написать Вам об этом подробнее. Но я хотел, чтобы Н<иколай> С<ергеевич> <Трубецкой> дал авторскую русскую формулировку своих мыслей. И это осуществилось.

T-SAV-5/80 (5).

¹ См.: *Савицкий П.Н.* О задачах кочевниковедения. Прага, 1928.

Мое письмо Н<иколаю> Н<иколаеви>чу А<лексееву>¹

Здесь довольно много киевлян. Я говорил с ними об А.В. Зеньковском. Все они единогласно утверждают, что в довоенные (перед 1-й мировой войной) годы А.В. Зеньковский Киева не покидал и, следовательно, никак не мог быть *личным секретарем* П.А. Столыпина. Есть все основания думать, что утверждение это — чистый блеф. А вся история публикации книги А.В. Зеньковского, в связи с «потребностями настоящего момента» (!!!), предельно типична для нравов эмиграции, в осудительном смысле этого слова.

Несколько комментариев к проклятиям, расточаемым К.О. Зайцевым (а ныне — страшно сказать — архимандритом Константином). По официальным данным (Ежегодник Большой советской энциклопедии, 1957, с. 98), число приходов Русской православной церкви в СССР «свыше 20 тысяч». Число верующих должно исчисляться примерно ста миллионами человек. Вот против кого расточает свои «проклятия» этот выродок рода человеческого. Добавлю от себя: раньше я не представлял даже, что может быть такая целостность и глубина веры, какую я воочию наблюдал в эти годы в России.

Когда я прочел Ваши строки о бывшем издателе «Царского вестника», мне не нужно было наводить справки. Я помню это имя. Это Николай Павлович Рклицкий, черниговец родом (в пансионате его бабки в Чернигове прошла первые шаги учебы моя покойная мать; это были 1870-е годы). Еще на моих глазах, в конце 1920-х годов, Рклицкий впал в крайние формы душевного извращения.

Я и не знал, что сестра Д.П. Святополк-Мирского Ольга Петровна около Вас. Когда я писал Вам о нем, я и не подозревал, что это так. Из моих писаний Вы могли усмотреть, насколько близко к сердцу я принял судьбу Дм<итрия> П<етрови>ча. Я неустанно искал людей, бывших около Дм<итрия> П<етрови>ча в последние годы его жизни. И нашел двух: 1) одного мужичка-гуляка из бывшей вотчины Бобринских — Богородицка. Судя по всему, он был в большой дружбе с Дм<итрием> П<етрови>чем и помогал ему в бытовом отношении. Мужичок этот вместе со всеми другими выслушал в исключительных условиях сорок пять лекций Дм<итрия> П<етрови>ча о Пушкине, причем Д.П. все говорил на память (ни одной книги у него под рукой не было), 2) вторым был доцент Л<енин>градского у<ниверсите>та по кафедре истории западных литератур В.С. Буняев². К нему после кончины Дм<итрия> П<етрови>ча (по показанию Буняева, в апреле 1941 г.³) перешла рукопись последней, написанной в исключительных условиях работы Дм<итрия> П<етрови>ча «Русская поэзия от Пушкина до Фета». О ней я уже писал Вам.

Вот какое случилось «событие». Начну издаека. — Последний раз в жизни я видался с Н.С. Трубецким в 1937 г. Незадолго перед тем он напечатал очень интересную статью в «Евразийской» «Хронике», XII. Я упрекал его за то, что собственные филологические работы он печатает по-немецки (эта его неметчина очень сидела у меня в печенках, как сидит и сейчас). Н.С. «Трубецкой» внял моим

доводам и обещал очередную свою лингвистическую работу написать по-русски и прислать ее для «Хроники», XIII. Это свое обещание он и выполнил в декабре 1937 г., прислав мне рукопись: «Мысли об индоевропейской проблеме». — Из-за нагрянувших событий «Хронику», XIII не удалось осуществить. Но я свято берег — через все эти 20 лет — автограф статьи Н<иколая> С<ергееви>ча, писанный его характерным четким почерком. Теперь эту рукопись удалось продвинуть в Москву, и она напечатана в журнале «Вопросы языкознания», 1958, I, с. 65–77 (в отделе «Из истории языкознания»). — Таким образом, список русских работ Н<иколая> С<ергееви>ча обогатился еще одной работой, при этом наиболее поздней по времени из всех вообще его работ.

От души желаю Вам здоровья, бодрости и больших творческих достижений!

T-SAV-V/80 (10).

¹ Предположительно, написано в 1958 г.

² Буняев Василий Семенович (1908–1991), филолог. Выпускник Курского педагогического института. Во время обучения в аспирантуре Ленинградского университета арестован, репрессирован. Его знакомство с Д.П. Святополк-Мирским состоялось, скорее всего, во время принудительных работ на Дальстрое, у Магадана.

³ Общепринятой датой смерти Д.П. Святополк-Мирского считается 6 июня 1939 г.

6

Мое письмо Н.Н. Алексееву (1958)

Вы рассказали мне печальную историю с Вашей статьей в «Советском государстве и праве». — В ответ расскажу Вам историю и о себе. — За «дискуссионным» и «нетрадиционным» трудно следить не только из Женевы. — Летом 1955 г. я находился в доме отдыха в Мордовии. Послал я оттуда в редакцию журнала «Новый мир» написанный мною в конце 1940-х гг. цикл стихов о Югославии. В нем обобщены впечатления от моих поездок по Югославии — от востока до запада — в начале 1930-х годов.

Из редакции (зав<едующая> отделом стихов Дмитриева) я получил в ответ горячие (и хорошо сформулированные) похвалы моим стихам — и в то же время пожелание, чтобы отразил в них огромное положительное значение лично Тито.

Я не поклонник Тито. Считаю его по меньшей мере двоедушным¹. Стихов, идущих против моей совести, я не писал и не пишу.

Мой цикл так и не был напечатан в «Новом мире».

Не знаю, читаете ли Вы регулярно «Правду». Я читаю (непрерывно с 1929 г.). Если Вы просмотрите ее номера за первую половину текущего мая, то думаю, вся эта история приобретет для Вас особое звучание.

Дорогой друг, не смущайтесь! Вашим «Воспоминаниям» присуще *огромное* историческое значение. Сужу об этом по известному мне XVII тому «Архива русской революции» («Архив» этот имеет сейчас немалое обращение в России).

Более того: я надеюсь, что Вы напишите главу или главы и об ЕА периоде Вашей жизни. Печатать «ЕА» главы Ваших воспоминаний было бы сейчас еще преждевременно, но написать их нужно *обязательно*.

Мысль моя идет и дальше.

Очень интересно все то, что Вы пишете о своей ранней молодости! Вашего революционного прошлого я до сих пор не знал. Вы рассказывали мне (и нам) кое-что только о Ясной Поляне.

Вы жалуетесь на отсутствие «доминанты» в Вашей жизни. И тут же ее находите. К Вашим формулировкам по этому поводу я прибавил бы еще одну черту.

Я не сомневаюсь, что с течением времени все более уяснялось для Вас *всемирно-историческое* значение тех *особых* путей России, о которых Вы пишете, их определяющее значение для всего человечества.

Что касается меня лично, то я уверен, что мироводительство в нашу и грядущую эпоху Господь Бог вручил России.

И думаю, что в этой уверенности мы с Вами не разоидемся.

Это именно то, что сближало и объединяло нас начиная с 1926 г.²

Конечно, мы все еще *на заре* русской эпохи всемирной истории. Но заря разгорается.

Мне в жизни неоднократно приходилось (и приходится) идти атакой на *западнобесов* буквально в одиночку (увы, они и тут окопались — иногда в самых неожиданных местах!).

И я знал и знаю, что только одна женщина во всем мире меня в этом поддержала и поддержит. И зовется женщина эта — Историей.

Эти слова я хотел бы применить и к Вашим «Воспоминаниям».

Да, весьма вероятно, что Ваши «Воспоминания» не понравятся ни «левым», ни «правым».

Пройти и через «левое», и через «правое» — и прийти к своему — ведь это и есть ЕА путь.

И понравится он только единственной, всё той же взыскательной женщине!

Смею думать, что путь к ЕА и ЕА путь и есть «доминанта» Вашей жизни.

В конверте Вашего письма статьи об «ощущении природы» я, к сожалению, не нашел.

В истекшие годы (1945–1956) в лесах Подмосковья, наряду с многими *другими*, я пережил незабываемые поэтические моменты. Я уже писал Вам, что у меня десятки и десятки друзей — колхозников и рабочих, русских и мордвы и представителей других ЕА народов. И я смело скажу, что в России в миллионах и в десятках миллионов сердец «ощущение природы» живее, чем когда бы то ни было.

Подробнее же по этому вопросу я смогу высказаться лишь тогда, когда перечту Вашу статью. Видали ли Вы недавно вышедший сборник «Судебные речи известных русских юристов» (П.А. Александров, С.А. Андреевский, Н.П. Карачевский, Ф.Н. Плевако, В.Д. Спасович, А.И. Урусов и др.) вместе с их биографиями, 2-е изд. Госюриздат 1957, 900 стр. Сборник небезынтересен.

¹ Тито Броз Иосип (Broz Tito; 1892–1980), государственный деятель. Глава коммунистической Югославии, которая в первой половине 1950-х гг. дистанцировалась от СССР и получала помощь от США и иных западных стран. После прихода к власти Н.С. Хрущева отношения с режимом Тито начали сглаживаться.

² Год присоединения Алексеева к евразийству.

7

Из моего письма Н<иколаю> Н<иколаевичу> А<лексееву>
(февраль 1959 г.)

Ваше письмо от 12 января — интереснейшее письмо. Оно произвело большое впечатление не только на меня, но и на всех, кто его читал. Но в ряде пунктов я с Вами не согласен.

Развитие техники за последние два столетия нам кажется быстрым. Думаю, что в этом впечатлении есть и зерно «объективной истины». Но едва ли не все повороты в истории человечества происходили в порядке «моментальной мутации», и современникам их развитие и тогда казалось быстрым. Хочу вдуматься в психологию человека мезолита, на переходе к неолиту — тут сразу и «изобретение» шлифовки камня, и начало земледелия (взамен поиска семян и корней), и введение в культуру одного растения за другим (например — как много культурных растений было уже у жителей швейцарских свайных построек!), и быстрая эволюция орудий и начало животноводства — в целом ряде его отраслей, и начало керамики, и усовершенствование жилища. Тоже впечатление должно было быть исключительным.

Перед лицом безграничной вселенной — наши достижения не больше тех.

Или вдумайтесь в психологию египтянина начала египетской эры («додинастического» Египта или Египта первых династий): возникновение письменности — и тем самым истории, в нашем смысле слова, возникновение архитектуры (пирамиды!), первых, но уже обширных, математических и астрономических знаний, настоящей скульптуры и т. д. Тоже разительные перемены — побольше электрической лампочки. А потом, действительно, не то 30, не то 40 веков более или менее на одном месте. Только появление коня и боевых колесниц было большим делом. Их привезли с собой гикс<ос>ы в 18 в. до н. э.

Таких периодов «мутаций» было немало. Каждая из них не похожа на предыдущую. Так и в нашем случае.

Социальный же строй Запада — в отличие от техники — прямо-таки *поразительно консервативен*.

Ну чем, скажите мне, Франция <Шарля> де Голля¹ отличается, в социальном отношении, от Франции, скажем, Генриха IV². Те же дворяне, весьма влиятельные, сидящие в фобургах³ Сен-Жермен и Сен-Оноре, те же предприниматели (о них Сюлли⁴ заботился не менее, чем заботится де Голль), те же крестьяне-собственники, с их допотопными навыками. Нет слова «серф» <крепостной крестьянин>, зато больше пролетариата в городах.

Еще пример: США (тогда «Новая Англия») в 17-м веке и сейчас. *Количественная* разница большая, *качественной*, в социальном отношении, — почти никакой. Те же собственники повсюду, те же фермеры, те же «работные люди» — и в положении негров разница не очень велика.

Вы скажете, что и тут придет «мутация». Но, во-первых, это вопрос будущего, которое в точности мы не в силах предвидеть, и, во-вторых, факт неподвижности социальных отношений в течение ряда столетий, во всяком случае, налицо.

Если в технической области сила традиции (накопление знаний и приемов) ускоряет революцию, то в социальной области сила традиции скорее *замедляет* ее.

Это мысль нашего Никушки⁵, высказанная именно по поводу нашего письма.

Нет, дорогой друг, пока существует наша Земля и человек на ней, история, в определенных своих чертах, остается историей, как бы ни протекало техническое развитие. При *любых* условиях технического развития будет и мироводительство. Ибо организационная идея, эйдос, не может осуществляться без организатора. Следовательно, и перспектива наступления «русской эпохи всемирной истории» есть вполне реальная перспектива. Это уж я говорю, ибо наш Никушка такими вопросами не занимается.

Было бы смешно сопоставлять конкретное содержание русской эпохи с таким же содержанием «греческой», «римской» и т. д. эпох. Совершенно очевидно, что техника, экономика, культура и, главное, *социальные отношения* будут здесь совершенно иными. К тому же: уже с 1919 г. я не устаю подчеркивать, что «греческая», «эллинистическая», «римская» эпохи были географически *провинциальными*, они не выходили за пределы *западной части Старого Света*. Русская же эпоха, судя по всему, будет действительно *всемирной*⁶, охватит *всю* нашу планету и даже выйдет, быть может, за ее пределы (все прочие пропорции и ничтожество нашей планеты перед лицом безграничной вселенной я представляю себе с полной ясностью).

Среди моих собеседников 1945–1956 гг. было немало «концемирников», людей, которые ждали и ждут светопреставления буквально со дня на день. Я говорил им, что христианское сознание допускает возможность конца света в *любой момент*. Со времени написания Апокалипсиса сменилось приблизительно 66 поколений. В каждом из этих поколений были люди, которые *остро* ожидали светопреставления именно при жизни своего поколения и видели признаки его приближения. Но шестьдесят шесть поколений миновало, а светопреставления не произошло. — Это не значит, что оно не произойдет при жизни нашего поколения. Но невозможно утверждать и обратное, т. е. что оно произойдет *именно* при нем. — Атомная и водородная бомбы тут принципиально положения не меняют. Ибо у Господа и без них достаточно средств вызвать конец нашей планеты. Ведь речь может идти не только о конце жизни на Земле; но также о том, что вся планета вспыхнет «сверхновой» звездой на небе других, неизвестных нам планет. Не исключено, что сверхновые звезды, которые мы наблюдаем, суть именно свидетельства об удавшихся опытах по расщеплению атома. Самое большое, что нам дают в этих вопросах атомная и водородная бомба, это некоторые дополнительные сведения о возможной «технологии» конца света.

«Но страшен сон, да милостив Бог»⁷. Я сторонник того *оптимистического* решения, возможность которого допускаете и Вы. Вы не знаете, кто сможет осуществить это оптимистическое решение. Смею сказать, я это знаю. Но тут я всячески хотел бы придерживаться *диалектических* формул. Тем более что их диалектику я испытал, между прочим, и на своих боках.

Оптимистическое решение есть русская эпоха всемирной истории. И уверяю Вас (как уверял и в конце 1930-х годов): *есть* силы для осуществления этого решения.

Однозначного в истории не было и *не будет* — при любой технике история останется равной себе. Поэтому и «оптимистический вариант земной истории» отнюдь не будет лишен диалектических моментов.

И все же единственный путь для нас, для каждого в *своих* условиях и в *особых* формах, быть сторонниками этого оптимистического решения и посильными за него борцами.

Это, мой дорогой друг, основное и главное. Теперь подробности.

Приводимая Вами хронология — отнюдь не единственная возможная. Тут у каждого автора — своя хронология. Есть археологи, которые дают довольно связную историю человечества на протяжении 500–400 тысяч лет. Но колебания тут велики. Сколько-либо «твердая» хронология возможна лишь для последних 6–8 тысяч лет человеческой истории. Я совершенно уверен, что «сотворение мира» по Моисею (5508 г. до н. э.) — это и есть начало письменности и «настоящей» истории. И тут Моисей довольно-таки точен. Видимо, у него в руках были хорошие вавилонские и египетские источники.

Дорогой друг! Как поборник русской эпохи всемирной истории, как человек, вот уже треть века гордящийся своим единомыслием с Вами, я очень огорчен тем, что в своем кратком обзоре событий всеобщей истории Вы не упомянули ни одного факта нашей отечественной истории. Вы знаете, я не очень-то мирволю Петру I. Но, конечно, Петр в общей рамке истории нашей планеты бесконечно значительнее упомянутого Вами Людовика XIV. И поверьте, Октябрьская революция — фактор побольше даже машин Уатта и лампочки Эдисона. Тут я оставлю в стороне все оценочные критерии. Говоря только о *физическом* объеме явления, о его воздействии на человечество.

И еще о Уатте и Эдисоне. Их Вы упоминаете, а об русских их предшественниках — Ползунове и Лодыгине — умалчиваете. Я не хочу повторять «в обратном направлении» западнической односторонности — и вполне признаю заслуги Уатта и Эдисона. Но неопровержимые документы неопровержимо доказывают приоритет Ползунова и Лодыгина. К тому же Эдисон заведомо *знал* лампочку Лодыгина (первую в мире лампочку накаливания!) и только *усовершенствовал* ее. Если хотеть учитывать не только техническую мысль как таковую, но и коммерческий успех начинания, то можно говорить о машине Ползунова — Уатта, о лампочке Лодыгина — Эдисона. Но забывать Ползунова и Лодыгина вовсе — нам, русским, казалось бы, не к лицу. Так делали «западnobесы» периода императорской России, но не нам идти по их стопам.

Все это не лишено значения в плане «подготовки» русской эпохи всемирной истории.

Теперь об Александре Македонском.

Он наделал ужасных дел на Востоке. Стоит почитать хотя бы только у Б.А. Тураева о том, что Александр разрушил и уничтожил на территории собственно Персии⁸. У Александра <была,> видимо, прямая враждебность к незнакомой ему культуре, чего, напр<имер>, не было у Чингис-хана.

И все же: Александр, несомненно, начал новую эпоху в истории Передней Азии и небольших примыкающих к ней частей Европы. Эту эпоху Дройзен⁹ назвал «эллинистической». О ее проявлениях говорят и «Деяния Апостолов», 9, 29.

Я интересуюсь Александром, слежу за литературой о нем. Но я не могу не сознавать, что по сравнению, напр<имер>, с тем же Чингис-ханом, с такими его полководцами, как Джебе или Субутай, Александр — глубокий провинциал. Александр — принадлежность истории «западной части Старого Света». Кочевники и их вожди — принадлежность истории *всего* Старого Света.

Все ли в духовной истории Севера пришло с Запада и Юга, как это любят утверждать западники всех мастей и категорий. Нет, мой дорогой друг, не все! Возьмем наиболее близкий нам пример: русское православие. Нет сомнения в том, что догматика и литургия пришли на Русь с юга. Но уже в русском календаре (напр<имер>, русское празднование Пасхи), в житиях русских святых, в русском старчестве (несмотря на *молдавский* опыт Паисия Величковского¹⁰) — не чувствуете ли Вы и не видите ли Вы собственно русских, местных, «почвенных» элементов? И, напр<имер>, в 16–17 вв. в такой религиозно существенной области, как иконописание, уже не православный Восток влиял на Русь, но, наоборот, Русь влияла на православный Восток. Об этом есть множество документов.

Изменив подлежащее изменению, то же можно сказать и о культурах Сибири.

Теперь о Волынском¹¹.

Конечно, Артемий Петрович был человеком крепостнической эпохи. Даже он в одиночку не мог превратить свою эпоху в чисто капиталистическую и тем менее в социалистическую эпоху. К тому же его «Инструкция» — чисто утилитарный документ, действительно, указания приказчику. По части паспортов для крестьян Волынский повторяет указы Петра. Но посмотрите, сколько передовых для своего, отчасти же интересных и для нашего времени, мыслей и наблюдений он вкладывает в этот чисто деловой документ: 1) «когда тягло вспашет на меня две десятины в поле, то надобно, чтоб собственной ему земли было на всякое тягло против того вдвое» (цитирую по коллективному труду: «История русской экономической мысли», АН СССР, т. 1, ч. 1, М., 1955, стр. 381). Ведется наблюдение за тем, чтобы эта «собственная» земля крестьянина была им вспахана и засеяна. Простой арифметический расчет показывает, что эта норма отвечает *двум дням барищины в неделю*. Для того времени это не слишком эксплуататорская норма. Было бы, в условиях того времени, великой победой разума и гуманности, если бы она тогда же была превращена в закон, 2) во избежание разорения бедных крестьянских семей Волынский перераспределяет подушную подать на тягла как реальные экономические единицы. Вполне рациональное и даже гуманное мероприятие. Оно обнаруживает в Волынском хорошего финансиста, 3) Волынский раздавал своих телят, ягнят, поросят, цыплят для воспитания и выращивания «деловым бабам».

Минимальный приплод — помещику. Весь «излишек приплода» — воспитательнице («деловой бабе»). Очень остроумное мероприятие по созданию личной материальной заинтересованности в развитии животноводства у «деловых баб» — не лишенное поучительности и для нашего времени, о чем свидетельствую на основе самовиденья, 4) Волинский — прекрасный знаток сельского хозяйства. В его «Инструкции» — целый ряд указаний, направленных на то, чтобы крестьяне умножали производство хлеба, расширяли пашню, покупали хорошие семена для замены плохих (это зовется теперь «сортовые» семена), вовремя производили сев и уборку, не пропуская удобного времени. Все это — настоящая политическая экономия (хотя бы и прикладная) и настоящая агротехника, а не что-либо другое. Речь идет о хозяйствах крестьян. 5) Волинский приказывает завести *опытные* участки (по десятине каждый) — в частности, для изучения влияния на урожай разных норм густоты высева (на каждой делянке — особая норма) и разных видов удобрений (навоза и удобрений «лядинного» типа — сжигание хвороста на пашне). Волинский — один из инициаторов русского сельскохозяйственного опытного дела, 6) Весьма поучительны его указания о постановке сельскохозяйственного учета. В числе другого он предписывает проводить в январе ежегодную с<ельско>х<озяйственную> перепись. «Опросная карточка» Волинского не очень отличается от современной. — Волинский заботился о размножении числа грамотных. Он был энтузиастом прудового рыбоводства, садоводства, пчеловодства (стр. 382–383). Инструкция писана в 1724 г., но многое по части организации сельского хозяйства звучит в ней вполне по-современному.

Нет, дорогой друг, что ни говорите, а Волинский был достоин войти в состав нашей Академии наук уже в 1725–1726 гг. Если бы ему дали развернуться в общегосударственном масштабе, у нас была бы сельскохозяйственная опытная сеть уже во 2-й четверти 18 века. Вместо этого Академию заполнили немцами, часто бездарными и наглými.

Назову здесь еще одно имя, против которого, я думаю, и Вы не будете возражать, — имя Ивана Тихоновича Посошкова¹². Это был экономист раннекапиталистической эпохи, с удивительной широтой горизонта. Он мог бы украсить любую академию наук. Лучшего организатора «экономического» собрания Академии нельзя себе и представить. Вместо этого правительство Екатерины I сгноило его в Петропавловской крепости.

Нет, велики преступления против России императорского режима.

T-SAV-V/80 (7).

¹ Президент Франции в 1959–1969 гг.

² Король Франции в 1589–1610 гг.

³ От фр. *faubourg* — предместье.

⁴ Максимилиен де Бетюн (*de Béthune*), или герцог Сюлли (*Sully*; 1560–1641), был главой правительства при Генрихе IV. Известен своим покровительством сельскому хозяйству и торговле. Его отношение к промышленности было более сдержанным. Считается одним из вдохновителей физиократов.

⁵ Савицкий Николай Петрович (род. в 1935), филолог, старший сын П.Н. Савицкого.

⁶ Переход от проблемы уникальности России-Евразии к ее мировому значению в поздних трудах евразийцев подчеркивает А.Г. Гачева (см.: [Гачева 2005]).

⁷ Русская пословица.

⁸ См., например: Тураев Б.А. История Древнего Востока. Т. 2. М., 1935.

⁹ Дройзен Иоганн Густав (Droysen; 1808–1884), немецкий историк. С 1835 г. профессор Берлинского университета. Автор трехтомного труда «История эллинизма» (1836–1843). Известен тем, что ввел в научный обиход сам термин «эллинизм».

¹⁰ Паисий Величковский (1722–1794), религиозный деятель, «отец русского старчества», апологет исихазма и «умной молитвы», переводчик с греческого трудов Георгия Паламы, Исаака Сирина и др. Многие годы провел в Молдавии и Валахии.

¹¹ См. о нем примеч. 10 к письму № 4.

¹² Посошков Иван Тимофеевич (1652–1726), экономист, автор «Книги о скудости и богатстве» (1724). Из евразийцев идеями Посошкова также интересовался философ В.Н. Ильин (см.: [Ильин 1925]).

8

Мое письмо Н.Н. Алексееву о его «Воспоминаниях»
(«Новый журнал», кн. 53, 54 и 55),
его труде «Формы мышления и атомная революция»,
а также по вопросам русской истории 18 века (июль 1959)

Мало сказать, что Ваши «воспоминания» впечатлили меня; они взволновали меня и захватили. — Их пронизывает желание выразить и описать все именно так, как «оно было». Описываемая Вами «эпоха» русской истории встает перед читателем во всей ее конкретности — в преломлении <?> дум «ордена русской интеллигенции». — Ваши страницы и строки породили во мне целую «бурю» мыслей, замечаний, дополнений (хотя бы и непрошенных), а иногда и возражений. Вываливаю перед Вами все это волнение души моей без всякой систематичности, просто в порядке страниц Вашего текста.

1) кн. 53, стр. 173, внизу: о «трех выветрившихся и ничего не говоривших ни уму, ни сердцу понятиях»¹. — Коли брать народ как целое, то Ваша формула и сейчас не подходит. Что это обстоит так с православием и народностью — этого я ожидал. Прочее было для меня неожиданностью. Оказывается, историческая память в народе сильнее, чем я думал. — И тут у Вас в Вашем тексте — на с. 177–178 — о Евгении Николаевиче Трубецком². Я знал его лично, много с ним говорил. В его жизни православие никогда не было *выветрившимся* понятием. Не было им и в тот момент, о котором Вы пишете. — В книге 54, стр. 150 вверху: мне кажется необоснованным утверждение, что в Павле Ивановиче Новгородцеве «религиозность пробудилась... в конце жизни, в эмиграции». В годы 1923–1924 я был в большой дружбе с П<авлом> И<ванови>чем. И он лично говорил мне, что к православию он пришел еще до революции, в ходе своих поисков «общественного идеала»³. Уже тогда он понял, что его «общественный идеал» и дан в православии (в его философской сущности). Также к ЕА Павел Иванович подошел «не на

краю могилы»⁴. Вся серия его ЕА выступлений была сделана им еще в расцвете здоровья и сил. В дальнейшем, как Вы помните, тогдашние русские «западники» и неистовые «антибольшевики» (П.Б. Струве, Д.Д. Grimm и др.) объявили Павла Ивановича «большевиком» и стали его травить. Устранили с важнейших должностей (на которых П.И. <Новгородцев> был поистине незаменим), не оставляли нападка. Увы, оказалось, что П.И. <Новгородцев> мало приспособлен к перенесению такой ситуации. Тут-то и было роковым образом подорвано его здоровье. А ему не было и 60 лет.

2) кн. 53, стр. 175–176. Очень интересно для меня то, что пишете о Димитрии Яковлевиче Самоквасове⁵. Он мой отдаленный «дядя» по одной из женских линий. Хутор Самоквасовых под Новгород-Северском (на Десне), к югу от него, верстах в 10 от усадьбы Савицких («Савищины»). С других хуторов и окрестностей Новгород-Северска происходят: 1) педагог К.Д. Ушинский — звезда 1-й величины в русской педагогике, 2) экономист середины 19 в. А.П. Заблоцкий-Десятовский, выдающийся знаток крестьянского вопроса, сподвижник Павла Дмитриевича Киселева⁶, а также его, Заблоцкого, брата — крупный статистик и крупный хирург, 3) писатель Пантелеймон А. Кулиш, талантливый человек с очень сложной и «пестрой» судьбой — и многие, многие другие, вплоть до нашего почтеннейшего Владимира Андреевича Косинского⁷ («хутор Косинских»). — Почти все они прошли через новгород-северскую гимназию, крупнейший (с начала 19 в.) центр просвещения. — В 1916 г. хутор Самоквасовых уже лежал в развалинах. Летом этого года я поехал верхом, в одиночку, его осматривать. От зданий оставались только фундаменты. Вокруг стоял одичавший фруктовый сад, все это в речной долинке (приток Десны) редкой красоты. Димитрия Яковлевича я видел в жизни всего один раз — еще мальчиком. Он был очень «важный» родственник. Я никак не думал, что мой важный московский дядюшка сохранил до конца жизни «новгород-северское» произношение. Ведь «университэт», «факултэт» — это новгород-северский говор (конечно, в Москве, неуместный). Я прямо-таки не поверил бы тому, что Димитрий Яковлевич так говорил, но Вы — свидетель непреложный. — Научные заслуги Д<митрия> Я<ковлеви>ча огромны. Его раскопки в Чернигове («Черная могила» — тезоименитая городу) — до сих пор не превзойденный источник по ранней истории Руси. В некоторых отношениях Дм<итрий> Як<овлевич> — прямой предшественник ЕА воззрений.

3) кн. 54, стр. 151 — о С.А. Котляревском⁸: в 1910-х — 1920-х годах у нас с ним был дружеский контакт на почве ЕА воззрений. Будь он в других условиях — он стал бы, я думаю, выдающимся ЕА автором.

4) там же, стр. 156, внизу: «Мало кто в наше время интересуется предметом, который читал нам наш канонист Суворов⁹». — Действительно, в формальном отношении каноническое право сейчас на поверхности только в двух духовных академиях (Загорск и Л<енин>град) и в шести семинариях (обе столицы, Ставрополь, Саратов, Одесса, Жировицы в Белоруссии). Но зато какой горячий интерес к каноническим вопросам в среде народа! Какие страстные споры о том, где истинная церковная власть и каковы канонические основания ее истинности.

И слышал все это своими ушами. Дорогой Николай Николаевич: действительность диалектична!

5) там же, стр. 162 — о Б.П. Вышеславцеве¹⁰. В 1920-х — 30-х годах Борис Петрович был во многом близок к ЕА воззрениям. Я помню, как восторженно он приветствовал «Формулировку 1927 года». В 1943 г. мы дружески встретились с ним в Праге. И сразу же вслед за тем разошлись: я считал и считаю участие в нацистском «Антикоминтерне» (и его нынешних продолжениях) самым антирусским делом, какое можно себе представить.

А Борис Петрович принял в нем участие. Думаю, что это резчайшее наше с ним расхождение продолжалось, в той или иной форме, до самой его смерти. Но и сейчас ценю и чту общий моральный облик Бориса Петровича; он выразился в том, что уже в период резчайшего нашего расхождения Б<орис> П<етрович> оказал мне большую жизненную услугу.

6) Очень интересна вся «толстовская» часть Ваших воспоминаний (кн. 55). Конечно, о Толстом, о жизни в хамовническом доме Толстых, о Ясной Поляне есть чудовищная по размерам литература. Сказать здесь что-либо безусловно новое очень и очень трудно. Но Ваш рассказ весьма удачно оттеняет основные факты. Великолепно сожаление Л<ьва> Н<иколаевича> о том, что он не сидел в тюрьме (ощущение, в полной мере оставшееся в силе и теперь): «У нас в России все порядочные люди сидели, а я не сидел, нехорошо». Прекрасен в этом аскете и вегетарианце и вегетарианский восторг по поводу убитого Вами русака — «фунтов на девять». В лад с этим восторгом и его «компетентное руководство» Вами в карточной игре. Хорошо и все прочее. — Тут у меня нет печатного текста, цитирую по рукописи.

7) стр. 3, вверху — о Сергее Александровиче Рачинском¹¹. Он известен не столько как ученый-агроном, сколько как своеобразный «народный педагог», косвенный вдохновитель победоносцевских церковно-приходских школ. В своей татевской школе (Татеево — имение Рачинских с прекрасным старинным домом, унаследованным ими от Потемкиных) Сергей Александрович, человек тончайшей культуры, достигал многого. Он создал и кадр учеников. Почти все картины художника Богданова-Бельского писаны на мотивы татевской школы¹². Но без Рачинского такое дело идти не могло. В энциклопедии Брокгауза и Ефрона (1-е издание, том XXVI, СПб., 1899, стр. 390–391) большая, но совершенно полемическая (и с передержками) статья о Рачинском — сравнительно редкий пример полемики в энциклопедии. Статья без подписи.

8) там же, посередине — об ударе на словах: **мама, папа, мама, папа** — в старорусских дворянских семьях. Мой покойный друг Николай Сергеевич Трубецкой, хорошо знавший московское дворянство, делил его по этому признаку на две группы: 1) мелкое и среднее дворянство «русского» духа — ударение на первом слоге; 2) аристократия космополитического духа — ударение на последнем слоге. Вы показываете, что семья Толстых «по ударению» принадлежала ко второй группе.

9) стр. 7 — о судьбе Сергея Львовича Толстого. Будучи в России, я следил за судьбой семьи Толстых. Около 1948 г. (не позже 1949 г.) в ряде советских газет

появились заметки о его кончине и краткие некрологи (я просматривал тогда до двадцати газет в день — роскошь, здесь для меня совершенно недостижимая). С того времени я запомнил год его рождения: 1863. Некрологи характеризовали его как «композитора». У Вас он «нигде не служил, вечно сидел в своем кабинете и наигрывал что-то на рояле» (стр. 4, внизу). Быть может, в советский период он сделал по этой части что-либо более толковое?¹³

10) стр. 9, вверху — В.Г. Черткова. Знаете ли Вы, что Ваши воспоминания можно замечательным образом иллюстрировать? В 1958 г. в Москве в издательстве «Советский художник» вышла толстенная (500 стр. малой четверки, сотни воспроизведений, среди них много цветных, цена 74 рубля) книга А. Михайлова: Михайлов Васильевич Нестеров. Жизнь и творчество¹⁴. — В книге этой дано целых два портрета Черткова кисти Нестерова (стр. 95 и 588) — оба как по Вашему описанию сделанные: «Статный, высокий, с орлиным носом и высоким лбом, над которым художественно зачесанные назад волосы». Первый портрет 1890 года, второй 1935 года. Между ними — 45 лет. Но Ваше описание подходит к обоим. Тут же (стр. 219) портрет Душана Маковицкого¹⁵ 1907 г., т. е. по времени очень близкий Вашему рассказу, и портрет Льва Николаевича того же года (стр. 217). В лице Ивана Александровича Ильина (кн. 54, стр. 163) Вы увидели (и я с Вами согласен) печать «сурового, религиозно-жесткого и безотрадного кальвинизма»¹⁶. — По-моему, эту печать передал и Нестеров в своем портрете И.А. Ильина 1921–1922 г. (стр. 231). Тут же — прекрасный двойной портрет П.А. Флоренского и С.Н. Булгакова 1917 г. (стр. 273), чрезвычайно схожий и величественный портрет моего незабвенного собеседника владыки Антония Храповицкого¹⁷ (стр. 176), портрет наших евразиек 1920-х годов Наталии Григорьевны Яшвилль (стр. 197) и Татьяны Николаевны Родзянко¹⁸ (стр. 163). Думаю, Вам будет интересно поглядеть эту книгу, и надеюсь, что невежество снова не прострется так далеко, чтобы оставить свои библиотеки без этой книги.

11) стр. 16–17: Вы не совсем правы в том, что «толстовство... в России... в настоящее время почти что забыто». Толстовцы есть, они активны и делают «новоприобретения» даже в среде советских писателей. Я проводил в среде толстовцев 1917–1918 <годы> и затем снова 1955 год. Толстовец — мой большой друг чудесный, в лаптях, гомельский мужичок, ни одного дня не бывший ни в какой школе и все же философ, друг Чертковых Онуфрий Евдокимович Леонков. Я был с ним в большой дружбе и в больших спорах (в основном по церковным вопросам). Он переписывался тогда (это было в 1947–48 г.) с Анной Константиновной Чертковой, вдовой Владимира Григорьевича (она была жива), получал от нее известия о своем любимом Диме (Дима был то в Москве, то в Ленинграде). Вот Вам — хотя и кратчайшее — известие об одном герое Вашего рассказа (стр. 13 о Диме: «Не знаю, что с ним стало после революции 1917 г.»). Видимо, по-своему, он выплыл <?>. — В книге Михайлова о Нестерове (см. выше) на стр. 92 и 94 два прекрасных портрета А.К. Чертковой 1890 г. на дистанции 57 лет от времени моего рассказа. — О чем же еще с таким жаром и ежедневно и спорил с другом Чертковых и моим Онуфрием Евдокимовичем? О.Е. — человек святой жизни, неподкупной нравственности и в то же время рьяный сторонник «непротивле-

ния злу силой». Он напал на патриарха (перед тем — митрополита) Сергия Страгородского за то, что тот в первый же после нападения Гитлера и немцев на Россию призвал русский народ встать на защиту Отечества¹⁹. И затем ежедневно и ежечасно повторял этот призыв. — Призывы Патриарха сыграли свою роль в обеспечении русской победы в Великой Отечественной войне. — Вы можете себе представить, что было бы, если бы русский народ в этот момент послушался советов толстовцев. Русский народ, во всем его целом, был бы истреблен немцами, как скот на бойне или как клопы с помощью газа. А вслед за ним были бы истреблены и все прочие славянские народы. — Я спорил пламенно и, смею думать, в спорах с Онуфрием Евдокимовичем оставался победителем. — Хороший человек Онуфрий Евдокимович, но слава богу, что толстовцев на Руси было и есть совсем мало. Тут меня не убеждают ни Ваши ссылки на Ганди (стр. 16, внизу) — Индия в совсем другом положении, чем мы, — ни предположение (стр. 17), что своевременное распространение толстовства «могло бы сделать революционный процесс менее кровавым и мстительным». — Нам, русским, предстоит в перспективе нескольких поколений истребить зло на нашей планете (поскольку это возможно в земных условиях). Такой задачи с помощью «непротivления злу силою» не решить.

Благодарю Вас и за присылку статьи С. Левицкого «Н.Н. Страхов» (Новый журнал, кн. 54)²⁰. Кто он — этот С. Левицкий?²¹ Я вспоминаю человека с этой фамилией по Софии (Болгария). Но тот писал «темно и вяло», а этот пишет хорошо. В статье много ценных и даже ценнейших данных. Не понравилось мне только нытье: «Страхов был человеком и мыслителем крупного масштаба, который был бы по справедливости оценен, случись ему жить и действовать в другой стране» (стр. 164). Страхов вошел в историю русской мысли, а в дальнейшем его роль будет выяснена и еще подробней. Собеседники, корреспонденты и оппоненты у него были такие (Достоевский, Вл. Соловьев, Толстой, Розанов), что дай Бог всякому. В частности, Страхов повлиял и на развитие раннего ЕА. Тогда и я прочитал его «Борьбу с Западом в нашей литературе». В ней много проникновенных мыслей, но меня огорчала их разбросанность. — На стр. 166 неприятная опечатка. Наш гениальный ученый, сыгравший значительную роль и в жизни Стрaхова, — Николай Яковлевич Данилевский, назван тут Н.П. Данилевским. — К.А. Тимирязев брал на себя называть Н<иколая> Я<ковлеви>ча «дилетантом». Но он сам дилетант по сравнению с Николаем Яковлевичем. В частности, работы Н.Я. Данилевского по распространению и биологии рыб России — огромные, основоположные работы совершенно непреходящей ценности. — А все же, дорогой Николай Николаевич, как бы велико ни было озлобление на Западе (в Западной Германии неистовство особенно велико), русская эпоха всемирной истории — хотя и медленно — наступает. — Первые главы «России и Европы» Н.Я. Данилевского показывают, что при царях нападки на Россию на Западе были не менее ожесточенны, чем при коммунистах. Это довольно поучительный вывод. Не могу все-таки не отметить совершенно исключительную западническую ослепленность Левицкого, прямо-таки невидение им реального мира. Он указывает (вместе с Вл. Соловьевым) «на необоснованность многих славянофильских претензий, особенно на претензию исключительного из-

бранничества русского народа» (стр. 175). Скажу так: если ты контрик, можешь ненавидеть и проклинать это избранничество. Но отрицать его как факт — невозможно: из всех народов мира единственно русский народ ставит своей задачей в корне преобразовать мир — сделать последних первыми и первых последними.

Перехожу к присланной Вами мне заключительной главке Вашего труда «Формы мышления и атомная революция». — Это увлекательный очерк философской стороны современной ядерной физики. Очень хорошо и ярко истолковали философские взгляды западных атомников. Убедительно показана непреходящность основных философских категорий. — Хочу только подчеркнуть, что мирозерцательные взгляды русских ядерных физиков, по моему убеждению, отнюдь нельзя сводить к одному лишь тезису: «Религия есть опиум для народа» (стр. 6, вверху). — Положение можно, мне кажется, описать в следующих чертах: русские атомники целиком сосредоточились сейчас на своей чисто научной и научно-технической работе. Ее результат налицо. В отличие от западных физиков они не публикуют ни философских статей, ни философских трактатов. — Но это отнюдь не означает, что их мысль не работает творчески также над философскими вопросами. Их философские труды будут опубликованы в следующем или последующем поколении. А пока мы можем любоваться их делами: первый и второй искусственный спутники Земли (октябрь–ноябрь 1957), первая искусственная планета Солнечной системы (январь 1959). Понимаю ограниченность и этих дел по отношению к масштабам Вселенной. И все же скажу: не было и нет в истории человечества более яркого обнаружения истинности древнего слова о том, что человек есть «образ и подобие божье», нежели эти дела. — Я читаю книги и статьи по ядерной физике; и должен сказать — читаю их как трактаты по богословию в делах и цифрах.

Перехожу к рецензии М. Фридиева на Вашу работу о русском абсолютизме 18 века. Эта рецензия исключительно содержательна. Она служит славе Вашего имени, и это искренне меня радует. — Пользуясь случаем, чтобы поделиться с Вами некоторыми своими мыслями о русском 18 веке. — Мне кажется, что, сопоставляя Россию с Западом, нужно говорить о *преобладании* обязанностей над правами в юридической природе русских сословий²². Ибо права тоже были — и среди них такое странное право, как право дворян владеть крепостными. Русские люди середины 20 века в состоянии полностью оценить значение и такого права, как право купцов торговать и заводить промыслы (в широком смысле этого слова). Это последнее право фактически распространилось и на крестьян, как о том свидетельствует вся история русских «крестьянских промыслов». — Положение крепостных, безусловно, приближалось к рабскому (стр. 2 рецензии, посередине). Нет достаточно сильных слов, чтобы описать ужасы, которые из этого проистекали. — Все же нельзя, мне кажется, упускать из виду факторы, которые придавали этому рабству несколько особый оттенок: 1) существование резко выраженного национального единства. И крепостные, и помещики были русскими православными людьми. Это обязывало не только крепостных, но и помещика. А если помещик забывал об этих своих обязанностях, то очень часто его убивали (а иногда только пороли — тому есть примеры). Дела об убийстве помещиков — большая

категория дел. И каждый помещик, не потерявший головы, помнил, что эта категория дел существует, и даже весьма существует. Русский народ никогда не был «непротивленцем» (потому и толстовство не пошло). И в отличие от поляков, руку помещикам не целовал, 2) существование мощной национальной армии. Крепостные были в ней солдатами (впрочем, могли и выслужиться), помещики — офицерами. Они вместе шли на смерть за Родину. Это создавало психологическую обстановку в отношениях, не вполне отвечающую понятию рабства. — Мне кажется, что во «вставке», внизу, Фридиев слишком сгущает вопрос о влияниях. «О, народ, к славе и величию рожденный», — восклицает Радищев²³, обращаясь к русскому народу. Этой мыслью пронизаны все его работы. Вычитать ее у французских материалистов он не мог.

Приписка²⁴. В Пруссии до самого Бисмарка брак дворянина с недворянкой при любых условиях признавался незаконным сожителем. У нас брак дворянина с крепостной всегда считался столь же законным, как и любой другой брак — скажем, князя с княжной. — В прусской армии традиционной была «палочная» дисциплина. Ее «вершина» — Фридрих II. Ни один сколько-либо крупный русский полководец не признавал палочной дисциплины. — Два разных мира, два различных круга представлений. Мы все должны всеми силами отстаивать нашу самобытность. Глубоко самобытный и не колеблющийся уклад мыслей и дел нашего народа — нам порукою в том, что усилия приведут к результату.

T-SAV-V/80 (8).

¹ Речь идет о знаменитой уваровской триаде «Православие. Самодержавие. Народность».

² Трубецкой Евгений Николаевич (1863–1920), философ, теоретик права. Дядя Н.С. Трубецкого.

³ Речь идет прежде всего об идеях, высказанных П.И. Новгородцевым в труде «Об общественном идеале» (1917), но в более ранних работах, например во «Введении в философию права: Кризис современного правосознания» (1909), эта тема также затрагивалась.

⁴ Обсуждается следующий фрагмент: «В эту... <пореволюционную> эпоху он, будучи убежденным западником, неожиданно почувствовал всю особенность судьбы нашей родины и, уже стоя на краю могилы, обнаружил сочувствие только что возникшему тогда евразийству, что ему многие до сих пор не могут простить» (Алексеев Н.Н. В бурные годы // Новый журнал. 1958. № 54. С. 150).

⁵ Самоквасов Дмитрий Яковлевич (1843–1911), русский археолог, историк, реорганизатор государственных архивов.

⁶ Киселев Павел Дмитриевич (1788–1872), русский государственный деятель, военачальник. В 1837–1856 гг. министр государственных имуществ. Член секретного комитета по крестьянскому вопросу, активный противник сохранения крепостной зависимости крестьян.

⁷ Косинский Владимир Андреевич (1864–1938), русско-украинский общественный деятель, специалист в области политической экономии. С 1921 г. в эмиграции, преподавал в Польше и Латвии.

⁸ Котляревский Сергей Андреевич (1873–1939), русский историк, юрист. После революции остался в советской России, занимался вопросами государственного права. Расстрелян в 1939 г.

⁹ Суворов Николай Семенович (1848–1909), правовед, автор классической работы «Учебник церковного права» (1908), выдержавшей множество переизданий.

¹⁰ Обсуждается следующий фрагмент: «Ненависть эта <к большевикам> толкнула Вышеславцева на необдуманный шаг сближения с нацистским “Антикоминтерном”, а Ильина превратила в деятельного члена и идеолога Лиги Обера — противосоветской организации, основанной в Женеве после убийства советского дипломата Воровского бывшим русским офицером Конради и существовавшей на средства, собираемые женевским адвокатом Обером. Вступление в нее Ильина вполне соответствовало его характеру — он с молодых лет погружен был в политику; тогда как только излишняя эмоциональность заставила Вышеславцева, которому политика была стихией совершенно чуждой, свернуть со своего жизненного пути. Я говорю это как друг, которому больно было смотреть на слепую озлобленность этого доброго человека и философа, потерявшего в данном случае дар спокойно и мудро взирать на развивающуюся перед нашими глазами мировую историческую трагедию» (Алексеев Н.Н. В бурные годы // Новый журнал. 1958. № 54. С. 162).

¹¹ Рачинский Сергей Александрович (1833–1902), русский педагог, общественный деятель. Характеристика, данная ему П.Н. Савицким, в целом верна.

¹² См., например, картину Н.П. Богданова-Бельского «Устный счет. В народной школе С.А. Рачинского» (1895).

¹³ Толстой Сергей Львович (1863–1947), композитор, музыкальный этнограф, поклонник индийской культуры. Автор романсов. Профессор Московской консерватории.

¹⁴ Михайлов А. М.В. Нестеров. Жизнь и творчество. М., 1958.

¹⁵ Маковицкий Душан (Makovický; 1866–1921), словацкий врач, писатель, сподвижник Л.Н. Толстого. Автор «Яснополянских записок» (1904–1910).

¹⁶ П.Н. Савицкий прокомментировал следующий фрагмент: «После Октябрьской революции оба мои современника стали “религиозными философами”, но, на мой взгляд, мой друг Вышеславцев до последних, тяжелых дней своей жизни был христианским эпикурейцем, а в христианстве Ильина было нечто от сурового, религиозно-жестокого и безотрадного кальвинизма. Недаром он своей фигурой и своим лицом был похож на статуи тех кальвинистов, памятники которым стоят в Женеве в саду против университета» (Алексеев Н.Н. В бурные годы // Новый журнал. 1958. № 54. С. 163).

¹⁷ Антоний (Храповицкий; 1863–1936), митрополит, богослов. С 1920 г. в эмиграции, председатель Высшего церковного управления за границей. В 1922–1936 гг. первоиерарх Русской православной церкви за рубежом (РПЦЗ). Часто упоминался в евразийской переписке.

¹⁸ Яшвиль Наталия Григорьевна (урожд. Филипсон; 1861–1939), художник, иконописец, общественный деятель. Жила в Праге, участвовала в жизни кружка Н.П. Кондакова. Родзянко Татьяна Николаевна (1892–1933), дочь Н.Г. Яшвиль, художник, график.

¹⁹ 22 июня 1941 г. патриарший местоблюститель митрополит Сергей (Страгородский; 1867–1944) обратился к народам СССР с призывом защитить родину от «фашистских разбойников».

²⁰ Левицкий С.А. Н.Н. Страхов: (Очерк его философского пути) // Новый журнал. 1958. № 54. С. 164–185.

²¹ Левицкий Сергей Александрович (1908–1983), русский философ, публицист. После революции эмигрировал, учился и жил в Праге, в 1950 г. переехал в США. Испытал философское влияние Н.О. Лосского, Вл. С. Соловьева и др. Автор книг «Трагедия свободы» (1958), «Очерки истории русской философской и общественной мысли» (1968) и др.

²² В этом замечании Савицкий развивает идеи Н.Н. Алексеева, изложенные в его статьях «Обязанность и право» (1928), «О гарантийном государстве» (1937) и др. В этих работах Алексеев формулирует идею «правообязанности» как единства прав и обязанностей субъектов, присущего именно России-Евразии. При этом взгляды Н.Н. Алексеева на ста-

тус сословий в России сформировались под влиянием В.О. Ключевского (см.: [Ключевский 1918]).

²³ Цитата из знаменитой книги А.Н. Радищева «Путешествие из Петербурга в Москву» (1790).

²⁴ Слово «Приписка» принадлежит П.Н. Савицкому, который так отметил фрагмент своего письма.

9

Мой отзыв по поводу работы Н.Н. Алексеева
«Природа и человек в философских воззрениях русской литературы»
(«Грани», № 42, 1960)¹

С *огромным* интересом я перечел в печатном тексте «Природу и человека». Я сказал Вам свое мнение, еще читал эту статью в рукописи: статья эта вовсе не статья о *прошлом*; это в высокой степени *актуальная* статья. И даже *больше* статья о будущем, чем о прошлом.

Я сказал бы так: из всех известных мне народов нашей планеты русские суть наиболее *космический* народ; и в то же время народ с наибольшей волей к переделке, к перестройке космоса, т. е. той природной среды, которая доступна их воздействию.

Мне было бы очень дорого, если бы Вы перечли страницы о «месторазвитии» в моей брошюре «Россия — особый географический мир» (стр. 28–33). Там есть даже слово «власть земли», поставленное Вами в заглавие главки. От установок Л.Н. Толстого и Глеба Успенского² (у Вас стр. 189–191) понятие «месторазвития» отличается более *активным* характером. В нем выражена не только «власть земли», но и *власть человека над землею* — а теперь (1960), по-видимому, уже не только над землею.

Дело не в одном лишь земледельческом быте (у Вас стр. 190, посередине). *Космичный* характер русского народа заложен глубже; он полностью сохраняется и при *промышленном* быте. Именно в силу своей *космичности* русский первым из народов Земли созревает в народ *космический*, в народ космонавтов, в народ «кочевников вселенной» — конечно, в тех пределах, которые вообще доступны человеку.

Без разрешения вопросов, поставленных в Вашей статье, невозможно объяснить тех Грунь и тех Нью, тех Василиев и тех Мишек, в густой среде которых я провел недавно одиннадцать лет...

Я отнюдь не отождествляюсь, конечно, с вывертами Розанова и крайностями Федорова. Но нужно сказать, что в земных масштабах волю к «преобразованию природы» русский народ проявляет огромную; «общее дело» делает не малое. И даже по части борьбы со смертью достиг успехов значительных: так, напр<имер>, смертность в России в расчете на год и на тысячу человек населения уменьшилось с 1913 по 1959 год в четыре с половиной раза: с 32 до 7,2 на 1000. Это не фунт изюма. И в русских условиях это не механическое следствие «повышения

жизненного уровня»; это именно *философское мероприятие*. — Далее эта борьба со смертью непременно упрется в некоторый *земной предел*, для человека уже непреодолимый. За этот земной предел уводит нас только *Воскресение Христово*. — В недостаточно глубоком понимании этого факта ошибка Н.Ф. Федорова.

Что же касается душевного, духовного, а тем самым и философского толкования того «преобразования природы», которое предпринял и ведет сейчас русский народ, — то тут еще всё течет, всё в движении, всё в становлении. И окончательное слово не сказано отнюдь.

Детальные замечания.

Решительно не согласен с концепцией Е.А. Баратынского³, — конечно, и ранее мне известной, а Вами переданной на стр. 191, посередине. Это не русская концепция, в ней, действительно, отзвук шеллингианства, немецкой узости и ограниченности. Познание природы «горнилом, весами и мерой», по глубокому убеждению моему, отнюдь не противоречит *целостному* ее пониманию — хотя бы в смысле И.В. Киреевского (у Вас — стр. 191, внизу). Наоборот, одно другим подразумевается.

В этом смысл столь дорогого моего сердцу понятия «периодической системы сущего», о котором мы с Вами беседовали еще в начале 1930-х годов. Не боюсь сказать: познание природы «числом и мерой» не отводит от *мистического* ее постижения, но, наоборот, приводит к нему. Что касается меня лично, то я одновременно энтузиаст «числа и меры» в анализе, «целостного знания природы» (в смысле И.В. Киреевского) — в синтетическом его завершении.

Очень актуальны и современны слова Глеба Успенского о «святых угодниках» (стр. 190–191). И велика во многих в народе русском воля взять святых угодников «за образец». Велико и несовершенство людское, но «образец» светит людям, как путеводная звезда.

Не могу, в общей форме, согласиться с Вашим утверждением (стр. 194, вверху), что И.С. Тургенев совершенно «не чувствовал русской религиозности». Конечно, на поверхности его мировоззрения были взгляды пошлейшие, как Вы правильно это отмечаете. Но в «нутре» было и другое. Человек, совершенно не чувствующий «русской религиозности», не мог бы написать такие вещи, как, напр<имер>, «Живые мощи». Некую *тайну* в русской душе и в русской природе Тургенев видел, и притом тайну не только «темную» (как выходит по Вашему тексту). Об этом свидетельствует и его короткое, но весьма выразительное предсмертное (1883 г.) письмо-завещание Л. Толстому⁴.

Сознаюсь, не нравится мне то общее имя, которое Вы даете рассматриваемой Вами группе русских философов: «свободные теософы» (стр. 188, посередине и повсюду). Не нравится мне оно по связи своей со специфической «теософией», которой люди эти были чужды. И.В. Киреевский, Ф.М. Достоевский (при всех грехах своих), Н.Ф. Федоров (при всех своих заблуждениях) — все это верующие православные люди. Какие же они «теософы»? Мне кажется, что гораздо лучше старое традиционное имя: «светские богословы». Даже Глеб Успенский, когда ставит русской интеллигенции в пример наших святых угодников, выступает в качестве такового. Некоторые из «светских богословов» (напр<имер>, Л.Н. Толстой)

впали в явную ересь. Но это вообще нередко случается с богословами. Вот, напр<имер>, на наших глазах о. Сергей <Булгаков> и в рясе был, а в ересь впал несомненную («софианство»). А скажем, Достоевский был лично очень грешным человеком (говорю это не в осуждение; кто из нас без греха?!), но еретиком Достоевский не был. — «Светские богословы» — гораздо лучше, чем «свободные теософы». И Вы, мой дорогой друг, тоже светский богослов, — хотя, быть может, этого и не сознаете.

А землю целовать нужно (у Вас стр. 193, внизу). И я постоянно это делал, пока был на русской земле. Русская земля меня и спасла в испытаниях. И нужно *беречь* нашу землю, что сейчас особенно актуально!

А в общем — замечательная статья, и много в ней волнующего содержания. Я вновь *переживал* Ваши мысли, ее перечитывая. И вновь нашел в ней много тем для продумывания, как Вы это отчасти видите и из этих моих строк... Это было бы хорошо развернуть ее в целую *книгу*. Материала этого рода в русской литературе, безусловно, хватит и на книгу, и притом материала *животрепещущего*.

SAV-V/80 (9).

¹ Статья с таким названием была опубликована в № 42 журнала «Грани», но не в 1960, а в 1959 г. На этот отзыв Савицкого Алексеев ответил 6 июля 1960 г.

² Успенский Глеб Иванович (1843–1902), писатель, публицист, исследователь русского крестьянства, общественный деятель. Был близко знаком с идеологами «Народной воли».

³ Алексеев подчеркивает разочарование в исключительно научном, сухом и рациональном познании природы у Е.А. Баратынского. Вслед за многими учеными он отмечал влияние идей Шеллинга на Баратынского и Ф.И. Тютчева.

⁴ «Милый и дорогой Лев Николаевич, долго я вам не писал, ибо был и есмь, говорю прямо, на смертном одре. Выздороветь я не могу, и думать об этом нечего. Пишу же я вам, собственно, чтобы сказать вам, как я был рад быть вашим современником, и чтобы выразить вам мою последнюю искреннюю просьбу. Друг мой, вернитесь к литературной деятельности! Ведь этот дар ваш оттуда, откуда всё другое. Ах, как я был бы счастлив, если бы мог подумать, что моя просьба так на вас подействует. Я же человек конченный, доктора даже не знают, как назвать мой недуг: “neuralgie stomachale gouteuse” (некая желудочная невралгия. — *Примеч. изд.*). Ни ходить, ни есть, ни спать... да что! Скучно даже повторять всё это. Друг мой, великий писатель земли русской, — внимлите моей просьбе... Дайте мне знать, если вы получите эту бумажку, и позвольте ещё раз крепко-крепко обнять вас, вашу жену, всех ваших. Не могу больше. Устал!!!» (Соловьев Е.А. И.С. Тургенев: Его жизнь и литературная деятельность. М., 2005. С. 128).

ПЕРЕПИСКА Г.А. ХОМЯКОВА С В.С. И Т.Г. ВАРШАВСКИМИ,
1962–1983 гг.

*Публикация, подготовка текста,
вступительная статья и комментарии
М.А. Васильевой, П.А. Трибунского и В. Хазана*

Два русских писателя-одногодка¹, В.С. Варшавский и Г.А. Хомяков, оказались за пределами России в разное время, с несхожим жизненным опытом. Сын обеспеченных родителей Варшавский эмигрировал в 1920 г., получил среднее и незаконченное высшее образование в Чехословакии, после чего стал студентом французского университета, но предпочитал поэтические встречи в кафе посещению лекций. Солдат французской армии Варшавский оказался в немецком лагере для военнопленных, откуда был освобожден в 1945 г. (подробнее см.: [Хазан 2004; Васильева 2010]). Сын, по всей вероятности, малообеспеченных родителей Хомяков окончил советскую школу (1926), вскоре после чего был арестован и провел ближайшие 8 лет в лагерях. Освобожденный из заключения с поражением в правах Хомяков трудился в провинции до призыва в 1941 г. в Красную армию. Попал в плен в 1942 г. и провел следующие три года в лагерях для военнопленных, после освобождения отказавшись возвращаться в СССР (подробнее см.: [Александров 2005, с. 543; Бабичева 2005, с. 47–49; «Кроме Вас, не вижу никого!» 2016, с. 518–519]). Представители двух волн эмиграции первый раз встретились в конце 1940-х гг. (см. приложение, письмо № 1), однако сведений о каких-либо контактах или переписки до 1962 г. не обнаружено. Особых побуждений к возникновению корреспонденции не было: парижанин Варшавский, чужавшийся политики, в 1951 г. переехал в США, тогда как проживавший в разных городах Германии Хомяков был вовлечен в активную политическую деятельность первоначально в рамках Народно-трудового союза, позже — в Центральном объединении политических эмигрантов из СССР. Лишь после возникновения при последнем литературного альманаха «Мосты» (1958 г., с 1959 г. Хомяков вошел в его редколлегия) контакты между двумя нашими героями могли бы быть установлены, но обзоры книг, принадлежавшие перу Варшавского, в альманах приходили не напрямую от него, а через В.И. Юрасова (см. письмо № 1), самостоятельных же текстов Варшавский ни одного не прислал. Лишь в 1962 г. инициативу установления корреспонденции между двумя писателями взял на себя Хомяков, первое из сохранившихся писем которого датировано 30 ноября 1962 г.

¹ Если относительно даты рождения В.С. Варшавского (1906 г.) сомнений нет, то точная дата рождения Г.А. Хомякова, документально подтвержденная, в распоряжении исследователей отсутствует. Однако в двух официальных документах (меморандум ЦРУ [QCASTIVE 1963–1964] и анкета на получение пенсии в США [Архив ДРЗ. Ф. Г.А. Хомякова. Необработанные материалы]), равно как и в американской базе данных смертей, основанной на официальных сведениях [FamilySearch 2017], его датой рождения назван 1906 год.

Потребность написать Варшавскому возникла сразу по двум поводам: возобновление книжных обзоров в «Мостах» и просьба Ф.А. Степуна относительно рецензии на его книгу «Встречи». То, что до 1962 г. писатели были малознакомы, косвенно подтверждает и обращение «многоуважаемый», замененное на «дорогой» лишь после личной встречи в апреле 1963 г. в Нью-Йорке.

С самого начала в переписке возникает тема подготовки и издания альманаха «Мосты», бывшая актуальной в течение 1962–1969 гг. На фоне оскудения писавших и печатавшихся эмигрантов для Хомякова было важно привлечь как можно более широкий круг авторов, которым Варшавский соответствовал, но с поправкой на крайне неспешные темпы работы. Варшавский был готов выступить в качестве рекомендателя авторов для «Мостов». Настойчивость Хомякова и заинтересованность Варшавского привели к появлению ценной статьи последнего о «Новом граде» [Варшавский 1965а], заметим, единственного его авторского текста в «Мостах». В письмах Хомякова красной нитью проходят его хлопоты по поиску средств для альманаха (оставшегося без финансирования с закрытием ЦОПЭ²), в том числе и среди иностранных источников. Немаловажной представляется информация о взаимоотношениях ЦОПЭ с издательством «Товарищество зарубежных писателей», которое также осталось без средств к существованию после прекращения финансирования ЦОПЭ. Как становится ясно из переписки, среди запланированных издательством был целый ряд книг эмигрантских писателей, выпущенных позже другими организациями.

Второй важной темой писем стала деятельность Хомякова и Варшавского на Радио Свобода (1960–70-е гг.). Их путь на одну из главных антисоветских радиостанций разнился. Варшавский был в числе первых внештатных корреспондентов (1954) нью-йоркского офиса еще Радио Освобождение (с 1959 г. — Радио Свобода). Хомяков пришел в мюнхенский офис Радио Свобода только в 1963 г., когда стало ясно, что финансирование ЦОПЭ, основного места приложения его сил, прекращается, а сама организация — ликвидируется. Была разница и в положении: Варшавский трудился внештатным корреспондентом, позже введенным в штат скриптрайтером, тогда как Хомяков изначально занял должность административную, заместителя главного редактора Русской службы Радио Свобода. Именно к Хомякову, как человеку, знавшему тайные пружины функционирования Радио Свобода, обращался Варшавский, пытаясь снять запрет с двух его передач, ходатайствуя о помощи в деле перевода его в Мюнхен. Нравы работников и начальников Радио Свобода, равно как и размышления о роли радиостанции в антисоветской пропаганде, нашли свое отражение в переписке. Судьбе было угодно, чтобы в конце концов состоялась своеобразная рокировка: Хомяков, желая отработать положенные 5 лет для получения американской пенсии [Хомяков 1982, с. 231], в 1967 г. перешел в нью-йоркский офис Радио Свобода, и позже в том же году Варшавский — в мюнхенский офис. Оба в 1972 г. с разницей в несколько месяцев ушли в отставку с Радио Свобода [«Я с Вами привык к переписке идеоло-

² Центральное объединение политических эмигрантов из СССР (ЦОПЭ) — общественно-политическая организация, объединявшая эмигрантов из СССР. Существовала в 1952–1963 гг. До 1957 г. называлось Центральное объединение послевоенных эмигрантов из СССР.

гической...» 2010, с. 344; Васильева 2010, с. 422], правда, Варшавский еще несколько лет сотрудничал с радиостанцией как внештатный обозреватель.

Третья тема публикуемых ниже писем — писательская работа Варшавского — представлена в переписке неравномерно. Нехватка времени и долгий процесс написания Варшавским своих произведений — то, что хорошо известно по другим источникам, находят подтверждение и в его письмах Хомякову. Варшавский очень скуп и лаконично сообщает о подготовке своих статей и книг. Вместе с тем письма содержат бесценную информацию о планировавшихся, но незаконченных произведениях, переводе «Незамеченного поколения» на английский язык, об откликах на посмертную публикацию книги Варшавского «Родословная большевизма».

Скорее всего, корреспонденция между Хомяковым и супругами Варшавскими сохранилась не полностью. Из переписки редактора «Мостов» с другими адресатами известно о целом ряде посланий, которые отсутствуют в нижепубликуемой подборке. Но даже в таком виде переписка погружает заинтересованного читателя в эмигрантский литературный быт 1960-х гг., когда две волны эмиграции в размышлениях и писаниях о судьбе России, в попытках сохранения русской культуры за ее пределами и ознакомления с этими опытами советского читателя соединились, пойдя на нелегкое сотрудничество с западными государственными органами и разведывательными службами.

* * *

Письма публикуются в соответствии с современными правилами орфографии и пунктуации с сохранением особенностей авторского стиля. Сокращенные и пропущенные слова восстановлены, авторские подчеркивания обозначены курсивом. Использование Варшавским строчной буквы в словах «вы», «вам», «ваш» везде заменено на традиционное вежливое «Вы», «Вам», «Ваш». Письма Варшавского и отпуски писем Хомякова за 1962–1967 гг. публикуются по оригиналам, хранящимся в фонде Хомякова в архиве Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына. Все последующие письма — из фонда Варшавского в том же архиве. Биографические справки об известных эмигрантских деятелях политики и культуры, сведения о которых могут быть без труда уточнены в специализированных справочниках, в комментариях к переписке не приводятся.

Публикаторы искренне признательны М. Байсвенгеру, О.А. Коростелеву, И.Н. Толстому, Л. Флейшману, чьи консультации немало поспособствовали подготовке настоящей публикации.

Источники и литература

Архив ДРЗ — Архив Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына
ОР ИМЛИ — Отдел рукописей Института мировой литературы им. А.М. Горького РАН

Beinecke — Beinecke Rare Book and Manuscript Library. Yale University
HIA — Hoover Institution Archives. Stanford University

- Адамович 1965 — *Адамович Г.В.* На полях «Реквиема» Анны Ахматовой // *Мосты*. 1965. № 11. С. 206–210.
- Адамович 1966 — *Адамович Г.В.* Об Александре Гингере // *Мосты*. 1966. № 12. С. 266–268.
- Адамович 1967 — *Адамович Г.В.* Комментарии. Washington, DC: Русское книжное дело в США. Victor Kamkin Inc., 1967. 209 с.
- Александров 2005 — *Александров Е.А.* Русские в Северной Америке: биографический словарь / под ред. К.М. Александрова, А.В. Терещука. Хэмден; Сан-Франциско; СПб.: Б. и., 2005. 599 с.
- Амальрик 1969 — *Амальрик А.А.* Просуществовал ли Советский Союз до 1984 года? Амстердам: Фонд им. Герцена, 1969. 71 с.
- Арсеньев 1966 — *Арсеньев Н.* Второй Ватиканский Собор // *Мосты*. 1966. № 12. С. 304–316.
- Ахматова 1963 — *Ахматова А.* Реквием. Мюнхен: Тов-во зарубежных писателей, 1963. 23 с.
- Бабичева 2005 — *Бабичева М.Е.* Писатели второй волны русской эмиграции: библиографические очерки. М.: Пашков дом, 2005. 448 с.
- Бахрах 1960 — *Бахрах А.* Письма Марины Цветаевой // *Мосты*. 1960. № 5. С. 299–318.
- Бахрах 1961 — *Бахрах А.* Письма Марины Цветаевой // *Мосты*. 1961. № 6. С. 319–346.
- Бахрах 1966 — *Бахрах А.В.* По памяти, по запискам (II)... И.А. Бунин // *Мосты*. 1966. № 12. С. 272–297.
- Булгаков 1964 — *Булгаков М.А.* Иван Васильевич; Мертвые души. Мюнхен: Тов-во зарубежных писателей, 1964. 147 с.
- Булгаков 1965 — *Булгаков М.А.* Драмы и комедии / вступ. ст. В. Каверина; примеч. К. Рудницкого. М.: Искусство, 1965. 595 с.
- Булгаков 1966 — *Булгаков М.А.* Мастер и Маргарита // Москва. 1966. № 11. С. 6–127.
- Булгаков 1967а — *Булгаков М.А.* Мастер и Маргарита // Москва. 1967. № 1. С. 56–144.
- Булгаков 1967б — *Булгаков М.А.* Мастер и Маргарита: роман / предисл. Иоанна (Шаховского), арх. Сан-Францисского. Р: УМСА-Press, 1967. 219 с.
- Варшавский 1956 — *Варшавский В.С.* Незамеченное поколение. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1956. 387. <1> с.
- Варшавский 1958 — <*Варшавский В.С.*> Заметки о книгах: беглый обзор // *Мосты*. 1958. № 1. С. 425–428.
- Варшавский 1959 — Х. <*Варшавский В.С.*> Заметки о новых книгах // *Мосты*. 1959. № 3. С. 395–412.
- Варшавский 1960а — Х. <*Варшавский В.С.*> Заметки о новых книгах // *Мосты*. 1960. № 4. С. 309–327.
- Варшавский 1960б — Х. <*Варшавский В.С.*> Заметки о новых книгах // *Мосты*. 1960. № 5. С. 321–340.
- Варшавский 1961а — Х. <*Варшавский В.С.*> Заметки о книгах и писателях // *Мосты*. 1961. № 6. С. 349–364.
- Варшавский 1961б — Х. <*Варшавский В.С.*> <Заметки о книгах и писателях> // *Мосты*. 1961. № 7. С. 381–396.
- Варшавский 1961в — Х. <*Варшавский В.С.*> <Заметки о книгах и писателях> // *Мосты*. 1961. № 8. С. 313–336.
- Варшавский 1962а — *Варшавский В.С.* Заметки о прочитанном // *Новый журнал*. 1962. № 68. С. 270–279.
- Варшавский 1962б — *Варшавский В.С.* Заметки о прочитанном: «Встречи» Федора Степуна // *Новый журнал*. 1962. № 70. С. 127–134 <Рец. на:> Степун Ф.А. Встречи: Достоевский — Л. Толстой — Бунин — Зайцев — В. Иванов — Белый — Леонов. Мюнхен: Тов-во зарубежных писателей, 1962.
- Варшавский 1965а — *Варшавский В.С.* Перечитывая «Новый град» // *Мосты*. 1965. № 11. С. 267–285.

- Варшавский 1965б — В.В. <Варшавский В.С.> Письма Пастернака к Жаклин де Пруаяр // Новый журнал. 1965. № 80. С. 75–83.
- Варшавский 1972 — Варшавский В.С. Ожидание. Р.: УМСА-Press, 1982. 303 с.
- Варшавский 1975а — Варшавский В.С. Уроки Нюрнбергского процесса // Новый журнал. 1975. № 118. С. 244–260.
- Варшавский 1975б — Варшавский В.С. Открытое общество и тоталитаризм // Новый журнал. 1975. № 120. С. 257–273.
- Варшавский 1976а — Варшавский В.С. «Чевенгур» и «Новый град» // Новый журнал. 1976. № 122. С. 193–213.
- Варшавский 1976б — Варшавский В.С. «Родословная большевизма» // Новый журнал. 1976. № 125. С. 234–250.
- Варшавский 1977 — Варшавский В.С. Родословная большевизма // Новый журнал. 1977. № 128. С. 198–223.
- Варшавский 1982 — Варшавский В.С. Родословная большевизма / предисл. А.Д. Шмемана. Р.: УМСА-Press, 1982. 208 с.
- Васильева 2010 — Васильева М.А. О Владимире Сергеевиче Варшавском: биографический очерк // Варшавский В.С. Незамеченное поколение / предисл. О.А. Коростелева; сост., коммент. О.А. Коростелева, М.А. Васильевой; подгот. текста Т.Г. Варшавской, О.А. Коростелева, М.А. Васильевой; подгот. приложения, послесл. М.А. Васильевой. М.: Дом русского зарубежья им. А. Солженицына: Русский путь, 2010. С. 405–424.
- Вейдле 1965 — Вейдле В.В. Умерщвление слова // Мосты. 1965. № 11. С. 172–197.
- Вейдле 1966 — Вейдле В.В. Похвала Венеции // Мосты. 1966. № 12. С. 131–160.
- Вейдле 1968 — Вейдле В.В. Безумная страна. Р.: УМСА-Press, 1968. 166 с.
- Вейдле 1973 — Вейдле В.В. О поэтах и поэзии. Р.: УМСА-Press, 1973. 203 с.
- Дедов 1965 — Дедов А. Советские поэты в Париже // Русские новости. 1965. 26 ноября. № 1067. С. 3.
- «Если чудо вообще возможно за границей...» 2008 — «Если чудо вообще возможно за границей...»: Эпоха 1950-х гг. в переписке русских литераторов-эмигрантов / сост., предисл. и примеч. О.А. Коростелева. М.: Библиотека-фонд «Русское зарубежье»: Русский путь, 2008. 816 с.
- Зайцев 1965 — Зайцев Б.К. Далекое. <Вашингтон>: Междунар. лит. содружество, 1965. 201 с.
- Зандер 1963 — Зандер Л. О Ф.А. Степуне и о некоторых его книгах // Мосты. 1963. № 10. С. 318–340.
- Заседание 1965 — Заседание Художественного совета — чтение «Бега» Булгаковым (в МХАТ) // Мосты. 1965. № 11. С. 388–390.
- Зеньковский 1961 — Зеньковский В., свящ. Мифология в науке (по поводу трудов Theilhard de Chardin) // Новый журнал. 1961. № 66. С. 237–246.
- Из выступлений 1965 — Из выступлений на вечере памяти М.А. Булгакова в первую годовщину смерти // Мосты. 1965. № 11. С. 395–398.
- К интеллигенции России 1967а — К интеллигенции России // Новое русское слово. 1967. 29 октября. № 19956. С. 2.
- К интеллигенции России 1967б — К интеллигенции России // Русская мысль. 1967. 2 ноября. № 2659. С. 3.
- Коряков 1958 — Коряков М. Заметки на полях романа «Доктор Живаго» // Мосты. 1958. № 2. С. 210–223.
- Коряков 1960 — Коряков М. Из дневника публициста // Мосты. 1960. № 4. С. 214–224.
- Коряков 1961а — Коряков М. Две темы: из дневника публициста // Мосты. 1961. № 6. С. 263–291.

- Коряков 1961б — *Коряков М.* По белу свету: из бразильского и американского дневников // Мосты. 1961. № 8. С. 46–69.
- «Кроме Вас, не вижу никого!» 2016 — «Кроме Вас, не вижу никого!»: Переписка С.Ю. Прегель с Г.А. Хомяковым, 1961–1972 гг. / публ., подгот. текста, вступ. ст. и коммент. П. Трибунского и В. Хазана // Ежегодник Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына, 2016 [/ отв. ред. Н.Ф. Гриценко]. М.: Дом русского зарубежья им. А. Солженицына, 2016. С. 518–580.
- Незабытые могилы 2004 — Незабытые могилы: Российское зарубежье: некрологи 1917–1999: в 6 т. / сост. В.Н. Чуваков. М., 2004. Т. 5: Н–П. 638 с.
- Немирович-Данченко 1965 — *Немирович-Данченко Вл.* Запись для театра // Мосты. 1965. № 11. С. 398–399.
- Пайпс 1982 — *Пайпс Р.* Ответ на рецензию А. Шанецкого, посвященную книге «Россия при старом режиме» / пер. В.Е. Аллоя // Память: ист. сб. (Париж). 1982. Вып. 5. 461–480.
- Паустовский 1965 — *Паустовский К.* Булгаков и театр // Мосты. 1965. № 11. С. 378–388.
- Письмо 1965 — Письмо <В.Г. Сахновского> М.А. Булгакову // Мосты. 1965. № 11. С. 399–400.
- Померанцев 1965 — *К.П.* <*Померанцев К.*> Русские поэты в Париже // Русская мысль. 1965. № 2389. 20 ноября. С. 7.
- Померанцев 1966 — *Померанцев К.* Оправдание поражения: Георгий Иванов, Владимир Смоленский, Юрий Одарченко // Мосты. 1966. № 12. С. 242–265.
- Померанцев 1984 — *Померанцев К.* Встречи с А. Твардовским и А. Сурковым // Русская мысль. 1984. 10 мая. № 3516. С. 8.
- Речь 1958 — Речь Вильяма Фолкнера, произнесенная им при получении Нобелевской премии по литературе за 1949 год / пер. с англ. М. Корякова // Мосты. 1958. № 1. С. 390–391.
- Сахаров 1968 — *Сахаров А.Д.* Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе / с прил. Всеобщей декларации прав человека. Франкфурт-на-Майне: Посев, 1968. 64 с.
- Седых 1978 — *Седых А.* Памяти Владимира Сергеевича Варшавского // Новое русское слово. 1978. 24 февраля. № 424501. С. 2.
- Стенограмма 1965 — Стенограмма речей, произнесенных на гражданской панихиде по Михаиле Афанасьевиче Булгакове // Мосты. 1965. № 11. С. 391–395.
- Степун 1962 — *Степун Ф.А.* Встречи: Достоевский — Л. Толстой — Бунин — Зайцев — В. Иванов — Белый — Леонов. Мюнхен: Тов-во зарубежных писателей, 1962. 203 с.
- Степун 1965а — *Степун Ф.А.* Андрей Белый и Рудольф Штейнер // Мосты. 1965. № 11. С. 366–368.
- Степун 1965б — *Степун Ф.А.* Россия накануне революции // Мосты. 1965. № 11. С. 253–266.
- Тэсс 1964 — *Тэсс Т.* Вот кто будет играть в их джазе // Изв. Советов депутатов трудящихся СССР: Моск. вечерний Вып. 1964. 10 сентября. № 217. С. 6.
- Франк 1965а — *Франк В.С.* Предисловие редактора // Франк С.Л. Из истории русской философской мысли конца XIX и начала XX века: Антология / под ред. и предисл. В.С. Франка. Вашингтон; Нью-Йорк: Междунар. лит. содружество, 1965. С. 3–4.
- Франк 1965б — *Франк С.Л.* Из истории русской философской мысли конца XIX и начала XX века: Антология / под ред. и предисл. В.С. Франка. Вашингтон; Нью-Йорк: Междунар. лит. содружество, 1965. 299 с.
- Хазан 2004 — *Хазан В.* Незаметный писатель «незамеченного поколения»: (О прозе В.С. Варшавского) // Вторая проза: сб. ст. / под ред. И.З. Белобровцевой, С.Н. Доценко, Г.А. Левинтона, Т.В. Цивьяна. Таллинн: Tallinna Pedagoogikailukooli Kirjastus, 2004. С. 216–245.
- Хомяков 1964 — *Андреев Г.* <*Хомяков Г.А.*> Размышления у подъезда // Новое русское слово. 1964. 9 апреля. № 18658. С. 2–3.

- Хомяков 1982 — *Хомяков Г.А.* Из того, что было... // Новый журнал. 1982. № 148. С. 221–232.
- Чижевский 1965 — *Чижевский Д.И.* О платонизме в русской поэзии // Мосты. 1965. № 11. С. 198–205.
- Шанецкий 1981 — *Шанецкий А.* Американский ученый о русском историческом процессе // Память: ист. сб. (Париж). 1981. Вып. 4. С. 415–441. <Рец. на кн.:> Пайпс Р. Россия при старом режиме / пер. с англ. В. Козловского. Кембридж, 1980.
- Шестов 1964 — *Шестов Л.* Умозрение и откровение: Религиозная философия Владимира Соловьева и другие статьи / вступ. ст. Н.А. Бердяева. Р.: YMCA-Press, 1964. 349 с.
- Шмеман 1982 — *Шмеман А.Д., свящ.* Об авторе // Варшавский В.С. Родословная большевизма / предисл. А.Д. Шмемана. Р.: YMCA-Press, 1982. С. I–III.
- «Я с Вами привык к переписке идеологической...» 2010 — «Я с Вами привык к переписке идеологической...»: Письма Г.В. Адамовича В.С. Варшавскому (1951–1972) / предисл., подгот. текста и коммент. О.А. Коростелева // Ежегодник Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына, 2010 [/ отв. ред. Н.Ф. Гриценко]. М.: Дом русского зарубежья им. А. Солженицына, 2010. С. 253–344.
- 2 Soviet Defectors 1964 — 2 Soviet Defectors Flown from Tokyo // New York Times. 1964. 17 August. № 38922. P. 2.
- 2 Soviet Musicians 1964 — 2 Soviet Musicians Ask Refuge in U.S. Embassy // New York Times. 1964. 16 August. № 38921. P. 13.
- FamilySearch 2017 — FamilySearch (электрон. ресурс): https://familysearch.org/search/record/results?count=20&query=%2Bgivenname%3A%2Bgnadaii~%20%2Bsurname%3A%2Bhomjakow~%20%2Bbirth_year%3A1906-1906~.
- La poésie russe 1965 — La poésie russe: anthologie / Reunie et publiee sous la direction de E. Triolet. P.: Seghers, 1965. 571 p. (Collection Melior).
- Proyart 1964 — *Proyart J., de.* Pasternak. <P.>: Gallimard, 1964. 319 p. (La Bibliotheque Ideale).
- QKACTIVE 1963–1964 — QKACTIVE VOL. 8 (CS FILE JAN. 1963 — DEC. 1964), document № 45 — электрон. ресурс: https://www.cia.gov/library/readingroom/docs/QKACTIVE%20%20%20VOL.%208%20%20%20%20%28CS%20FILE%20JAN.%201963-DEC.%201964%29_0045.pdf.
- Special 1964 — Special to the New York Times // New York Times. 1964. 18 August. № 38923. P. 8.
- Stepun 1964 — *Stepun F.* Mystische Weltschau: fünf Gestalten des russischen Symbolismus. München: C. Hanser, 1964. 442 S.
- Tromly 2016 — *Tromly B.* The Making of a Myth: The National Labor Alliance, Russian Émigrés, and Cold War Intelligence Activities // Journal of Cold War Studies. 2016. Vol. 18, № 1. P. 80–111.

1

*Г.А. Хомяков — В.С. Варшавскому
30 ноября 1962 г., Мюнхен*

30 ноября 1962 г.
Мюнхен

Многоуважаемый Владимир Сергеевич, Федор Августович¹ преобременен работой, посетителями, просьбами и всякой «суетой сует»² (он говорит, что ему уже «некогда жить и чувствовать»³). Правда, все это, может быть, и нужно ему, иначе он никогда не жил, и он по-прежнему очень деятельный, живой, — но и досадно, что его так «рвут на части», мешают работать. Ему уже 79⁴, и успеть всюду он не в состоянии.

Поэтому он просил меня отправить это письмо Вам; я получил его только что⁵. Не знаю, по тому ли адресу он обращается («адрес» выбрал он сам), в том смысле, что рецензия нам нужна была бы в «Новом русском слове»⁶, куда Вы, кажется, не пишете. Но если напишете, это будет очень хорошо. Книга Ф.А.⁷ почему-то в США плохо продается, что странно: в Париже мы продали уже больше 150 экз<емпляров>, а в Нью-Йорке только 50. Нужна была бы, конечно, реклама, но на нее нет денег. Между тем деньги дает только продажа в США; деньги же нужны нам исключительно для выпуска следующих книг⁸. Мы наметили выпустить Адамовича⁹, Вейдле¹⁰, но не знаю, когда удастся это сделать.

Я собирался писать Вам и по другому поводу. Мы, в «Мостах», до 8-й книги давали Ваши заметки о книгах¹¹ (по крайней мере, мне говорили, что Вы их автор, я получал их из Нью-Йорка от Рудольфа¹²) — это были очень хорошие заметки, всегда хорошо подобранные, и отдел этот заслуженно пользовался вниманием читателей. Но потом почему-то присылка их прекратилась, и я вынужден был пользоваться только обычными рецензиями о русских книгах¹³. Мои просьбы остались без ответа, и заметок этих я так и не имею. Может быть, мы могли бы договориться о них с Вами непосредственно, чтобы Вы посылали сразу сюда? Для десятой книги, к сожалению, уже поздно, но нам очень хотелось бы возобновить этот отдел в прежнем виде в последующих книгах¹⁴. И я был бы весьма признателен Вам за положительный ответ.

С искренним уважением —

Архив ДРЗ. Ф. Г.А. Хомякова. Необработанные материалы. Отпуск. Машинопись.

¹ Здесь и далее «Федор Августович», «Фед. Авг.», «Ф.А.» — Ф.А. Степун.

² Отсылка к крылатому латинскому выражению «Vanitas vanitatum et omnia vanitas» («Суета сует, все — суета!») (Екк. 1: 2).

³ Аллюзия на строку из стихотворения П.А. Вяземского «Первый снег» (1819): «И жить торопится, и чувствовать спешит».

⁴ Ошибка Г.А. Хомякова. Ф.А. Степуну на момент написания письма было 78 лет.

⁵ Упомянутое письмо Ф.А. Степуна к В.С. Варшавскому не обнаружено.

⁶ «Новое русское слово» — ежедневная (с 2009 г. — еженедельная) общественно-политическая газета, выходившая в Нью-Йорке в 1920–2010 гг. В 1910–1920 гг. издавалась под названием «Русское слово».

Рецензия В.С. Варшавского на книгу Ф.А. Степуна «Встречи» не была помещена на страницах «Нового русского слова» (см. письмо № 2).

⁷ [Степун 1962].

⁸ Речь идет об издании книг «Товариществом зарубежных писателей».

⁹ Речь идет о книге Г.В. Адамовича «Комментарии», первоначально предполагавшейся к опубликованию «Товариществом зарубежных писателей» (см. письмо № 38, примеч. 2).

¹⁰ Речь идет о книгах В.В. Вейдле «Безумная страна» и «О поэтах и поэзии», которые планировало издать «Товарищество зарубежных писателей». Обе книги вышли в «УМСА-Press» в 1968 г. и 1973 г. соответственно [Вейдле 1968; 1973].

¹¹ См.: [Варшавский 1958; 1959; 1960а; 1960б; 1961а; 1961б; Варшавский 1961в].

¹² Рудольф — псевдоним эмигранта, писателя и сотрудника Радио Свобода Владимира Ивановича Юрасова (наст. фам. Жабинский; 1914–1996).

¹³ С № 9 «Мостов» (1962) в журнале появился отдел «В мире книг», где помещались рецензии на отдельные книги.

¹⁴ Отдел «Заметки о новых книгах» не был возобновлен в «Мостах».

2

*В.С. Варшавский — Г.А. Хомякову
Декабрь 1962 — начало января 1963 г., Нью-Йорк*

Получено 14 января 1963 г. Г.Х.¹

Многоуважаемый Геннадий Андреевич, простите, что не сразу Вам ответил. Когда я получил Ваше письмо, мой отзыв на «Встречи» был не только уже написан, а даже набран. Я тогда же написал об этом Федору Августовичу². Рецензия вышла в «Новом журнале»³. Если бы я знал раньше, я предложил бы ее в «Новое русское слово», хотя лично мне кажется лучше, что она вышла в «Новом журнале», где Р.Б. Гуль напечатал ее в отделе статей.

Я спрашивал Рудольфа, почему он перестал посылать Вам мои заметки о книгах. Он сказал, что это случайная задержка: была больна переписчица. Так что пока я решил оставить это в его руках. Если же он не наладит, то тогда я сам буду посылать.

9-я книга «Мостов» очень хорошая. В ней много интересного.

Вас искренне уважающий,

В. Варшавский

Архив ДРЗ. Ф. Г.А. Хомякова. Необработанные материалы. Автограф. Датируется по содержанию.

¹ Фраза написана Г.А. Хомяковым шариковой ручкой.

² Упомянутое письмо В.С. Варшавского Ф.А. Степуну не обнаружено.

³ «Новый журнал» — общественно-политический и литературно-художественный журнал, выходящий в Нью-Йорке с 1942 г.

Упомянутую статью см.: [Варшавский 1962б].

3

Г.А. Хомяков — В.С. Варшавскому

14 января 1963 г., Мюнхен

14 января 1963 г.

Мюнхен

Многоуважаемый Владимир Сергеевич, нет, конечно, это хорошо, что Ваша статья о книге Ф.А. напечатана в «Новом журнале», это же не газетная рецензия, и в журнал она как раз подходит. Статья отличная, по-моему, она лучшая в этом номере журнала и служит его украшению. Ф.А. она тоже очень понравилась¹.

Читая ее, я подумал вот о чем: а не хотели бы Вы написать для нас статью вообще о новоградском течении?² О нем и в эмиграции-то мало кто помнит, а в России, пожалуй, не знают вообще. Содержание — кратко историю, побудительные причины, почему оно возникло, перечислить участников и — основы его, основные мысли и сам дух этого течения. По-моему, это было бы очень нужно и своевременно.

Думая об этом дальше, я предварительно предложил здесь еще вот что: выпустить небольшой сборник, посвященный «Новому граду»³. Это предложение было вполне одобрено. Можно было бы сделать вот что: дать Вашу статью (мы могли бы напечатать ее в «Мостах»⁴, а затем в сборнике), потом — ряд статей (пять, шесть) главных участников этого течения, взяв их из «Нового града». Но, признаться, я не вижу, кто, кроме Вас, мог бы подобрать эти статьи, — при этом достаточно было бы, если Вы только укажете, какие и откуда статьи, по Вашему мнению, надо было бы взять, дальнейшее мы сделали бы здесь сами (кроме того, разумеется, что Вы написали бы первую статью). Для этого, конечно, недостаточно только знать об этом течении (хотя и знающих-то не осталось), нужна еще горячая заинтересованность — она, судя по Вашей статье, как раз и есть у Вас.

Поэтому и обращаюсь к Вам с таким предложением. На мой взгляд, это была бы хорошая и нужная книга. За статью и подбор других статей будет уплачен гонорар, правда весьма небольшой, в пределах того, что мы платим в «Мостах».

Относительно отзывов о книгах — будем надеяться, что я их получу прежним путем. Если же произойдет задержка, напишу Вам.

Между прочим, меня в свое время удивила статья Зеньковского о Тейаре де Шардене⁵. Потом, правда, Владимир Васильевич Вейдле рассказал мне о Зеньковском, и я понял, почему он так написал. Вашу же статью (все это было в

«Н<овом> журнале»)⁶ прочел с удовольствием и удовлетворением: она подтвердила, что интерес наш к Тейяру оправдан.

С искренним уважением —

Архив ДРЗ. Ф. Г.А. Хомякова. Неопроботанные материалы. Отпуск. Машинопись.

¹ См.: Г.А. Хомяков — Р.Б. Гулю, 14 января 1963 г. // Beinecke. R. Gul' papers. General Collection. Box 7, folder 166.

² Новоградское течение (новоградство) — эмигрантское пореволюционное течение общественно-политической мысли, получившее свое название от журнала «Новый град». Экономический, социальный, национальный и духовный кризис, охвативший современное общество, требовал, по мнению «новоградцев», реорганизации общества на основе ценностей христианства, общества, в котором гармонично сочетались бы идеи политической свободы и социально-экономической справедливости.

³ «Новый град» — философский, религиозный и общественно-политический журнал, выходивший в Париже в 1931–1939 гг. Редакторы: И.И. Бунаков-Фондаминский, Ф.А. Степун, Г.П. Федотов. Журнал был тесным образом связан с литературно-философским объединением «Круг», участником которого являлся В.С. Варшавский.

Замысел сборника, посвященного «Новому граду», остался нереализованным (см. письмо № 17).

⁴ Упомянутая статья В.С. Варшавского была опубликована в «Мостах» (см.: [Варшавский 1965а]). «Новому граду» Варшавский посвятил главу в «Незамеченном поколении» и «Родословной большевизма» (см.: [Варшавский 1956, с. 277–310; Варшавский 1982, с. 159–204]).

⁵ [Зеньковский 1961].

Тейяр де Шарден Пьер (Teilhard de Chardin; 1881–1955) — французский католический философ, теолог, геолог, биолог, палеонтолог, антрополог, археолог.

⁶ [Варшавский 1962а].

4

*В.С. Варшавский — Г.А. Хомякову
Вторая половина января 1963 г., Нью-Йорк*

Получено 31.1.63 Г.Х.¹

Многоуважаемый Геннадий Андреевич, благодарю вас за письмо. Меня очень обрадовало, что мой отзыв о «Встречах» и Вам, и Федору Августовичу понравился. Ваша идея издать сборник, посвященный «Новому граду», меня очень увлекает. Представьте себе, я уже сам об этом думал и даже говорил с друзьями, в частности с о. Александром Шмеманом. Но это можно делать, конечно, только с одобрения и под руководством Федора Августовича. Он один из основателей «Нового града», без его предисловия задуманного Вами сборника я не могу себе представить. В Вашем письме есть фраза: «Это предложение было вполне одобрено». Правильно ли я вас понял, что это значит, что Федор Августович согласен с Вашим планом?

Что касается статьи о «Новом граде» для «Мостов», то я считаю себя *обязанным* такую статью написать. Но это очень ответственная задача, и мне не хотелось бы писать наспех, не проделав необходимой предварительной работы. А так как я могу писать только по вечерам, то это потребует известного времени.

Мне очень интересно, что говорил Вам Владимир Васильевич² об отношении покойного о. В. Зеньковского к Тейару. Кстати, очень увлекается учением Тейара о. Александр Шмеман. Я знаю, он пишет теперь статью о Тейаре³. Как Вы думаете, может, было бы хорошо попросить у него эту статью для сборника «Новый град». Ведь Тейаровы идеи — это новый шаг в развитии новоградских идей. Между прочим, в моем отзыве о «Встречах» из-за усердия корректора получился маленький курьез. Я говорил то о журнале «Новый град», то о Новом Граде в широком смысле, как об идеале, стоящем перед всем человечеством, а корректор во всех случаях поставил кавычки.

Буду «закругляться»: Ваше предложение написать статьи и принять участие в сборнике, посвященном «Новому граду», я с радостью принимаю. Мне кажется, что наступило время, когда новоградские идеи могут найти отклик не только среди нового эмигрантского поколения, но и на «той стороне». Очень рад, что Вы хотите и имеете возможность такой сборник издать.

С искренним уважением,

В. Варшавский

Архив ДРЗ. Ф. Г.А. Хомякова. Необработанные материалы. Машинопись. Подпись и вставки — автограф. Датируется по содержанию.

¹ Фраза написана Г.А. Хомяковым шариковой ручкой.

² В.В. Вейдле.

³ Отдельной статьи о П. Тейар де Шардене А.Д. Шмеман не написал.

5

*Г.А. Хомяков — В.С. Варшавскому
1 февраля 1963 г., Мюнхен*

1 февраля 1963 г.
Мюнхен

Многоуважаемый Владимир Сергеевич, очень рад, что мое предложение нашло у Вас такой отклик и Вы принимаете его. В таком случае надо уточнить некоторые детали.

Федор Августович, я бы сказал, даже с энтузиазмом отнесся к мысли об издании сборника, очень одобрил, что я предложил это Вам (тоже говорит, что Вы единственный из участников движения, кто может это сделать), и обещал свою помощь. Кроме того, сказал, что, когда будет собран весь материал, он напишет заключительную статью (он считает, что Ваша должна быть вступитель-

ной). Поэтому с его стороны помощь будет, и я всегда могу обратиться к нему за советом, консультацией, как только понадобится (изредка мне приходится обращаться к нему и в других случаях, он в совете не отказывает). Но — он в самом деле очень занят, да и стар, и я по опыту знаю, что лучше, если мы ограничимся с его стороны лишь советами и заключительной статьей. Всю работу, в частности по подбору статей, надо провести нам самим (вернее, Вам), иначе слишком затянется.

Если Вы выберете время, чтобы написать статью, скажем, в течение двух месяцев, мы дадим ее в следующем альманахе. Может быть, для сборника Вы решите дать ее несколько иначе — и для этого время есть. Нам надо было бы иметь весь материал для сборника (надо будет, очевидно, перепечатать ряд статей — это можно сделать здесь) так к середине лета, — тогда к концу года мы сборник сможем выпустить. Следовательно, надо отобрать все статьи в течение трех-четырех месяцев.

Раньше вряд ли выйдет: на очереди у нас антология русской общественной и религиозной мысли, составленная в свое время С.Л. Франком для английского издания и оставшаяся неопубликованной¹. По окончании работы с ней мы можем сдать в набор новоградский сборник. Ф.А. в таком случае может писать свою статью, когда другие будут набираться, и нас не задержит.

Статью о. Александра Шмемана, конечно, тоже можно будет дать. А не хотел бы он дать ее сначала в «Мосты»?² Я однажды встретился с ним, но он, кажется, очень занят. Если можно, скажите ему об этом при случае.

Через некоторое время, в марте или апреле, мне придется опять ехать в Нью-Йорк, для продления документов, — тогда можно будет встретиться и поговорить.

С искренним уважением —

Архив ДРЗ. Ф. Г.А. Хомякова. Необработанные материалы. Отпуск. Машинопись.

¹ Речь идет об антологии русской философии конца XIX — первой половины XX в. на английском языке, заказанной С.Л. Франку в 1947 г. М.Г. Харари (Harari; 1905–1969), одной из учредительниц лондонского издательства «Harvill Press». Подготовленная англоязычная рукопись вызвала возражения в издательстве и была отклонена. В.С. Франк видел причину отказа в помещенных антикатолических высказываниях мыслителей в антологии и нежелание отца представлять В.С. Соловьева как католика, что для католички Харари оказалось неприемлемым. Попытки напечатать англоязычную рукопись в других издательствах США и Великобритании успехом не увенчались. В 1962 г. между семьей Франк (вдовой и сыном) и Г.А. Хомяковым была достигнута договоренность о публикации русскоязычной версии антологии в издательстве ЦОПЭ, и в конце 1962 — начале 1963 г. в Мюнхен была переслана рукопись для набора. Однако известие о прекращении с 30 июня 1963 г. финансирования ЦОПЭ и издававшихся им «Мостов» заставило типографию прекратить набор антологии (март 1963 г.). В ходе поездки в США в конце 1963 г. Хомяков провел переговоры с разными лицами и учреждениями, и прежде всего с Б.А. Филипповым, относительно печатания книг, планировавшихся издательством ЦОПЭ (в том числе и антологии), однако результаты встреч оказались неутешительными (В.С. Франк — Г.А. Хомякову, 29 января, 19 марта, 15 мая 1963 г.; 5 сентября 1964 г. // Архив ДРЗ. Ф. Г.А. Хомякова. Необработанные материалы; Г.А. Хомяков — В.С. Франку,

8 января, 9 сентября 1964 г. // Там же; План издания книг Товарищества зарубежных писателей на 1963–64 год // Там же; [Франк 1965а, с. 3]). Рукопись антологии, судя по всему, была передана издательству «Международное литературное содружество» представителями одной из американских организаций, куда обращался со своим планом издания Г.А. Хомяков (см.: Г.А. Хомяков — Л.Д. Ржевскому, 8 ноября 1964 г. // Weinecke. L. Rzhevsky papers. General Collection. Box 6, folder 126). Антология увидела свет весной 1965 г. (см. письмо № 27, примеч. 4).

² Ни одна из статей о А.Д. Шмемана не была опубликована в «Мостах».

6

*В.С. Варшавский — Г.А. Хомякову
Февраль — начало марта 1963 г., Нью-Йорк*

Получено 15.3.63. Г.Х.¹

Глубокоуважаемый Геннадий Андреевич, прежде чем писать мою статью о «Новом граде», я хочу перечитать все номера. К сожалению, у меня нет «Нового града» дома, приходится читать в библиотеке, это еще больше замедляет дело. Но я обязательно хочу довести его до конца. Перечитывая «Новый град», я все больше убеждаюсь, как много было живого и ценного в этом движении, как много такого, что еще будет жить. Самое трудное, пожалуй, не написать о «Новом граде», а отобрать статьи для перепечатки, так много ценных статей.

Я говорил с о. Александром Шмеманом. Он охотно согласился, чтобы его статья о Тейаре была сперва напечатана в «Мостах». Но вопрос, когда он напишет эту статью. Он человек, совершенно раздавленный невероятной «нагрузкой»: лекции, административная работа, работа священника, преподавание, писание книг и т. д. и т. п.² Прямо удивительно, как он все это успевает. Только человек с его духовной энергией может это выдержать. Требовать от него, чтобы он написал к сроку — невозможно. Но я все-таки надеюсь.

Буду очень рад увидеть Вас в Нью-Йорке. При личной встрече будет легче все обсудить. Хорошо было бы и с о. Александром встретиться нам втроем и поговорить о «Новом граде».

Передайте от меня, пожалуйста, сердечный привет Федору Августовичу. Надеюсь, до скорого свидания.

Вам искренне преданный,

В. Варшавский

Архив ДРЗ. Ф. Г.А. Хомякова. Необработанные материалы. Автограф. Датируется по содержанию.

¹ Фраза написана Г.А. Хомяковым карандашом.

² В указанное время протоиерей А.Д. Шмеман возглавлял Свято-Владимирскую духовную семинарию (Крествуд, штат Нью-Йорк), параллельно читая лекции как профес-

сор кафедры литургического богословия, преподавал историю восточного христианства в ряде американских светских и духовных учебных заведений, вел религиозную программу на Радио Свобода, был заместителем председателя Русского студенческого христианского движения в США, писал труды, редактировал переводы собственных работ, активно печатался.

7

Г.А. Хомяков — В.С. Варшавскому

18 марта 1963 г., Мюнхен

18 марта 1963 г.

Мюнхен

Многоуважаемый Владимир Сергеевич, медлительность, о которой Вы пишете в своем последнем письме, думаю, не была бы такой большой бедой, и как-нибудь управились бы к сроку. И то, что о. Александр согласился дать статью о Тейаре — тоже хорошо. Но вот что выбивает все из колеи: некоторое время тому назад пришло сообщение, что с 30 июня финансирование ЦОПЭ прекращается. Это значит, что прекращается и вся его работа, в том числе и выпуск «Мостов»¹.

Известие об этом было совершенно неожиданным: мы только что переехали в другое помещение², затратив на это немало денег; меня уверяли, что «Мосты», за это время зарекомендовавшие себя и в Советском Союзе, при всех условиях будут выходить, — и вдруг такое сообщение, притом категорическое. Но что же, нам, как говорится, не привыкать: все под Богом ходим — и под разными учреждениями.

Сейчас положение такое: № 11 мы не успеем выпустить (часть материала у меня заказана и до закрытия сделать не удастся). Но надежды, что «Мосты» сохранятся, я не теряю. Все признают, что их надо продолжать, и обещают полное содействие в изыскании других источников финансирования. Но как все это будет, и когда, и оправдается ли надежда, все это еще неизвестно.

Поэтому у меня создалось двусмысленное положение. С одной стороны, я не хотел бы обнадеживать авторов: может, ведь и ничего не получится и «Мосты» больше выходить не будут. А с другой — я могу остаться без материала, тогда как «Мосты» можно будет выпускать дальше. И из этого «противоречия» не знаю, как выбраться. Пишу авторам, чтобы они все-таки работы не прекращали, при случае передав сделанное, например, «Новому журналу», — если «Мосты» прекратятся, — но это, конечно, остается всецело в их усмотрении. То же могу предложить и Вам.

Я сейчас хлопочу о том, чтобы «Мосты» передали нашему «Товариществу зарубежных писателей»³. Мысль эта одобряется вполне; ищу и деньги, потребные на выпуск двух номеров «Мостов» и еще трех-четырех книг в год, — и это одобря-

ется (тогда были бы средства и на новоградский сборник). Но получится ли что из этого или не получится, кто же сейчас скажет.

30-го мы выезжаем из Европы, и числа 7–8 апреля я буду в Нью-Йорке и зайду в Комитет⁴. Тогда можем условиться о встрече и поговорим более подробно.

С искренним уважением —

Архив ДРЗ. Ф. Г.А. Хомякова. Необработанные материалы. Отпуск. Машинопись.

¹ ЦОПЭ было создано при прямом участии ЦРУ, и Г.А. Хомяков был в числе тех членов организации, которые доподлинно знали об источнике финансирования ЦОПЭ (см.: [Tromly 2016, p. 86; QCASTIVE 1963–1964]).

² Издательство ЦОПЭ и редакция альманаха «Мосты» до начала 1963 г. размещались по адресу: München, Renatastrasse, 77. Новые помещения находились по адресу: München, Linprunstrasse, 11. Характеристику двух помещений Г.А. Хомяков дал в письме Л.Д. Ржевскому: «...заведение наше переехало. И близко, около Штигльмайерпляца. Так что расстались мы с барской усадьбой. Жаль, конечно, но ее хозяева продали одной организации, — и за кругленькую сумму, в целый миллион марок! Посему нам пришлось выселяться. Здесь, конечно, не то: обыкновенный дом, для квартир. Заняли ажно три этажа, по две-три квартиры в каждом. Жаловаться нельзя, для работы удобно, и дешевле, но, конечно, коленкор не тот» (Г.А. Хомяков — Л.Д. Ржевскому, 16 февраля 1963 г. // Beinecke. L. Rzhevsky papers. General Collection. Box 6, folder 126).

³ «Товарищество зарубежных писателей» (ТЗП) — эмигрантское издательство, созданное в 1959 г. Учредители: В.В. Вейдле, Б.К. Зайцев, А.А. Кашин, Л.Д. Ржевский, В.Б. Свен, Ф.А. Степун (председатель), Г.А. Хомяков. Прекратило деятельность со смертью Хомякова.

⁴ Имеется в виду Комитет Радио Свобода.

8

В.С. Варшавский — Г.А. Хомякову

Вторая половина апреля — первая половина мая 1963 г., Нью-Йорк

Дорогой Геннадий Андреевич,

как Вы закончили Ваши странствования и как Вам теперь после всех перемен живется?

Напишите мне еще раз, когда последний срок для статьи о «Новом граде». Вы мне говорили, а я все забыл. Я все уже перечитал, кроме двух первых номеров.

Совестно Вам надоедать, но Вы мне обещали рассмотреть в Мюнхене, как обстоит с возможностью для меня в Мюнхен перевестись¹. Если будет минутка, напишите. Меня здесь держат в неопределенности. Ни да, ни нет. Когда вопрос о прибавке, то «поскольку стоит вопрос о Вашем переводе в Мюнхен, то прибавки Вы получить не можете». И так вот уже три года.

В каких краях Вы будете летом? Мы с женой мечтаем поехать летом в Европу хоть на несколько недель². Не знаем, выйдет ли? Если выйдет, будем рады, если сможем где-нибудь с Вами встретиться.

Шлем (жена и я) Вам и Вашей жене³ сердечный привет и самые лучшие пожелания. Поклон Федору Августовичу и всем знакомым и друзьям.

Искренне Вам преданный

В. Варшавский

Архив ДРЗ. Ф. Г.А. Хомякова. Необработанные материалы. Автограф. Датируется по содержанию.

¹ Перипетиям перевода В.С. Варшавского из нью-йоркского офиса Радио Свобода в мюнхенский посвящены несколько публикуемых ниже писем. Варшавский был переведен в Мюнхен весной 1967 г. Супруги Варшавские прибыли в Мюнхен 8 мая 1967 г. [Васильева 2010, с. 421, примеч. 80].

² Поездка четы Варшавских в Европу летом 1963 г. не состоялась.

Жена В.С. Варшавского — Татьяна Георгиевна (урожд. Дерюгина; 1923 г.р.), переводчица.

³ Жена Г.А. Хомякова — Элли Оскаровна (урожд. Philipp; 1908–1992).

9

Г.А. Хомяков — В.С. Варшавскому

24 мая 1963 г., Мюнхен

24 мая 1963 г.

Мюнхен

Дорогой Владимир Сергеевич, странствия наши закончились, слава Богу, благополучно. По пути заезжали в Париж, там еще набегались сверх меры, устали и в конце концов с великим удовольствием вернулись домой, отдыхать. Утомительно все же скакать этак галопом не только по Европам, но еще и по Америкам.

Нет, об обещании своем я не забыл и в первые же дни по приезде говорил на станции (Рональдсу¹; Бахраху² тоже, но ему как передаточной инстанции только: сам он ничего не может, конечно) о том, что Вы хотели бы переехать на работу в Мюнхен. Я хотел, собственно, ограничиться этой информацией, не ожидая реакции, но она все-таки была. И у меня создалось впечатление (может быть, ошибочное), что, к сожалению, не в Вашу пользу. Коротко (оно и было коротко): о Вашем желании они знают, но это связано с разными сложностями, которые пока нет возможности как-то одолеть. Миссию свою, таким образом, я выполнил, — дальше, как лицу постороннему, углублять вопроса мне не приходилось, еще напортишь что-нибудь.

Относительно статьи: дела «Мостов» еще не проясняются. Есть разные проекты, идет переписка, но когда выяснится что-то конкретное, не знаю. На всякий случай я говорю авторам, чтобы материал они готовили этак к середине июля, — это и есть срок и для Вашей статьи. В Вашем случае легче: если бы даже с

«Мостами» ничего не вышло, тогда статья пойдет для сборника. Мысль о нем я не оставляю и уже запросил, дадут ли на издание его деньги и когда. И конечно, как только выяснится вопрос о сборнике (и о «Мостах»), напишу Вам.

В этом году нет, мы больше не ездоки. Наездились и «охоты к перемене мест»³ у нас что-то не наблюдается. Да и времени не будет: грешным делом, я хотел было начать работу на станции с 1 августа, оставив два месяца свободными, но пришлось согласиться на 1 июля. А до июля нет никакого желания вновь пускаться в путешествия. Ограничимся выездами «инз грюн»⁴ тут; недели через две приедут Ржевские⁵, поселятся на озере недалеко от Мюнхена, будем ездить туда, играть для отдохновения в покер, делать вид, будто ловим рыбу (она не ловится, окаянная), наслаждаясь на лоне природы благорастворением воздушных. Разумеется, было бы хорошо встретиться «где-то в Европе», но, как видите, планы наши весьма ограничены.

Принимайте и наши сердечные приветы; мы были очень рады познакомиться ближе с Вами и Вашей милой женой, раньше было все как-то недосуг.

Ваш

Архив ДРЗ. Ф. Г.А. Хомякова. Необработанные материалы. Отпуск. Машинопись.

¹ Рональдс Френсис (Ronalds; 1925–2014) — директор по программам Радио Свобода (Мюнхен).

² Бахрах Александр Васильевич (1902–1985) — литературный критик, мемуарист. Редактор Русской службы Радио Свобода (Мюнхен). Эмигрант.

³ Строка из романа в стихах «Евгений Онегин» (1823–1831) А.С. Пушкина.

⁴ На природу (нем. ins Grüne).

⁵ Семья Ржевских — писатель Леонид Денисович (наст. фам.: Суражевский; 1905–1986) и его жена, поэтесса Агния Сергеевна (урожд. Шишкова; лит. псевд.: Аглая Шишкова; 1923–1998). Эмигранты.

10

*В.С. Варшавский — Г.А. Хомякову
Июнь — июль 1963 г., Нью-Йорк*

Дорогой Геннадий Андреевич, сердечно Вас благодарю за письмо и хлопоты. С тех пор я получил письмо и от Виктора Федоровича¹. У него тоже впечатление, что дело о моем переводе в Мюнхен пошло «в оттяжку» на самый неопределенный срок. Все это длится почти уже пять лет. Особое свинство, что, так как шел вопрос о моем переводе в Мюнхен, мне здесь не давали давно должного повышения. А как Вы? Привыкли ли к нашему учреждению? В каком отделе Вы теперь?² С кем имеете дело? Как новое начальство?

Из наших планов поехать этим летом в Европу ничего не вышло. Зато будущим летом все заложим и приедем. С моей статьей о «Новом граде» дело плохо в том смысле, что я отнесся к ней слишком серьезно. Многое пришлось перечитать, передумать. А теперь, когда я все уже подготовил, наступило чудовищное

ню-йоркское лето. Чтобы дать Вам представление о моем самочувствии в такие вечера, процитирую Георгия Иванова: «Больные рыбы раздувают жабры»³. А по субботам и воскресеньям приходится ездить на пляж. Так что и те короткие часы, которые я прежде мог урывать для «писательства», теперь отпали. Но это не значит, что я отказываюсь; статью я эту обязательно напишу, но только позже. Перечитывая «Новый град» и все на эту тему, я только еще больше убедился, как ценны новоградские идеи и по существу, и, так сказать, «стратегически» и «тактически». Обещаю Вам, что все свободное время буду над этой статьей трудиться. Передайте, пожалуйста, от меня сердечный привет Вашей жене и друзьям: Федору Августовичу и всем, всем, всем. Шлю Вам пожелания сил, здоровья и терпенья, очень в нашей организации необходимых.

Ваш В. Варшавский

P. S. Какой Ваш адрес<?> Я пишу по адресу: Verlag des Zope⁴, но существует ли еще издательство? В.В.

С искренним приветом. Т. Варшавская⁵.

Архив ДРЗ. Ф. Г.А. Хомякова. Необработанные материалы. Автограф. Датируется по содержанию.

¹ Росинский Виктор Федорович (псевд. Виктор Федорóвич; 1913–1996) — редактор Русской службы Радио Свобода (Мюнхен).

Упомянутое письмо В.Ф. Росинского не обнаружено.

² Г.А. Хомяков занял должность заместителя главного редактора Русской службы Радио Свобода (Мюнхен) с 1 июля 1963 г.

³ Из стихотворения Г.В. Иванова «Разрозненные строфы» (1930).

⁴ Правильно: Verlag ZOPE (Издательство ЦОПЭ).

⁵ Фраза написана Т.Г. Варшавской шариковой ручкой.

11

*Г.А. Хомяков — В.С. Варшавскому
29 июля 1963 г., Мюнхен*

29 июля 1963 г.
Мюнхен

Дорогой Владимир Сергеевич,

в первое время по возвращении я усиленно занимался эпистолярным искусством, — а теперь с трудом сажусь за стол, чтобы все-таки соблюсти приличие и ответить на письма. Видимо, все надо делать в меру, — хотя совсем не уверен, что это помогает. Вообще, неизвестно, что помогает и что нет. Сии грустные размышления продиктованы тем, что с «Мостами» так пока окончательно и не определилось, будут ли они, нет ли. Все жду, — и ждать, вероятно, придется еще до сентября, до окончания каникул в университетах. Отсюда можно заключить, что и статья раньше не понадобится, поэтому надо управиться с ней в течение августа, будет в срок.

Что не удалось поехать Вам в Европу, — плохо, конечно. Но и то сказать: так ли уж спасительна «охота к перемене мест»? Видя здесь тысячные, сплошные и непрекращающиеся волны туристов, отдыхающих, все их мельтешение и мученья, в жаре, в тесноте и духоте вагонной, поневоле начнешь размышлять о преимуществах домашнего отдохновения. Правда, нью-йоркское лето вряд ли этому способствует.

С работой у меня получилось не особо важно. Я только поступил, как заболел Казанцев¹, который должен был заменить Росинского, на время отпуска — и получилось так, что я почти сразу должен был взяться за дела, которых я еще не знаю и разобраться в которых все же надо время. И приходится барахтаться во всем этом — когда какая программа идет и когда не идет, что это за штуки такие X и У, А и Б, а там еще есть С, что-то идет по проводу, какие-то ленты надо посылать самолетом и т. д. Все это для меня еще остается алгеброй, которую надо осваивать, и приходится время от времени чувствовать себя не в своей тарелке. Беда, конечно, небольшая, тем более что недели через три вернется Росинский, которому и полагается знать станционную алгебру. Из этого, между прочим, Вы видите, что я делаю: официально меня приняли на должность заместителя гл<авного> редактора русской редакции.

Так что на станции, вероятно, постепенно <все> придет в необходимую норму. Хуже с «Мостами», с издательскими планами: тут приходится ждать и ждать — и хорошо, если ожиданию этому будет когда-то благополучное завершение. Но что поделаешь, если в самом деле «от нас не зависит».

Принимайте наши искренние приветы и пожелания всего лучшего, жене и Вам,
Ваш Г. Хомяков

G. Homjakow

München 2, Lothstr<asse> 15/III Germany —

Другой адрес давно не действителен: ЦОПЭ приказало долго жить. Г.Х.

Архив ДРЗ. Ф. Г.А. Хомякова. Необработанные материалы. Отпуск. Машинопись. Подпись и приписка — автограф.

¹ Казанцев Александр Степанович (1908–1963) — редактор Русской службы Радио Свобода (Мюнхен). Эмигрант.

12

В.С. Варшавский — Г.А. Хомякову

Конец ноября — начало декабря 1963 г., Нью-Йорк

Дорогой Геннадий Андреевич,
лучше поздно, чем никогда. Наконец-то могу послать Вам мою статью о «Новом граде». Не знаю, что за это время, пока я писал статью и не писал Вам, выяснилось с Вашими издательскими планами. Пожалуйста, известите меня. Очень прошу Вас, покажите мою статью Федору Августовичу. Он один из создателей и единственный законный наследник «Нового града»¹.

Надеюсь, Вы уже привыкли к Комитету, насколько вообще возможно вольно-му человеку привыкнуть к чиновничьей жизни.

Мои надежды на перевод в Мюнхен, по-видимому, окончательно рухнули. Но будущим летом надеемся провести в Европе отпуск. Обязательно постараемся тогда с Вами увидеться.

Мы с женой очень тяжело, как потерю любимого брата, пережили гибель президента Кеннеди². Это большое несчастье для человеческого мира.

Жена и я поздравляем Вас и Вашу жену с наступающими праздниками Рождества Христова и Нового года. Шлем Вам пожелания всего самого хорошего. Всем друзьям и общим знакомым привет.

Ваш В. Варшавский

Архив ДРЗ. Ф. Г.А. Хомякова. Необработанные материалы. Автограф. Датируется по содержанию.

¹ К 1963 г. из редакторов «Нового града» в живых остался только Ф.А. Степун.

² Кеннеди Джон Фицджеральд (Kennedy; 1917–1963) — 35-й президент США (1961–1963). Убит в Далласе 22 ноября 1963 г.

13

*В.С. Варшавский — Г.А. Хомякову
Конец декабря 1963 г., Нью-Йорк*

Дорогой Геннадий Андреевич,
спасибо за новогодние пожелания. А получили ли Вы наши? Мы написали Вам уже больше месяца тому назад. В том же письме я послал Вам рукопись, статью о <<Новом журнале>>¹. Дошла ли она? Пожалуйста, отпишите.

С тех пор я сделал кой-какие поправки и перепечатал 5, 18 и 19-ю страницы, которые и посылаю Вам в этом письме. Очень прошу Вас, замените ими в рукописи прежние 5, 18 и 19-ю, страницы.

Как Вам живется в Комитете?

Еще раз шлем Вам и Вашей жене пожелания в Новом году всего самого хорошего.

Ваши Татьяна и В. Варшавские

Архив ДРЗ. Ф. Г.А. Хомякова. Необработанные материалы. Автограф. Датируется по содержанию.

¹ Описка В.С. Варшавского. Следует — «...о <>Новом граде>».

*Г.А. Хомяков — В.С. Варшавскому
8 января 1964 г., Мюнхен*

8 января 1964 г.
Мюнхен

Дорогой Владимир Сергеевич, чувствую, что Вы и недоумеваете, и, может, даже сердитесь, почему я ничего не пишу, не отвечаю. Каюсь, виноват, хотя, по крайней мере, так я сам думаю, есть и извиняющие обстоятельства. Они, собственно, в том, что нахожусь в расстроенных чувствах и думаю примерно так: что писать, если нечего писать?

Статью давно получил (сегодня пришли и изменения), и я давно передал ее Фед<ору> Авг<устовичу>, как Вы и писали мне. Все хорошо, и статья хорошая, затруднение только в одном: а куда ее? С месяц с небольшим назад получил я, в сущности, окончательный отказ по поводу «Мостов». Тянули они долго, сначала будто все шло благополучно, заверяли, что будем обязательно издавать, а потом — ничего не получилось. Отсюда и «расстроенные чувства».

В столице у вас что-то там думают, замышляют давно уже и пока придумать не могут. Но это все, к сожалению, связано с разными соображениями, включая и кормушечные для разных лиц, — а мы оказываемся лишним элементом. Вообще же, нынешняя администрация не желает иметь дела с эмиграцией: «Мосты», говорят, журнал чисто эмигрантский, и продолжения его терпеть не хотят. А тут еще «соображения» (см. выше) — для нас все складывается худо. Говорят и так: терпите, может, после выборов осенью изменится¹, но это утешение малое.

Порассудив, мы решили попытаться издать еще один «мост» собственными силами, вернее, с помощью отдельных, частных лиц (в том числе и самих себя). Может быть, и сумеем это сделать. Здесь кое-кто поддержит (здесь я соберу половину средств); написал уже и пишу в Ваши края — и если вторая половина вырисуется, приступлю к выпуску. Сделаем на дешевой бумаге, без былой роскоши; жаль, конечно, придется отказаться и от гонораров; тем не менее покажем, что нам есть что сказать и что мы можем говорить. Конечно, в нынешние времена звучит это не так уж веско, но все же это некое подлинное дело. Кстати, на треть примерно материал у меня есть, и возвращать его не хочется, думаю, что соберу и на весь номер. И тогда, если согласны, дадим и Вашу статью. А в будущем году выпустим еще один².

Жаль, что так плохо расходуется Ахматова³ в Ваших краях. Не могу понять, в чем дело. В Париже у меня взяли для продажи около 300 экз<емпляров>, здесь, в Англии, и в Европе в общем у меня разошлось почти 500, — а в Нью-Йорк, Мартьянову⁴, я отправил... 30 экз<емпляров>. Просил сообщить, сколько отправить еще, — ответа не получил. Неужто нет желающих купить этот сборничек? Не могу этого допустить. Скорее какое-то упорное нежелание у книгопродавцов, какое-то странное и непонятное недоброжелательство. Трудно понять, возможно, все то же застарелое, эмигрантское, опротивевшее, но, к сожалению, видимо, неизбывное. А деньги от продажи этого сборничка нам оченьгодились бы на

издание следующего «моста». Так и получается, что сами себе мы помогать не можем — и попадаем в зависимость от кормушек. Печально, но, видимо, неизбежно.

Однако довольно скулить, этим не поможешь. Принимайте наши приветы, с женой, и лучшие пожелания.

Ваш

Архив ДРЗ. Ф. Г.А. Хомякова. Необработанные материалы. Отпуск. Машинопись.

¹ Речь идет о президентских выборах в США, состоявшихся 3 ноября 1964 г. 36-м президентом США был избран демократ Линдон Б. Джонсон.

² Планы Г.А. Хомякова осуществились: № 10 и 11 «Мостов» вышли в 1965 г.

³ [Ахматова 1963].

⁴ Мартъянов Николай Николаевич (1894–1984) — издатель, журналист, редактор, книготорговец. Крупнейший в США издатель календарей и открыток для русских. Эмигрант.

15

В.С. Варшавский — Г.А. Хомякову

Вторая половина января — первая половина февраля 1964 г., Нью-Йорк

Дорогой Геннадий Андреевич,

спасибо за письмо. Очень сочувствую Вашим огорчениям с «Мостами». Пробовали ли Вы поговорить у нас в Комитете? У нас есть отдел «Special Projects Division»¹. Во главе его стоит очень славный американец Isaac Patch². Я знаю, он доставал, правда очень небольшие, суммы и для «Нового журнала», и для «Воздушных путей»³.

Мую статью о Новом граде я могу на худой конец напечатать в <<Новом журнале>> или в <<Вестнике РСХД>>⁴. Но это не то. Я очень мечтал о новоградском сборнике. В связи с этим меня огорчает, что Федор Августович ничего по поводу моей статьи мне не написал. Он — единственный законный наследник «Нового града».

Ахматову здесь невозможно достать. Мартъянов ведет очень странную политику. Мне на него жаловался и И<ван> В<асильевич> Морозов⁵ (Париж, ИМКА-Пресс⁶). Здесь очень многие бы купили Ахматову. Я сам очень хотел бы купить.

А как Вы себя чувствуете теперь на станции? Я вот уже почти десять лет работаю, а все не могу привыкнуть к нашему бюрократизму. Мы с женой все жалеем, что не удалось перевестись в Мюнхен.

Шлем Вам и Вашей жене сердечный привет.

Ваши Варшавский и жена его Таня

Архив ДРЗ. Ф. Г.А. Хомякова. Необработанные материалы. Автограф. Датируется по содержанию.

¹ Отдел специальных проектов (англ.).

² Пэтч Айзек (Patch; 1913–2014) — американский дипломат, разведчик. Организатор русскоязычного книжного проекта в рамках Американского комитета за свободу народов России / Комитета Радио Свобода (1956–1970).

³ «Воздушные пути» — литературный альманах, выходивший в Нью-Йорке в 1960–1967 гг. Редактор-издатель Р.Н. Гринберг.

⁴ «Вестник Русского студенческого христианского движения» — религиозный, философский и литературный журнал, выходящий в Париже с 1925 г. С 1974 г. — «Вестник русского христианского движения».

⁵ Морозов Иван Васильевич (1919–1978) — церковно-общественный деятель. Секретарь Русского студенческого христианского движения (1945–1970). Редактор журнала «Вестник РСХД» (1950–1969). Директор издательства «ИМКА-Пресс» (1961–1978). Эмигрант.

⁶ «ИМКА-Пресс» («YMCA-Press») — русскоязычное издательство, созданное в 1921 г. под эгидой международной христианской организации Young Men's Christian Association. Издательство находилось в Праге (1921–1923), Берлине (1923–1925), с 1925 г. — в Париже.

16

В.С. Варшавский — Г.А. Хомякову

Вторая половина января — первая половина февраля 1964 г., Нью-Йорк

Дорогой Геннадий Андреевич,

не знаю, ответил ли Вам уже Мартьянов? Я установил странную вещь: одним знакомым он сказал, что заказал 50 экз<емпляров> Ахматовой, но не получил. Другим он сказал, что получил 30 экз<емпляров>, но они все заранее были расписаны. Но признает, что спрашивают у него много. Во всяком случае, купить у него Ахматову никто не может. Мне приходит подозрение, не задумал ли он сам издать Ахматову? Ведь Вы знаете, у него собственное маленькое издательство. Никаких доказательств у меня нет, но мне кажется, он что-то затеял¹.

Федор Августович мне до сих пор не ответил и ничего не написал о моей статье. Меня это очень удивляет.

Здесь пробыл неделю наш новый вождь (заместитель Бертранди<a>ca²). Было обещано, что он с каждым из нас поговорит, но никто из нас даже в глаза его не видел. Так что не пришлось мне сообщить ему о моем желании перевестись в Мюнхен.

Выясняется ли что-нибудь насчет «Мостов»? Как мюнхенская наша редакция?

У нас по-прежнему «контора пишет». Хотелось бы, конечно, чтобы можно было слово <<контора>> заменить каким-нибудь менее бюрократическим.

Шлю Вам сердечный привет,

В. Варшавский

Архив ДРЗ. Ф. Г.А. Хомякова. Необработанные материалы. Автограф. Датируется по содержанию.

¹ Никакие сочинения А.А. Ахматовой в издательстве Н.Н. Мартьянова не выходили.

² Заместитель Бертрандиаса — Шолленбергер Луис (Shollenberger; 1917–1994) — директор Радио Свобода (Мюнхен) в 1963–1965 гг. Бертрандиас Ричард (Bertrandias; 1913–1975) — директор Радио Свобода (Мюнхен) в 1956–1963 гг.

17

*Г.А. Хомяков — В.С. Варшавскому
18 февраля 1964 г., Мюнхен*

18 февраля 1964 г.
Мюнхен

Дорогой Владимир Сергеевич,

да, от Мартьянова наконец пришел заказ, — сначала, с месяц назад, на 35 экз<емпляров>, затем еще на 50. В общем, всего я послал ему 115 экз<емпляров> — на Нью-Йорк, думаю, четверть того, что можно было бы продать. Ну, им там, очевидно, видней, заставить брать больше не могу. Да у меня и осталось немного: распространил около тысячи. Может быть, и издадут там сами, тем более что Гринберг имеет еще три, кажется, стихотворения¹. Конечно, вряд ли это можно будет счесть приличным, если переиздадут, не спросясь, — если же спросят, мы тут возражать не будем, если они согласятся некоторую толику заплатить.

Деньги нужны — на следующий «мост»: мы все-таки думаем выпустить его своими силами. Две трети денег я уже собрал, нужно еще долларов 500 — как будто они тоже образуются. Подожду еще немного, потом, вероятно, приступим. Материал примерно на треть есть, не хочется его оставлять или отдавать другим; дадут еще Вейдле, Степун², еще ряд авторов — материал, в общем, есть. И даже, может, лучше, если своими силами.

Ваша статья — даете ее тоже? Плохо, конечно, что гонорара, увы, не будет. Что Ф.А. не отвечает Вам — это в порядке вещей: у него усиленно продолжается «колдовращение» и времени у него нет никак. А на письма он и раньше был туг. А тут еще на днях начнутся чествования по случаю 80-летия: широкое у немцев, потом более узкое у его издателя, потом будет и у русских — где же письма писать!

С книгой, да, вероятнее всего, что ничего не выйдет. Пока, по крайней мере, в обозримом впереди времени. В столице у Вас продолжают все думать, очень возможно, что там и образуется некое издательство³, но там другие люди, у них свои планы, желания, далеко не во всем, видимо, совпадающие с нашими. Я, между прочим, давным-давно отослал туда свой издательский план⁴, в нем и эта книга, но в декабре еще раз услышал: «Может быть, когда-нибудь». Так что одно уныние.

А относительно конторы — что же, она продолжает быть. И я думаю, что иначе и не может получиться: только «контора». В ее рамках, условиях могут быть более удачные передачи или менее; иногда можно сделать и что-то даже вполне хорошее и нужное, но нельзя рассчитывать, что общие условия можно как-то изменить, упорядочить, улучшить и т. д. Слишком все-таки большое учреждение, обросшее до предела всякими «службами», в таком случае оно немыслимо без бю-

рократии, вернее, без бюрократического засилья, гасящего все живое, и нужны крепкие нервы или толстая кожа, чтобы тем не менее упорствовать и как-то не обращать внимания на обстановку, окружение. Но тут что же сделаешь: дух времени таков, без «учреждения» не обойдешься, а от этого и все качества. С ними надо как-то свыкнуться и делать что можно, что удастся сделать.

Привет обоим Вам от нас обоих и — укрепления нервов!
Ваш

Архив ДРЗ. Ф. Г.А. Хомякова. Необработанные материалы. Отпуск. Машинопись.

¹ Ошибка Г.А. Хомякова. Р.Н. Гринберг в письме от 26 декабря 1963 г. сообщал Хомякову, что в его распоряжении имеется еще 6 стихотворений А.А. Ахматовой (Р.Н. Гринберг — Г.А. Хомякову, 26 декабря 1963 г. // Архив ДРЗ. Ф. Г.А. Хомякова. Необработанные материалы).

² В № 11 «Мостов» (1965) были опубликованы тексты В.В. Вейдле «Умерщвление слова» [Вейдле 1965] и Ф.А. Степуна «Андрей Белый и Рудольф Штейнер» и «Россия накануне революции» [Степун 1965а; 1965б].

³ Речь идет о создании издательства «Международное литературное содружество» (подробнее см. письмо № 27, примеч. 3).

⁴ См. составленный Г.А. Хомяковым «План издания книг Товарищества зарубежных писателей на 1963–64 год» (Архив ДРЗ. Ф. Г.А. Хомякова. Необработанные материалы).

18

В.С. Варшавский — Г.А. Хомякову

Вторая половина февраля — март 1964 г., Нью-Йорк

Дорогой Геннадий Андреевич,

у Р.Н. Гринберга, по его словам, действительно есть еще несколько стихотворений. Он, верно, напечатает их в следующем номере «Воздушных путей», который он готовит¹. Не думаю, что он будет издавать сборник Ахматовой. Впрочем, не знаю. Также не знаю, будет ли издавать Мартьянов. Он так всем нескладно врал, что мне это показалось подозрительным.

Мою статью о «Новом граде» я написал специально для «Мостов». Так что если «Мосты» выйдут, то, конечно, печатайте ее. Я ждал благословения Федора Августовича, так как он последний из основателей «Нового града». Но поскольку прошло уже несколько месяцев, а он все молчит, я считаю, что могу печатать и без его апробации.

Увы, у меня не только нет никаких связей в Вашингтоне, но я даже не знаю, какие люди и какие учреждения все это решают.

Процесс бюрократизации и халтуризации в таких организациях, как наша, почти неизбежен, но все-таки иногда кажется, что могло бы быть по-другому.

Летом мы собираемся в отпуск в Европу. Хотим даже заглянуть в Мюнхен. Но выйдет ли, Бог знает. Я все питаю надежду (пример галлицизма²), что меня

когда-нибудь переведут в Мюнхен (но это вопреки печальной очевидности, что никто меня переводить не собирается).

Шлем Вам и Вашей жене пожелания успеха во всех начинаниях.

В. Варшавский

Архив ДРЗ. Ф. Г.А. Хомякова. Необработанные материалы. Автограф. Датируется по содержанию.

¹ Стихи А.А. Ахматовой в двух последних выпусках альманаха «Воздушные пути» (1965. № 4 и 1967. № 5) не публиковались.

² «Питать надежду» от фр. *chérir l'espoir* (дословно: лелеять надежду).

19

Г.А. Хомяков — В.С. Варшавскому

4 апреля 1964 г., Мюнхен

4 апреля 1964 г.

Мюнхен

Дорогой Владимир Сергеевич,

плохо ли, хорошо ли, а я все-таки, не очень спеша, готовлю следующий «мост», подбираю материал, пишу авторам и т. д. Когда это сооружение вырисуется со всем, еще не знаю, но как будто вырисоваться должно.

В связи с этим есть у меня просьбы к Вам. Статью Вашу о «Новом граде», конечно, мы уже твердо вписали в оглавление, но есть и еще кое-что. Оно вот в чем: а не взяли бы Вы дать еще отдел «В мире книг»? Так, как делали мы его когда-то, по заметкам для радиопередач? Теперь эти заметки делаются несколько иначе, но, по-моему, их легко приспособить, так что труда это потребует немного. В Ваших программах был отличный материал — о книге Вайцзекера, де Бройля¹ и т. д. Сильно выручили бы: больше не вижу, кто бы мог еще это сделать.

Затем, Вы говорили, что мог бы или хотел написать статью для «Мостов» о Шмеман². Будьте добры, поговорите с ним, пожалуйста, об этом. Конечно, слишком долго ждать мы не можем, но месяц, полтора срок дать можно. И — этак на 12–15 страниц в «Мостах» желательно бы, не больше: надо будет уместить больше материала, а размер номера все-таки сократится.

Кто еще у Вас? Коряков? Но он без гонорара вряд ли напишет³. Скажите ему, что будем рады, если он по старой памяти даст материал, но — оригинальный, не напечатанный уже в «Н^овом» русском слове» или еще где.

Беллетристика у меня, в сущности, уже есть, чуть ли не с избытком; вообще, первый отдел, со стихами, вижу, получится больше, чем на сто страниц, — перевалит за треть номера, что и хорошо⁴. Но статьи еще надо собрать, часть.

Рассердившись, послал я в <<Н<овое> р<усское> слово<>> большую статью, в том числе и о «Мостах», и вообще о наших делах⁵. Думаю, что ее все же надо было написать.

А как Вы живете? У нас, в общем, по-старому.

Принимайте наши приветы и — благополучия дому Вашему.

Ваш

Архив ДРЗ. Ф. Г.А. Хомякова. Необработанные материалы. Отпуск. Машинопись.

¹ Вайцзеккер Карл Фридрих, фон (Weizsäcker; 1912–2007) — немецкий физик, философ. Бройль Луи, де (Луи Виктор Пьер Раймон, 7-й герцог Бройль; Louis Victor Pierre Raymond, 7e duc de Broglie; 1892–1987) — французский физик-теоретик, один из основоположников квантовой механики. Лауреат Нобелевской премии по физике (1929).

Каким конкретно книгам К.Ф. Вайцзеккера и Л. Бройля была посвящена передача В.С. Варшавского на Радио Свобода — установить не удалось. Варшавский не написал рецензии на книги указанных авторов для «Мостов».

² См. письмо № 5, примеч. 2.

³ Коряков Михаил Михайлович (псевд. М. Конский, М. Ошаров; 1911–1977) — писатель, публицист, литературный критик. Эмигрант.

М.М. Коряков несколько раз публиковался в «Мостах» ([Коряков 1958; 1960; 1961а; Коряков 1961б]), помещал свои переводы [Речь 1958]. Однако после прекращения финансирования «Мостов» Коряков ни разу в журнале не напечатался.

⁴ Объем № 11 журнала «Мосты» (1965) — 401 страница, из которых поэзия и проза заняли с. 3–171.

⁵ В статье «Размышления у подъезда» Г.А. Хомяков поделился с читателями газеты «Новое русское слово» с трудностями в деле издания русскоязычных книг в эмиграции (оскудение эмиграции, сокращение читательского рынка и, как результат, необходимость и желательность обращения к иностранным источникам финансирования). Но, несмотря на трудности, Хомяков призывал продолжать публиковать эмигрантские книги и журналы, которые, попадая в СССР, оказывали влияние на тамошнего читателя. Коснулся Хомяков и прекращения финансирования американскими властями ЦОПЭ и издававшегося объединением альманаха «Мосты», все проекты по финансовому спасению которого ни к чему не привели. Сообщив о переходе контроля над альманахом к ТЗП, Хомяков призывал эмиграцию поддержать дело издания альманаха, в том числе и материально [Хомяков 1964].

20

*В.С. Варшавский — Г.А. Хомякову
Апрель (между 4 и 19) 1964 г., Нью-Йорк*

Дорогой Геннадий Андреевич,

не могу, к сожалению, исполнить Вашу просьбу о заметках о книгах. Р.Н. Гуль¹ уже давно просил меня давать эти заметки в «Н<овый> ж<урнал>». И вот, когда «Мосты» официально кончились, я передал ему option². Но их не так уж и много, я больше не пишу «Книжную полку». Эта программа теперь в руках В.К. Завалишина³.

Я говорил с о. А. Шмеманом. Мне кажется, Вы должны ему написать. Ведь когда он обещал эту статью, он был вдохновлен идеей возобновления «Нового града». Теперь же на это нет никакой надежды, и не только из-за денег, но и из-за странного равнодушия единственного полноправного наследника «Нового града». Однако напишите о. Александру. Хотя он трагически много занят, он всегда старается сделать все, что может.

М.М. Коряков сказал мне, что с удовольствием для «Мостов» напишет без всякого гонорара.

В Вашей статье в <<Н<овом> р<усском> слове<>> много горькой правды, и я почти со всем в ней согласен. (Хотя кое-что мне показалось не совсем верным.) Но боюсь, что «стратегически» это вряд ли правильный ход.

Я все обдумываю, как перевестись в Мюнхен. Пока все обстоятельства против. Но не хочу отказываться от надежды.

Шлю Вам и Вашей жене от нашего «дома» привет.

Ваш В. В<аршавский>

Архив ДРЗ. Ф. Г.А. Хомякова. Необработанные материалы. Автограф. Датируется по содержанию.

¹ Описка В.С. Варшавского. Следует — Р.Б. Гуль.

² Свобода выбора (англ.).

³ Завалишин Вячеслав Клавдиевич (1915–1995) — журналист, литературный критик, поэт, переводчик. Эмигрант.

21

Г.А. Хомяков — В.С. Варшавскому

19 апреля 1964 г., Мюнхен

19 апреля 1964 г.

Мюнхен

Дорогой Владимир Сергеевич,

очень жаль, что с заметками о книгах не получается, но что же сделаешь. Если Вы дадите эти заметки по тому же материалу Роману Борисовичу, то нам от них вообще придется отказаться, ограничиться рецензиями, — но найти рецензентов — это еще более трудная задача.

Очень прошу: передайте прилагаемое письмо по адресу, к сожалению, у меня его старый адрес, не знаю, верный ли теперь. Нет, относительно «Нового града» Вы не правы: дело только в деньгах, не в Степуне. Он бы поддержал несомненно и отношения своего не изменил, но, несмотря на его живость и подвижность, его 80 лет все же сказываются. И занят он очень (как раз вышла его книга, по-немецки, о символистах¹), и суеты много, — но остановиться нельзя: остановится,

тогда может быть худо. Доктор его говорит, что этот его беспокойный образ жизни прерывать нельзя, вечными хлопотами и волнениями он и живет.

Сейчас он опять ускакал, в Копенгаген, читать доклады. Были вчера у «степуновских дам»: у Марги А<вгустовны> и Гал<ины> Ник<олаевны> Кузнецовой², они живут рядом со Степуном. Тут приехал Адамович, в разговорах вспомнили и о Вас.

Корякову напишу, — но вообще-то я увяз в письмах и не вижу, чтобы выбрался из них. Относительно статьи моей — по другим соображениям, может, это и тактически не так плохо. Во всяком случае, для этого номера поможет кое-что собрать.

Приветствуем и всего лучшего,
Ваш

Архив ДРЗ. Ф. Г.А. Хомякова. Необработанные материалы. Отпуск. Машинопись.

¹ [Stepun 1964].

² Степун Маргарита Августовна (1895–1971) — певица, родная сестра Ф.А. Степуна. Эмигрантка. Кузнецова (в браке Петрова) Галина Николаевна (1900–1976) — поэтесса, писательница, мемуаристка. Эмигрантка.

22

В.С. Варшавский — Г.А. Хомякову

Вторая половина апреля — первая половина мая 1964 г., Нью-Йорк

Дорогой Геннадий Андреевич,

Ваше письмо отцу А. Шмеману¹ я передал, как только получил его от Вас. Но вот видел сегодня отца Александра, спросил его. Конечно, он хочет, но времени у него еще меньше, чем у Федора Августовича. Я вообще не понимаю, как он выдерживает образ жизни, который ему приходится вести.

В июне мы собираемся в Европу и, может быть, на несколько дней попадем в Мюнхен. Тогда обо всем переговорим.

Как я Вам уже писал, заметки о книгах я (думая, что «Мосты» кончились) отдал Р.Б. Гулю. Но для «Мостов» это небольшая потеря. Ведь теперь я больше не пишу «Книжную полку», а старых осталось немного.

Желаю Вам успеха, и, надеюсь, до скорого свидания.

Ваш В. Варшавский

Архив ДРЗ. Ф. Г.А. Хомякова. Необработанные материалы. Автограф. Датируется по содержанию.

¹ Упомянутое письмо не обнаружено.

Г.А. Хомяков — В.С. Варшавскому

23 мая 1964 г., Мюнхен

23 мая 1964 г.

Мюнхен

Дорогой Владимир Сергеевич,

что-то ни о. Александр ничего мне не ответил, ни Вы не отписали по поводу моего прошлого письма. А мне уже надо принимать какое-то решение, определять содержание и объем номера. Материала, вижу, наберется столько, что не уместим, поэтому часть придется отложить — тут и надо взвешивать, что еще будет, что давать, что откладывать. Хотелось бы дать о Ватиканском соборе¹ — если эта тема о. Александру не подходит, я хотел обратиться к Зандеру², за месяц, надеюсь, он напишет, а мне как раз к 1 июля надо будет иметь весь материал для сдачи в набор. Поэтому, если бы Вы спросили у о. Александра и написали мне «обратной почтой», был бы Вам очень и очень признателен. Зандер, правда, напишет только добросовестно, по-профессорски, но и это нужно.

В начале июня мы на две-три недели отправляемся в отпуск, собираемся этак «быстренько» съездить в Грецию, чтобы потом плотно засесть за «Мосты» — как раз к началу июля должен прийти материал от «китов», таких как Вейдле, Чижевский, Степун, Адамович³ и т. д. — они всегда задерживают. Но это уже крайний срок, дадут. В июле сдадим в набор — тогда в сентябре — октябре выйдем. Материал есть и хороший, и похуже, как обычно; боюсь, малость выйдут альманах этакий сборный, на винегрет будет смахивать. Но, в конце концов, сейчас для нас, в нынешнем положении, так и должно быть: кому под силу сейчас издавать что-то вроде «направленческого» альманаха? Тут в самом деле — чем богаты, тем и рады.

Случайно попался мне и советский материал, о Булгакове, о нем и его рукописи, в числе последних известная пьеса, когда-то в МХАТ прорепетированная, готовая к постановке, но в последний момент отцом народов запрещенная. Она так и не была напечатана⁴. О Булгакове дадим в <<Мостах>>⁵, а пьесу, с инсценировкой «Мертвых душ» (ее МХАТ и сейчас ставит, но напечатана она тоже не была), думаю тиснуть отдельной книжкой⁶, на радость литературоведам и вообще славяноведам. Она, по-моему, разоидется. Ахматова у меня разошлась, один книготорговец даже просил напечатать еще 300–400 экз <эмпляров> (набор сохранен), но ни времени для этого нет, ни денег.

А когда Вы собираетесь в отпуск? И не собираетесь ли сюда? Наши поклоны жене и Вам, и всего лучшего.

Ваш

¹ Второй Ватиканский собор — XXI Вселенский собор Католической церкви, проходивший 11 октября 1962 г. — 8 декабря 1965 г. Собор принял 4 конституции, 9 декретов и 3 декларации.

² Зандер Лев Александрович (1893–1964) — философ, деятель международного экуменического движения. Эмигрант.

³ В № 11 «Мостов» (1965) были опубликованы тексты Д.И. Чижевского «О платонизме в русской поэзии» [Чижевский 1965] и Г.В. Адамовича «На полях “Реквиема” Анны Ахматовой» [Адамович 1965]. Помещенные в том же номере статьи В.В. Вейдле и Ф.А. Степуна перечислены в примеч. 2 к письму № 17.

⁴ Речь идет о пьесе М.А. Булгакова «Иван Васильевич», постановку которой в Театре сатиры начали готовить в 1935 г. После генеральной репетиции в присутствии ряда ответственных лиц постановка была приостановлена (1936). Впервые текст пьесы был опубликован в СССР в книге М.А. Булгакова «Драмы и комедии» [Булгаков 1965, с. 415–476].

⁵ В № 11 «Мостов» был опубликован блок материалов, посвященных М.А. Булгакову [Паустовский 1965; Заседание 1965; Стенограмма 1965; Из выступлений 1965; Немирович-Данченко 1965; Письмо 1965].

⁶ [Булгаков 1964].

24

*В.С. Варшавский — Г.А. Хомякову
Середина мая 1964 г., Нью-Йорк*

Дорогой Геннадий Андреевич,
к сожалению, мы не увидимся в Мюнхене этим летом. Меня пригласили на неделю от 22 до 26 (включительно). Пишу Вам сидя на чемоданах. Сегодня вылетаем в Лондон и вообще Европы. Очень жалею, что Вас не увижу. Черновик рукописи привезу. Желая Вам провести хорошо отпуск.

О. Александр так и не дал мне никакого ответа. В смысле выбора времени мы связаны с аэропланом. У нас так называемый chartered plane¹. И мы не властны выбирать день обратного полета (зато туда и обратно всего 250 д<олларов>). Шлю Вам сердечный привет и пожелания успеха с «Мостами» и во всем остальном.

Ваш В. Варшавский

Архив ДРЗ. Ф. Г.А. Хомякова. Необработанные материалы. Автограф. Датируется по содержанию.

¹ Зафрахтованный самолет (англ.).

*В.С. Варшавский — Г.А. Хомякову
Конец мая (между 23 и 28) 1964 г., Нью-Йорк*

Дорогой Геннадий Андреевич, наши письма, видимо, разошлись. Как только я получил Ваше, начал звонить о. Александру. Но дозвониться к нему не так просто. Только вчера вечером удалось поговорить с ним по телефону. Он обещал мне на днях дать ответ, но не хочу откладывать письма, так как о. Александр сказал, что предпочитает написать о чем-нибудь другом, а не о Ватиканском соборе. Поэтому и пишу Вам, не дождав-шись его окончательного ответа. Пока не поздно, заказывайте о Ватикане Зандеру¹. А как только о. Александр скажет мне, сможет ли он написать вообще и если сможет, то о чем, я Вам сейчас же сообщу.

Мы будем в Европе в июне, и очень возможно, что попадем на несколько дней в Мюнхен. Но когда именно и на сколько дней, еще не знаем, это решится перед самым нашим отъездом, когда на обратном пути в Мюнхен здесь будет Скотт². Это он, узнав, что мы едем в отпуск в Европу, поднял вопрос, чтобы я заехал в Мюнхен. Будем очень рады, если Вас застанем. Желая успешного завершения сбора материала для «Мостов». Как я Вам уже писал, моя статья о «Новом граде» в Вашем распоряжении. Не знаю, в первый ли раз Вы едете в Грецию. Мы были только один раз, но не забудем до самой смерти. Мы видели абсолютную, совершенную красоту, превосходящую все ожидания.

Шлем Вам и Вашей жене сердечный привет и пожелания хорошей поездки.

Ваши В. Варшавский с женой

Архив ДРЗ. Ф. Г.А. Хомякова. Необработанные материалы. Автограф. Датируется по содержанию.

¹ Г.А. Хомяков предложил Л.А. Зандеру написать статью о Втором Ватиканском соборе для «Мостов» в письме от 28 мая 1964 г., прося представить текст к 1 июля 1964 г. (Г.А. Хомяков — Л.А. Зандеру, 28 мая 1964 г. // Архив ДРЗ. Ф. Г.А. Хомякова. Необработанные материалы). Статья Л.А. Зандера о Втором Ватиканском соборе не была написана для «Мостов». Единственная работа Зандера, опубликованная в «Мостах», посвящалась трудам Ф.А. Степуна [Зандер 1963].

После смерти Л.А. Зандера, последовавшей 17 декабря 1964 г., Г.А. Хомяков начал подыскивать другого автора. В 1965 г. во время пребывания Н.С. Арсеньева в Мюнхене Хомяков предложил тому подготовить материал, на что Н.С. Арсеньев, присутствовавший в качестве гостя в сентябре 1965 г. на ряде заседаний 4-й сессии Второго Ватиканского собора, согласился. Статья была подготовлена к концу ноября 1965 г. и напечатана в № 12 «Мостов» (см.: Г.А. Хомяков — Н.С. Арсеньеву, 11 октября, 18 октября, 6 ноября, 26 ноября 1965 г.; Н.С. Арсеньев — Г.А. Хомякову, 14 октября, 7 ноября, 24 ноября 1965 г. // Архив ДРЗ. Ф. Г.А. Хомякова. Необработанные материалы; [Арсеньев 1966]).

² Скотт Уолтер (Scott; 1921–2007) — директор Радио Свобода (Мюнхен) в 1965–1975 гг.

*В.С. Варшавский — Г.А. Хомякову
Сентябрь (?) 1964 г., Нью-Йорк*

Дорогой Геннадий Андреевич, не писали Вам, так как все надеялись на перевод в Мюнхен. Но вот побывал здесь Шол<л>енбергер, был очень мил, но процитировал мне знаменитую надпись из «Божественной комедии»¹. «Удар в спину» был нанесен здешним офисом. Заявили, что я нужен здесь, образуется дыра и так далее. Но я не хочу сдаваться. Написал Шол<л>енбергеру письмо с моими насчет всего этого соображениями.

Как у Вас все? Мы часто вспоминаем, как мило Вы нас принимали и нашу поездку в поднебесные туманы на Цугшпи<т>це². Как «Мосты», выходят ли и когда?

Таня совсем неожиданно побывала в Советском Союзе, по приглашению пожилой американской четы. У нее было очень много интересных встреч. Ее поразило огромный интерес к эмиграции, особенно к последним представителям «Серебряного века». (Там не совсем отдают себе отчет, что почти уже никого не осталось в живых.)

Внезапно заболел Роман Борисович³. Он был такой подтянутый, умеренный в еде и питье, никогда не жаловался на сердце, и вдруг тромбозис⁴ коронарных сосудов. Он все еще в госпитале. Слава Богу, поправляется, но все равно невесело.

Шлем Вам и Вашей милой жене сердечный привет. Еще раз благодарим за радужный прием. Желаем успеха в личной работе и успеха «Мостам». Всем знакомым передайте, пожалуйста, привет.

Ваши Т.Г. и В. Варшавские

Крепко обнимаю милую Frau Elli⁵.

Архив ДРЗ. Ф. Г.А. Хомякова. Необработанные материалы. Автограф. Датируется по содержанию.

¹ Намек на фразу «Оставь надежду...» (полная фраза — «Оставь надежду, всяк сюда входящий» — концовка надписи, размещенной над воротами ада в «Божественной комедии» (1307–1321) Данте Алигьери («Ад», песнь 3, строфа 3)).

² Цугшпитце (нем. Zugspitze) — самая высокая точка на территории Германии (высота — 2962 м). Гора расположена в поселке Грайнау рядом с австрийской границей.

³ Р.Б. Гуль.

⁴ Тромбозис (от лат. thrombosis) — одна из форм наименования тромбоза.

⁵ Госпожа Элли (нем.).

«Т.Г.» и «Крепко обнимаю милую Frau Elli» написано Т.Г. Варшавской шариковой ручкой.

Г.А. Хомяков — В.С. Варшавскому
7 октября 1964 г., Мюнхен

7 октября 1964 г.
Мюнхен

Дорогой Владимир Сергеевич,

только сегодня собрался ответить: все какое-то коловращение и суета. Да, о неуда-
че знаю: вернулся Росинский и рассказал. В общем, вроде заколдованного места
получается: то там отпускали, а здесь начальство противилось, то наоборот. Вот и
преодолевайте такое — задача не из легких. Продолжайте долбить, может, в конце
концов и выйдет.

О болезни Гуля слышал, потом и читал, беда, конечно. Но так как первая, не-
посредственная опасность прошла, то это может вполне обнадеживать: теперь
ведь такие случаи часты и, если спасли после удара, последствия проходят бес-
следно, потом до ста лет может жить. У нас тогда Набокова, в сущности, умертви-
ли, при таком же случае: не умели спасти врачи¹.

Вообще же, Гулю надо держаться: «Новый журнал» остается вроде бы «по-
следним оплотом эмиграции»². Вон в Вашингтоне Филиппов и его вышестоящие
выдумали «Межязычную литературную ассоциацию» (дословный перевод с ан-
глийского)³ — хорошо, конечно, что Филиппов хоть по<д> этой маркой может из-
давать, но все же эмиграцией при таком названии и не пахнет. Нас же признавать
никак не хотят — и не будут при сосуществовательском курсе. Я хлопотал, между
прочим, о книге Франка еще в прошлом году, в этом о книге Зайцева — полу-
обещали, полуотказывали, потом совсем замолчали, теперь смотрю, обе книги
выйдут в «межязычной ассоциации»⁴. При всех условиях хорошо, конечно, что
выйдут, я рад, главное, за Б<ориса> К<онстантиновича> Зайцева>.

Что Татьяна Георгиевна была «там», очень интересно, теперь у Вас «домаш-
няя» информация есть. Да, интерес к эмиграции большой, и странных представ-
лений сколько хотите — все это понятно. Между прочим, здесь два сбежавших в
Японии музыканта⁵ (говорят, что интеллигентные люди; я их не видел) прочли
кучу книг (там, где шла проверка) и выделили из них: Сирина-Набокова, Бердяева
и... «Мосты», — это их особенно заинтересовало и понравилось. На этот счет у
меня разные сомнения были и в прошлом: почему людям «оттуда» особо нравятся
«Мосты», почему они выделяют их из других журналов? Это не первый случай.
Не знаю, ответа я не нашел.

А вместе с тем с «Мостами» беда: набирается черепашьям темпом. Типография,
с которой мы работали, почти развалилась, работает еле-еле, и ничего нельзя сде-
лать, чтобы поторопить⁶. В другие тоже не пойдешь: там значительно дороже, а у
нас и так еще много денег не хватает. Выпустили мы Булгакова в надежде, что он
даст нам прибыль, но вижу, что, пожалуй, только окупим издание. И ничего не
придумаешь. Поэтому боюсь и загадывать, когда удастся выпустить. Все дело в
наборе. Ваша статья тоже в типографии и тоже ждет набора.

Два месяца, пока не было Росинского, пришлось работать в поте лица, как говорится. Сейчас я на две недели в отпуску, заслуженно отдыхаю. Думал как-то подтолкнуть за это время «Мосты» — напрасно: линотипистов все равно нет. Поэтому вчера ездил ловить рыбу, сегодня — по грибы. Набрали и с удовольствием пожарили и съели. Так что отдыхаем всерьез.

Принимайте наши приветы обоим Вам от нас обоих и пишите.
Ваш

Архив ДРЗ. Ф. Г.А. Хомякова. Необработанные материалы. Отпуск. Машинопись.

¹ Речь идет о смерти поэта Кирилла Владимировича Набокова (1912–1964), младшего брата В.В. Набокова, сотрудника Радио Свобода (1964), внезапно скончавшегося 16 апреля за письменным столом (см.: [Незабытые могилы 2004, с. 14]).

² Г.А. Хомяков пожелания выздоровления в письме Р.Б. Гулю сопровождал призывом «держаться — и тянуть Ваше главное дело, “Новый журнал”. Ведь оскудение эмигрантское таково, что смены нет и неоткуда ей взяться, — как же тут можно позволять себе болеть?» (Г.А. Хомяков — Р.Б. Гулю, 28 октября 1964 г. // Beinecke. R. Gul' papers. General Collection. Box 7, folder 166).

³ Англоязычный вариант — Inter-Language Literary Associates. Наиболее устоявшееся русскоязычное название издательства — «Международное литературное содружество». Издательство было создано в Вашингтоне литературоведом Борисом Андреевичем Филипповым (наст. фам. Филистинский; 1905–1991) в 1964 г. на средства ряда некоммерческих организаций, служивших ширмой для финансирования антисоветской деятельности американскими государственными структурами. Издательство публиковало произведения эмигрантов, писателей и поэтов, пострадавших от советской власти, диссидентов, русских классиков, печатавшихся с купюрами в СССР. Весной 1968 г., после начала кампании критики со стороны советских журналистов и ряда эмигрантских изданий Филиппов, обвиненный в коллаборационизме в годы Второй мировой войны, сложил с себя обязанности директора издательства, и последнее вскоре прекратило свое существование.

⁴ В «Плане издания книг Товарищества зарубежных писателей на 1963–64 год» (Архив ДРЗ. Ф. Г.А. Хомякова. Необработанные материалы) делалось предложение об издании книг С.Л. Франка и Б.К. Зайцева. Упомянутые книги см.: [Франк 1965б; Зайцев 1965].

⁵ Речь идет об артистах Всероссийского гастрольно-концертного объединения, контрабасисте Игоре Сергеевиче Берушкитсе (1933 г.р.) и саксофонисте Борисе Васильевиче Мидном (1937 г.р.), во время гастролей в Японии обратившихся в американское посольство в поисках политического убежища (14 августа 1964 г.). Из Японии музыканты были вывезены в Западную Германию (с остановкой в Копенгагене), оттуда — в США [Тэсс 1964; 2 Soviet Defectors 1964; 2 Soviet Musicians 1964; Special 1964].

⁶ До 10-го номера включительно журнал «Мосты» (1963) печатался в типографии Георгия Бутова (Georg Butow, München, Kohlstrasse, 3b). Все последующие выпуски «Мостов» были набраны в типографии И.И. Башкирцева (I. Baschkirzew Buchdruckerei, München, Peter Müllerstrasse, 43).

*В.С. Варшавский — Г.А. Хомякову
Апрель (до 26-го) 1965 г., Нью-Йорк*

Дорогой Геннадий Андреевич,
как Вы добрались обратно в Мюнхен? Наверно, порядочно устали от всех этих странствий. Кого видели в Париже? Как Георгий Викторович?¹ Что-то у меня ноет сердце, когда о нем думаю. Какой-то он стал непрочный.

Были очень рады Вас повидать. Но в Нью-Йорке всегда все как-то впопыхах получается и всегда на людях, а хотелось бы посидеть и поговорить обо всем, как тот же Георгий Викторович в одном его стихотворении сказал: «о Боге вообще»².

«Мосты» еще сюда не дошли. Я жду с интересом, так как оглавление мне показалось очень обещающим. Летом собираемся в Европу. Обязательно хотели бы тогда с Вами увидеться. У меня отпуск в августе. А Таня едет (летит) уже в июне, так сказать, на «отхожий промысел». У нее несколько конференций в Париже и в Женеве.

А вот о моих делах (простите, что надоедаю). Неожиданно мы здесь узнали, что к Вам в Мюнхен переводят М.М. Корякова. Я рад за него, но мои шансы теперь еще меньше. Корякова потребовал Бойтер³, отдел которого расширяется. Коряков будет главным редактором всех бойтеровских публикаций. Корякова, конечно, отсюда не хотели отпускать. Но Бойтер потребовал. Это лишний раз подтвердило мое впечатление, что если Мюнхен твердо требует, то отсюда отпускают. И вот что мне пришло в голову. Насколько мне известно, Алеша Малышев⁴, который работает у Ван дер Ропера⁵, подписал контракт только на один год, так как не хочет расставаться со своим профессорским местом в Америке. Контракт его кончается этим летом. Так вот. Как бы сделать, чтобы Ван дер Рор потребовал меня. Мне совестно вас об этом просить, но не могли бы Вы узнать сами или через кого-нибудь, как обстоит дело с Малышевым, и, если он уезжает обратно в Америку, убедить Ван дер Ропера, что я незаменимый и единственный человек, который может заменить Алешу (Ван дер Рорер, конечно, меня не знает).

Второе мое дело. Вот справка о двух моих несправедливо (по-моему) зарезанных программах:

1-я: № 13840 From the 2nd Program 24–25 января. Art and Literature-33 о театре Eugene'a Ionesco⁶. Телеск⁷ с объяснением, почему сняли, был такой: «We felt that the latter part of your show, on the flying pedestrian, was confusing (in part, because of the reading of the woman-man dialogue by one man) and in its despairing tone that it confirmed the soviet propaganda on western decadence»⁸.

Вместо этой моей программы они повторили программу об Ионеску Литвинова⁹. У нас здесь дали прослушать мою программу Максу Хейворту (переводчику «Доктора Живаго»)¹⁰, который в Англии и здесь считается знатоком советской жизни. Он нашел мою программу «потрясающе интересной». Сосин¹¹ хотел писать письмо, но так и не написал.

Вторая программа, зарезанная в Мюнхене: № 14044 From the 2nd Program 7–8 марта Art and Literature-35¹². Письма Пастернака к Жаклин де Пруаяр¹³.

Объяснение в телеске: «...broadcast twenty seven minutes about Pasternak's letters to a French friend (in bad French retranslated in bad Russian) only if the content was of exceptional interest and the presentation particularly good. We do not think that this was the case... Given for Pasternak fans, we feel, this is not going to make the desired impression...»¹⁴

Эти две программы имеют, конечно, недостатки, но они несколько не хуже множества наших программ, которые проходят без заминки. Из многих встреч с советскими учеными, архитекторами и актерами мы знаем, с каким жадным интересом они относятся ко всему связанному с Пастернаком. Поэтому отвод Мюнхена меня особенно поразил. Я буду очень рад, если Вы сможете выяснить, какой «злодей» зарезал эти две программы. Но если это хлопотливо, тогда не стоит. Тем более что это случайность, попало на неподходящего дежурного редактора.

Вот, дорогой Геннадий Андреевич, замучил Вас моими делами. Но я все не могу примириться с тем, что меня не пускают в Мюнхен. Кстати, как по возвращении Вы нашли наш комитетский Мюнхен? Какие перемены, что нового, кто, как, что? Шлю Вам и Элле Эдуардовне сердечный привет. Надеюсь, что в августе где-нибудь в Европе увидимся.

Ваш В. Варшавский

Присоединяюсь и шлю теплые пожелания к праздникам Вам и Ellicken. Вы пронеслись здесь, как метеор, и мы очень мечтаем о дальнейших неторопливых встречах.

Ваша Т.Г.В.¹⁵

Архив ДРЗ. Ф. Г.А. Хомякова. Необработанные материалы. Автограф. Датируется по содержанию.

¹ Здесь и далее «Георгий Викторович» — Г.В. Адамович.

² Неточность В.С. Варшавского. В стихотворении Г.В. Адамовича «Патрон за стойкою глядит привычно, сонно...» (1929) строка звучит как «за небо, вообще!».

³ Бойтер Альберт (Boiter) — руководитель исследовательского отдела Радио Свобода (Мюнхен).

⁴ Малышев Алексей Николаевич (1926–1989) — внештатный сотрудник Радио Свобода (Мюнхен), преподаватель русского языка и литературы в Токийском, затем Мэрилендском университетах. Эмигрант.

⁵ Ван дер Рор Эдуард (Van Der Rhoer; 1917–2011) — директор отдела политики вещания на Радио Свобода (Мюнхен).

⁶ Из 2-й программы от 24–25 января «Искусство и литература-33» о театре Эжена Ионеско (англ.).

Ионеско Эжен (Ionesco; 1909–1994) — французский драматург, один из основоположников театра абсурда.

⁷ Телеск — описка. Надо: телеск (от англ. telex, сокращение от telegraph + exchange). В данном случае — сообщение, полученное по сети абонентского телеграфа.

⁸ «Мы посчитали, что последняя часть Вашего шоу о летающем пешеходе излишне запутанна (частично из-за чтения диалога женщины и мужчины одним человеком) и своим отчаянным тоном подтверждает заявления советской пропаганды относительно западного декаданса» (англ.).

⁹ Литвинов Борис Алексеевич (псевд. Борис Алексеев; 1921–1977) — журналист, критик, переводчик, искусствовед. Редактор культурных программ Радио Свобода (Мюнхен). Эмигрант.

¹⁰ Хейворт (правильно: Хейворд) Макс (Harry Maxwell (Max) Hayward; 1924–1979) — британский филолог, преподаватель, дипломат, переводчик с русского языка. Перевел совместно с М. Харари роман Б.Л. Пастернака «Доктор Живаго» на английский язык (1957–1958).

¹¹ Сосин Джин (Sosin; 1922–2015) — директор программного отдела Радио Свобода (Нью-Йорк).

¹² Из 2-й программы от 7–8 марта «Искусство и литература-35» (англ.).

¹³ Отрывки из писем Б.Л. Пастернака к французской славистке Жаклин де Пруайяр (de Prouart; род. 1927) впервые были опубликованы в книге последней [Prouart 1964, р. 37–38, 39, 40–41, 231–240]. В.С. Варшавский ознакомил русскоязычного читателя с выдержками из посланий Пастернака, рецензируя книгу Ж. де Пруайяр [Варшавский 1965].

¹⁴ «<делать> передачу на 27 минут о письмах Пастернака к французскому другу (на плохом французском с переводом на плохой русский) имело бы смысл, если бы содержание представляло бы исключительный интерес и презентация была бы отменно хороша. Мы не думаем, что это удалось... Рассчитанная на поклонников Пастернака, мы думаем, что передача не произведет желаемого впечатления» (англ.).

¹⁵ Весь абзац написан Т.Г. Варшавской шариковой ручкой.

29

*Г.А. Хомяков — В.С. Варшавскому
26 апреля 1965 г., Мюнхен*

26 апреля 1965 г.
Мюнхен

Дорогой Владимир Сергеевич,
извините, задержался с ответом. Причина — думал, что, может быть, удастся быстро как-то уладить с отставленными программами. К сожалению, не вышло, пока по крайней мере. Я говорил с Рональдсом: оказывается, он знает об этих программах, читал и слушал их и согласился с доводами, что передавать их не следует. Поэтому, сами понимаете, теперь переубедить будет нелегко. Тем не менее попробую, как только выдастся время. Выйдет что, сообщу Вам.

«Мальшевский вариант» — о нем мы думали, я говорил с Росинским по этому поводу, по возвращении (Росинский хорошо знаком с Мальшевым, я — нет). Выяснилось, что у него уже есть другой кандидат, правда, кажется, ненадежный, — если с ним не выйдет, он предложит Вас. Но вообще весь этот вариант шаток: может быть, с отъездом Мальшева эту работу прекратят. Пока — все еще в тумане.

С Коряковым получилось иначе: его, вроде бы под шумок, заполучил Бойтер, у которого есть соответствующее свободное штатное место. И работа другая. С Вами они рассуждают так: зачем переводить в Мюнхен, если Вы будете тут делать то же самое, что и в Нью-Йорке? А расходы большие. В логике тут не от-

кажешь. Относительно же Корякова — вообще-то это нелепость, терять его для передач, как будто хороших пишущих работников у нас хоть отбавляй. Но пути начальства, как Вы знаете, часто неисповедимы.

В Париже повидал всех, кого мог, — но «всех»-то осталось там куда как мало. Нет, вид у Георгия Викторовича даже, я сказал бы, хороший, и бодр, и оживлен: к сожалению, поговорили мы с ним еще меньше, чем с Вами, всего с полчаса: мы были в Париже только два с половиной дня, где же тут как следует «пообщаешься». От Нью-Йорка тоже осталось довольно смутное впечатление, все было в спешке, впопыхах. Главное, однако, помимо служебных дел, было выполнено: как-то и о чем-то договорились, с «Мостами», с ТЗП, — об этом я послал Вам «циркуляр»¹. Кое от кого я уже получил ответы, с одобрением. Посмотрим, как будет двигаться дальше. А в ожидании — готовьте материал для следующего «Моста», думаю, что выпуск его — дело реальное.

Что Татьяна Георгиевна отправляется в Европу — приветствуем и приглашаем заглянуть и к нам. Расписание у нас пока такое: отпуск у меня с конца июня по конец июля; сначала отправимся лечиться, дней на десять, наверное, в Албано-Терми² в Италию, а потом сами еще не знаем. Вероятнее всего, во второй половине июля вернемся в Мюнхен и будем тут уже либо безвыездно, либо не меньше, чем до первой половины сентября³. И если в июле–августе будете тут, заезжайте обязательно.

Что на станции, спрашиваете Вы? Да примерно все то же. Нет, никаких особых перемен тут пока не было, и думаю, что особых и не будет, несмотря на любовь начальства к переменам. А вообще — все под Богом ходим, то бишь под начальством.

Шлем самые сердечные приветы Вам обоим и — благополучия дому Вашему. А вот с праздниками поздравить — как-то не получилось, и праздники у нас прошли как-то не совсем по-праздничному, посему — можем поздравить разве только с уже прошедшими!

Ваш

Архив ДРЗ. Ф. Г.А. Хомякова. Необработанные материалы. Отпуск. Машинопись.

¹ Воззвание, начинавшееся с обращения «Дорогой коллега!» и датированное 12 апреля 1965 г., за подписью заместителя председателя «Товарищества зарубежных писателей» Г.А. Хомякова, поднимало вопрос о дальнейшей судьбе ТЗП и «Мостов». Как сообщал Хомяков, на прошедших в США в конце марта — начале апреля встречах с членами ТЗП, сотрудниками «Мостов» и писателями-эмигрантами было высказано мнение о необходимости дальнейшего существования товарищества, председателем коего после смерти Ф.А. Степуна становился Л.Д. Ржевский, заместителем в Мюнхене — Хомяков и заместителем в Нью-Йорке — Р.Б. Гуль. В воззвании содержался призыв продолжить издание «Мостов», очередной номер которых (№ 12) предполагалось подготовить в ближайшее время. Хомяков обращался ко всем заинтересованным лицам помочь с выпуском альманаха как путем предоставления материалов для публикации, так и материально (см.: НИА. G.P. Struve papers. Box 94, folder 11).

² Описка Г.А. Хомякова. Правильно: Абано-Терме (Abano-Terme) — бальнеологический курорт в провинция Падуя (Италия).

³ Позже срок возвращения в Мюнхен четы Хомяковых сдвинулся к середине августа 1965 г. (Г.А. Хомяков — И.В. Чиннову, 1 августа 1965 г. // ОР ИМЛИ. Ф. 614. Оп. 3. Д. 28. Л. 10).

30

*В.С. Варшавский — Г.А. Хомякову
Конец апреля — начало мая 1965 г., Нью-Йорк*

Дорогой Геннадий Андреевич, очень рады были получить Ваше письмо. Я понимаю Ваши редакторские заботы и огорчения и очень Вам сочувствую. Конечно, ужасно обидно прекращать журнал, как раз когда знаменитый занавес становится не таким непроницаемым. Но, зная Вашу энергию, я уверен, что Вы и 13-й номер выпустите¹. Вот когда кончилось «Чеховское издательство»², казалось, никакого просвета, а смотришь — опять выходят книги. Я ничего не написал, не по злой воле, а так как занят одним вполне безнадежным трудом, который все не могу кончить³. Вот когда выйду в отставку (6 лет еще ждать), буду писать статьи.

Наш новый «вождь» был эти дни в Нью-Йорке. Нас ему представляли. Он очень мило себя держал. Но когда я попробовал высказать ему некоторые мои соображения о наших передачах, «на челе его высоком не отразилось ничего»⁴. Но все-таки первое впечатление благоприятное: говорит и держит себя как человек.

Мы с Таней все огорчаемся, что меня не переводят в Европу. Особенно Таня. За шесть месяцев, что она была теперь в Европе, она сделала настоящую переводческую карьеру. Все пришлось бросить. Но я все не хочу терять надежду. Дай Боже, вдруг новый вождь поймет, что в Европе я смогу принести комитету гораздо больше пользы, чем здесь. Если у Вас будет случай ему это объяснить, будем Вам благодарны до гроба.

Как у Вас все? Настроение? Здоровье? Таня и я шлем Вам и Элле Эдуардовне сердечный привет, поклон всем друзьям и знакомым.

Ваши Варшавские

Р. С. Какие планы у Вас на лето?

Архив ДРЗ. Ф. Г.А. Хомякова. Необработанные материалы. Автограф. Датируется по содержанию.

¹ Сдвоенный номер 13/14 «Мостов» вышел в 1968 г.

² «Чеховское издательство» — Издательство им. Чехова (Chekhov Publishing House) — американское издательство, существовавшее в 1951–1959 гг. Было создано на средства Фонда Форда с целью поддержки русскоязычной диаспоры. В разные годы являлось структурным подразделением Фонда «Свободная Россия» (Free Russia; 1951), Восточно-Европейского фонда (East European Fund; 1951–1956), Национального совета Христианского союза молодых людей (National Board of YMCA; 1956–1959).

³ Речь идет о романе В.С. Варшавского «Ожидание», вышедшем в 1972 г. [Варшавский 1972].

⁴ Строка из поэмы М.Ю. Лермонтова «Демон» (1838).

31

*Г.А. Хомяков — В.С. Варшавскому
23 мая 1965 г., Мюнхен*

23 мая 1965 г.
Мюнхен

Дорогой Владимир Сергеевич, в отношении программ, о которых Вы писали, так и не мог ничего сделать: Рональдс болел и только на прошлой неделе вышел на работу, Штумпф¹, правда, говорил мне, что письма к Пруайар Вы все равно используете, разбив на две программы, — это, между прочим, как раз то, что я и хотел Рональдсу предложить. А относительно Ионеску узнал только то, что ленту успели стереть, так что делать надо было бы заново. На мой взгляд, ничего криминального в этой программе нет, но согласится ли с этим мнением начальство, это вопрос.

Перейду к другим делам. Некоторое время назад послал я Вам «циркулярное письмо», для сведения (послал и несколько оттисков Вашей статьи), — уже приходится вносить изменение: Гуль отказался войти в правление, хотя тогда и соглашался. Это несколько меняет предположения, которые мы делали, когда я был там, но на работе нашей не отразится.

Положение же у нас такое, что надо постепенно приступать к следующему номеру. С деньгами, правда, плохо, как и было, но к этому не привыкать, и деньги нужны будут не скоро, к выпуску, а к тому времени соберутся. Опять останемся должны сколько-то типографии, но и это не беда. Я даже думаю, что если соберем этак к середине августа материал, то удастся выпустить даже еще в этом году, в конце, что было бы совсем хорошо.

Главное сейчас — собрать материал. От ряда авторов у меня уже есть твердые обещания — дадут Вейдле, Адамович, Бахрах², Померанцев хочет перевести кое-что из Сартра и Гароди³, что «там» не печатают, и т. д. Теперь — очередь за Вами: пишите скоренько, к августу очень нужно было бы. Знаю, что трудно, времени нет, но — нужно! Очень рассчитываю на Вас.

А когда Вы рассчитываете двигаться в наши края? У меня отпуск с конца июня по конец июля, потом уедет Росинский; с 1.7 на две недели поедем в Абано, под Падуей, на грязи: доктор посылает. Что-нибудь 18–20 июля вернемся домой. И если бы эти сроки совпали и где-то удалось встретиться, было бы совсем хорошо.

Итак — садитесь за статью, отказы не принимаются. А нет ли и еще каких авторов «под рукой»? Как отец Александр, так и не может выкроить время?

Поклоны наши и лучшие пожелания. Татьяна Георгиевна, наверно, где-то тут, по эту сторону океана? Тогда приветствуйте ее от нас письменно.

Ваш

Архив ДРЗ. Ф. Г.А. Хомякова. Необработанные материалы. Отпуск. Машинопись.

¹ Штумпф Ульрих (Stumpf) — сотрудник Радио Свобода (Мюнхен).

² В № 12 «Мостов» (1966) были опубликованы тексты В.В. Вейдле «Похвала Венеции» [Вейдле 1966], Г.В. Адамовича «Об Александре Гингере» [Адамович 1966], А.В. Бахраха «По памяти, по запискам (II)... И.А. Бунин» [Бахрах 1966].

³ Померанцев Кирилл Дмитриевич (1906–1991) — журналист, поэт, мемуарист. Эмигрант.

Гароди Роже (Garaudy; 1913–2012) — французский философ, писатель, политический деятель. Сартр Жан-Поль Шарль Эмар (Sartre; 1905–1980) — французский философ, писатель, драматург, педагог. Произведения указанных философов в переводе К.Д. Померанцева не появились на страницах «Мостов». В № 12 «Мостов» был опубликован текст К.Д. Померанцева «Оправдание поражения: Георгий Иванов, Владимир Смоленский, Юрий Одарченко» [Померанцев 1966].

32

В.С. Варшавский — Г.А. Хомякову

Май (после 23-го) — начало июня 1965 г., Нью-Йорк

Дорогой Геннадий Андреевич,

простите, что задержался с ответом на Ваши письма. Получил «Мосты» и «содержание оных (за небольшими исключениями) одобрил»¹. А вот оттисков еще не получил, наверно, скоро придут. Очень Вам благодарен за попытки спасти две моих забракованных программы. Говоря по правде, я не ждал, что Вы добьетесь успеха. У нас в комитете, «на верхах», есть какой-то неписанный закон: никогда не пересматривать вопроса об осужденных программах. Это неписаное соглашение между Нью-Йорком и Мюнхеном. И все-таки, если придется, когда Рональдс будет здесь, попробую с ним поговорить.

Я очень тронут, что Вы хотите иметь что-нибудь от меня к августу для «Мостов». Но увы, это невозможно. Я ничего годного для печатания теперь не имею. Мусолою давно задуманную мною книгу² и должен уже давно написать одну трудную рецензию (о Шестове) для «Нового журнала»³. По правде, я не думал, что «Мосты» так скоро теперь выйдут. До августа я ничего не успею. (От наших комитетских трудов так устаю, что могу писать только по субботам и воскресеньям по утрам.) К сожалению, не умею писать быстро, скажем в один день. А в августе у меня начинаются каникулы. Вот после каникул, набравшись сил, я попробую что-нибудь написать. Если поспеет в следующий номер, буду очень рад, если нет, тогда в последующий. Я уверен, видя с какой энергией Вы взялись за дело, что «Мосты» будут продолжать выходить. При встрече спрошу о. Александра, не придет ли он что-нибудь. Но с ним беда: он всегда с готовностью, от всей души соглашается, а потом не может. Я не видел человека, более разрываемого. Между прочим: так как «Мосты» выходят теперь скорее как «альманах» (или, как говорили евразийцы, «временник»), у меня была идея. Чтобы каждый номер (как это часто делают французские журналы) был на какую-нибудь определенную тему. (Например: свобода, почему мы в эмиграции и так далее.) Не то чтобы весь номер об одном, но чтобы статьи нескольких авторов перекликались. Некоторым авторам это не нужно, другим может помочь.

Роман Николаевич⁴ говорил мне сам, что отказался войти в правление. Я думаю, его здоровье имело тут решающее значение. Доктор настаивает, чтобы он сокращал свою деятельность. К тому же он человек «самодержавный». Такой уж человек.

Таня уже улетела в Европу. Теперь на конференции в Лионе, потом будет в Париже, а я только в августе буду в Европе. Очень будем стараться тогда с Вами и Бахрахами и другими мюнхенцами увидеться, но ехать в Мюнхен без комитетской путевки как-то обидно. Но мы еще спишемся. Шлю Вам и Элле Эдуардовне сердечный привет.

Ваш В. Варшавский

Архив ДРЗ. Ф. Г.А. Хомякова. Необработанные материалы. Автограф. Датируется по содержанию.

¹ Аллюзия на фразу из повести «Дневник лишнего человека» (1849) И.С. Тургенева.

² Речь идет о романе В.С. Варшавского «Ожидание».

³ Рецензия В.С. Варшавского на книгу Л. Шестова [Шестов 1964] не появилась ни на страницах «Нового журнала», ни в каком-либо другом издании.

⁴ Описка В.С. Варшавского. Следует: Роман Борисович.

33

*В.С. Варшавский — Г.А. Хомякову
1 сентября 1965 г., Ассизи*

Дорогой Геннадий Андреевич,
шлем Вам и Frau Elli сердечный привет из Италии. Путешествуем по местам, Вам знакомым. Мне, верно, не удастся в этот раз заехать в Мюнхен, хотя очень хотелось бы с Вами повидаться. Но мы слишком уклонились на юг. Надеемся, у Вас все хорошо. В Ницце вспоминали Вас с Г.В. Адамовичем.

Ваши Т. и В. Варшавские

Архив ДРЗ. Ф. Г.А. Хомякова. Необработанные материалы. Автограф. Датируется по почтовому штемпелю.

34

*Г.А. Хомяков — В.С. Варшавскому
25 декабря 1965 г., Мюнхен*

25 декабря 1965 г.
Мюнхен

Дорогой Владимир Сергеевич,
давно не писал Вам, м<ожет> б<ыть> догадываясь, что в писаниях наших «весть спасения»¹, но больше, конечно, потому, что приходится писать пропасть писем

и занятие сие в конце концов уже «невозмогу». На днях получил Вашу поздравительную (спасибо, Вам тоже послана), в ней два вопроса (Вы хитрый и ленитесь к тому же: два вопроса в двух строчках, это и все, — а мне прикажете целое письмо катать?), пользуясь праздником, сообщу что могу.

«Мосты», 12-й, движутся, жду две статьи, месяца через два надеюсь выпустить. Больше половины уже набрано, часть даже напечатана, но приходится повременить. Вот не стали Вы утруждать себя летом, а то и Ваша статья появилась бы. Вид будет у «моста» довольно странный: весьма «разнообразный». Я говорю, это вроде большой корзинки, в коей напихано множество разных пакетов, всякой величины и упаковки (около 40 авторов, опять 400 страниц!)², и на всякие цены: подороже, подешевле, даже и совсем бросовой цены, а некоторые и в самом деле дорогие. Вообще-то говоря, такая пестрота, что хоть зажмуривайся и не гляди. Но и за это спасибо, откуда лучше возьмешь? Да и в ежегоднике все к месту.

С другой стороны — мы, конечно, люди объевшиеся, пресыщенные и привередливые, и вряд ли оправданно. Мы уже не ценим такую нашу работу, относимся к ней, в сущности, с пренебрежением — совсем не так, как «там». Вот недавно в Париже Твардовский, Сурков (как и другие)³ с большой благодарностью взяли № 11, сказали, что теперь у них будет «полный комплект». Недавно узнал такое: в Новосибирске видели тетрадку, ротаторную — письма Цветаевой, из <<«Мостов»>⁴. Там многое таким образом размножают и пускают в обращение. К сожалению, «хозяева» (у Вас в столице) № 11-й туда так и не послали, очевидно считая, что это «эмигрантское», и проникло туда очень мало. А у меня ни времени, ни денег на это нет; тем не менее придется послать хоть полсотни, в журналы, биб<лио>теки.

Но вот будем ли делать 13-й — сомневаюсь: где взять деньги? И материал очень трудно доставать, но эту трудность еще можно преодолеть, а первую — ее же не преиждешь⁵. Запасов книг, старых, вообще нет, а продажа их все же что-то давала, пожертвования же дают недостаточно. Ну, посмотрим.

Вы спрашиваете о новом нашем начальстве — пока ничего еще о нем не скажешь. Впечатление производит вполне приличное, похоже, это типичный работник Госдепартамента, но каков будет в работе, в деловом плане, еще неизвестно. Но большое ли имеет это значение для нашей работы, как и положения? Скорее всего, вряд ли.

Принимайте наши сердечные с женой приветы, Татьяне Григорьевне и Вам, и еще — «филь глюк»⁶ в Новом году!

Ваш

Архив ДРЗ. Ф. Г.А. Хомякова. Необработанные материалы. Отпуск. Машинопись.

¹ Аллюзия на «Откровение Иоанна Богослова» (14: 6–7).

² Объем № 12 «Мостов» (1966) составил 408 страниц. В номере были опубликованы произведения 42 авторов, в том числе уже умерших.

³ Делегация советских поэтов (Б.А. Ахмадулина, А.А. Вознесенский, Р.И. Рождественский, С.И. Кирсанов, Л.Н. Мартынов, Б.А. Слуцкий, В.А. Соснора, А.А. Сурков, А.Т. Твардовский) в середине ноября 1965 г. посетила Париж. В делегацию должна была входить

А.А. Ахматова, однако по болезни не приехала [«Если чудо вообще возможно за границей...» 2008, с. 348]. Формальным поводом к поездке стал выход в свет двуязычной — русско-французской — антологии русской поэзии с XVIII в. до современности. Сборник был подготовлен под руководством Э. Триоле, которая, как и ее супруг, писатель, видный деятель Французской коммунистической партии Л. Арагон, много сделала для пропаганды русской литературы во Франции [La poésie russe 1965]. О поездке см.: [Померанцев 1965; Дедов 1965]; см. также: [Померанцев 1984].

⁴ [Бахрах 1960; 1961]. Ротатор — аппарат для размножения текста.

⁵ Аллюзия на выражение «Предел, его же не преидеши» (церковнославянский текст Ветхого Завета, Дан. 6: 7–8).

⁶ Удачи (от нем. viel Glück).

35

*Г.А. Хомяков — В.С. Варшавскому
6 июля 1967 г., Нью-Йорк*

В.С. Варшавский¹

6 июля 1967 г.
Нью-Йорк

Дорогой Владимир Сергеевич,

ну как, обжились на новом месте? Как устроились с квартирой? У нас, в общем, устроилось, но чувствую себя довольно-таки не в своей тарелке. Не на работе — там что же, все как бы в порядке вещей, — а в городе, в стране, к которым еще надо, видимо, привыкать и привыкать.

Пишу сразу по двум поводам. Первый: хотите участвовать в след<ующей> книге <<М>остов<>?⊃>2 Тогда присылайте, не позже конца сентября, статью. Если соберу к осени материал (вернее, осенью), то где-нибудь в начале будущего года выпустим. И было бы очень хорошо, если бы и Вы, несмотря на малую свою активность в этом плане, были бы представлены в этой книге.

Второе дело вот какое: посылаю текст обращения, которое, по замыслу, будет нами предпринято к 50-летию (по случаю 50-летия), подписано 25–30 лицами, наиболее известными и почтенными (почти все они известны Вам и лично), затем напечатано в <<Н<овом> р<усском> слове<> и <<Русской мысли<> — и отдельной брошюрой для отправки в Россию³. Шмеман, тоже согласившийся подписать, сказал, что я большой оптимист, если полагаю, что у нас еще осталось столько народа и что они согласятся подписать: все же думают врозь. Однако надежды не теряю, что я все-таки больше реалист, хотя все может быть.

Учитывая это «все может быть», я написал наиболее общие места и «широко», — чтобы было приемлемо всем, а кроме того, чтобы там было понятно если не всем, то многим: мы же не к одним академикам обращаемся. Поэтому приходится писать и пространно, однако, текст еще будет несколько сжат, но основные положения все останутся без изменения.

Кроме того, чтобы стало приемлемо «всем», дадим такое примечание, в этом духе: «Эмиграция давно лишена возможности созывать съезды или совещания, и это обращение было составлено одним лицом. Затем, по переписке, к нему присоединились все подписавшиеся, одоббившие основные тезисы обращения». Тем самым подписавшие не будут ответственны ни за стиль, ни за отдельные детали. В Париж я уже послал, тут тоже кое-кому, собрал, пока не пристава и не в ближайшем окружении, уже шесть подписей, — надеюсь, что соберу и все остальные. Надеюсь очень и на то, что Вы тоже присоединитесь. Кроме того, очень прошу не отказать дать это обращение прочитать Анину⁴ и Газданову и сказать им, что прошу подписать и их, — не посылаю им, чтобы очень не расходоваться. Кому еще в Мюнхене? Не вижу «известных», кроме Ал<ександра> Вас<ильевича>⁵, который вряд ли примкнет, и Гал<ины> Ник<олаевны>⁶, которая тоже от таких предприятий далека. Но если бы они присоединились, было бы отлично.

Вы, кажется, на положении соломенного вдовца?⁷ Поэтому принимайте приемы один, а Тане передайте письменно!

Ваш

Архив ДРЗ. Ф. Г.А. Хомякова. Необработанные материалы. Отпуск. Машинопись.

¹ Фамилия «В.С. Варшавский» написана Г.А. Хомяковым шариковой ручкой.

² Речь идет о сдвоенном номере 13/14 «Мостов», который вышел в 1968 г. В.С. Варшавский в этом номере не печатался.

³ Машинописный экземпляр обращения «К интеллигенции России» см.: Beinecke. V. Filippov papers. General Collection. Box 1, folder 10. Обращение было напечатано в «Новом русском слове» [К интеллигенции России 1967а] и «Русской мысли» [К интеллигенции России 1967б]. Отдельным изданием обращение не выходило.

Обращение «К интеллигенции России» подписали: Г.А. Хомяков, Д.С. Анин, В.В. Вейдле, М.Е. Вейнбаум, С.А. Водов, Я.Н. Горбов, Н. Градобоев, Р.Б. Гуль, Г.С. Ермолаев, Б.К. Зайцев, В.П. Зубов, Ю.П. Иваск, О.П. Ильинский, И.А. Курганов, Г.Г. Круговой, С.С. Оболенский, К.Д. Померанцев, Н.П. Полторацкий, С.Г. Пушкарев, А. Седых, Г.П. Струве, Н.И. Ульянов, В.С. Франк, А.А. Шик, о. А.Д. Шмеман.

⁴ Анин Давид Сергеевич (наст. фам.: Азархс; 1913–1976) — историк. Руководитель отдела по изучению аудитории Радио Свобода. Эмигрант.

⁵ А.В. Бахрах.

⁶ Г.Н. Кузнецова.

⁷ Соломенный вдовец — мужчина, временно оставшийся без жены (не живущий с ней).

Дорогой Геннадий Андреевич,
простите, что не сразу ответил на Ваше письмо. Все хотел собраться с мыслями, подумать. Но в моей здешней жизни это еще труднее, чем было в Нью-Йорке.

Для меня переезд еще не кончился. Таня, как мы приехали сюда, почти сейчас же уехала в Токио. Так что квартира у нас еще совсем не обжитая. И массу нужно еще покупать: холодильник, шкафы, лампы, занавески. Но город мне очень нравится. А Вам, конечно, после Мюнхена в Нью-Йорке очень трудно. Нью-Йорк замечательный, необыкновенный город, но город трагический, не для человеческого житья. И лето чудовищное. В Мюнхене теперь тоже жара (говорят, такого июля еще никогда здесь не было). Но после Нью-Йорка прямо благодать.

Видел здесь пр<иехавшего?> Адамовича, но его так разрывали, что я только раз успел с ним позавтракать. На работе у меня все хорошо. Я сам теперь участвую в наговаривании моих скриптов¹. Это гораздо увлекательнее, чем когда я писал для дикторов. Но одно огорчение: мы здесь кончаем на полчаса позже. И до дому мне дольше, чем было в Нью-Йорке. Так что и без того короткие вечера сократились еще на час. И на всякие хозяйственные дела у меня уходит много времени. Когда Таня вернется, будет, конечно, легче.

Вы спрашиваете меня: хочу ли я участвовать в <<Мостах>>? Конечно, хочу, но, конечно, не смогу. Вот уже месяц, как я подписал контракт о переводе моего «Незамеченного поколения»². И вот до сих пор я даже не начал работать над переделкой книги для американского читателя. Так что никаких статей я не могу писать. А мою другую книгу, ту, что я пишу «для себя», я даже не открывал с тех пор, как мы уехали из Нью-Йорка. Это очень плохо на мне отражается. Эта работа была мне внутренне необходима. А теперь я все живу вовне себя. Так что не сердитесь. Мне самому хотелось бы написать несколько давно задуманных статей, но приходится все откладывать, если не «на когда умрем» (Одоевцева)³, то на когда выйдем в отставку (еще 4 с половиной года).

Одоевцева, кстати, здесь была⁴. Мне встречаться с нею было довольно мучительно. Хотя ее очень жалко.

Теперь об Вашем «обращении» к интеллигенции. Я не могу его подписать уже только потому, что мое имя абсолютно там никому не известно и ничего не говорит. Лучше, чтобы было меньше подписей, но подписей людей, о которых там хоть что-то знают или о заслугах которых можно что-нибудь сказать: профессор, критик, политик, автор многих трудов и так далее. Прибавление же моей подписи произведет скорее впечатление бедности эмиграции культурными силами.

Анин мне говорил, что он получил от вас это обращение. А Газданова все это время не было. Он где-то в Италии. Здесь вообще все непрерывно уезжают в отпуск. А Галину Николаевну я тоже давно не видел. Но, зная ее, я думаю, что она никакого обращения не подпишет... Вот поговорил с Галиной Николаевной по телефону. Я был прав. Она со многими там в переписке, т. е. со многими бунинистами⁵. И конечно, не хочет их подводить.

Познакомился здесь с Мильрудом⁶. Это, кажется, он достает деньги и на книги Филиппова, и на «Русскую мысль». Был здесь Ваш однофамилец из Кембриджа, Николай Андреев, весьма преуспевающий, по-видимому профессор⁷.

Какое впечатление на Вас произвела повесть Михаила Булгакова «Мастер и Маргарита»<?> Я только что прочел и не могу сам в моих впечатлениях разо-

браться⁸. Главное, что эта книга была написана там. Здесь писать метафизические романы — дело совершенно безопасное. А там — это героизм.

Вот, дорогой Геннадий Андреевич. Очень меня огорчает, что не могу исполнить Вашу просьбу, но, правда, это не из-за отсутствия желания, а по слабости сил. Я совсем выбит из колеи.

Шлю Вам и Элле Эдуардовне сердечный привет и пожелания успеха во всех Ваших начинаниях. Всем общим знакомым привет.

Ваш В. Варшавский

Архив ДРЗ. Ф. Г.А. Хомякова. Необработанные материалы. Автограф. Датируется по содержанию.

¹ От англ. script — текст передачи (досл.: сценарий).

² Предложение В.С. Варшавскому написать книгу о русской молодежи в эмиграции (читай: издать «Незамеченное поколение» в переводе на английский язык) поступило от известного католического издательства «Бензигер Бравез, Инк.» в официальном письме редактора издательства Э. Бауэра от 25 апреля 1967 г. Устройству книги в издательство поспособствовал о. А.Д. Шмеман. Перевод «Незамеченного поколения» на английский язык опубликован не был (Benziger Brothers, Inc. — V.S. Varshavsky, April 25, 1967; A. Bauer — T. Varshavsky, August 24, 1967; А.Д. Шмеман — В.С. Варшавскому, 13 августа 1974 г. // Архив ДРЗ. Ф. 54. Необработанные материалы). Что стало тому причиной — невозможность для В.С. Варшавского исполнить условия контракта или покупка издательства «Бензигер Бравез, Инк.» компанией «Crowell, Collier and Macmillan, Inc.» в 1968 г. с последующим перемещением офиса из Нью-Йорка в Калифорнию — ответить сложно.

³ Из стихотворения И.В. Одоевцевой «По набережной ночью мы идем...» (1951).

⁴ Поездка И.В. Одоевцевой в Мюнхен была связана с попыткой устроиться на службу на Радио Свобода (см. письмо № 37).

⁵ Г.Н. Кузнецова с 1965 г. была в переписке с советским исследователем жизни и творчества И.А. Бунина Александром Кузьмичом Бабореко (1913–1999). В июне 1967 г. в переписку с Кузнецовой от имени редакции «Литературного наследства» вступил литературовед Сергей Александрович Макашин (1906–1989).

⁶ Мильруд Алексей Михайлович (1916–2006) — журналист. Эмигрант.

⁷ Андреев Николай Ефремович (1908–1982) — историк, литературовед, литературный критик, писатель, мемуарист. Эмигрант.

В указанное время занимал должность преподавателя кафедры славистики Кембриджского университета (Великобритания).

⁸ Роман М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита» был впервые напечатан в журнале «Москва» [Булгаков 1966; 1967а], после чего вышел отдельным изданием в издательстве «ИМКА-Пресс» [Булгаков 1967б]. Неясно, читал ли В.С. Варшавский роман в советском журнале или в отдельном эмигрантском издании.

37

*Г.А. Хомяков — В.С. Варшавскому
1 сентября 1967 г., Нью-Йорк*

1 сентября 1967 г.
Нью-Йорк

Дорогой Владимир Сергеевич, наверно, это я от Вас заразился, оставляя подолгу письма без ответа. Но чтобы быть правдивым, открою настоящую причину этого: уезжая в отпуск, я сложил весь «письменный материал», в т. ч. и письма, требовавшие ответа, в папку — и эту папку забыл на столе. А по приезде были неотложные дела, и потому-то отвечаю на Ваше письмо только теперь.

Давно сказано: уничижение паче гордости¹, — уже поэтому отказ Ваш написать Обращение трудно признать основательным. Все мы в одном положении, если и знают о ком из нас в России, то знают лишь единицы, и дело вовсе не в известности или неизвестности, как и не в том, что, дескать, я представляю собой? Но если нет желания, то тут, конечно, поделать ничего нельзя.

Жаль и то, что для «Мостов» Вы, как видно, тоже «потерянный человек». Пишущих у нас все меньше и меньше, и естественно, что если и те, кто продолжает заниматься этим делом, «уклоняются» от него, то это может вызывать только сожаление. Но и тут — что же с Вами поделаешь?

Что же получилось у Ирины Владимировны в Мюнхене? Мне писали из Парижа, что она якобы поехала туда поступать на работу, да ведь из этого ничего не могло выйти. Я тоже отношусь к ней с таким же чувством, о котором, понятно, ей и заикнуться нельзя.

Из Вашего письма вижу, что свыкнуться с мюнхенскими условиями Вам не так-то легко, хоть город Вам и нравится. Да, город хороший, хоть и портят его, стараются портить, усиленными темпами — «осовременивают». Но это участь всех «живых» городов. Тут привыкнуть куда труднее, к этому Вавилону, к которому, как и Вы, многие питают большую любовь. И хотя могу понять это чувство, все же, мне кажется, оно должно восприниматься как некое извращение, ибо город этот, даже признавая наличие у него много положительного, все-таки чудовищен. Токио, говорят, еще больше его, но вообще-то таких городов не должно было бы быть.

Долго Вы будете еще соломенным вдовцом? Или Таня уже приехала? Поклон ей от нас и желаем в Мюнхене «прижиться».

Ваш

Архив ДРЗ. Ф. Г.А. Хомякова. Необработанные материалы. Отпуск. Машинопись.

¹ Лк. 18: 14.

*В.С. Варшавский — Г.А. Хомякову
Сентябрь (?) 1967 г., Мюнхен*

Дорогой Геннадий Андреевич, был рад получить Ваше письмо. Спасибо, что не сердитесь на меня за уклонение от писательства. Право, тут не отсутствие желания, а отсутствие сил и времени. Мне многое хотелось бы написать, но, верно, только когда выйду в отставку, смогу заветные свои писательские планы осуществить. Подписал контракт на перевод «Незамеченного поколения». Теперь предстоит кошмар переделки этой книги для американского читателя. Это значит, что писание «настоящей» книги придется отложить еще по крайней мере на год. Это ужасно меня угнетает. А как Вы ездите в отпуск и куда? Кстати, никакой любви к Нью-Йорку я не питаю. Это трагический и страшный город, по-своему великий. Но жить в Нью-Йорке трудно и неуютно. А нью-йоркское лето я до сих пор вспоминаю с содроганием. А к Мюнхену я совсем привык. В смысле же комитетской работы оказалось гораздо лучше, чем в Нью-Йорке. Я сам теперь частично наговариваю мои скрипты, это очень помогает мне писать их более разговорно, более «радиофонично». И «поощрения» тут я больше вижу, чем в Нью-Йорке. Таня уже вернулась из Токио, но почти сейчас же укатила в Париж, а теперь у нее конференция в Майнце, потом опять Париж, Флоренция и Мексика. Так что мы никуда и покупаться не сможем поехать. Был здесь на несколько дней Вейдле. Каждый день в нашей комитетской конторе пьем кофе с Газдановым. По вечерам больше сижу дома. По праздникам осматриваю Мюнхен.

А как у Вас все в Новом Свете, на новом месте? Что в комитете? Правда ли, что всех «скриптрайтеров»¹ хотят перевести сюда. С кем Вы сошлись, с кем неладили? Шлю Вам и Элле Эдуардовне сердечный привет. Привет также Клавдии Сергеевне и всем другим симпатичным дамам и деятелям комитетским.

Ваш В. Варшавский

Получил и прочел уже «Комментарии» Георгия Викторовича². Он очень хорошо сделал, что собрал их в книжку. Собранные вместе, они очень выигрывают. Впечатление значительнее и глубже, чем когда читал их по отдельности. Я очень рад за него: получилась очень хорошая книга.

Архив ДРЗ. Ф. Г.А. Хомякова. Необработанные материалы. Автограф. Датируется по содержанию.

¹ От англ. scriptwriter — автор текста (досл.: сценарист).

² После известия о прекращении финансирования ЦОПЭ и, соответственно, издательской деятельности «Товарищества зарубежных писателей» Г.А. Хомяков запросил у Г.В. Адамовича и других авторов проспекты предполагаемых книг, с тем чтобы добиться финансирования их издания в США помимо ЦОПЭ (Г.В. Адамович — Г.А. Хомякову, 15 мая 1963 г. // Архив ДРЗ. Ф. Г.А. Хомякова. Необработанные материалы; Адамович Г.В. Комментарии (название предположительное) [проспект книги, 1963 г.] // Там же). Све-

денные воедино проспекты книг легли в основу «Плана издания книг Товарищества зарубежных писателей на 1963–64 год» (Архив ДРЗ. Ф. Г.А. Хомякова. Необработанные материалы), который, однако, никакой заинтересованности не встретил, после чего авторы самостоятельно начали искать возможность публикации. В конце концов книга Г.В. Адамовича была опубликована издательством «Русское книжное дело в США. Victor Kamkin, Inc.» [Адамович 1967].

39

*Г.А. Хомяков — В.С. Варшавскому
25 мая 1969 г., Нью-Йорк*

25 мая 1969 г.
Нью-Йорк

Дорогой Владимир Сергеевич, будущие Ваши биографы, очень может быть, будут поминать Вас не очень приличными словами: Вы не ставите в письмах дату — как же они будут разбираться, сортировать Ваши письма?!

Что Вы хотите взяться за статью о выступлении Сахарова¹ — хорошо, и, представьте, я даже не удивлялся, что Вы решились на это: всегда надо предполагать, что у автора есть желание писать, иначе зачем же к нему редактору обращаться? И написать о Сахарове стоит, надо бы обязательно². Но... — много тут не столько даже «но», сколько всяческих соображений и рассуждений, и не так-то легко с ними справиться и изложить их в статье. Вы правы, что Запад лишь очень, в сущности, бездумно порадовался сахаровскому выступлению, одобрил его, — но все это так поверху и так мелкотравчато, что словно бы даже не понял его и значения, а отчасти и содержания. В конце концов, именно тут, вероятно, скрыта причина причин возможности поражения и катастрофы — вроде бы в утрате способности жгуче, с болью интересоваться духовным состоянием нынешнего мира и работать над лечением этого состояния. Все делается «постольку-поскольку» либо ради минутной сенсации (долго ли «интересовались» тем же выступлением Сахарова? Да о нем уже забыли).

У меня давно есть ощущение — не раз я об этом и упоминал в своих статьях, — что, по существу, у России, у русских сейчас есть отличный шанс — на то, чтобы стать ведущей идейно силой в мире, чтобы практически возглавить идейно идущую перестройку отношений. Разработайте то, что хотя бы только набросано в сахаровском выступлении, — и Вы получите что-то вроде «основ нового мировоззрения», на которое откликнутся миллионы и на Западе. Беда, однако, в том, что ни в России, ни на Западе разрабатывать их некому, основы эти, по тем или иным причинам. Коммунисты ничего больше, как только «тащить и не пущать»³, ибо без этого им погибель, — а если бы они могли за это взяться, им надо было бы перестать быть коммунистами.

И вот как-то отразить все это — задача необычайно трудная. Правда, не знаю, как, о чем Вы хотите писать, но, на мой взгляд, без того, чтобы не задевать все это, м<ожет> б<ыть>, о Сахарове писать и не стоит. Ведь в этом — все практическое если не значение, то отклик на его выступление. Словом — пишите и присылайте, посмотрим. Написать Вам собирался уже несколько дней — очень уж тут суматошное место, для работы тоже не приспособленное (Вы писали как-то, что городок этот — не для жилья. Добавлю: и не для работы). Вообще же, никакого «подвига» с моей стороны в продолжении <>«Мостов»> нет. Смотрю реалистически: если появляется возможность выпустить — почему не использовать ее? Плохо то, что стареем и в этих условиях тем менее можем работать. Поэтому пользуйтесь, что вы в Мюнхене: там для работы лучше. Здесь же всегда что-нибудь случается, и если задумаешь на выходные сделать то и это, редко это удается. Вот сегодня день прошел в похоронах: хоронили одного старого знакомого, ездили в Новое Дивеево⁴ — письмо это — единственное, что сделал за день. Да, там видел и говорил с ним — В.П. Стенича⁵, который просил передать Вам привет. Шлем свои приветы и мы, —

Ваш Г. Хомяков

Архив ДРЗ. Ф. 54 (В.С. Варшавский). Необработанные материалы. Машинопись, подпись — автограф.

¹ [Сахаров 1968].

² В.С. Варшавский не написал статью об А.Д. Сахарове для 15-го номера «Мостов» (1970).

³ Фраза, символизирующая полицейский произвол и самоуправство. Впервые — в рассказе Г.И. Успенского «Будка» (1868).

⁴ Новодивеевский монастырь (также Ново-Дивеево, Новое Дивеево) — ставропигиальный женский монастырь Русской православной церкви за границей. Основан в 1949 г. Расположен в городе Нануэт, штат Нью-Йорк.

⁵ Неустановленное лицо.

40

*Г.А. Хомяков — В.С. Варшавскому
21 декабря 1969 г., Нью-Йорк*

21 декабря 1969 г.
Нью-Йорк

Дорогой Владимир Сергеевич,
письмо Ваше получил, спасибо, но собрался ответить тоже не сразу. С тем, что о сахаровской брошюре ничего не напишете, — с этим я уже примирился, так что не оправдывайтесь! Худо тут то, что очень уж скудно стало в русском заграничном мире, ни на что нас не хватает. Кочетов¹ в этом отношении прав, но и он

действительного положения вещей не знает и сильно эмиграцию переоценивает, как и все они там.

Об Амальрике² мнение у меня, пожалуй, двоякое. Я тоже за то, чтобы его передавать³, но не столько с комментариями, сколько «с сопровождением», объясняющим цель этой затеи, передачи такого несомненно сомнительного текста — с тем чтобы постараться возбудить «движение умов», заставить думать: а как *вы* относитесь (слушатель) к этому явлению, что вы думаете по тем вопросам, которые обсасывает (хотя бы по видимости) Амальрик? Иначе говоря, чтобы передачи его текста провоцировали бы слушателей на обсуждение и попытку найти ответы.

Вообще же говоря, тип сей вряд ли без прохвостизма. Есть некий налет блеска и похожесть на глубину, — но без таковой. Прочел малость из Бердяева, малость из Федотова, добавил дешевых выдумок об «угрозе желтой»⁴ (их нагородить сейчас можно сколько угодно, даже и более весомых по виду) — и вот перед Вами вроде бы глубокомысленное рассуждение о судьбах России и мира.

На кого они рассчитаны? Какую цель преследуют? Если это не провокация тоже и если писал пусть не русский, но русской культуры и русского «быта» человек, то — вероятно, это прохвост. Ибо и по содержанию, и по тону не видно ни кровной заинтересованности автора, ни душевной боли, — и ни большой учености. Ученый сухарь мог бы написать и без боли, но тут слишком много развязности, ухода в болтовню, чтобы был ученый. И русский так не напишет, если он не прохвост, пишущий с соответствующей целью. В общем, дело, скорее всего, нечисто. У нас тут очень близко к сердцу принял его Коряков, но другие его отринули или отнеслись с большим подозрением. Последнее испытывает, кажется, и высокое начальство.

За сим — сердечные поздравления с праздниками и всего лучшего в Новом году!

Ваш Г. Хомяков

Архив ДРЗ. Ф. 54 (В.С. Варшавский). Необработанные материалы. Машинопись, подпись — автограф.

¹ Речь идет об изображении эмиграции в романе «Чего же ты хочешь?» (1969) советского писателя Всеволода Анисимовича Кочетова (1912–1973).

² Амальрик Андрей Алексеевич (1938–1980) — советский диссидент, публицист, писатель. Эмигрант.

³ В письме обсуждается возможность чтения в эфире историко-публицистического эссе А.А. Амальрика «Просуществует ли Советский Союз до 1984 года?», написанного весной — летом 1969 г. в СССР и распространявшегося в виде самиздата. Эссе впервые было опубликовано типографским способом в 1969 г. [Амальрик 1969].

В.С. Варшавский скептически отнесся к книге А.А. Амальрика (см., например: [«Я с Вами привык к переписке идеологической...» 2010, с. 337]).

⁴ Одной из возможных причин неизбежного распада СССР А.А. Амальрик называл войну с Китаем.

Г.А. Хомяков — В.С. Варшавскому
11 июня 1976 г., Бейвилл

11 июня 1976 г.
Бейвилл

Дорогой Владимир Сергеевич,

122-я книга <<Н<ового> ж<урнала>>¹, наверно, до Вас еще не добралась — она сделана по новому способу, фото, но, пожалуй, даже и не заметно, если не знать.

Читал и вторую Вашу статью с тем же вниманием². Да, приходится вертеться все время вокруг этих вопросов, от них никуда не уйдешь, хотя наши писания в данном случае — вроде бы только, как я говорю, «для отведения души». Положение в Европе дрянное, что и говорить — но, м<ожет> б<ыть>, и сами коммунисты не будут очень торопиться? Иногда создается и такое впечатление, что в Москве быстрого расширения побаиваются. Все же, ни Лениных, ни Сталиных там теперь нет, а у мелкоты от больших масштабов может и отрезвление некоторое происходить.

Держатся в Германии, которой малость истеричная Пирожкова³ давно предсказала скорую гибель. Она как-то писала обо мне, что я в Германии был как турист и ничего не увидел (значит, увидел, не как она)⁴ и т. д. — ан, пока выходит по-моему. И Брандт, и Венер⁵, и другие вожаки соц<иал>-демократии там отлично сознают, что будут первыми повешены, если пойдут на тесный сговор с коммунистами, — они и сопротивляются. А это для Европы, где немцы остаются самым сильным народом, очень много, если не все. Еще бы англичан к ним пристегнуть, но те, со своей островной психологией, пока никак на это не идут. М<ожет> б<ыть>, придется.

Ваша статья в <<Н<овом> ж<урнале>> о <<Чевенгуре>>⁶ тоже интересная. Но — в обычном нашем плане, ставшем уже традиционным. А если повернуть тему этак на 180 градусов? А читали Вы «Котлован»⁷ платоновский? В этом же духе, и потому многие «новейшие» в восторге, считают Платонова великим, даже величайшим писателем, а я думаю — ерунда.

Хилиазм⁸, апокалипсический характер революции, — все это так, к таким утверждениям мы привыкли, — а поставить так вопрос: а не выдуманы ли они нашей литературой, нашими писателями, в большой, во всяком случае, мере? И началось еще до революции — весь «Петербург» Белого⁹ выдуман, сделан, основан на исключительности. А после революции пошло потоком, начиная с Пильняка¹⁰; даже Клюев забормотал о «керженском духе» и «поморских заветах», будто бы присущих Ленину¹¹. Это интереснейшая и важная тема, об изображении революции «внизу» не такой, какой она была, притом изображении искреннем. И тут же — подготовленность к этому символизмом. Заквашенный в истоках, у Соловьева, В<ячеслава> Иванова на христианстве, даже православии, на «чистом чаянии новых неба и земли»¹², — в руках заплочных дел мастеров большевизма это нежнейшее русское интеллигентское творение превратилось — в топор и маузер чекистов (Ваше слово, товарищ маузер! — эффектно изрек Маяковский¹³).

И результат — соцреализм, в коем — сколько от вывернутого наизнанку символизма! Тема интереснейшая, но кто же возьмется за нее под угрозой немедленного и вечного проклятия со стороны всех наших «прогрессистов». И не только их: это же вроде покушения на святая святых.

Однако я расписался. Привет и лучшие пожелания,

Ваш Г. Хомяков

Архив ДРЗ. Ф. 54 (В.С. Варшавский). Необработанные материалы. Машинопись, подпись — автограф.

¹ Г.А. Хомяков в 1975–1977 гг. входил в редколлегию «Нового журнала», редактируя журнал совместно с Р.Б. Гулем.

² Вторая статья — [Варшавский 1975б]. Ей предшествовала статья [Варшавский 1975а].

³ Пирожкова Вера Александровна (1921 г.р.) — журналист, педагог, мемуарист. Эмигрантка. В 1990-х гг. вернулась в Россию.

В описываемое время преподавала политологию в Мюнхенском университете и редактировала журнал «Голос зарубежья» (1976–1982).

⁴ Установить, о какой публикации идет речь, не представляется возможным.

⁵ Брандт Вилли (Brandt; наст. имя Герберт Эрнст Карл Фрам (Herbert Ernst Karl Frahm); 1913–1992) — немецкий политический деятель, член Социал-демократической партии Германии. Председатель Социал-демократической партии Германии (1964–1987). Федеральный канцлер ФРГ (1969–1974). Лауреат Нобелевской премии мира (1971). Венер Герберт Рихард (Wehner; 1906–1990) — немецкий политический деятель, член Коммунистической партии Германии и Социал-демократической партии Германии. Депутат бундестага (1949–1983). Федеральный министр внутригерманских отношений (1966–1969). Глава фракции Социал-демократической партии Германии в бундестаге (1969–1983).

⁶ [Варшавский 1976а].

⁷ Роман «Чевенгур» (1926–1928) и повесть «Котлован» (1930) — наиболее значительные произведения советского писателя А.П. Платонова.

⁸ Хилиазм (от греч. χίλιός — тысяча) — религиозно-мистическая теория в рамках христианской эсхатологии, предрекающая тысячелетнее земное «царствование Христа», по окончании которого наступит Страшный суд, конец истории и установление нового вечного порядка.

⁹ «Петербург» — роман Андрея Белого (1912–1913).

¹⁰ Намек на роман Б.А. Пильняка «Голодный год» (1922), в котором писатель проводил мысль о революции как реставрации подлинно народного облика допетровской России.

¹¹ Намек на стихотворение Н.А. Клюева «Есть в Ленине керженский дух...» (1918).

Керженец — река в Нижегородской области, левый приток Волги. Поселения старообрядцев на берегах реки в XVII–XIX вв. получили названия керженские скиты, сами общинники — кержаки.

«Поморские заветы» — описка Г.А. Хомякова. У Клюева — «Он ищет в “Поморских ответах”».

Поморские ответы (официальное название — «Ответы пустынножителей на вопросы иеромонаха Неофита») — одно из важнейших апологетических произведений старообрядцев всех согласий (1723). Было создано в качестве ответов на сборник вопросов иеромонаха Русской православной церкви Неофита, прибывшего в Выговскую старообрядческую беспоповскую общину для диспута о вере.

¹² Аллюзия на Откровение Иоанна Богослова (21: 1).

¹³ Строки из «Левого марша» (1918) В.В. Маяковского.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Письма Г.А. и Э.О. Хомяковых Т.Г. Варшавской

1

Г.А. и Э.О. Хомяковы — Т.Г. Варшавской

25 февраля 1978 г., Бейвилл

25 февраля 1978 г.

Дорогая Татьяна Георгиевна,

получили мы вчерашнюю газету (она к нам приходит через день) и, как говорится, глазам не верим: видим траурные объявления, что Владимир Сергеевич умер¹. Ах, какое несчастье! Я слышал еще в январе (не знаю уже, от кого, из источника, о котором говорят, что «слухом земля полнится»²), что он должен подвергнуться операции, но и мельком даже не подумал, что может быть такой трагический исход.

Страшно жалеем, и Вас тоже, и шлем Вам самые горячие соболезнования. В самом деле, «нашего полку убывает»³, да еще как, когда уходят такие люди, как Владимир Сергеевич. Стареешь, память уже совсем дырявая, и не могу припомнить, когда и где познакомились мы с ним, но что-то давно, лет около тридцати, и давно переписывались. И вот не стало его. Это и для нас всех большая и невосполнимая утрата.

Не думаете переезжать сюда? Или останетесь там работать?⁴ Еще раз — шлем наши искренние сожаления.

Ваши Э. и Г. Хомяковы

Архив ДРЗ. Ф. 54 (В.С. Варшавский). Необработанные материалы. Машинопись, подпись — автограф.

¹ [Седых 1978].

² Устойчивое выражение (из русской пословицы: «Слухом земля полнится, а причудами свет»).

³ Устойчивое выражение (из русской народной песни «А мы просо сеяли»).

⁴ После смерти супруга Т.Г. Варшавская осталась в Европе.

2

Г.А. Хомяков — Т.Г. Варшавской

27 августа 1983 г., Бейвилл

27 августа 1983 г.

Дорогая Татьяна Георгиевна,

получил на днях книгу¹ и письмо² — спасибо! Из письма, кстати, узнал о Вашем существовании — давно ничего не слышал, да и неоткуда было.

Вполне понимаю Ваше недовольство недостатками, типографическими, выпущенной книги. Читая и встречая Ваши поправки, удивлялся: как это они смогли допустить столько пропусков, неряшливости, — ведь типография настоящая, не любительская³. Вместе с тем не стоит Вам так расстраиваться, принимать слишком близко к сердцу: книга все равно ценная, она заполняет пробел в этой тематике. Прав, конечно, о. Александр в предисловии, сказав, что она производит впечатление черновика⁴. Вот тут надо было Вам, как фактической издательнице, вмешаться и дать небольшое пояснение о том, как писалась и составлялась эта книга автором, — не посмертная, а предсмертная⁵.

Но повторяю, и в этом виде она остается ценной и значительной. Недавно в сборниках «Память» читал отзыв некоего советского историка о книге Пайпса «Россия при царском режиме» (точно не помню названия), основательно написанный и отвергающий концепцию Пайпса, что в России (в СССР) все осталось как было⁶. Была охранка — стал КГБ, было крепостное право, стали колхозы и т. д., так что коммунисты внесли только внешние изменения. В след<ующем> сборнике был ответ Пайпса⁷, такой же «твердокаменный», как и во всей книге. Книга В.С. и есть веский вклад в этот спор. Жаль, конечно, что при переделке, авторской, она оказалась как бы «разжиженной», ослабленной, — первые главы, напечатанные в <<Н<овом> ж<урнале>>⁸, были динамичней, определенной. Но что же делать, если автору не суждено было довести до конца свой труд. Да, и глава «Новый град» здесь как бы «приставлена»⁹, вроде даже бы попытки некоего оправдания, — зачем? И перед кем?

В отношении отзыва о книге в «Р<усской> мысли» — так меня же уволили и из «Р<усской> мысли», и из «Н<ового> р<усского> с<лова>», я третьим оказался совсем непригодным. М<ожет> б<ыть>, они сочли меня националистом или как еще, только меня они давно уже перестали печатать. Да у них теперь и цензура появилась, как и крайняя бесцеремонность в обращении с авторами, — это тоже не по мне.

В прошлом году мне предлагали разные лица из нашей эмиграции начать издавать чисто русский (не русскоязычный) журнал, небольшой, но тогда болячка моя только обострялась, и мне было не до того. В этом году стало малость лучше, но теперь типограф загнул стоимость вдвое выше прошлогодней, и не знаю, одолеем ли мы эту преграду. На первый номер у меня материал уже собран, но не знаю, как еще будет¹⁰.

«Болячка» моя — эмфизема, давшая знать о себе два года назад. Она не очень опасна и жить с ней, в общем, можно, но иногда она изводит очень. Главная беда — от нее еще нет избавления, лечить ее нынешняя медицина, несмотря на все ее явные и мнимые успехи, не научилась. Но бывает, что она немного отпускает, становится малость легче. Нынешняя погода (уже два месяца, как жарит по 30 и больше градусов Цельсия) мне даже помогает: мне нужно тепло и сухо. Но нынче, пожалуй, уже чересчур.

Принимайте наши с Эли сердечные приветы и будьте здоровы!

Ваш Г. Хомяков

Архив ДРЗ. Ф. 54 (В.С. Варшавский). Необработанные материалы. Машинопись, подпись — автограф.

¹ [Варшавский 1982].

² Письмо Т.Г. Варшавской не сохранилось.

³ Книга была отпечатана в типографии «Imprimerie P.I.U.F.» (3, rue du Sabot, Paris).

⁴ [Шмеман 1982, с. III].

⁵ Труд В.С. Варшавского «Родословная большевизма» остался незаконченным и вышел посмертно с редакторской правкой Т.Г. Варшавской.

⁶ [Шанецкий 1981]. В обсуждении книги Р. Пайпса «Россия при старом режиме» (Кембридж, 1980) приняли участие трое историков из СССР (С. Момин, С. Двинский, А. Шанецкий), последний взял на себя труд оформления замечаний в статье. Под псевдонимами скрывались: А. Шанецкий — Я.С. Лурье, С. Момин — Л.Я. Лурье, С. Двинский — коллективный псевдоним А.И. Добкина и А.Б. Рогинского.

⁷ [Пайпс 1982].

⁸ [Варшавский 1976б; 1977].

⁹ [Варшавский 1982, с. 159–204].

¹⁰ Мысль о создании нового русского журнала появилась у Г.А. Хомякова весной 1982 г., после того как он покинул пост редактора журнала «Русское возрождение». Хомяков был поддержан частью эмигрантской общественности в США (Г.А. Хомяков — Г.П. Струве, 30 апреля 1982 г. // НИА. G.P. Struve papers. Box 94, folder 12). Более подробных сведений о названии журнала, его учредителях и программе нет. Судя по всему, попытка издания упомянутого журнала не удалась.

ХРОНИКА

Н.И. Герасимов

КРУГЛЫЙ СТОЛ «ИСТОРИЯ АНАРХИСТСКОЙ ЭМИГРАЦИИ»

Москва, 19 мая 2017

Первое за всю историю современной России научное мероприятие, посвященное изучению не очень известного сюжета из истории русской эмиграции, закономерно состоялось в стенах главного научного центра по исследованию российского зарубежья. История анархистской эмиграции пока еще не представлена в качестве самостоятельной области знания, но количество научных публикаций и исследований по этой теме стремительно растет. Целью круглого стола, собравшего специалистов из самых разных научных организаций, было обсудить имеющиеся результаты, а также перспективы дальнейших научных изысканий.

История анархистской эмиграции — пограничная область исследований на стыке истории мирового анархистского движения и истории русской эмиграции. Исследователи русского зарубежья обычно отдают предпочтение представителям консервативного направления русской политической мысли, реже — либерального, еще реже — социал-демократического. Специалисты по истории анархизма редко посвящают сюжету об эмиграции русских анархистов в XX в. отдельные научные статьи, предпочитая вплетать его в общую ткань истории развития мирового анархистского движения. Тем не менее многие имена и события, связанные с эмиграцией анархистов после начавшегося большевистского террора, известны современным ученым. Более того, благодаря росту публикаций архивных материалов становится ясно, что данная сфера знаний требует самостоятельной разработки.

После смерти П.А. Кропоткина 8 февраля 1921 г. большевики стремительно усиливают гонения на анархистов, обвиняя их в «буржуазности» и «контрреволюционности». К лету того же года на юге России окончательно уничтожается «маховщина». Сам Н.И. Махно, израненный, эмигрирует в Европу. Тогда же в Москве в Таганской тюрьме русские анархисты объявляют голодовку, требуя свободы и снятия с себя всяких обвинений. В результате большевистским правительством было принято решение о высылке из России некоторых участников голодовки, в числе которых были В.М. Волин, Г.П. Максимов, А. Горелик и еще 10 анархистов.

Как и в случае с «философским пароходом», многие теоретики русского анархизма были высланы из советской России целенаправленно также в 1922 г. В январе поездом через Латвию с поддельными чехословацкими паспортами русские анархисты попадают в Германию. В Европе их опыт революции оказывается очень востребованным — немецкие и французские крайние левые силы оказывают под-

держку высланным русским революционерам и предоставляют им возможность печататься в различных периодических изданиях.

1920–30-е гг. знаменуются развернувшейся полемикой вокруг идеи интеграции русского эмигрантского анархистского движения. Согласно П.А. Аршинову и Н.И. Махно анархисты должны сплотиться в единую крупную организацию, забыв о прошлых идеологических разночтениях [Аршинов, Махно 1926]. Такая организация должна быть не просто идейно монолитной, но и структурно дисциплинированной. Кроме того, с точки зрения теории анархисты должны принять идею одномоментного перехода общества от капиталистически-буржуазного настоящего к анархо-коммунистическому будущему. Согласно «платформизму» анархизм концептуально исключает любые «переходные» стадии общественного развития [Skirda 1987, p. 174]. Г.П. Максимов, как и А.М. Шапиро, Э. Малатеста, М. Неттлау, М. Корн и многие другие известные деятели мирового анархистского движения, видел в инициативе «платформистов» иезуитские корни, идейные построения, близкие к воззрениям большевиков. Предлагаемые идеи по сути сводились к созданию организации квазипартийного типа. Сам П. Аршинов достаточно четко обозначил необходимость переосмысления опыта большевистской политики: «Необходимо в то же время радикально изменить свое отношение к пролетарскому государству СССР, которое является зародышем нового мира — мира освобожденного труда» [Аршинов 1931, с. 15–16]. Стоит отметить, что сам анархизм, всегда выступавший против любых форм парламентаризма, в своем основании никак не мог найти точку согласования с радикальными ревизионистскими воззрениями Аршинова и Махно. Даже соратник Н.И. Махно в годы Гражданской войны В.М. Волин не захотел иметь ничего общего с такой программой действий [Авроч 2006, с. 254].

Круглый стол открылся докладом Н.И. Герасимова (ДРЗ). В своем сообщении он сделал общий обзор основных анархистских эмигрантских центров русского зарубежья в Германии, Франции, США, Канаде и Аргентине. Герасимов отметил, что немалую роль в поддержке высланных из советской России анархистов сыграли русские анархисты «нулевой» волны, революционеры, бежавшие из Российской империи. Реакционная царская политика в отношении рабочего и крестьянского общественного движения привела к активной трудовой эмиграции в начале XX в. Сформировавшиеся за рубежом профсоюзы из русских рабочих-эмигрантов создали материальную основу для развития анархистской периодики в 1920–30-е гг. Несмотря на то что идейное разнообразие в теории анархизма русской эмиграции было весьма широким (от анархо-коммунизма до мистического анархизма), наиболее распространенным направлением в русском анархизме того времени стал анархо-синдикализм, считавший первостепенной необходимостью для освободительного движения создание крепких, независимых от государства трудовых союзов. Это подвело автора доклада к выводу, что история анархистской эмиграции должна обязательно сочетаться с историей русской трудовой эмиграции начала XX в.

В.В. Дамье (Институт всеобщей истории РАН) рассказал о жизни и деятельности в эмиграции В.М. Волина, родного брата литературоведа Б.М. Эйхенбаума. Он отметил, что В.М. Волин был не просто участником анархистского эмигрант-

ского движения, но и теоретиком анархизма мирового масштаба, к мнению которого прислушивались анархисты из Франции, Германии и Испании. В 1936 г. Волин принимает предложение от испанской Национальной конфедерации труда быть редактором франкоязычной версии издания «Антифашистская Испания». Посчитав удачным опыт испанского освободительного движения, он возлагает большие надежды на французских анархистов. Год спустя, в 1937-м, вместе с Андре Прюдоммом он редактирует газету «Тер либр» («Terre libre») и пишет для нее статьи, в которых настаивает на отсутствии принципиальных различий между итальянским фашизмом, русским большевизмом и немецким национал-социализмом. В русскоязычной анархистской периодике В.М. Волин выступает на стороне критиков «платформизма», усматривая в нем зачатки большевистского дискурса. До самой смерти Волин оставался последовательным антифашистом и сторонником идеи социальной революции как ответа на разразившуюся в 1939 г. Вторую мировую войну. В.В. Дамье отметил, что В.М. Волин является автором наиболее интересной книги по истории русской революции «Неизвестная революция», работу над которой он закончил в 1940 г. В 1941 г. Волина пытаются уговорить покинуть Францию и переехать в Мексику, но он отказывается, аргументируя это тем, что ему необходимо «готовиться к революции после окончания войны». Во время немецкой оккупации он распространяет антифашистские листовки, в которых призывает рабочий класс ни в коем случае не иметь дело с участниками Сопротивления и создавать собственные боевые группы для трансформации войны в мировую революцию. В.М. Волин ушел из жизни в 1945 г. Тело его было кремировано, а прах захоронен на кладбище Пер-Лашез рядом с Н.И. Махно.

Д.И. Рублев (РГАСПИ) посвятил свое выступление «американским» годам жизни Г.П. Максимова, главного редактора самого влиятельного анархистского эмигрантского журнала «Дело труда — пробуждение». Особенное внимание в докладе было уделено смене взглядов Г.П. Максимова в 1941 г., когда на столь ненавидимый им Советский Союз напали войска нацистской Германии. До начала Великой Отечественной войны в публикациях Максимова не встречается понятие «русского народа», а с момента нападения Гитлера на Россию слово «русский» применяется и к истории, и к политике, и к культуре. Д.И. Рублевым было высказано предположение о том, что после начала Великой Отечественной войны взгляды Г.П. Максимова приняли несколько «русофильский» характер. В отличие от В.М. Волина, Г.П. Максимов совершенно иначе видел природу Второй мировой войны. Он не разделял мнения, что социальная революция произойдет сама собой, что русским рабочим за рубежом не стоит высказывать какие-либо «оборонческие» мысли. Напротив, Г.П. Максимов настаивал на том, чтобы русские трудящиеся эмигранты выражали солидарность с советскими солдатами. Вторая часть выступления Д.И. Рублева была посвящена пока еще не изданной на русском языке книге «Гильотина за работой», являющейся, как и «Неизвестная революция» В.М. Волина, уникальным источником по истории русской революции и феномену большевистского террора.

А.Ю. Федоров (ООО «Столичное археологическое бюро») в своем докладе охарактеризовал этические воззрения А. Горелика, главного редактора анархистской

эмигрантской газеты «Голос труда», издававшейся в Аргентине. Докладчик провел параллель между идеями, высказываемыми А. Гореликом, и этическими концепциями, которые распространяли анархисты во время испанской революции 1931–1939 гг. (прежде всего натуралистический мютюэлизм). А.Ю. Федоров отметил, что моральные воззрения А. Горелика восходили не просто к философии взаимопомощи П.А. Кропоткина, но и конкретно к его позднему творчеству периода «Этики». Нравственные изыскания мыслителя имели в первую очередь практический характер — А. Горелик пытался понять динамику революции этически, рассмотреть стремительные изменения морального облика социума в период стихийной реорганизации всего политического и культурного поля. Моральная сторона большевистского марксизма, по его мнению, и является одной из причин, почему анархистам не удалось уничтожить капитализм в начале XX в. — сторонники рыночной экономики получили в свои руки миф о «левой» политической мысли, благодаря которому мир стал воспринимать русский большевизм как единственную альтернативу капитализму. Противопоставление капитализма и большевизма привело к тому, что и анархизм стал рассматриваться как вариация большевистского дискурса.

И.А. Гордеева (РГГУ) сделала сообщение о деятельности толстовцев-эмигрантов и христианских анархистов в XX в. по созданию Международного движения к христианскому коммунизму. Автор доклада сфокусировала свое внимание на творчестве В.Ф. Булгакова, одного из активнейших авторов бюллетеня, который издавало движение. И.А. Гордеева рассказала о специфике пацифистских взглядов последнего секретаря Л.Н. Толстого, о его этике и педагогике. В ходе сложившейся дискуссии обнаружилось, что многие положения христианского непротивленческого анархизма, которые были изложены В.Ф. Булгаковым на страницах бюллетеня Международного движения к христианскому коммунизму [Международное движение 1928], чрезвычайно схожи с идеями А. Горелика.

П.В. Рябов (МПУ) рассказал об эмигрантских годах А.А. Борового, о его общении с К.Д. Бальмонтом, И.А. Ильиным и Б.А. Кистяковским. Весьма интересными оказались и бытовые обстоятельства жизни А.А. Борового в Европе — помимо преподавательской деятельности, ему была предложена также и работа экскурсовода по Парижу.

Д.И. Пейч (ООО «Архэксперт») посвятил свое сообщение изданной в Нью-Йорке в 1923 г. книге анархиста-эмигранта Е. Ярчука, члена редколлегии известного анархистского эмигрантского журнала «Рабочий путь», о Кронштадтском восстании. Докладчик отметил, что Издание Исполнительного комитета профессиональных союзов, под редакцией которого в свет вышла книга Е. Ярчука, до сих пор представляет собой загадку: информации о членах издательской группы нет, кто финансировал издание — тоже неизвестно.

Заведующая Центром социально-политической истории ГПИБ Е.Н. Струкова рассказала об имеющихся в фондах ЦСПИ ГПИБ источниках по истории анархистской эмиграции и о сложности в систематизации этих печатных изданий, так как эмигрантские издательства анархистов, существовавшие до 1917 г., тесно связаны с анархистскими издательствами, возникшими уже после начавшегося

большевистского террора, — разделить источники на «до революции» и «после революции» весьма трудно. Е.Н. Струкова справедливо заметила, что эмиграция анархистов была настолько динамичной, что современным историкам имеет смысл использовать понятие «минус первой волны» русской эмиграции, так как эмигрировавшие из царской России анархисты в XIX в., вернувшись в Советский Союз, также эмигрировали из него в 1922 г.

Завершая круглый стол, В.В. Дамье высказал пожелание Дому русского зарубежья не забывать об анархистах-эмигрантах, оказавших большое влияние на мировую историю и культуру, и обязательно продолжать работать над изучением их наследия. Заметим, что пожелание тем более основательное в свете оживления в последнее время деятельности анархистского движения в Европе и в мире.

Литература

- Аврич 2006 — Аврич П. Русские анархисты 1905–1917. М.: Центрполиграф, 2006.
- Аршинов 1931 — Аршинов П. Анархизм и диктатура пролетариата (доклад конференции анархо-комм. групп Сев. Америки и Канады). Париж: Pascal, 1931.
- Аршинов, Махно 1926 — Аршинов П., Махно Н. Организационная платформа всеобщего союза анархистов. Париж: Изд-во группы русских анархистов за границей, 1926.
- Международное движение 1928 — Международное движение к христианскому коммунизму. Прага, 1928.
- Skirda 1987 — Skirda A. Autonomie individuelle et force collective: les anarchistes et l'organisation de Proudhon à nos jours. P., 1987.

Т.В. Марченко

НАУЧНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ ПРОЕКТ «ОТРАЖЕНИЯ»

И стоит, словно зеркало, пруд,
Отражая свои берега.

И, как в зеркале, меж тростников,
С берегов опрокинулся лес,
И уходит узор облаков
В глубину отраженных небес.

И.А. Бунин

Сложности перевода иногда помогают выявить смысл, обычно скрытый при употреблении слова на родном языке. Отражения — это не только «reflections», зеркальное воспроизведение образов внешнего мира, как в процитированном в эпиграфе стихотворении Ивана Бунина, это еще и «meditations» — размышления, раздумья, которые внешние образы вызывают в душе человека; и об этом тоже говорится в бунинском стихотворении, с его глубинами взаимных отражений и притяжений воды и неба, раскрывающими всю необъятность вселенной в человеческой душе.

Наши отражения («Отражения») связаны с научным познанием. Сотрудники отдела культуры российского зарубежья занимаются индивидуальными исследованиями широкого тематического спектра в области истории философии и литературы, историософии и культурологии, редко пересекаясь в своих научных интересах. Результатами своих исследований они могут поделиться либо с представителями той же специальности на различных профессиональных встречах (конференциях, семинарах), либо опубликовав их в научной периодике или в форме монографии. Однако Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына, превратившись за почти четверть века своего существования в ключевой центр изучения русской эмиграции, стал вместе с тем и уникальной площадкой для проведения образовательных, культурных, научно-просветительских программ, связанных с изучением русского зарубежья, сохранением и пропагандой его духовного наследия. Литературно-философские собрания «Отражения» были задуманы сотрудниками отдела с двойной целью, ретроспективной — знакомить коллег с результатами своих научных изысканий, с тем, что было сделано в недавнее время, с архивными находками, публикациями, книгами — и перспективной: опробовать разные форматы устных презентаций для дальнейшего формирования образовательных программ и просветительских проектов Дома русского зарубежья.

С января 2017 г. отдел культуры российского зарубежья приглашает раз-два в месяц всех желающих, интересующихся историей культуры, философии, литературы русской эмиграции, в малый зал Дома русского зарубежья им. А. Солжени-

цына на общедоступные литературно-философские собрания, посвященные духовному наследию русской эмиграции XX в. Собрания предполагают свободную форму проведения — лекции, семинары, круглые столы с участием исследователей отдела и приглашенных специалистов. Цель научно-просветительских собраний — познакомить с новыми материалами и исследованиями по философии и религиозно-философской мысли, литературе и искусству русского зарубежья, по рецепции русского интеллектуального и художественного наследия за рубежом.

Программа заседаний пилотного 2017 г. оказалась тематически широкой и жанрово разнообразной.

20 января цикл «Отражений» открылся лекцией доктора филологических наук Татьяны Вячеславовны Марченко «Русское зарубежье и Нобелевская премия по литературе: от Мережковского до Набокова (по архивным документам Шведской академии, Стокгольм)». В качестве эпиграфа Т.В. Марченко процитировала строку из песни Боба Дилана, нобелевского лауреата 2016 г.: «For the loser now will be later to win...» — ведь речь шла не о тех (весьма немногих) русских писателях, кому Нобелевская премия была присуждена, а как раз о «лузерах», о тех, кто по тем или иным причинам был отвергнут Нобелевским комитетом. Писателей-эмигрантов главная международная награда в области литературы привлекала не только возможностью прославиться, но и прагматической стороной — финансовым обеспечением. Среди русских литераторов, живших в изгнании и выдвинутых на Нобелевскую премию по литературе, — Д.С. Мережковский, К.Д. Бальмонт, И.С. Шмелев, П.Н. Краснов, а также прославленный философ Н.А. Бердяев. Уже в послевоенное время, когда в Шведской академии разгорелся спор вокруг кандидатур М.А. Шолохова и Б.Л. Пастернака, на премию были выдвинуты М.А. Алданов, Б.К. Зайцев, В.В. Набоков и Р.О. Якобсон... Появилось больше имен тех, кто жил в СССР, — А.А. Ахматова, К.Г. Паустовский, Е.А. Евтушенко...

Татьяна Марченко впервые заглянула в материалы Шведской академии (Стокгольм) двадцать лет назад. История начиналась с желания узнать подробности присуждения премии И.А. Бунину (1933) — и развернулась в масштабное исследование. Сразу выяснилось, что документальная коллекция Нобелевского комитета дает возможность не только перелистать некоторые страницы борьбы писателей-эмигрантов за престижную награду, но и осмыслить историю русской литературы XX в. через призму ее интерпретации западноевропейским сознанием. Еще шире и замечательнее: такое, по сути, «маргинальное» событие в мировом историко-культурном процессе, как ежегодное присуждение единственной международной премии по литературе, неожиданно позволяет раскрыть разные стороны восприятия России на Западе, особенности и даже истоки отношения к ее историческому пути и духовным традициям.

Всегда любопытно заглянуть за кулисы. Лекция целиком основана на впервые вводимых в научный оборот архивных источниках из архива Шведской академии (номинации, экспертные обзоры и финальные протоколы) и посвящена тому, как проваливаются гении, или почему Нобелевской премией оказались обойдены Бердяев, Мережковский, Бальмонт, Набоков... Некоторые из процитированных на лекции материалов (все переводы с иностранных языков осуществлены самой

исследовательницей) были опубликованы в «Ежегоднике Дома русского зарубежья» за 2016 г., другие прозвучали впервые. В конце 2017 г. выходит в свет монография Т.В. Марченко «Русская литература в зеркале Нобелевской премии» (М.: Азбуковник), основанная на аутентичных шведских источниках и отражающая историю обсуждения нобелевским ареопагом двух десятков кандидатур русских писателей, от Льва Толстого до Владимира Набокова, в 1901–1966 гг.

Следующее собрание, состоявшееся 16 февраля, было посвящено известному философу, богослову, литературному и музыкальному критику В.Н. Ильину (1891–1974) и его архивному наследию. В программу было включено три доклада: доктора философских наук Олега Тимофеевича Ермишина «Образ русской культуры в размышлениях В.Н. Ильина», кандидата исторических наук Елены Владимировны Бронниковой «В.Н. Ильин о проблеме гениальности в русской культуре» и главного хранителя ДРЗ Елены Владимировны Кривцовой «В.Н. Ильин о музыке XX века». На заседании обсуждались следующие темы: основные исследовательские интересы В.Н. Ильина в эмигрантский период, понимание культуры в трудах философа, его архивное наследие, а также работа над подготовкой неизданных исследований В.Н. Ильина (ближайшие и отдаленные перспективы). Блестящей кодой этого философского собрания с прекрасными музыкальными иллюстрациями стало яркое выступление кандидата философских наук Николая Игоревича Герасимова о рецепции В.Н. Ильиным (на материале его рукописи «История русской философии») воззрений М.А. Бакунина. Подготовленный молодым исследователем анархизма видеоряд позволил слушателям проглотить разъяснение сложных философских вопросов «как конфетку» (по образному выражению Д.С. Мережковского) — и заставил задуматься не только о принципах визуализации такой, казалось бы, невизуализируемой дисциплины, как философия, но и о насущной необходимости подкреплять «текстовое» выступление различными инсталляциями.

14 марта кандидат философских наук Ксения Борисовна Ермишина прочла лекцию «Евразийство и русская литература: разночтения. Два подхода к литературоведению». По мнению исследовательницы, евразийство можно рассматривать как микромодель русской эмиграции. На его примере прослеживаются судьбы русской эмиграции в различных аспектах — идеополитическом, религиозно-церковном, историко-научном, публицистическом, собственно философском. Евразийство не обошло вниманием и литературу. Раскол евразийского движения произошел во многом из-за разных прочтений евразийцами русской литературы. Непосредственным поводом к разрыву отношений между его пражской и парижской группами стало «Обращение М. Цветаевой к В. Маяковскому», которое П.П. Сувчинский планировал поместить в первом номере газеты «Евразия», в то время как П.Н. Савицкий горячо возражал против этого. Целую ночь, предшествующую выпуску газеты «Евразия», Савицкий буквально умолял Сувчинского снять «Обращение», но наутро обнаружил его в первом номере газеты «Евразия», после чего решительно порвал с парижской группой, возглавляемой Сувчинским. Это стало началом так называемого кламарского раскола, в результате которого движение перестало существовать.

В чем же причины и в чем сущность произошедшего конфликта? Поиском ответа на эти вопросы была посвящена лекция. К.Б. Ермишина обозначила два подхода к литературоведению, наиболее характерные для евразийства. Первый подход — «модернистский», которого придерживался Сувчинский, второй — географический, предложенный Савицким, при этом оба основателя евразийского движения питали первостепенный интерес к советской литературе, но выделяли в ней разные литературные индивидуальности. И только древнерусская литература примиряла всех евразийцев. Так, например, о «Житии протопопа Аввакума» писали Д.П. Святополк-Мирский, П.Н. Савицкий, Н.С. Трубецкой, а П.П. Сувчинский опубликовал текст замечательного литературного памятника XVII в. в первом номере «Верст». Русская литература в лекции К.Б. Ермишиной предстала в центре политических страстей, что, впрочем, не было обусловлено особым «евразийским» прочтением художественных текстов: художественная литература во все времена имеет не только эстетическое, но и политическое измерение, оказывается камнем преткновения и способом опознания «своих» и «чужих».

Кстати, о камнях; точнее, о «музыке в камне» — архитектуре. 21 марта в рамках научно-просветительского проекта «Отражения» Кирилл Владимирович Постернак, научный сотрудник Государственного музея архитектуры им. А.В. Щусева, заведующий сектором Биографического словаря архитекторов, рассказал о трех веках русско-французских связей через зодчество и представил богато проиллюстрированные видеорядом примеры русского архитектурного наследия во Франции, прежде всего в Париже и его окрестностях и на Лазурном Берегу.

Неожиданная удача: Кирилл Постернак собирал материал для выступления на одном из мероприятий Музея архитектуры им. Щусева. Специалист по эпохе барокко в русском зодчестве вышел за привычные хронологические рамки, открыв для себя русское архитектурное присутствие во Франции. А открыв, захотел поделиться с коллегами из музея *in spe* — с Домом русского зарубежья, экспозиционно-выставочный центр которого находится в процессе строительства.

Русские архитекторы строили немало в странах русского рассеяния, прежде всего в Белграде и Харбине XX в. А вот русско-французские архитектурные связи уходят в глубину трех веков: Петр I не оценил французского классицизма и русских студиозусов в области градостроительства послать туда отказался, а век спустя Монферран преподнес не случайно проезжавшему через Париж Александру I альбом с собственноручно исполненными французскими архитектурными видами. Французы начали строить в России, а во Франции стали возводиться первые православные храмы — хорошо известный собор Александра Невского на рю Дарю в Париже, первый православный храм в европейской (католической, между прочим) столице, а затем и церкви, часовни, усыпальницы по всему Лазурному Берегу, удивляя и даже поражая французов экзотичностью русско-византийского стиля, который обретал самые невероятные формы, очертания и даже цветовые решения. Кирилл Владимирович останавливался и на внутреннем дизайне храмовых пространств, рассказывая о создании иконостасов и фресковой живописи. Мелькали слайды, каждой истории отводилось несколько минут — но многое запомнилось, тем более что для сотрудников и постоянных посетителей

Дома русского зарубежья имена иконописцев Юлии Рейтлингер или Дмитрия Стеллецкого давно не чужие.

В XX столетии стиль рюс, на который парижане и миллионы гостей французской столицы достаточно надивились в русских павильонах довоенных Всемирных выставок, сменяется революционным авангардом К.С. Мельникова (выставка 1925 г.). Его осуществленные проекты опережали современное строительство и идеи великого Корбюзье на десятилетия, а неосуществленные и сейчас кажутся ошеломляющими по дерзости и размаху. Торжеством советской России стал и павильон 1937 г., облицованный самаркандским мрамором и с устремленными вперед фигурами рабочего и колхозницы работы Веры Мухиной — через Марсово поле на пути их стремительного шага встал павильон гитлеровской Германии с мрачно восседающим на плоской его крыше стервятником. Какие символы! Какие знаки исторической судьбы...

Но были в Париже и архитектурные истории «эмигрантского происхождения»: Альберт А. Бенуа, Н.И. Исцеленов (Исцеленнов), И.И. Фидлер. Это прежде всего православное культовое строительство, во Франции не прекращавшееся в течение XX в., а также столичные многоквартирные дома, отражающие характер той или иной эпохи, и виллы, и даже участие в таких проектах, как мрачный небоскреб башни Монпарнас (расчеты делал Исцеленов) или Штаб-квартира ООН в Нью-Йорке (при участии инженера-строителя Владимира Бодянского). Лекция завершилась новым визуальным образом современного Парижа, недавно открытым Русским центром, вызвавшим живое обсуждение собравшихся.

«Кто не анархист в сердце своем, тот любит насилие и власть как начало самостоятельное и цель». Это небесспорное утверждение Н.А. Бердяева было предположено кандидатом философских наук Николаем Игоревичем Герасимовым лекции на тему «Проблема анархизма в философии русского зарубежья», прочитанной 13 апреля. В действительности лекция имела гораздо более широкий диапазон, поскольку была посвящена не только и не столько философии, сколько жизни и быту русского анархиста в эмиграции. Заметим, что анархизм был, вероятно, единственным политическим течением, русских представителей которого, извергнутых из страны после Октября 1917 г. в результате разных идеологических, политических и милитаристических споров, органично поглотил мировой — космополитический — анархизм.

Но как он оказался причастен общей судьбе изгнанникам из отечества? В то время как в Германии, Франции, Бельгии, США и Аргентине функционировало множество «послереволюционных» анархистских издательских центров, а известные всему миру русские эмигранты — теоретики анархизма Г.П. Максимов, В.М. Волин и П.А. Аршинов писали десятки статей, в которых делились опытом «1917 года», Н.А. Бердяев, В.В. Зеньковский, Д.С. Мережковский и другие деятели религиозно-философской культуры осмысливали метафизику русского анархизма так, будто бы вся освободительная антиэтатистская мысль завершилась смертью П.А. Кропоткина в 1921 г. Кажется, философы русского зарубежья намеренно не замечали, что рядом, буквально через дорогу, существовала другая эмиграция — идейно слишком чуждая религиозно-философской мысли, но творческая и кипучая.

Почему проблема анархизма в философии русского зарубежья осмысливалась без привлечения «посткропоткинианских» идей? Почему русские философы ограничивали себя определенным набором персон, как будто не было никакого расцвета теории анархизма в начале XX в.? Какую роль проблема анархизма играла в созданной ими историософии и почему Н.А. Бердяева, Д.С. Мережковского и других интересовали теоретики XIX в., но отнюдь не XX? И главное, — почему без обращения к истории анархистской эмиграции невозможно понять итоги религиозно-философского осмысления русского анархизма? Лектор попытался не только ответить на эти и смежные вопросы, но и поставить другие, не менее острые и животрепещущие для истории русского анархизма XX столетия. Завороженные эмоциональным рассказом слушатели получили довольно внятное и подробное представление о русском анархизме, начиная от его классиков — вечных эмигрантов Бакунина и Кропоткина; богатый иллюстративный материал оказался особенно ценен раритетными архивными фотографиями и страницами анархистской эмигрантской периодики. Но совершенно особым и неожиданным украшением лекции стала демонстрация «языка “АО”» братьев Гординых, в которой лектору ассистировал его соавтор Д.И. Ткаченко.

5 июня в рамках проекта литературно-философских собраний «Отражения» прошел круглый стол «Мать Мария (Скобцова) как художник и иконописец».

В трех докладах, сопровождаемых показом слайдов, была рассмотрена наименее изученная часть творчества матери Марии: ее живопись, иконы и вышивки. Открыв семинар, его организатор кандидат философских наук Наталья Владимировна Ликвинцева в докладе «Раннее творчество Е.Ю. Кузьминой-Караваевой: между поэзией и живописью» познакомила собравшихся с ранним живописным творчеством Е.Ю. Кузьминой-Караваевой (опираясь главным образом на коллекцию рисунков Ахматовского музея, работникам которого была выражена глубокая признательность за помощь и сотрудничество), с параллелями в литературных и живописных творческих исканиях автора. Она рассказала о тех, кто повлиял на становление Кузьминой-Караваевой как художницы, о ее участии в III выставке Союза молодежи в окружении лучших представителей русского авангарда, об особенностях союза и неожиданных творческих связях участницы гумилевского «Цеха поэтов» с футуристами; о том, как и в поэзии, и в живописи постепенно шел переход от поисков внешних форм выразительности к внутренней экспрессии, особенно ощутимой при классической метрике стиха и следовании иконописному канону.

Затем Александр Михайлович Копировский (искусствовед, кандидат педагогических наук, магистр богословия, профессор СФИ) в докладе «Особенности иконографии и содержания вышивки “Жизнь царя Давида”» подробно проанализировал замысел и особенности этой вышивки, ее связь со знаменитым «ковром из Байте», или вышивкой королевы Матильды XII в., к которой нас отсылает и последняя, лагерная вышивка матери Марии (косынка Розан Ласкру). Детально рассмотрев композицию «Жизни царя Давида» и иконографию основных клейм вышивки, докладчик показал удивительное новаторство матери Марии, свободно цитирующей источник и создавшей произведение, не имеющее аналогов в тра-

диционном храмовом декоре, свидетельствующее о новом творчестве в церкви постконстантиновской эпохи. Между прочим, А.М. Копировский поднял один чрезвычайно существенный вопрос, затрагивающий изучение русского зарубежья в целом. Исследователь указал, что мать Мария (Скобцова) вовсе не являлась ни оригинальным художником, ни исключительным поэтом; ее достижения в литературе и искусстве весьма скромны. Однако эта женщина — одна из крупнейших фигур русской послереволюционной эмиграции, одна из самых замечательных и, возможно, самая символическая. В центре изучения ее духовного наследия должна стоять она сама, ее необыкновенная личность и судьба.

Завершила семинар Галина Юрьевна Серова (искусствовед, старший научный сотрудник Государственной Третьяковской галереи). В докладе «Мать Мария и Наталья Гончарова. Шитье “Тайная вечеря” в контексте русского авангарда» она тщательно проанализировала позднюю, одну из самых примечательных вышивок матери Марии «Тайная вечеря». Обратив внимание на непосредственный источник работы — фрески храма Спаса на Нередице, автор подробно проанализировала, как само заимствование и копирование проходит у матери Марии через «школу авангарда», через то особенное отношение к копированию и к древнерусскому искусству, которое появилось в раннем русском авангарде, особенно у Натальи Гончаровой. В свете такой художественной генеалогии и были показаны новизна и художественные особенности данной вышивки.

В заключение Н.В. Ликвинцева сказала еще несколько слов о лагерных вышивках матери Марии, созданных художницей в нацистском концлагере Равенсбрюк, незадолго до мученической смерти.

Программа осенне-зимних собраний открылась 19 октября заседанием, посвященным 125-летию со дня рождения известного музыковеда, публициста, издателя, деятеля русского зарубежья Петра Петровича Сувчинского (1892–1985). Организатором историко-философской и культурологической мини-конференции выступил О.Т. Ермишин, сделав вступительный доклад на тему «П.П. Сувчинский и его переписка с современниками». Об участии П.П. Сувчинского в евразийстве и его политической эволюции рассказал Б.В. Назмутдинов, о музыкально-общественной деятельности героя вечера — О.А. Бобрик (Государственный институт искусствознания), а о его сотрудничестве с И.Ф. Стравинским — Е.В. Кривцова. Семинар, посвященный жизни и творчеству схииеромандрита Софрония (Сахарова) и традициям русской иконописи в эмиграции, состоялся 21 ноября под руководством К.Б. Ермишиной с участием художницы Анны Кузнецовой и иконописца Ирины Павловой. А 24 ноября Т.В. Марченко провела заседание в формате воркшопа. Его участники (Е.В. Кривцова, А.С. Кручинин, В.И. Вокресенский, В.В. Голубинов, Д.В. Акулова) выступили с докладами, сообщениями, музыкальными, книжными и видеопрезентациями, посвященными судьбам «Les ballets russes» в послереволюционное время и судьбам тех представителей русского искусства, кто в эмиграции продолжал традиции русского классического танца и не избегал смелых авангардных новаций, внес значительный вклад в развитие мирового музыкального и сценического искусства, балетной режиссуры,

кто познакомил мир с русским балетом. 21 декабря Н.В. Ликвинцева пригласила на собрание «Петербург Серебряного века в жизни и творчестве матери Марии (Е.Ю. Скобцовой; Кузьминой-Караваевой)», где раскрыла «петербургский текст» в творчестве матери Марии, а по ее петербургским адресам провел собравшихся А.А. Буров, старший научный сотрудник Государственного музея истории религии (Санкт-Петербург). 25 декабря состоялся подготовленный Н.И. Герасимовым совместно с коллегами — философами и юристами — круглый стол «Философия права русского зарубежья: история и современность».

Обзор написан при участии Н.В. Ликвинцевой.

Благодарим за информационную поддержку сетевой журнал «Музеумания» и лично А.В. Трубецкого (Facebook #МУЗЕУМАНИЯ (AudioMuseum)).

М.Ю. Сорокина

«1917 ГОД В ИСТОРИИ И СУДЬБЕ РОССИЙСКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ»:
МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКАЯ
КОНФЕРЕНЦИЯ

Москва, 26–28 октября 2017

26–28 октября 2017 г. в Доме русского зарубежья имени Александра Солженицына состоялась международная научно-просветительская конференция «1917 год в истории и судьбе российского зарубежья», посвященная 100-летию юбилею русской революции.

Революция 1917 г. стала судьбоносной не только в истории российского государства и общества, но также Европы и всего мира. 100-летняя годовщина этих событий дает основательный повод для глубокой историко-научной рефлексии и для определения дальнейших перспектив научных исследований и историко-просветительских проектов, социальных и образовательных практик, связанных с изучением места и роли российской диаспоры в истории и современном мире.

Конференция собрала более 100 участников — потомков русских эмигрантов послереволюционной волны, научных экспертов, соотечественников, общественных деятелей, писателей и независимых исследователей, студентов и аспирантов из 19 стран мира — от Аргентины до Японии (Австрия, Германия, Италия, Латвия, Парагвай, Польша, Сербия, Словакия, США, Украина, Франция, Хорватия, Чехия, Швейцария и др.) и многих городов России (от Санкт-Петербурга до Владивостока и Севастополя). Среди научных экспертов конференции — 15 докторов наук и профессоров, 31 кандидат наук. Примерно четверть участников конференции — молодые исследователи до 30 лет.

На открытии конференции выступили заместитель министра иностранных дел РФ Г.Б. Карасин, член Совета Федерации профессор В.П. Лукин, председатель Всемирного координационного совета российских соотечественников М.В. Дроздов, посол Швейцарии в РФ господин И. Россье (Rossier), директор Исторического архива Белграда (Республика Сербия) Д. Гачич, профессор Свято-Сергиевского богословского института в Париже, председатель Союза дворян во Франции Д.М. Шаховской.

Открывая конференцию, директор Дома русского зарубежья В.А. Москвин отметил, что с самого основания Дом занимается изучением истории революции 1917 г. — ведь именно с этого времени начинается и русская эмиграция XX в. как явление, подобного которому по масштабу в истории нашей страны никогда до этого не было и, очень хочется надеяться, больше не будет. «Эволюционного, а не революционного, — вот какого пути хотелось бы желать нашей стране», — подчеркнул В.А. Москвин.

«Революция затронула большинство семей в России, — отметил статс-секретарь, заместитель министра иностранных дел РФ Г.Б. Карасин, — и на всех нас лежит ответственность во имя будущих поколений усвоить уроки столетней давности, сохранить объективную правдивую память о революционных годах». По словам Г.Б. Карасина, Дому русского зарубежья принадлежит ведущая роль в работе по сохранению и изучению наследия русской эмиграции. Правительственная комиссия по делам соотечественников, живущих за рубежом, подчеркнул он, всегда поддерживала и будет поддерживать эту работу.

Член Совета Федерации профессор В.П. Лукин, принимавший деятельное участие в процессе постепенного сближения России «материковой» и России зарубежной в бытность его Чрезвычайным и Полномочным Послом РФ в США в начале 1990-х гг., рассказал о созыве Первого конгресса соотечественников в 1991 г., о первом узнавании русскими эмигрантами в США новой демократической России и призвал «работать над культурным, цивилизационным воссоединением двух России». Эту идею поддержал в своем выступлении председатель Всемирного конгресса соотечественников, объединяющего представителей из 99 стран мира, М.В. Дроздов. Он рассказал, как совсем молодым человеком встречал в 1994 г. возвращение А.И. Солженицына с семьей во Владивостоке и помнит до сих пор слова писателя, сказанные тогда: «Я никогда не сомневался, что коммунизм рухнет, но всегда страшился, что выход из него и расплата могут быть ужасающе болезненными».

Чрезвычайный и Полномочный Посол Швейцарии в РФ Ив Россье приветствовал участников конференции, он отметил, что Швейцария хорошо понимает трагедию эмиграции — в середине XIX в. до трети населения Швейцарии эмигрировало в соседние, более богатые страны, и часто два швейцарца-солдата могли оказаться в воюющих друг с другом армиях. Своя, личная история, связанная с русской революцией, как оказалось, есть и у господина посла — когда-то, во время учебы в Канаде, ему довелось общаться с русской эмигранткой в третьем поколении, дед которой эмигрировал из России после революции 1917 г. Она продолжала считать себя русской, хотя родилась уже за рубежом и никогда не была в России, — отметил Ив Россье.

От имени ученых и архивистов Республики Сербия собравшихся приветствовал директор Исторического архива Белграда Драган Гачич, который напомнил о многих общих проектах с Домом русского зарубежья, например о выставке «Николай Краснов: русский зодчий Сербии», экспозиции, посвященной освобождению Белграда от фашистов, к 70-летию Великой Победы. Господин Гачич также поздравил Дом русского зарубежья с окончанием строительства нового здания Музея русского зарубежья и отметил, что дом является уникальной организацией, непосредственно связанной с изучением эмиграции. На церемонии открытия конференции было подписано соглашение о научном сотрудничестве между Домом русского зарубежья и Историческим архивом Белграда.

Церемонию открытия конференции также почтили своим присутствием Чрезвычайный и Полномочный Посол Республики Сербия в РФ господин Славенко Терзич и первый советник посольства госпожа Иванка Стаменкович, Чрез-

вычайный и Полномочный Посол Республики Парагвай в РФ господин Рамон Диас Перейра (Pereyra). В адрес участников и гостей конференции поступило приветствие от исполнительного директора Фонда поддержки и защиты прав соотечественников, проживающих за рубежом, И.К. Паневкина.

Яркое выступление профессора Свято-Сергиевского богословского института в Париже, председателя Союза русских дворян во Франции, давнего друга ДРЗ Дмитрия Михайловича Шаховского завершило церемонию открытия, став одновременно прекрасным стартом напряженной трехдневной работы конференции.

В рамках конференции состоялись заседания трех тематических секций: «1917 год и русское зарубежье: политика, идеология, культура — историческое значение и повседневные практики», «Интеллектуальный вклад русского зарубежья в развитие цивилизационного процесса», «Генеалогия памяти: семейные истории, музеи, архивы, некрополи русского зарубежья», — в ходе которых прозвучало более 60 докладов и сообщений, основанных как на новых архивных документах и материалах, так и на личном исследовательском и просветительском опыте докладчиков. На секциях многие известные ученые, исследователи и зарубежные соотечественники обсудили, как русская эмиграция способствовала осуществлению революционных изменений в России и как революционные события 1917 г. в свою очередь повлияли на судьбу русского зарубежья в XX столетии. В фокусе нашего форума были прежде всего человеческое измерение великих событий, индивидуальный опыт в своей уникальности и особенности — на фоне глобальной истории человечества, а также тот значительный интеллектуальный вклад, который русское зарубежье вносило и вносит в развитие цивилизационного процесса. Особое внимание участники конференции уделили обсуждению того, как память о русском зарубежье и его проблемах и достижениях, победах и драмах, выдающихся и не очень представителей живет и сохраняется в современном мире.

Три круглых стола — «История русской революции в творчестве Александра Солженицына», «Что и как рассказать нашим детям о русском зарубежье» и «Русское зарубежье о государственном крушении России в 1917 году. Армия и революция» — стали важными вехами научно-просветительского форума и вызвали большой интерес среди участников и гостей конференции, обозначив многие перспективы деятельности Дома русского зарубежья и всего сообщества соотечественников.

Так, ведущие круглого стола «Что и как рассказать нашим детям о русском зарубежье», заведующие отделами ДРЗ Т.В. Марченко и М.Ю. Сорокина, поставили перед его участниками весьма актуальные и волнующие многих сегодня вопросы: «Что такое для вас русское зарубежье и послеоктябрьская эмиграция — историческая память или актуальное явление, национальная трагедия, практики выживания и сохранения идентичности, стратегии интеграции и достижения успеха, социально-историческая проблема и/или семейная история?»; «С каким именем/именами для вас связано понятие “русское зарубежье”?»; «Как транслировать наши знания и на каком языке говорить с детьми/молодежью/потомками о русском зарубежье?»; «Какие форматы могут быть интересны с точки зрения

исторической перспективы?»; «Стоит ли включать историю русской эмиграции и интеграции в школьный/университетский курс (отечественной истории, политической истории, истории литературы, истории культуры)?». Участники круглого стола, а среди них были известные писатели А.А. Макушинский (Германия) и И.Н. Толстой (Чехия), профессор И. Антанасиевич (Сербия), российские блогеры и философы молодого поколения П. Сафронов, Н. Герасимов, М. Горюнов («Новая газета»), по-разному отвечали на поставленные вопросы, вызвав активный диалог и дискуссию с залом.

В работе круглого стола «История русской революции в творчестве Александра Солженицына» приняли участие известные ученые и общественные деятели: А.С. Немзер, Л.И. Сараскина, А.И. Музыкантский, Е.В. Иванова и др. Круглый стол «Русское зарубежье о государственном крушении России в 1917 году. Армия и революция» сделал акцент на выступлениях известных представителей современного русского зарубежья — Д.М. Шаховского (Франция), А.А. Трубецкого (Франция), В.Н. Грекова (Франция), А.Г. Рара (Германия) и др.

По традиции материалы конференции будут опубликованы отдельным изданием. Надеемся, что наша конференция создаст мощный импульс для организации новых исследовательских и просветительских проектов, объединяющих российских и зарубежных соотечественников, и поможет осмыслению новых тенденций в изучении миграционной истории в разных странах.

Кураторы конференции — заведующая отделом истории российского зарубежья ДРЗ канд. ист. наук М.Ю. Сорокина и заведующая отделом международного и межрегионального сотрудничества ДРЗ канд. филол. наук Е.В. Кривова.

И.Н. Тишина

X МЕЖДУНАРОДНЫЙ КИНОФЕСТИВАЛЬ
«РУССКОЕ ЗАРУБЕЖЬЕ»

Москва, 7–14 ноября 2016

Ежегодный Международный кинофестиваль «Русское зарубежье» традиционно вызывает особый интерес поклонников серьезного кинематографа: само название кинофорума настраивает зрителя на знакомство с непростым материалом игровых и документальных фильмов, повествующих о судьбах русской эмиграции со времени трагических событий 1917 г. и до дня сегодняшнего.

За девять лет работы фестиваля его конкурсанты и создатели фильмов, участвующие во внеконкурсной программе, представили около четырех сотен картин. В активе Десятого, юбилейного, МКФ — более сорока игровых и неигровых кинолент из разных стран и континентов русского рассеяния. Выразительными средствами кинематографа режиссеры, сценаристы, продюсеры рассказали нам о судьбах военных и священнослужителей, композиторов и литераторов, казачества и старообрядцев, наших молодых современников, оказавшихся за пределами своей исторической родины — России...

Директор Дома русского зарубежья Виктор Москвин и протоиерей храма Святой Великомученицы Екатерины на Всполье — Московского представительства Православной Церкви в Америке Христофор Хилл

Замечательный неигровой фильм Ирины Бахтиной «В поисках рая», представленный во второй день работы X МКФ, повествует о судьбах нескольких семей поморских старообрядцев. Сложнейшая тема русского старообрядчества, требующая проникновения не только в исторический контекст, но и в суть религиозно-нравственной проблематики существования староверов в современном мире, режиссером (повторим: в формате ненаучного документального кино), безусловно, раскрыта.

Герой киноленты — двадцатипятилетний Алексей Килин, член большого старообрядческого рода, из поколения в поколение сохраняющего «культурные коды XVII столетия». Пережив первый крупный раскол русского общества, старообрядцы не выдержали второго — великого противостояния Гражданской войны, покинув пределы России и рассеявшись по миру, как и миллионы соотечественников-эмигрантов... Что же зовет их на родину?.. Что заставляет превращать целинные земли в райские кущи невероятным физическим трудом, терпя унижения, юридическое бесправие и непонимание «цивилизованных» земляков?.. Ответ мы получили, посмотрев этот удивительный, трогательный фильм, с любовью и сочувствием рассказавший о феномене истинного патриотизма в пример нам — образованным и идущим в ногу со временем...

Режиссер, автор сценария и продюсер фильма «Не только за грехи наши...» Людмила Коршик посвятила свою работу памяти выдающегося религиозного деятеля русской эмиграции архиепископа Шанхайского и Сан-Францисского Иоанна (Максимовича). Картина строится на воспоминаниях бывших воспитанников детского приюта Святителя Тихона Задонского, открытого отцом Иоанном в довоенное время в русском Шанхае.

...В 1945 г. после прихода к власти Мао Цзэдуна русская диаспора в Китае разделилась: часть поселенцев, в том числе воспитанников отца Иоанна, вернулась в СССР, другие вынуждены были искать новое пристанище... Именно отец Иоанн добился организованного вывоза шести тысяч (!) российских беженцев на филиппинский остров Тубабао, — увы, ни одна страна мира, кроме Филиппин, не разрешила принять у себя такое количество взрослых, стариков и детей...

Транзит на Тубабао растянулся для русских эмигрантов из Китая почти на два года, и кто знает, что было бы с ними, если бы не очередной подвиг отца Иоанна, — владыка поехал в Америку и на коленях стоял на ступеньках Белого дома до тех пор, пока его просьба — принять в Соединенных Штатах русских сидельцев с Тубабао — не была услышана официальными лицами страны!..

Картина Елены Чавчавадзе и режиссера Галины Огурной «Врангель. Путь русского генерала» поражает высочайшей степенью проникновения ее создателей в материал — не только на уровне исторического знания, но и в контексте философского и нравственного осмысления событий Гражданской войны, исхода, последующей жизни и деятельности русской эмиграции на чужбине и роли в них выдающегося военачальника, государственного деятеля Петра Николаевича Врангеля.

Потомок старинного шведского рода, двоюродный племянник А.С. Пушкина, яркий, многогранный, целеустремленный — Петр Николаевич всецело следовал фамильному девизу Врангелей: «Сломаюсь, но не согнусь!» Он мог быть талант-

ливым горным инженером, литератором, но стал выдающимся военачальником и защитником российской государственности. «Я всей душой жажду прекращения Гражданской войны, — приводят создатели фильма слова генерал-лейтенанта Врангеля, — и каждая капля пролитой русской крови отзывается болью в моем сердце. Но борьба неизбежна, пока в России не установится настоящая государственная власть...»

В самых трагических обстоятельствах Петр Николаевич думал прежде всего о своем народе: в ноябре 1920-го под руководством П.Н. Врангеля состоялся организованный исход Русской армии и гражданских беженцев из Крыма, а позже — переброска армии с Галлиполи и Лемноса в Болгарию и Югославию...

В картине принимают участие авторитетные военные историки, в том числе И.В. Домнин, заместитель директора Дома русского зарубежья по вопросам культурно-исторического наследия; видные общественные деятели русской эмиграции — А.А. Трубецкой (Франция), А.Б. Арсеньев (Сербия), дочь П.Н. Врангеля Н.П. Врангель-Базилевская, сын П.П. Врангель (создатели ленты использовали интервью с Петром Петровичем 1992 г.). Фильм, безусловно, должен войти в образовательную программу средних и высших учебных заведений, дабы его главная миссия — просветительская — не ограничивалась единичными показами на телевидении среди пустых ток-шоу и развлекательных передач...

Игровой фильм режиссера Веры Сторожевой «Девять дней и одно утро», по опыту автора этих строк, оставит у зрителя долгое, стойкое и многогранное «послевкусие» — слишком современные и злободневны проблемы, обозначенные создателями картины. Подкупает в первую очередь правдивость и точность персонажей — без единой фальшивой интонации, жеста, слова и действия. Кажется, будто камера следует за реальными людьми, создавая в художественном пространстве картины эффект документалистики.

Один из главных героев ленты — старинный русский город, не названный вслух, но сразу же угадываемый зрителем — величественный, белокаменный, многозвонный Ростов Великий... Серебристая чешуя соборных куполов старого Ростовского кремля, торговые ряды, храмы, часовенки и внезапно открывающаяся панорама уходящего за горизонт озера Неро — все просится в объектив фотокамеры француза Мишеля, мужа модели русского происхождения Анны. Восхищенный аутентичным русским городом Мишель и его супруга — уроженка здешних мест, воспитанница детского дома, усыновленная французской семейной парой, — не замечают сначала, как красота природы и красота творения рук человеческих сменяются картинами пронзительной неустроенности бытия русского провинциального захолустья... Режиссер творит на контрастах, сопоставляя монументальность древней русской архитектуры и убогость так называемого частного сектора по соседству, ухоженность модели Анны и внешнюю неопрятность ее родной сестры, формировавшейся воспитателями детского дома и реалиями провинциального существования... Так кто же из них счастлив: внешне успешная топ-модель, одолеваемая паническими атаками, или не потерявшая внутренней силы и подлинной привязанности к своим корням ее сестра?.. Создатели фильма предоставляют право ответа на этот вопрос самим зрителям...

В рамках фестиваля его организаторы представили несколько тематических вечеров и встречу с соотечественниками из Австралии и США.

Тематический вечер, посвященный истории лагеря русских беженцев на Филиппинах (1949–1951), и открытие выставки «“Русское время” острова Тубабао» стали органичным продолжением фильма «Не только за грехи наши...». Инициатор создания выставки — председатель Конгресса русских американцев Наталья Георгиевна Сабельник (США), в полуторогодовалом возрасте оказавшаяся на Тубабао вместе с семьей — потомственными забайкальскими казаками, бежавшими в Китай из России от ужасов Гражданской войны.

Посетители экспозиции увидели документы, фотографии, письма, личные вещи тех, кто и в филиппинских джунглях не переставал чувствовать себя русскими... На одной из стен — трогательный красный сарафанчик и фотография маленькой девочки в этом же сарафанчике — Наташи Сабельник, которую сегодня мы благодарим за удивительное, деятельное чувство долга и за сохраненную, несмотря ни на что, русскость...

Замечательный вечер «Волшебник светотени. Великий аниматор и художник Александр Алексеев» его организаторы посвятили выдающемуся русскому художнику-эмигранту, иллюстратору, изобретателю «игольчатого экрана» Александру Алексеевичу Алексееву. О вкладе А.А. Алексеева в отечественную и мировую сокровищницу анимации говорили приглашенные гости — киноведы, искусствоведы, литераторы. Несколько фрагментов анимационных картин мастера и ленту 1934 г. «Ночь на Лысой горе» большинство из присутствующих увидели впервые.

...Казалось, что и свет, и тени, и многочисленные оттенки белых, серых и черных тонов движутся воедино с каждой интонацией гениальной музыки Мусоргского. Двигалась сама материя одного неразделимого действия цвета и звука, формы и ритма, создавая удивительное впечатление целостности и в то же время безграничности творческого воображения... «Ночь на Лысой горе» — признанный шедевр мировой анимации, полный национального колорита и той русскости, которую Александр Алексеев сохранил до конца своей творческой и человеческой жизни на чужбине...

Тематический вечер «Русский экспедиционный корпус (1916–1918). Дорога домой длиною в сто лет» был организован в честь столетия создания русских особых бригад для ведения боевых действий на территории Франции и Балканских стран в годы Первой мировой войны. О трагической судьбе корпуса и его воинов было известно немногим, но в последние годы благодаря подвижнической деятельности потомков героев во Франции, российских историков память о подвиге русского воинства на чужбине возвращается из почти векового забвения. Русским особым бригадам — именно так называли сформированные отряды добровольцев для помощи нашим союзникам — посвящен фильм режиссера, президента Международного кинофестиваля «Русское зарубежье» Сергея Зайцева «Погибли за Францию», созданный на основе серьезнейших исторических документов, кинохроники, научных работ, мемуаров и свидетельств потомков героев ленты.

По инициативе Натальи Родионовны Малиновской, дочери маршала Р.Я. Малиновского, чей славный воинский путь начинался со службы в Русском экспе-

Наталья Малиновская и Сергей Зайцев

диционном корпусе, в России создано Общество памяти русских особых бригад во Франции и на Балканах (1916–1918). Ведущий вечера, руководитель общества Александр Миссонов, внук ефрейтора 1-й пулеметной роты 5-го особого полка корпуса Петра Гавриловича Миссонова, рассказал об истории создания особых бригад, представил уникальные фотографии столетней давности. На экране — бравые, осанистые, безусые и усатые — русские солдаты и офицеры, вынесшие на своих плечах тяготы Великой войны и кровавого революционного лихолетья...

Пятый день работы фестиваля подарил гостям и участникам интереснейшую встречу с нашими соотечественниками — Александром Ильным (Мельбурн, Австралия) и Ивом Франкьеном (Сан-Франциско, США).

Александр Александрович Ильин — педагог-хореограф в Русском этническом представительстве штата Виктория, известный в русской Австралии общественный деятель, приглашенный на X МКФ в качестве почетного гостя и члена жюри конкурса игровых фильмов. Для встречи с участниками и гостями фестиваля А. Ильин подготовил презентацию о семье и своем жизненном и творческом пути.

Почетный гость X МКФ, заместитель председателя Музея-архива русской культуры в Сан-Франциско, действительный член Русского географического общества Ив Франкьен представил зрителям презентацию под названием «Русский путь Ива Франкьена». «Несмотря на бельгийские имя и фамилию, — акцентировал г-н Франкьен, — я глубоко русский человек, воспитанный русской матерью...»

Павел Мирзоев

Обладателем традиционной награды Международного кинофестиваля «Русское зарубежье», медали имени Михаила Чехова, стал выдающийся русский художник, режиссер, мультипликатор Александр Петров. Организаторы фестиваля представили к показу фрагменты анимационных лент всемирно известного мастера: «Корова» (1989), «Русалка» (1996), «Моя любовь» (2006). В 2000 г. за картину «Старик и море» по одноименной повести Э. Хемингуэя А. Петров получил премию Американской киноакадемии «Оскар»...

Главного приза жюри конкурса неигровых фильмов удостоилась документальная лента «Наум Коржавин. Время дано...» режиссера Павла Мирзоева, созданная к 90-летию со дня рождения выдающегося российского поэта.

Лауреаты и участники X МКФ «Русское зарубежье»

РЕЗЮМЕ

УДК 7.038.53:78; 725.821; 725.822

А.Б. Арсеньев

Феномен «русской оперы» в Нови-Саде (1920–1925)

Нови-Сад, независимый исследователь
E-mail: arsenjev@neobee.net

В 1920 г. впервые при Сербском национальном театре в Нови-Саде была создана оперная труппа — с солистами, оркестром, хором и скромным балетом. В течение пяти театральных сезонов (1920/21–1924/25) эта труппа представила зрителям 17 опер мирового репертуара и около тридцати оперетт. Подавляющее большинство солистов в ней были русские беженцы (до 15), в основном — бывшие артисты оперных театров Москвы, Петербурга, Киева, Одессы, Варшавы и Тифлиса. Скромный оперный хор состоял исключительно из русских. В труппе находились и русские дирижеры, режиссеры, хореографы, технический персонал, декораторы, суфлер.

На основании частично сохранившихся документов по истории театра тех лет (архив полностью сгорел при пожаре в здании театра в январе 1928 г.) в исследовании впервые подробно представлено участие русских в каждой оперной постановке. Выборочно приводятся газетные рецензии об их выступлениях, а также заметки о частых гастролях русских солистов Белградской оперы. Публикуются биографии певцов и дирижеров.

Ключевые слова: русские оперные певцы, русская эмиграция в Сербии, оперная труппа, оперный репертуар, Сербский национальный театр в Нови-Саде, биографии русских певцов и дирижеров.

УДК 94 (497.1) + 72

Дж. Боровняк

Российские архитекторы и инженеры — эмигранты в Белграде между двумя мировыми войнами

Белград, Республика Сербия, Архив Югославии
E-mail: borovnjak@arhivyu.rs

Российские специалисты в области архитектуры и градостроительства, эмигрировавшие в Королевство сербов, хорватов и словенцев / Югославию, оставили значительный след в сербском зодчестве межвоенного периода (первая половина XX в.), и особенно в облике столицы — Белграда. Здесь трудились три поколения русских зодчих. Наиболее выдающиеся русские архитекторы и инженеры получили работу в ведущих национальных организациях королевства; некоторые имели собственные конструкторские бюро. Помимо проектирования официальных государственных зданий в академи-

ческом стиле, русские специалисты очень быстро овладели проектированием и в другом, неофициальном государственном стиле — сербско-византийском. После убийства короля Александра в Марселе в 1934 г. русские архитекторы потеряли своего первого и главного покровителя, а немецкая оккупация страны и Вторая мировая война, как и период после освобождения, привели к тому, что русским эмигрантам, в том числе инженерам и архитекторам, пришлось снова оказаться на дороге новых миграций.

Ключевые слова: русская эмиграция, архитекторы, инженеры, Королевство СХС / Югославия, Белград.

УДК 94(497.1)”1931/1952”

М. Живанович

**Приют Российского общества Красного Креста для престарелых,
инвалидов и нетрудоспособных в городе Велика-Кикинда**

Белград, независимый исследователь
E-mail: milana.zivanovic@yahoo.com

В статье рассматривается благотворительная деятельность Приюта Российского общества Красного Креста для престарелых, инвалидов и нетрудоспособных в городе Велика-Кикинда (Воеводина, Югославия) в период с 1931 по 1952 г. — вплоть до прекращения его существования. Анализируется положение и жизнь призреваемых в приюте и русских инвалидов в Королевстве СХС / Югославии. В работе использованы материалы и документы Исторического архива Кикинды, Архива Югославии в Белграде и русской эмигрантской прессы в межвоенный период.

Ключевые слова: приют, Российское общество Красного Креста, Велика-Кикинда, Югославия, благотворительность, инвалиды.

УДК 94

К.К. Семенов

**Святыни Русской армии
в храме Святой Троицы в Белграде (1924–1944 гг.)**

Москва, Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына
E-mail: ksemenov.mh@gmail.com

В статье рассматривается история хранения в белградском храме Св. Троицы реликвий Русской армии и праха ее последнего главнокомандующего — генерала П.Н. Врангеля.

В середине 1920-х гг. Белград являлся одним из главных центров русской военной эмиграции. Строительство храма Св. Троицы и последовавшая передача в него на хранение знамен Русской армии сделали церковь важным элементом в общественной

жизни Русского общевойскового союза. Это повлекло за собой организацию силами союза охраны храма, а затем и перенос праха П.Н. Врангеля. В 1944 г., накануне вступления в Белград советских войск, знамена были вывезены чинами добровольческого полка «Варяг» в Дрезден и переданы главе Российского национального и социального движения полковнику Н.Д. Скалону.

Ключевые слова: Белград, Сербия, Врангель, РОВС, знамена, святыни.

УДК 94(497.1) + 94(47).084.9 СССР

М.Ю. Сорокина

**И.Н. Голенищев-Кутузов (1904–1969):
К истории возвращения в СССР**

Москва, Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына
E-mail: msorokina61@gmail.com

Статья вводит в научный оборот новые документы, раскрывающие механизм «возвращения» русских ученых-эмигрантов в СССР после Второй мировой войны на примере известного филолога И.Н. Голенищева-Кутузова (1904–1969). Случай И.Н. Голенищева-Кутузова показывает, как советская научная элита не только способствовала, но даже боролась за восстановление ученого в полноценном научном статусе, соответствующем его научным заслугам.

Ключевые слова: русская эмиграция, русское зарубежье, история славистики, русский Белград, социальная история науки, И.Н. Голенищев-Кутузов.

УДК 821.112.2 + 821.161.1 + 92 + 94 + 321

Г. Риггенбах

**Аля Рахманова — Галина фон Хойер:
Поэзия и правда**

Базель, Швейцария
E-mail: hriggenbach@bluewin.ch

Уникальная даже на фоне необычных эмигрантских судеб XX в. история русской / немецкоязычной писательницы Али Рахмановой (творческий симбиоз русскоязычного автора Галины Дюрягиной-фон Хойер и ее мужа и переводчика австрийца Арнульфа фон Хойера) рассматривается на основе материалов из ее книжного и рукописного наследия, хранящегося в Государственном архиве кантона Тургау (Staatsarchiv Thurgau; Фрауэнфельд, Швейцария). Исследование сфокусировано на трех малоизученных темах: высылка семьи фон Хойер из Советского Союза в 1926 г., отношение жившей в Зальцбурге семьи к национал-социализму после аншлюса Австрии и бегство супругов в Швейцарию в апреле 1945 г.

Ключевые слова: русская литература XX в., немецкоязычная литература XX в., эго-документ, дневники, автобиографическая проза, биография, зарубежные архивы, большевизм vs. национал-социализм, выбор русской эмиграции во Второй мировой войне.

УДК 821.112.2 + 821.161.1 + 92 + 94 + 321

Т.В. Марченко

**По параллельному руслу:
Об Але Рахмановой и ее автобиографической трилогии**

Москва, Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына
E-mail: tvmarch@mail.ru

Аля Рахманова оставила огромное наследие, ее архив обширен и многообразен. Однако он интересен не только сохранившимися документами и рукописями, но и лакунами, не позволяющими исследователю точно и полно ответить на целый ряд вопросов, касающихся биографии и творчества писательницы. Автор статьи размышляет о возникновении псевдонима Аля Рахманова, о сплаве биографического, исторического и художественного в самой прославленной дневниковой трилогии писательницы и представляет в своем переводе с немецкого на русский язык отрывки из книги «Студенты, любовь, ЧК и смерть» (1931), одним из персонажей которой является В.В. Вейдле.

Ключевые слова: Аля Рахманова, Владимир Вейдле, русская литература, немецкая литература, псевдонимы, дневники, автобиография, перевод.

УДК 241.1 + 215

Н.В. Ликвинцева

**Ответы «Парижского богословия» на вызовы русской революции:
Протоиерей Сергей Булгаков и мать Мария (Скобцова)**

Москва, Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына
E-mail: natalia.likvintseva@gmail.com

Автор статьи рассматривает, как тема революции отразилась в биографиях и творчестве двух религиозных мыслителей русского зарубежья — протоиерея Сергея Булгакова и матери Марии (Скобцовой). Проанализированы разные аспекты их творческого наследия: эго-документы и художественная проза, связанная с ними тема исторического свидетельства; философские работы, поднимающие вопросы о предпосылках революции и исторической судьбе России; попытка богословского решения поднятых революцией социальных вопросов, осмысление проблем социальной общности, труда, дела и страдания в богословских построениях обоих мыслителей.

Ключевые слова: революция, богословие и религиозная философия русского зарубежья, протоиерей Сергей Булгаков, мать Мария (Скобцова).

УДК 821.054.7

Ф.Б. Поляков

Неизвестные берлинские автографы Михаила Горлина

Австрия, Вена

E-mail: fedor.poljakov@univie.ac.at

Литературное наследие поэта, переводчика и историка литературы Михаила Горлина (1909–1942) до сих пор не собрано. Настоящая статья посвящена новонайденным рукописным автографам с несколькими стихотворениями и письмом, обращенным к Сергею Вольфу, постоянному участнику берлинского Клуба поэтов. Из семи обнаруженных стихотворений в настоящей статье полностью приводятся только неопубликованные тексты.

Ключевые слова: Михаил Горлин, Раиса Блох, Сергей Вольф, берлинский Клуб поэтов.

УДК 82 + 821.1 61.1

И.Н. Толстой

Свеча и огарок:

Издание «Доктора Живаго» как личная инициатива

Прага, Радио Свобода / Свободная Европа

E-mail: ivan.tolstoi@gmail.com

В статье публикуются три предисловия 1959 г. к прижизненным изданиям «Доктора Живаго». Два из них написаны для малоформатного парижского издания, известного как «желтый Пастернак» и ошибочно приписываемого издательству «Посев»: анонимный текст и изначальный вариант Бориса Филиппова, извлеченный из его бумаг в библиотеке Байнеке Йельского университета (первая публикация). Третье предисловие воспроизводится по франкфуртскому сокращенному изданию романа, не учтенному в пастернаковской библиографии.

Ключевые слова: Пастернак, «Доктор Живаго», «Société d'Édition et d'Impression Mondiale», «Посев», НТС, ЭКСПО-58, Фельтринелли, «Мутон», Борис Филиппов, Глеб Струве, ЦРУ, Паоло Манкозу, ЦОПЭ, Лазарь Флейшман.

УДК 821.161.1

М.А. Васильева

«Незамеченное поколение» как предмет изучения

Москва, Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына
E-mail: marijasil@mail.ru

«Незамеченное поколение» — широкая тема, объединившая специальный тематический блок. В его основу вошли материалы научного коллоквиума «Незамеченное поколение: Взгляд из XXI века», приуроченного к 110-летию со дня рождения В.С. Варшавского (1906–1978). Коллоквиум состоялся в Доме русского зарубежья имени Александра Солженицына 29 ноября 2016 г. Разнообразие тем и широкий диапазон современного изучения описанного Варшавским феномена еще раз подтверждают, насколько актуальна сегодня «поколенческая» тема в эмигрантоведении и в гуманитарных науках в целом.

Ключевые слова: русская эмиграция, Владимир Варшавский, незамеченное поколение, научный семинар, новые темы в эмигрантоведении.

УДК 821.161.1

Е.Н. Проскурина

Грани «незамеченности»: Историко-биографические и литературные проекции метафоры В. Варшавского

Новосибирск, Институт филологии Сибирского отделения РАН
E-mail: proskurina_elena@mail.ru

Книга В. Варшавского «Незамеченное поколение» заложила основу осмысления судьбы молодой эмиграции первой волны как поколенческой драмы. Для современной России она стала одним из импульсов активизации исторической памяти, вскрывающей трагедийную суть революционной эпохи. В художественном творчестве младоэмигрантов трагедия времени отразилась на экзистенциальном отказе героев произведений от существования, их неучастия в наличествующем бытии. Однако в не меньшей мере тяга к «незамеченности» характеризует поведенческие стратегии советских людей революционного и пореволюционного поколений. Отъезд в глубинку, вынужденная смена имени и пр. в эпоху сталинского террора давали жителям страны робкую надежду на самосохранение. Исследование проблемы, проведенное на художественном, документальном, публицистическом материале, показало: если молодые первоэмигранты воспринимали свою «незамеченность» как трагедию, то для обманутых революцией советских людей в первые послеоктябрьские десятилетия она становится мечтой, возможностью сохранения жизни.

Ключевые слова: В. Варшавский, «незамеченное поколение», революция 1917 г., историческая память, Б. Поплавский, Г. Газданов, А. Платонов, Е. Керсновская, Д. Мирский, автодокументалистика, стратегии поведения, поколенческий сюжет.

УДК 82 (82-1/29)

Е.В. Капинос

**«Онегин» по-китайски:
«Поэма без предмета» В. Перелешина**

Новосибирск, Институт филологии Сибирского отделения РАН
E-mail: dzerv@mail.ru

Статья посвящена «Поэме без предмета» В. Перелешина, автора младшей ветви харбинской эмиграции. Поэма создана по модели пушкинского «Евгения Онегина» во второй половине XX века и представляет собой «энциклопедию» русской литературной жизни Китая 1920–40-х гг. Важным структурным моментом поэмы является то, что в русский текст включено множество китаизмов. Китаизмы (как и заимствованная лексика в целом) не только добавляют экзотики, но и разрушают языковую монотонность текста, меняют его состав. Языковое разнообразие поэмы — это явление одной природы с экфрасисностью текста, с его способностью сочетать в себе множество картин, соединенных между собой не сюжетными, а словесно-фонетическими связями или лирической эмоцией.

Ключевые слова: русская эмиграция в Китае 1920–40-х гг., В. Перелешин, К. Батурин, В. Март, поэма, роман в стихах, «Евгений Онегин» А.С. Пушкина, «Поэма без предмета» В. Перелешина, М. Кузмин, сюжетика, мотивика, иноязычные заимствования в поэтическом тексте.

УДК 821.161.1 Варшавский + 821.161.1 Достоевский + 82.091

В.М. Димитриев

**Генезис «рассеянной» памяти в прозе В.С. Варшавского 1920–1930-х годов
(В.С. Варшавский, Ф.М. Достоевский, А. Бергсон)**

Санкт-Петербург, Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН
E-mail: ganthenbein@gmail.com

В художественной прозе В.С. Варшавского 1920–30-х гг. в качестве конструктивного центра творческого метода выступает особая концепция памяти. На материале трех ранних произведений Варшавского можно проследить развитие мотива «рассеянной» памяти, раскрываемого в оппозиции я — другой и утверждаемого в форме нарративного описания «рассеянного» я. Мотив «рассеянной» памяти в прозе Варшавского, имея непосредственный историко-литературный контекст, с одной стороны, во многом наследует формам памяти-воспоминания в романе Ф.М. Достоевского «Подросток». С другой стороны, философским основанием для осмысления памяти в прозе и публицистике Варшавского является философия А. Бергсона. Нюансируя смысловые акценты во временном облике героя (представителя «младшего» поколения эмиграции), Варшавский создает вариативные тексты, в которых постулат памя-

тования о другом становится возможностью организовать сообщество помнящих, заряженных энергией будущего подвига.

Ключевые слова: В.С. Варшавский (1906–1978), Ф.М. Достоевский, А. Бергсон, русский Монпарнас, «младшее» поколение русской эмиграции, концепция памяти, герой, роман «Подросток», сообщество.

УДК 821.161.1

Е.Ю. Куликова

Абиссинские новеллы Павла Булыгина

Новосибирск, Институт филологии Сибирского отделения РАН
E-mail: kulis@mail.ru

В статье выявляются экзотические мотивы в абиссинских новеллах поэта и прозаика Павла Булыгина — «контрреволюционера», участника Первой мировой войны, корниловского Ледяного похода (1918), сражавшегося в Белой армии и пытавшегося освободить Николая II из плена, впоследствии покинувшего Россию и расследовавшего дело об убийстве императорской семьи, чему посвящена его книга «Убийство Романовых. Достоверный отчет». В Абиссинии Булыгин жил в 1924–1934 гг., об этой стране он писал, вдохновленный Африкой Гумилева, — одного из своих любимых поэтов. Гумилев был любим Булыгиным и за творчество, и за судьбу — такую показательную для советской России. Материалом для исследования послужили новеллы Булыгина «Соу Джин» («Человек-гиена». Очерк из абиссинской жизни), «Обезьянья царица», «Занду и Шанко», «Леваша», «Утопленница. Письмо из Абиссинии».

Ключевые слова: экзотические мотивы, новелла, очерк, эссе, интертекст, Павел Булыгин, Николай Гумилев.

УДК 82 (091+14)

«...Общность судеб людей по обе стороны “занавеса”»: Письмо Наума Коржавина к Владимиру Варшавскому

Вступительная статья, подготовка текста и примечания М.А. Васильевой

М.А. Васильева
Москва, Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына
E-mail: marijavasil@mail.ru

В Доме русского зарубежья имени Александра Солженицына, в фонде писателя Владимира Варшавского (Ф. 54) хранится адресованное ему письмо Наума Коржавина (датируется 30 мая 1977). Автор письма поднимает тему, ставшую актуальной в современном литературоведении, — общности судеб молодого пореволюционного поколения, расколотого на две части: тех, кто ушел в эмиграцию, и тех, кто остался в советской России. Документ публикуется впервые.

Ключевые слова: переписка 1970-х гг., книга Владимира Варшавского «Незамеченное поколение», статья Наума Коржавина «Судьба Ярослава Смелякова», проблема пореволюционного поколения.

УДК 821.161.1 + 821.133.1

**«Духовное возрождение в России»:
Выступление Г.П. Федотова на Франко-русской студии**
Вступительная статья, комментарии и перевод Т. Викторовой

Т. Викторова
Франция, Страсбургский университет
E-mail: tatiana.victoroff@gmail.com

Впервые на русском языке публикуется выступление Г.П. Федотова на Франко-русской студии, объединившей на рубеже 1920–30-х гг. французских интеллектуалов и представителей русской культурной эмиграции. Текст был произнесен Федотовым на последнем заседании студии 28 апреля 1931 г., посвященном духовному возрождению во Франции и в России. Анализ Федотовым русского религиозного обновления XIX — начала XX столетия сопровождался докладом Станисласа Фюме, известного литературного критика и католического писателя, о схожих процессах во французской культурной среде.

Ключевые слова: Г.П. Федотов, Франко-русская студия, позитивизм, этика любви, Евангелие «сострадания», атеистический нигилизм, славянофильство, западничество, Достоевский, Толстой, сверхконфессиональное христианство В. Соловьева, русский символизм, софиология, русское декадентство, антропософия А. Белого, «новое религиозное сознание», Мережковский, оцерковление жизни.

УДК 93/94-930.1

В.И. де Фариа э Кастро
Воспоминания (1917–1920 гг.)

*Публикация, вступительная статья, подготовка текста
и комментарии М.М. Горинова-мл.*

М.Л. Горинов-мл.
Москва, Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына
E-mail: mihaile_gorinov@mail.ru

Впервые публикуется фрагмент воспоминаний В.И. де Фариа э Кастро за 1917–1920 гг. из фонда Всероссийской мемориальной библиотеки архива Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына.

Ключевые слова: Владимир де Фариа э Кастро, Виктор Кордашевский, Рауданы, Гатчина, Гражданская война, Новочеркасск.

УДК 2(27)

**Из переписки архимандрита Софрония (Сахарова)
и архиепископа Василия (Кривошеина):
Судьбы русских афонитов в Европе после Второй мировой войны**

*Публикация К.Б. Ермишиной и А.А. Кузнецовой. Вступительная статья,
подготовка текста и комментарии К.Б. Ермишиной*

К.Б. Ермишина

Москва, Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына

E-mail: xenia_ermishina@mail.ru

А.А. Кузнецова

Москва, Московский Союз художников

E-mail: anjkb@yandex.ru

Вступительная статья к публикации писем архим. Софрония (Сахарова) и архиеп. Василия (Кривошеина) содержит малоизвестные факты биографий этих выдающихся иерархов. В миру Сергей Сахаров (архим. Софроний) был талантливым художником, Всеволод Кривошеин (еп. Василий) — сыном А.В. Кривошеина, известного политика и сподвижника П. Столыпина. В эмиграции оба стали первыми студентами Свято-Сергиевского православного богословского института в Париже, но вскоре оставили учебу и отправились на Афон, где приняли монашество. Более 20 лет они подвизались на Афоне, однако по причине гражданской войны в Греции вернулись в Европу. На краткое время их жизненные пути разошлись. Благодаря начавшейся переписке между архим. Софронием и архиеп. Василием до нас дошли письма этих выдающихся деятелей и богословов XX в. В конце статьи приведены воспоминания об архим. Софронии (Сахарове) митрополита Бельгийского Афинагора (Пекштадта), которыми он поделился в интервью А. Кузнецовой, данном специально для «Ежегодника Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына».

Ключевые слова: история искусства России XX в., богословие личности, наследие старца Силуана Афонского, переписка выдающихся церковных деятелей в эмиграции.

УДК 340.123

**«Дорогой мой друг Петр Николаевич»:
Письма Н.Н. Алексева к П.Н. Савицкому (1957–1961)**

*Предисловие Б.В. Назмутдинова. Подготовка текста и комментарии
О.Т. Ермишина и Б.В. Назмутдинова*

Б.В. Назмутдинов

Москва, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
E-mail: ethemerr@gmail.com

О.Т. Ермишин

Москва, Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына
E-mail: rfm@bfrz.ru

Данная публикация включает письма государствоведа и юриста Н.Н. Алексева (1879–1964) к экономисту, географу и публицисту П.Н. Савицкому (1895–1968). Письма печатаются впервые по архивным источникам, хранящимся в Славянской библиотеке (Прага, Чехия), и охватывают период 1957–1961 гг. Н.Н. Алексева, который пишет из Швейцарии в Чехословакию, рассказывает о своей жизни во время Второй мировой войны и в послевоенный период, о научной работе и планах по написанию книг и статей; обсуждает публикацию своих воспоминаний в «Новом журнале», историю евразийского движения, жизнь русской эмиграции и т. д. В приложении даны сохранившиеся копии избранных писем П.Н. Савицкого к Н.Н. Алексеву.

Ключевые слова: философия права, русская эмиграция, евразийство, история России, история культуры, европейская цивилизация, политика.

УДК 821.054.7

**Переписка Г.А. Хомякова с В.С. и Т.Г. Варшавскими,
1962–1983 гг.**

*Публикация, подготовка текста, вступительная статья и комментарии
М.А. Васильевой, П.А. Трибунского и В. Хазана*

М.А. Васильева

Москва, Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына
E-mail: marijvasil@mail.ru

П.А. Трибунский

Москва, Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына
E-mail: pt2140@yandex.ru

В. Хазан

Иерусалим, Еврейский университет в Иерусалиме
E-mail: vladimirkhazan6@gmail.com

Публикуемая переписка двух писателей, Г.А. Хомякова (?–1984) и В.С. Варшавского (1906–1978), а также письма Хомякова к Т.Г. Варшавской (1923 г.р.) охватывает

три основные темы: подготовка и издание альманаха «Мосты» (1960-е гг.), работа на Радио Свобода (1960–70-е гг.), работа В.С. Варшавского над своими произведениями и их публикация (1960–80-е гг.).

Ключевые слова: Г.А. Хомяков (Андреев), В.С. Варшавский, Т.Г. Варшавская, переписка, журнал «Мосты», Радио Свобода.

УДК 061.3

Н.И. Герасимов

Круглый стол «История анархистской эмиграции»

Москва, 19 мая 2017

Москва, Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына
E-mail: nickgerasimow@yandex.ru

Обзор включает в себя краткий очерк о специфических аспектах истории анархистской эмиграции как предмета исследования, а также основное содержание выступлений и докладов.

Ключевые слова: анархизм, эмиграция, русские анархисты.

УДК 14, 821.161.1, 78.01, 745/749, 726

Т.В. Марченко

Научно-просветительский проект «Отражения»

Москва, Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына
E-mail: tvmarch@mail.ru

Проект «Отражения» — это презентация учеными результатов их научных исследований по истории философии и литературы русского зарубежья, культурному и духовному наследию эмиграции. В обзоре представлена хроника первых собраний нового научно-просветительского цикла.

Ключевые слова: русское зарубежье, русская философия, русская литература XX в., рецепция, изобразительное и прикладное искусство, русская архитектура, русская музыка, анархизм.

УДК 061.3

М.Ю. Сорокина

**«1917 год в истории и судьбе российского зарубежья»:
Международная научно-просветительская конференция**

Москва, 26–28 октября 2017

Москва, Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына
E-mail: msorokina61@gmail.com

Обзор международной научно-просветительской конференции «1917 год в истории и судьбе российского зарубежья», состоявшейся 26–28 октября 2017 г. в Москве в Доме русского зарубежья имени Александра Солженицына.

Ключевые слова: русская революция, российское зарубежье, культура памяти, некрополистика.

УДК 791.43.079

И.Н. Тишина

X Международный кинофестиваль «Русское зарубежье»

Москва, 7–14 ноября 2016

Москва, Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына
E-mail: tishina70@mail.ru

Статья посвящена X Международному кинофестивалю «Русское зарубежье», состоявшемуся с 7 по 14 ноября 2016 г. в Доме русского зарубежья имени Александра Солженицына. Автор статьи вкратце характеризует наиболее яркие события и конкурсные киноленты каждого фестивального дня, рассказывает о тематических вечерах, выставках и встречах с соотечественниками в рамках работы кинофестиваля, представляет киноленту, награжденную главным призом фестиваля, а также обладателя специальной награды — медали имени Михаила Чехова.

Ключевые слова: русское зарубежье, русская эмиграция, Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына, Международный кинофестиваль «Русское зарубежье».

SUMMARY

A.B. Arsenjev

The Phenomenon of «The Russian Opera» in Novi Sad (1920–1925)

Novi Sad, Independent researcher
E-mail: arsenjev@neobee.net

In 1920, an Opera company with soloists, orchestra, choir and modest ballet, was founded by Serbian National Drama Theatre in Novi Sad. During five theatrical seasons (1920/21–1924/25), this company prepared 17 opera spectacles covering world repertoire and about 30 operettas. The majority of soloists were Russian refugee-emigrants (about 15). Mostly they were former artists from opera theatres in Moscow, Saint-Petersburg, Kiev, Odessa, Warsaw and Tiflis. A small opera choir was formed only by Russians. Among the members of the company were also a few Russian music directors, producers, choreographers and one prompter.

The article gives the first detailed description of the Russian participation in every opera spectacle there. It is based upon a fragmentary documentation rescued from the archive which was completely destroyed by fire in the theatre building in 1928. Some reviews of the performances of Russian singers published in local newspapers were quoted, as well as the reviews of the frequent guest performances of the Russian soloists from Belgrade Opera. The article also includes some biographies of Russian singers and music directors.

Keywords: Russian opera singers, Russian émigrés in Serbia, Serbian National Drama Theater Novi Sad, opera company, opera repertoire, biographies of Russian singers and music directors.

Dj. Borovnjak

Russian Émigré Architects and Engineers in Belgrade Between World Wars

Belgrade, Republic of Serbia, Archive of Yugoslavia
E-mail: borovnjak@arhivyu.rs

Russian émigré architects made a significant architectural contribution to the Belgrade, the capital of the Kingdom of SHS / Yugoslavia in period between two World Wars. Three generations of Russian architects lived and worked in Belgrade. The most distinguished Russian architects and engineers were employed in leading state institutions; some of them had its own design offices. Mostly, they worked in the academic and classicist styles, but were great in the Serbian-byzantine style (Serbian «unofficial» national architectural style) too. After the assassination of King Alexander in Marseilles (1934), Russian architects lost their

main patron and maecenas. During and after the World War II, Russian emigrants found themselves in another way of the new migration — to the North and South Americas.

Keywords: Russian emigration, architects, engineers, Kingdom of SHS / Yugoslavia, Belgrade.

M. Zhivanovich

**The Nursing Home of Russian Red Cross
in Velika Kikinda**

Belgrade, Independent researcher
E-mail: milana.zivanovic@yahoo.com

The author examines the work of the Nursing home of Russian Red Cross in Velika Kikinda (Vojvodina, Yugoslavia) from 1931 until 1952. The article analyzes the status and lives of the people living in the nursing home and disabled Russians in the Kingdom of SHS / Yugoslavia. The paper is based on materials and documents of the Historical Archive of Kikinda, Archive of Yugoslavia in Belgrade and Russian emigration press from the interwar period.

Keywords: The Nursing home, Russian Red Cross, Velika Kikinda, Yugoslavia, charity, disabled.

K.K. Semenov

**Relics of the Russian Army at the Russian Orthodox
Holy Trinity Church in Belgrade, 1924–1944**

Moscow, Alexander Solzhenitsyn Centre for Studies of Russia Abroad
E-mail: ksemenov.mh@gmail.com

The article traces back the history of preservation of Russian army's relics and the ashes of its last Commander-in-Chief, General P.N. Wrangel, at the Russian Orthodox Holy Trinity Church in Belgrade.

In the mid 1920-s Belgrade was one of the most prominent centres of Russian military emigration. The construction of a Holy Trinity Church and the subsequent transfer of Russian army's banners for preservation had turned this Church into an important element of social life of the Russian All-Military Union (ROVS). This led to a Church being guarded by the forces of ROVS and then to the carrying over of P.N. Wrangel's remains. In 1944, prior to the entrance of Soviet troops into Belgrad, the banners were transported to Dresden by the servants of a Volunteer Regiment «Variag» and there handed over to the head of the Russian National and Social Movement (RNSD) Colonel N.D. Skalon.

Keywords: Belgrade, Serbia, Russian All-Military Union, Wrangel, banners, relics.

M. Yu. Sorokina

**Ilia Golenishchev-Kutuzov (1904–1969):
Back to the USSR**

Moscow, Alexander Solzhenitsyn Centre for Studies of Russia Abroad

E-mail: msorokina61@gmail.com

The article introduces new documents that reveal the mechanism of the «return» of Russian emigrant scientists to the USSR after the Second World War on the example of the famous philologist I.N. Golenishchev-Kutuzov (1904–1969). The Golenishchev-Kutuzov case shows how the Soviet scientific elite not only promoted, but even fought for the restoration of the scholar in full scientific status, corresponding to his scientific merits.

Keywords: Russian emigration, Slavic Studies, Russian Belgrade, history of philology, the social history of science, I. Golenishev-Kutuzov.

H. Riggensch

Alja Rachmanowa — Galina von Hoyer: Poetry and Truth

Basel, Switzerland

E-mail: hriggensch@bluewin.ch

The story of the Russian / German-speaking writer Alja Rachmanowa (a creative symbiosis of a Russian-language author, Galina Duryagina-von Hoyer, and her husband and translator, an Austrian Arnulf von Hoyer) is unique, even against the background of the unusual expat fates of the 20th century. Its study is based on materials from her book and manuscript heritage kept in the State Archives of the Canton Thurgau (Staatsarchiv Thurgau; Frauenfeld, Switzerland). The study focuses on the three hardly studied topics: the expulsion of the von Hoyer family from the Soviet Union in 1926, the attitude of the Salzburg family to National Socialism after the Anschluss of Austria, and the flight of spouses to Switzerland in April 1945.

Keywords: Russian literature of the 20th century, German-speaking literature of the 20th century, Ego-document, diaries, autobiographical prose, biography, foreign archives, Bolshevism vs. Nazism, the choice of Russian emigration in the Second World War.

T.V. Marchenko

**On a Parallel Course:
About Alja Rachmanowa and Her Autobiographic Trilogy**

Moscow, Alexander Solzhenitsyn Centre for Studies of Russia Abroad

E-mail: tvmarch@mail.ru

Alja Rachmanowa left a huge legacy. Her vast and varied archive is interesting, however, not only for preserved documents and manuscripts, but also because of gaps that prevent

a researcher to answer the questions concerning the biography and creative works of the discussed women writer completely. The author of the article speculates on the origin of the pseudonym Alja Rachmanowa, and on the composition of biographical, historical, and fictional elements in her most famous trilogy in a form of diary. The excerpts from the book «Students, Love, Cheka, and Death» (1931), in which V.V. Weidle is a character, are presented in translation from German into Russian.

Keywords: Alja Rachmanova, Vladimir Veidle, Russian literature, German literature, pseudonyms, diaries, autobiography, translation.

N.V. Likvintseva

**Answers of «Paris Theology»
to the Challenges of Russian Revolution:
Rev. Sergey Bulgakov and Mother Maria (Skobtsova)**

Moscow, Alexander Solzhenitsyn Centre for Studies of Russia Abroad
E-mail: natalia.likvintseva@gmail.com

The author of the article examines how the revolution of 1917 was reflected in biographies and writings of two thinkers of Russian emigration, i.e. Rev. Sergey Bulgakov and Mother Maria (Skobtsova). To answer this question different aspects of their creative heritage are analyzed. Basing on ego-documents and prose we show how they understood the issues of the historical witness. Philosophical writings allow to come nearer to their vision of the prerequisites of the Russian revolution as well to understand more clearly their view of the historical destiny of Russia. It goes also about theological approach to the social concerns raised by the revolution, particularly about theological interpretation of the problems of social solidarity, labor, action and suffering given by both thinkers.

Keywords: revolution, theology and religious philosophy of Russian emigration, Rev. Sergey Bulgakov, Mother Maria (Skobtsova).

F.B. Poljakov

The Unknown Berlin Autographs by Mikhail Gorlin

Austria, Wien
E-mail: fedor.poljakov@univie.ac.at

The literary heritage of the poet, translator and historian of literature Mikhail Gorlin (1909–1942) has not yet been collected. This article is devoted to new-found hand-written autographs of the several poems and a letter addressed to Sergei Volf, a regular participant of the Berlin Poets' Club. Only full versions of unpublished texts have been cited in the article.

Keywords: Mikhail Gorlin, Raisa Blokh, Sergei Wolf, the Berlin Poets' Club.

I.N. Tolstoy

**The Candle and the Candle-end:
The Publication of «Doctor Zhivago» as Personal Initiative**

Prague, Radio Free Europe / Radio Liberty

E-mail: ivan.tolstoi@gmail.com

This article contributes three important pieces of evidence to the history of Pasternak's Doctor Zhivago. The first two concern the small-format «Doctor Zhivago», published in Paris in 1959 and known as the «Yellow Pasternak», which bibliographers continue to mistakenly attribute to the emigre publishing house «Posev». The text of the anonymous preface to the «yellow» edition is republished in this article along with its first draft, the latter discovered recently in the Boris Filippov Papers at Yale's Beinecke Library. Finally, the article introduces the editorial preface to a 1959 abridged edition of «Doctor Zhivago», which has so far remained unmentioned by Pasternak's bibliographers.

Keywords: Pasternak, «Doctor Zhivago», «Société d'Édition et d'Impression Mondiale», «Possev», NTS, EXPO-58, Feltrinelli, «Mouton», Boris Filippov, Gleb Struve, CIA, Paolo Mancosu, TSOPE, Lazar Fleishman.

M.A. Vasilieva

«Unnoticed Generation» as a Subject Matter

Moscow, Alexander Solzhenitsyn Centre for Studies of Russia Abroad

E-mail: marijavasil@mail.ru

«Unnoticed generation» — the wide subject which has united the special thematic block. Its basis had included materials of the Russian abroad of the scientific colloquium dated for the 110 anniversary since the birth of V. Varshavsky (1906–1978) which has taken place in the Alexander Solzhenitsyn Centre for Studies of Russia Abroad (29 November 2016). A variety of subjects and wide range of modern studying of the phenomenon described by Varshavsky once again confirm how urgent today is the «generational» subject in diaspora studies and in the humanities in general.

Keywords: the Russian emigration, Vladimir Varshavsky, unnoticed generation, scientific seminar, new subjects in diaspora studies.

E.N. Proskurina

**The Verge of «Unnoticedness»: Historical-biographical
and Literary Projection of the Metaphor of V. Varshavsky**

Novosibirsk, Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences

E-mail: proskurina_elena@mail.ru

«Unnoticed generation» by V. Varshavsky laid the foundation for the understanding of the fate of the young emigration the first wave as a generational drama. For modern Russia

it became one of the pulses of activation of historical memory, revealing the tragic essence of the revolutionary era. In art of young immigrants tragedy of time is reflected in the existential refusal of the heroes from existence, their nonparticipation is present in Genesis. However, in as much as craving for «unnoticedness» characterizes the behavioral strategies of the Soviet people the revolutionary and post-revolutionary generations. Departure in the Outback, forced change of name, etc. in the era of the Stalinist terror gave the inhabitants of the country of timid hope for self-preservation. The research, carried out on films, documentaries, journalistic material, showed: if young performance he saw his «unnoticedness» as a tragedy, then deceived by the revolution of the Soviet people in the early post-revolutionary decades, it becomes a dream, the opportunity to save lives.

Keywords: V. Varshavsky, «unnoticed generation», the revolution of 1917, historical memory, B. Poplavsky, G. Gazdanov, A. Platonov, E. Kersnovskaya, D. Mirsky, autodocumentation, behavior strategies, a generational story.

E. V. Kapinos

**«Onegin» in Chinese:
«The Poem Without an Object» by V. Pereleshin**

Novosibirsk, Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
E-mail: dzerv@mail.ru

The article is dedicated to «The poem without an object» by V. Pereleshin who is the author of the young branch of Harbinic emigration. The poem was created according to the model of Pushkin's «Eugene Onegin» in the second half of XX century and it's an «encyclopedia» of Russian literary life of China in 1920–1940. The important structural moment is plenty of «sinoisms» in Russian text. Sinoisms (as well as borrowed vocabulary altogether) not only add some exotics but also destroy linguistic monotony of the text, change its composition. The linguistic diversity of the poem is phenomenon of one essence with ecphrasticity of text with its ability to combine plenty of paintings connected between themselves not the plot but verbal-phonetic links or lyrical emotion.

Keywords: Russian emigration in China 1920–1940, V. Pereleshin, K. Baturin, V. Mart, poem, novel in verse, «Eugene Onegin» by A.S. Pushkin, «The poem without an object» by V. Pereleshin, M. Kuzmin, plot structure, complex motif, foreign borrowings in poetic text.

V.M. Dimitriev

**The Genesis of the «Dispersed» Memory in the Prose by V.S. Varshavskii
in the 1920–1930s (V.S. Varshavskii, F.M. Dostoevskii, A. Bergson)**

Saint-Petersburg, the Institute of Russian Literature (Pushkin House), Russian Academy of Sciences
E-mail: ganthenbein@gmail.com

In the prose by V.S. Varshavskii in the 1920–1930 the special memory conception is the clue to the writer's artistic technique. Basing on three early works by Varshavskii, one

can trace the development of the motif of «dispersed» memory revealed in the opposition I and Other and described in the form of a narrative description of the «dispersed» self. The motif of «dispersed» memory in the prose by Varshavskii, having a direct historical and literary context, inherits in many ways the forms of memory and recollection in the novel by F.M. Dostoevskii «The Adolescent». On the other hand, the philosophy of A. Bergson is the philosophical basis for understanding memory in the prose by Varshavskii. Having chosen the representative of the «younger» émigrés as a hero, Varshavskii creates different texts in which the postulate of remembering of the Other becomes an opportunity to organize a community of remembering, waiting for the future exploits.

Keywords: V.S. Varshavskii (1906–1978), F.M. Dostoevskii, A. Bergson, russian Montparnasse, younger émigré, memory conception, protagonist, the novel «The Adolescent», community.

E. Yu. Kulikova

Pavel Bulygin's Abyssinian Novels

Novosibirsk, Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
E-mail: kulis@mail.ru

In the article the exotic motives are revealed in the Abyssinian novels of the poet and novelist, Pavel Bulygin — «counter-revolutionary», the participant of The First World War, Kornilov's Ice Trip (1918), fighting in The White army and trying to release Nicolay II from the captivity, afterwards he left Russia and investigated the murder of Imperator's family, and the book «The murder of the Romanov. Reliable report» is dedicated to it. Bulygin lived in Abissinia in 1924–1934, he wrote about this country, inspired by Gumilev's Africa, — one of his favourite poets. Gumilev was liked by Bulygin for creation and for fate which was demonstrative for Soviet Russia. The materials for research were Bulygin's novels «Sou Djin» («Hyenaman». The feature article of Abissinian Life), «Monkey tsarina», «Zandu and Shanko», «Levasha», «Drowned woman. The letter from Abyssinia».

Keywords: exotic motives, novel, feature article, essay, intertext, Pavel Bulygin, Nicolay Gumilev.

«...Communion of People's Fate on Both Sides of "Curtain"»: Naum Korzhavin's Letter to Vladimir Varshavsky

The publication, preparation of the text, introduction and comments by M.A. Vasilieva

M.A. Vasilieva
Moscow, Alexander Solzhenitsyn Centre for Studies of Russia Abroad
E-mail: marijavasil@mail.ru

In the Alexander Solzhenitsyn Centre for Studies of Russia Abroad, in Vladimir Varshavskij fund (F. 54) Naum Korzhavin's letter addressed to him is stored (date: 30 May 1977).

The author of the letter raises the subject which has become relevant in modern literary criticism — communities of fate of the younger post-revolutionary generation split into two parts: those who have gone to emigration and those who remained in the Soviet Russia. The document is published for the first time.

Keywords: correspondence of the 1970th years, book by Vladimir Varshavsky «Un-noticed generation», Naum Korzhavin's article «Yaroslav Smelyakov's Fate», problem of the post-Revolutionary generation.

**«Spiritual Revival in Russia»:
G.P. Fedotov Speaking in the Franco-Russian Studio**

The introduction, comments and translation by T. Viktoroff

T. Victoroff
France, University of Strasbourg
E-mail: tatiana.victoroff@gmail.com

This is the first publication of G.P. Fedotov's speech in the Franco-Russian Studio, which between the 1920s and 1930s brought together French intellectuals and Russian cultural émigrés. The speech was given at the last meeting, April 28th, 1931, dedicated to spiritual revival in France and in Russia. Fedotov's analysis of the Russian religious revival in the XIX–XX centuries was accompanied by a lecture on similar processes in the French cultural milieu by Stanislas Fumet, a literary critic and catholic writer.

Keywords: Franco-Russian Studio, positivism, ethic of love, Gospel of «compassion», Atheistic nihilism, slavophiles and westernisers, Dostoyevsky, Tolstoy, supraconfessional Christianity of V. Solov'ev, Russian symbolism, sophiology, Russian decadence, A. Belyj's anthropology, «new Religious consciousness» of Merezhkovskij, «ecclesialisation de la vie».

Vladimir de Faria e Castro

The Memoirs of 1917–1920

*The publication, preparation of the text, introduction
and comments by M.M. Gorinov-jr.*

M.M. Gorinov-jr.
Moscow, Alexander Solzhenitsyn Centre for Studies of Russia Abroad
E-mail: mihail_gorinov@mail.ru

The memoirs of V.I. de Faria e Castro for the period of 1917–1920 are published for the first time. They are stored in the fund of Russian memorial library of the Archive of the Alexander Solzhenitsyn Centre for Studies of Russia Abroad.

Keywords: Vladimir de Faria e Castro, Viktor Kordashevsky, Raudany, Gatchina, civil war, Novocherkassk.

**Correspondence between Archimandrite Sophrony (Sakharov)
and Archbishop Vasily (Krivoshein): The Fate and Fortuns
of Russian Athonites in Europe after the Second World War**

*The publication by K.B. Ermishina and A.A. Kuznetsova. The introduction,
preparation of the text and comments by K.B. Ermishina*

K.B. Ermishina

Moscow, Alexander Solzhenitsyn Centre for Studies of Russia Abroad

E-mail: xenia_ermishina@mail.ru

A.A. Kuznetsova

Moscow, Moscow Artist's Union

E-mail: anjkb@yandex.ru

In the introductory article to the published correspondence between Archimandrite Sophrony (Sakharov) and Archbishop Vasily (Krivoshein) are given some little-known biographical facts of these outstanding hierarchs. Before monasticism, Archimandrite Sophrony was a talented artist and Vsevolod Krivoshein was a son of famous politician, P. Stolypin's right-hand man. After emigrating, both became students of the first class of the St. Sergius Theological Institute in Paris. Both men soon left their studies, however, and went to Athos where they took monastic vows. For more than 20 years, they struggled in asceticism on Mount Athos. Both men left Mt. Athos because of the civil war in Greece and returned to Europe. For a brief period, their life paths diverged. They entered into letters exchange and thus we have inherited the correspondence of these outstanding figures and theologians of the 20th century. The end of the book contains personal recollections of Archimandrite Sophrony, from Metropolitan Athenagoras (Pekstadt) of Belgium which were recorded in an interview with A. Kuznetsova specifically for the «Yearbook of the Alexander Solzhenitsyn Centre for Studies of Russia Abroad».

Keywords: history of the Russian art of the 20th century, theology of the person, legacy of the elder Silouan the Athonite, correspondence of outstanding church figures of the Russian emigration.

«My Dear Friend Petr Nikolaevich»:

N.N. Alexeev's Letters to P.N. Savitsky (1957–1961)

The introduction by B.V. Nazmutdinov. The preparation of the text comments

By B.V. Nazmutdinov and O.T. Ermishin

B.V. Nazmutdinov

Moscow, National Research University «Higher School of Economics»

E-mail: ethemerr@gmail.com

O.T. Ermishin

Moscow, Alexander Solzhenitsyn Centre for Studies of Russia Abroad

E-mail: rfm@bfrz.ru

This paper includes letters of political theorist and jurist Nickolai Alexeyev (1879–1964) to economist and geographer Piotr Savitsky (1895–1968). The letters are published for the

first time according to archival sources, located in Slavonic library (Prague, Czech Republic). Letters cover the period of 1957–1961s and are were sent from Switzerland to Czechoslovakia. They contain Alexeyev's impressions on the Second World War and Post-War period, his views on academic future, the publication of his papers in «Novyi Zhurnal» («New Journal»), history of the Eurasianist Movement, everyday life of Russian emigration. Several selected copies of extant letters of Savitzky to Alexeyev are attached.

Keywords: legal philosophy, Russian emigration, Eurasianism, Russian history, cultural history, European Civilization, politics.

**G.A. Homjakow and V.S. and T.G. Varshavsky
Correspondence, 1962–1983**

*The publication, preparation of the text, preface and notes
by M.A. Vasilieva, P.A. Tribunskii and V. Khazan*

M.A. Vasilieva

Moscow, Alexander Solzhenitsyn Centre for Studies of Russia Abroad

E-mail: marijavasil@mail.ru

P.A. Tribunskii

Moscow, Alexander Solzhenitsyn Centre for Studies of Russia Abroad

E-mail: pt2140@yandex.ru

V. Khazan

Jerusalem, The Hebrew University of Jerusalem

E-mail: vladimirkhazan6@gmail.com

The above published correspondence between two writers G.A. Homjakow (?–1984) and V.S. Varshavsky (1906–1978), as well as letters of G.A. Homjakow to T.G. Varshavskaya (b. 1923) deal with three major topics: publication of serials «Mosty» (1960s), activity of Radio Liberty (1960–1970s) and work of V.S. Varshavsky on his articles and novel as well as publication of them (1960–1980s).

Keywords: G.A. Homjakow (Andreev), V.S. Varshavsky, T.G. Varshavskaya, correspondence, magazine «Mosty», Radio Liberty.

N.I. Gerasimov

Round Table «The History of Anarchist Emigration»

Moscow, 19 may 2017

Moscow, Alexander Solzhenitsyn Centre for Studies of Russia Abroad

E-mail: nickgerasimow@yandex.ru

The review includes short essay of some specific aspects of the history of the anarchist problem as the subject of research and the general content of speeches and reports.

Keywords: anarchism, emigration, Russian anarchists.

T.V. Marchenko

Academic and Educational Project «Reflections»

Moscow, Alexander Solzhenitsyn Centre for Studies of Russia Abroad
E-mail: tvmarch@mail.ru

The «Reflections» Project: Results of researches on the history of philosophy and literature of the Russian emigration, its cultural and spiritual heritage are presented to a wide audience. A chronicle of the first meetings of the new academic and educational cycle is overviewed below.

Keywords: Russia abroad, Russian philosophy, Russian literature of the 20th century, perception, fine and applied arts, Russian architecture, Russian music, anarchism.

M.Yu. Sorokina

**«1917 in the History and Fate of the Russia Abroad»:
International Conference**

Moscow, 26–28 October 2017

Moscow, Alexander Solzhenitsyn Centre for Studies of Russia Abroad
E-mail: msorokina61@gmail.com

Review of the international conference «1917 in the history and fate of the Russia Abroad», held on 26–28 October 2017 in the Alexander Solzhenitsyn Centre for Studies of Russia Abroad (Moscow).

Keywords: Russian Revolution, Russia Abroad, the culture of memory, necropolis.

I.N. Tishyna

X International Film Festival «Russia Abroad»

Moscow, 7–14 November 2016

Moscow, Alexander Solzhenitsyn Centre for Studies of Russia Abroad
E-mail: tishina70@mail.ru

This article is dedicated to the X International Film Festival «Russia Abroad», which was held from 7 to 14 November 2016 in the Alexander Solzhenitsyn Centre for Studies of Russia Abroad. The author of the article briefly characterizes the brightest events and competitive films of every festival day, tells about the thematic evenings, exhibitions and meetings with compatriots within the forum, and presents the film awarded with the festival main prize as well as the winner of a special award — the Michael Chekhov Medal.

Keywords: Russia Abroad, Russian emigration, the Alexander Solzhenitsyn Centre for Studies of Russia Abroad, International Film Festival «Russia Abroad».

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Арсеньев Алексей Борисович,

независимый исследователь;

научные интересы: исследование жизни и деятельности русской эмиграции в Югославии.

21000, Нови-Сад, Сербия, Радничка, 41Б
arsenjev@neobee.net

Боровняк (Borovnjak) Джурджия,

историк искусства, архивист отдела организации и обработки архивных материалов и коллекций фондов Архива Югославии (Белград, Сербия);

научные интересы: история европейской и сербской архитектуры и городского планирования XIX–XX вв.

Архив Југославије
11000, Београд, Србија, Васе Пелагића, 33
borovnjak@arhivyu.rs

Васильева Мария Анатольевна,

кандидат филологических наук, ученый секретарь Дома русского зарубежья им. А. Солженицына; основатель и ответственный соредактор научной серии «Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына: Материалы и исследования», член редколлегии научной серии ДРЗ «Ex Cathedra»;

научные интересы: литературоведение русского зарубежья, творчество младоэмигрантов первой волны русской эмиграции.

109240, Москва, ул. Нижняя Радищевская, д. 2
marijavasil@mail.ru

Викторова Татьяна Владимировна,

кандидат филологических наук, профессор Страсбургского университета (Université de Strasbourg), член Института сравнительного изучения западноевропейских литератур, секретарь журнала «Вестник русского христианского движения» (Париж; Нью-Йорк; Москва);

научные интересы: история русской литературной эмиграции; жанр мистерии в средневековой и современной западной и русской литературе; поэзия русского Серебряного века в контексте европейской поэзии.

Université de Strasbourg
67081 Strasbourg, 4 Rue Blaise Pascal
tatiana.victoroff@gmail.com

Герасимов Николай Игоревич,

кандидат философских наук, старший научный сотрудник отдела культуры русского зарубежья Дома русского зарубежья им. А. Солженицына;

научные интересы: история анархистской эмиграции, история русской философии, социальная философия русского зарубежья.

109240, Москва, ул. Нижняя Радищевская, д. 2

nickgerasimow@yandex.ru

Горинов-младший Михаил Михайлович,

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории российского зарубежья Дома русского зарубежья им. А. Солженицына;

научные интересы: история России XIX — начала XX в.; Михаил Михайлович Карпович: научное и эпистолярное наследие; государственная и общественная деятельность графа Н.П. Игнатьева (1879–1908); Игнатьевы в эмиграции; российское медицинское зарубежье; русская эмиграция в Югославии и Чехословакии; историческое краеведение российского зарубежья.

109240, Москва, ул. Нижняя Радищевская, д. 2

info@bfrz.ru; mihail_gorinov@mail.ru

Димитриев Виктор Михайлович,

аспирант Института русской литературы (Пушкинского Дома) РАН. Отдел русской и зарубежных literatury;

научные интересы: русский классический роман, творчество Ф.М. Достоевского, русская эмиграция, русский Монпарнас, поэтика памяти, концепции памяти, нарратология, философия XX в.

199034, Санкт-Петербург, наб. Макарова, 4

ganthenbein@gmail.com

Ермишин Олег Тимофеевич,

доктор философских наук, доцент, ведущий научный сотрудник отдела культуры русского зарубежья Дома русского зарубежья им. А. Солженицына;

научные интересы: история русской философии, религиозно-философская мысль русской эмиграции 1920–30-х гг., научное наследие В.В. Зеньковского.

109240, Москва, ул. Нижняя Радищевская, д. 2

rfm@bfrz.ru

Ермишина Ксения Борисовна,

кандидат философских наук, старший научный сотрудник отдела культуры русского зарубежья Дома русского зарубежья им. А. Солженицына;

научные интересы: история евразийского движения, богословие архим. Софрония (Сахарова), В.Н. Лосского и других значительных философов и богословов эмиграции, древнерусская история, культура и музыка.

109240, Москва, ул. Нижняя Радищевская, д. 2

rfm@bfrz.ru

Живанович Милана,

магистр истории (аспирантка кафедры современной истории философского факультета Белградского университета);

научные интересы: история российско-сербских связей, русские некрополи в Сербии.

milana.zivanovic@yahoo.com

Капинос Елена Владимировна,

доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института филологии Сибирского отделения Российской академии наук (ИФЛ СО РАН);

научные интересы: литература русского зарубежья, авангард, поэзия XIX–XX вв., теория лирического сюжета.

639990, Новосибирск, ул. Николаева, 8
dzerv@mail.ru.

Кузнецова Анна Алексеевна,

член Московского союза художников (с 1992), журналист, куратор выставочных проектов;

научные интересы: богословие, искусство русского зарубежья, история искусства христианской церкви.

101000, Москва, Старосадский пер., 6
anjakb@yandex.ru

Куликова Елена Юрьевна,

доктор филологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник сектора литературоведения Института филологии Сибирского отделения Российской академии наук (ИФЛ СО РАН);

научные интересы: Серебряный век, французские традиции в лирике акмеистов, экзотические мотивы в литературе модернизма, литература русского зарубежья.

630090, Новосибирск, ул. Николаева, 8
kulis@mail.ru

Ликвинцева Наталья Владимировна,

кандидат философских наук, старший научный сотрудник отдела культуры российского зарубежья Дома русского зарубежья им. А. Солженицына;

научные интересы: творчество матери Марии (Скобцовой), богословская и религиозно-философская мысль XX в., культура русского зарубежья.

109240, Москва, ул. Нижняя Радищевская, д. 2
natalia.likvintseva@gmail.com

Марченко Татьяна Вячеславовна,

доктор филологических наук, заведующая отделом культуры Дома русского зарубежья им. А. Солженицына;

научные интересы: история русской литературы XIX–XX вв., литература русского зарубежья, поэтика художественной прозы, творчество Бунина, Шмелева, Осоргина, литературные музеи России, история присуждения Нобелевской премии русским писателям (по архивным материалам), парижский текст русского зарубежья.

109240, Москва, ул. Нижняя Радищевская, д. 2
tvmarch27@gmail.com

Назмутдинов Булат Венерович,

кандидат юридических наук, доцент Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ), кафедра теории и истории права;

научные интересы: классическое евразийство, история политических и правовых учений, теория права, критические концепции государства, право и визуальная культура
109028, Москва, Б. Трехсвятительский пер., 3

bnazmutdinov@hse.ru

Поляков Федор Борисович,

профессор, заведующий кафедрой русской литературы, Институт славистики Венского университета (Institut für Slawistik Universität Wien).

1010 Wien, Österreich, Universitätsring 1
fedor.poljakov@univie.ac.at

Проскурина Елена Николаевна,

доктор филологических наук, главный научный сотрудник Института филологии Сибирского отделения Российской академии наук (ИФЛ СО РАН);

научные интересы: русская литература XIX–XX вв., автодокументалистика, литература первой эмиграции.

630090, Новосибирск, ул. Николаева, 8
proskurina_elena@mail.ru

Риггенбах (Riggenbach) Генрих,

DPhil, независимый исследователь, переводчик;

научные интересы: русская литература и культура XIX–XX вв., швейцарско-русские и русско-швейцарские взаимосвязи.

hriggenbach@bluewin.ch

Семенов Константин Константинович,

старший научный сотрудник отдела истории российского зарубежья Дома русского зарубежья им. А. Солженицына;

научные интересы: военная эмиграция, коллаборационизм, гражданская война в Испании, Вторая мировая война.

109240, Москва, ул. Нижняя Радищевская, д. 2
ksemenov.mh@gmail.com

Сорокина Марина Юрьевна,

кандидат исторических наук, заведующая отделом истории российского зарубежья Дома русского зарубежья им. А. Солженицына;

научные интересы: история российского зарубежья, социальная история науки, в том числе научного зарубежья, некрополистика российского зарубежья, архивы зарубежья, история Второй мировой войны.

109240, Москва, ул. Нижняя Радищевская, д. 2
msorokina61@gmail.com

Тишина Ирина Николаевна,

член Союза писателей России, член Союза литераторов России, сотрудник отдела по развитию и связям с общественностью Дома русского зарубежья им. А. Солженицына;

научные интересы: культурное наследие русской эмиграции первой половины XX в., тургеневедение.

109240, Москва, ул. Нижняя Радищевская, д. 2
tishina70@mail.ru

Толстой Иван Никитич,

редактор историко-культурных программ на Радио Свобода, Русская служба;

научные интересы: русская литература и культура, история русской эмиграции.

Radio Free Europe / Radio Liberty

16000, Prague, Czech Republic, Vinohradska, 159A
Ivan.Tolstoi@gmail.com

Трибунский Павел Александрович,

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела литературы и печатного дела российского зарубежья Дома русского зарубежья им. А. Солженицына;
научные интересы: история науки, история российского либерализма, архивное наследие ученых, издательское дело.

109240, Москва, ул. Нижняя Радищевская, д. 2
pt2140@yandex.ru

Хазан Владимир Ильич,

профессор (PhD) Еврейского университета в Иерусалиме (The Hebrew University of Jerusalem), кафедра немецких, русских и восточноевропейских исследований;

научные интересы: история русской литературы XX в.; история эмигрантской литературы; русско-еврейский культурный диалог.

Dept. of German, Russian and East European Studies, The Hebrew University of Jerusalem, Mount Scopus
91905, Jerusalem, Israel
vladimirkhazan6@gmail.com

СОДЕРЖАНИЕ

РУССКАЯ ЭМИГРАЦИЯ В СЕРБИИ

- А.Б. Арсеньев.* Феномен «русской оперы» в Нови-Саде (1920–1925) 7
- Дж. Боровняк.* Российские архитекторы и инженеры — эмигранты
в Белграде между двумя мировыми войнами 46
- М. Живанович.* Приют Российского общества Красного Креста для престарелых,
инвалидов и нетрудоспособных в городе Велика-Кикинда 61
- К.К. Семенов.* Святыни Русской армии в храме Святой Троицы в Белграде
(1924–1944 гг.) 89
- М.Ю. Сорокина.* И.Н. Голенищев-Кутузов (1904–1969): К истории возвращения
в СССР 114

СТАТЬИ. ИССЛЕДОВАНИЯ. МАТЕРИАЛЫ

- Г. Риггенбах.* Аля Рахманова — Галина фон Хойер: Поэзия и правда 131
- Т.В. Марченко.* По параллельному руслу: Об Але Рахмановой и ее
автобиографической трилогии 164
- Н.В. Ликвинцева.* Ответы «Парижского богословия» на вызовы русской
революции: Протоиерей Сергей Булгаков и мать Мария (Скобцова) 182
- Ф.Б. Поляков.* Неизвестные берлинские автографы Михаила Горлина 203
- И.Н. Толстой.* Свеча и огарок: Издание «Доктора Живаго» как личная
инициатива 210

НЕЗАМЕЧЕННОЕ ПОКОЛЕНИЕ: ГЕНЕРАЦИЯ И ТЕКСТ

- М.А. Васильева.* «Незамеченное поколение» как предмет изучения 227
- Е.Н. Проскурина.* Грани «незамеченности»: Историко-биографические
и литературные проекции метафоры В. Варшавского. 230

<i>Е.В. Капинос. «Онегин» по-китайски: «Поэма без предмета» В. Перелешина.</i>	247
<i>В.М. Димитриев. Генезис «рассеянной» памяти в прозе В.С. Варшавского 1920–1930-х годов (В.С. Варшавский, Ф.М. Достоевский, А. Бергсон)</i>	265
<i>Е.Ю. Куликова. Абиссинские новеллы Павла Булыгина</i>	281
<i>«...Общность судеб людей по обе стороны “занавеса”»: Письмо Наума Коржавина к Владимиру Варшавскому. Вступительная статья, подготовка текста и примечания М.А. Васильевой</i>	290

ПУБЛИКАЦИИ

<i>«Духовное возрождение в России»: Выступление Г.П. Федотова на Франко-русской студии. Вступительная статья, комментарии и перевод Т. Викторовой.</i>	299
<i>В.И. де Фариа э Кастро. Воспоминания (1917–1920 гг.). Публикация, вступительная статья, подготовка текста и комментарии М.М. Горинова-мл.</i>	314
<i>Из переписки архимандрита Софрония (Сахарова) и архиепископа Василия (Кривошеина): Судьбы русских афонитов в Европе после Второй мировой войны. Публикация К.Б. Ермишиной и А.А. Кузнецовой. Вступительная статья, подготовка текста и комментарии К.Б. Ермишиной</i>	329
<i>«Дорогой мой друг Петр Николаевич»: Письма Н.Н. Алексеева к П.Н. Савицкому (1957–1961). Предисловие Б.В. Назмутдинова. Подготовка текста и комментарии О.Т. Ермишина и Б.В. Назмутдинова . . .</i>	351
<i>Переписка Г.А. Хомякова с В.С. и Т.Г. Варшавскими, 1962–1983 гг. Публикация, подготовка текста, вступительная статья и комментарии М.А. Васильевой, П.А. Трибунского и В. Хазана</i>	446

ХРОНИКА

<i>Н.И. Герасимов. Круглый стол «История анархистской эмиграции». Москва, 19 мая 2017.</i>	507
<i>Т.В. Марченко. Научно-просветительский проект «Отражения»</i>	512
<i>М.Ю. Сорокина. «1917 год в истории и судьбе российского зарубежья»: Международная научно-просветительская конференция. Москва, 26–28 октября 2017.</i>	520
<i>И.Н. Тишина. X Международный кинофестиваль «Русское зарубежье». Москва, 7–14 ноября 2016.</i>	524

Содержание

Резюме	530
Summary	543
Сведения об авторах	554

CONTENT

RUSSIAN EMIGRATION TO SERBIA

<i>A.B. Arsenjev.</i> The Phenomenon of «The Russian Opera» in Novi Sad (1920–1925)	7
<i>Dj. Borovnjak.</i> Russian Émigré Architects and Engineers in Belgrade Between World Wars	46
<i>M. Zhivanovich.</i> The Nursing Home of Russian Red Cross in Velika Kikinda	61
<i>K.K. Semenov.</i> Relics of the Russian Army at the Russian Orthodox Holy Trinity Church in Belgrade, 1924–1944	89
<i>M.Yu. Sorokina.</i> Ilia Golenishchev-Kutuzov (1904–1969): Back to the USSR	114

ARTICLES

<i>H. Riggerbach.</i> Alja Rachmanowa — Galina von Hoyer: Poetry and Truth	131
<i>T.V. Marchenko.</i> On a Parallel Course: About Alja Rachmanowa and Her Autobiographic Trilogy	164
<i>N.V. Likvintseva.</i> Answers of «Paris Theology» to the Challenges of Russian Revolution: Rev. Sergey Bulgakov and Mother Maria (Skobtsova)	182
<i>F.B. Poljakov.</i> The Unknown Berlin Autographs by Mikhail Gorlin	203
<i>I.N. Tolstoy.</i> The Candle and the Candle-end: The Publication of «Doctor Zhivago» as Personal Initiative	210

«UNNOTICED GENERATION»: GENERATION AND TEXT

<i>M.A. Vasilieva.</i> «Unnoticed Generation» as a Subject Matter	227
<i>E.N. Proskurina.</i> The Verge of «Unnoticedness»: Historical-biographical and Literary Projection of the Metaphor of V. Varshavsky	230
<i>E.V. Kapinos.</i> «Onegin» in Chinese: «The Poem Without an Object» by V. Pereleshin . . .	247

<i>V.M. Dimitriev. The Genesis of the «Dispersed» Memory in the Prose by V.S. Varshavskii in the 1920–1930s (V.S. Varshavskii, F.M. Dostoevskii, A. Bergson)</i>	265
<i>E.Yu. Kulikova. Pavel Bulygin’s Abyssinian Novels</i>	281
«...Communion of People’s Fate on Both Sides of “Curtain”»: Naum Korzhavin’s Letter to Vladimir Varshavsky. <i>The publication, preparation of the text, introduction and notes by M.A. Vasilieva</i>	290

PUBLICATIONS

«Spiritual Revival in Russia»: G.P. Fedotov Speaking in the Franco-Russian Studio. <i>The introduction, comments and translation by T. Viktoroff</i>	299
<i>Vladimir de Faria e Castro. The Memoirs of 1917–1920. The publication, preparation of the text, introduction and comments by M.M. Gorinov-jr.</i>	314
Correspondence between Archimandrite Sophrony (Sakharov) and Archbishop Vasily (Krivoshein): The Fate and Fortuns of Russian Athonits in Europe after the Second World War. <i>The publication by K.B. Ermishina and A.A. Kuznetsova. The introduction, preparation of the text and comments by K.B. Ermishina</i>	329
My Dear Friend Petr Nikolaevich»: N.N. Alexeev’s Letters to P.N. Savitsky (1957–1961). <i>The introduction by B.V. Nazmutdinov. The preparation of the text comments by B.V. Nazmutdinov and O.T. Ermishin</i>	351
G.A. Homjakow and V.S. and T.G. Varshavsky Correspondence, 1962–1983. <i>The publication, preparation of the text, preface and notes by M.A. Vasilieva, P.A. Tribunskii and V. Khazan</i>	446

ACADEMIC EVENTS

<i>N.I. Gerasimov. Round Table «The History of Anarchist Emigration». Moscow, 19 may 2017</i>	507
<i>T.V. Marchenko. Academic and Educational Project «Reflections»</i>	512
<i>M.Yu. Sorokina. «1917 in the History and Fate of the Russia Abroad»: International Conference. Moscow, 26–28 October 2017</i>	520
<i>I.N. Tishyna. X International Film Festival «Russian Abroad». Moscow, 7–14 November 2016</i>	524
Summary in Russian	530

Content

Summary in English	543
About the Authors	554

Ежегодник Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына, Е-361 2016 / [отв. ред. Н.Ф. Гриценко]. — М. : Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына, 2017. — 568 с. : ил.

ISSN 2313-7517

Настоящий выпуск «Ежегодника Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына» открывается разделом «Русская эмиграция в Сербии», в котором представлены статьи о русских артистах оперы, выступавших на сцене Сербского национального театра в Нови-Саде; о российских архитекторах и инженерах, эмигрировавших в Белград, и об их вкладе в сербскую архитектуру; о Приюте Российского общества Красного Креста для престарелых, инвалидов и нетрудоспособных в городе Велика-Кикинда и др. материалы. В раздел «Статьи. Исследования. Материалы» вошли работы, посвященные жизни и творчеству писательницы Али Рахмановой (Галины Дюрягиной-фон Хойер), протоиерея Сергея Булгакова и матери Марии (Скобцовой), литературному наследию Михаила Горлина; здесь же публикуются три предисловия 1959 г. к прижизненным изданиям романа «Доктор Живаго». Материалы научного colloquium «Незамеченное поколение: Взгляд из XXI века», приуроченного к 110-летию со дня рождения В.С. Варшавского (1906–1978), стали основой специального тематического блока «Незамеченное поколение: Генерация и текст». Кроме того, в выпуске впервые публикуется фрагмент воспоминаний В.И. де Фариа э Кастро из фонда Всероссийской мемориальной библиотеки архива Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына, обширная переписка Н.Н. Алексеева и П.Н. Савицкого, архим. Софрония (Сахарова) и архиеп. Василия (Кривошеина), Г.А. Хомякова и В.С. Варшавского, а также письма Хомякова к Т.Г. Варшавской и др. материалы.

В «Ежегоднике...» традиционно содержится хроника научной жизни Дома русского зарубежья и большое количество иллюстраций.

УДК 08
ББК 79.1

Научное издание

ЕЖЕГОДНИК
Дома русского зарубежья
имени Александра Солженицына
2017

Ответственный редактор
Гриценко Наталия Федоровна

Редактор *М.Л. Максимова*
Корректор *О.А. Савичева*
Верстка *П.А. Сандомирского*

Подписано в печать 01.12.17. Формат 70x100/16. Бумага писчая.
Гарнитура Minion Pro. Печ. л. 35,5. Тираж 500 экз. Заказ №

Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына
109240, Москва, ул. Нижняя Радищевская, д. 2
Тел.: (495) 915-10-80, 915-27-48
www.domrz.ru

ЗАО «Издательство «Русский путь»
125009, г. Москва, Газетный пер., д. 1/12, оф. 64
Тел.: (495) 629-04-82
E-mail: info@rp-net.ru
Сайт издательства: www.rp-net.ru
Сайт магазина «Русское Зарубежье»: www.kmrz.ru

Типография «Наука»
121099, г. Москва, Шубинский переулок, д. 6